

СИДНЕЙ И БЕАТРИСА ВЕББ

СОВЕТСКИЙ КОММУНИЗМ
НОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

ТОМ

II

2
СОСЗДАНИЕ 1967



SOVIET COMMUNISM: A NEW CIVILISATION?

By Sidney and Beatrice Webb

Vol. II

LONGMANS, GREEN AND CO., LTD

1936

Сидней и Беатриса Вебб

СОВЕТСКИЙ КОММУНИЗМ —НОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Том II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1937

ТОМ II

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВЕТСКОМ КОММУНИЗМЕ

«Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».

Карл Маркс

«...Для успешного управления необходимо, *кроме* умения убедить, кроме умения победить в гражданской войне, умение практически *организовать*. Это—самая трудная задача, ибо дело идет об организации по новому самых глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей. И это—самая благодарная задача, ибо лишь *после* ее *решения* (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия *стала* не только советской, но и социалистической республикой».

Ленин

ЛИКВИДАЦИЯ ПОМЕЩИКОВ И КАПИТАЛИСТОВ

Февральская революция 1917 г., которая смела царский режим, не была делом большевистских рук. В самом деле, Ленин приехал в Петроград лишь через три месяца, когда здание уже рухнуло от собственной гнилости. Это едва не произошло двенадцатью годами ранее. Еще в 1905 г., когда всеобщее возмущение фактами, вскрытыми благодаря японской войне, поколебало царский трон, можно сказать, во всех классах и частях нации раздавалось требование революции¹. Но считать, что этот народ составляет единую армию или что революция сама по себе представляет сплоченное движение единым фронтом к единой цели, значит настолько не разбираться в ситуации, что некоторые последующие процессы должны показаться чудом. В действительности не было и не могло быть полного согласия ни в вопросе о направлении, ни в вопросе о степени желаемых изменений; и в конкретном и положительном смысле слова происходила не одна революция, но целая серия параллельных революций². Крестьянство в целом было пассивно, городские рабочие разобщены. Отсутствие единства среди движущих сил не возмещалось упорной волей и наличием

¹ В 1905 г., как указывает внимательный исследователь, «большая или меньшая доля всех главнейших общественных классов России—крестьянства и дворянства, городских рабочих и буржуазии—принимала участие в попытке так или иначе изменить существующий порядок» {Г. Т. Робинсон, *Русская деревня при старом режиме*, 1932, стр. 164—на англ. языке).

² Там же, стр. 164; см. также «Мемуары графа Витте», изд. его вдовой, 1920, стр. 266—267 (на англ. языке). Витте записывает, что министр Плеве говорил генералу Куропаткину: «Нам нужна небольшая победоносная война, чтобы задержать поток революции».

определенной цели. Это дало царю возможность спастись самому и спасти весь правительственный механизм, пойдя на учреждение Думы, что казалось тогда крупной уступкой. Но вскоре обнаружилось, что ничто не изменилось. Самодержавный аппарат управления остался неприкосновенным. Через несколько лет значение Думы сведено было к нулю, а репрессии приобрели еще более тиранический характер. Разрозненные выступления крестьянства, которое отказывалось от уплаты обременительных налогов и податей и даже поднималось на разгром поместий и господских усадеб, было приведено в повиновение жесточайшей поркой. Непрерывно растущий класс фабрично-заводских рабочих и горняков, в значительной своей части работавший на предприятиях иностранных акционерных компаний, под началом директоров и мастеров иностранцев, совершенно лишен был прав заключения коллективных договоров¹. В 1907 г. были распущены все профессиональные союзы. Бюрократия прекратила всю работу земств. Если самые умеренные пожелания исходили от дворянства, то и это вызывало недовольство со стороны царя и в некоторых случаях влекло за собой разжалование и ссылку в отдаленные места. Насильственная руссификация угнетенных национальностей, составляющих в общем около половины всего населения, продолжалась даже в более жестоких формах. Пользование языками национальных меньшинств преследовалось; газеты, книги, школьное преподавание на этих языках—все было под запретом. В частности, евреи продолжали жить взаперти в своих гетто, в черте оседлости, разоряемые придирами и лихоимством властей, терзаемые умышленно спровоцированными погромами. Православная греческая церковь, со своим суеверным и невежественным духовенством, оставалась орудием притеснения многочисленных сект, а поведение знаменитого Распутина еще более содействовало возбуждению почти всеобщего гнева и омерзения, изливавшихся на царя с его двором и на весь режим. Эта был беспримерный в истории образец бездарного самодержца, который вместе с дегенеративной аристократией, тупоумным и растленным бюрократическим аппаратом слепо шел к собственной гибели.

Иронически звучит, когда говорят, что мировая война, уложившая потрясающие гекатомбы русских солдат, была задумана (как и в 1904 г.), по крайней мере, некоторыми государственными деятелями России, как средство предотвратить

¹ «За время от первой революции до войны промышленное производство в России приблизительно удвоилось» [*Л. Троцкий, История русской революции, т. I, стр. 29, на англ. языке*]. Этот процесс происходил в значительной мере под покровительством Витте (см. «Мемуары графа Витте», изд. его вдовой в 1920 г.).

страшное для них повторение народного восстания. Ленин, яснее провидевший события, сразу понял, что война неизбежно приведет к революции. Февральский взрыв 1917 г. не требовал ни вдохновения с его стороны, ни его присутствия. Чтобы привести в действие накопившиеся силы восстания, достаточно было сокрушительного разгрома скверно снаряженных, скверно снабжаемых и подчиненных невежественному командованию миллионов русских солдат, а также их отступления и дезертирства с фронта, которое началось еще в 1915 г. и непрерывно усиливалось. Когда Ленин прибыл в Петроград в апреле 1917 г., «буржуазная революция» уже совершилась, у власти было умеренно-либеральное республиканское правительство, открыто стоявшее за парламентскую демократию и за сохранение прав частной собственности. Задачей Ленина, к выполнению которой он сразу же привлек немногочисленную большевистскую партию, было превратить буржуазную революцию в революцию социалистическую, включающую в себя экспроприацию помещиков и капиталистов.

Крестьянство ликвидирует помещиков

В большинстве сельских районов крестьяне сами позаботились о «ликвидации помещиков», совершенно независимо от действий правительства или теории Маркса. Русский крестьянин, и бедный и зажиточный, никогда не покидал убеждения, что земля, которую он обрабатывает или с которой он изгнан, является его законной собственностью и что только мир имеет право и обязан периодически устраивать передел земли между всеми деревенскими хозяйствами. За двадцать лет до революции 1917 г. крестьянство в различных частях России стремилось ликвидировать помещиков по своему собственному суровому методу¹. Порка, тюрьма и виселица, применявшиеся в наказа-

¹ «За пятилетний период—по 1904 г. включительно—в Европейской России было несколько сот случаев аграрных беспорядков, включая поджоги зданий и даже случаи пагубного самоуправства над помещиками или их представителями; но эти беспорядки в большинстве случаев были сильно распылены в пространстве и времени. Как исключение, беспорядки 1902 г. в Харьковской и Полтавской губерниях были настолько концентрированы, что это движение можно было, пожалуй, назвать революцией в миниатюре... В движении участвовало свыше 160 деревень; за пять дней нападения подверглись около 80 поместий: в одной Полтавской губернии 75 помещиков последовательно предъявили иски о возмещении убытков на сумму до четверти миллиона рублей» (Г. Т. Робинсон, цит. соч., стр. 138).

Донесение командующего войсками сообщало, что «в Саратовской губернии свыше 300 имений потерпели убытки от беспорядков. В Балашовском уезде имеются места, где разрушены все господские дома. Страшное впечатление получается при осмотре разоренных имений. Крестьяне с поразительной жестокостью жгли и разрушали решительно все; не оставлено

ние за эти восстания, не могли предотвратить их повторения сегодня в одном месте, завтра в другом. Сдвиги, произведенные войной, ознаменованы были новыми массовыми жертвами. Сообщения о Февральской революции и отречении царя, при всеобщем ослаблении власти в провинции, вызвали вскоре почти повсеместную ликвидацию помещика—еще в тот период, когда Ленин скрывался от преследований полиции Керенского. Следующий пример даст читателю живое представление о том, что творилось повсюду. «В один сентябрьский день рокового 1917 г., у края дороги, пролегающей в Южно-Центральной степи, на телефонный столб вскарабкался человек и перерезал тонкую ниточку связи, соединявшую помещичий дом, лежащий к северу, с городами, полицейскими участками и бараками, идущими вдоль железнодорожной линии к югу. В известном смысле помещичий дом остался теперь совершенно одиноким, но на самом деле это было не так, потому что из его рощ виднелось несколько деревень. И вот этим двум стихиям—крестьянской и собственнической—на короткий миг предоставлено было каждой в отдельности противостоять друг другу. И через несколько часов имение было разгромлено, усадьба—в огне, а где-то в огненном кольце лежал мертвый хозяин дома»¹.

Таким образом, до захвата власти большевиками в октябре 1917 г. ликвидация помещиков в русской деревне в значительной мере была осуществлена грубо, но с определенными результатами, собственными силами крестьян. В течение следующего года этот процесс был в существенных чертах закончен. Это далеко не согласовалось с программой Ленина или его сторонников. Экспроприация барских домов и поместий могла представляться великим благом, хотя методы ее были весьма прискорбны. Но разрушение собственности несло неисчислимые

было камня на камне. Все было расхищено: зерно, продукты, домашняя утварь, мебель, скот, железные листы с крыши—словом, все, что только можно было увести или утащить; то, что оставалось, предавалось огню» (там же, стр. 175).

¹ Г. Т. Робинсон, цит. соч., стр. 64. Подробное описание аналогичных событий на Украине мы находим в книге *Владимир Коростовец*, *Посев и жатва*. В книге А. Р. Вильямс, *Земля российская*, приведены другие примеры. Статьи в «Славоник ревью» за июль 1933 и январь 1934 г. (*Ланселот А. Оуэн*, *Аграрная революция 1917 г. в России*) дают общий обзор этой огромной жакерии (все эти книги на англ. языке). См. также С. Дубровский, *Крестьянское движение в русской революции 1917 г.*, Москва 1932.

Нужно сказать, что, хотя во время жакерии 1917—1918 гг. убито было много помещиков и управляющих, в основном они были людьми, которые вызвали личную к себе ненависть со стороны крестьян или активно сопротивлялись экспроприации. Значительное большинство помещиков и их семей сохранили жизнь—или потому, что не жили в поместьях или случайно отсутствовали, или потому, что им удалось немедленно бежать в города, в белую армию, а некоторым и за границу.

потери для общества в целом, поскольку дележка сравнительно крупных владений между восемью миллионами крестьян-домохозяев и их безземельных родственников и свойственников вскоре привела к уменьшению общего количества предметов питания, а тем более—предметов питания, выбрасываемых на рынок, от которых зависело снабжение городского населения. Что же было делать? Сомнительно, могло ли какое бы то ни было петроградское или московское правительство в обстановке 1917—1918 гг., когда миллионы солдат спешили с фронта, чтобы принять участие в разделе помещичьих имений, располагать достаточными силами, чтобы остановить эту народную экспроприацию. Разумеется, только что установившаяся большевистская власть была тут бессильна. Просто выступать с порицанием бурного движения крестьянства было бы не только бесплодно, но даже опасно. И вот Ленин с разумной поспешностью провел на съезде и через новый Совнарком декрет, объявляющий всю землю собственностью народа в целом. Декрет предоставлял для раздела среди крестьян-земледельцев обширные имения, принадлежавшие ранее царю и его родне или церкви и монастырям. Работа по земельному переделу возлагалась на местные комитеты, избираемые крестьянами; за государственной властью оставлялись в качестве образцовых сельскохозяйственных предприятий фермы, на которых сравнительно немногочисленные передовые хозяева вели крупное животноводство и полеводство. К несчастью, даже из этих ферм многие были захвачены и поделены между крестьянами. В течение неполного десятилетия советское правительство находило возможным иметь дело с огромной сельскохозяйственной территорией, номинально национализированной, но поневоле заброшенной, разбитой на крохотные и часто разбросанные участки, находящиеся в руках отдельных крестьянских семей, число которых возросло до двадцати пяти миллионов.

Экспроприация капиталистов

За ликвидацию капиталистов новое большевистское правительство несло полную ответственность. Последователям Карла Маркса, как мы покажем ниже, в главе XI, самое существование капиталиста, получающего прибыль или ренту,—будь то финансист или торговец, фабрикант или судовладелец, спекулирует ли он земельными ценностями или вкладывает капитал в операции фондовой биржи,—представлялось источником всех зол современной цивилизации. Они считали, что этот класс несет прямую ответственность за разделение населения любой капиталистической страны на две части, которые Дизраэли—почти современник Маркса—характеризовал как

«две нации», богатых и бедных. Действительно, национализация средств производства, распределения и обмена, без всякой компенсации собственников, представляла основной пункт программы обеих частей российской социал-демократии. Эта систематическая ликвидация целого класса могла быть осуществлена исключительно путем революции, которая поставила бы своей целью замену очевидной «диктатуры» немногих, владеющих средствами производства, диктатурой многих, получающих свое скудное и ненадежное пропитание за счет заработной платы. Существовала уверенность, что в капиталистическом мире революция неизбежна в связи с непрерывным численным и организационным ростом массы живущих наемным трудом, которые составляют уже в некоторых странах две трети населения и которым «нечего терять, кроме своих цепей». Старому марксисту казалось аномалией, чтобы первое успешное восстание пролетариата против хозяев могло произойти в России, наименее индустриальной стране среди великих держав. Предшественники Ленина не понимали, что в России имеется такая революционная предпосылка, которая отсутствует в Великобритании, Франции, Скандинавии и других странах политической демократии на Западе,—предпосылка, которой не было в Германской империи с ее добросовестным и энергичным чиновничеством, развитыми социальными учреждениями, свободно избираемыми и мощными организациями социал-демократической партии, легальным и высокоорганизованным профессиональным и кооперативным движением. Этой предпосылкой была постоянная сильная ненависть, одушевляемая героическим мужеством, проникшая в умы бесчисленных масс обоего пола всех классов и поколений. Среди них были вожди крестьянских восстаний, организаторы революционных стачек, люди, ведущие конспиративную работу среди свободолюбивой интеллигенции,—все они перенесли тюрьму и ссылку, подолгу жили в страхе и под угрозой смерти, в бедности и лишениях. Многие из них видали, как их возлюбленные или товарищи терпят пытки ради свободы. И вот Ленин и его последователи, игнорируя отсутствие в других странах этой ожесточенности классового сознания, горячо верили в возможность скорого восстания трудящихся во всем мире, особенно в высокоразвитых промышленных странах. Их вера в справедливость и осуществимость коммунизма сопровождалась столь же твердой уверенностью, что коммунистический режим не может быть полностью установлен и сохранен в одной России. Они были настолько фанатически убеждены не только в законности отмены частной собственности на средства производства, не только в возможности заменить мотив прибыли мотивом служения обществу, но и в непреложной моральной ценности этой политики, что

отвратились сердцем от всех индивидуальных страданий, неизбежно причиняемых социальной революцией. Чтобы свергнуть «диктатуру капиталистов», которую по существу своему либеральное временное правительство стремилось сохранить, Ленин переплыл бы целые моря крови. В самом деле, несмотря на то, что в Москве несколько дней происходили жестокие бои, несмотря на многочисленные случаи убийства отдельных лиц в Ленинграде и других местах, сама по себе Октябрьская революция была по существу изъятием народной воли. Это уже впоследствии, чтобы удержать советское правительство у власти и подавить контрреволюционные восстания, знаменовавшие неминуемую реакцию, Ленин и его товарищи вынуждены были прибегнуть к оружию тирании, как то: самовластным арестам и расстрелам политических противников наравне с разбойниками и бандитами, к террору безответственной тайной полиции и—в широчайшем масштабе—пойти на все прочие ужасы гражданской войны. Ненависть к капиталистам вскоре перекинулась на все правительства мира, будь то республиканские, королевские или императорские: разве они, вместе и порознь, не поддерживали капиталистический строй? Разве не было их общей и главной чертой упование на мотив личной прибыли, как на «невидимую руку божью»? Это отрицательное отношение ко всем правительствам мира, разумеется, вызвало враждебное отношение со стороны победоносных союзников царя. Именно, вооруженная интервенция полудюжины капиталистических правительств против советского строя заставила советское правительство, в целях самозащиты, отчаянно бороться за свое существование. И эта интервенция, предпринятая в 1918 г. отчасти по стратегическим соображениям, чтобы восстановить боевой фронт против торжествующих германских сил, была продолжена и расширена в 1919—1920 гг. не только из-за сочувствия русским помещикам и капиталистам, но в немалой степени также из страха, что большевикам удастся добиться своей открыто провозглашаемой цели—поднять революционное восстание в других странах. Таким образом, вера некоторых большевиков в неизбежность мировой революции была не только ошибкой логического порядка. В 1919—1920 гг. эта искренняя вера едва не привела к разгрому революции в самой России, революции, за сохранение которой большевики боролись с таким мужеством.

Трудно разобратся и еще труднее себе представить, что происходило в эти первые лихорадочные дни большевистской революции. «Банкротство России в конце 1917 г.,—писал Г. Уэллс на основании своих наблюдений 1920 г.,—было, конечно, сложнейшим явлением в истории современной социальной организации. После того как правительство Керенского не

сумело заключить мир, а британское морское командование облегчить положение на балтийском участке фронта, разбитые русские армии, с оружием в руках, разбежались и покатались обратно в Россию—море крестьян в солдатской одежде, стремящихся домой, без надежды, без помощи, без дисциплины. Эти дни разгрома были днями социальной смуты. То был социальный распад»¹.

Гражданская война и иностранное вторжение

В 1918 г. власть советского правительства далеко еще не была прочной. Даже в Петрограде и Москве жизнь и собственность почти никак не были обеспечены. Самым обычным делом были грабежи и насилия на улицах, как и налеты вооруженных бандитов на дома—зачастую под предлогом официальных обысков или реквизиций. За городской чертой не было организованной охраны. Обдуманная, затяжная блокада, проводимая британским флотом при поддержке других враждебных правительств, лишала страну предметов питания, одежды, насущно необходимых лекарств. Вся страна кишела контрреволюционерами, легко переходящими от индивидуального саботажа к участию в летучих группах, сочетающих в различных пропорциях восстание с бандитизмом. Теперь прибавились армии Великобритании, Франции, Японии, Италии и Соединенных штатов, которые, не объявляя войны, фактически оккупировали в целом ряде пунктов от Владивостока и Батума до Мурманска и Архангельска территорию страны, которая официально не переставала числиться «дружественной державой». Мало того: те же правительства широко снабжали офицерами, оружием и обмундированием смешанные отряды Деникина, Колчака, Юденича и Врангеля, поднявших оружие против советской власти. Немцы и поляки опустошили западные районы, между тем как армия, сформированная из военнопленных чехословаков, во время своего затяжного перехода через всю Сибирь к Тихому океану держала себя весьма двусмысленно. При более или менее открытой иностранной поддержке объявлена была независимость Грузии и Украины, где жестокая партизанская война сопровождалась страшными насилиями и само-

¹ Г. Уэллс, Россия во мгле, 1920, стр. 34. Повидимому, лучшим документальным обзором событий того времени нужно считать *Джеймс Беньян и Г. Фишер*, Большевицкая революция 1917—1918 гг., 1933, 35 стр. Кое-что можно почерпнуть из враждебной, если не злопыхательской книги, написанной лицом, которое в течение короткого времени связано было с ленинским правительством: *И. Штейнберг*, Воспоминания народного комиссара о 1917—1918 гг., особенно гл. 1 и 2 (на немецк. языке и пер. на франц.). См. также *В. Чемберлин*, Русская революция 1917—1921 гг., Нью-Йорк 1935.

судами, причем от участия в них не всегда воздерживались и представители иностранных держав¹. Эти ужасы и преступления, в которых простой бандитизм, расовые и религиозные преследования шли рука об руку с войной и восстаниями, продолжались в отдельных местах свыше двух лет, вспыхивая там и сям почти по всей территории нынешнего СССР. Пропитируем одно только описание, рисующее действие событий на гражданское население; автор его сам был экстремистом, но в то же время находился в глубокой и убежденной оппозиции к большевикам. Это анархист Александр Беркман, изъездивший Европейскую Россию из конца в конец.

«На юге России,—писал он в своем дневнике за июль 1920 г.,—все аморфно, гротескно, хаотично. Частая смена властей, сопровождаемая гражданской войной и разрухой, создала духовные и физические условия, неведомые в других частях страны. Она породила атмосферу неуверенности, постоянной тревоги, уничтожила источники существования. Некоторые части Украины испытали за период 1917—1920 гг. четырнадцать различных режимов, и каждый из них вносил сильное расстройство в обычные условия существования, дезорганизуя жизнь и подрывая ее основы. На этой территории разыгралась вся гамма революционных и контрреволюционных страстей. Здесь националистическая рада боролась с местными органами правительства Керенского, пока брестский договор не открыл южную Россию для германской оккупации. Рада была разогнана прусскими штыками, и над страной, милостью кайзера, воцарился гетман Скоропадский во имя народной «независимости» и «самоопределения». Катастрофа на западном фронте и революция в собственной стране заставили немцев отступить, и новое положение вещей дало Петлюре победу над гетманом, калейдоскопически менявшим кабинет за кабинетом. Диктатор Петлюра и его «директория» изгнаны были восставшим крестьянством и Красной армией, а последняя, в свою очередь, уступила место Деникину. Затем хозяевами Украины стали большевики, вскоре их отеснили поляки, а затем снова взяли верх коммунисты. Продолжительные военные действия армии

¹ Одно из этих событий часто упоминается под именем «Убийства 26 комиссаров». «Вчера в Баку и по всему Советскому Союзу была отмечена пятнадцатая годовщина одного из самых черных дней в истории гражданской войны. То было 20 сентября 1918 г., когда 26 бакинских комиссаров были убиты ночью правительством меньшевиков и эсеров по приказу британских экспедиционных сил... Из Персии британские войска пошли на Туркестан, чтобы лишить революцию хлопка и создать в Средней Азии базу для империализма. В ночь на 20 сентября 1918 г. Баку завладели англичане при поддержке своих агентов, меньшевиков и эсеров. 26 комиссаров, содержавшихся под арестом, выведены были из тюрьмы, увезены из города и расстреляны» («Москау дейли ньюз», 20 сентября 1933).

и гражданская война расстроили всю жизнь юга. Общественные классы были разрушены, старые навыки и традиции уничтожены, культурные барьеры сломаны, и население не в состоянии было приспособиться к новой, непрерывно меняющейся ситуации. Нехватало ни времени, ни возможности переделать интеллектуальный и физический строй жизни, ориентироваться в изменчивых обстоятельствах. Единственным лейтмотивом мыслей, чувств и действий стали инстинкты голода и страха; всепроникающая и постоянная неопределенность была единственно определенной, действительной реальностью. Единственно интересующие темы—хлебный вопрос, опасность нападения. Вы слышите рассказы о вооруженных силах, грабящих окрестности города, и фантастические рассуждения о характере мародеров, которых одни называют белыми, другие зелеными или погромщиками. Легендарные фигуры Махно, Маруси и Щорса вырастают гигантскими призраками в атмосфере паники, созданной переживаемыми ужасами и еще более страшным опасением неведомого. Жизнь и мышление населения отмечены печатью панического страха. Эти чувства проникают все жизнеощущение людей... Вся страна напоминает военный лагерь, живущий в постоянном ожидании вторжения, гражданской войны и внезапной смены властей, несущей с собой новые убийства, новый гнет, конфискации и голод. Работа промышленности парализована, финансовое положение безнадежно. Каждая власть выпускает собственные деньги, запрещая все предшествующие формы денежного обмена. Но среди населения циркулируют различные «бумажки»—тут и керенки, и царские, и украинки, и советские деньги. Что ни рубль, то своя цена... Под поверхностью повседневной жизни почти свободная игра примитивных, ничем не связанных страстей. Этические ценности в состоянии распада; лоск цивилизации облез. Остается один неприкрашенный инстинкт самосохранения и неотвязный страх перед завтрашним днем. Победа белых или окружение города их силами влечет за собой дикие репрессии, еврейские погромы, смерть коммунистам, тюрьмы и пытки для заподозренных в сочувствии коммунистам. Приход большевиков означает красный террор. И то и другое—катастрофа; она повторялась уже много раз, и население живет в непрерывном страхе перед этим повторением. Междоусобица шагает по Украине, словно истый людоед, пожирая, разрушая, оставляя по пути разруху, отчаяние и ужас. У всех на устах рассказы о зверствах белых и красных, душераздирающие истории о лично виденном и пережитом, об ужасных убийствах и грабежах, о бесчеловечной жестокости и несказанных насилиях»¹.

¹ Александр Беркман, Миф о большевиках (Дневник 1920—1922 гг., 1923, стр. 160—162). Опытный германский наблюдатель, посетивший

В такой чудовищной обстановке и сельское хозяйство и промышленность неизбежно должны были развалиться вдребезги. Насколько можно судить по наиболее достоверным данным, общая сумма продукции, полученной на территории нынешнего СССР, в 1920 г. не составляла и третьей части от соответствующей суммы 1913 г. В 1918—1920 гг., когда нехватало продовольствия и топлива, все население, оставшееся в Петрограде, не раз находилось буквально на пороге голодной и холодной смерти. Вся страна жестоко страдала от хронических и неизбежных лишений. Даже снабжение действующей армии требовало величайших усилий со стороны правительства.

Ленин твердо держался принципа: поскольку революция началась, необходимо провести ее через все опасности до победного конца, так как это глупый сентиментализм подобно Бланки и анархистам всегда восставать против правительства. Так же твердо держался он принципа, которого не понимали революционеры 1848 г., что, если революция свершилась, долг повелевает—хотя бы это было сопряжено с большими опасностями, чем самый переворот,—во что бы то ни стало отстоять ее от неизбежных посягательств контрреволюции. Если спросить, что делала советская власть в первые три года своего существования, придется ответить: «защищала революцию». Но так ужасно было положение населения, столь неукротима вражда

СССР в 1929 г., сообщает следующее: «Люди, которые провели семь лет на фронте, а затем дома, служившие в безжалостных ударных частях, люди, которые ни перед чем не останавливались, сейчас закрывают глаза, если путем расспросов вызвать перед ними сцены гражданской войны. Как видно, это было ужасно, превыше всякой меры, еще ужаснее, чем сцены войны внешней. Дьявольская жестокость, порожаемая ненавистью человека к человеку, соотечественника к соотечественнику, соседа к соседу, изуверство в результате привычки к убийству, ставшему для многих в известных условиях чем-то безразличным, механическим упражнением для глаз и рук; и все это, помноженное на нищету, дошедшую до последней степени. Деревни и промышленные предприятия, обращенные в крепости, защищаемые мужчинами и даже женщинами, в перерывах борьбы отдыхавшими на производстве предметов мирного обихода,—причем на эту продукцию всегда был жадный спрос, и зачастую она просто реквизировалась для воинских частей той стороны, которая, в изменчивых судьбах гражданской войны, была победительницей в данный момент,—так должна была выглядеть система экономики в значительной части страны» (*Артур Фейлинг*, *Большевистский эксперимент*, англ. изд., 1930, стр. 43—44).

«Ни одна часть страны не страдала так, как некогда цветущая Украина, где война вызвала почти полный экономический крах... За германской оккупацией последовали разбойничьи банды, которые сменялись с большой быстротой, оставляя сильные разрушения. Помимо небольших банд, производивших разрушения в различных частях страны, ее грабили в крупных масштабах Махно, Григорьев, Скоропадский, Деникин, Петлюра и многие другие. Разбойники всех мастей разоряли страну под предлогом борьбы с большевизмом, пока не довели ее до почти полной разрухи» («Ежемесячник Московского народного банка», декабрь 1934, стр. 9).

фактически чуть не всех правительств мира, так яростны и упорны атаки, инспирируемые и поддерживаемые наиболее мощными из них, что советское правительство могло справиться с одной задачей—выжить.

Военный коммунизм

Это был период 1918—1920 гг., впоследствии прозванный периодом военного коммунизма. Все одинаково знали не богатство, а голод и лишения. Все было принесено в жертву одной насущной необходимости—разбить враждебные армии на фронте и восставшую контрреволюцию в тылу. Всем заводам пришлось сосредоточить свое производство на нуждах шестнадцати Красных армий, пяти миллионов человек, которые Ленину удалось выставить под командованием Троцкого, Сталина и Фрунзе и которыми Троцкий эффективно руководил из своего непрерывно находившегося в движении бронепоезда. Профессиональные союзы превращены были в вербовочные бюро, чтобы обеспечить необходимый приток людей на различные фронты. Крестьяне тех районов, которые в данный момент свободны были от врага, разорялись реквизицией всех видов продовольствия, какие только можно было у них изъять. Все население городов посажено было на ничтожные пайки в интересах регулярного снабжения армий. Каждое решение Ленина и его коллег облекалось в форму категорического приказа, который должен быть выполнен под угрозой немедленного ареста, а нередко и казни в кратчайший срок. Малейшая тенденция к какой бы то ни было контрреволюционной деятельности с такой же беспощадностью пресекалась и подавлялась. Народных восстаний и мятежей не было. Крестьяне ненавидели белых больше, чем красных. Рабочие валом валили в Красную армию. Те, что оставались на предприятиях, не возмущаясь оказываемым на них давлением, напрягали силы, чтобы увеличить выработку. Все ворчали на постоянный недостаток пищи, топлива и одежды, на недостаток света, сахара, лекарств и всяких удобств. Но в целом народ не бунтовал; не было даже попытки оказать давление на правительство, чтобы оно прекратило свою напряженную борьбу против потока белых армий, которые британское, французское, итальянское, японское и американское правительства порою подкрепляли офицерским составом, сплошь и рядом снаряжали и от случая к случаю субсидировали. В самом деле, можно сказать, что именно чувства, вызываемые этим иностранным вторжением, помогли большевикам удержаться у власти. Так было на всем протяжении этих двух-трех лет интервенции союзников и гражданской войны, убийств и покушений на работников советской власти, бесконечных контрреволюцион-

пых заговоров и саботажа, жестокостей и репрессий, применяемых армией и политическими приверженцами обеих сторон; высокой смертности среди гражданского населения, усиливаемой в гораздо большей мере долгими лишениями и хроническими страданиями, чем в результате системы самосудов во всех ее стадиях. За эти-то годы и нагромождалась столь часто используемая статистика смертных случаев в России «в результате революции», причем иногда эти смертные случаи с невероятной наивностью приписываются не вине повстанцев, поднимавших оружие против правительства *de facto*, не вине иностранных правительств, которые, без всякого законного оправдания, провоцировали и поддерживали эти восстания, но всецело влиянию большевиков в правительстве Российской Социалистической Федеративной Советской Республики¹.

Этот трехлетний эпизод военного коммунизма рассматривался в двойном направлении. Во-первых, он описывался, словно некая часть заранее обдуманного плана построения коммунистического государства. Возможно, что среди большевиков кое-кто верил на первых порах, будто им «удастся проделать развитие в сторону коммунизма одним большим скачком. Национализация банков, конфискация частной собственности с оставлением ее под их охраной, экспроприация буржуазии, включая дома и даже серебро, драгоценности и произведения искусства; объявление всех земель собственностью государства; передача крупной промышленности в целом в руки государства; введение карточной системы на все предметы первой необходимости; разрушение рынка путем воспреещения торговли; милитаризация труда путем введения всеобщей трудовой повинности; и, наконец, отмена денег государством, которое, вместо уплаты рабочим и служащим наличными (что составляло в 1920 г. всего 7%), намерено было удовлетворять все большую долю их потребностей натуральной формой оплаты (пайки или бесплатные обеды в общественных столовых; предоставление квартир с отоплением, газом, водой и электричеством; пользование железными дорогами и трамваями; снабжение одеждой и предметами домашнего обихода с государственных складов; школы, газеты, театр); аналогично этому снабжение крестьян необходимой им промышленной продукцией в обмен на обязательную сдачу продовольствия—так должен был, в общих чертах, совершиться этот переход к коммунизму»². С другой стороны, Ленин, как явствует из его многочисленных

¹ «Считается, что длившаяся два с половиной года гражданская война—единственная виновница преждевременной смерти около семи миллионов населения» (*Пауль Гензель, Экономическая политика Советской России, 1930, стр. 2, на англ. языке*).

² *Артур Фейлинг, цит. соч., стр. 52—53.*

печатных работ 1917 г., предусматривал длительный переходный период, различных стадий которого он не мог заранее предвидеть и который в его представлении должен был протекать в форме целого ряда экономических экспериментов. В 1921 г. он разъяснял—цитируем в передаче германского исследователя,—что «военный коммунизм введен был большевиками лишь в силу жестокой необходимости, в результате войны и всеобщей разрухи. Ведь это факт, что все излишки, а в иных случаях и часть необходимого продовольствия отбирались у крестьян для снабжения армии и рабочих... Этот военный коммунизм представлял собой временную меру, потому что в тогдaшнем своем отчаянном положении большевики не могли останавливаться ни перед какими, хотя бы и крайними мерами; в то время как голодала половина, больше половины населения, они должны были во что бы то ни стало удержать позиции и спасти жизнь рабочих и крестьян»¹.

К счастью для большевиков, как раз в тот момент, когда народ, насколько можно сейчас судить, доходил уже до последней степени нужды, интервенция прекратилась. В 1920 г. военный коммунизм достиг кульминационной точки. «Этот год,—писал один автор,—долго будет жить в памяти всех русских, его переживших: то был самый холодный, самый голодный и страшный год революции»². Но в конце его «власть Центрального комитета правящей партии была полной и абсолютной»³. Иностраннм правительствам не удалось координировать последовательный ряд предпринятых ими интервенций. Их собственные страны были в большинстве своем слишком истощены годами войны, а правители слишком боялись своих собственных рабочих, чтобы продолжать свои усилия. У белых армий было слишком бездарное руководство, а поведение как офицерства, так и рядового состава слишком скандально для того, чтобы рассчитывать на какую-либо помощь со стороны притесняемого ими крестьянства или противостоять патриотическому пылу Красных армий. Британские войска вскоре были изгнаны из Мурманска и Архангельска, а затем японцы из Владивостока. Английские и французские суда эвакуировали с черноморского побережья всех враждебных большевизму иностранцев и русских. «Мирные договоры с Латвией и Литвой были подписаны в июле 1920 г., а в октябре того же года был заключен мир с Финляндией. Гражданская война в Сибири закончилась в октябре 1920 г.; на юге России борьба с Вранге-

¹ Артур Фейлинг, цит. соч., стр. 53—54.

² Майкл Фарбман, После Ленина, 1924, стр. 27 (на англ. языке).

³ Майкл Фарбман, цит. соч., стр. 27.

лем, Петлюрой, Булак-Балаховичем и Махно точно так же закончилась в ноябре 1920 г. Фактически к концу ноября 1920 г. во всей стране наступил мир»¹.

Тем не менее так неопределенно было положение и так велика решимость большевистского правительства, что политика военного коммунизма сохранена была еще на несколько месяцев. «Декрет о полной национализации всей промышленности, включая мелкие предприятия» (т. е. все предприятия с числом рабочих более десяти или более пяти, если производство механизировано) издан был «30 ноября 1920 г.; 3 февраля 1921 г.—декрет о прекращении взимания налогов ввиду того, что деньги перестали функционировать как платежное средство. В декабре 1920 г... VIII съезд советов принял наиболее утилитарную из всех резолюций периода военного коммунизма—о социализации сельского хозяйства. Были (должны были быть) назначены специальные комитеты по определению площади и видов с.-х. культур для каждого из двадцати (пяти) миллионов крестьянских хозяйств». Крестьянское хозяйство, гласила резолюция, «должно вестись по единому плану и под единым руководством»².

Голод 1921 г.

Весной 1921 г.—того самого года, когда все ужасы увенчались жесточайшим в истории России голодом,—режим военного коммунизма разом подломился. Целые провинции доведены были до абсолютного истощения, так что творились страшные дела. Конечно, голод в России был не новостью. Каждые несколько лет его ждали то в одной, то в другой части этой обширной территории. Однако неурожай 1921 г., усугубленный сокращением посевной площади, и убой скота по деревням носили такой острый характер и приняли такое распространение, что очевидцы подобного не помнили. «Голодом 1891 г. поражено было 17 млн. человек; 1906 г.—21 млн.; 1911 г.—27 млн., но голод 1921 г. охватил не менее 43 млн. В наихудший из прошлых голодных годов в России число крестьян, которым нехватило зерна даже для посева, не превышало 3 млн., но в 1921 г. таких крестьян насчитывалось 13 млн. Иначе говоря, 13 млн. крестьян были фактически совершенно разорены. 27 губерний, т. е. около половины всей России, сжаты были тисками голода. В этих губерниях продовольственное потребление пало до ужасающе

¹ А. Югов, *Экономические тенденции в Советской России, 1920*, стр. 41 (на англ. языке). Однако в действительности последние японские силы эвакуировали Владивостокский порт лишь в конце 1922 г., а Северный Сахалин они покинули только в 1924 г.

² Майкл Фарбман, цит. *СОЧ.*, стр. 41.

низкого уровня, и процент смертности как среди людей, так и среди скота был страшно высок»¹.

Новая экономическая политика

Народ, который столько перенес, больше не мог терпеть. Начались крестьянские восстания в Тамбове и Поволжье. Хуже всего было то, что сосредоточенные в Кронштадте краснофлотцы подняли вместе с кронштадтским гарнизоном вооруженный мятеж против советской власти не из-за какого-либо недовольства по службе, но из-за протеста против голодовки солдатских и матросских семей, живущих в деревнях пораженных районов. Лозунг моряков гласил: «Советы без коммунистов!» Одной из черт ленинского гения было то, что он знал, когда уступить явному недовольству народных масс и как это сделать широко и полно, в то же время никогда не поступаясь своей главной целью². Было очевидно, что кронштадтское восстание должно быть подавлено силой, путем бомбардировки и штурма с переходом через лед, но без особых мер наказания за это тягчайшее военное преступление. В марте 1921 г., на X съезде коммунистической партии, Ленин поразил своих приверженцев, предложив полный отказ от методов военного

¹ Там же, стр. 41. Какой упадок переживали все виды деятельности в 1921 г., можно судить по жуткому описанию, опубликованному профессором Петроградского университета и видным кооператором Масловым (*С. С. Маслов*, Россия после пяти лет революции, 1923, на англ. языке).

Неизбежные последствия голода для женщин, детей, для семейной жизни, всеобщее падение нравов были, по меньшей мере, столь же серьезные, как и рост смертности. «Ужасные голодные годы 1921 и 1922 вызвали настоящее переселение народов среди окончательно разоренного населения; целые семьи, целые деревни и поселки принуждены были покидать свои дома и идти в поисках корки хлеба... Последовавший затем период нэпа, (новой экономической политики) внес еще большее смятение в умы. В то время как предыдущие годы развязали зверские инстинкты голодных людей, теперь возбуждены были инстинкты тех, кто прикопил за это время денег, еще вчера не имевших никакой цены, и пользовался благами, небывалыми в Советской России. Спрос на женщин, упавший в те зловещие дни, возростал изо дня в день. Снова застрелили рестораны, кафе, трактиры, снова появилась торговля вином. Ничто не обуздывало людских инстинктов, до крайности подавленных суровым военным режимом в дни военного коммунизма. Число разводов и правонарушений сильно росло даже в деревне. Таким образом, «свободная любовь», которая так часто понималась неправильно,—как неправильно понимались или толковались революционные формы,—стала вырождаться в экспрессы» (*Фанина Галле*, Женщина в Советской России, 1933, стр. 107, на англ. языке).

² «Ленин—гений маневрирования. Он поразительно умеет улавливать, когда нужно переменить тактику. И тогда он меняет ее с блистательной быстротой. Но наступает он или отступает, атакует или оттягивает силы назад, он неизменно тверд и решителен. Он никогда не колеблется. Он никогда не боится» (*Майкл Фарбман*, Отступление большевизма, стр. 59).

коммунизма¹. Во-первых, отменена была неограниченная реквизиция зерна и заменена определенным прогрессивным налогом с каждого крестьянина, пропорционально его земельному участку, с предоставлением ему права сбывать свои продукты, сверх того что выделено для налога, на вольном рынке, по ценам, какие ему удавалось получить. Вскоре восстановлено было денежное обращение, проведена стабилизация валюты и отменены все ограничения для владельцев и держателей денег. «Декретом от 9 июля 1921 г. восстановлена была плата за железнодорожный проезд; декретом от 1 августа почтово-телеграфные сборы; декретом от 15 сентября плата за воду и электричество, за пользование трамваями, общественными банями и прачечными»². Декрет от 12 августа 1921 г. предоставил автономии национализированным предприятиям на замечательной новой базе хозрасчета. «За такими предприятиями сохранялось все их оборудование, запасы топлива, сырья и полуфабрикатов. Но они должны были отказаться от каких-либо претензий на государственную поддержку в виде денег или продовольствия как средства оплаты труда: они обязаны были вести дело на коммерческих началах и не обязаны были бесплатно снабжать своей продукцией какие-либо ведомства. Весьма скоро большинство бывших государственных предприятий стало в этом смысле автономно. Затем, в том же месяце, государственные заводы получили право закупки на рынке нужного сырья и продовольствия для оплаты рабочих, а в октябре 1921 г. они получили еще одну привилегию—продавать свою продукцию на вольном рынке. Таким быстрым и упрощенным способом положено было начало построению новой экономической системы».

Оживление хозяйственной инициативы, создание бесчисленных небольших предприятий всякого рода и развитие свободного обмена между производителями города и деревни, естественно, потребовали известного времени. И если весь мир, за пределами СССР, и почти все противники большевиков внутри СССР заявляли, что новая экономическая политика есть одновременно признание и доказательство провала коллективизма, то это было, думается, простое самовнушение. Почти все полагали, что это отказ от дальнейшего продолжения политики ликвидации помещиков и капиталистов. Но Ленин совершенно

¹ Наиболее полные сведения о новой экономической политике, доступные английскому читателю, содержатся в книге *Майкл Фарбман, После Ленина*, 1924, стр. 85—170. Этот превосходный том представляет наиболее интересное из всего написанного в тот период, когда новая экономическая политика и преобладание частного крестьянского хозяйства, казалось, будут долговечны.

² *Майкл Фарбман, После Ленина*, 1924, стр. 109 (на англ. языке).

ясно показал, что это был, по его выражению, всего лишь шаг назад для того, чтобы можно было сделать два шага вперед. Покуда в руках и под руководством правительства находились все банки, вся внешняя торговля, различные средства связи и транспорта, фактически вся городская земля и строения, минеральные недра, запасы всех видов топлива и все источники электрической энергии, тяжелая индустрия и все более или менее значительные предприятия легкой индустрии,—не говоря уже о руководстве профессиональными союзами и потребительской кооперацией,—какое влияние могло оказать на будущее коллективизма, если миллионам единоличных хозяев-крестьян разрешено было свободно выносить свои корзины с продуктами на рыночные площади, если широко разрешалось открывать в городах многочисленные мелкие ресторанички и кафе, кондитерские и чайные, мануфактурные лавки и торговлю колониальными товарами или даже мелкие мастерские и заводы для производства всевозможных предметов домашнего обихода? Ленин доказывал, что, поскольку «командные высоты социализма» попрежнему оставались в руках правительства, тысячи небольших аванпостов могут быть спокойно оставлены за барышниками, пока правительство не найдет удобный момент, чтобы отказаться от этих каналов снабжения потребителя. Даже самый фанатичный коммунист может спокойно предоставить иностранному капиталисту концессию, разрешив ему в течение строго определенного времени, под контролем закона и профессиональных союзов, разрабатывать те естественные ресурсы страны, которыми правительство в данный момент не в состоянии заниматься. Беда была в том, что большевистские правители недооценивали или не понимали, каким могуществом, в дурном и хорошем смысле, обладает мотив прибыли. Он может увеличить производство и облегчить товарооборот между промышленными и сельскохозяйственными производителями. Но, будучи отвергнут, мотив материальной заинтересованности пошел кривыми путями и вскоре подорвал ту новую этику, от которой зависел успех советского коммунизма. Со дня на день новая экономическая политика расширяла фронт своего духовного влияния. На первых порах лишь один крестьянский рынок был отдан во власть стремления к личной наживе. Предполагалось, что все остальные области предпринимательской деятельности будут руководствоваться стремлением к общему благу. Однако новая экономическая политика все более расширялась в сторону полного освобождения частных предприятий от всяких попыток общественного регулирования, и даже государственные предприятия стали проникаться предательским духом личного эгоизма. Нам говорили, что есть русская поговорка, которая всегда была популярна среди учеников.

Маркса: кто сказал «а», должен сказать и «б». Сила этого положения никогда так хорошо не иллюстрировалась, как на примере быстрой эволюции мероприятий, которые сочтено было необходимым включить в систему новой экономической политики. Чтобы стимулировать крестьянское производство, отменены были самочинные государственные реквизиции крестьянского урожая и взамен установлены твердые цены на хлеб. «То было невинное «а» в алфавите большевистского отступления. Еще через месяц сочли нужным создать аналогичный стимул и для городских производителей. Вскоре оказалось, что приходится терпеть возвращение—не как-нибудь подпольно, а вполне легальное возвращение ненавистного буржуа, сперва в роли посредника и торговца, а затем и работодателя. И так постепенно сделан был целый ряд уступок, больших и малых, причем все они меняли в направлении индивидуализма экономические отношения не только между городским и сельским населением, но и между тем и другим, как производителями, с одной стороны, центральной и муниципальной властью—с другой»¹.

Пагубное действие этих процессов новой экономической политики вскоре стало очевидным для руководителей коммунистической партии. Это вызвало всеобщее желание создать нечто вроде генерального плана, которому подчинены были бы и государственное и частное хозяйство². И вот, в конце 1920 г., когда комиссия по электрификации России представила свой доклад VIII съезду советов, Ленин поздравил съезд с наличием не только утвержденного плана электрификации, но фактически—основы плана генерального контроля над всей экономической жизнью. Приступить к немедленному регулированию всего производства и потребления на основании подобного плана не считалось возможным. Однако чувствовалось, что, поскольку приходится апеллировать к материальному эгоистическому интересу индивидуального производителя или торговца, его нельзя обуздать, если не формулировать и не

¹ Майкл Фарбман, После Ленина, 1924, стр. 134. В 1924 г.: «общее количество торговых предприятий, выбравших патенты,—от оптовых торговцев до мелочных деревенских лавчонок, но исключая торговцев в разнос,—составляло в СССР 460 803 против 935 тыс. довоенных. Таким образом за три года восстановлено было 50% всех торговых предприятий. Если мы разделим эти 460 тыс. магазинов по хозяевам, то найдем, что государству принадлежит в общей сложности, в городе и деревне, 11 915; кооперации принадлежит 26 678; частновладельческих лавок 420 366. Распределив все лавки и магазины по категориям: оптовые, оптово-розничные, розничные и рыночные (ларьки), мы увидим, что государственные магазины преобладают только в оптовой торговле, где они составляют 55%» (там же, стр. 106—107).

² Подробнее об этом в следующей главе («Плановое производство для общественного потребления»).

провести в жизнь некий план, объемлющий всю государственную экономику.

Ни место, ни время не позволяют нам подробно разбираться в вопросе, действительно ли оправдала бы себя новая экономическая политика или доказала бы свою потенциальную пригодность как средство построения социалистического государства, если бы ей дали развернуться в течение десяти лет. Быстро растущим предприятиям нэпманов в городах недолго дали существовать. Вскоре стало ясно, насколько необоснованны предположения о намерении советской власти вернуться к капитализму. Уже через год возобновлена была политика ликвидации нетрудового элемента. Это достигалось не только репрессиями. Простое расширение производства и торговли в руках государственных трестов и коммунальных органов и предоставляемые им привилегии были сами по себе достаточны, чтобы разрушить здание частной торговли, основанное на барышах. Но при нажиме на нэпманов использовалось и оружие репрессий, как например, повышенное налоговое обложение, прекращение снабжения, аресты и высылка их помощников иностранцев, срыв работы путем организации конфликтов с рабочими и заявок о повышении заработной платы и, наконец, политика подавления тех или иных мер, принимаемых нэпманами для привлечения клиентуры.

Понятно, что отмена новой экономической политики и ликвидация всей разнообразной деятельности нэпманов представляли собой постепенный процесс, осуществленный не одним декретом, не по какой-либо одной правительственной схеме, но растянувшийся на несколько лет. Пожалуй, за дату, когда в городах этот процесс был фактически закончен, можно принять 1929 г., когда обнародован был первый пятилетний план. К этому времени во всех городских центрах СССР в основном была завершена ликвидация капиталистов—в более существенном смысле, чем запрещение уличной торговли. Окончательно был уничтожен рой «спекулянтов», успевших пооткрывать между 1921 и 1927 гг. сотни тысяч мелких оптовых и розничных магазинов, столовых и заводиков. Одни зачахли, другие отбывали тюремное заключение или административную ссылку, третьи бежали за границу, между тем как, вероятно, большинство, не лишенное возможности заняться наемным трудом, растворилось где-то среди «неимущих» классов. Практически вся деятельность этих нэпманов в области оптовой и розничной торговли, как и в области производства, примерно к 1929 г. была уже компенсирована непрерывным расширением коллективных предприятий, постепенно все в большей мере удовлетворявших нужды городского населения. В этом усиленном процессе замены частника многотысячные по числу заводы

и фабрики государственных трестов, непосредственно подчиненных ВСНХ так же, как и напряженная работа профессиональных союзов по повышению производительности, встречали поддержку со стороны непрерывно растущих производственных предприятий союзных республик (главным образом РСФСР и Украины), а также советов таких городов, как Москва и Ленинград, Харьков и Ростов. Но значительную роль играл также—и не только в области распределения—быстрый рост потребительских кооперативных обществ; в то же время в общую продукцию вносили существенную долю возрождавшиеся тогда артели, т. е. производственные объединения кустарей (промкооперативы). Правительственные ораторы соглашались с тем, что в 1929 г. было еще много пробелов, которые, если бы допустить частных барышников, были бы восполнены с большим удобством для граждан. Такие сравнительно некрупные лишения, испытываемые потребителями, не слишком трогали советское правительство. Действительно серьезным обстоятельством, причинявшим величайшие заботы руководителям коммунистической партии, был хронический недостаток продовольствия. Но прежде, чем перейти к последовательному изложению урегулирования проблем «аграрного фронта», нужно сперва остановиться на некоторых последствиях ускоренной отмены новой экономической политики.

Преследование интеллигенции

Резкие и внезапные перемены фронта между 1920 и 1929 гг. в таком важном вопросе, как считать или не считать извлечение прибылей нравственным грехом, который следует осуждать как преступление и безжалостно укрощать, оказали, по нашему мнению, вредное влияние на общественную мораль. И этот удар по общественной морали не смягчился репрессивными мерами, носившими судорожный и, повидимому, самочинный характер. Индивидуальные производители, прилагавшие все усилия, чтобы стать зажиточными; торговцы, которые всего лишь следовали своему назначению—покупать подешевле и продавать подороже; служащие государственных банков и трестов, которые широко доверяли новому классу промышленников, вдруг оказывались мишенью для нападков, увольнялись со службы, подвергались притеснениям со стороны милиции и налогового аппарата, часто присуждались к тюремному заключению, а иногда и расстреливались.

Еще более коварное влияние оказали эти колебания политики на умы и поведение интеллигенции, которая в значительной своей части стояла в стороне от Октябрьской революции и порожденного ею режима. Многие ученые, инженеры и прочие

специалисты, оставшиеся от старого режима и не бежавшие за границу, в годы военного коммунизма предпочитали терпеть лучше злейшую нужду, чем служить правительству, которого они не одобряли, поскольку не могли относиться с доверием к его политике. Когда в 1921 г. введена была новая экономическая политика, многие из этих работников умственного труда, полагая, что советская власть отныне намерена постепенно возвращаться к свободе частного хозяйства, движимым мотивом прибыли, который они считали единственным средством успешной организации промышленности, охотно приняли те специальные назначения, для которых подходили по своей квалификации. Многие, быть может большинство, с честью выполняли вверенные им обязанности. Однако в преобладавшей тогда смешанной атмосфере ненависти и страха люди, твердо державшие своих взглядов, неизбежно становились объектом подозрения. Во многих случаях подозрения эти еще усиливались складом их ума, неосторожными замечаниями, их бытовыми навыками. Когда выяснилось, что политика ликвидации капиталистов не будет оставлена, между тем как нажим на нэпманов продолжался и даже усилился, эти интеллектуальные кадры не могли скрыть известного неодобрительного отношения к коммунистической власти. Понятно, что—умышленно или без умысла или даже вполне сознательно—они оказались источником критических высказываний по адресу власти. В иных случаях они явно не сумели сохранить лояльность, требуемую от чиновников исполнительной власти. Они стали притягательным центром для всех, выступавших с обвинениями и упреками, а то и в форме настоящей контрреволюционной деятельности и саботажа. Как бы то ни было, на только что восстановленных или вновь воздвигнутых электрических станциях, домнах, прокатных заводах, автомобильных и машиностроительных заводах, выраставших по всему СССР, имели место бесконечные простои и аварии, так что механизмы, конечно, то и дело не оправдывали оптимистических надежд, возлагавшихся на них конструкторами. Действительно ли во многих случаях виной тому был саботаж или нет, в народе неизбежно должны были жить такие подозрения. Нашумевший в 1927—1928 гг. процесс русских технических специалистов, конспиративно действовавших в шахтах (Донецкий угольный бассейн) в заговоре с группой немцев, еще больше разжег народные чувства. Пошла полоса увольнения всех, чья лояльность не была абсолютно вне сомнения. Иностраный журналист, критикуя советское правительство, заявлял в 1931 г.—вероятно, несколько преувеличивая,—что «сотни так называемых «спецов» всех категорий исчезли в течение прошлого года со своих мест, на которых они долгое время работали для советской власти. Или их

просто поувольняли из-за того, что успели вырасти из рядов пролетарской молодежи, чтобы занять их места, какой-нибудь красный профессор, красный инженер, красный библиотекарь; или же их арестовали по какому-нибудь незначительному обвинению»¹.

То была пора, когда условия жизни ухудшились для всех частей населения—и в неменьшей мере для работников умственного труда. Между тем от населения одновременно требовали более напряженной работы по выполнению пятилетнего плана. «Почему мы это обязаны делать?»—спрашивали себя многие инженеры и интеллигенты.—Это не наше правительство. От нас требуют жертв, а платят самым грубым обращением». Все эти обстоятельства, вместе взятые, создали среди интеллигенции озлобление и активные антисоветские настроения, так что в 1929 г., когда коллективизация деревни вызвала недовольство среди миллионов крестьян, интеллигенция считала,—и многие из них так и надеялись,—что советская власть накануне краха. В течение первых трех месяцев 1930 г. Сталин ждал иностранной военной интервенции. Атмосфера все больше напрягалась. Интеллигенция и большевики проявляли в своих действиях нервозность².

Процесс «промышленной партии»

В декабре 1930 г. происходил знаменитый процесс «промпартии»—восьми советских инженеров, которых государство

¹ *Пауль Шеффер*, Семь лет в Советской России, 1932, стр. 343 (на англ. языке).

² *Луи Фишер*, Машины и люди, 1932, стр. 221. В том же году мы читаем: «Одновременно с опубликованием пятилетнего плана подготовлен был чудовищный процесс в Харькове, специально направленный против украинской интеллигенции. С этой целью произведены были массовые аресты и расстрелы без суда еще осенью 1929 г. А в марте—апреле 1930 г. в одном из крупнейших харьковских театров проведен был «процесс» 45-ти, длившийся сорок дней, причем театр был переполнен публикой со всех концов Советской Украины. Главный заключенный был Ефремов, член Украинской Академии наук; с ним участвовали в процессе профессора, писатели, доктора, учителя, священники и т. д. Заключенные обвинялись в организации «Союза освобождения Украины», ставившего своей целью насильственное отделение страны от Советского Союза. Все они были приговорены к ссылке и тюремному заключению, а самый процесс был использован как предлог для полной ликвидации Всеукраинской Академии наук, членами которой избраны были, вместо подлинных украинских ученых, советские комиссары, вроде Шлихтера, Затонского и т. п. Ликвидирована была также автокефальная украинская церковь, заподозренная в связях с «Союзом освобождения Украины». Украинские литературные журналы были закрыты. Государственное издательство Украины было закрыто, а вместо него создано было Объединенное государственное издательство Украины, находившееся всецело в руках Москвы» (*Исаак Мазепа*, Украина под владычеством большевиков, в «Славоник ревью», январь 1934).

обвиняло в экономическом саботаже, организации тайной политической партии и заговоре с Францией о нападении на СССР для свержения советского строя. Шестеро обвиняемых приговорены были к смертной казни, двое—к десяти годам заключения¹.

С того шумевшего дела профессора Рамзина и его коллег пошло настоящее царство террора против интеллигенции. Никто не мог считать себя вне подозрений. Мужчины и женщины жили в повседневном страхе ареста. Тысячи людей подверглись административной ссылке в различные части страны. Улик не требовалось. Звание инженера служило достаточным основанием для осуждения. Тюремь были полны. Заводы и фабрики замирали от недостатка технического руководства, и верхи Высшего совета народного хозяйства стали жаловаться, что «массовыми арестами инженеров... ГПУ мешает развитию индустрии». В конце концов, никто из осужденных инженеров не был казнен, и даже сроки тюремного заключения были сильно сокращены.

«Что русские инженеры занимались и занимаются саботажем, никогда не оспаривалось. Американские специалисты, работающие в России, неоднократно говорили об этом и в частных беседах и в печати. Их заявления подтверждаются косвенными уликами. Однако это не оправдание для того, чтобы арестовать и осудить целую категорию преданных граждан, среди которых многие вполне лояльны»².

Процесс меньшевистской профессуры

В марте 1931 г. состоялся тщательно поставленный и получивший широкую огласку процесс четырнадцати профессоров и государственных служащих (включая Громана из Госплана, который настаивал на значительно сниженных цифрах производства в первом пятилетнем плане), обвиняемых в «контрреволюционной» деятельности, осуществляемой в заговоре с меньшевиками внутри СССР и их зарубежными коллегами. Напрашивается мысль, что в действительности обвинение имело

¹ «Московский процесс промышленной партии», сокращенный отчет, с пред. Жоржа Валуа (Пьер Доминик), Париж, 1931, 744 стр.; *Пауль Шеффер*, цит. соч., стр. 342—344; *Луи Фишер*, цит. соч., стр. 222; *Н. Крыленко*, Обвинительный акт по делу промышленной партии, с пред. Марселя Кашена, Париж, 1930, 100 стр.; *Максим Горький*, Письмо рабочим и крестьянам капиталистических стран, с пред. Марселя Кашена, Париж 1930, 14 стр.; *Л. Мадьяр*, Капитализм против социализма; политический смысл московского процесса, Париж 1931, 65 стр.; *Карл Радек*, Портреты и памфлеты, 1935.

² *Луи Фишер*, цит. соч., гл. XV; см. также *В. Чемберлин*, Железный век России, 1935, стр. 162—164.

в виду живущих за границей членов российской социал-демократической партии, которые продолжали входить в качестве российской секции во II Интернационал и, как утверждало обвинительное заключение, участвовали в подстрекательстве и субсидировании различных актов «саботажа» по приказу парижского и лондонского комитетов, представляющих интересы бывших владельцев крупных промышленных предприятий в России¹.

Декларация Сталина

Здесь мы подходим к одному из тех внезапных и драматичных поворотов в политике, благодаря которым история советской власти так ошеломляет людей, не имеющих возможности вплотную следить за ее деталями. Описанный нами период (1929—1931) был, по выражению лица, заслуживающего доверие,—американского резидента в Москве,—«наиболее мрачным в истории интеллигенции при советской власти. Но 1931 год знаменовал резкий поворот к лучшему. ...В настоящее время [1932] российская интеллигенция приходит в себя. Ей дышится свободнее. Ей предоставлены новые права и привилегии. Советы обставляют ее теперь большими удобствами»².

Уже через несколько месяцев после приговора по крупному процессу Громана и др. в исторической речи Сталина от 23 июня 1931 г. прокламирована была новая политика. То была, так

¹ См. официальные отчеты об этом процессе: *Н. Крыленко*, Обвинительный акт по делу меньшевистской контрреволюционной организации Громана, Шера, Икова, Суханова и др., Париж 1931, 98 стр. (на франц. языке), «Известия» и «Инпрекор», февраль—апрель 1931; выпущенный в ответ II Интернационалом «Московский процесс и Рабочий и Социалистический Интернационал», изд. Рабочей партии, Лондон 1931, 48 стр. (на англ. языке), а также брошюру *Г. Кржижановский* (председатель Госплана), Разоблачения о заговоре против Советской власти, Париж 1931, 72 стр.

Более ранний процесс социалистов-революционеров, происходивший в 1922 г., имел под собой, как полагают, аналогичную подкладку. В самом деле, обвинение было направлено против II Интернационала. Предполагалось, что он замышлял вооруженное восстание, которому должны были предшествовать или сопутствовать убийство руководящих большевистских работников. Среди обвиняемых были эсеры—члены российской секции II Интернационала; видные члены этой организации, в том числе бывший бельгийский министр Эмиль Вандервельде с Либкнехтом и Розенфельдом, выехали в Москву, чтобы обеспечить процессуальную законность. Оказанный им прием не мог внушить II Интернационалу веру в беспристрастие суда; утверждали, что процесс не рассчитан и на успокоение страхов интеллигенции в самой РСФСР. Двенадцать обвиняемых приговорены были к смерти, но приговоры заменены были длительными сроками заключения («Двенадцать смертников», Берлин 1922, на англ. языке).

² *Луи Фишер*, цит. соч., стр. 22.

сказать, великая хартия советской интеллигенции. Раньше ортодоксальный большевик или, по крайней мере, рядовой рабочий мог воображать, что интеллигенция это недуг, от которого он будет раньше или позже излечен. Но Сталин заявил, что «ни один господствующий класс не обходился без своей собственной интеллигенции», и Советский Союз— не исключение. Сталин предлагал помочь интеллигенции. «Задача состоит в том,—сказал он,—чтобы не оттирать этих... товарищей». Тот факт, что многие из интеллигентов не большевики, по словам Сталина, «...не может служить препятствием к тому, чтобы смелее выдвигать их на руководящие должности»¹. Даже старые буржуазные специалисты, унаследованные большевизмом от царского режима, должны быть окружены лучшим отношением. Поэтому, требовал Сталин, «наше отношение к ней (т. е. интеллигенции) должно выражаться, главным образом, в политике привлечения и заботы о ней». Преследованию инженеров должен быть положен конец. «Спецеедство,—энергично заявил Сталин,—всегда считалось и остается у нас вредным и позорным явлением»². Теперь специальный правительственный декрет создавал для инженеров и других технических работников такое же высокое общественное положение, что и для промышленных рабочих в отношении продовольственных и промтоварных пайков, распределения квартир и преимущественного получения мест в санаториях и домах отдыха. Каждый специалист получал право на дополнительную комнату для домашних занятий. Они были переведены в более выгодную категорию плательщиков подоходного налога, т. е. процент подоходного налога для них был снижен. Их дети получили право поступления в школы наравне с рабочими.

«В судьбе российской интеллигенции,—сообщает авторитетный исследователь,—наступило немедленное заметное улучшение... Многие инженеры были освобождены из тюрьмы или возвращены из ссылки, и лишь немногие—если и были такие—оставались [в 1932] под арестом. Беспартийным врачам и техническим работникам вверялись высокие должности. Многие инженеры были награждены орденом Ленина и другими советскими знаками отличия... Если раньше интеллигент сто раз передумывал, прежде чем пожаловаться вслух, сейчас он снова осмелел, и любое правительственное учреждение внимательно к нему прислушивается. Кары за «производственный риск» теперь отменены. Этот обычай отравлял инженерам жизнь. Положим, специалист считает, что такой-то район—нефтеносный, и решает прорыть колодец в надежде добраться до нефти.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 457—458.—Ред.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 461.—Ред.

Если ему не удавалось ее найти, он легко мог подпасть под обвинение в умышленном антиправительственном саботаже. Результаты порою бывали невеселые. Сейчас [1932] каждый официальный оратор заявляет во всеуслышание, что производственный риск желателен, полезен и совершенно необходим для развития индустрии. Естественное право свободной инициативы возвращено инженеру. В своей последней речи комиссар юстиции Николай Крыленко отстаивал принцип равенства между заводским рабочим и инженером; он рассказывал об одном случае, когда он сместил, а затем и арестовал провинциального прокурора за возбуждение дела против нескольких инженеров без достаточных улик... Еще более примечательна, как симптом улучшения погоды для интеллигенции, статья в официальных московских «Известиях», автор которой, Арнольд Солц, член стержневой организации—Центральной контрольной комиссии—и один из крупнейших юристов в СССР. «Мы недостаточно привыкли ценить человека»,—заявляет Солц. Он жалуется, что «изгнание людей с важных постов в промышленности и административном аппарате, с применением ареста и осуждения их без соответствующей мотивировки, причинило государству страшный ущерб». Он осуждает этот обычай и критикует власти, лишившие советские учреждения тысяч необходимых работников, сажая их в тюрьмы по малейшему поводу и выдерживая их там, по чисто восточному методу, не до тех пор, пока государство сумеет доказать их виновность, а покауда они не докажут своей невиновности».

Процесс инженеров «Метро-Виккерс»

Смущение человека, изучающего советскую политику, возрастает еще более, когда он обнаружит, что, невзирая на декларацию Сталина в июне 1931 г. и вызванную этим заметную перемену ситуации, почти тотчас же последовал новый взрыв репрессий против интеллигенции.

Достаточно отметить инсценированный в январе 1933 г. уголовный процесс шести английских и десяти русских инженеров с русской секретаршей по обвинению в подрывной деятельности на электрических станциях, сопровождаемой заговором, шпионажем и подкупом. Эта история приобрела международную значимость благодаря своим непосредственным результатам. Британский посол сразу же проявил дипломатически ничем не оправданную обидчивость по поводу того, как это британские инженеры могут быть не то что осуждены, но даже

¹ Луи Фишер, цит. соч., 1932, стр. 228—229. См. по этому вопросу Элла Винтер, Красная добродетель, 1933, стр. 76 (дано в переводе с английского.—Ред.).

заподозрены в уголовном преступлении! Он категорически потребовал немедленного их освобождения от суда. Еще более осложнилось положение благодаря весьма недипломатичному акту британского правительства, публично угрожавшего наложить эмбарго на весь импорт из СССР, если хоть один из обвиняемых англичан будет найден виновным и осужден Верховным судом СССР. После такой публичной угрозы Верховный суд, как и можно было предвидеть, нашел обвинительные улики, подтверждаемые многочисленными личными признаниями, убедительными в шестнадцати случаях из семнадцати. Один из обвиняемых англичан был оправдан. Трое, хотя и найдены виновными, были присуждены лишь к немедленному изгнанию из СССР сроком на пять лет, между тем как остальные двое, старательно исповадавшиеся в своих собственных и грехах своих товарищей, присуждены были к двум и к трем годам тюрьмы. Британское правительство, даже не дождавшись быстро опубликованного точного стенографического отчета с изложением улик, объявило эмбарго, которым оно столь опрометчиво грозило и которое фактически прервало всякую торговлю между обеими странами, поскольку с другой стороны последовало контрэмбарго. Материальный ущерб, причиненный таким образом отдельным британским промышленникам и судовладельцам, по меньшей мере равносителен был затруднениям, причиненным советскому правительству. Эта неразумная реакция на регулярный судебный процесс, проведенный в надлежащих формах высшим трибуналом независимого суверенного государства, длилась свыше двух месяцев. Наконец, когда советский комиссар иностранных дел (Литвинов) посетил Лондон для присутствия на мировой экономической конференции, британский министр иностранных дел (сэр Джон Саймон) соизволил обратиться к нему в устной форме и предложить соглашение. Немедленно найдено было благодатное словцо: «одновременность». Сговорились на том, что отмена обоих эмбарго и освобождение обоих заключенных должны иметь место в один и тот же момент. Честь была спасена, и злополучный интернациональный инцидент был, наконец, исчерпан после того, как обе стороны потерпели серьезный экономический урон¹.

¹ В течение нескольких недель этот процесс был предметом обсуждения во всех посольствах и министерствах иностранных дел и получил колоссальную популярность в прессе всего мира. Советское правительство немедленно выпустило на английском и на русском языках дословный трехтомный отчет об этом восьмидневном процессе (свыше тысячи страниц); Британское правительство опубликовало депеши и т. п. в своих 4286 и 4290 за 1933 год.

Главный обвиняемый выпустил книгу (Аллан Монкгауз, Москва 1911—1933, 1933, 348 стр.). Упомянем еще А. Кеммингс, Московский.

Убийство Кирова

К несчастью, процесс английских и русских инженеров, происходивший в 1933 г., был не одинок. Уже следующий год был свидетелем того, как в Ленинграде одним уволенным служащим (по фамилии Николаев) убит был один из руководящих членов советского правительства (Киров, старый революционер, член Политбюро и секретарь Ленинградского комитета партии). Это убийство из мести немедленно послужило поводом к энергичным репрессиям. В Москве и Ленинграде, Киеве и Минске военные коллегии Верховного суда СССР быстро свершили суд приблизительно над двумя сотнями русских, включая интеллигентов, которые подозревались в контрреволюционной деятельности и с которыми убийца Кирова находился якобы в связи. Эти массовые суды держались в секрете, точно так же, как если бы их организовало ОГПУ, причем обвиняемые лишены были юридической помощи или возможности собрать свидетелей защиты. Для сотни с лишним заключенных суд закончился смертным приговором, и так как они были нарочито заранее лишены обычной привилегии—права апелляции, осужденные, согласно опубликованным сообщениям, немедленно были расстреляны. Дела рассматривались по распоряжению советского правительства вновь созданным Комиссариатом внутренних дел (Наркомвнудел), куда было влито ОГПУ, как это будет изложено ниже. Повидимому, это же ведомство несет и ответственность за тайну, в какой держались улики; в качестве основания ссылались на то, что в деле замешаны некие иностранные правительства, с которыми не желали порывать мирные отношения. Для полудюжины старых большевиков, арестованных по подозрению в соучастии в якобы широко разветвленном заговоре приверженцев Троцкого,—сюда входили Зиновьев, Каменев, Залуцкий, Евдокимов, Сафаров и Вардин,—уготован был особый жребий. Вначале считалось, что улики против них недостаточны, и их не судили, но оставили в распоряжении Комиссариата внутренних дел для административной ссылки в разные местности СССР. Однако вскоре объявлено было, что в бумагах и признаниях других обвиняемых обнаружены были новые обвинительные улики, и эти видные члены коммунистической партии предстали перед судом. Все они признаны были виновными, но ввиду их заслуг в начальный период революции, а также их личной близости к Ле-

процесс, 1933, 387 стр.; Г. У. Китон, Проблемы московского процесса, 1933, 143 стр. См. также Михаил Т. Флоринский, Мировая революция и СССР, 1933, стр. 248—250, 253—254 и У. Р. Риддель, Московский процесс инженеров в «Америкен бар ассосейшен джорнал», декабрь 1933.

нину, они были приговорены лишь к длительным срокам заключения.

Мы не в состоянии объяснить поведения советского правительства в данном случае. Дело британских инженеров и их русских коллег в 1933 г. возбуждено было ОГПУ, повидимому, без предварительной консультации с Совнаркомом и Политбюро. Вероятно, это можно приписать каким-либо «расхождениям» между ОГПУ и советским правительством, а может быть, это была самочинная попытка органа, которому угрожали новые формы контроля, утвердить свою независимость. Но дела, так поспешно проведенные в декабре 1934 г., после убийства Кирова, были возбуждены по собственному почину советского правительства. Обвинительные заключения по делу отдельных категорий подсудимых, повидимому, наряду с общей характеристикой их контрреволюционной деятельности, содержали самые различные обвинения. Значительной части обвиняемых, арестованных еще до убийства Кирова и находившихся под следствием в течение нескольких месяцев, вменялся нелегальный въезд в СССР и обладание оружием, предназначенным для незаконных целей. Другие, обычно проживающие в СССР, обвинялись в заговоре (в котором, говорят, замешан был латвийский консул в Ленинграде) с целью организации террористических убийств, для которых убийство Кирова должно было лишь послужить началом. Включение в общий список таких закоснелых противников сталинской политики, как Зиновьев и Каменев, и объединение людей, виновных в нелегальном въезде, с людьми, обвиняемыми в заговоре с целью убийства Кирова, открывало простор для кривотолков¹.

Таинственность, какой советское правительство придерживается в подобных делах, виной тому, что широкие международные круги неизбежно толкуют вкривь и вкось каждое его действие. Арест и немедленная казнь—из-за одного единственного убийства—такого множества людей с различным прошлым и различным положением, рассеянных на большом

¹ Полный текст обвинительного заключения по делу арестованных в Ленинграде, где, как утверждали, задумано было убийство Кирова, помещен в «Инпрекор» от 5 января 1935 г. В том же номере мы читаем утверждение, что «ноябрьский выпуск» «белогвардейской газеты «За Россию», издаваемой в Белграде (именующей себя органом центрального правления организации русских националистов)... открыто призывал «убрать» Кирова в Ленинграде» и Кагановича в Москве, ввиду того, что Сталин слишком хорошо охраняется: специфическое подстрекательство к убийству, которое, говорят, повторено было и в других эмигрантских газетах. Луи Фишер, дельные статьи которого в нью-йоркской «Нейшен» от 8 и 15 мая 1935 г. дают наилучший известный нам анализ, заявляет, что он сам читал этот специфический призыв к убийству.

пространстве, притом мотивируемые столь различными способами, не могли не вызвать враждебных комментариев¹. Даже если бы все это оправдывалось достаточными уликами в существовании преступного заговора, о которых публика не имела возможности судить,—похоже было, что здесь сочетались месть и решение воспользоваться случаем, чтобы убрать со сцены всех еще сохранившихся противников нынешней политики правительства. В широких кругах толковали это как открытое проявление террора. Нас тут занимает только вопрос, как отразилось все это дело на интеллигенции как общественном классе. Ей казалось, что этими судебными процессами власть оправдывает возобновление репрессий, которым Сталин стремился положить конец своей июньской декларацией 1931 г. Однако это мнение не подтвердилось. В июле 1934 г. Вышинский как верховный прокурор разослал даже приказ местной прокуратуре, чтобы она перестала делать инженеров и директоров

¹ Одним из проявлений неодобрительного отношения народа к этим судебным процессам (так сообщалось в прессе) была депутация, направленная генеральным советом конгресса трэджюнионов и исполнительным комитетом рабочей партии с протестом к советскому послу в Лондоне. (Нелегко себе представить, что ответил бы британский посол в Москве, если бы к нему явилась депутация от Всесоюзного совета профессиональных союзов с протестом против суда и приговора, вынесенного британским верховным судом какому-либо англичанину, избличенному в государственной измене и заговоре с целью убийства!) Советский полпред (Майский), выразив свое удивление по поводу такого необычного шага, принял, однако, депутацию чрезвычайно вежливо и даже разъяснил ей приговор Верховного суда. Он сказал, что осужденные «признаны были виновными в подготовке и проведении террористических актов. Большинство из них прибыло из-за границы, и при них были найдены бомбы, гранаты, револьверы и другие виды оружия. На суде они открыто заявили себя врагами Советского Союза и признались в преступлениях, в которых их обвиняли. «При обычных обстоятельствах,—продолжал г. Майский,—лица, арестованные до убийства Кирова, судились бы, вероятно, в различное время и были бы приговорены к соответствующим наказаниям. Однако убийство Кирова вызвало необходимость в усилении мер борьбы с терроризмом, и в связи с этими обстоятельствами советские органы власти нашли действительно необходимым ускорить расследование всех незаконченных дел террористов, а также и дел, находящихся в Верховном суде». После ссылки на убийство короля Югославии и французского министра иностранных дел и на выступление Лиги наций г. Майский разъяснил, что, «как всем известно, белогвардейские террористы пользуются радушным гостеприимством в некоторых европейских странах, где они открыто подстрекают к террористическим актам против представителей советского правительства и участвуют в подготовке подобных актов. Несмотря на строжайшую систему выдачи паспортов и полицейского контроля, существующую в странах, прилегающих к СССР, белогвардейские террористы беспрепятственно проникают из этих стран в СССР в целях осуществления своих террористических планов. Подобное положение вещей должно бы вызывать возмущение у всех честных людей» (отчеты в «Таймс», «Манчестер гардиан» и других английских газетах от 3 января 1935).

козлами отпущения за административные недочеты. Он решительно запрещал возбуждать немотивированные обвинения. По его словам, ему приходилось в последнее время кассировать многочисленные приговоры, неправильно вынесенные сибирскими судами. Впредь он окончательно запрещал производить аресты подобного рода.

Ликвидация кулачества

Одновременно с преследованиями интеллигенции, падающими на период 1928—1934 гг., определилась совершенно независимо от этого не менее беспощадная политика «ликвидации кулачества как класса». Мы уже описывали, как коммунистическая партия справлялась с проблемой недостатка продовольствия, и еще вернемся к этому ниже. Сейчас нам достаточно напомнить, что в течение ряда лет вокруг этой проблемы шла интеллектуальная борьба, которая вылилась в форму бесконечных митингов и прений, взаимных нападок в памфлетах и газетной полемике; что это вызвало в рядах коммунистической партии сильнейший раскол за все десять лет ее нахождения у власти; наконец, после бесконечных совещаний между воюющими фракциями принято было решение, против которого меньшинство интриговало и бунтовало такими способами и в таких масштабах, что в итоге это привело к исключению и ссылке некоторых из наиболее видных «старых революционеров». Принятая таким образом новая политика имела своим результатом ни более, ни менее, как вторую аграрную революцию, даже большую по своему размаху, чем революция 1917—1918 гг. Без числа разбросанные на всем пространстве СССР полоски и мелкие земельные участки решено было слить в несколько сот тысяч крупных ферм, где сельское хозяйство могло быть с успехом механизировано. В конце концов пришли к решению, что только таким путем в ближайшем десятилетии можно будет увеличить общую сумму производимых продуктов настолько, чтобы удовлетворить запросы растущего населения, спасти от неминуемой нищеты массы крестьян, которые не в состоянии производить достаточно даже для своих семей, и создать зерновой запас на случай периодических неурожаев, а также для нужд обороны против возможного иностранного вторжения.

Это важное решение партии—быть может, самое важное с тех пор, как в 1918 г. приняты были условия мирного договора, продиктованного германской армией, возлагало на советское правительство, вдобавок ко всей его работе, задачу колоссального объема и трудности. Здесь нас занимает лишь тот факт, что это политика, между прочим, включала и «ликвидацию» последнего сохранившегося сектора частнокапиталисти-

ческого хозяйства. 25 млн. крестьянских семей делились, как мы уже указывали в другом месте, на три ясно выраженные категории: бедняков, середняков и относительно зажиточных крестьян (кулаки). Предполагалось, что первых легко будет убедить объединиться в колхозы, которые откроют перед ними перспективу более крупных доходов в сравнении с тем, что приносили их мелкие участки. Относительно второй группы считалось, что она, в большей своей части, может быть завоевана демонстрацией колхозных успехов. Предусматривалось, однако, что некая часть середняцкого крестьянства, включающая, с одной стороны, наиболее энергичных и тщеславных из них, с другой—наиболее упорных и предубежденных, окажет решительное противодействие. Наконец, зажиточный крестьянин, которому удалось расширить свой участок путем аренды, часто соединяющий с обработкой земли также небольшую торговлю и систематическое ростовщичество, развивающий свое земельное хозяйство с помощью сельскохозяйственных кооперативных обществ, личного накопления знаний и использования низкооплачиваемого наемного труда,—короче сказать, ненавистный кулак,—должен быть «ликвидирован как класс». Фактически считалось, что для завершения этой новой аграрной революции нужно будет в общей сложности согнать с их сравнительно доходных участков около миллиона семей¹. Сильна должно быть вера и крепка воля людей, которые в интересах того, что представлялось им общественным благом, могли принять такое серьезное решение.

Нужно признать, что если действительно добиваться требуемого роста продукции, то нельзя было останавливаться перед ликвидацией частного капитала в сельском хозяйстве. Если идти на механизацию всех сельскохозяйственных процессов, не только обязательно нужно было слить разбросанные полоски и карликовые участки, но и нельзя было допускать, чтобы в обширную площадь коллективного хозяйства врезались чьи-либо частные владения. Правда, в России не было нужды—как это имело место в аналогичный период в Англии

¹ Количественно кулаки были сильны. Степняк в 1895 г. отмечал, что «каждая деревня насчитывала всегда трех-четырех кулаков, а также полдюжины людей того же сорта, но помельче. Они не обладали ни умением, ни усердием—их отличали только проворство обращения в свою пользу нужд, печалей, страданий и несчастий других» (*Степняк*, Русское крестьянство, 1895; цит. по англ. изд. 1905, стр. 54).

Эта пропорция—в семидесяти, примерно, тысячах деревень—приблизительно соответствует данным, которые приводились Сталиным в ноябре 1928 г.: «Доказано, что кулаков у нас имеется около 5%» (*Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 368). И весь этот класс, насчитывающий, быть может, миллион хозяйств, советскому правительству предстояло «ликвидировать» в течение пяти лет.

1760—1820 гг., после утверждения закона об огораживании пастбищ—постоянно иметь дело с целыми приходами или поместьями. Но во всяком случае каждое коллективное хозяйство нуждалось в сплошной площади, измеряемой сотнями акров, которая могла не совпадать с границами деревни или района, но неизбежно требовала насильственного изгнания собственников, отказавшихся (или не получивших разрешения) влить свое небольшое хозяйство в новый колхоз. Можно сказать, что по этому пункту внутри коммунистической партии не возникло каких-либо серьезных разногласий. Ни одна из фракций не хотела проявить снисхождения ко всем ненавистному кулаку.

Современному англичанину трудно как следует оценить отвращение и ненависть, испытываемые русскими к кулаку. Сейчас, в период его «ликвидации», он может представляться лишь исключительно бережливым и энергичным крестьянином, который поднялся благодаря своим личным качествам над массой нерадивой бедноты. Но все исследователи русской деревни (за последние полвека и больше того) клеймят кулака как чудовищного притеснителя своих более бедных земляков. Степняк в 1895 г. дает потрясающее описание жестокого кулацкого лихоимства и замаскированного рабства, в какое попадали к нему безземельные крестьяне.

«Отличительной чертой этого класса,—говорит Степняк¹,—является твердая, непреклонная жестокость совершенно неграмотного человека, который пробил себе дорогу от бедности к богатству и который считает, что единственная цель, к которой должно стремиться разумное создание,—это деньги».

«Кулак,—писал толковый германский наблюдатель в 1904 г.²,—интереснейшая фигура российской деревни... Нет сомнения, что методы, к каким прибегал этот ростовщик и угнетатель в крестьянской блузе, не принадлежали к числу самых чистых... Видное положение, занимаемое им в настоящее время, создано за последние 20—30 лет... «Мироед»... это естественный продукт порочной системы... Используя затруднительное положение своих односельчан, (они) использовали своих должников наряду со своими наемными работниками и присваивали в свое индивидуальное пользование участки этих экономически немощных людей». Д-р Диллон, авторитетный и непререкаемый свидетель, заявлял в 1918 г., что «человека подобного типа обычно называют кулаком, чтобы символизировать его полную бесчувственность, неспособность к жалости и состраданию. *И среди всех человеческих чудищ, каких я встре-*

¹ Степняк, цит. соч., англ. изд., стр. 35.

² Вольф фон Ширбанд, Россия, ее сила и слабость, 1904, стр. 120 (на немецк. языке).

чал в своих путешествиях, я не могу припомнить ни одного, столь же злобного и гнусного, как русский кулак. В ужасах революции 1905 и 1917 гг. властвовал дух этого воплощенного сатаны»¹. В русских источниках приводится много картинных образчиков беспощадного экономического гнета со стороны кулаков². С точки зрения английских экономистов—индивидуалистов эпохи Виктории, кулаки как класс делали, можно сказать, «здоровое дело», а именно, постоянно пользовались экономической слабостью тех, с кем они заключали сделки; покупали подешевле и продавали подороже; платили как можно меньше за труд людей, искавших работы, и максимально наживались на людях, по собственному почину приходивших к ним за ссудой.

Но вне зависимости от того, был ли такой преуспевающий крестьянин хорошим или дурным членом сельского общества, коммунистическая партия решила, что СССР не должен следовать примеру Франции, которая все время выращивает класс крестьян-собственников. Опыт прошедших семи лет, когда только один или два процента крестьян по всему СССР добровольно вошли в колхозы, несмотря на специальные кредитные привилегии и снижение налогов, показал, что нужны более решительные усилия. Уже через год после того, как Сталин провозгласил новую политику, в полном разгаре была вторая аграрная революция: массами изгонялись несогласные, чьи участки лежали поперек пути, имущество их конфисковалось, а сами они с семьями насильно переселялись в новые места. Одновременно сельскохозяйственный налог был дифференцирован таким образом, что он чрезвычайно тяжело ложился на хозяйство единоличника, даже если этот последний не стоял поперек пути колхозу,—просто для того, чтобы убедить его владельца, что вскоре его положение станет невыносимым.

На первых порах новая аграрная революция взяла темпы, превосходящие все ожидания. Первый пятилетний план предусматривал ежегодное объединение 20% всех крестьянских хозяйств. Но уже через год не менее 55% объединили свои хозяйства в колхозы. Количество тракторов и других сельскохозяйственных машин было совершенно недостаточно для такого быстрого роста, и началось сильное недовольство. Центральный исполнительный комитет доложил, что нужно что-нибудь предпринять для его успокоения, и Центральный комитет коммунистической партии поручил Сталину выступить с речью, которая распространена была по всему СССР под названием «Головокружение от успехов». В ней он резко обру-

¹ Э. Диллон, *Затмение России*, 1918, стр. 67.

² См. убедительный рассказ женщины-крестьянки в брошюре *Евдокии Пазухиной*, *Колхозный труд*, Москва 1930 (на англ. языке).

шился на местные комитеты и органы власти за излишнее усердие. Он настаивал на том, что вступление в колхоз должно быть совершенно добровольным для каждого единоличника, отнюдь не отнимая у этих новичков-добровольцев выгоды пользования своим же имуществом, вложенным в колхоз, колхозные правления должны предоставлять им достойный эквивалент. Он заявил, что каждому, желающему уйти из колхоза, это должно разрешаться в установленные сроки. В результате общее количество колхозников сразу упало почти наполовину. В дальнейшем коллективизация проводилась не столь стремительно и с большей осмотрительностью. Она происходила непрерывно, пока, в конце 1933 г., около 65% крестьянских хозяйств не были объединены в двести тысяч с лишним коллективных хозяйств, приносящих свыше трех четвертей общего годовичного урожая СССР. В этих районах, где образование колхозов стимулировалось специальными мерами, причем охвачена была почти вся площадь, на которой производилось обычно больше пшеницы, чем это требовалось для местного потребления,—ликвидацию кулачества можно считать в основном завершенной к концу 1933 г.

Мы считаем достойным сожаления, что нет ни доступных статистических данных, ни хотя бы описательного отчета, чтобы судить, каким образом создана была эта невольная диаспора, охватывающая, вероятно, несколько сот тысяч человек. Мы не можем выяснить, в скольких случаях фактически было конфисковано все имущество этих семей или просто взято в свои руки колхозами имущество тех семей, которые как кулацкие не были допущены в колхоз и сами от этого упорно отказывались. Мы не можем себе составить представления, скольких среди них можно было точно охарактеризовать как кулаков или как людей, повинных в экономическом угнетении своих менее успевающих соседей,—а сколько было просто упрямых индивидуалистов, которые, независимо от того, давала ли им что-нибудь или не давала единоличная обработка их мелких участков, решительно отказывались войти в колхозы. Мы не знаем, в какой мере и какими методами расследованы были их дела, прежде чем они были выброшены из своих домов. Мы не могли выяснить, сколько из них было посажено в тюрьмы или выслано на лесные разработки в северные районы, или направлено на общественные работы по постройке железных дорог и каналов, или использовано для таких гигантских промышленных предприятий, неизменно испытывающих голод в людях, как Магнитогорск и Челябинск, или послано в Донецкий бассейн для работы в шахтах, также страдающих от недостатка рабочей силы. Неизвестны нам также какие-либо описания условий, в которых приходилось жить

этим сотням тысяч мужчин, женщин и детей в период этих выселений; неизвестны и цифры смертности во время их передвижения. Насколько нам известно, советское правительство не удостоивало ответом многочисленные обвинения в жестокости, якобы допускавшей его агентами, и не опубликовало никаких отчетов, поясняющих его действия во время массовой «ликвидации» столь значительной части его граждан. В самом деле, общественности почти ничего неизвестно,—разве что путешественники, проезжавшие в последние несколько лет по южным районам СССР, то и дело встречали на станциях группы печальных, истомленных мужчин, женщин и детей, ничего не имевших, кроме того, что было при них, увозимых поездом в неизвестном направлении под охраной вооруженной стражи. Страдания этих людей неисчислимы¹.

Отделялись от кулаков своеобразным способом. Совнарком СССР заявил в своем декрете, что кулаки как класс должны быть ликвидированы. И вот в разных местах страны собирались батраки и бедняки с теми из середняков, которые предпочли идти с ними вместе, созывали деревенский сход и принимали постановление, что такие-то крестьяне их деревни—кулаки и должны быть лишены имущества. Мы уже ссылались на американскую журналистку, долго прожившую в СССР и описавшую, с какой серьезностью, с каким чувством ответственности принимались решения на тех сходах, на которых она присутствовала, а также какие запоздалые попытки принимались вышестоящими властями, чтобы смягчить эти суровые приго-

¹ Компетентный наблюдатель пишет в 1933 г.: «Двое зажиточных крестьян, работающие люди, безусловно не кулаки—я их обоих знаю—взяты были из своих домов в два часа пополудни и без всякого предъявления вины увезены в незнакомый им район принудительных работ... Большая часть деревни была коллективизирована, но колхозная организация отказалась его принять. Он был самый зажиточный из крестьян и нанимал батраков, почему и был лишен прав и не допущен в колхоз. «Как видите, я ссыльный, как и вы (это было на следующий день по окончании московского процесса)...—но,—продолжал он,—между нами разница; вы едете домой к порядку и изобилию, для нас же одна дорога—запереть окна и открыть печь; только так можно без мук избежать голодной смерти» (Аллан Монкгауз, цит. соч., стр. 219—220).

Тот же наблюдатель описывает кулаков, виденных им в Челябинске в январе 1932 г.: «Я посетил специальный пункт, где агенты набирали рабочих для Магнитостроя. . . Большинство этих несчастных претендентов на работу были кулаки, лишенные земли и собственности и высланные из своих деревень. Во многих случаях их сопровождали семьи. Их положение напомнило мне польских беженцев в Москве в 1915 г. Старшие были явно чересчур запуганы, чтобы говорить, и очень мало сказали бы о том, что прочувствовали и пережили. Подошли двое детей и попросили милостыни... и я услышал жалостный рассказ о разрухе деревенской жизни, разломанных домах и поисках работы,—вот что стало жребием этих крестьян» (Аллан Монкгауз, цит. соч., стр. 190).

воры¹. О том, как эти решения проводились в жизнь, у нас не имеется ни записей, ни прямых свидетельств, но мы позволим себе процитировать целый отрывок из недавно опубликованного художественного произведения, автор которого был очевидцем многого того, что он описал. Мы не выдаем это за фактический материал. Но если не полагаться на каждую деталь, повесть несомненно отражает в себе то настроение, с каким проводилась экспроприация:

«Похожий на мать, статный и красивый, из-за стола встал Тимофей. Он вытер тряпкой яркие губы под юношески пушистыми усами, сощурил наглые, навывкат, глаза и с развязностью лучшего в хуторе гармониста, девичьего любимца, указал рукой:

— Проходите, садитесь, дорогие власть!

— Нам садиться некогда,—Андрей достал из папки лист.— Собрание бедноты постановило тебя, гражданин Фрол Дамасков, выселить из дома, конфисковать все имущество и скот. Так что ты кончай, полуднуй и выгружайся из дому. Зараз мы произведем опись имущества.

— Это почему же такое?—кинув ложку, встал Фрол.

— Уничтожаем тебя, как кулацкий класс,—пояснил ему Демка Ушаков. Фрол пошел в горницу, поскрипывая добротными, подшитыми кожей валенками, вынес оттуда бумажку.

— Вот справка, ты сам, Разметнов, ее подписывал.

— Какая справка?

— О том, что хлеб я выполнил.

— Хлеб тут не причем.

— А за что же меня из дому выгонять и конфисковать?"

— Беднота постановила, я же тебе пояснил.

— Таких законов нету!—резко крикнул Тимофей.—Вы грабильную устраиваете. Папаня, я зараз в рик поеду, где седло?

— Ты в рик пеший пойдешь, ежели хочешь. Коня не дам.—Андрей присел к краю стола, достал карандаш и бумагу. У Фрола синевой налился рванный нос, затряслась голова. Он, как стоял, так и опустился на пол. с трудом шевеля распухшим, почерпелым языком.

— Ссук-ки-ны! Сукины сыны! Грабьте! Режьте!

— Папаня, встаньте, ради христа!—заплакала девка, подхватывая отца подмышки.

Фрол оправился, встал, лег на лавку и уже безучастно слушал, как Демка Ушаков и высокий застенчивый Михаил Игнатенок диктуют Разметнову.

— Кровать железная с белыми шарами, перина, три подушки, ишо две кровати деревянных.

¹ А. Л. Стронг, Диктатура и демократия, 1934, стр. 267.

— Горка с посудой. И посуду всю говорить? Да ну ее под такую голень.

— Двенадцать стульев, одна длинная стула со спинкой, гармония-трехрядка.

— Гармонь не дам!—Тимофей выхватил ее из рук Демки: — не лезь, косоглазый, а то нос расшибу!

— Я тебе так расшибу, что и мать не обмоет!»

«Районному уполномоченному ГПУ т. Захаренко: Препровождаю в ваше распоряжение кулака Бородина Тита Константиновича как контрреволюционный гадский элемент. При описании имущества у этого кулака он официально произвел нападение на присланного двадцатипяти тысячника т. Давыдова и смог его два раза рубануть по голове железной занозой.

Кроме этого заявляю, что видел у Бородина винтовочный обрез русского образца, который не мог отобрать по причине условий, находясь на бугре и опасаясь кровопролития. Обрез он незаметно выкинул в снег. При отыскании доставим к вам как вещественность. Секретарь Гремяченской ячейки ВКП(б) и краснознаменец М. Нагульников».

Титка посадили в сани. Он попросил напиться и позвать к нему Нагульнова. Тот с крыльца крикнул:

— Чего тебе?

— Макар! Помни!—потрясая связанными руками, как пьяный, закричал Титок.—Помни: наши пути схлестнутся! Ты меня топтал, а уж тогда я буду. Все одно—убью! Могила—на нашу дружбу!

— Езжай, контра!—Нагульников махнул рукой.

Лошади резво взяли со двора».

Сколько кулаков было в общей сложности экспроприровано таким путем, лишено всего своего имущества и изгнано из деревень, этого мы не можем сказать. Но была и другая причина их «ликвидации». В годы 1931 и 1932, на которые падает описанный нами частичный неурожай во многих районах СССР, многие крестьяне—и члены новых колхозов и не-колхозники—упорно отказывались обрабатывать свои участки и засеяли небольшую часть своей земли, чтобы только собрать на пропитание; совершенно запустили прополку, когда же хлеб созрел, ограничили уборку минимальным количеством для своих нужд, оставив весь остальной урожай гнить на полях. В результате, когда случилась засуха, многие крестьяне Украины и Северного Кавказа увидели, что им нечем будет жить зимой и весной. Освободив их от налогов, а в некоторых местах даже снабдив голодающих хлебом, советское правительство

решило, что неблагоприятно кормить упрямцев на их же участках, которых они не захотели обрабатывать. И вот отдельные семьи, а кое-где на Северном Кавказе и целые деревни перевезены были в другие места, где они могли спастись от голода, зарабатывая прожиточный минимум, например, на так называемых «общественных работах». Десятки тысяч людей поставлены были на работу по сооружению Беломорского канала. Другие посланы были на подкрепление рабочим, строящим новый Челябинск и Магнитогорск. Мы не можем даже подсчитать, сколько сот тысяч семей были таким образом насильственно оторваны в период 1930—1934 гг. от своих участков, лишившись всего, чем они обладали.

Мы не намерены преуменьшать, а тем более оправдывать эту беспощадную экспроприацию и высылку хозяев-земледельцев, заклеянных именем кулаков,—так же, как и не менее беспощадное изгнание лет сто с небольшим назад стольких огородников Шотландии или экономическое разорение многочисленных мелких арендаторов, каким сопровождалось проведение закона об огораживании пастбищ в Англии. Политика принудительной замены карликовых участков в одном случае овечьими пастбищами, в другом—крупными фермами могла быть экономически полезной в обоих случаях. Советское правительство могло с полным правом считать, что всеобщая механизация сельского хозяйства возможна только при широком слиянии самостоятельных крестьянских участков и только при такой механизации можно будет получить количество продовольствия, отвечающее нуждам нации. В самом деле, частичный неурожай 1931 и 1932 гг. (хотя, как мы уже разъясняли¹, весьма далекий от того, что называют голодом) привел многие тысячи малоземельных крестьян на грань настоящей голодовки; и несомненно могло казаться, что по крайней мере в этих случаях только переселение в состоянии спасти их от гибели при ближайшем неурожае или еще до следующей уборки. Если порицать, то не столько политику переселения, сколько те методы, какими она, повидимому, проводилась, и неудовлетворительные условия жизни в тех местах, куда эти жертвы, повидимому, самочинно переселялись без суда и без настоящего следствия².

¹ Т. I, гл. III, разд. III.

² Нам рассказывали про одну группу высланных кулаков, которых послали работать в самых неблагоприятных условиях на постройке Турксиба. По окончании этого задания ведавший ими инженер, говорят, предложил, чтобы вся группа приписана была к соответственной площади пустующей земли и организовалась в колхоз, где они могли бы использовать свои сельскохозяйственные навыки, выполняя все земледельческие работы без применения наемного труда. Мы не знаем, проводился ли где-нибудь подобный план. Нечто в этом роде мог представлять собой «коло-

Деятельность ЧК и ОГПУ

Невзирая на колоссальные и длительные страдания, сопутствовавшие военному коммунизму, гражданской войне, голоду 1921 г. и ликвидации сначала нэпманов, а затем кулаков, на наш взгляд нельзя не прийти к заключению, что в течение всего периода 1917—1935 гг. советское правительство опиралось на поддержку не только миллионов членов коммунистической партии, но и на массу рабочих городов и угольных районов, на железнодорожников, на сотни тысяч красноармейцев и, хотя и с большими исключениями, на крестьянские массы в значительной части обширного Союза Советских республик¹. Мы уже описывали всепроникающую систему политического воспитания и пропаганды, с помощью которой коммунистическая партия завоевала и поддерживала свое бесспорно руководящее положение². Сейчас мы остановимся на том, как использована была на протяжении всего периода ликвидации помещиков и капиталистов, а также их пособников из среды интеллигенции, широкая система энергичных репрессий за всякую «контрреволюционную» деятельность. Главным орудием этого «терроризма» была обширная организация типа тайной полиции, последовательно известная под именами ЧК и ОГПУ, а в 1934 г. влившаяся в новый Комиссариат внутренних дел (Наркомвнудел).

Террор, осуществляемый тайной полицией, в России, конечно, не новость. Нечто в том же роде можно отметить при Петре Великом, если еще не при Иване Грозном. Но впервые настоящая организация подобного типа была создана в виде жандармского корпуса вскоре после восстания декабристов

низационно-переселенческий план», опубликованный в августе 1933 г. и проводившийся под руководством специального переселенческого комитета. В виде опыта дело было начато в 1932 г., в связи с высылкой целых казачьих деревень с Северного Кавказа. Новые колонии расположены в неплохих сельскохозяйственных районах южной Сибири (см. «Таймс» от 31 августа 1933 г.).

¹ Большевикское большинство не только было особенно заметно, но и отличалось своей постоянной активностью в Ленинграде и Москве и в прилегающих районах. Но даже в 1917 г. за большевиков подавалось больше всего голосов в собственно России. Компетентный наблюдатель сообщает, что «без сомнения, в центральной России большинство населения сочувствовало революции. Изучая статистику выборов в Учредительное собрание, проведенных на ортодоксальных демократических началах, я с изумлением обнаружил, что большевики получили 55% всех голосов, поданных в северной и центральной России, включая Москву, Петроград, северо-западные и западные районы. Они были забаллотированы в более богатых окраинных частях России—на Украине, на юге, на Кавказе и в Сибири, где первенствовали эсеры. Эти районы были ими постепенно завоеваны в значительной мере благодаря сумасбродствам и зверствам «белых» генералов» (Г. Н. Брейлсфорд, Российская рабочая республика, 1921, стр. 110).

² Т. I, гл. V.

в 1825 г.; эта жандармерия была подчинена знаменитому «Третьему отделению» придворной «канцелярии» при Николае I. Несмотря на всякие так называемые реформы, организация, не изменяя в сущности ни целей, ни методов, просуществовала под именем охраны до самой Февральской революции 1917 г., когда она исчезла на несколько месяцев в период полного распада правительственной власти. Однако Керенский вскоре почувствовал нужду в подобного рода национальных силах политической полиции и стал уже предпринимать шаги к восставлению охраны, когда Октябрьская революция смела Керенского вместе с его проектами. Ленин и Совнарком весьма скоро пришли к выводу, что без подобной организации новому правительству нельзя успешно бороться с контрреволюционными восстаниями, происходившими кругом, зачастую в контакте с армиями интервенции¹. В июне 1918 г. Совнарком охотно принял предложение одного из своих надежнейших коллег, Феликса Дзержинского, о том, чтобы разрозненная и нерегулярная деятельность недавно возникших сил тайной полиции, начатая почти тотчас же после захвата власти, окончательно была оформлена в организацию под именем «Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем»; название это было тут же сокращено в Чека. Декретом от 7 ноября 1918 г. Дзержинский назначен был председателем этого комитета из пятнадцати испытанных и надежных большевиков, которым предоставлена была почти такая же исключительная власть, как в былое время охраны. Новый орган, хотя и не вернул на службу никого из персонала старой охраны, применял те же методы шпионажа и доноса, устного допроса и тайного суда. На первых порах он даже менее подвержен был контролю в сравнении со своей предшественницей, которая

¹ «11 декабря 1917 г. Ленин издал декрет, объявляющий кадетов «партией врагов народа». Согласно этому декрету руководящие члены партии подлежали суду революционных трибуналов. Затем, 19 или 20 декабря, Ленин написал Ф. Э. Дзержинскому меморандум, содержавший в себе проект генерального декрета о борьбе с контрреволюцией и саботажем. Он предлагал Комиссариату внутренних дел принять на себя, при поддержке домовых комитетов, наблюдение за всей буржуазией, землевладельцами и зажиточными классами. К лицам зажиточных классов причислялся всякий с ежемесячным доходом в 500 рублей и выше, или владеющий в городе имуществом, ценностями или наличными деньгами на сумму свыше 1 000 рублей. Такие лица, а также все служащие банков, сберегательных касс и других учреждений, обязаны были сообщать домовым комитетам сведения о своих доходах и занятиях». *Г. Вернадский*, Ленин—красный руководитель, 1931, стр. 190. См. также: *Пауль Гензель*, Экономическая политика Советской России, стр. 273 (на англ. языке); *Фернан Гренар*, Русская революция, Париж 1933; *И. Штейнберг*, цит. соч.; перев. с немец. изд., Париж 1930, особенно гл. III, стр. 86—97; *И. Нуланс*, Годы моего посольства в Советской России, 1917—1919, Париж 1933, тт. I и II (на франц. языке).

непосредственно подчинялась царскому министру внутренних дел, между тем как Чека отвечала только перед Совнаркомом в целом, не имеющим у себя соответствующего отдела. Кроме того Чека сразу же присвоила себе право карать—вплоть до смертной казни—контрреволюционеров, застигнутых с поличным, между тем как охранка официально не вправе была самостоятельно налагать наказания,—обстоятельство, которое, если бы и можно было верить хотя бы сотой доле противных утверждений, не мешало ей неопределенное время держать людей в тюрьме, подвергать побоям и другим физическим насилиям и в упрощенном порядке ссылать в Сибирь.

К сожалению, никто не может рассказать историю 1918—1922 гг., когда Чека бесконтрольно осуществляла свою грозную власть, при которой ни один человек не чувствовал себя в безопасности. Как все и вся в это страшное время, Чека была решительна, бесконтрольна и беспощадна. Самочинные аресты и ускоренные расстрелы; сущая пытка для нервов—ее ужасные допросы и тайные трибуналы; повсеместная тревога и уныние, вызываемые этой сетью шпионажа и почти непрерывными доносами,—все это в сенсационной форме описано в десятках книг на разных западноевропейских языках. Мы опасаемся, что нет оснований сомневаться в реальности «красного террора», точно так же как и «белого террора», сменявшего собою красный везде, где одерживали верх белые армии. Но если говорить о конкретных случаях, документальная ценность большей части этой мрачной литературы ничтожна. Эти книги, естественно, крайне тенденциозны. Они полны совершенно неправдоподобных сплетен, неподтвержденных ссылок и анонимных писем. Архивы не публиковались, и возможность такой публикации невероятна. Следовательно, мир никогда не сможет исследовать, а тем более с известной точностью судить хотя бы о небольшой доле тех жестокостей, какими отмечены были первые пять лет после Октябрьской революции, как невозможно по-настоящему судить о зверствах белой армии в 1918—1920 гг. или о царских репрессиях 1907—1912 гг.¹

¹ С таким же предостережением к читателю обращается В. Чемберлин в своей последней книге «Железный век России», 1935: «Многие книги, претендующие на разоблачение ГПУ, содержат такие грубые преувеличения и неверные сведения, что с точки зрения действительной истины они ниже всякой критики» (стр. 160).

Любителям сенсационной литературы может пригодиться следующий список: *Джордж Кеннан*, Сибирь и ссылка, 2 тома, 1891, с обширной библиографией и приложениями; *А. Т. Васильев*, Последний начальник царской полиции: Охранка: русская тайная полиция, 1930, 320 стр.; *Князь П. А. Кропоткин*, Террор в России, призыв к британской нации, 1919, IV, 74 стр.; *И. Алинин*, Чека, история большевистской чрезвычайной комиссии, 1919; *Г. Попов*, Чека: государство в государстве, 1925, 306 стр., в переводе озаглавлено: «Чека, красная инквизиция», 1925, 308 стр. (все

В 1922 г., когда закончились сменявшие друг друга войны и в основном восстановлен был правопорядок, Чека демонстративно была упразднена, чтобы по возможности рассеять тревоги и страхи населения. Но при всей своей жестокости она оказалась слишком полезным орудием, чтобы правительство захотело отказаться от ее помощи. Одна из худших сторон гражданской войны состоит в том, что вряд ли она может закончиться подлинным миром, по крайней мере, в пределах одного поколения. Правительства могут прекратить враждебные действия и заключить между собою мир, потому что гражданам победившей и побежденной страны в своей повседневной жизни не придется тесно соприкасаться. Между тем в СССР, где миллионы людей обоего пола провели несколько лет в состоянии более или менее открытой вражды, начиная от обычных бытовых конфликтов до настоящей партизанской войны,—вражды, вытекающей из ожесточенной классовой ненависти, которая несколько не ослаблена была исходом борьбы,—монархист и коммунист, буржуа и пролетарий, меньшевик и большевик, короче говоря, революционер и контрреволюционер, неизбежно должны были сохранить не только отчужденность, но и взаимное озлобление. В частности, победители не доверяли лояльности побежденных в отношении социального строя, выросшего на руинах старого. Кроме того существовала масса социальных преступников, занимавшихся под тем или иным прикрытием воровством и растратами, грабежами и убийствами. Нужно помнить, что в то время на обширных пространствах СССР не существовало

эти книги на англ. языке); *Л. Надо*, В тюрьме русского террора, 1920, 247, стр.; *В. М. Чернов и 9. Пьермон*, Чека, материалы и документы, 1922, 305 стр.; (на франц. языке); *Сергей Петрович Мельгунов*, Красный террор в России, 1925, с обширной библиографией; франц. перев. под заглавием «Красный террор в России 1918—1924», 1927 (на англ. языке); *Ж. Дуйе*, Москва без вуали: девять лет работы в стране Советов, 1928, 249 стр. (на франц. языке), англ. перев. озаглавлен «Москва без маски: девять лет работы и наблюдений в Советской России», 1930, 223 стр.; *М. Ларсон*, Эксперт на службе Советов, 1929; *Б. Цедерхольм*, В лапах Чека, 1929, 349 стр.; *Д-р Карл Киндерман*, В сетях ОГПУ, 1933, 288 стр.; *Владимир Вруновский*, Методы ОГПУ, 1931, 235 стр. (все книги на англ. языке); *В. В. Антонуа*, Советский рай, 1931, 175 стр.; «ОГПУ: в преисподней Чека», 1932, 222 стр.: *Эссад Бей*, Заговор против мира, 1932, 259 стр.; англ. перев.: «Тайны ОГПУ», 1933 (на немецк. языке); *Грегор А. Агабеков*, Чека за работой, 1932, 207 стр. (на немецк. языке); *И. Штейнберг*, Воспоминания народного комиссара 1917—1918, 1930, 250 стр. (на франц. языке); *Татьяна Чернавина*, Бегство от Советов, 1933; *Владимир Чернавин*, Жизнь в концентрационных лагерях СССР, в журн. «Славоник ревью», январь 1934 г., стр. 387—408; в дополненном виде издано под заглавием «Я говорю с Молчащим», 1935; *В. Г. Чемберлин*, Правительство террора», в «Атлантик монсли», октябрь 1934; *его же*, Эволюция советского терроризма, в «Фореин аферс», октябрь 1934 г.; повторено в его же книгах «Железный век России», 1935, и «Русская революция 1917—1921», Нью-Йорк 1935.

организованной «полиции безопасности», которая создана была на протяжении XIX в. большинством западных наций. Даже в городах полиция была недостаточно сильна, чтобы поддерживать порядок или предупреждать кражи со взломом и уличные грабежи, не говоря уже о подавлении государственного заговора. Таким образом не без оснований в 1922 г., одновременно с введением новой экономической политики и учреждением самого Союза Советских Республик, создана была новая организация, почти с теми же функциями, что и Чека, но под названием «Объединенное государственное политическое управление»; название это было немедленно сокращено в ОГПУ или ГПУ. Возглавляло ОГПУ то же лицо, что и Чека (Дзержинский), почти тот же был и персонал. Фактически под новым именем, на несколько усовершенствованных началах, продолжала существовать организация, хотя и внушающая ненависть и страх, но доказавшая свою полезность¹.

Организация ОГПУ

В настоящее время ОГПУ, вторично изменившее название, представляет огромную организацию, проникающую во все углы СССР. «Природа его двоякая: во-первых, имеется отдел тайных разведных агентов, не знающих даже друг друга в лицо; во-вторых, ничем не замаскированный персонал, офицеры и рядовые в форме, у которых свои отличные от других мундиры, специальные казармы, лучшие квартиры в России,—люди, отличительные знаки которых с буквами ОГПУ вызывают невольную дрожь даже у проходящего иностранца»². Все управление до 1934 г. руководилось комитетом из пятнадцати комиссаров, которые делят между собой административные функции и—каждый в отдельности, как и вся коллегия—под-

¹ Среди изобилия безответственных басен злостного характера очень мало источников достоверной информации о ГПУ, к которым можно бы отослать исследователя. *Зелич* (Советское уголовное судопроизводство, 1931, стр. 34, 40, 129, 135, 193—на англ. языке) приводит точные данные о возникновении ГПУ и резюмирует его легальные права. Наиболее яркое описание его деятельности мы встретили в книге *В. А. Рукейзер*, На службе Советов, 1932 (на англ. языке). Этот канадский эксперт, работавший в советской индустрии, часто наблюдал работу ГПУ, включая и разбор дел. Столь же достоверные свидетельства, производящие не меньшее впечатление, приведены в книге *Аллан Монкгауз*, Москва 1911—1933, 1933, стр. 274—275. Чемберлин описывает этот институт в тщательной форме, причем рассказ его, повидимому, достоверен (*В. Г. Чемберлин*, Советская Россия, 1930, гл. XVIII, стр. 387—403, «Свобода в Советском государстве»). Проживая в СССР постоянно, тот же автор писал и более враждебные вещи.

² *В. А. Рукейзер* (канадский эксперт по асбесту), На службе Советов, 1932, стр. 44.

чиняются во всех серьезных вопросах решениям пленума. Председатель, постоянно поддерживающий контакт с Совнаркомом, располагал большими полномочиями. Утверждают, будто Дзержинский контролировал все лично до самой своей смерти в 1926 г., даже после того как он вдобавок принял пост председателя специальной комиссии по борьбе с беспризорностью, а также Высшего совета народного хозяйства. Его сменил на посту председателя ОГПУ другой польский дворянин, Менжинский, работоспособность которого, говорят, ослабела с возрастом. После его смерти (1934) проведена была полная реорганизация и во главе Наркомвнудела поставлен был Ягода, ближайший сотрудник Дзержинского.

Исполнительные функции распределены между шестью отделами: 1) оперативный или общий (ОО), который осуществляет общее наблюдение и регулирует движение кадров, включая бригады специальных войск; 2) иностранный (ИНО), который следит за махинациями эмигрантов и прочих лиц за рубежом; 3) экономический (ЭКУ), на котором лежит борьба с преступными действиями в промышленности, в частности с саботажем, подкупам, подлогами и контрабандой; 4) транспортный, работники которого проверяют паспорта и поддерживают порядок в поездах и на пароходах; 5) отдел Красной армии, бдительно следящий за симптомами недовольства или попытками разложения вооруженных сил, и 6) секретный отдел (СО), работающий над раскрытием контрреволюционных течений внутри СССР. Официальные органы ОГПУ (ныне—Наркомвнудела) существуют во всех городах и более или менее крупных пунктах СССР, в том числе и на многих железнодорожных станциях, где проезжим рекомендуется обращаться к ним в затруднительных случаях; от них можно получить по всем вопросам вежливую информацию, совет и помощь¹. Эти органы не-

¹ «Американец, работающий в России, найдет, вероятно, в лице ГПУ постоянного друга в нужде. Когда встретятся затруднения с транспортом (т. е. фактически почти всегда), ГПУ даст ему место, специально бронированное за этой организацией. Если произойдут затруднения с паспортом, ГПУ всегда охотно придет на помощь. Если у него в тресте станут его преследовать или мешать в работе, будь то коммунисты или беспартийные,—можно положиться, что всеобщая гроза—ГПУ—облегчит ему трудности. ГПУ образует некую связующую организацию между иностранными техническими работниками и их русскими сотрудниками... В современной России только работникам ГПУ не приходится бояться контакта с иностранцами» (В. А. Рукейзер, цит. соч., стр. 44). СССР—единственная цивилизованная страна, где никогда не употребляется слово «полиция», в настоящее время вошедшее почти во все языки. Говорят, что это объясняется всеобщим страхом, ненавистью и презрением, которые внушала в свое время царская полиция. Английской местной полиции в СССР соответствует милиция. Ни служащих в форме, ни тайную агентуру ОГПУ никогда не называют «полицией».

прерывно следят за различными отведенными им пунктами, готовые мигом вмешаться для подавления мятежа или беспорядка, или же в помощь местной полиции (называемой в СССР милиция). Они оказывают требуемую помощь или покровительство при катастрофах, вроде несчастного случая на железной дороге или кораблекрушения, наводнения или пожара. Где только возможно, имеется отряд организованных военных сил ОГПУ, аналогичный по своим целям с Красной армией, но до 1934 г. не включавшийся в ее состав. Они расположены во всех пограничных пунктах в помощь таможенной администрации и широко раскинуты по границам, но готовы в любой момент выступить на борьбу против вооруженного восстания или серьезного мятежа. Эта более скрытая часть организации ГПУ продолжает существовать и сейчас, оставаясь вездесущей и включая обширнейшую тайную сеть шпионов и разведчиков, которые в большинстве не знают даже друг друга и, маскируясь, занимаются для виду всевозможными профессиями, дающими им возможность держать тех или иных людей под постоянным надзором. Мы не можем установить, насколько эта тайная служба ОГПУ отличается в объеме или тонкости шпионажа от аппарата, который содержится большинством других правительств: об этом мало говорят. Быть может, ГПУ отличается от аналогичных организаций других стран главным образом тем, что здесь в одном и том же аппарате сочетаются—по крайней мере, сочетались до реорганизации 1934 г.—функции сыска с функциями судопроизводства. Обширный аппарат включает сильный и профессионально квалифицированный юридический отдел, выделяющий своих собственных обвинителей, следователей и судей, которые (так утверждалось, и это утверждение не было убедительно опровергнуто) вели допрос преступников, правда, всегда при закрытых дверях и без защитников, но с таким же учетом—это, во всяком случае, может быть установлено—юридических норм, улик и смягчающих обстоятельств, как и обычные советские трибуналы¹.

¹ Вся работа ГПУ после его реорганизации продолжает все еще носить секретный характер—отталкивающая система для современного исследователя, изучающего судопроизводство. Это находит себе несовершенное оправдание в практике судебных заседаний других стран, проводимых также при закрытых дверях, или мотивируется тем, что было бы столь же противно интересам общества публиковать подробности контрреволюционной работы, как и подробности шпионажа в военное время, а иногда и работы контрабандистов, торгующих запрещенными лекарствами или порнографическими произведениями, т. е. тех людей, которых даже в Великобритании, Франции и Соединенных Штатах часто судят без представителей прессы и общественности. На наш взгляд, неверно утверждать, будто ГПУ выносит и исполняет свои приговоры без суда. По крайней мере за последнее время во всех тех случаях, когда обвинение давало достаточные основания для приговора, всегда имело место фор-

Первичная функция ГПУ состоит в «защите революции» путем подавления «контрреволюционной деятельности» во всех ее видах, включая не только то, что мы бы назвали изменой и бунтом, но также шпионаж и все виды заговора с участием врагов Советов, бандитизм, мятеж или серьезные общественные беспорядки, разрушение или незаконное присвоение всякого рода общественной собственности, саботаж и т. п. Здесь самая неприемлемая черта—это расплывчатость определений, позволяющая подвести под рубрику «контрреволюции» всякое сопротивление существующему режиму. Даже пассивные члены разгромленных партий (кадетов, меньшевиков и эсеров) одновременно обвинялись в серьезных преступлениях. Во все эти годы было весьма опасно быть заподозренным в переписке, даже самой невинной, с русскими эмигрантами, из которых многие никогда не переставали интриговать за «независимость» Украины или Грузии, причем они до сих пор претендуют на содержание аппарата во Франции и организаций в Манчжурии и на Балканах тысяч офицеров и рядовых, готовых по первому сигналу вторгнуться в СССР. В последнее время наибольшей опасностью стал рисоваться вездесущий кулак и его махинации против коллективных хозяйств «...Оказывают жестокое сопротивление,—говорил Каганович в своем докладе,—антисоветские элементы села. Хозяйственно разбитый, но еще не потерявший окончательно своего влияния кулак, бывшие белые офицеры, бывшие попы и их сыновья, бывшие управляющие помещиков и сахарозаводчиков, бывшие урядники и прочие антисоветские элементы из буржуазно-националистической и в том числе эсеровской и петлюровской интеллигенции, осевшие на селе, всячески стараются разложить колхозы, стараются сорвать мероприятия партии и правительства в области сельского хозяйства...»¹.

мальное судопроизводство с серьезным рассмотрением улик, хотя и не обязательно с очной ставкой между обвиняемым и свидетелями,—и всегда без защитников. Осужденным (по крайней мере обычно—мы не можем говорить об исключительных случаях) разрешается апеллировать к высшим местным властям или даже к Москве. Но апеллировать можно только к Верховной коллегии ОГПУ, а не коллегии Верховного суда СССР, хотя иногда допускается обращение с просьбой о помиловании в высшие советские органы.

¹ «Москва дейли ньюз» от 20 января 1933 [Резолюция январского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), 1933 г.—*Ред.*]. Той же самой аудитории Сталин заявил, что: «...Причина недостатков нашей работы в деревне состоит в неумении целого ряда наших товарищей на местах перестроить фронт борьбы с кулачеством, в непонимании того, что лицо классового врага изменилось за последнее время, изменилась тактика классового врага в деревне и что сообразно с этим надо изменить свою тактику, чтобы добиться успеха... Ищут классового врага вне колхозов, ищут его в виде людей с зверской физиономией, с громадными зубами, с толстой шеей, с обрезом в руках. Ищут кулака, каким мы его знаем из плакатов.

В самом деле, очевидно, что любое действие, достойное осуждения с точки зрения советской власти, может быть подвержено юрисдикции ОГПУ, а в настоящее время Наркомвнудела, для чего достаточно приписать обвиняемым «контрреволюционные» мотивы или намерения. К несчастью, о методах работы и жестокостях ОГПУ за все тринадцать лет имеется столь же мало аутентичного материала, сколько о трехлетней работе Чека или полувековой работе их общего предка—охранки. Однако почти невозможно сомневаться, что все эти три учреждения равно терроризировали правых и виноватых. Мы считаем предосудительным, что этот террор применялся и, очевидно, до сих пор применяется как сознательно избранное средство устрашения. Исключительно квалифицированный свидетель¹ недавно высказал мнение, что «сами работники ГПУ распространяют фантастические истории о пытках и наказаниях, которые якобы применяются в их тюрьмах и лагерях. Когда недавно закончено было новое здание штаба ленинградского ОГПУ, среди горожан, разглядывавших эту тщательно сделанную мясорубку, пущен был ужасный слух, будто ГПУ уничтожает свои жертвы, прежде чем спустить их останки в Неву. Хотя я убежден, что для этого слуха нет ни малейших оснований, тем не менее тысячи ленинградских жителей упорно в него верили. В Москве часто приходится слышать сказки о физических пытках, которым будто бы подвергаются жертвы ОГПУ. Многие из описываемых пыток далеко затмевают ужасы испанской инквизиции, но я лично убежден, что подобные методы в ОГПУ не применяются... У ОГПУ имеется определенная цель, когда оно распространяет эти дикие истории, и едва ли приходится сомневаться, что, когда они допрашивают своих же соотечественников, самое существование этих слухов наполняет их жертвы таким стра-

Но таких кулаков давно уже нет на поверхности. Нынешние кулаки и подкулачники, нынешние антисоветские элементы в деревне—это большей частью люди «тихие», «сладенькие», почти «святые». Их не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе, занимают там должности кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т. д. Они никогда не скажут «долой колхозы». Они «за» колхозы. Но они ведут в колхозах такую саботажническую и вредительскую работу, что колхозам от них не поздоровится. Они никогда не скажут—«долой хлебозаготовки». Они «за» хлебозаготовки. Они «только» пускаются в демагогию и требуют, чтобы колхоз образовал фонд для животноводства, вдвое больший по размерам, чем это требуется для дела, чтобы колхоз образовал страховой фонд, вдвое больший по размерам, чем это требуется для дела, чтобы колхоз выдавал на общественное питание от 6 до 10 фунтов хлеба в день на работника и т. д. Понятно, что после таких «фондов» и выдач на общественное питание, после такой жульнической демагогии хозяйственная мощь колхоза должна быть подорвана, и для хлебозаготовок не остается места» («Москау дейли ньюз», 18 января 1933). *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 521.—Рей.

¹ Аллан Монкгауз, цит. соч., стр. 274—275.

хом, что они с готовностью выполняют все требования следователя, между тем как сам работник ОГПУ не прибегает к особым средствам, кроме несколько преувеличенной вежливости и настойчивости».

Нам думается, это и есть, в значительной мере, действительный метод работы ОГПУ,—вернее, чем все эти беспощадные приговоры и несправедливости, вызывающие такое впечатление у публики. Есть что-то пугающее в упорной таинственности его операций, вплоть до такой детали, что все почти аресты производятся в глухую полночь. Публика ничего не знает, пока коротенькая заметка в газетах не сообщит об исполнении смертного приговора. Так однажды, когда сожжена была фабрика и трем крупным инженерам предъявлено было обвинение в неких «контрреволюционных действиях», трое судей втайне расследовали дело тщательным образом в течение нескольких дней. Приговор гласил: расстрел. Подана была апелляция... Приговор был утвержден. Так как жены осужденных бились за них, как троянки, дело дошло до Москвы. Приговор был снова утвержден. Их поглотили подвалы ГПУ. Один немец в Свердловске говорил мне, что газета, как обычно в таких случаях, ограничилась короткой заметкой: «В полночь 31 декабря ОГПУ приведен в исполнение приговор о расстреле над инженерами имя-рек».

«Эти приговоры ГПУ имеют две особенности. Во-первых, говорят, что следователь обвинения должен исполнять приговоры лично. Во-вторых, осужденных не ставят к стенке. Их выводят из камеры будто бы на другой допрос... Когда приговоренный, ничего не зная, идет под караулом, его расстреливают с возможным милосердием, пуля обычно попадает в затылок у основания мозга¹. Есть еще третья замечательная особенность: вопреки газетным заметкам, приговор часто так и не приводится в исполнение! (Я говорю не об официальной замене приговора или прощении.) Официально мертвый, заключенный продолжает жить, чтобы продолжать работу для Советов, день или ночь в подземной тюрьме ГПУ, остальное время на работе. В России сейчас слишком редки хорошие опытные инженеры, чтобы расстреливать их без разбора. Они должны быть постав-

¹ Эта деталь, подтверждаемая и другим свидетельством, повидимому, заимствована из практики охраны. «Расстрелы постоянно производились в здании Чека: из револьвера стреляли в затылок» (А. Т. Васильев, Охрана, 1930, стр. 293—на англ. языке).

Если смертная казнь должна быть сохранена для известных видов преступления, то имеется много доводов—если нельзя, чтобы преступник сам избирал себе время для добровольного вступления в камеру смерти—по крайней мере, чтобы смерть причинялась внезапно, мгновенно и неожиданно.

лены на работу по выполнению пятилетки»¹. В том же духе свидетельствует и мистер Аллан Монкгауз, имевший исключительные возможности ознакомиться с работой ГПУ; он доходит до

¹ В. Рукейзер, цит. соч., стр. 182. Лично нам удалось встретить в 1932 г. случай, подтверждающий эти слова. Намереваясь занять в одном крупном городе лучшую комнату в лучшей гостинице-отеле, которую мы считали бронированной для нас, мы обнаружили там русского специалиста, приговоренного к длительному заключению за контрреволюционную деятельность. Он успел отбыть лишь небольшую часть своего срока, когда директор треста, где он работал, испытывая острую нужду в его экспертизе, добился его освобождения и возвращения на завод с правом проживать в отеле вместе с женой.

Один американский наблюдатель описывает несколько случаев подобного обхождения: «Взяточник-подрядчик, которого я встретил в тюрьме в 1924 г., занимал в 1931 г. крупный административный пост. Он был направлен в центральную Азию для участия в широком развитии водоводства и добился успеха. Известный инженер, профессор Рамзин, осужденный по нашумевшему делу Промпартии, не содержался в тюрьме, — его отправляли ежедневно в его же аудиторию для чтения лекций, сначала под конвоем, а затем одного. Он утратил свой дом, автомобиль и престиж, но не утратил работу. Если он будет работать хорошо, то вернется и престиж». Гарри Ф. Уорд, Вместо прибыли, 1933, стр. 91—92 (на англ. языке). Как уже упоминалось, никто из осужденных по этому делу в действительности не был расстрелян. Один из них, опытный врач, приговоренный к смерти, работал тюремным врачом и в 1933 г., когда в запорожскую тюремную колонию приезжали для ее осмотра, проживал в комфортабельной квартире вместе с женой. Ленка фон Кербец, Советская Россия борется с преступностью, 1934, стр. 23—24 (на англ. языке).

«Недавно один инженер, восемь месяцев назад осужденный за саботаж, был премирован за хорошую работу одиннадцатью тысячами рублей. Его вернули на работу под надзором, и он оправдал надежды» (там же, стр. 46). «На заводе гражданской авиации арестовано было за вредительские четыре человека. Они были приговорены к десяти годам каждый. Через год все они были амнистированы, получили по десяти тысяч премиальных за хорошую работу и возвращены на прежнюю работу реабилитированными» (Элла Винтер, Красная добродетель, стр. 76).

Были опубликованы и другие аналогичные случаи: «На заводе им. Менжинского № 39 (Москва), получившем несколько высоких наград от советского правительства за выдающиеся достижения, в борьбе рабочих за высокие темпы и качество продукции активно участвовали бывшие вредители, в свое время осужденные и приговоренные... Некоторые «герои» шахтинского процесса в настоящее время с успехом участвуют в развитии восточной угольно-металлургической базы, проявляя большую творческую инициативу» (И. Грабе, Новые методы работы, новые методы руководства, Кооп. изд-во иностранных рабочих в СССР, Москва 1933, стр. 57).

Особо замечательный пример связывается с открытием первого блюминга, построенного на Ижорском заводе. «Драматическую нотку вносило во всю церемонию присутствие двух членов осужденной инженерской группы, ответственных за чертеж и конструкцию. Тут резко подчеркнуты были две отличительные черты советской жизни — высокие достижения машиностроительной индустрии и изменение позиции инженеров, в прошлом враждебных советскому строю... Эта история восходит к маю 1930 г., когда представители ОГПУ поручили конструирование нескольким специалистам, содержащимся в заточении за участие в контрреволюционной деятельности Промышленной партии вместе с Рамзиным и другими

такого утверждения: «я весьма сомневаюсь, действительно ли многие из предполагаемых жертв были расстреляны»¹.

Конечно, смертные приговоры выносятся только в наиболее тяжелых случаях. Значительное большинство арестованных ГПУ в настоящее время быстро передаются в ведение обычных судов, или же, если их действия не носят характер ясно выраженной контрреволюции, они, после недолгого заключения, освобождаются с предупреждением. Других направляют на жительство в любое место по выбору, за исключением шести главных городских центров. Более опасных политических преступников просто ссылают в глухие места, за Урал или к полярному кругу. Долго держать в заключении, повидимому, не принято, и как только арестованный дает доказательства своего раскаяния и готовности отречься от бывших ошибок, его во многих случаях освобождают и дают возможность служить государству.

До 1927 г. и даже позднее, кажется, весьма был распространен более отрицательный метод—ссылки контрреволюционеров и, как мы уже описывали, принудительной отправки кулаков и других упорствующих крестьян в концентрационные лагеря или специальные промышленные пункты, где им можно было дать тяжелую работу за низкую заработную плату. Наиболее суровые нападки на ОГПУ связаны были именно с условиями содержания в этих особых местах заключения, столь отличных от простой тюрьмы. С 1922 г. наихудшим среди этих мест было (а быть может, и сейчас остается) огромное скопление заключенных—говорят, много десятков тысяч—на побережье и островах Белого моря, между Кемью и старинным Соловецким монастырем. Действие сурового климата усугублялось тут жестокостью грубых тюремщиков, повидимому, прибегавших к мучительствам всякого рода. Последняя жуткая информация, полученная на Западе, восходит к официальному обследованию начала 1930 г., так и не опубликованному в печати. Насколько серьезны были язвы режима, от которого погибло бесчисленное множество заключенных, можно судить по тому, что в результате обследования немедленно были расстреляны многие надзиратели и караульные, многие уволены или переведены в другие места. По приказу самого же ОГПУ в мае 1930 г.

инженерами... На прошлых совещаниях представителей ОГПУ с инженерами подтвердилось, что последние исполнены желания доказать свою лояльность по отношению к Советскому Союзу выполнением какой-либо работы по их квалификации. Они чувствовали, что справятся с проектированием блуминга, несмотря на сильный недостаток руководства, как в смысле материалов, так и в смысле опыта в этой специфической области» («Москва дейли ньюз», 4 февраля 1933).

¹ Аллан Монкгауз, цит. соч., стр. 274.

весь местный аппарат был реорганизован и сильно реформирован. Весь лагерь превратился в экономическое предприятие, и заключенные работали—кто на лесозаготовках, кто в рыбацких бригадах или на заводах. Мы опасаемся, что условия продолжали оставаться слишком суровыми; но питание было улучшено—пусть лишь для того, чтобы сделать труд производительным, и после 1930 г., по авторитетным сведениям, перестали бить, пытать и убивать заключенных. Сколько еще специальных мест заключения содержит ОГПУ, сколько там народу и как им живется,—все это старательно держится в тайне, и никто не может претендовать хотя бы на правдоподобные догадки в этой области¹.

Более благоприятна судьба высококвалифицированных инженеров, среди которых столь многие страдали от различных действий ОГПУ. Как мы уже показали, многие из них, если не большинство, не были расстреляны и не содержались в тюрьме, а были направлены для продолжения работы по своей квалификации—под стражей или просто под надзором. Рассказывают даже,—известно, насколько это точно,—что Нарком⁷ внудел как наследник ОГПУ имеет в своем аппарате большой технический отдел, где целая компания квалифицированных специалистов, осужденных за различные контрреволюционные акты, используется для разработки проектов общественных сооружений или специальных механизмов, преждевременное оглашение которых не желательно (главным образом для нужд Красной армии).

Нужно отметить, что при всем существующем страхе перед

¹ Подробное описание старинного монастыря и мест паломничества на Соловках, в том виде, как это было в 1863 г., можно найти в книге *В. Генворс*, Свободная Россия, Диксон 1865 (на англ. языке). Страшную повесть о тех же островах, как местах ссылки, за период 1931—1932 гг. читаем мы в статье бежавшего оттуда *Владимира Чернавина*, Жизнь в концентрационных лагерях СССР («Славоник ревью», январь 1934 г.); тот же рассказ повторен в цитированной нами книге «Я говорю с Молчащим», 1935 (на англ. языке). Приходится пожалеть, что это свидетельство—конечно, сильно тенденциозное—смешивает личный опыт и наблюдения над обстановкой, по совести говоря, достаточно скверной, со всякими неподтвержденными сплетнями и явно преувеличенными статистическими домыслами, не поддающимися проверке. Этот рассказ имел бы больший вес, если бы он основывался на достаточно серьезных фактах, непосредственно знакомых автору. Его наивная вера, будто те или иные места ссылки содержатся и непрерывно пополняются тысячами сыльных рабочих и технических специалистов с явной целью извлечь из их принудительного труда добавочный доход для государства, покажутся невероятными для каждого, кто знаком с экономическими результатами работы каторжан или тюремных заключенных в любой стране мира.

Еще одно—к сожалению, не достоверное,—описание соловецких ужасов содержится в книге *Эссад-бей*, цит. соч., глава XX, стр. 200—216 (на англ. языке).

ГПУ его существование и энергичная деятельность, судя по имеющимся признакам, не вызывает или почти не вызывает порицания среди трудящихся промышленности и сельского хозяйства, составляющих четыре пятых населения. Больше всего страдают от недоверия, ведущего к надуманным обвинениям, интеллигенты, особенно занимавшие известное положение при царском режиме. Если по отношению к ним проявляется несправедливость и незаслуженная суровость, она вытекает из сохранившегося еще подозрительного отношения к людям, служившим в свое время Российской империи. Рядовой рабочий, по крайней мере в городах, совершенно уверен, что только бдительности ГПУ обязано своим существованием советское государство,—иначе оно было бы свергнуто бесчисленными внутренними и внешними врагами, с которыми, по его мнению, велась такая напряженная и до сих пор еще не вполне успешная борьба. И эта точка зрения, как мы уже видели, воспринята также иностранными резидентами, людьми беспристрастными и компетентными. «Со всей откровенностью,—пишет автор, собравший в своей книге большой опыт личного знакомства с ГПУ,—должен добавить, что там, где ГПУ наносит удар, это обычно имеет основание. Обвинение может быть надумано или преувеличено, частный случай, которым вызван арест, может оказаться предлогом. Но практически, если миновать эти, быть может, банальные оправдания, ГПУ абсолютно уверено, что обвиняемый замешан был в антигосударственной деятельности. Когда они бьют, то бьют уверенно и крепко. Фактически придаться не к чему. Если вина несерьезная или человек проявил раскаяние, его отпускают. Однако многие из осужденных целиком и без всякого раскаяния признавались в контрреволюционных действиях и скандальном саботаже. Без ГПУ в России не было бы сейчас коммунистической партии, не было бы Союза Социалистических Советских Республик. Шпионов в военное время расстреливают, Россия же, как известно, в состоянии войны. В России величайшее преступление — это именно, преступление против государства»¹.

Конструктивная работа ОГПУ

В последние несколько лет все больше внимания уделяется тому, что можно бы назвать созидательной работой ОГПУ. Его превентивная работа значительно улучшилась. В настоящее время на железных дорогах или на улицах больших советских городов можно себя чувствовать по меньшей мере столь же безопасным от грабежей и насилий, как и во всякой другой стране.

¹ В. Рукейзер, цит. соч., см. интересный материал на стр. 182.

Еще более достойна похвалы реформа тюремного аппарата, начатая Дзержинским и продолженная его преемниками.

Обычные тюрьмы в СССР находятся в ведении не ГПУ, а Совнаркомов отдельных союзных республик. Здания в большинстве унаследованы от царского строя, и в смысле санитарии и вежливого обхождения с заключенными положение во многих случаях еще не совсем удовлетворительно. Однако администрация хорошо инструктирована, и в настоящее время обращение здесь, повидимому, столь же свободно от физической грубости, как и в тюрьмах любой страны¹. Но в дополнение к правительственным тюрьмам ГПУ содержит в Болшеве, Московской области, замечательное исправительное заведение, которое как по своим перспективам, так и по достижениям, кажется,

¹ Пишущим эти строки удавалось обследовать тюремную систему какой-либо республики, входящей в СССР, и они не находили компетентных источников информации о существующих условиях заключения. Однако можно сослаться на французского адвоката, П. Гибу-Рибо (известного своим дружественным отношением к СССР), который пожелал в 1927 г. осмотреть тюрьмы. Он навестил Народного комиссара юстиции РСФСР Курского, который сразу же согласился на его просьбу и получил для него по телефону от Комиссариата внутренних дел полный список в несколько сот тюрем. Г-н Гибу-Рибо имел полную возможность выбора и получил на руки письменное распоряжение о допуске его, без уведомления с его стороны, в любую тюрьму, одного или с переводчиком по его выбору. Он посетил много тюрем и обнаружил там, вперемежку с другими, многочисленных политических заключенных (среди них ряд людей, кому смертные приговоры заменены были длительными сроками заключения): ему предоставлена была возможность подолгу беседовать с ними наедине во время их прогулки по коридору, и многие из них говорили по его просьбе на том или ином языке. Он нашел тюремную обстановку и обхождение с заключенными гуманными и рациональными—по его оценке, значительно лучше, чем во Франции. Его длинное и интересное описание заканчивается выводом: «Пенитенциарный режим в Советской России гуманный и приемлемый». *П. Гибу-Рибо, Куда идет Россия, Париж 1928, гл. VII, «Пенитенциарный режим и тюрьмы», стр. 115—134 (на франц. языке).*

Еще более осведомлена и имеет всецело хвалебный характер цитированная нами работа *Ленка фон Кербец*. Автор в 1932 г. в течение многих месяцев объехал бесчисленное количество тюрем по всему СССР (не предназначенных для политических преступников), беспрепятственно беседовал с заключенными. См. также *М. С. Колкотт, Правосудие в России, Нью-Йорк 1935 (на англ. языке).*

Официальные отчеты Управления местами заключения в Комиссариате внутренних дел РСФСР за 1932 г. сообщают о серьезных успехах в производственной подготовке заключенных, а также о выполняемых ими работах, в частности по обработке дерева, металла и кожи, об их работе в каменоломнях, текстильной и пищевой промышленности, причем они получают заработную плату по тарифным ставкам профессиональных союзов и отработывают количество часов, принятое в этих видах производства. Средняя оплата труда не позволяет претендовать на экономические выгоды, но моральное действие регулярной, а главное—целеустремленной работы, по данным автора, превосходное.

более приближается к идеальным методам трактовки преступников, чем какое бы то ни было аналогичное учреждение в мире. Это обширное заведение, вмещающее без малого тысячу человек. Оно расположено в красивом имении экспроприированного фабриканта-миллионера и сочетает промышленное производство с сельским хозяйством. Здесь нет ни стен, ни закрытых решеток, которые мешали бы здешним обитателям выходить на волю. Лица, специально отобранные, как наиболее подходящие для исправления, из массы людей, по меньшей мере дважды осужденные обычными трибуналами той или иной союзной республики за мелкие кражи, воровство, кражу со взломом, вооруженный грабеж,—тут запросто получают сдельную работу, свободно выполняемую в разных отделениях тюремной мастерской. Им разрешается курить и разговаривать, слушать музыку, ходить в театр, проводить свой досуг по собственному выбору с некоторыми резонными ограничениями. Им показывают на деле, что регулярная производственная работа, перемежаемая отдыхом, в условиях максимально возможной свободы, приятнее жизни преступной и нищенской. Через некоторое время они могут вызвать к себе своих жен, и каждой семье дается свое жилье. Многие, досрочно освобожденные, отказываются отсюда уезжать, некоторые тут же находят себе жен, и колония непрерывно растет, насчитывая в данное время около трех тысяч смешанного населения—осужденных и юридически свободных и работающих¹.

И Болшево не одно: в СССР еще десять исправительных колоний, работающих по такому же плану.

ГПУ, повидимому, используется во всех тех случаях, когда советскому правительству нужно выполнить какую-либо трудную задачу, выходящую за пределы отдельной Союзной республики. Когда в 1925 г. начата была работа по изъятию и перевоспитанию сотен тысяч «беспризорных», представляющих печальный продукт гражданской войны и голода, эта трудная работа была поручена главе ОГПУ, фанатику-идеалисту Дзер-

¹ Болшевская тюремная колония посещалась многими, в том числе одним из пишущих эти строки и еще рядом лиц, более способных по своей квалификации оценить такого рода исправительную тюрьму. См., например, статью Д. Н. Притта в «Форум» от 1 января 1933; книгу сэра Артура Ньюсхолма и Джона Т. Кингсбери, Красная медицина, 1933; *Ленка фон Кербец*, цит. соч., стр. 98—120, *Гарольд Дж. Ласки*, Судопроизводство в России, 1935 (на англ. языке).

Теоретические основы подобной системы часто излагаются в советских газетах: «Преступление—кража, разбой, убийство—есть результат социальных и экономических условий. Вот принцип, вдохновивший на организацию рабочей коммуны. Изолируйте людей от разлагающих влияний; дайте им работу, на которой они могли бы развернуться; предоставьте им средства к существованию—и они не захотят бродяжничать по улицам» («Москау дейли ньюз», 2 августа 1933 г.).

жинскому. Он был назначен председателем специальной комиссии по разрешению этой колоссальной задачи и главным образом использовал кадры единственного в СССР вездесущего аппарата, т. е. работников самого ОГПУ. Под руководством Дзержинского и ОГПУ комиссия организовала и содержала учреждения (в настоящее время превращенные в реформатории для малолетних преступников или сиротские приюты), где на протяжении последующих семи лет с довольно большим успехом «переделывались» сотни тысяч мальчиков и девочек, а затем они были размещены на фабриках и заводах, где очень многие из них уже проявили себя как самостоятельные и законопослушные граждане.

С другой стороны, за последние несколько лет ОГПУ было привлечено ко многим строительным работам, отчасти как аппарат по использованию инженеров, техников и рабочих, осужденных его трибуналами за контрреволюционные действия, после чего прежние приговоры были им заменены различными сроками принудительных работ. Общее их число совершенно неизвестно. Во многих случаях построены были специальные жилища для людей, работающих под стражей на тех же предприятиях, где они и служили. Утверждают, что профессор Рамзин, центральная фигура процесса Промышленной партии (1931), который фактически провел весь свой срок наказания на полезной консультационно-технической работе, большую половину первого года прожил под стражей на ленинградском заводе «Электросила» в доме, где до войны жил Красин, в то время один из директоров этого завода. ОГПУ получает от промышленных трестов плату за услуги работающего таким образом технического персонала и часть этой суммы выплачивает людям, отбывающим принудительные работы.

Следующий пример конструктивной работы ОГПУ должен поразить англичанина или американца, изучающего социальные учреждения, так как он еще более удивителен, чем тюремная реформа или работа по спасению детей. Когда в 1929 г. советское правительство решило построить искусственный водный путь от Ленинграда до Белого моря, эта колоссальная операция была поручена не подрядчику и даже не одному из государственных ведомств или трестов, ведающих «тяжелой индустрией» или выполняющих сложные гражданские сооружения,—нет, она была поручена ОГПУ. На ОГПУ возложена была задача подбора, организации и руководства всем нужным аппаратом, который временами, кажется, насчитывал свыше 200 тыс. человек. Значительная часть немеханизированных работ выполнялась людьми, которые были приговорены к тюремному заключению обычными судами за такие преступления, как грабеж, растрата, избиение и убийство. К ним, повидимому, добавлено

было большое количество людей—часть из них технические специалисты,— осужденных трибуналами ОГПУ за контрреволюционную деятельность, а также известное число людей, высланных из деревень как кулаки или чьи участки мешали организации колхозов. Разношерстная толпа была организована в артели и бригады под началом мастеров и инженеров, часть которых выдвинулась снизу в процессе работы. Эта промышленная армия обслуживалась жильем, питанием и врачебной помощью и перемещалась с места на место точно так, словно бы это были воинские части. Однако вели они себя не так, как воинские части. Отбывая наказание, осужденные в то же время росли и поднимались на высоту положения. Понимая, что они привлечены к работе большой социальной полезности, они под влиянием убеждений вступили в «социалистическое соревнование» бригада с бригадой, участок с участком—кто перевезет наибольшее количество земли, кто возведет наибольший участок цементной стены или проложит наибольшую длину рельс в данное количество часов или дней. Поэтому, нам кажется неудивительно, если Максим Горький в таких пылких выражениях описывал этот почти невероятный эксперимент. Вот что он писал в «Москау дейли ньюз» от 14 августа 1933 г.:

«За 15 лет из среды бывших беспризорных и «правонарушителей» у нас в колониях и коммунах ОГПУ воспитаны тысячи высококвалифицированных рабочих, и, вероятно, не одна сотня агрономов, врачей, инженеров, техников. В буржуазных государствах факты такого рода невозможны...

Как развивался на строительстве Беломорско-Балтийского канала процесс перевоспитания социально опасных и социально полезных, какие приемы употреблялись для этого? Армии разношерстных правонарушителей, вредителей, врагов было сказано: необходимо соединить каналом Белое море с Балтийским.

Вы должны построить водный путь длиной 227 км, вам придется работать в лесах, в болотах, взрывать гранитные скалы, изменять течение очень бурных рек, поднимать их воды путем шлюзов на высоту до 102 м. Нужно будет произвести земляных работ свыше 20 млн. км³ и вынуть грунта более 10 млн. км³. Нам нужно сделать всю эту работу в кратчайший срок. Вы получите хорошее питание, хорошую спецодежду и обувь, хорошие бараки, у вас будут клубы и кино. Кроме этого правительство ничего не обещает вам. Ваша работа покажет, чего вы достойны.

Армия будущих борцов с природой и организаторов ее сил, не однородная социально, была, конечно, разнородна и по настроению. В исправительно-трудовых лагерях ОГПУ учат грамоте и политграмоте. Человек—умница, глупость крайне

редко является качеством, зависящим от его органических особенностей, чаще всего она—результат классового насилия буржуазии. Среди десятков тысяч нашлось немало таких людей, которые поняли глубокое государственное значение предложенной работы. Людям, физически здоровым... захотелось «показать себя». Бешеные реки и болота Карелии, поля и леса, засеянные огромными валунами, стихийной работой ледников—тут есть с чем побороться»¹.

В заключение это гигантское сооружение, включавшее все виды технических работ, было тщательно обмерено и подверглось строгому испытанию, причем было признано, что водный путь, пропускающий морские суда крупного тоннажа, выполнен хорошо, в срок, обусловленный по договору при общей стоимости рабочей силы и материалов ниже установленной сметы. Советское правительство, быстро уяснив себе, как использовать этот успех в интересах общественного воспитания, отпраздновало открытие Беломорского канала выдачей орденов не только начальнику работ и его главным инженерам, но и нескольким десяткам осужденных, отличившихся своим усердием и поведением. Вдобавок, лучшим работникам выданы были денежные награды. 12 484 из них сняты были оставшиеся сроки наказания и приняты меры, чтобы они немедленно получили нормальную работу, причем места для них вскоре были найдены на многочисленных промышленных предприятиях в различных частях СССР. Для 59 516 человек сроки наказания были сокращены. Приятно подумать, какую теплую оценку официально получили успехи ГПУ не только в выполнении крупного технического сооружения, но и в переделке человека².

Среди потопа не поддающихся проверке злостных нападок, при отсутствии аутентичной информации, трудно притти к какому-либо достоверному выводу о работе ОГПУ за 1934 г. или о работе нового Комиссариата внутренних дел, куда включено было ОГПУ, в текущем году. Мы осмеливаемся сделать вывод, что за последние годы в ряде областей наблюдается непрерывное улучшение. Чувствуя себя все крепче и увереннее, правящие органы СССР, хотя не без нервических зигзагов, в общем смягчили суровость репрессий по отношению к людям, которые, не интригуя, не оказывая активного сопротивления,

¹ «Москау дейли ньюз» 14 августа 1933 г.; приводим подлинный текст из статьи М. Горького, О воспитании правдой, «Известия», 5 августа 1933.—Ред..

² В советских газетах за август 1933 г. были помещены отчеты об этих публичных торжествах (на англ. языке см. «Москау дейли ньюз» за тот же месяц, особенно 6 и 17 августа 1933). Декрет, подписанный М. Калининым как председателем Центрального исполнительного комитета, датирован 4 августа 1933.

тем не менее по взглядам и симпатиям остаются враждебны существующему строю. Со своей стороны эти люди, не обращаясь в коммунизм, все больше убеждаются в прочности и устойчивости советской власти, улучшающей условия их жизни и открывающей перед ними все большие возможности ответственной работы. Таким образом исчезает то различие, какое, повидимому, замечалось в отношении ОГПУ к меньшевикам, эсерам, анархистам и монархистам, с одной стороны, и к обычным вора и бандитам—с другой. На практике, видно, считалось, что уверенно можно вести борьбу лишь за переделку уголовных преступников, но что политическая враждебность неизлечима и врагов режима нужно или истреблять или сажать в тюрьмы или ссылать подальше. В долгий период гражданской войны многочисленные расстрелы белых красными и красных белыми безусловно объяснялись именно этой точкой зрения. Она продолжала существовать и в последующее десятилетие в виде постоянного недоверия к лояльности интеллигенции со стороны коммунистов-активистов, а может быть, и ОГПУ. По мере того как одна сторона проявляет растущую лояльность, повидимому, заметно слабеет яд подозрений у другой стороны. По крайней мере, интересно читать, как один советский писатель определенно заявляет, что в последнее время ОГПУ начало подходить к мятежникам и контрреволюционерам, как к обычным преступникам, исходя из той теории, что человек есть продукт среды и для его исправления нужно не столько наказание, сколько перемена этой среды. «В лесах Карелии,—писал весной 1933 г. человек, отбывавший десятилетнее заключение за контрреволюцию,—в бараках технических работников я впервые понял, что значит настоящая работа и что значит быть инженером, имеющим за собой упорную энергию массы рабочих, знающих, для чего они работают. Я не могу много философствовать в мои годы, но идея реабилитации провинившихся людей через созидательный труд—идея здоровая и прекрасная. Что касается практического ее приложения, пускай свидетельствуют две тысячи ударников, освобожденных на нашем участке задолго до срока. Как и можно было ожидать, все, кто трудился так же героически, были освобождены задолго до истечения срока. Но до этого, в течение, примерно, пятисот дней, те же инженеры вращались в самой гуще «социально опасного элемента», знавшего, что это контрреволюционеры, но что эти контрреволюционеры работают самоотверженно... Как работали кулаки? Там была, например, «Подлинская», бригада первого участка, тридцать два кулака. За последние десять майских дней бригада добила рекордной цифры—256% сверх положенной нормы выработки на мягкой земле. Она отказалась уйти с работы даже тогда, когда пришла ее

сменить другая бригада, и, чтобы ее удалить, понадобился специальный приказ начальника работ»¹.

После такой перемены новому Комиссариату внутренних дел уже несообразно было сохранять весь свой старый аппарат тайного надзора над всем населением или еще заострять этот надзор постоянными доносами. Система всеобщего наблюдения за населением может даже усовершенствоваться в итоге последних мероприятий. Чтобы очистить большие города, в частности Москву, от скопления людей, не имеющих легальной работы или средств к существованию, восстановлена была старая система внутренних паспортов, включающая известные формы регистрации местожительства и предоставления права жительства. «Советом народных комиссаров СССР принята единая паспортная система для всего СССР... Каждый гражданин СССР в возрасте от 16 лет должен будет получить паспорт, если он постоянно проживает в городе или рабочем поселке или служит на железной дороге, в совхозе или на новостройке... Для проведения этой регистрации и выдачи паспортов правительство учреждает административный отдел милиции, подчиненный ОГПУ и возглавляемый Г. Е. Прокофьевым. Этому отделу будет принадлежать общий контроль над Рабоче-крестьянской милицией союзных республик. Он будет также готовить работников милиции для этих республик и вносить на рассмотрение Совета народных комиссаров законодательные акты, имеющие отношение к милиции. В остальных вопросах милиция остается автономным органом, в согласии с уставом от 25 мая 1931 г., предусматривающим права и полномочия милиции и прошедшим утверждение Совета народных комиссаров... «Известия» подчеркивают важность новой системы с точки зрения учета, представляющего, по их словам, один из необходимейших элементов социалистического планирования. Эта истина давно известна, и у нас уже имеется большой статистический материал по вопросам производства, выпуска продукции, постоянного и переменного капитала, денежных ресурсов и т. д. Однако о главном факторе производства, о самом человеке, известно чрезвычайно мало. Статистические данные по этому вопросу слишком скудны. Мы мало знаем о составе, размещении и движении населения. Следовательно, правительство не в состоянии влиять на движение населения. Паспортная система изменит положение, и это одно превращает новую систему в дело исключительной практической и политической важности. На пороге второй пятилетки страна должна знать, какие изменения произведены были первой пятилеткой

¹ «Москау дейли ньюз», 14 августа 1933.

в народных массах и в частности в географическом размещении населения»¹.

Таким образом, мы можем заключить, что в настоящее время функции этого обширного ведомства состоят не столько в преследовании преступного элемента или смертных приговорах, сколько в серьезной работе социального характера, выполняемой людьми в мундирах, и в положительных достижениях в области перевоспитания людей².

Прокуратура СССР

Легко предвидеть тенденции дальнейшего развития. В 1933 г. создано было новое важное учреждение, которое будет, повидимому, иметь определенное значение. Акулов, старый революционер и товарищ Ленина, бывший заместитель председателя комиссии ОГПУ, откуда он снят был в 1931 г. и переведен на низший пост в Донецкий бассейн, в июле 1933 г. назначен был прокурором СССР со всей полнотой функций и полномочий, присущих прокурорам Союзных Республик. Но в отличие от других на него было возложено «наблюдение... за законностью и регулярностью действий ОГПУ». Возможно, Центральный исполнительный комитет почувствовал, что настало время, когда с уверенностью можно установить систематический контроль над методами и действиями ОГПУ, быть может, с целью изменить его психологию³. В следующем году реформа была дополнена уже описанным нами преобразованием ОГПУ в новый Комиссариат внутренних дел с собственным народным комиссаром (Ягода), вошедшим в состав Совнаркома СССР.

Триединая революция

Прежде чем закончить эту мрачнейшую главу, посвященную наиболее разрушительной тенденции советского коммунизма, не обнаруживающей никаких признаков ослабления,—тенденции к ликвидации помещиков и капиталистов,—попы-

¹ «Москау дейли ньюз», 29 декабря 1932.

² Это отмечалось еще в 1930 г. одним американским наблюдателем, долго прожившим в СССР: «Если в годы ожесточенной гражданской войны Чека казнила людей тысячами, ежегодные списки расстрелянных по ордеру ГПУ, быть может, насчитывают десятки, самое большее сотни имен» (*Чемберлин*, цит. соч., стр. 390). Для населения, насчитывающего 160 млн., неплохая цифра в сравнении с данными других стран, считающих себя цивилизованными.

³ См. «Юроп нувелль» за 29 июля 1933, а также статью Луи Фишера в «Нью-рипаблик» за июль 1933.

Нам говорили, что прокурор Союза ССР Акулов имеет теперь помощника с постоянным местопребыванием в Наркомвнутделе. Этот помощник представляет ему регулярные доклады, что позволяет прокурору немедленно вмешаться в дело там, где он усматривает несправедливость.

таемся провести сравнение с соответствующим революционным периодом, который был по-своему пережит Англией.

В русской революции 1917—1935 гг. сочетались воедино, в сущности, три разновидности борьбы, в Западной Европе принимавших форму кризиса, каждая порознь, в период от XVI до XX в. Сначала это была борьба между соперничавшими теориями об отношении человека ко вселенной за господство над человеческим разумом и поведением. Затем, от средневековья до нового времени, происходило насильственное преобразование способов, какими добывала себе средства существования масса населения. Наконец, это была борьба за контроль над правительством—между узкой олигархией высшего класса и массой рядовых граждан. России суждено было проделать религиозную, промышленную и политическую революцию не раздельно, а почти одновременно—и, быть может, вполне последовательно, проделать каждую из них в небывало решительных и завершенных формах. На протяжении коротких 18 лет господствующая вера, управляющая человеческими жизнями, претерпела в СССР глубочайшие изменения, чему мы посвящаем одну из следующих глав (см. т. II, глава 11). Последовавшая затем аграрная революция совпала с гигантской механизацией как сельскохозяйственного, так и промышленного производства, исходящей из совершенно новой теории производства благ (см. т. II, глава 8). Мы описывали в шести главах I тома, как решительно перевернута была вся структура государственной власти на одной шестой земного шара, с заменой диктатуры капиталиста диктатурой пролетариата. Если нам покажется, что борьба в СССР более жестока, разрушение социальной ткани более беспощадно, жестокости и страдания сильнее, чем в эпоху реформации в елизаветинской Англии, в эпоху промышленной революции при Георге III или в период изменения английской конституции между 1640 и 1918 гг., нужно помнить, что в СССР на протяжении одной двадцатой части этих четырех столетий совместились все три революции, что здесь одновременно столкнулись противоречия и возмущения, охватывающие население в двадцать раз больше того, какое было в Англии к середине указанного четырехвекового периода. Никогда еще такая значительная часть мира не переживала, внезапно и одновременно, столь глубокого и вулканического преобразования!

Никому не счесть человеческих страданий, причиненных этой тройной революцией на таком огромном пространстве, в такое короткое время, в условиях самой ожесточенной гражданской войны, которая поддерживалась полудюжиной иностранных армий, вторгшихся на советскую территорию. Но также никому не счесть человеческих страданий и смертей, вызванных в Англии протестантской реформацией, промыш-

ленной революцией и триумфом демократического парламентаризма, причем все это растянулось на четыре века, происходило в условиях самой умеренной гражданской войны и почти без иностранного вторжения. Если спустя 18 лет после захвата власти большевиками все служители культа вместе с нераскаявшимися помещиками, капиталистами и спекулянтами лишены прав и не могут быть членами советов, профессиональных союзов и потребительской кооперации, мы должны напомнить со всей прямотой, что приблизительно тремя веками ранее англиканская церковь отказалась признавать верховенство Рима (фактически до 1828 г.), причем лишены были голоса не только все священство римско-католической церкви или члены религиозных орденов, но и все вообще лица римско-католического вероисповедания. Лица иудейского вероисповедания, баптисты, квакеры, унитарии были равным образом исключены из парламента, муниципальных советов, ремесленных цехов, из королевской Коллегии физиков и Комиссии мира, по меньшей мере на столь же долгий период. Для их сыновей фактически закрыт был доступ во все существовавшие в то время средние школы и университеты. Лишение прав по религиозным мотивам, распространявшееся не только на духовенство, не прекращалось в Англии до XX в.¹

Восемнадцать лет механизации русской промышленности и сельского хозяйства оправдали «справедливые ожидания» миллионов русских рабочих и крестьян, причем высланы были с конфискацией имущества, быть может, сотни тысяч предполагаемых кулаков и прочих упорствующих, и многие даже погибли. В Великобритании «огораживание пастбищ», изгнание шотландских огородников ради овец, тетеревов и оленей и триумф машинной индустрии между 1700 и 1850 гг. сопровождались разрухой и разорением почти всего оставшегося крестьянства и низведением независимого ремесленника до отвратительных условий нерегламентированной работы в шахтах и на фабриках. Мы уж готовы позабыть страшную историю скрытого порабо-

¹ См. 16 и 17 акты Георга V, стр. 55 (1926). Священники и дьяконы римско-католической, а заодно и англиканской церкви, до сих пор лишены права быть избираемыми в палату общин (но не в палату лордов). Король и королева, а также лорд-канцлер и по сей день должны принадлежать к англиканской церкви. По статутам Тюдоров и Стюартов простая принадлежность к римско-католическому вероисповеданию или обладание книгами римской церкви влекли за собой кару, как за посягательство на установление иноземной власти в Англии. Эти законы в скрытой форме были отменены в 1792 и 1829 гг., но полностью отменены лишь в 1871 г. *Т. Анстей*, Путеводитель по английскому законодательству против римско-католической церкви, 1842, 193 стр.; *У. С. Лилли и Дж. Уоллис*, Справочник по законодательству, специально направленному против католиков, 1893, 266 стр.

щения тысяч малолетних на новых текстильных фабриках; фактическую продажу сирот мельниками из приходских советов и попечительств о бедных; подростков обоего пола, работающих нагими в шахтах; неопишуемое состояние тюрем и общественных работных домов для лиц обоего пола; принудительную высылку пауперов из мест их жительства; ежедневные, вполне устранимые «несчастные случаи» из-за того, что считалось слишком накладно огораживать станки и машины,—случаи, стоившие увечья и гибели рабочим всех возрастов; невероятную антисанитарию—из поколения в поколение—в новых промышленных центрах, образовавших в XIX в.—сейчас мы это знаем—зловещий фон для блистательной коронации юной королевы Виктории¹. Даже реформа конституции в 1832 г., передавшая политическую власть британской буржуазии, не только оставила девять десятых взрослых мужчин (и всех женщин) без права голоса, но еще произвольно отняла это право у многочисленных ремесленников Вестминстера и еще нескольких избирательных округов, где им давно уже пользовались в силу исключительной привилегии. Правда, в Великобритании не было ни охранного отделения, ни Чека и ОГПУ, в которых нерушимо властвующая аристократия и буржуазия никогда не нуждались. Но и без этих аппаратов принуждения в XVIII и даже XIX вв. верховная палата судей, как и судьи низших инстанций, принадлежащие к правящему классу, упорно преследовали работников трэджюнионов, забастовщиков, браконьеров, бродяг, продавцов популярных газет, «мятежников и богохульников»,—и все это внешне в согласии с уложением о наказаниях уголовным правом, столь туманным и двусмысленным, что под него всегда можно подвести любые действия, неудобные правящей олигархии. Лишь закоснелое невежество мешает нам признать, что даже в XX в. эти притеснения не вовсе исчезли².

¹ Когда Энгельс в 1845 г. привлек внимание к некоторым из этих гнусных фактов в своей книге «Положение рабочего класса в Англии», труд его, кажется, никогда не проникал ни в попечительство о бедных, ни в английское министерство внутренних дел, ни в палату общин (в их библиотеках эта книга отсутствует). Лондонские издатели о ней не знали, и на английском языке она вышла лишь в 1887 г.

² Еще и по сей день законодательство по таким делам, как преступный заговор, мятеж и подстрекательство к бунту, стачки и участие в стачечных пикетах, богохульство и бродяжничество, не реформировано, как следует, и время от времени служит источником «законных» преследований бедноты за поступки, для зажиточных обычно проходящие безнаказанно. Мы даже можем видеть, что оно применяется значительно чаще для притеснения тех, кто еще весьма многими рассматривается как «низшее сословие». Нельзя игнорировать весьма частые случаи притеснения трудящихся семей, связанные с известными сторонами английского законодательства, как например, непомерные издержки и трудности апелля-

Английский читатель может с нетерпением заявить, что мы преувеличили обвинения, которые могут быть выдвинуты против нас русскими коммунистами. Совершенно напротив. При обсуждении этого вопроса с одним из членов московского института Маркса—Ленина он с негодованием возразил, что приведенное нами сравнение недооценивает дела большевистского правительства и сильно переоценивает дела британского правительства, так как содержит серьезнейшее упущение. Он пояснил, что мы берем с одной стороны колоссальную территорию СССР со 170-миллионным населением самых различных рас, верований, языков и обычаев, причем значительное их большинство невежественно и некультурно. С другой стороны, мы берем не Британскую империю, но лишь ее небольшую часть, быть может, одну десятую, принадлежащую к государственной расе и расселенную на наиболее культивированных площадях. Если даже не учитывать краткости времени, в течение которого работало советское правительство, то и в таком случае для сравнения двух юридических систем нужно брать по справедливости весь СССР в целом и всю Британскую империю в целом. «Вы говорите нам,—заявил этот прямодушный критик,—что пред лицом вашего бога все люди равны, что все души равноценны. Мы предпочитаем ту же мысль выражать по-американски: все люди имеют равное право жить, быть свободными и добиваться счастья. В СССР, из конца в конец обширной территории, у всех абсолютно одинаковые избирательные права; равноправие перед законом; всеобщее обучение без всяких расовых предрассудков; для всех без исключения—полная свобода от помещичье-буржуазной эксплуатации, искреннее и настойчивое стремление в кратчайшие сроки поднять отсталые расы на уровень высочайшей цивилизации. Если вы нас попрекаете,—продолжал он,—недочетами и пробелами в нашей восемнадцатилетней работе по социальному строительству,—что же сказать о полуторавековой истории социальной организации в Британской империи после завоевания Канады и открытий капитана Кука? Какое правосудие оказано было британским правительством ирландским католикам, подчиненным уголовному уложению, и шотландским якобитам в Гленсэ и Коллодене? Что сказать о торговле рабами в XVIII и XIX вв.?

ции к съездам мировых судей на решения низших судебных инстанций (решения, зачастую, предубежденные, которые выносятся кучкой землевладельцев); или же вся система «долговых тюрем»; или полная неудовлетворительность правил, которые должны были бы гарантировать всякому судимому за долги или находящемуся под угрозой высылки или даже обвиняемому в преступлении безусловную возможность пользоваться услугами адвоката и покрыть расходы по защите от репрессий, угрожающих полным разорением ему самому и его семье.

Какова судьба австралийских туземцев? До какого уровня цивилизации подняло ваше правительство—за целое столетие—потомков негров-рабов, вывезенных вашими судами в Вест-Индию? Каково в наше время политическое и юридическое положение африканцев в Капской колонии и Кения? Всегда ли безусловно вершились суды при подавлении восставших индийцев? Что происходило через 50 лет после этого в Амритсаре? И даже сейчас—сколько тысяч индийцев сидят в тюрьме,—людей, *которым никогда не было предъявлено никакого обвинения*, сидят лишь потому, что суд подозревает в них «дурной характер», а они не могут найти спешно требуемых двух поручителей, которые гарантировали бы впредь их хорошее поведение? А каковы имущественные права населения завоеванных вами стран? И помимо всего, не отказано ли в политических правах и экономической свободе сотням миллионов британских подданных в Африке и Индии? Сравните, как обращается советская власть с отсталыми расами в сибирских тундрах и на границах Афганистана и Монголии, и как вы сами поступаете с подобными народами. Приговор истории будет, мы думаем, в нашу пользу».

Две ошибки вместе не образуют истины. Больше того, взаимные попреки людей, грешивших сообща, не столько вносят ясность, сколько раздражают. Предоставим лучше приговор грядущим историкам! А покамест пусть лучше сравнение между различными нациями поможет каждой из них исправляться и совершенствоваться на примере другой; пусть каждая из них, глядя, точно в зеркало, на ошибки и промахи другой, вскрывает собственные недочеты и промахи, недостаточно ею осознанные. Исходя из опыта всего человечества, мы уверенно можем заключить, что в любой стране, где происходит великое перераспределение сил между группами и классами, изменено будет и назначение существующих благ, особенно формы собственности на средства производства. Там, где старые хозяева оказывали насильственное сопротивление, всегда возникала борьба; и во время и после борьбы те, кто оказался сильнее, в большей или меньшей мере прибегали к «террору», считая его единственным средством разгрома или защиты происходящей социальной революции. И для современного исследователя эта борьба, этот «террор» и вызываемые ими бедствия кажутся пишущим эти строки серьезно обоснованными стремлениями к максимально возможному всеобщему благу.

Есть еще одно соображение, которыми мы и закончим. Грядущие поколения будут расценивать каждое национальное завоевание или внутреннюю революцию не столько по преходящим бедствиям, неизбежно из них вытекающим, но в значительной мере по относительной социальной ценности нового

строю в сравнении со старым. В основном законченная в СССР ликвидация помещиков и капиталистов и одновременный отказ западных держав от первоначального плана вооруженной интервенции (для подавления советского коммунизма)—все это не только образует социальную гарантию гуманного отношения к индивидууму, но и обеспечивает успешное строительство нового социального организма и целеустремленную реорганизацию общественной жизни на основе продуманного плана переделки человека. Различные тенденции этого плана и будут нами рассмотрены в дальнейших главах.

ПЛАНОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

В настоящей главе мы постараемся описать то, что с социальной точки зрения является в наших глазах наиболее замечательной из всех тенденций советского коммунизма, а именно сознательное планирование всего производства, распределения и обмена в стране не для вздутых прибылей немногих, а для увеличения потребления всего общества. Мы позволим себе сделать замечание автобиографического свойства и указать, что именно из-за этого исключительного открытия в экономике и его применения при малообещающих условиях взаимоотношений между почти 170 млн. населения на $\frac{1}{4}$ земной поверхности мы, несмотря на всю трудность этого в старческом возрасте, попытались уяснить себе, что же происходит в СССР. Увенчается ли закрепленным успехом эта новая система экономических отношений и эта новая мотивация производства богатств? Ибо, если это так, она не только покажет всему миру, как уничтожить технологическую и, в сущности говоря, всякую другую массовую безработицу вместе с разорительным чередованием экономических подъемов и упадков; больше того, открывая пути для максимального использования человеческой предприимчивости и научных открытий на службу человечества, она открывает возможность безграничного увеличения и национального богатства и индивидуального благосостояния¹.

¹ Пятилетний план породил океан литературы на многих языках.

Одни издания Госплана (главным образом на русск. языке) многочисленны и объемисты самый план занимает полдюжины томов. Официальное изложение плана без комментариев было издано на английском языке в 1929 г. под заглавием «Советский Союз смотрит вперед» (Нью-Йорк 1929, 295 стр.). Сам Госплан опубликовал на английском языке в 1933 г.

Как выросло планирование?

Теория и практика планового производства для общественного потребления не существовали в готовом виде в представлении Ленина и его последователей, когда они оказались во главе

«Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития национального хозяйства СССР» (296 стр.). Наилучшим изложением на английском языке, пожалуй, являются четыре объемистых доклада, представленных Госпланом в 1931 г. мировому социально-экономическому конгрессу в Амстердаме, ответственными составителями которых являются В. В. Оболенский-Осинский, Л. Соломон Ронин, А. Гайстер и Л. А. Краваль, изданных Международным институтом индустриальных отношений в объеме отчете, озаглавленном «Мировое социально-экономическое планирование», 2 тома, 1931 (Гаага и Нью-Йорк) и частично переизданных в работе, озаглавленной «Социалистическое плановое хозяйство в СССР», В. В. Оболенского-Осинского. Хорошим анализом отличается изданная на немецком языке книга «Попытки планирования хозяйства в Советском Союзе» Ф. Поллока (Лейпциг 1929 г.). Другая работа, составленная недавно главою Госплана, издана в Германии под заглавием «Плановое хозяйство в Советском Союзе» Г. Кржижановского (1928, 124 стр.). Хорошее популярное изложение читатель найдет в работе *Майкл Фарбман*, Пятилетка; пятилетний план России (Нью-Йорк 1931, 220 стр.), первоначально вышедший в виде специального приложения к журналу «Экономист» (Лондон, ноябрь 1930). Более элементарной является статья *Луи Сегалья*, Современная Россия, страна планирования, 1933, 169 стр. *Г. Р. Никербокера*, Советский пятилетний план и его влияние на международную торговлю (Лондон 1931, 246 стр.), дает ряд живых описаний (все эти книги на англ. языке). *А. Ягов*, Пятилетний план (Эглантин, Брюссель 1932, 266 стр.) отличается резко враждебной, но чисто теоретической критикой. Более уравновешенный взгляд, на основании изучения фактов, дан *Гюстав Маке*, Уроки пятилетнего плана (Париж 1932, 252 стр.) и в статье *Маргарет Миллер* в «Славоник ревью» за декабрь 1930 г.—«Плановая система в Советской России». *Нильс Олейнхоф*, Русский пятилетний план (Брауншвейг 1932, 86 стр.), дает хорошую библиографию всех работ на западноевропейских языках. Другими немецкими описаниями являются: *Мария Баурмейстер*, Русская коммунистическая теория и ее влияние на попытки планирования хозяйства в Советском Союзе (1930 г., 154 стр.). *Борис Бруцкус*, Пятилетний план и его выполнение (1932, 106 стр.). *Георг Кайзер*, Россия накануне второго пятилетнего плана (1932, 143 стр.). Почти единственными известными нам английскими экономическими исследованиями плана являются: умело написанная книга *Барбары Вуотон* под заглавием «По плану или без плана» (1933), статья *Пауля Винтертона* в «Экономик джорнал» (сентябрь 1933 г.); глава «Экономист исследует планирование» в книге проф. *Т. Э. Грегора*, Золото, безработица и капитализм (1933) и три раздела в книге *Лайонель Робинса*, Большая депрессия (1934). Очень полезное описание дается в статье *Хью Дэлтона* в книге «Двенадцать очерков о Советской России», изд. под ред. *Маргарет Коол* (1933). Ко всему перечисленному можно добавить две солидные критические работы о планировании с точки зрения теоретической и исторической, написанные различными экономистами главным образом между 1900 и 1922 гг. со вступлением проф. *Ф. А. Гейек* и с написанными им теперь главами, а именно «Коллективистическое экономическое планирование» с очень полезной библиографией (изд. 1935 г., 293 стр.) и *Борис Бруцкус*, Экономическое планирование в Советской России (1935, 234 стр.).

правительства России. Год за годом это представление медленно и с трудом развивалось. Вначале это был примитивный процесс «испытаний и ошибок», который затем был заменен «научным методом» постоянной проверки «течения мыслей» путем сравнения его с «течением вещей», т. е. с наблюдением и опытом, с выводами и проверкой, с подробной фиксацией всех результатов для сравнения и дальнейшей разработки. У большевиков есть то, чего нехватает многим правительствам,—твердая цель общественного переустройства, которая неустанно преследуется и неуклонно выполняется, несмотря на все издержки и жертвы. Эту цель они сами называют созданием нового социального порядка «бесклассового общества». Под этим они подразумевают общество, в котором никто не сможет использовать труд других для собственного обогащения или хотя бы для того, чтобы жить, ничего не производя. Отсюда ликвидация помещика и капиталиста. Но этот термин имеет также и конструктивное содержание, которое вкратце можно назвать социальным равенством. Под этим понимается установление порядка, при котором каждый без исключения физически здоровый человек должен будет возместить обществу стоимость его воспитания, а также приносить кое-что для общего блага тем путем, который доступен его способностям, причем из производимого всем обществом ему будет обеспечена его доля в той форме и в тех количествах, которое соответствует его личным потребностям. Это далеко ведущая цель, которую правительство СССР никогда не теряло из виду, в преследовании которой оно никогда не ослабевало, красной нитью проходит через всю ткань его управления, вдохновляет и освещает, как мы это постараемся показать, все направление его истории.

Эпизод с рабочим контролем

При всей своей целеустремленности большевистская партия, наравне с другими марксистами, не имела понятия о том, как может быть осуществлен ее общественный идеал¹.

¹ «Перед 1918 г. весь марксистский мир считал социальную революцию конечной целью. Рабочие всего мира должны были объединиться, свергнуть капитализм и стать на веки-вечные счастливыми. Но в 1918 г. коммунисты, к собственному удивлению, оказались во главе управления Россией и очутились перед необходимостью осуществления своего «тысячелетнего царства». Пока продолжалось состояние войны, блокады и т. д., это давало достаточный повод для объяснения отсрочки в деле введения нового и лучшего общественного порядка. Ясно, однако, что они начали понимать ту огромную неподготовленность, которую влекут за собой марксистские методы мышления. В сотнях случаев... они не знают, что делать...» *Г. Дж. Уэллс*, Россия во мгле, 1920, стр. 132.

Сам Ленин выделялся ясным представлением о том, что революция сама по себе—это еще не коммунизм и даже не первая ступень социалистического строя, а только возможность для его осуществления. Но даже будучи в эмиграции, он не придумал никакого плана создания бесклассового общества. В течение шести месяцев своего проживания в Петрограде и его окрестностях в 1917 г., беспрестанно бомбардируя публику рядом статей, брошюр, писем и речей, он, как мы видим по целому ряду его работ, шаг за шагом исследовал и осваивал тот материал, из которого должно было строиться социалистическое общество. В своих писаниях он последовательно набросал ту надстройку советов, с помощью которых граждане создадут орудия местного и центрального управления; затем шли профсоюзы, включающие всех работников по найму как физического, так и умственного труда, которые будут объединенно регулировать условия жизни трудящихся; потом—потребкооперация, с помощью которой все взрослое население в качестве потребителей должно будет регулировать распределение всех тех продуктов, которые они создают как производители. В России все водные пути и почти все железнодорожное сообщение были уже государственными предприятиями; Ленин намечал немедленную национализацию банков и всех кредитных и денежных операций. К этим главным социальным надстройкам он добавил идею не немедленной национализации, а общественного контроля над промышленными, горными и торговыми предприятиями, все еще оставляемыми в частных руках. Этот контроль должен был осуществляться на основе широкой гласности и внимательного наблюдения за управлением со стороны всего рабочего класса через все его различные организации, не исключая работающих по найму управляющих, техников и конторских служащих. Но Ленин ясно и полнее, чем его коллегия и последователи, понимал, что эти предложения не являются еще «чертежом» реконструкции и что новое правительство должно перепробовать целый ряд экспериментов во всех почти отраслях общественной организации. В одной из своих речей он изложил положение с полной откровенностью. «Когда мы взяли власть в свои руки,—сказал он,—мы знали, что не было и нет еще готовых форм конкретного переустройства капиталистической системы в социалистическую... Я не знаю ни одного социалиста, который писал бы об этих вопросах... Мы должны руководиться опытом... Мы не закрываем глаза на то, что нам одним—социалистической революции в одной стране... если бы она была даже гораздо менее отсталой, чем Россия... в одной стране социалистической революции своими силами всецело не выполнить... Но это не значит, что мы должны перестать действовать. Поскольку мы имеем возможность экспериментиро-

вать по мере того, как оно (советское государство) приобретает все больше и больше силы... Мы должны это делать...»¹.

В течение первых нескольких недель после захвата им и его друзьями власти они не могли жить иначе, как изо дня в день, без какого-либо плана, издавая бесчисленное множество отдельных приказов в отношении отдельных промышленных предприятий, брошенных хозяевами. «Рабочие делегации,—говорил он впоследствии,—приходили ко мне с жалобами на заводовладельцев. Я каждый раз говорил им: Вы хотите национализировать вашу фабрику—хорошо. У нас декрет готов. Но скажите мне, можете ли вы взять руководство в свои руки? Вдумались ли вы в этот вопрос? Знаете ли вы, что и как у вас вырабатывается? Знаете ли вы соотношение между вашей продукцией и русским и международным рынком?—и—всегда выяснялось, что они об этом ничего не знали. Об этих вещах ничего не написано в большевистских учебниках ни даже в меньшевистских»². Для большинства промышленных и торговых предприятий Ленин собственноручно³ составил проект резолюции о рабочем контроле, опубликованной в «Правде» 16 ноября 1917 г., и переработал ее в огромный по своему размаху декрет Совнаркома от 28 числа того же месяца. Этот декрет предписывает, что «во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производительных товариществах и пр. предприятиях, имеющих наемных рабочих или же дающих работу на дом, вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия... Рабочий контроль осуществляют все рабочие данного предприятия через свои выборные учреждения, как то: фабричные комитеты, советы старост и т. п., причем в состав этих учреждений входят представители от служащих и от технического персонала... Органы рабочего контроля имеют право наблюдать за производством, устанавливать минимум выработки предприятия... Органы рабочего контроля имеют право контроля всей деловой переписки предприятия, причем за сокрытие корреспонденции владельцы ответственны по суду. Ком-

¹ Цитата передана авторами крайне неточно.

² Речь Ленина при открытии Первого съезда Совета народного хозяйства (26 мая—4 июня 1918 г.). «Ленин, откровенность которого временами захватывала дух у его последователей, недавно снял последнюю отговорку о том, что русская революция есть что-либо иное, чем начало эры безграничных экспериментов. Те, которые заняты тяжелой работой свержения капитализма,—писал он недавно,—должны быть готовы к тому, чтобы пробовать метод за методом до тех пор, пока они не найдут тот метод, который лучше всего отвечает их цели» (Г. Д. Уэллс, Россия во мгле, 1920, стр. 133).

³ Майкл Фарбман, После Ленина, стр. 43.

мерческая тайна отменяется»¹. По этому декрету почти все важнейшие предприятия Ленинграда перешли в течение последующих шести месяцев под контроль различным образом сконструированных рабочих комитетов, под надзором которых все управляющие и мастера, которые не бежали, а временами даже сами хозяева старались держать предприятия на ходу.

Результаты рабочего контроля

Время было очень неудачное для применения рискованного эксперимента рабочего контроля в качестве образца управления промышленностью, хотя, как теперь объясняют, наиболее дальновидные считали его временной мерой. Но для всего мира очень важно, что оно было испытано. Оглядываясь назад на эти лихорадочные месяцы зимы 1917—1918 гг. в Петрограде, мы ясно видим, что если даже принять во внимание все обстоятельства, эта идея после ее применения не могла быть признана удачной никем из заинтересованных—даже ее наиболее горячими поборниками. И не только потому, что избранные рабочими комитеты, хотя членами их были квалифицированные рабочие, оказались лишенными всех тех разнообразных знаний и навыков, которые необходимы для выполнения специфических задач руководства и управления. Не был решающим и тот факт, что заводская дисциплина страдала от постоянного вмешательства членов комитета в распоряжения мастеров. Эти недостатки не были всеобщими или неизбежными и к тому же могли быть со временем сглажены. Что было роковым и неисправимым,—это передача управления фабрикой людям, работающим в ней, будь то большинству их или всему коллективу. Даже в лучших случаях происходило то, что каждое предприятие под таким контролем, будучи лишено всех тех автоматических сдержек и предупреждений, которые дает хозяину капиталистическая система посредством соотношения между себестоимостью к продажным ценам, а от них—к требованиям потребителя,—по необходимости судило о положении и устанавливало свою политику исключительно с точки зрения их собственных желаний или интересов. Ни одна фабрика не знала, что требуется или желательно коллективу потребителей, а также и того, сколько производят в то же самое время другие заводы. Если завод производил табуретки или медный кабель, то он продолжал выпускать те же табуретки или кабель, обычно тех же сортов, фасона и качества, к которым он больше всего при-

¹ «Правда» от 16 ноября 1917 г. Декрет Совнаркома от 28 ноября 1917 г. *Г. Вернадский*, Ленин—красный диктатор, 1931, стр. 105, (на англ. языке).

вык, независимо от того, что в настоящее время требовалось. Вскоре стало ясно, что при такой системе, даже если будет возможно поддержать общее производство, не будет того постоянного регулирования предложения и спроса, от которого зависят не только цены, но и обеспечение самих граждан. Всякому мыслящему человеку было очевидно при применении этого опыта, что функция каждой производственной единицы состоит *в том, чтобы производить не то, что эта единица предпочитает производить, а то, в чем общество в данное время нуждается или чего оно желает*. В любом высоко развитом промышленном обществе, каково бы ни было его экономическое или политическое устройство, гражданин как производитель, будь он лицом физического или умственного труда, во время своей работы должен делать то, что в той или иной форме ему предлагается делать с той целью, чтобы он мог наравне с другими производителями получить в остальное время дня—в часы потребления—то, что ему нужно для жизни, и то, что ему желательно. И если работа производителя должна устанавливаться в зависимости от потребностей потребителя, то там, где влияние извлечения прибыли на вольном рынке прекращено, должна быть вне завода, вне профсоюза, вне самой индустрии какая-то организация, с помощью которой выразитель желаний или представитель всего общества граждан-потребителей сможет время от времени указывать каждому заводу или даже каждой группе кустарей или земледельцев, что именно они должны производить.

Высший совет народного хозяйства

В Петрограде в 1918 г. нужно было применить решительные меры. Идея «самоуправляющейся мастерской», мечта анархиста и социалиста, которая направляла по ложному пути целые поколения социалистов, была оставлена. Рабочий контроль, который, хотя и не был лишен других функций, был определенно отставлен от управления фабрикой. Через шесть месяцев после применения этого опыта Ленин убедил своих коллег в Совнаркоме настоять путем декрета от 28 июня 1918 г. на том, что какие бы ни существовали рабочие комитеты, каждое индустриальное предприятие должно быть поставлено под руководство единоличного управляющего, назначаемого и ответственного перед самим правительством. Ленин очень хорошо понимал, что одной из главных задач является трудовая дисциплина: «... дисциплина трудовая, дисциплина товарищеской связи, дисциплина советская вырабатывается на самом деле миллионами трудящихся и эксплуатируемых. На быстрые успехи в этом мы не претендуем, не рассчитываем. Мы знаем,

что это дело займет целую историческую эпоху»¹. Но этого было недостаточно. Каждому директору нужно было время от времени, чуть ли не каждую неделю, авторитетно преподать его производственную программу. Для этого был создан новый государственный департамент под руководством специально назначенного для управления промышленностью всей страны комитета с главной целью способствовать производству не того, что считали необходимым рабочие каждой фабрики или что даже могло показаться правильным директору, а того, в чем нуждалось и чего хотело все общество,—в определенной очередности и пропорции. Тяжелым опытом было установлено, что «ликвидация хозяина» по необходимости потребовала государственного планирования производства. «Как можно было естественно ожидать,—описывает английский наблюдатель,—наибольшая опасность переходного периода исходила от тех рабочих советов, заводских комитетов, профессиональных союзов и местных советов профессиональных союзов, которые, проводя свою собственную провинциальную экономическую политику, не принимали во внимание нужд страны в целом. Нужна была направляющая рука, и она была найдена в Высшем совете народного хозяйства. Я хорошо помню первое его заседание. Несколько рабочих из петроградских и московских профессиональных союзов, советов профсоюзов и рабочих комитетов, вместе с несколькими испытанными революционными лидерами и несколькими техническими консультантами, которые не саботировали (все они, надо сказать, были выбраны и назначены для этой цели Совнаркомом), собрались на Тучковой набережной в Петрограде, с намерением организовать экономическую жизнь Республики в интересах трудящихся масс. Кругом, в результате империалистической войны и оргии капиталистической погони за наживой, царил хаос. Голод, недостаток сырья, саботаж со стороны специалистов, нападения контрреволюционных отрядов на юге, угроза прусских генералов — делали виды на будущее почти безнадежными. Однако, ничуть не обескураженные, эти смелые рабочие без какого бы то ни было опыта, кроме суровой школы индустриального рабства и политического гнета, засели за работу реконструкции экономической жизни территории, покрывающей большую часть двух континентов. Я видел, как они на этом собрании разрабатывали

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 44; цитировано на англ. языке в «Итогах выполнения первого пятилетнего плана», 1933, стр. 26.

Этим воспользовался для упрека один из противников: «После того, как традиционный метод управления производством был выброшен за борт, они (коммунисты) должны были вернуться к режиму постоянной работы, к введению авторитета мастера или управляющего, к осуществлению рабочей дисциплины» (А. Югов, Экономические тенденции в Советской России, 1930, стр. 68—на англ. языке).

планы организации государственных управлений, которые должны перенять производство и распределение «ключевых» отраслей промышленности и транспорта. Их поле зрения простиралось от лесов Литвы к оазисам Центральной Азии, от рыбных промыслов Белого моря к нефтяным месторождениям Кавказа. Слушая, как они обсуждали эти планы, нельзя было отделаться от мысли, что многие из этих мест, для которых они составляли планы борьбы с голодом и возвращения промышленности к условиям производства мирного времени, были в этот самый момент под угрозой контрреволюционных сил или вооруженных отрядов европейских правителей, чьи так называемые «интересы» требовали, чтобы голод, анархия и лишения научили рабочих и крестьян России не сметь поднимать руку на священные «права собственности». Ветер выл вокруг холодного каменного здания, которое стояло над замерзшей Невой, и зимний снег проносился по мрачным улицам, а эти люди с пламенным воображением, поддерживаемые своей смелостью, не колебались. Они сажали жолудь, из которого, они знали, когда-нибудь вырастет дуб...

Пять месяцев спустя я видел их на большом съезде в Москве. Высший совет народного хозяйства стал к этому времени большой государственной организацией и заседал на своем первом всероссийском съезде. Во всех частях Центральной России, на многих отдаленных окраинах были образованы местные отделы, пославшие своих представителей. Первая организация в мире для проведения на практике теории, что каждый гражданин есть член большой человеческой семьи и что, поскольку он выполняет свои обязанности по отношению к ней, он в этой семье обладает правами, создавалась на моих глазах. Среди ляга оружия, под гром империалистической бойни на полях сражения во Франции, среди зверств гражданской войны, когда Краснов стоял на Дону, а чехословаки на Волге, Высший совет народного хозяйства без шума становился центром экономической жизни Республики. Он был создан в то время, когда более заметная политическая организация — Советы—боролась за сохранение существования Республики от врагов внутри и извне. Высший совет народного хозяйства был орудием для создания нового порядка в России. Советы были только временным оружием для защиты тех рук, которые выделяли это орудие»¹.

¹ *Филип Прайс*, Капиталистическая Европа и большевистская Россия (1919, стр. 18—19). Состав Высшего совета народного хозяйства согласно декрету от 8 августа 1918 г. был определен в 10 членов от Центрального исполнительного комитета (ЦИК), 30 членов от профсоюзов, 20 членов от областных совнархозов, 2 члена от потребительских кооперативных обществ и 7 представителей от такого же числа наркоматов. Этот пленум в 69 человек должен был собираться ежемесячно, он выбрал президиум

Первый декрет Совнаркома о «Высшем совете» от 5 декабря 1917 г. облек новую организацию исключительно широкими полномочиями и большими правами. Она должна была организовать «народное хозяйство», а также государственные финансы... Для этой цели она должна была разработать генеральные планы и сметы для регулирования всей экономической жизни страны, координируя и объединяя деятельность центральных и местных регулирующих учреждений, в том числе все народные комиссариаты. Новый совет имел право реквизиции, секвестра, конфискации, принудительного синдицирования и чего угодно. Все существующие организации, регулирующие экономические отношения, были подчинены ему. Все важнейшие меры, включая проекты всех законов, касающихся регулирования народного хозяйства в целом, должны были исхо-

из 8 лиц для текущей работы под председательством лица, назначенного ЦИК, каковое лицо должно было стать членом ВСНХ ex officio (*Фридрих Поллок*, Попытки планирования хозяйства в Советском Союзе 1917—1927 гг., 1929, стр. 80—81). Среди членов ВСНХ были: А. И. Рыков, председатель, Л. Б. Красин, который принес в деятельность ВСНХ свой большой опыт промышленного управления вместе с большими техническими знаниями, Г. И. Опоков, высокообразованный юрист, Л. Карпов—высококвалифицированный инженер и М. С. Лури (известный под именем Юрия Ларина) талантливый, но эксцентричный экономист, а также видные представители профсоюзов.

Высший совет народного хозяйства отчитывался в своих действиях и его отчеты утверждались Всероссийским съездом советов народного хозяйства. Этот съезд, протоколы которого в первые годы публиковались стенографически (по-русски), открылся в мае 1918 г. в присутствии 252 делегатов, из которых 105 были с «решающим», а 148—только с «совещательным» голосом. Делегаты были от всей РСФСР, включая Восточную и Западную Сибирь и Среднюю Азию (Ташкент). Кроме местных экономических советов были представлены профсоюзы и потребкооперация, а также крупнейшие производственные предприятия. Рабочие составляли 30% делегатов, специалисты—20%, инженеры—10%, статистики, бухгалтер и авторы трудов на экономические темы—40%. 70% состава были членами коммунистической партии, 14% назвались беспартийными, 8% эсерами, было также 3 меньшевика и 3 социал-демократа-интернационалиста. К 1921 г. этот съезд возрос до 593 членов такого же смешанного характера.

Другое сообщение об образовании этой организации под заглавием «Всероссийский совет народного хозяйства» и «Высший совет» может быть найдено в весьма критически написанной книге *Джеймс Мейвор*, Русская революция (1928, 470 стр.), целиком основанной на информации из враждебных большевикам источников (см. стр. 263—264, 279—294, 298—302). Его главным источником в этом отношении является описание, сделанное значительно позже А. Юровичем, членом кадетской партии, который некоторое время работал в Высшем совете народного хозяйства... и который впоследствии ничего хорошего не мог вспомнить ни о его членах, ни о его политике, ни о его работе («Высший совет народного хозяйства» А. Юровича в «Архиве русской революции», т. VI, стр. 305—эмигрантское издание, выходившее в Берлине в 1921—1924 гг.).

дять от Высшего совета народного хозяйства и подлежали ратификации Совета народных комиссаров¹.

К этому моменту, в значительной мере, благодаря простой случайности, была в отношении крупной промышленности формально закончена «ликвидация капиталистов» декретом об общей национализации от 28 июня 1918 г. Ларин был направлен в Берлин для переговоров с германским правительством о протоколе, уточняющем детали выполнения Брест-литовского договора. 25 июня 1918 г. он секретно телеграфировал Ленину о том, что немцы настаивают на том, чтобы не принималось никаких мер, умаляющих ценность промышленных предприятий, принадлежащих германским подданным. Он указал, что путем передачи немцам промышленных акций, принадлежащих бельгийцам или англичанам, такое условие может быть бесконечно расширено. Единственный путь, при котором советское правительство может сохранить свободу действий в промышленности, является немедленное объявление всей промышленности собственностью государства, так как договор не заключал в себе никакого ограничения в отношении права правительства распоряжаться по своему усмотрению собственностью государства. Через три дня после этой телеграммы был опубликован декрет, объявляющий все предприятия с капиталом свыше 200 тыс. рублей собственностью РСФСР².

Невзирая на все предоставленные ему права, на энтузиазм и активность его членов, Высший совет народного хозяйства в течение долгого времени имел мало возможности планировать общественное переустройство. Совет немедленно взялся за работу и создал целую сеть местных «советов народного хозяйства» по всей громадной территории РСФСР от Польши до Тихого океана. Но вначале положение было критическое из-за хаоса и разрухи, в которых находилась страна³. В течение ближайших нескольких месяцев начались местные восстания и непрерывное наступление самых разнообразных армий, щедро

¹ Декрет № 5 от 5 декабря 1917 г., см. также Г. Амфитеатров и Л. Гинзбург, Пятнадцать лет советского строительства, 1932, стр. 306 (на русск. языке).

² Этот любопытный случай описан в книге Анри Роллена (А. Роллен, Русская революция, ч. I, «Советы», 1931, стр. 229—230). Описание основано на собственном заявлении Ларина, опубликованном им после того, как он ушел из ленинского правительства и жил вне СССР. См. также И. Штейнберг, Воспоминания народного комиссара, 1917—1918 гг., переведено с немецкого (Париж 1930 г.) и Фернан Гренар, Русская революция (Париж 1933).

³ Ленин говорил, что «Россия из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти». Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 245; приведено у Г. Амфитеатрова и Л. Гинзбурга, Пятнадцать лет советского строительства, стр. 348 (на русск. языке).

субсидируемых и руководимых полудюжиной капиталистических государств. В скором времени военное положение стало отчаянным—при повсеместном саботаже и восстаниях, при существовании враждебных армий, приближавшихся со всех сторон к Ленинграду и Москве. Все другие соображения должны были теперь быть подчинены снабжению Красной армии и этих двух городов. Каждый завод сосредоточил свое внимание на производстве военного оборудования и амуниции. Тут было налицо планирование—четкое, непосредственное и постоянное, но это было планирование исключительно для текущих нужд войны¹.

Возникновение генерального плана

Но Ленин никогда не упускал из виду необходимости генерального плана реконструкции. Когда делегаты Первого всесоюзного съезда советов народного хозяйства собрались в Москве в конце 1918 г., в резолюции, предложенной и принятой съездом, было ясно указано, что их задачей является систематическое планирование экономических отношений во всей стране. Съезд постановил нижеследующее:

«Главнейшей задачей в области промышленности является: перейти от разрозненных национализации отдельных предприятий к национализации промышленности, начиная с металлопромышленности, машиностроения, химической, нефтяной и текстильной промышленности.

Развитие производительных сил страны требует введения обязательных планов производства, соответствия между ставками зарплаты и производительностью, строжайшей рабо-

¹ Историк большевистской партии Н. Попов указывает, что годы гражданской войны были по существу «эрой планируемого хозяйства в стране с обедневшими ресурсами, при изоляции от остального мира извне и от продуктивных элементов внутри». Он указывает, что планирование распространялось и на земледелие: «Страшная нужда в хлебе была первым диктатором планирования, заставив организовать целую сеть государственно управляемых сельскохозяйственных хозяйств. Неуклонная кампания была поднята для организации больших государственных хозяйств, которые социализм всегда считал экономически более высокими, чем мелкое крестьянское хозяйство. Кампания против кулаков велась безжалостно. К концу 1921 г. было 4 316 совхозов и 15 121 колхозов с общей площадью свыше 10 млн. акров... В условиях гражданской войны, при отсутствии капитала и технического персонала это было немалым политическим достижением со стороны диктатуры» (*Н. Попов, Очерк истории ВКП(б), 1930—англ. издание. См. также указания в книге Исаака Дон Левина, Сталин, стр. 357—на англ. языке.*

«К концу 1920 г. под управлением центральных и местных властей (ВСНХ) было 37 тыс. предприятий. Каждая отрасль промышленности управлялась особым советом (*А. Югов, Экономические тенденции в Советской России, 1930, стр. 53.*)

чей дисциплины, устанавливаемой самими рабочими организациями, постепенного установления трудообязанности, в особенности в отношении незанятых лиц, мобилизации всех специалистов и техников и перераспределения рабочей силы в соответствии с перераспределением промышленности.

В области обмена и распределения: централизация торговли в руках государства и кооперативных организаций с постепенной ликвидацией частной торговли. Система государственной монополии на предметы широкого потребления делает необходимым установление обмена между различными областями и твердых цен с постепенным их снижением.

Снабжение деревни живым инвентарем, машинами и товарами, введение мелиорации и установление регулярного товарообмена между городом и деревней.

В вопросах финансов: национализация всех банков и введение системы чеков, текущих счетов и т. д»¹.

Это систематическое планирование было разработано в виде части новой программы коммунистической партии, составленной самим Лениным, которая в том виде, в каком она была принята в марте 1919 г., определенно требовала планового развития всего народного хозяйства со включением постоянного использования всей рабочей силы, без возрождения безработицы. Работа должна быть обеспечена для всех могущих работать рабочих, а распределение всех произведенных товаров должно систематически координироваться. Во исполнение этого решения партии была формально создана декретом Совнаркома от 24 февраля 1921 г. Государственная плановая комиссия (Госплан)².

¹ Резолюция об экономическом положении и о хозяйственной политике. Стенографический отчет Первого съезда, 26 мая—4 июня 1918 г. (на русск. языке).

² Программа коммунистической партии, март 1919 г.; декрет Совнаркома РСФСР от 24 февраля 1921 г. Ленин, без сомнения, кое-чем воспользовался в отношении установления того, что должен представлять собой генеральный план для всей экономической жизни страны, из немецкой книги под заглавием «Государство будущего: производство и потребление в социалистическом государстве» проф. Берлинского университета Карла Баллода, первое издание которого вышло с предисловием Карла Каутского в Германии в 1898 г. и которая была переиздана в 1919 г. На русский язык эта книга была переведена в 1906 г. и переиздана в Москве по указанию Ленина в 1919 г. Эта книга детально вычисляет для каждой главной отрасли промышленности все статистические данные, которые должны лечь в основу систематического планирования массового производства, направленного на обеспечение потребностей всего населения—на базе государственной собственности на всю промышленность—и (прусская черта!) на применение всеобщей промышленной трудовой повинности для всего мужского взрослого населения, срок которой в общей сложности не превышает пяти-шести лет жизни каждого (см. *Исаак Дон Левин*, Сталин, стр. 355).

В 1920 г. эта идея генерального плана вдохновила Ленина, который в письме к Кржижановскому набросал схему электрификации страны. Ленин, как он сказал, хотел этого, для того чтобы сосредоточить энергию всей страны... Я повторяю, говорил он, «надо увлечь *массу* рабочих... *великой* программой на 10—20 лет». Принятие этой программы VIII съездом советов в декабре 1920 г. привело к назначению в апреле 1921 г. комиссии для разработки плана электрификации всей страны (ГОЭЛРО). Декретами Совнаркома от 22 февраля 1921 г., 22 февраля 1922 г. и 21 августа 1923 г. была создана особая организация—Государственная плановая комиссия (Госплан), с исключительной целью разработки генерального плана всех хозяйственных отношений². Это вначале приняло скромную форму ежегодных «контрольных цифр», представлявших собой статистические таблицы, в которых приводились количества всякого рода продукции, ожидавшейся к выпуску в наступающем году. Эти статистические данные, которые из года в год делались более точными и более полными, давали возможность Высшему совету народного хозяйства на основании ожидаемого общего выпуска продукции формулировать с большей точностью свои указания государственным трестам и предприятиям, включая и транспортные предприятия.

¹ Письмо Ленина, которое Кржижановский опубликовал в 1929 г., когда он обосновал первый пятилетний план, в который выросли заброшенные тогда семена, следует привести здесь. Ленин писал: «...нельзя ли добавить *план* не технический (это, конечно, дело *многих* и не скоропалительное), а политический или государственный, т. е. задание пролетариату?

Примерно: в 10 (5?) лет построим 20—30 (30—50?) станций, чтобы всю страну усеять центрами на 400 (или 200, если не осилим больше) верст радиуса...

Его надо дать сейчас, чтобы наглядно, популярно, для массы увлечь ясной и яркой (вполне *научной* в основе) перспективой: за работу, де, и в 10—20 лет мы Россию всю, и промышленную и земледельческую, сделаем *электрической*. Доработаемся до *стольких-то* (тысяч или миллионов сил или к—т?? чорт его знает) машинных рабов и проч...) (приведено в статье Майкл Фарбмана в газете «Дейли геральд» в 1929 г. *Ленин*, Соч., т. XXIX, стр. 432.—*Ред.*).

Г. М. Кржижановский, которому была поручена первая организация Госплана, а в 1927—1928 гг. подготовка первого пятилетнего плана, пользуется широкой известностью как ученый, давно состоит членом Российской Академии наук и в настоящее время является ее вице-президентом (*Луи Сегаль*, Современная Россия—страна планирования, 1933, стр. 8).

² Декреты от 22 февраля 1921 г., 22 декабря 1922 г. и 21 августа 1923 г. Информационная статья (на русск. языке) С. Струмилина под заглавием «Первый опыт планирования», помещенная в № 12 журнала «Плановое хозяйство» за 1930 г., указывает, что первый декрет предусматривал план только на один год («текущее планирование»). П. А. Богданов первый осенью 1921 г. высказался в пользу создания по крайней мере для металлопромышленности плана на пятилетний период («перспективное планирование»), что было принято Госпланом в его пересмотренном положении от 8 марта 1922 г.

Красинское обоснование планирования в 1920 г.

Случайно мы имеем возможность прибавить кое-какие свидетельства современников о советских намерениях и планах 1920 г. в отношении генерального плана. В августе 1920 г. очередная «летняя школа» Фабианского общества была занята главным образом вопросами внешних сношений. Два представителя РСФСР, Л. Б. Красин и Каменев, были в то время в Лондоне с намерением договориться с британским правительством о возобновлении торговых сношений. Предположено было пригласить их посетить эту школу. Нижеследующее извлечение из дневника того времени показывает, насколько речь Красина предвосхищала действия советского правительства в течение последующего десятилетия. «Красин с его стройной фигурой, с безукоризненно посаженной головой, с его тонкими чертами лица, простыми манерами и острым прямым взглядом, выглядит с головы до ног высококультурным и высокообразованным человеком, настоящим аристократом и в смысле интеллекта и осанки. Поскольку можно понять, слушая его, он является любопытной комбинацией практика-эксперта и убежденного сторонника догматического учения. Но невольно спрашиваешь себя, не состоит ли это учение почти целиком из настоящего требования подчинения каждого индивидуума «рабочему» плану научно подготовленного ума, хотя, конечно, предполагается, что этот план выработан в интересах общества в целом... Он говорил по-немецки с четким произношением и с ограниченным запасом слов—настоящего лингвиста, говорящего на иностранном языке так, что даже я могла понять каждое его слово. Это была замечательная речь, превосходно задуманная и произнесенная с холодной силой убежденности, которая производила исключительное впечатление. Особенно искусно было его изложение общих принципов, в соединении с массой и разнообразием иллюстрирующих фактов и красочными рассказами. Большая часть речи была посвящена подробному сообщению об управлении промышленностью, которое он установил или надеется установить в России. Работа по плану, выработанному научными экспертами, под руководством коммунистической партии,—вот центральная идея его промышленной организации. Нужды России (внешние и внутренние) должны быть установлены и определены, и все должно быть принесено в жертву для их обеспечения. Все работники физического и умственного труда должны принять этот план, и единственной их обязанностью как членов Советской республики является старательное и точное его выполнение. Он дал понять, что в Советской РОССИИ есть два больших источника силы, которые приведут к ее восстановлению и к установлению ее полной независимости от окружаю-

щего ее враждебного мира: воодушевление преданных людей, организованных в коммунистическую партию, и научные знания экспертов, специально подготовленных для обслуживания этой партии во всех отраслях общественной и промышленной жизни. Всяческое применение новейшего индустриализма, направленное к увеличению производительности отдельного рабочего, будь это новое механическое изобретение, новые источники энергии, новые методы оплаты, сдельщина, премиальная система, сосредоточение работы в наилучше оборудованных фабриках,—все это должно быть введено для выполнения этого плана. Необходимо даже организовать потребление. Выплата натурой, плюс небольшая сумма денег на «прочие» расходы должны заменить обычную систему заработной платы с таким расчетом, чтобы потребление индивидуума вело к максимальному умственному и физическому развитию расы. Он согласился, что крестьянство, составляющее подавляющее большинство населения, является препятствием... Большевистское правительство было вынуждено допустить единоличную обработку земли. Но землю нельзя продавать, и если обрабатывавший землю крестьянин бросит ее, община передаст ее кому-нибудь другому. Красин, однако, подчеркнул свою уверенность, что в конце концов крестьяне повернутся к коммунизму, и он дал нам яркое описание того, что может быть сделано применением в большом масштабе научной обработки земли и заменой индивидуальной обработки земли общественной, по выработанному учеными агрономами плану. Наконец, в превосходном окончании, которое вызвало наиболее оживленные аплодисменты со стороны всех собравшихся фабианцев, понимавших по-немецки, он заявил, что Советская Россия одна среди всех стран открыла «философский камень» увеличения производительности в осознании каждым отдельным работником, что он обслуживает весь коллектив русского народа—сознании, которое переродит труд в единственную настоящую религию, в работу на пользу человечества».

Развитие планирования на опыте

В 1920 г. никто, пожалуй, не предполагал, какой долгой и трудной будет подготовка к осуществлению любого генерального плана. В самом деле, поскольку была принята новая экономическая политика, поскольку частные предприятия полумиллиона владельцев производили, хотя бы только в мелких предприятиях, и распределяли товары, которые им казалось необходимым производить, поскольку, наконец, преобла-

¹ Из дневника (рукописи) Беатрисы Вебб, 4 сентября 1920 г.

дающая часть земледелия была предоставлена никем не руководимой работе 25 млн. крестьянских хозяйств, абсолютно не было возможности успешно планировать распределение рабочей силы общества.

Но в 1927 г., к моменту ликвидации новой экономической политики в значительной мере и решения серьезно взяться за коллективизацию крестьянского хозяйства, Госплан имел возможность попытаться представить в Совет труда и обороны (СТО) генеральный план по тем линиям, которые намечал Крassin, и, что замечательно, план того самого порядка, который отстаивал Ленин,—именно план «централизации энергии всей страны», которым можно было бы «увлечь *массу* рабочих... *великой* программой на ближайшие 10—20 лет». Мы таким образом подходим к принятию XV съездом коммунистической партии в 1927 г. первого пятилетнего плана производства и распределения для СССР, с которым был связан менее законченный пятнадцатилетний план электрификации.

Эта важнейшая и смелая попытка планирования была принята в критический момент. Политика, на основании которой должен был быть построен этот план, была с 1925 до 1927 г., как бы странно это ни показалось тем, которые считают правительство СССР диктатурой Сталина или другого отдельного лица, предметом продолжительнейших и широчайших разногласий, каких не было с 1917 г. Принятие этого плана произошло, как пишет осведомленный наблюдатель, «в разгар затруднений и столкновений. Международное положение России было тяжелым. Англия порвала с ней все сношения, Америка продолжала политику непризнания, Франция постоянно дулась, Польша не переставала делать кислые мины, Китай сделал набег на советское посольство в Пекине и на консульства в других городах и выслал русских представителей. Ни одна страна, за исключением, пожалуй, Германии—в то время республики—и Турции, не высказывала благожелательства, и даже они не были чересчур открыто и излишне дружественны; не было видов на кредиты за исключением ограниченных сумм со стороны Германии и Италии. Помощь не ожидалась ни откуда, ни от кого»¹.

«Внутри страны картина в 1928 г. была немногим веселее. Коммунистическую партию разрывали разногласия. Троцкий был исключен; сотни его последователей—среди них (некоторые из них) наиболее способные люди страны, ораторы, организаторы, писатели, инженеры, экономисты—были высланы в отдаленные части страны, а «правая оппозиция» постоянно угро-

¹ Не надо, однако, забывать, что английское Общество оптовых закупок и некоторые солидные британские фирмы заявили, что официальный разрыв сношений не помешает выполнению ими советских заказов на обычных условиях кредита.

жала новым взрывом. Среди крестьян царило глухое недовольство. Напманы и интеллигенция фрондировали, некоторые из последних, хотя и в меньшем количестве, нежели старалась убедить в этом мир истеричная советская пресса, фактически саботировали. В стране было мало квалифицированных рабочих, очень мало инженеров, опытных в строительстве новейших промышленных предприятий, и очень мало руководителей для управления такими заводами, когда они будут построены. Сама страна была отсталая, она только-только оправилась от последствий мировой и гражданской войны, которые снизили выпуск продукции промышленности до $\frac{1}{3}$, а земледелие до $\frac{1}{4}$ нормального. Коротко говоря, Россия была изолирована, в ней не было единства, это была обедневшая страна¹.

Разногласия, связанные с первым пятилетним планом, могут быть подытожены в словах последующего официального отчета, в котором читатель должен будет учесть характерную фразеологию и неизбежную пристрастность. «Правые оппортунисты,—заявлял Госплан в 1933 г.,—на словах принимая плановый характер хозяйства СССР, фактически его отрицали, поскольку они отказывались признать, что индустриализация является решающим рычагом реконструкции народного хозяйства; они боролись против высоких темпов индустриализации; они отрицали решающее значение производственной смычки между рабочим классом и крестьянством; классовой борьбе за осуществление плана социалистического переустройства народного хозяйства они противопоставили теорию мирного вращивания кулака в социализм, теорию самотека. Исходя из этого, правые оппортунисты в противовес пятилетнему плану... выдвинули «двухлетку», где центральным звеном выступала не индустрия, а земледелие, и не социалистическая переделка деревни, а укрепление частновладельческого крестьянского хозяйства. Это на деле означало отрицание возможности построения социализма в одной стране, отрицание возможности вовлечения в социалистическое строительство основных масс крестьянства. Выполнение двухлетнего плана привело бы к закреплению технической отсталости и аграрного характера страны, к буржуазной реставрации и к колониальному закабалению СССР капиталистическим миром... Троцкисты со своей стороны отрицали возможность планового развития хозяйства СССР, так как они отрицали закон неравномерного развития капитализма, и утверждали, что международное разделение труда стоит выше, чем диктатура пролетариата в одной стране, и властно диктует ее дальнейшее развитие. Они отрицали, что пролетарская диктатура является особой формой союза рабо-

¹ Морис Хиндус, Великое наступление, 1933, стр. 24—25.

чего класса и крестьянства, пророча неминуемый разрыв между ними... Троцкисты выдвигали буржуазную теорию, что строительство социализма в одной стране и реконструкция народного хозяйства СССР своими собственными усилиями невозможна... Пятилетка рождалась в ожесточенной классовой борьбе за основные пути и средства строительства социализма. Несмотря на решительное контрреволюционное противодействие правых и троцкистов, коммунистическая партия и советское правительство приняли пятилетний план социалистического переустройства народного хозяйства. Мало того, из двух вариантов плана—отправного и оптимального—представленных Государственной плановой комиссией, шестнадцатая партконференция ВКП(б) и V Съезд советов приняли оптимальный вариант плана, значительно расширенный по основным задачам и превращенный на практике его выполнения в минимальный»¹.

Мы можем прибавить, что первый пятилетний план в его оптимальном варианте, который с течением времени был значительно увеличен в объеме и содержании, считался в основном выполненным к концу 1932 г., т. е. в течение четырех с четвертью лет. Второй пятилетний план был соответственно разработан для 1933—1937 гг. и теперь (в 1935 г.) находится в стадии выполнения.

Госплан как плановый орган

Государственная плановая комиссия СССР (Госплан), которой была поручена эта важная работа, в настоящее время назначается СНК и непосредственно ответственна перед Совнаркомом, членом которого постоянно состоит ее председатель. Эта Комиссия, в отличие от некоторых других организаций, никогда не принимала форму комиссии, полностью или главным образом состоящей из наркомов, и без того загруженных своей собственной работой. Вплоть до 1935 г. она состояла из председателя, которым в настоящее время является один из двух заместителей председателя Совнаркома, из двух заместителей председателя, которые оба не имеют никакой другой должности, и 158 членов. Высшая плановая организация, Госплан СССР, опирается на подобные же плановые комиссии во всех союзных и автономных республиках. Эти республиканские плановые комиссии (которые также называются Госпланами, но с добавлением названия соответствующей республики) подчиняются

¹ «Итоги выполнения первого пятилетнего плана» (Госплан), 1933, стр. 4—5 (англ. перев.).

каждая своему собственному Совнаркому, но обязаны принимать основные директивы Госплана СССР¹.

Все государственные и общественные организации или предприятия любого рода, включая не только те, которые заняты промышленностью или земледелием, но также и те, которые занимаются просвещением, лечением и вопросами народного здоровья, искусствами, музыкой и театром, государственным страхованием, обороной, юстицией, а также пути сообщения и связь обязаны по закону представлять Госплану все необходимые данные об их настоящей и намечаемой работе. Для обработки громадной массы сведений, беспрестанно поступающих со всего Союза, Госплан постепенно создал обширный штат квалифицированных статистиков и технических экспертов во всех отраслях промышленности численностью свыше тысячи человек, обслуживаемый разветвленным аппаратом с тысячами служащих и большим числом отделов. Особый отдел статистики, работающий независимо, в настоящее время стал Центральным управлением народнохозяйственного учета, подчиненным Госплану и уделяющим особое внимание учету себестоимости продукции.

Внутреннюю организацию учреждения, на которое возложена такая громадная и сложная задача, стоит описать более детально. Мы поэтому разрешаем себе привести здесь неопубликованный приказ № 103 от 12 апреля 1932 г., подписанный тогдашним заместителем председателя Госплана В. Межлауком и намечающий полную реорганизацию Госплана в 10 главных отделов, большинство из которых имеют от 3 до 7 подотделов (секторов), а всего 33 части, среди которых вся работа того времени тщательно распределена. В приказе говорится следующее:

«Гигантское разворачивание социалистического переустройства всего советского хозяйства, разработка второго пятилетнего плана с целью постройки в течение пяти лет бесклассового социалистического общества и выполнения реконструкции на-

¹ «Каждая из самостоятельных республик, которые объединены в Союз, имеет собственную государственную плановую комиссию, которая разрабатывает планы экономического развития своей собственной территории. Генеральные планы для всего СССР разрабатываются Государственной плановой комиссией Советского Союза. Эта последняя организация не подчиняется какому-либо отдельному народному комиссариату, и в случае разногласия между Государственной плановой комиссией и народными комиссариатами, вопрос должен быть передан на рассмотрение... Совета труда и обороны, решения которого обязательны для всех государственных организаций» (А. Югов, Экономические тенденции Советской России, 1930, стр. 298).

Этот труд противника советского правительства ненадежен в своих деталях, но небесполезен своими критическими замечаниями.

родного хозяйства на базе новейшей техники и изобретений и соответствующее переустройство наркоматов в направлении их большей специализации, которая даст им возможность проявлять более непосредственный контроль и планирование,— все это делает необходимым для Госплана создание большей увязки в планировании и взаимоотношениях различных частей плана и для выработки синтетического плана социалистической реконструкции СССР.

Подготовка такого плана и его выполнение не могут быть выполнены одним каким-либо сектором или группой секторов Госплана. Успех выполнения этой задачи зависит от активного участия в ней всех работников оперативных и функциональных секторов Госплана в постоянной увязке между собой. Только при таких условиях возможно будет использовать громаднейший опыт всех республиканских и областных научных плановых организаций и создать научно-технический и экономический сводный план, обнимающий области, группы областей или республики СССР.

В соответствии с этими соображениями аппарат Госплана должен быть реорганизован путем создания внутри его организации комбинированных по сходному признаку секторов и путем перегруппировки функций различных секторов и их групп. Управление отделом должно быть возложено на его начальника и его заместителя без создания специальных органов при них для этой цели¹.

По этой организационной схеме 1932 г. Госплан работал в течение более трех лет с постоянно возрастающей эффективностью. В апреле 1935 г. весь Госплан был вновь реорганизован декретом ЦИК СССР и Совнаркома, которые отметили блестящий успех планирования хозяйства². Но эти самые достижения и все увеличивающийся масштаб их приложения потребовали еще более высокой ступени планирования, направленной на завершение реконструкции всего народного хозяйства. Планирование поэтому должно было проникнуть во все малейшие части хозяйства Союза. В настоящее время, когда 96% национального дохода и средств производства коллективизированы, во всей системе должен быть наиболее точный учет, высокая степень знания экономики, полная осведомленность в отношении техники всех форм производства и умение находить решение любой задачи, как сложна бы она ни была, которая может появиться на практике. Это считается в особенности важным в отношении земледелия, где еще и сейчас имеются тысячи

¹ Госплан, приказ № 103 от 12 января 1932 г.

² Декрет Совнаркома от апреля 1935 г.; «Правда» от 6 апреля 1935 г.; «Известия» от 8 апреля 1935 г., «Русские экономические заметки» (Департамента торговли США) от 15 июня 1935.

хозяйств, могущих достигать своих целей только при плановом руководстве. Распределение, транспорт, стабилизация цен— все это требует повышенного внимания со стороны плановых организаций. Одной из главных задач реорганизованного Госплана должно быть так называемое сводное планирование, т. е. наиболее рациональное сведение воедино отдельных планов различных географических и экономических частей Союза.

Требовавшаяся этими соображениями реорганизация приняла форму замены президиума и заместителей председателей новой комиссией с установленным числом членов в 70 человек, которые были намечены для утверждения Совнаркомом самим председателем Госплана. Среди этих тщательно подобранных членов нашли себе место главнейшие работники старой организации, но в этот список включены также наиболее выдающиеся члены местных плановых комиссий, а также определенное число ученых и технических специалистов, специально подобранных, независимо от их связи с другими организациями и учреждениями. Этой комиссией было выработано новое положение о внутренней организации, причем в него были включены наиболее удачные части старого положения, были лучше распределены работы по объектам и местностям и вместе с тем усилено постоянное межрайонное междуведомственное «синтезирование» плана. Были образованы самостоятельные отделы для рассмотрения с точки зрения планирования схемы национальной обороны для разрешения с той же точки зрения задачи подготовки кадров достаточно дифференцированных степеней технического знания; для изучения более полного использования заменителей стройматериалов; для планирования систематической координации автомобильных дорог и аэроплановых линий; для осуществления генерального планирования всех средств сообщения; для изучения новых путей улучшения народного здоровья и для согласованных мер по специальной подготовке плановиков. В настоящее время в тесном контакте с Госпланом работает Центральное управление народнохозяйственного учета, Институт экономических исследований и Всесоюзная плановая академия с подчиненными ей институтами для изучения целей и путей планирования, находящимися в Москве и Ленинграде. Весь штат Госплана СССР в настоящее время доходит до 2 тыс. человек разного рода экспертов, статистиков и ученых техников, обслуживаемых приблизительно таким же количеством служащих. Он является во всем мире несомненно наиболее вооруженной так же как и наиболее разветвленной постоянной организацией статистического исследования¹.

¹ Изучающие политические науки должны обратить внимание на размеры и масштаб деятельности, по нашему мнению, не имеющие равных себе ни в одной стране, этого аппарата для разработки способов согласо-

Как вырабатывается план

На основании всех получаемых Госпланом сведений начинается подготовка плана последовательными ступенями. Она начинается—и это является важнейшим пунктом, в котором этот план отличается от всех аналогичных предположений в других странах,—не с учета финансовых требований государства или со статистики «торгового баланса», а от человека—от людей, составляющих нацию, все население СССР, чья рабочая сила может быть использована для работы и чьи потребности в товарах и обслуживании должны быть удовлетворены. Из всего предполагаемого количества населения СССР и населения каждой из его главнейших областей должно быть вычтено число несовершеннолетних, число тех, которые слишком стары для работы, число неспособных к труду по болезни и инвалидности и число занятых в качестве домашних хозяек и домашних работников, число занятых учебой или научной работой, число занятых в обороне страны или в несвязанных с производством органах администрации, слуги культа и другие лица лишенных прав категорий и, наконец, наряду с кочевыми племенами оставшиеся еще единоличники крестьяне и кустари. Остаток составляет ту рабочую силу, которая используется для более или менее коллективизированного производства товаров и услуг и которая должна быть распределена с наибольшей пользой для общества, по всей коллективизированной промышленности и земледелию.

Как производится это распределение? В отношении каждого предприятия СССР—будь то государственное или муниципальное, центральное или местное, будь то завод или рудник, совхоз или колхоз, университет или больница, кооперативное общество или театр, учреждение народного здоровья или лечебное заведение—Госплан ежегодно получает подробнейшие статистические данные о том, что им было произведено или сделано в истекшем году, что им делается в текущем году и что ожидается в течение наступающего года, включая, в частности, число требовавшихся и могущих потребоваться рабочих различной квалификации, количеств и видов материалов и запасных частей, и какого рода требования банковского и транспортного характера связаны с этой работой. В то же самое время потребкооперация, которая имеет в 1935 г. около 74 млн. членов, сообщает, сколько лиц каждое из ее обществ снабжает, сколько оно предполагает снабжать в будущем году и какого рода товарами, какова их общая ценность, какие из этих товаров она

ния административной работы различных государственных учреждений, и для «продумывания» задач, вытекающих из неравномерного развития каждого из них.

может произвести самостоятельно, какие ей понадобятся от других производителей в СССР и что она намеревается ввезти из-за границы. Десятки тысяч производственных кооперативных организаций (промкооперативы или артели) также сообщают о результатах деятельности их предприятий. Такие же данные поступают от четверти миллиона коллективных хозяйств¹. Аналогичные сведения поступают от железнодорожного, речного, воздушного и морского транспорта и от службы связи: почты, телеграфа, телефона и радио. Все «культурные» учреждения дают такие же сведения в отношении того, что они делают и что им требуется,—будь то учебные или лечебные заведения, артистические или физкультурные, издательства или газеты, управления театров, концертов или кино. Вся эта отчетность всей страны по экономическим показателям, подробно организованная отдельными наркоматами в различных центральных учреждениях, делается, как нам сообщают, с исключительной готовностью и аккуратностью, хотя бы уже потому, что невыполнение этого каким-либо из сотни тысяч отдельных предприятий может привести к его исключению из снабжения материалами и денежными кредитами. Госплан сам подгоняет отставших, рассылая специальных инспекторов даже в отдаленнейшие и малоизвестные углы СССР, а также направляя инструкторов для оказания помощи в подготовке более объемистых отчетов.

Предварительный план

На основании всей этой громадной массы сведений, каждодневно изучаемых и проверяемых, классифицируемых и перерабатываемых в его соответствующих отделах, Госплан, имея десятилетний опыт знакомства с фактами и с персоналом каждого предприятия, может составить предварительную и гипотетическую картину того, каков будет выпуск продукции следующего года, если каждое предприятие будет в состоянии и если ему будет дана возможность сделать то, что оно предпо-

¹ Даже миллионы единоличных крестьянских хозяйств и мало учитываемые кочевые племена, которые производят главным образом для собственного потребления, тоже не остаются целиком без внимания со стороны генерального плана. Предположения о них для включения в план должны составляться: 1) в отношении общего количества продукции, которую можно ожидать от них на рынке на основании опыта прошлого, и 2) в отношении общей стоимости и главнейших родов товаров, которые, как можно ожидать, будут ими куплены на рынке. Поскольку эти две статьи приблизительно балансируются в общей своей ценности, это не имеет влияния на итоги, но исчисление производится для того, чтобы иметь понятие о тех добавочных продуктах, которые могут быть получены, с одной стороны, и о добавочном спросе, который можно ожидать на некоторые товары.

лагает. Одновременно Политбюро и Центральный комитет ВКП(б), после обсуждения с народными комиссарами главных отраслей управления, приходит к общим заключениям относительно размеров расширения существующих и создания новых предприятий, которые надо провести в жизнь. Эти предварительные решения «сверху» должны быть согласованы со всеми многообразными предложениями «снизу». Но даже первый таким образом составленный набросок предварительного плана, скомбинированный из предложений снизу и предварительных решений сверху, вся эта масса существующего и намечающегося по предприятиям СССР должна быть приведена в весьма сложное равновесие. Первым фундаментальным вопросом является, в каких отраслях промышленности и в каких частях СССР может быть использована вся доступная масса рабочей силы. В продолжение последних пяти лет вопрос, правда, ставился наоборот. Задача состояла в том, как распределить имеющуюся рабочую силу так, чтобы ее по возможности хватило на удовлетворение требований всех промышленных и культурных, больших и малых предприятий. Но как бы вопрос ни ставился, общее увеличение населения может быть достаточно точно подсчитано, и все перемены его местонахождения могут быть статистически приняты во внимание без того, чтобы приходилось указывать каждому отдельному лицу, где ему проживать и какой работой заниматься. Мнение, будто план требует подобного рода регламентации, является простым заблуждением. В следующей главе мы подробно опишем, какими путями осуществляется руководство свободным выбором всех лиц, ищущих работы, каким образом это руководство приводит их к выбору различных занятий в различных местностях и в размерах, требуемых интересами всего общества. Здесь достаточно только сказать, что этот наилучший порядок вливания новой рабочей силы в различные отрасли армии труда получается главным образом путем предоставления соответствующих возможностей обучения тем профессиям, которые больше всего в спросе; он осуществляется также профсоюзами, соглашающимися устанавливать заработную плату отдельных профессий, принимая во внимание «общественную ценность» тех или иных отраслей труда, в которых временно ощущается недостаток рабочей силы¹.

В то же время все предприятия, промышленные или культурные, в соответствии со своими программами работ, требуют определенного количества рабочей силы, без которой они не в состоянии будут их выполнять. Часть этой рабочей силы должна обладать тем или иным опытом или квалификацией. Откуда

¹ См. гл. III, т. I «Человек как производитель»; «Советские профсоюзы», и гл. IX, т. II «Вместо наживы».

черпать эту квалифицированную и неквалифицированную рабочую силу? Какое количество обученных юношей будет выпущено различными учебными заведениями и каков приблизительно будет приток излишней рабочей силы из деревни в результате механизации? Кроме распределения рабочей силы, все другие требования каждого предприятия, сделанные без учета того, что нужно другим предприятиям, требуют целого ряда сложных согласований. Все предприятия, промышленные или культурные, требуют в течение года, если взять простейший пример, известное количество топлива, причем наиболее важные из них нуждаются и в двигательной силе. Каков общий спрос всех предприятий на отопление, освещение и двигательную силу и в какой пропорции он находится с ожидаемым производством дров, угля, нефти, торфа и гидроэлектрической энергии? Почти вся промышленность требует для своей работы железо или сталь, или те или иные цветные металлы. Общий выпуск каждого этого металла рудниками и домнами должен быть приведен в соответствие с общим спросом. Одним словом, каждое предприятие имеет свои потребности в материале, запасных и вспомогательных частях, без соответствующего снабжения которыми в течение года оно не может выпустить запланированную продукцию. Больше того, в большинстве случаев мало обеспечить достаточное общее количество какого-нибудь предмета, нужного для снабжения всех предприятий всей страны. Часто необходимо, а по различным причинам всегда желательно, чтобы каждый экономический район СССР был в состоянии удовлетворять свои собственные потребности и избежать таким образом загрузки перевозками и без того перегруженной транспортной системы.

Затем стоит важнейшая задача обеспечения всего населения там и тогда, где и когда оно этого потребует, пищей, одеждой, жильем, культурными и учебно-воспитательными учреждениями, увеселениями и развлечениями. Госплан должен сравнить ожидаемый сводный спрос на каждый товар или услуги на основании опыта прошлого и сообщений сети потребкооперации, к которой принадлежит почти каждый взрослый гражданин, а также на основании данных других организаций, к которым попадает все, что тратится населением,—с теми количествами, которые производственные предприятия предполагают выпустить в течение года и с порядком распределения этих отдельных товаров в отношении местожительства и спроса населения. Когда все это сделано, необходимо еще учесть перевозочную способность, которой должен обладать транспорт для того, чтобы без задержки передвигать любой продукт оттуда, где он был произведен, туда, где он должен быть потреблен или использован. Еще более трудным и сложным является устано-

вление соотношений между снабжением из внутренних ресурсов и из-за границы. На примере СССР вскрывается та глубокая экономическая истина, что основные интересы каждой страны в отношении внешней торговли лежат не в ее экспорте, а в ее импорте. СССР наравне с другими странами вынужден закупать некоторые товары в других странах; теперешней его политике быстрой индустриализации соответствует получение из-за границы возможно большего количества всякого рода машин, для производства которых у себя он не может в настоящий момент найти достаточно рабочей силы и заводов. Все это Народный комиссариат внешней торговли готов заказать за границей на наиболее выгодных условиях, каких только он может добиться. Но этот импорт по необходимости при отсутствии займов со стороны иностранных капиталистов должен быть покрыт выручкой за экспорт. Следовательно, важнейшей задачей становится вопрос, какие товары, не исключая и золота, будет наиболее выгодно или, по крайней мере, наименее убыточно для СССР производить для вывоза в другие страны и в каких количествах. Будет ли, например, более выгодно по тем ценам, которые заплатят иностранцы, вывозить больше леса, нефти или мехов или больше пшеницы, масла или яиц¹.

Мы останавливаемся на этом моменте для того, чтобы указать, что пока подготовка проекта предварительного плана, как бы сложна и затруднительна она ни была, является только вопросом статистических подсчетов и предположений на базе данных, полученных из всех частей СССР, в соединении с наиболее вероятными предсказаниями в отношении таких неподдающихся определению факторов, как местные урожаи и мировые цены будущего года на те предметы, которые надо будет вывезти для оплаты импорта. Эти подсчеты или предположения требуются для того, чтобы могли быть даны более или менее

¹ Не так легко вкратце объяснить, насколько охватывает планирование бесчисленные детали величины и формы, материала и рода, размера и цвета мириадов товаров, которые должны производиться. Декрет об утверждении плана Центральным исполнительным комитетом (ЦИК) содержит статистические итоги только около дюжины главных разделов промышленности с простой общей ссылкой на план в отношении количественных показателей всех других товаров. Широко публикуемые «контрольные цифры» обычно дают статистические итоги шестидесяти или семидесяти родов товаров, включая, например, 25 перечисляемых родов «средств производства» (уголь, нефть, железная руда, прокат, сельскохозяйственные орудия и т. д.), 14 перечисляемых родов «потребительских» товаров (пряжа, обувь, спички, сахар и т. п.) и 23 рода товарных продуктов земледелия. Но план сам по себе предполагает количественное регулирование производства и обслуживания всякого рода предприятий, каждое из которых может отступать от установленных норм только по специальному разрешению народного комиссара, которому оно подчинено,—разрешению, которое дается только после согласования с Госпланом.

обоснованные распоряжения сотням трестов и управлений, руководящим работой десятков тысяч отдельных заводов, рудников, нефтепромыслов, совхозов, транспортных систем и всякого рода учреждений общественного обслуживания. Раз частная собственность, с ее мотивом прибыли для производства в условиях конкуренции на рынке, аннулирована, нужны определенные указания в отношении того, что должно производить каждое предприятие. Эта необходимость, а вовсе не вопросы политики, делает обязательным в коллективистском государстве наличие какого-либо генерального плана. И раз частная собственность и прибыль как мотив производства в условиях конкуренции на рынке уничтожены, ясно, что нужные указания внесут несказанный хаос и разорительные потери, если только эти собранные сведения ненадежны и недостаточно подробны и если (хотя такой аккуратности и точности невозможно достичь полностью) предположения об урожаях и о мировых ценах недостаточно достоверны или хотя бы не застрахованы соответствующими резервами. Если эти затруднения могут быть преодолены, планирование становится чисто научным процессом, приложимым к какой угодно цели. Фактически планирование производится—правда, с совершенно другой целью, чем в СССР,—каждым наиболее важным капиталистическим трестом или комбинатом, поскольку это касается всей сферы его предприятия. Такое капиталистическое планирование везде, однако, ограничивается рамками определенного треста или комбината и не принимает в расчет ни рабочих, ни производства вне этих рамок. И—что более важно—такое капиталистическое планирование исходит из совершенно иных мотивов, чем те, которыми руководится СССР.

Было правильно указано, что планирование само по себе еще ничего не обещает населению. Само по себе оно является только статистическим процессом без определенной цели. Но логично говоря, планирование предполагает лежащую вне его цель—цель, устанавливаемую и определяемую человеческой волей. В капиталистическом обществе целью даже крупнейших частных предприятий является денежная прибыль, которую могут получить его собственники или акционеры. Можно принимать во внимание или нет то, что для того, чтобы получить в конечном счете наибольшую денежную прибыль, необходимо выполнить ряд условий, как например, привлечь и в достаточной мере обеспечить заинтересованных рабочих,—но все эти условия подчинены вопросу о прибылях. В СССР же, в условиях того, что называется диктатурой пролетариата, цель планирования совершенно другая. Нет владельцев или акционеров, которые должны извлечь выгоду от этого, и нет вообще соображений о денежной прибыли. Единственной преследуемой

целью является в конечном счете максимум обеспечения и благосостояния всего общества на базисе равенства с таким расчетом, чтобы способностям каждого было предоставлено наибольшее поле деятельности в общей работе, а нужды каждого были бы по возможности полнее удовлетворены. Но решение о том, каким именно путем эта намечаемая цель должна быть достигнута планом каждого года, не выносится Госпланом. Установление определенных целей, имеющих быть достигнутыми, степень и порядок, в котором каждая из них должна быть обслужена в течение планируемого отрезка времени, и воля к проведению этой политики являются делом самого правительства СССР.

В соответствии с этим Госплан СССР должен на какой-то ступени работы получить указания советского правительства—фактически должен представить сущность первого проекта предварительного плана Совнаркому и Совету труда и обороны, с одной стороны, и Политбюро и Центральному комитету ВКП(б), с другой,—чтобы в отношении ряда моментов получить указания до того, как предварительный план будет закончен. На деле это принимает форму почти непрерывного обсуждения в течение года руководящими работниками Кремля ряда вопросов политики. Эти обсуждения, в которых эксперты Госплана СССР по необходимости, благодаря представляемым ими данным, играют большую роль, суммируются в ряде постановлений комиссий. Мы можем дать только общую характеристику тех общественных целей, под влиянием которых при выработке еще предварительного плана делаются все бесчисленные уточнения. Очевидно, что каждая из этих общественных целей, которые в конечном счете руководят планом, включают соображения общественного благосостояния, какие не принимает в расчет ни один ищущий прибылей капиталист, и, смеем прибавить, ни один экономист, теоретически разрабатывающий вопрос о том, как будет действовать совершенно ничем не стесняемый капитализм свободной конкуренции¹. Иными словами, каждое из этих величайшей важности решений учитывает иные цели, чем получение денежных прибылей посредством производства на вольный рынок в условиях конкуренции, и даже иные цели, чем максимальное удовлетворение потребительских

¹ Такое разрешение вопроса о соотношениях между различными отраслями промышленности, «не ограничиваемое исключительно соображениями и о ценах и себестоимости», кажется Лайонель Робинсу («Великая депрессия», 1934, стр. 130) принадлежащим «только к сфере эстетической или военно-стратегической». Он, очевидно, не оставляет места ни для народного здравоохранения, ни для просвещения, ни даже для экономических интересов будущих поколений, поскольку они противоположны интересам теперешнего населения.

требований напиральной толпы, постоянная смена минутных пожеланий которой считается доводом, достаточно важным для создания такого рынка и управления им.

Главная цель советского планирования

Основная цель советского генерального плана была с самого начала определена и, так сказать, твердо зафиксирована. СССР, в котором земледелие всегда было главнейшим занятием массы населения, должен возможно более индустриализироваться и механизироваться. Более того, индустриализация не должна быть монополизирована каким-либо отдельным излюбленным районом или районами, а должна распространиться в соответствующей пропорции на все районы страны. Первой целью такой индустриализации является увеличение производства богатств. Советское правительство всегда считало, что чистое земледельческое общество является таким обществом, в котором для массы населения сверх пропитания остается очень мало даже для обеспечения минимума приличной жизни, не говоря уже о дальнейшем культурном развитии. Ленин учил, что без широкой индустриализации, а равно и широкой механизации земледелия не может быть большого и постоянного подъема культуры для всей массы населения СССР. Признано, что каждая часть СССР имеет равное право на подъем культурного уровня. Таким образом, новые рудники, заводы, нефтепромыслы и электростанции в ожидании пуска в пределах возможностей плана широко разбрасываются географически вследствие определенного плана, а не только в целях уменьшения транспортных расходов и не только для того, чтобы новые фабрики и заводы расположить вне пределов досягаемости возможных вражеских нападений. Советское правительство в качестве важнейшего момента своей политики, часто не обращая внимания на себестоимость или даже на соображения скорейшей и максимальной продукции, ставит себе задачу следить за тем, чтобы план не упустил из виду ни одной части СССР, ни одного важного национального меньшинства, зависимых от одного земледелия, или от одного скотоводства, или от одной охоты, или рыболовства. Такая важнейшая установка политики, надо заметить, не была принята до сих пор ни одним правительством. Нигде в других странах правительства сознательно не ставили себе целью максимальную индустриализацию и механизацию или превращение всех своих граждан, употребляя сталинское выражение, в «зажиточных». Меньше всего старалось какое-нибудь правительство предоставить всем частям своей территории и всем их различным народностям равные доли в общем производстве.

Коллективизация и механизация земледелия

Начиная с 1927 г. одним из главнейших моментов политики коммунистической партии и Всесоюзного съезда советов стало осуществление с наивозможной быстротой коллективизации земледелия посредством создания государственных или коллективных хозяйств. Наиболее дальновидные понимали, что только путем такой перестройки деревенской жизни можно поднять все крестьянство, в особенности детей, на высшую ступень развитого общества, могущего понять коммунизм и освоиться с его научными методами. В сравнении с крестьянской избой совхоз, и, еще более, колхоз должны стать крестьянскими университетами. Но ближайшей причиной немедленной перестройки была необходимость введения механизации, которая только одна сможет обеспечить страну от местных недородов или даже от полного голода вследствие периодических неурожаев или вследствие апатии или недовольства независимого крестьянства¹. Это предполагает обеспечение в плане исключительно быстрого развития производства тракторов и других земледельческих машин, а также такое расширение транспортных средств, которое создает для любой деревни СССР возможности быстрой связи с городами и с производственными центрами. Это стремление к возможно большей механизации земледелия в целях максимального увеличения производства его продуктов и в то же самое время стремление к поднятию крестьянского населения до уровня полноправного гражданства, конечно, несовместимы с погоней за максимальной денежной прибылью от земледелия, к которой стремились помещики, капиталисты и кулаки.

Коэффициент роста

Другой вопрос, который необходимо предварительно разрешить для каждого года, состоит в том, чтобы установить, каков должен быть коэффициент прироста всего выпуска продукции по отношению к последнему законченному году. Кроме прироста населения и введения в строй новых заводов и добавочного

¹ Необходимо иметь в виду, что, как мы уже указывали, благодаря «экстенсивному» характеру земледелия русского крестьянства, благодаря его отсталости и отсутствию соответствующего технического оборудования, неурожаи в России всегда были часты, временами доходя до размеров подлинного голода. В течение первой половины девятнадцатого века, от 1800 до 1854 г., как утверждают, было 35 лет с более или менее серьезными неурожаями. В течение 20 лет, от 1891 до 1911 г., было 13 плохих урожаев, 4 хороших урожая и 3 голодных года. В течение 10 лет советского строя, 1918—1927 гг., было 2 голодных года, 5 лет плохого урожая и только 3 года хорошего урожая. В отличие от царского правительства правительство Советов считает необходимым принимать меры для предотвращения таких катастрофических явлений.

оборудования, которое это увеличение рабочей силы делает возможным, надо учесть еще фактор человеческих усилий. Следует ли призывать народ к тому, чтобы он увеличил свои усилия на 1,5% или на какой-нибудь другой процент? Ибо план даже в его предварительной форме является чем-то большим, чем простое статистическое вычисление. Он сам по себе является мощным орудием, оказывающим динамическое влияние на общую волю общества. Будут ли средняя приложенная энергия, проявленная настойчивость и проделанная работа каждого занятого в производстве лица в СССР увеличены и насколько, зависит частью и от того, чего добывается план. Но это еще не все. План не предназначается к тому, чтобы быть научным прогнозом того, что в действительности случится. Не читая Броунинга, советская власть действовала согласно его афоризму, что «поставленная цель должна превышать то, чего в жизни можно достичь». Обычной практикой со стороны правительства СССР является ежегодно требовать от общества несколько больше того, чего можно от него объективно ожидать; делается это намеренно, как средство побудить население развивать свои усилия до пределов возможного. Одним из выводов из системы «общего участия всех», на которую мы так часто ссылаемся, является этот намеренный призыв ко все большему напряжению усилий всего общества, призыв, повторяемый через частые промежутки и имеющий значительный эффект.

Распределение государственных доходов между текущим потреблением и капитальными вложениями

Но это пока оставляет нерешенным вопрос о количествах. Какая добавочная индустриализация, планы которой разрабо-

¹ Эти темпы прироста были с самого начала первого пятилетнего плана предметом горячих разногласий в Государственной плановой комиссии. Некоторые, как например Громан, руководились прошлым опытом капиталистических стран, и в соответствии с этим сомневались не только в том, можно ли рассчитывать на нечто большее чем 3% годового прироста, но даже в том, не нужно ли исходить из постепенного снижения процента прироста в соответствии с «законом убывающего плодородия». В результате, как мы уже указывали, Госплан представил план в двух вариантах: «отправном» и «оптимальном», из которых правительством был принят последний. Эти два варианта в итоге различались приблизительно на 20%. Первоначальный план принимал во внимание: 1) возможность широко распространенного неурожая, доходящего до голода, 2) невозможность увеличения импорта из-за отсутствия внешних займов или долгосрочных кредитов, 3) необходимость большого увеличения сил обороны. Максимальный проект считал достаточным: 1) рассчитывать только на местные неурожайи, далекие от размеров голода, 2) обеспечить увеличение импорта путем увеличения экспорта, которое станет возможным благодаря снижению себестоимости в результате увеличения размеров производства, и 3) замедлить рост сил обороны.

таны народным комиссариатом тяжелой промышленности, легкой промышленности, путей сообщения и т. д., должна быть осуществлена в наступающем году? Этот вопрос вызывает необходимость распределения всех расходов между индивидуальным потреблением и новыми капитальными вложениями. Это вызывает необходимость соответствующего распределения в самом плане рабочей силы и оборудования между производством товаров и услуг для немедленного потребления или пользования, с одной стороны, и возведением и оборудованием новых промышленных предприятий, постройкой добавочного оборудования, расширением и улучшением таких способов обслуживания, как транспорт и связь, постройкой новых жилищ, зданий для учебных заведений и других предприятий перманентной полезности—с другой стороны. Здесь перед нами вопрос высшей политики, по которому Госплан должен получить авторитетное указание до того, как сможет быть закончен и сведен предварительный план. Необходимо обеспечить не только возмещение износа существующего оборудования. Потребность государственной обороны в заводах, складах и оборудовании, может быть, даже в постройке стратегических железных дорог или перешивке их на двойные колеи, которые одними экономическими соображениями не оправдываются,—должна быть также принята во внимание. Но что не менее важно в решении вопроса о доле добавочной индустриализации, которую следует осуществить в наступающем году,—это лимитирующий момент числа новых рабочих, могущих влиться в производство, и распределение этих добавочных рабочих между различными заводами и занятиями. Когда приходится делать так много, государство не может позволить себе, чтобы какая-нибудь часть рабочей силы осталась неприспособленной для обслуживания общества. Обеспечение такого приспособления является одной из задач, которые приходится принять во внимание на продолжительных ежегодных совместных совещаниях об установлении ставок зарплаты и условий труда. Об этих совещаниях, происходящих между Всесоюзным советом профсоюзов (ВЦСПС), представляющим все 47 (в 1934 г. разделенных на 154) профсоюзов СССР, и между Совнаркомом СССР, представляющим администрацию всех предприятий, на которых эти рабочие работают, мы уже писали. Все эти переговоры экспертов исходят из той предпосылки, что все расходы страны должны делиться на три главные части. Первая—это те суммы, которые должны быть удержаны из текущего потребления и помещены в капитальные вложения. В капиталистических странах это называется сбережениями или внутренними инвестициями населения. В СССР эта часть в продолжение последних нескольких лет доходила до 30 и 40% всего национального дохода, будучи

относительно в несколько раз больше, чем когда бы то ни было в какой-либо другой стране. Из остающегося часть уделяется на содержание общего обслуживания страны, по необходимости ведущегося коллективизированным путем: различные государственные управления, местные и центральные, оборона и управление правосудия, все многочисленные отрасли социального обслуживания, как народное здравоохранение, страхование, система образования, научные исследования и изобретения, литература и искусство, развлечения и физкультура. Все, что остается, составляет фонд зарплаты, более определенный, чем это представлялось Рикардо и Мак-Келогу. Из этого образуется доход, получаемый в виде заработной платы и жалованья всеми работниками физического и умственного труда, занятыми в производстве товаров и услуг. Это трехстороннее распределение национального дохода и расхода, производимое, как будет указано, в соответствии с соображениями, не имеющими ничего общего с извлечением денежной прибыли на каком-нибудь предприятии, дает возможность договаривающимся сторонам установить процент повышения зарплаты на предстоящий год. Установление процента увеличения средней зарплаты всего населения и дает возможность Госплану завершить распределение рабочей силы и материалов между производством различных товаров и услуг, на которые, как можно предвидеть, эта зарплата будет в общем итоге затрачена. И тут обнаруживается то, что западный экономист, как и капиталистический государственный деятель, должны признать величайшими новшеством и преимуществом такого плана. Ибо план, выработка которого прошла указанные этапы, не только обеспечивает нужное количество оплачиваемых должностей для всего предполагаемого взрослого населения, но также автоматически обеспечивает каждому из этих работников вместе со всеми нетрудоспособными элементами постоянную покупательную способность, на использование которой все производители товаров и услуг могут с полной уверенностью рассчитывать. Таким образом, внутри окончательных границ плана невозможен недостаток «эффективного спроса» на все то, что понадобится населению.

Государственная оборона

Каждое правительство должно планировать государственную оборону. А для советского правительства опасность войны до сих пор была предметом постоянной заботы. Основательно это или нет, но СССР живет в постоянном ожидании нападения и не только со стороны одной какой-нибудь иностранной державы, а со стороны коалиции капиталистических правительств. В СССР никогда не забывают, что только пятнадцать лет назад

армия не менее полудюжины правительств без всякого предложения, который мог бы быть выставлен перед международным трибуналом, даже без объявления войны, разоряла советскую территорию, нанося громадный ущерб стране, которая не переставала официально считаться «дружественной державой», ведь за это нападение и колоссальное разорение никакой компенсации до сих пор не было уплачено. Если комбинированное нападение стало в последнее время менее вероятным, все же остается опасение какого-нибудь отдельного нападения, торгового эмбарго, экономического бойкота или даже «санитарного кордона» для предотвращения распространения бацилл коммунизма! Эта забота с самого начала давала планированию стратегический объект. Считалось жизненной необходимостью, чтобы, пока капиталистические государства не сговорились между собой и пока они не оправились от потерь великой войны, СССР стал в основном независимым от внешнего мира, не только в отношении средств ведения новейшей войны, но и в производстве всех необходимых товаров. Отсюда исключительное внимание, уделенное первым пятилетним планом закладке новых рудников, нефтепромыслов, гидроэлектростанций, металлургических заводов, постройке стратегических железных дорог, постройке вторых путей в экономически неразвитых районах и вообще быстрому расширению тяжелой промышленности, с помощью которой можно производить материалы и перевозить войска,—вместо того, чтобы стараться непосредственно увеличить производство имеющих спрос у населения предметов широкого потребления¹.

Развитие технического обучения

Более того, развитие индустриализации и механизации земледелия, вместе с увеличивающимся спросом со стороны громадного населения, все более пробуждающегося к культурным потребностям, заставляет уделять увеличивающуюся долю государственных средств на техническое обучение и вообще на всякого рода обучение. От плана поэтому требуется, просто как экономическая необходимость, предусматривать для ка-

¹ В 1932 г., как уже было указано, соображения высшей политики, связанные с вопросом о государственной обороне, необходимость предотвращения опасности нападения со стороны Японии заставили правительство СССР сделать важное отступление от первого пятилетнего плана. Считаясь даже с возможностью нехватки продуктов питания, правительство создало вдоль железнодорожной линии, ведущей на Дальний Восток, запасы хлеба и военного снаряжения и перебросило много рабочей силы на строительство добавочных аэропланов,—о чем было умышленно широко оповещено в печати. Это, полагают, предотвратило или по крайней мере значительно отсрочило вторжение со стороны Манчжурии.

ждого года все больше и больше школ и университетов, все больше учителей и профессоров, все больше научных работников и изобретателей. Сама промышленность добивается все большей помощи от ученых, и ученые СССР не перестают требовать средств для все более дорогих исследований и изысканий во всех областях. И те громадные суммы на научные исследования, которые включаются в план, вызывают зависть ученых всего мира. Но советский коммунизм настаивает на развитии просвещения не только с точки зрения помощи промышленности или как средства все большего производства богатств. Одной из его основных целей, как мы это укажем в одной из последующих глав¹, является поднятие при помощи науки на более высокую ступень цивилизации всех народностей СССР. Довольно знаменательно, что СССР—единственная страна в мире, в которой государственные расходы на просвещение, с одной стороны, и на научно-исследовательские цели, с другой стороны, беспрестанно возрастали, в то время как повсюду, вне СССР, в течение последнего десятилетия наблюдался экономический упадок.

Здравоохранение и обеспечение жильем

Советское правительство не может также оставить без внимания общественное обслуживание, от которого зависят здоровье и способность к труду населения. Поэтому власти рассматривают проект плана и следят за тем, чтобы была достаточно обеспечена постройка добавочного жилья для постоянно увеличивающегося населения, постройка все большего и большего числа больниц и родильных домов, чтоб выпускалось требуемое количество врачей и сестер милосердия, чтоб уделялось внимание постоянному увеличению заботы о детях и о развитии всякого рода социального страхования. Что касается народного образования, то суммы, уделяемые этому виду обслуживания, увеличиваются из года в год в такой пропорции, которая могла бы повергнуть в отчаяние министра финансов любой капиталистической страны.

Предусматривание достаточных резервов

Это еще не все, о чем нужно позаботиться в предварительном плане. Никакой план не может иметь характера астрономического предсказания, уверенного в полном и точном выполнении. Наоборот, следует предвидеть, что ни одна часть плана не будет выполнена с пунктуальной точностью, во всяком случае, не в тех пределах, не в то время и не с теми точно последствиями,

¹ См. т. II, гл. XI.

в наступлении которых старались убедить правительство оптимистические предложения отдельных предприятий или эксперты самого Госплана. И каждое нарушение точности выполнения любого из предположений плана, будет ли это нарушение в сторону увеличения или в сторону недохватки, повлечет за собой известные изменения и в других частях плана.

Наиболее очевидным из таких нарушений в выполнении запроектированного в плане может быть «недовыпуск» продукции какого-либо отдельного завода или предприятия. Ничего не делается, как заметил один остроумный француз, без «потерь, брака и опоздания»¹. Наверно будут аварии, большие или малые, которые приостановят работу полностью или частью, на несколько часов или дней, на отдельных шахтах или электростанциях, заводах или нефтепромыслах,—в то время как обычные расходы будут идти. Та или иная часть оборудования ломается и не может быть моментально отремонтирована. Довольно часты недостатки в снабжении материалами и запасными частями, влияющие на годовое производство. Фактический штат рабочих, будь это квалифицированные или неквалифицированные рабочие, тот или иной род специалистов редко имеются постоянно полностью на предприятии. Возможны случайные невыходы из-за болезни или оттого, что рабочие бросают работу и переходят на другую. Подчас совершенно невозможно найти нужных работников, потому ли, что нельзя найти работников той или иной определенной профессии или квалификации, или потому, что нехватает неквалифицированных рабочих. Могут быть задержки на заводе от случайных спазмодических заботовок, которые треугольник—внутренний арбитраж—не сумел предупредить или тотчас ликвидировать². Наконец, могут быть обычные несовершенства «человеческого фактора». Директор или управляющий делает промах. Специалист или мастер делает ошибки. Чернорабочие, мужчины или женщины, недостаточно обучены и никогда не являются вполне компетентными. Мы можем таким образом видеть, что те семь или восемь народных комиссаров, на долю которых выпадает верховный контроль над всей промышленностью СССР, имеют нелегкую работу в устранении затруднений, о которых им постоянно сообщают. Если завод или даже целый трест или комбинат долго не дают должного выпуска или упорно повышают издержки сверх

¹ Жозеф Дюбуа, Новое человечество, Париж 1932 (на франц. языке).

² В каждом предприятии моментально может быть создан *ad hoc* арбитражный суд, состоящий из одного представителя от администрации, одного от рабочих (секретарь местного профсоюза) и из местного секретаря ВКП(б). Таким путем всегда решаются все разногласия, но любая сторона имеет право апелляции к Народному комиссариату труда, а теперь—к ВЦСПС.

меры, его администрация будет в ближайшее время подвергнута безжалостной чистке, его директорат может оказаться уволенным или смещенным, и если все же не произойдет нужного улучшения, весь завод может быть полностью закрыт, а необходимое производство перекрыто путем расширения более успешно действующих предприятий или открытия новых¹. Поскольку это касается генерального плана, ясно, что необходимо сделать допуск, соответственно учитывая в итогах выпуска продукции неизбежную среднюю прорывов.

Но наверно будут случаться время от времени другие более серьезные затруднения, которые могут опасно нарушить план, если каким-либо путем в расчете на эти затруднения не будут предусмотрены достаточные резервы. Голод или мор, война или, как в 1932 г., спешные оборонительные мероприятия, рассчитанные на предотвращение грозящего нападения, могут опрокинуть вычисления наиболее умелых и наилучше осведомленных плановиков. Меньшие несчастья могут вызвать нехватки, вносящие изменения во многие другие расчеты. Неизбежной стороной разумного и осторожного прогноза является, следовательно, плановое предвидение недочетов, могущих произойти от потерь, ошибок и аварий всякого рода, так же как и плановое предвидение возможных излишков от «перевыполнения». Идеалом было бы предусмотреть излишек, сверх фактически необходимого в этом году, равный наиболее крупному из известных отступлений от нормы в продолжение ряда последних лет, и соответствующее использование (включая предусмотрение постоянно возобновляемых запасов) случайных увеличений. Наиболее достоверными из этих отступлений являются периодические неурожаи или исключительно богатые урожаи в той или иной части страны. В этом случае плановикам приходится на помощь существование статистики прошлых лет о сборе с гектара, которая дает возможность правильного предсказания о том, насколько велик должен быть резерв для каждой местности и для каждого рода пищевых продуктов. Но, путем ли замещения чем-нибудь другим или путем специального резерва, совершенный план должен предусматривать каждый вид отступления от предсказываемого².

¹ Если неумелое руководство заводом становится совершенно очевидным, советская власть обрушивается с драконовскими наказаниями, не только увольняя неудачливого директора, но временами сажая его в тюрьму. Завод тогда продолжает работать под новым руководством (*В. Г. Чемберлин, Железный век России, 1935, стр. 58*). Яркий пример подробного расследования, производимого в таких случаях, приведен у *В. А. Рюкейзера, Работа у Советов, 1932, стр. 166—168*.

² Авторы первого пятилетнего плана определенно указывали, что «в наших проектах есть достаточно резервов, и в системе плана достаточно «допусков» для того, чтобы дать нам возможность вносить в дальнейшем

Более того, изменения плана могут происходить в последующие годы просто потому, что стало очевидно, что можно производить больше, чем это ранее предполагалось, или, с другой стороны, потому что общий спрос на тот или иной товар неожиданно падает. Так, в третьем и четвертом годах первой пятилетки к плану было прибавлено не только создание новой комбинированной базы угля и металлургии на Урале, но также постройка двадцати или больше гигантских новых заводов, о которых вряд ли думали в 1928 г.¹. С этими переменами всегда связано установление нового баланса между производством материалов и запасных частей и доступной рабочей силой, обеспеченной покупательной способностью, и использование этих двух факторов для добавочного выпуска товаров или услуг, для которых, при наличии добавочной покупательной способности у населения, сбыт вполне обеспечен².

Финансы

Затруднение состоит в том, что ни одно правительство и ни одна плановая комиссия никогда не смогут рассчитывать на достаточные средства для полного обеспечения всем тем, что желательно, так же как не могут рассчитывать на это все капиталистические предприниматели мира в целом. Нечего говорить, что это не затруднения денежного, монетного или кредитного характера. Самые опытные плановики, работающие под руководством самого дальновидного правительства, если оно не в состоянии или не хочет получить внешнего займа,

в отдельные части неизбежные изменения без того, чтобы менять целое. Мы таким образом добьемся нужного нам рыночного эквивалента» (приведено у *Бориса Бруцкуса*, *Экономическое планирование в Советской России*, 1935, стр. 131).

¹ «Отчетные данные о выполнении первого пятилетнего плана», Госплан, 1933, стр. 5.

² В настояниях некоторых критиков-теоретиков на том, что нельзя планировать изменения, обнаруживается курьезное незнание того, как фактически производится планирование капиталистической промышленности. Что бы сказали Генри Форд или Импириел кемикел индастриз лимитед (Имперский химический трест) по поводу следующих утверждений:

«Начать с того, что плановое хозяйство предполагает отрицание всех других возможностей, кроме той, к которой оно фактически приспособлено. Плановое общество, которое «планирует в расчете на изменение», есть в сущности противоречие в самом понятии. План или основателен или он неоснователен; он допускает изменения или он их не допускает. Если он не предусматривает улучшения техники, изменения спроса, колебаний в объеме и составе населения, то он обнаруживает свою внутреннюю несостоятельность с самого начала. Если же он предусматривает такие изменения, то он является вовсе не планом, а упованием (*Т. Э. Грегор*, *Золото, безработица и капитализм*, 1933, стр. 289).

не могут честно планировать распределения в году по различным объектам количеств, в общем и целом превышающих выпуск товаров и услуг, которые общество может произвести в течение года. Правительство может только, если оно соответствующим образом информировано, перебросить любую часть наличной рабочей силы, оборудования и материалов из одной сферы производства в другую и таким образом внутри всего целого, даже в течение того же года, может изменять в значительной мере выпуск различных продуктов. Но если правительство не в состоянии каким-нибудь путем увеличить общий выпуск продукции, то размер этой продукции является тем пределом, перейдя который планирование становится бесполезным. В соответствии с этим во время подготовки плана всегда происходит борьба между плановиками, с одной стороны, и целой группой защитников тех или иных товаров или услуг—с другой, и, наконец, борьба среди самих сторонников изготовления тех или иных товаров. Борьба эта идет из-за того, производство каких продуктов нужно увеличить за счет уменьшения тем самым производства других.

Но после того как план принят и его выполнение начато, умелое правительство может получить маленький «допуск», с помощью которого можно справляться со всякими не предусмотренными отступлениями от плана без того, чтобы получился прорыв, или даже без того, чтобы потребовалось немедленное изменение плана, которое может оказаться в данный момент неудобным. Помимо использования народных сбережений в государственных сберкассах для временного смягчения толчков от таких изменений, министр финансов может по своему усмотрению регулировать выпуск бумажных рублей для выплаты зарплаты. На этом пути, однако, лежит опасность инфляции с неминуемым поднятием цен на все товары и услуги, которые недостаточно строго регламентируются. А инфляция, как это хорошо знает советское правительство, является скрытой урезкой зарплаты, что до настоящего времени рассматривалось, как недопустимая форма обложения, хотя, на деле, она менее вредна в обществе равных, в котором нет большой разницы между индивидуальными доходами и совсем нет нетрудовых доходов. Более предпочтительным средством, к которому советское правительство обычно прибегает, является внутренний заем. Это имеет то дополнительное преимущество, что привлекает обратно часть выпущенной в виде зарплаты бумажно-денежной массы. Уменьшая этим самым денежную инфляцию, заем в то же время дает возможность правительству без особых затруднений сократить производство тех товаров и услуг, на которые была бы истрачена зарплата, которая в настоящее время вкладывается в заем. Помимо использования орудия

внутренних займов правительство вынуждено в течение года производить последующие уточнения плана, вызываемые непредвиденными отклонениями в том или ином направлении. Если где-либо производство падает ниже предположенного, то правительство должно быть об этом осведомлено по возможности скорее, чтобы оно могло отложить или уменьшить расход рабочей силы и использование оборудования на такие вещи, без которых в настоящий момент можно обойтись. Таким путем добавочные производительные силы могут быть брошены на увеличение выпуска заменителей тех продуктов или услуг, в которых получилась нехватка. Аналогично этому, если по какому-нибудь счастливому стечению обстоятельств производство какого-нибудь товара или услуг дает излишек или если есть признаки, что общественный спрос меняется так, что потребители будут спрашивать меньшие количества, чем ожидалось,—можно временно сделать переброску производительных сил на другой пункт, для подкрепления какого-нибудь другого производства, которому угрожает прорыв. Это в действительности и происходит в СССР постоянно в течение года, точно так же как это всегда происходит в большом комплексе много-различных предприятий Импириел кемикел индастриз лимитед. СССР, возможно, имеет тут преимущество в том, что он получает более полные сводки нужных сведений. Месячные, еженедельные и даже ежедневные отчеты, которые стекаются в Госплан от каждого из предприятий СССР, должны систематически перерабатываться, и все возможные выводы из них должны своевременно делаться в отношении возможных излишков и нехваток различных товаров и услуг. Постоянные изменения всех факторов, влияющих на погоду, для наблюдения за которыми почти все государства в настоящее время содержат большие метеорологические станции, нигде не наблюдаются и не отмечаются с такой точностью и в таких размерах, в каких советское правительство наблюдает за изменениями на экономическом небосклоне, покрывающем одну шестую обитаемого земного шара, за изменениями, которые оно должно учитывать. Активность каждой промышленности поднимается и опускается в соответствии с текущими колебаниями спроса и предложения.

Окончательный план

Теперь мы попросим читателя предположить, что все решения в отношении политики уже сделаны и что предварительный план *уже* соответствующим образом сбалансирован и закончен. Госплан представляет его тогда через соответствующие комиссариаты и другие главки на рассмотрение всех предприятий и учреждений, чьей работой в наступающем году этот план будет

руководить. Каждый главк сообщает его через областные и районные организации каждому из заинтересованных предприятий. На каждом заводе, в каждом учреждении касающаяся их часть плана не только исчерпывающе изучается директором, управляющим или начальником отдела, но она предлагается также на рассмотрение всех заинтересованных рабочих через различные фабричные и местные комитеты, производственные совещания и профсоюзные собрания, на которых цифры, отведенные данному предприятию, становятся объектом продолжительных обсуждений и дебатов. Выявляются всякого рода указания и возражения, которые принимаются во внимание мастером и управляющим, а потом препровождаются в Госплан вместе с замечаниями к плану самого директора. Весьма часто в продолжение последних нескольких лет собрания рабочих предлагали встречный план, по которому предприятие принимало на себя обязательство дать большие размеры продукции, чем это предполагалось по предварительному плану¹. Это достигалось в результате либо более напряженной, либо более рационализированной работы рабочих, либо путем экономии в материалах и запасных частях, либо путем уменьшения поломок и брака, либо путем какого-нибудь уплотнения времени, дающего возможность обработки большего количества материалов, чем это намечалось². Представленный таким образом встречный план вместе со всеми другими замечаниями и возражениями обсуждается потом соответственным отделом Госплана с участием различного рода экспертов и технического персонала. Предварительный план должен теперь быть изменен в целом в соответствии со всеми принятыми решениями, и каждая часть его должна опять соответственно сбалансироваться. Таким путем он, наконец, становится окончательным планом. Теперь он

¹ Эти встречные планы, выработанные охваченными энтузиазмом собраниями рабочих, так же как и достижения «соцсоревнования», необходимо рассматривать при свете холодного реализма. Часто не принимают во внимание, что машины могут пускаться на чересчур большие скорости, так что увеличенный выпуск может в ближайшее время сопровождаться опасными поломками, которые не только приостанавливают производство, но и обуславливают значительные расходы на ремонт.

² Объем этой работы по выработке плана велик настолько и его обсуждение так затягивается, что фактически декрет, вводящий в силу план, редко или никогда не публикуется раньше даты его начала, а временами на много месяцев позднее. Можно предположить, что каждому предприятию сообщаются предварительные данные с указанием директору в отношении минимума того, что требуется от этого предприятия, или с указанием, какие потребуются уменьшения или изменения в обычной работе. Точные сроки всех различных стадий прохождения второго пятилетнего плана, от февраля до декабря, даны в статье д-ра Хью Далтона, озаглавленной «Общий взгляд на советское хозяйство» в книге *Барбары Вуэтон* (12 очерков о Советской России, 1930, стр. 20).

формально представляется, с одной стороны, конфиденциально в Политбюро Центрального комитета коммунистической партии, а с другой стороны, открыто в Совнарком и в Центральный исполнительный комитет Съезда советов СССР, по декрету которых он становится законом. Этим декретом, если не считать еще отдельных разрешений для определенных отступлений от плана, руководятся во всей своей деятельности каждый народный комиссариат, каждый трест или учреждение и, наконец, все предприятия СССР в течение того периода, на который распространяется план¹.

Мы говорили об этом периоде, как об одном годе. Это минимальный период, на который вырабатывается план, в значительной части своей зависящий от продуктов сельского хозяйства и от влияния на промышленность и транспорт смены летней жары и зимнего холода. Но поскольку строительные работы требуют для завершения нескольких лет, было решено в 1927 г. распространить план в как можно более полном виде на период в пять, а для некоторых целей, как например, развитие электрификации, даже на пятнадцать лет. Это расширение планирования дает больше, чем одни статистические выгоды. Этим выполняется желание Ленина о том, чтобы было выдвинуто нечто такое, с чем можно обратиться к народу, идея о лозунге, который поднял бы их энергию и сосредоточил бы ее на единой цели. Первый пятилетний план и его выполнение в основном в четыре с четвертью года, второй пятилетний план с его обещанием увеличенного снабжения предметами широкого потребления, ко-

¹ Таким образом, можно беспристрастно сказать, что «социально-экономический план... не был выдуман и навязан несколькими лицами сверху. Он вырос последовательно в течение ряда лет, после первого плана электрификации, так сильно защищавшегося Лениным, как естественный результат объединения двух сил: внутреннего характера социалистического хозяйства и практических требований положения. Первый проект плана, говорят работники Госплана, является лишь условным и предварительным. Он подлежит основательному обсуждению, критическому рассмотрению, пересмотру и изменениям в соответствии с предложениями, делаемыми центральными и местными организациями, общественными и хозяйственными учреждениями и миллионами рабочих в каждом районе и на каждом заводе. Указывают, что важность и значение этой плановой работы на местах и количество участвующих в ней увеличиваются с каждым годом. План народного хозяйства СССР есть план миллионов. Миллионы составляют его, выполняют и внимательно следят за ходом его выполнения. Это составляет основу успеха планового хозяйства, это является основным преимуществом советской системы хозяйства. План дает массам нечто большее, чем определенную цель и объединяющий лозунг. Он дает им возможность развития их инициативы» (*Гарри Ф. Уорд*, *Вместо прибыли*, 1933, стр. 163—164). Большое значение того чувства, что рабочие сами принимают участие в планировании, подчеркивается у *Г. Д. Х. Коал*, *Принципы хозяйственного планирования*, 1935, в гл. XII «Плановое хозяйство и рабочий контроль».

нечно, сделали многое не только для создания ясного понимания задач и стремлений советского правительства, но также для обеспечения за ним народного сочувствия и поддержки.

В основном, однако, Госплан планирует на один год с предварительной наметкой на последующие четыре года. Гипотетически план заканчивается для каждого из этих пяти лет, но статистические прогнозы, в особенности предположения о руководящей политике в отношении последующих лет, делаются со все меньшей уверенностью. Фактически план постоянно пересматривается в различных своих частях почти с самого начала, в соответствии с появляющимися непредвиденными обстоятельствами, с поступающими новыми данными и с теми изменениями, которые вследствие этого требуются. Раз в году пересмотр настолько всеобъемлющ и окончателен, что он равносильно почти переработке всего плана. Формулирование в конце каждого пятилетия совершенно нового плана служит главным образом основанием для нового подъема, т. е. для свежего стимулирования или подталкивания всего народа.

Эффективность планового хозяйства

Мы, конечно, не утверждаем, что плановое хозяйство обязательно выполнит, безошибочно и без потерь, поставленную им задачу. Следует, однако, заметить, что—если принять выводы недавнего наблюдателя¹, «плановое хозяйство по необходимости развивает свой особый род движения за эффективность и свой особый род рационализации. Оно требует учета себестоимости, лучшего администрирования и возможно лучшей координации процесса работы, для того чтобы получить наибольшую производительность при наименьших издержках. Целью Госплана является комбинация максимума производительности с минимумом издержек в наиболее короткие промежутки времени. Первый пятилетний план характеризовался темпами и количеством, второй—будет вдобавок отмечен ответственностью... Уже заметны результаты борьбы за эффективность и качество. Каждый может наблюдать их везде... Когда дело доходит до наиболее широких видов эффективности, до обеспечения рационализации промышленности, земледелия, транспорта и распределения в интересах благосостояния широчайшего общества, социалистическое хозяйство имеет ряд есте-

¹ Тот же американский наблюдатель замечает, что «значение плана в том, что он дает массам... то, чего жизнь не имела со времени распада средневековья,—основную цель... До сих пор общественные организации всегда обманывали творческие способности рабочих, обращая их на путь жадности, войны и смерти... Теперь появилась новая форма общества, призывающая человека к выполнению величайшей созидательной задачи в истории» (*Гарри Ф. Уорд*, Вместо прибыли, 1933, стр. 96).

ственных преимуществ. Оно не стеснено требованиями прибылей, ему не мешают права частной собственности. Ему не нужно содержать паразитические классы ни на дне общества, ни в высших его слоях. Оно уже теперь мало страдает от саботажа и ему не приходится покрывать убытки от продолжительных забастовок. При этом, однако, надо принимать во внимание потери от неумения и бюрократизма. Но эти недостатки должны были бы быть очень велики, чтобы они могли свести на-нет получаемую экономию. Вдобавок, плановое хозяйство может обеспечить наиболее полезное распределение кредита. Оно позволяет строить самые большие и наилучшим образом оборудованные предприятия. Оно позволяет использовать оборудование до того предела, за которым начинается действие закона убывающего плодородия. В соответствии с этим Советский Союз может использовать свои сельскохозяйственные машины на 100%, а Соединенные штаты только на 10%. Плановое хозяйство также делает возможной, впервые в истории, научную разработку естественных богатств. В нефтяных промыслах, например, расположение скважин через правильные интервалы, следуя ходу месторождения, является ярким контрастом тому, как расположены старые скважины, которые часто расставлены кучей по обе стороны границ нефтеносных участков, чтобы использовать нефтеносные пласты конкурента. Равным образом, государственный план земледелия дает возможность научно разработанного размещения сельскохозяйственных культур в соответствии с почвенными и климатическими условиями. И под всем этим в качестве гарантии и поэтому постоянного стимула к величайшей экономической эффективности заложена новая форма собственности, общественная собственность¹.

Результаты планирования

Мы до сих пор не затрудняли читателя статистическими или иными подробностями о результатах планового хозяйства в СССР. Мы предпочли описать, как фактически ведется планирование, и изобразили те пути, по которым строится каждый последовательный план. Сами мы придаем ничтожное значение чисто теоретическому демонстрированию тех превосходных результатов, которые должно дать сознательное планирование всех хозяйственных отношений великой нации. Но мы придаем не большее значение таким же теоретическим доказательствам со стороны враждебной критики, что всякое устранение частной собственности и мотива прибыли в организации производства, и в особенности их замена любой формой рассчитанно-планового хозяйства, должно неминуемо вести к катастрофе. На нас не

¹ *Гарри Ф. Уорд*, Вместо прибыли, 1933, стр. 64—66.

производят впечатления самоуверенные заявления о том, что в вопросе, что должно производить общество, не может быть полезной замены бесстрастному решению «вольного рынка». Когда дело доходит до высших целей государственной обороны, народного здоровья и всеобщего обучения, которым в настоящее время каждое цивилизованное государство уделяет немалую долю народного дохода, то ни один экономист и ни один капиталист, тем более ни один государственный деятель не станут полагаться на решения такого рода арбитра¹.

По нашему мнению, единственным путем проверки ценности какой-либо экономической или политической гипотезы, назовем ли мы ее предположением, показом, теорией или законом, состоит в сопоставлении «течения мыслей» с установленным «течением вещей». В отношении планового хозяйства Советского Союза мы до сих пор не видели ни одной серьезной попытки со стороны какого-нибудь западного экономиста или государственного деятеля проверить свои мнения на фактах. Трудно поверить, чтобы результаты целого десятилетия подготовки «контрольных цифр» 1918—1927, выполнение первого пятилетнего плана 1928—1932 и первые два года (1933—1934) второго пятилетнего плана не давали возможности притти с уверенностью к определенным заключениям².

Прежде всего, надо заметить, что часто предсказываемые банкротство и экономический развал СССР в результате системы планового хозяйства не произошли. Наоборот, мы не думаем, чтобы у любого честного исследователя того, что представлял собою Советский Союз в 1921 г., когда планирование,

¹ Насколько курьезны возражения некоторых экономистов против планирования! «Плановое общество, как в достаточной мере доказал профессор Мизес, лишает себя всех тех указаний разумного поведения, от которых зависит прогресс экономической жизни последних двух столетий» (*Т. Э. Грегори*, Золото, безработица и капитализм, 1933, стр. 291). Выходит, что «разумное поведение» страны состоит в предоставлении всего произволу конкурирующих друг с другом в погоне за прибылью капиталистов, обращающих внимание исключительно на то, что может в течение их жизни дать максимум денежной прибыли!

² Исследователь найдет почти 300 страниц подробнейших статистических данных для каждой отрасли промышленности в «Итогах выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР» (изданных Госпланом на англ. языке в 1933 г. и представленных мировой экономической конференции). Он может также ознакомиться с худшим, что могло быть написано об этом подробном отчете в «Ревю де де монд» от 15 октября 1933 г., стр. 847—893, под заглавием: «В СССР: Сборник вымышленной статистики; умолчания официального документа» (на франц. языке) *В. Коковцева*. Автор много потерял от невозможности побывать в СССР в продолжение последних семнадцати лет и поэтому он не мог видеть собственными глазами те перемены, существование которых он отрицает. Значительно более ценен внимательный разбор данных у д-ра *Роберта Швейцера*, Эксперимент промышленного планирования в Советском Союзе, Берлин 1934, 144 стр.

можно сказать, только началось, и что представляет собою СССР в 1935 г., могли возникнуть какие-либо сомнения в значительном увеличении его общего богатства. Этот вывод вполне подтверждается статистическими данными, поражающими своей многочисленностью и подробностью, касаются ли они роста таких капитальных предприятий, как железные дороги и каналы, гидроэлектростанции и нефтепромыслы, или жилищ в городах и контор, заводов и мастерских с их оборудованием, обстановкой и текущим запасом товаров всякого рода, с одной стороны, и сельскохозяйственных владений с птицей и свиньями, со складами зерна—с другой, или же индивидуальных вложений народных масс в сберегательные кассы. Надо прибавить имеющиеся в различных частях страны гигантские железоделательные и сталелитейные заводы, химические и машиностроительные заводы, про которые говорили, будто их даже не пустят в ход, над которыми смеялись, как над памятниками глупости, предназначенными стоять десятилетиями и медленно разрушаться в степях, столь же бесполезно, как египетские пирамиды. Эти «пирамиды» сегодня, по наблюдениям бесчисленных очевидцев, фактически выпускают ежегодно многие десятки тысяч тракторов и автомобилей и производят буквально сотнями тысяч всякого рода машины и всевозможные товары, которые ранее приходилось импортировать. Железные дороги, протяженность которых сильно увеличилась между 1913 и 1935 гг., в текущее десятилетие являются единственными в мире, которые могут из года в год показывать все увеличивающиеся перевозки пассажиров и грузов, как правило превышающие их пропускную способность. Производство и распределение электрической энергии растет из года в год скачками, и не только в городах и на заводах; в настоящее время фактически многие деревни и колхозы снабжаются как осветительной, так моторной и тепловой энергией. Если читатель может заняться хоть в какой-нибудь степени статистикой, пусть он примет во внимание следующее: «Валовая продукция всей промышленности поднялась с 15,7 млрд. рублей в 1928 г. до 34,3 млрд. рублей в 1932 г. в ценах 1926/27 г., что составляет 218,5% к 1928 г. Промышленное производство 1932 г. превысило довоенное больше, чем в три раза, а уровень 1928 г.—больше, чем в два раза. Первый пятилетний план в основном был выполнен в четыре с четвертью года на 93,7% по валовому выпуску промышленности¹. Если сравнить СССР с другими пострадавшими от

¹ «Итоги выполнения первого пятилетнего плана» (Госплан, 1933). Мы считаем, что заявление, будто статистике СССР нельзя верить, потому что, подобно официальной статистике всего мира, она составляется и издается самим правительством,—чистый предрассудок. На деле она внушает больше доверия, чем статистика, публикуемая всяким другим правитель-

великой войны странами, исходить либо из производственной мощности, либо из общей массы распределяемых товаров и услуг, то не может быть сомнения, что материальный рост СССР после *исключительно низкого уровня, до которого он опустился в 1921 г.*, в настоящее время не только достиг огромных размеров, но и оказался пропорционально выше роста любой другой страны. Фактически Советский Союз на виду у всех стал богаче в те самые годы, когда большинство, если не все другие страны стали беднее.

Из всей массы данных о больших достижениях, сделанных при первом пятилетнем плане, мы воспользуемся не данными большевиков, а кратким резюме опытного русского экономиста, являющегося наиболее упорным и наиболее энергичным противником всех экономических начинаний советского коммунизма. Д-р Борис Бруцкус отмечает в 1935 г., что «видимые успехи, достигнутые в строительстве тяжелой промышленности, замечательны. Основное снабжение хозяйственной системы энергией расширилось благодаря постройке ряда электростанций. Вне Донецкого бассейна развиваются новые угольные бассейны, в частности необъятные угольные залежи Кузнецка (Западная Сибирь), эксплуатируются месторождения угля на Урале, бурый подмосковный уголь и торф. Вследствие этого стало возможным децентрализовать промышленность, без относительного, по крайней мере, увеличения зависимости промышленности от снабжения углем из Донбасса. Железодельная промышленность дает особо заметное расширение; большое внимание уделено развитию в крупном масштабе Магнитогорска и Кузнецка. По пятилетнему плану производ-

ством, потому что в СССР эта статистика является основой хозяйственной и финансовой деятельности, так как, если бы эта деятельность основывалась на «подогнанных» цифрах, это неминуемо привело бы к явному провалу. В этом отношении их можно сравнивать с бюджетными предположениями британского министра финансов, которые, хотя никогда и не бывают совершенными, но должны в интересах самого правительства быть, насколько это возможно, точными, ибо любая ошибка или фальсификация неминуемо откроется к концу года. Советская статистика имеет свои особые недочеты, как их имеет статистика и других стран. В такой громадной и многообразной стране, как СССР, так же как и в Соединенных штатах, невозможна точность в статистике населения. Нельзя поверить, чтобы каждое рождение или смерть где-нибудь в Сибири точно регистрировались, так же как всякое рождение или смерть на всем протяжении Соединенных штатов. В изданиях СССР часто недостаточно различается фактическая статистика прошлых лет от простых предположений для текущего года, что может вводить в заблуждение недостаточно осторожного читателя. Часто наблюдается ненаучное применение процента роста вне зависимости от абсолютных цифр этого роста. В описаниях пропагандистского характера наблюдается оптимистический подбор наиболее радужных статистических данных. Но все эти мелкие дефекты не могут повредить точности самой статистики.

ственная мощность работающих домен должна увеличиться от 20 тыс. m^3 до 36 800 m^3 , или на 84%. а площадь подов марте-новских печей с 4 630 m^2 до 6 421 m^2 , или на 39%. Машинострои-тельная промышленность развивалась особенно внушитель-ными темпами. Вряд ли есть теперь такие сложные машины, которых нельзя было бы построить в СССР. После Соединенных штатов Россия имеет наибольшую тракторную промышленность в мире, в то время как до пятилетнего плана русское произ-водство тракторов было совершенно незначительно. Крупная химическая промышленность почти не существовала до войны. По вычислениям проф. Прокоповича, размер основного капи-тала русской промышленности в 1928 г. составлял 3 700 млн. рублей в довоенных ценах, а к концу пятилетнего плана он составлял 8 134 млн. рублей, т. е. капитал увеличился на 120%. Несмотря на все оговорки, которые должны быть сделаны в от-ношении этих расчетов, эти цифры все-таки дают представление о мощности капиталовложений в промышленность¹.

И в то время как размер производства почти каждого то-вара в 1932 г. был значительно больше, чем в 1927—1928 гг.— по некоторым товарам в четыре раза,— в отношении многих важных продуктов он был значительно ниже того, что пред-полагалось по плану. Запланированное производство было в конце концов выполнено, но не в 1932 г. Для выработки электроэнергии, для выпуска чугуна, стали и меди, для произ-водства кирпича, цемента и пиломатериалов и в особенности для суперфосфатов и азотной кислоты, понадобилось еще два-три года, чтобы поднять эти производства до уровня, наме-ченного для 1932 г. Если, как это заявляется, план был в целом выполнен на 93,7% в течение 4½ лет, то это произошло за счет гораздо более быстрого расширения производства в других отраслях.

Это явное увеличение материальных богатств не предпо-лагает, что средний доход отдельного жителя СССР или, пожа-луй, даже национальный доход в целом достигли уровня нацио-нального дохода Англии или Соединенных штатов. Еще менее это доказывает, что знаменательный рост капитальных ценно-стей в СССР с 1921 г. произошел вследствие перехода к плано-вому хозяйству. Он может, вернее, служить доказательством быстроты, с какой сильный народ может, независимо от орга-низации общества, восстановить материальные опустошения войны. Но коммунисты не преминут указать, и с полным пра-вом, что увеличение капитальных ценностей, а также фактиче-

¹ Борис Брукус, *Экономическое планирование в Советской России*, 1935, стр. 198—199 (на англ. языке), и цитаты из книги проф. Прокоповича «Схема планирования и результаты пятилетнего плана», Париж 1934, стр. 195.

ское обеспечение товарами и услугами является убедительным доказательством их утверждения о том, что переход к плановому хозяйству на «основе равенства» во всяком случае вполне совместим с таким увеличением.

Добросовестный исследователь может, однако, заключить, что в отношении дохода в товарах и услугах, фактически получаемого средней семьей в СССР, статистика менее убедительна, чем в отношении общих капитальных ценностей. Население СССР, по крайней мере до недавнего времени, все еще не было полностью обеспечено. Очереди, хотя уже редкие в 1934 г., не прекратились совсем¹, и всегда найдется кто-нибудь, кто заявит, что чувство недостатка значительно острее теперь, чем оно было раньше. Более внимательное изучение покажет, однако, что в деревнях то время, о котором народ вспоминает, как о времени большего довольства, всегда относится к какому-нибудь особенно хорошему урожаю, причем урожаи 1930 и 1933 гг. были такими, по крайней мере в общем. Соответствующие воспоминания в Москве и других городах относятся к тому короткому периоду, когда напманы случайно нападали на хороший запас товаров, не одновременно всех, а попеременно то одного, то другого. Описания современниками жизненных условий крестьян в царское время вплоть до 1914 г. не показывают, чтобы сколько-нибудь значительная их часть постоянно питалась мясом или была знакома с роскошью употребления масла или сахара или чтобы у них оставалось что-нибудь на одежду или развлечения. В отношении жилищных условий ясно, что значительная часть рабочих Москвы или таких фабричных центров, как Иваново, проживали до 1914 г. в подвалах или в неприхотливых бараках и были очень далеки от роскоши пользования в среднем хотя бы одной комнатой на семью. Так что трудно поверить, что переполнение жилищ в самом деле увеличилось. Но со всеми оговорками можно, однако, легко себе представить, что потребление многих взрослых рабочих в СССР в настоящее время немногим больше, чем в 1913 г. Но из каждого такого пессимистического предположения будет очень много исключений. Большая масса бедных крестьян (бедняков), конечно, получает теперь больше пищи в годы среднего и выше среднего урожая, чем они получали до войны,

¹ Мы должны, однако, повторить, что очереди не всегда еще означают нехватки. На почтах СССР постоянные очереди, хотя там ни в чем недостатка нет. Очередь всегда появится вне зависимости от имеющегося товара там, где покупатели прибывают быстрее, чем их отпускают. Даже при неограниченном снабжении, если на каждого покупателя будет затрачиваться пять минут (что для Москвы очень хорошо) и если сами покупатели будут прибывать по одному в минуту, то в течение часа очередь возрастет до 48 человек.

когда их теребили и помещик, и сборщик податей, и ростовщик¹. Дети и больные везде значительно лучше обеспечены во всех отношениях, чем когда-либо в прошлом. Всем двадцати миллионам заводских рабочих ежедневно обеспечен сравнительно хороший обед за исключительно низкую цену. Эти три класса одни составляют по меньшей мере половину всего населения. Мы можем привести по этому вопросу очень сдержанные выводы компетентного наблюдателя. Морис Гиндус в своем обзоре результатов выполнения первого пятилетнего плана пишет в 1933 г. следующее: «В целях большей верности и не претендуя на математическую точность, я разделил бы русскую жизнь настоящего времени на следующие части: потребление, или уровень жизни в отношении материального обеспечения; строительство, или процесс развития промышленности, культура, или просвещение, гигиена, улучшение поведения и культурные развлечения; психология, или перестройка человеческой личности. Если представить положение в каждой из этих частей в виде кривой, то видно будет, что кривая потребления постоянно убывает (автор хочет сказать, что это имеет место в сравнении с короткими блаженными днями снабжения городов нэпманами в 1922 г.). Но кривые строительства, культуры и психологии все время поднимаются». Мы не должны думать, будто г-н Гиндус находит, что плановое распределение первого пятилетнего плана сделало ошибку, не уделив большей доли «уровню жизни в отношении материального обеспечения» за счет уменьшения ассигновок на четыре другие кривые. Мы вместе с тем думаем, что он был бы значительно более удовлетворен результатами последних двух годов (1932—1935).

Мы не считаем нужным ни соглашаться с этим утверждением, ни спорить против него. Мы не считаем, что обладаем достаточным материалом для суждения. Но очевидно, что громаднейшая сверхкапитализация, как назвал бы это финансист в отношении земледельческих машин, потребовавшихся для ликвидации крестьянской отсталости при помощи коллективного хозяйства, и в отношении всеобщего обучения детей

¹ «Одной из причин того, почему сравнительно малое количество продуктов земледелия попадает на рынок, является то, что потребление продуктов самим крестьянством увеличилось. В довоенное время, несмотря на то, что Россия считалась одним из главных поставщиков зерна в Европе, фактический производитель русского зерна, крестьянин, составляющий большинство населения России, голодал... После революции... произошло улучшение в условиях питания крестьянского населения... Русские крестьяне... отказались от своего вынужденного вегетарианства». Автор подтверждает, что они теперь едят больше мяса и масла, чем раньше (А. Югов, Экономические тенденции в Советской России, 1930, стр. 123—127). Это указание тем более внушительно, что оно исходит от противника советского правительства и резкого критика планирования.

должна была сделать первый пятилетний план планом самоограничения до такой степени, что это дает возможность г-ну Гиндусу говорить о гражданах СССР как о наиболее богатом в культурном отношении, но питающемся хуже всех народов в мире! Советское правительство, которое несет ответственность за годичное распределение ресурсов Госпланом, может, конечно, многое сказать в защиту своих решений. Есть нужды более важные, чем лишняя пища для немедленного потребления. Еще Адам Смит считал, что «оборона важнее богатства». Если, как утверждают некоторые критики, нехватка усилилась в последние два года плана (1931—1932), то на это мы должны указать, что это произошло именно тогда, когда правительство сочло необходимым в государственных интересах собрать запасы продовольствия вдоль железнодорожной линии, ведущей на Дальний Восток, и сознательно открыто перебросить большие количества рабочей силы на постройку аэропланов и на производство амуниции с откровенным намерением предотвратить ожидаемое объявление войны со стороны Японии. Кто из экономистов решится сказать, что это решение не было оправдано? Были ли директивы плана настолько дефектны, что это пошло во вред здоровью, можно, пожалуй, проверить по влиянию их на процент смертности. «Процент детской смертности,— заявляет нам такой авторитет, как сэр Артур Ньюхолм,— является очень чувствительным показателем жилищно-санитарных условий, личной гигиены и ухода... В Европейской России детская смертность¹ на тысячу рождений была в 1913 г.—275, в 1927 г.—186, в 1930 г.—141..., что указывает на большое улучшение в личной гигиене со времени революции². Нет, очевидно, сомнения в том, что, несмотря на рост смертности в течение некоторых месяцев 1931/32 г. в немногих местностях, составляющих очень маленький процент по отношению к целому (в результате, как мы уже указали в нашей главе о коллективном хозяйстве³, не столько неурожая, сколько отказа крестьян сеять и жать), общий процент смертности и процент детской смертности в СССР в целом из года в год *падали фактически быстрее, чем в большинстве других стран мира*. Этот факт, однако, не останавливает жалоб московских обывателей на нехватку, жалоб, которые жадно подхватываются и повторяются неразборчивыми туристами и корреспондентами рижских газет. Никто из этих критиков не понимает, очевидно, что продолжающееся испытывание недостатка, на которое жалуются многие хозяйства СССР, само по себе еще не означает уменьшения общего дохода общества или даже уменьшения

¹ Сэр Артур Ньюхолм и Д. Т. Книгсбери, Красная медицина, 1933, стр. 202—203.

² См. т. I, гл. III.

общего снабжения товарами, которые хотелось бы купить потребителям с их постоянно увеличивающейся покупательной способностью. Жалея читателя, мы ограничимся только одним бросающимся в глаза примером. Наблюдается, например, постоянный недостаток кожаной обуви. Является ли это следствием недостатка снабжения? В 1913 г. (когда, мы должны прибавить, почти не было импорта обуви, кроме ничтожного количества закупок богатой аристократии и дипломатических кругов, заказывавших в Лондоне или Париже)¹, мы читаем: «Россия выработала на заводах 17 млн. пар ботинок, а в 1931 г. эта цифра возросла до 76,8 млн. пар; в 1913 г. Россия выработала 27 млн. пар калош, в 1931 г. количество их возросло до 65,9 млн. Однако и сейчас, как утверждают, все так же трудно достать сапоги, ботинки и калоши! Другим дефицитным хозяйственным предметом является мыло. В 1913 г. в России было произведено 94 тыс. *т* мыла, а в 1931 г. выпущено 189 тыс. *т* (которые все ушли на нужды русских домашних хозяек), и все-таки спрос значительно превышает предложение»². Если бы мы не опас-

¹ Русская статистика импорта 1913—1914 гг. не считала необходимым выделять обувь в отдельную графу, а включала ее вместе с другими изделиями из кожи в рубрику «кожевенные товары». Этого товара было вывезено в 1913 г.—118 млн. пудов, а в 1914 г.—89 млн. пудов, ценностью в 63 и 52 млн. рублей («Русский ежегодник» на англ. языке, 1915). Можно прибавить, что весь вывоз обуви из Великобритании во все страны мира составлял в 1914 г. только 226 184 дюжины пар, стоимостью в 839 133 фунта стерлингов; обувь вывозилась главным образом в доминионы и колонии, так что количество, вывезенное в царскую Россию, должно было быть куда меньше одного миллиона пар. Вообще, кроме незначительного количества дорогих, сделанных вручную товаров, вряд ли какие-либо изделия могли преодолеть высокие барьеры запретительных пошлин.

Если, как указывалось, кустари-единоличники и артели выпускали в 1914 г. больше обуви, чем в 1932 г., о чем нет, впрочем, доказательств, то свою лепту внес и этот источник снабжения.

К таким же подсчетам—но с другой стороны—приходит один хорошо осведомленный писатель, пользующийся другими цифрами. «До войны Россия производила... от одной пятнадцатой до одной двадцатой доли пары обуви на душу населения в год. Громадное большинство деревенского населения носило не сапоги, а плетеные лапти. Только зажиточные крестьяне имели кожаную обувь. В 1932 г. в Советском Союзе с его значительно меньшей территорией, чем довоенная Россия, было выработано 74 млн. пар, т. е. в девять раз больше, чем до революции. Однако спрос на обувь еще не покрыт. Из 74 млн. пар сапог и ботинок около 20 млн. пошло детям. Почти все дети школьного возраста снабжаются обувью через школы. В настоящее время производство составляет в Советском Союзе полпары обуви на душу населения. Это в десять раз больше, чем до войны, но этого еще недостаточно. Не только рабочие, но и крестьяне хотят иметь (а многие из них уже имеют) по несколько пар обуви: для работы, для праздника и т. д. (*В. Нодель*, Снабжение и торговля в Советской России, стр. 155—166—на англ. языке).

² *Морис Гиндус*, Великое наступление, 1933, стр. 32—33). Путешественника поразила безукоризненная чистота белых блуз, превосходя-

лись, что у читателя закружится голова, мы могли бы приводить подобные статистические данные по одному предмету за другим, из которых видно было бы, что год за годом *на душу населения действительно распределяются все большие и большие количества, без заметного уменьшения нехватки.*

Как это ни парадоксально, но это продолжающееся испытывание недостатка в товарах и услугах широкого потребления действительно является триумфом планового хозяйства. Основная цель генерального плана, как это было указано XV партийным съездом, всегда состояла в том, чтобы заметно поднять путем индустриализации культурный уровень городского и сельского населения¹, включая, в частности, три четверти населения, состоящие из женщин и детей, и в особенности отсталые слои населения, отсталые районы и отсталые народности. Пробуждение этих отсталых элементов, очень многочисленных и впервые обеспечиваемых по плану постоянной покупательной способностью, выражается в большом увеличении их материальных потребностей и каждодневных закупок. Раньше мало кому из 50 или 60 млн. взрослых крестьян или подростков и почти никому из их сыновей и дочерей не приходилось думать о сапогах. Они заворачивали ноги в грубую холстину или лыко (лапти). Теперь почти каждый крестьянин или крестьянка и все их старшие дети требуют кожаную обувь и, что еще больше, старшие—для удобства, а молодежь—для красоты, требуют в течение года несколько различных пар для различных времен года и для разных случаев². Продукция царских фабрик, составившая 17 млн. пар в год, уже превзойдена более чем в четыре раза по плану большевистского правительства. Вероятно средний гражданин перестанет говорить о нехватках обуви в СССР не ранее того времени, когда этот выпуск увеличится еще в четыре раза. То же относится и к сахару, и к мылу, и вообще фактически ко всем продуктам домашнего потребления. Таким образом, несмотря на постоянно увеличивающийся национальный доход, выраженный в товарах и услугах, и на постоянно растущую денежную зарплату, обеспечивающую по-

щая чистоту обычной одежды в тех странах, о которых говорят, что в них мыла больше, чем в СССР.

¹ Протоколы XV Всесоюзного съезда партии 1927 г. (смотри замечания Мориса Гиндуса в цитированной книге, стр. 32—33).

² Аллан Монкгауз передает красочный рассказ наркома лесной промышленности, который говорит: «Мы дали крестьянину трактор вместо деревянной сохи, и дали ему книжку с указаниями, как обращаться с трактором. На обложке книжки наши типографы изобразили американского земледельческого рабочего, работающего на тракторе, в галстук и в начищенных ботинках. И вот наш крестьянин говорит: спасибо, товарищ, за трактор, а где же галстук и ботинки? Что вы хотите, чтобы я работал на тракторе в лаптях?»

стоянно возрастающие размеры распределяемых товаров и услуг факт недостаточного обеспечения товарами государственных магазинов и кооперативных лавок при наличии все возрастающей покупательной способности будет существовать еще долгое время. Это происходит потому, что, как бы ни покрывался увеличением производства все увеличивающийся спрос, вырастает неограниченное число новых требований, для удовлетворения которых Государственной плановой комиссией должна быть уделена все увеличивающаяся часть растущей производственной энергии. Кто может учесть результаты все увеличивающегося стремления иметь две-три комнаты на семью вместо одной или гораздо менее одной, чем довольствовались $\frac{1}{10}$ городского населения царской России; или результаты никогда не удовлетворявшегося требования на большее количество лучшей одежды; или результаты все растущих требований, предъявляемых к здравоохранению или к народному просвещению; или результаты требований на большее число больниц и родильных домов и почти неограниченного спроса на сестер милосердия и докторов для обслуживания деревень от Балтийского моря до Тихого океана; желания иметь больше школ и библиотек с бесконечно большим числом учителей, профессоров, учебников, научных приборов на шестой части всей земной поверхности суши! Какую бы гибкость и изобретательность ни проявила Плановая комиссия, она все время будет ломать голову над тем, как наилучшим образом распределить при все расширяющихся масштабах и увеличивающихся размерах потребительского спроса вечно недостаточную рабочую силу, здания и сырье, которыми только и может быть удовлетворен этот спрос. Но в то же время никто не может не признать, что в 1935 г. всего оказалось значительно больше и в городах и в деревне, чем было в любое время русской истории. Склады и магазины теперь, в 1935 г., снабжаются достаточными количествами товаров, продуктовые карточки отменяются одна за другой, а общие обороты розничной торговли поднимаются скачками.

Мировое мнение о плане

Западный мир, главным образом экономисты и государственные люди были, как нам кажется, озадачены, когда в действительности началось выполнение первого пятилетнего плана. Они были еще более поражены, когда узнали, что это выполнение в основном закончилось в 1932 г., фактически до истечения пятилетнего срока, и что было с уверенностью приступлено к осуществлению второго пятилетнего плана на 1933—1937 гг., задуманного в еще большем масштабе. Мы полагаем, что грандиозный опыт сознательного планирования экономических

отношений населения, доходящего теперь до 170 млн., не привлек еще со стороны экономических исследователей того серьезного внимания, которого заслуживает такое значительное предприятие¹.

Мнимая невыполнимость плана

Первой мыслью экономиста, так же как и английского банкира и заводчика, когда они представляют себе масштаб и сложность советского генерального плана, количество и многообразие обстоятельств, которые надо принять во внимание, является то, что эта задача лежит за пределами человеческих возможностей. Но десятилетний опыт подготовки Государственной плановой комиссией «контрольных цифр» вместе с фактическим выполнением первого пятилетнего плана в 1928—1932 гг. определенно доказывают, что такое планирование возможно. Как мы уже указывали, этот процесс по существу немногим отличается от того, что на деле производится в Соединенных штатах и Великобритании, для своих собственных предприятий такими индустриальными китами, как сталеный трест в США и химический трест в Англии, Генри Форд или Джeneral элeктрик, пароходная компания «Пенинсулар энд ориентал Стим Невигейшен компани» или «Канадско-Тихоокеанская жел. дор.». По размерам стоимости заводов и оборудования, по числу занятых лиц, по общему объему выпуска товаров и услуг предприятия СССР в общей сложности, конечно, значительно больше, чем предприятия любой английской и американской фирмы. Но они такого же порядка по многообразию

¹ Мы можем указать, как на примеры наиболее серьезного изучения экономического плана, на умело написанную книгу *Барбары Вуотон*, «По плану или без плана» 1934, главу Г. Э. Грегори, Экономист исследует планирование в книге «Золото, безработица и капитализм»; *Борис Бруцкус*, Советское хозяйство, его сущность и его новейшее развитие, 1929; *Борис Бруцкус*, Пятилетний план и его выполнение, 1932, 106 стр. Две книги, выпущенные под редакцией и при участии проф. Ф. А. Гейке: «Коллективистское экономическое планирование» и «Экономическое планирование в Советской России», написанные Борисом Бруцкусом. Обе книги заслуживают внимания, как наиболее компетентные из враждебных по отношению к СССР работ. Следует также указать, пожалуй, на книгу проф. *Людвига Мизеса*, Общественное хозяйство, 2-е пересмотр. изд., 1932, англ. перев. 1935. Автор этой книги на протяжении всех 500 страниц ее ограничивается исключительно теоретическим разносом всякого планового хозяйства, без какой бы то ни было ссылки на факт существования такого хозяйства в СССР в продолжение пяти лет! Другая книга, изданная на русском языке в Риге, а также на немецк. языке в 1929 г. и в английском переводе в 1930 г., но написанная, очевидно, большей частью до начала фактического осуществления первого пятилетнего плана, дает много экономических и статистических подробностей враждебного советскому коммунизму характера и содержит главу под заглавием «Целеустремленное хозяйство и государственное регулирование». А. Югов, Экономические тенденции в Советской России, 1930, 349 стр.

и сложности, как те, для которых в погоне за прибылями эти капиталистические левиафаны составляют планы, в общем похожие на тот, который вырабатывается в Москве. Равен ли пятилетний план СССР по объему планам сотни крупнейших капиталистических трестов или, если хотите, планам тысячи таких предприятий, сложенных вместе, их разница в отношении масштаба планируемых процессов является лишь количественной, но очень мало доказывает принципиальную невозможность такого планирования.

Коммунисты, наоборот, указывают, что задачи планирования продукции всей страны не встречают тех отдельных затруднений, которые возникают при планировании одного промышленного предприятия, каков бы ни был его размер. План для всего СССР не должен учитывать враждебных действий со стороны конкурирующих предпринимателей, конкурируют ли они из-за сырья, из-за рабочей силы, из-за специалистов-техников, банковского кредита или из-за покупателей. Его составители не должны беспокоиться о возможных изменениях цен, которые будут платить покупатели внутри СССР за товары и услуги, потому что эти цены, как часть плана, устанавливаются по большей части самим правительством. Всякая производственная единица СССР может быть спокойна—по крайней мере в отношении внутреннего рынка—на счет сбыта своих продуктов, хотя бы уже потому, что точно известно, что все население будет обладать в течение всего года предоставленной ему покупательной способностью определенных размеров и поэтому наверно будет обладать «эффективным спросом» на все то, чего оно захочет. Не надо заботиться, как в других странах, о большом штате лиц, занятых исключительно рекламой, беспрепятственными усилиями отвлечь покупателей от изделий других предпринимателей. Точно так же ничего не нужно откладывать на выдачу премий по страхованию от огня и от морских аварий, поскольку весь риск обеспечивается фондами самого общества. Нет той несогласованности между предложением материалов определенного рода, запасных частей или квалифицированной рабочей силы, с одной стороны, и способностью немедленно поглотить частью или полностью эти факторы, потому что один и тот же центр устанавливает, сколько каждого из этих элементов должно быть произведено в течение года, и в то же самое время устанавливает, сколько каждого из них в течение того же времени должно быть потреблено каждым из предприятий.

Необходимость плана

Более того, коммунисты указывают, что все те, которые испуганно отшатываются от самой мысли о плановом произ-

водстве, должны сознать, что возможен выбор только между ним и анархией индивидуальной погони за прибылью. Именно эта анархия приносит опустошительную смену подъемов и кризисов современному капиталистическому миру с его постоянной резервной армией безработных, периодически возрастающей до миллионов. Вряд ли может привлечь меньше возражений то, что наравне с постоянным существованием миллионов семей, нуждающихся в самом необходимом для жизни, эта самая анархия приносит также громадные доходы и чудовищные капиталы промышленникам, финансистам, владельцам недр или городских земельных участков. Но очевидно, что если нация решает или чем-нибудь вынуждается не зависеть больше в управлении своим капиталом и в организации своего производства от конкуренции лиц, ищущих прибыли, и перестает полагаться исключительно на «механизм цен» свободного рынка, то необходимо, чтобы каждому заводу или другому предприятию указывалось, что они должны производить. А это предполагает разработку плана, обеспечивающего производство тех товаров и услуг, которых требует и в которых нуждается общество.

План исключает как подъемы, так и кризисы

Поскольку общее количество требуемых всем обществом товаров и услуг изменяется из года в год лишь постепенно, неуклонно возрастая только с увеличением населения и производства,—в плановом хозяйстве нет места для подъемов и кризисов. В плановом хозяйстве не существует мотивов, заставляющих отдельных лиц, в надежде на прибыль, увеличивать число фабрик, рудников, нефтяных скважин, сахарных заводов, автомобильных заводов или хлебных полей сверх того, в чем нуждается общество, и тем вызывать перепроизводство, разорительные цены на мировом рынке и убыточность любого вида производства во время зстоя. Поскольку дело касается производства и потребления внутри СССР, было уже указано, что план может выполняться с точностью, ибо он не зависит от финансовых бурь и паник капиталистического денежного рынка.

Может показаться, что при планировании меньше всего можно предусмотреть такое обстоятельство, как изменение народного спроса, и что в результате такого изменения может получиться временное скопление «неходового товара». Но в СССР с этим справляются так же, как это делается в любом универсальном магазине мира,—путем рассчитанного планирования, распродажи таких излишков по пониженным ценам. Такое положение создается ежегодно и является нормальным в той или иной отрасли торговли. На протяжении года план немедленно приспособляется ко всякой перемене спроса путем умень-

шения производства в одной отрасли и соответствующего увеличения в другой отрасли того целого, которое при планировании можно рассматривать как единое предприятие всего общества.

На деле такие перемены вкуса или моды до известной степени сознательно вызываются в Западной Европе главнейшими промышленными фирмами посредством рекламы, а в СССР совсем иначе—государственной властью. В Советском Союзе различные научные институты вместе с другими исследовательскими организациями, непосредственно связанными с производственными трестами и государственными учреждениями или с потребительскими кооперативными обществами, постоянно работают над изысканием того, что является наилучшим для потребления. Эти организации изучают питательность определенных пищевых продуктов или функции различных витаминов; гигиенический эффект различных текстильных материалов, идущих на одежду для детей, подростков и взрослых, влияние различных красителей и даже цветов; пригодность строительных материалов; влияние на здоровье, на умственное развитие и на определенные болезни различных методов работы, различной диеты и различных форм развлечений и увеселений. Эти научные изыскания, которые в СССР производятся в удивительном многообразии, редко приводят к изданию соответствующих предписаний или запрещений. Но то или иное из открытий время от времени становится предметом усиленной публичной пропаганды во всех тех формах, которые обычно применяются в СССР, чтобы оказать влияние на общественное мнение. В какой мере это влияние сказывается, об этом в Западной Европе вряд ли имеют представление. Власти в СССР, наравне с американскими магнатами рекламы, считают, что на моду и вкусы можно сильно влиять пропагандой. Поэтому совсем не так уж невозможно предсказать изменения размеров спроса, как это часто предполагают. Если бы, например, научная комиссия в СССР осудила употребление губной помады как негигиеничное и если бы по какой-нибудь причине коммунистическая партия решила бросить всю свою энергию на развенчание ее как «мелкобуржуазного подражания» явно вырождающейся цивилизации, то, мы думаем, Госплан и тот народный комиссар, в ведении которого находится выработка губной помады, скоро нашли бы статистические основания для уменьшения выпуска товара, который публика считает несовместимым с коммунистической этикой. Указывают, с другой стороны, что увеличенный спрос на футбольные мячи и, следовательно, на их производство в продолжение последних пяти лет получился как прямой результат сознательно предпринятой пропаганды физкультурных игр. Здесь, как и везде, плановое хозяйство СССР значительно отличается от непланируемого хозяйства западного мира. Вся

наука и искусство коммерческой рекламы состоят в умении менять спрос потребителей. На это громадное дело в Соединенных штатах и Великобритании тратят ежегодно несколько миллионов фунтов стерлингов. Коммунисты постоянно указывают, что за эти громадные деньги общество не получает даже уверенности, что худший товар был заменен лучшим или что хотя бы получилось какое-нибудь увеличение общего употребления, а не увеличение оборотов одних капиталистических предприятий, в точности уравновешенное уменьшением оборотов других. Утверждают, что в СССР все то влияние, которое может быть оказано на народные вкусы и моды, определенно руководствуется какой-нибудь общественной целью, которая сама по себе является предметом предвидения со стороны Государственной плановой комиссии.

В такой же мере плановое хозяйство СССР не зависит от денежных или кредитных кризисов. Оно не боится ни краха банков, ни панического отлива иностранного золота. Изменения цен, происходящие от подъема и падения валюты, не затрагивают СССР. Одним словом, правильное действие плана так же мало связано с котировкой рубля на мировом рынке, как и с вопросами внутреннего денежного и кредитного рынка. Колебания на иностранных биржах, подъемы и падения иностранных цен касаются его только в той относительно малой степени, в какой уровень мировых цен на товары, которые он желает импортировать, изменяется *в иной степени*, чем та, в какой изменяются в общем цены товаров, которые он должен экспортировать, чтобы оплатить импорт¹.

Уничтожение вынужденной безработицы

Наиболее важным из всех достижений, на которые претендует хозяйственное планирование в СССР, является уничтожение вынужденной безработицы. На это потребовалось время. В результате дезорганизации в период военного коммунизма в городах из-за потери работы рабочими была, естественно, большая нужда, и между 1917 и 1921 гг. сотни тысяч рабочих вернулись в свои деревни. Даже быстрое оживление мелких предприятий в городах при новой экономической политике не задержало подъема цифры безработных более чем до 2 млн. в 1925 г. Одним из результатов принятия в 1928 г. первого

¹ Такая разница колебаний между уровнем цен на сырье, которое СССР должен экспортировать, и цен на продукты промышленности, которые он желает импортировать, была весьма характерна для последнего десятилетия. И в этих пределах план должен учитывать мировые цены,—точно так же как это приходится делать международным капиталистическим предприятиям.

пятилетнего плана явилось постоянное и все продолжавшееся уменьшение числа безработных. В 1929 г. уже фактически чувствовался недостаток в рабочей силе. К октябрю 1930 г. неудовлетворенный спрос на рабочую силу был так велик, что Народный комиссариат труда издал приказ о прекращении выдачи всякого рода вспомоществований здоровым, работоспособным безработным¹. Значительная часть предприятий СССР в течение последних шести лет (1930—1935) не были в состоянии получить такое количество квалифицированных рабочих, а во многих случаях в течение долгого времени и неквалифицированных рабочих, какое они могли и хотели принять на работу на условиях оплаты по обычным профсоюзным ставкам.

Существование страны, лишенной безработицы, кажется настолько невероятным, что вне СССР до сих пор отрицают такую возможность. Заявляют, например, что неправильно считать, будто безработица в СССР ликвидирована, в то время как в действительности тысячи рабочих переезжают с места

¹ «Гордое заявление органа профсоюзов, газеты «Труд» от 11 октября 1930 г. гласит: «В Стране Советов нет безработицы». В приказе Народного комиссариата труда от 9 октября 1930 г. значит:

«1. Ввиду огромного недостатка в рабочей силе во всех отраслях народного хозяйства страховым кассам предлагается прекратить выплату пособий по безработице. Бюджетом социального страхования на дополнительный квартал октябрь—декабрь 1930 г. ассигнований на выплату пособий по безработице не предусмотрено.

2. Органы труда обязаны принять все меры к немедленной посылке безработных на работу, в первую очередь лиц, имевших право на пособие по безработице.

3. Безработные должны направляться не только на работы по их специальности, но также на другие работы, не требующие особой специальности...

4. Никакие мотивы отказа от предлагаемой работы, за исключением болезни, подтвержденной больничным листком, не должны приниматься во внимание... Больничные листки должны выдаваться безработным врачами консультациями и врачебно-контрольными комиссиями. Безработным, имеющим больничные листки, выплачивается пособие из расчета пособия по безработице, но за счет ассигнований на обеспечение по временной нетрудоспособности.

5. Персональная ответственность за своевременное и правильное выполнение настоящего постановления возлагается на... председателей страховых касс (в подлиннике—на заведующих отделами труда и на председателей страховых касс.—*Ред.*).

6. Ст. I. настоящего постановления ввести в действие по телеграфу».

В то же самое время усиленное внимание было уделено превращению неквалифицированных рабочих в квалифицированных. «Вместо пятидесяти миллионов рублей, выплаченных в 1930 г. в форме страхования от безработицы, вдвое большая сумма была предусмотрена в бюджете 1931 г. на обучение (вместе с содержанием слушателей) новых индустриальных рабочих» [*Гарри Р. Уорд*, *Вместо прибыли*, 1933, стр. 5). Советские власти считают такое «вспомоществование от безработицы в виде обучения работе, в которой промышленность так сильно нуждается... производительной затратой» (там же).

на место, а некоторые даже нарочно устраивают себе перерывы между одной работой и другой. Указывалось, что различные правительственные учреждения вычистили в течение последних трех лет тысячи излишних служащих, которые, как полагают (хотя без всякого к тому основания), вследствие этого становятся вынужденными безработными и нигде не могут найти другой службы,—и это в то время, когда 250 тыс. колхозов так сильно нуждаются в счетоводах. Меры, принятые правительством для ослабления перенаселенности Москвы и некоторых других городов в виде отказа в выдаче разрешений на проживание тем, кто не имеет определенной службы, истолковываются как показатель того, что в этих городах существует серьезная безработица, хотя на самом деле заводы все время безуспешно добиваются получения дополнительной рабочей силы¹. Указывали даже, что категория «лишенцев» (священники и монахи, бывшие помещики и бывшие капиталисты, спекулянты и бывшие царские полицейские), которые в случае, если они не занимаются «общественно-полезным» трудом, не имеют права голоса и не могут быть членами профсоюза или потребкооперации и которые, как полагают (опять без всякого основания), являются, очевидно, не имеющими средств к существованию безработными,—экономически равнозначны большей части безработных Лондона или Берлина.

Все эти проявления недоверчивости не выдерживают критики. Явление, общее всем капиталистическим странам и которого нет в СССР, не имеет ничего общего с явлением перехода рабочих с одной работы на другую, с возвращением сезонных рабочих домой по окончании этой работы или с тем фактом, что люди не работают при переездах; ничего общего с этими явлениями не имеет также люмпенпролетариат большого города, который находит средства к существованию путями, слишком темными и не подлежащими описанию, чтобы их можно было учитывать, или рабочие-лодыри, которые существуют в СССР, как и везде, и которые меньше всего желают иметь постоянную работу. Советское правительство не заставляет работать никого, так же как этого не делает английское или американское правительство. Если кто хочет пожить без работы и съездить на отдых в Крым или по Волге, никто ему в этом не мешает. Он может, пожалуй, бесконечно жить в бездействии, проживая собственные сбережения или наследство или существуя на подачки родственников или друзей,—и никто никаких мер по

¹ Московская биржа труда в июне этого года (1933) получила требования на 20 938 рабочих и смогла направить только 3 222 человека, в июле—21 293 запроса и 1 769 исполнений, в августе—14 111 запросов и 1 433 выполнения, в сентябре 9 787 запросов и 1 176 исполнений (статья Джона ван-Занта в «Москау дейли ньюз», октябрь 1933).

закону против этого принимать не будет. Правда, не будучи производителем, он не получит продовольственной карточки, и ему придется покупать для себя мясо и сахар на валюту в одном из 1 300 магазинов Торгсина или на рубли на вольном рынке. Затем он как не работающий будет лишен голоса. Хотя подчеркнуть не то, что на волнах индустриального моря на всем протяжении СССР нет больше обломков и пены, а только то, что начиная с 1930 г. в массе не осталось трудоспособных мужчин или женщин, желающих найти работу и не могущих найти работодателя, готового дать ее им. Не субсидируя безработицу при помощи выдачи вспомоществований или выплаты страховых пособий от безработицы, как это приходится делать многим другим правительствам, советское правительство сумело в 1930 г. приостановить все эти выплаты и заявить, что оно может предоставить работу по профсоюзным ставкам каждому трудоспособному рабочему, хотя и не обязательно в его собственном городе или по его теперешней профессии. Единственное, что правительство предпочитает, это выплачивать ему содержание во время обучения его той или иной квалифицированной работе. Это, конечно, достойный результат планового хозяйства.

Часто говорят, что это отсутствие массовой вынужденной безработицы—простая случайность, вызванная исключительным положением вещей, т. е. поразительным ростом промышленности, что это, вероятно, долго не протянется и что это наивно, что бы ни утверждал план, не всегда будет положением, характерным для Советского Союза¹. Если бы даже это оказалось и так, далеко не последним достижением планирования должен

¹ «Затруднение состоит в том, что ни одна известная система не была в состоянии уничтожить безработицу—ни даже коммунизм,—ибо теперь совершенно ясно, что в течение последних нескольких лет Россия переживает период «промышленного оживления», во всех отношениях подобный тем, которые переживал капиталистический мир, и что с постепенным ослаблением силы этого подъема начнет появляться безработица» (Т. Э. Грегори, Золото, безработица и капитализм, 1933, стр. 287).

Проф. Грегори совершенно не принимает во внимание планирования покупательной способности каждого занятого в обобществленном производстве СССР в течение круглого года. «Если у нас нет покупательной способности,—пишет американский экономист,—у нас нет ничего. Имея ее, мы имеем все, что ценим... Энергия и изобретательство, затраченные на наши финансовые организации, должны быть обращены на восполнение нарушенной покупательной способности страны... фактической возможности покупать» (Р. А. Тегвел, Американская экономическая жизнь и средства к ее улучшению, 1933).

Точка зрения проф. Грегори, мы думаем, не разделяется теми экономистами, которые исследовали фактическую сторону дела. Автор наиболее полного до сих пор исследования приходит к выводу, что если правительство, руководящее плановым хозяйством, считает более важным найти работу каждому, чтобы все производимое для продажи населению было немедленно потреблено, то нет причины, по которой оно не-

считаться уже тот факт, что была избегнута массовая безработица в течение нескольких лет великой промышленной перестройки. В Англии, при отсутствии плана, мы не избегали периодической безработицы в больших масштабах даже в разгар промышленной революции или железнодорожного строительства раннего периода царствования королевы Виктории. В Соединенных штатах периоды острой массовой безработицы на больших территориях бывали во времена величайшего расширения промышленности без плана. Но советское планирование претендует на нечто большее, чем только временное прекращение вынужденной безработицы. Утверждают, что, поскольку будет применяться теперешняя система планированного производства и распределения, нет никакого основания бояться, что в СССР когда-либо будет массовая безработица (кроме коротких интервалов в отдельных случаях)—будь то «технологическая», «циклическая» или, при соответствующих мерах регулирования, даже «сезонная».

Это замечательное утверждение основывается на факте, видимо невероятном для «экономистов-дедуктивистов», что сам план с самого начала предполагает в течение круглого года наличие покупательной способности у каждого занятого в той или иной части общественного производства страны. Это обобществление в настоящее время распространяется на все отрасли промышленности и (за исключением остающегося еще меньшинства единоличных крестьян вместе с кочевыми племенами, производящими главным образом для собственного потребления) на все отрасли земледелия. Общее количество рабочих мест, которые необходимо обеспечить в промышленных предприятиях, в различных государственных, кооперативных, культурных и общественных органах обслуживания, включая состав всех совхозов и колхозов, при составлении плана на каждый год с самого начала определенно делается равным предполагаемому количеству людей, которые в течение этого периода будут в состоянии работать. Для студентов и ученых-исследователей, уделяющих все свое время научной или исследовательской работе, так же как и для больных и нетрудоспособных, включая тех, кто слишком молод или слишком стар для

смогло бы достичь этой цели. Это то же самое, я думаю, что сказать, что планирование само по себе есть могучий рычаг для избавления от того специфического проявления кризиса—безработицы, которое поразило в настоящее время капиталистический мир, от той продолжительной безработицы, более резкой в одних профессиях, менее в других, которая так еще повсеместна, что процент безработных почти во всех профессиях выше нормального, безработицы, которая сопровождается закрытием фабрик и заводов и заполнением рынков не имеющими сбыта товарами» (*Барбара Вуэтон*, По плану или без плана, 1934, стр. 203—204).

работы, устанавливается соответствующее обеспечение (если нет заработка) стипендией, пенсией или страховым пособием. И вместе с тем также известно, что все эти миллионы будут непрерывно в течение всего года иметь по крайней мере то количество покупательной способности, которое составит «эффективный спрос» на товары и услуги. Этот спрос полностью загружает все предприятия, производящие требуемое покупателями. Эти предприятия будут, в свою очередь, стараться, в соответствии с планом, нанять соответствующее число рабочих для выработки товаров и услуг в размерах общего «эффективного спроса» страны. Необходимое равновесие, которое должно быть достигнуто в плане,—соответствие между размерами общего «эффективного спроса» и общим количеством производимых товаров и услуг—достигается соответствующим распределением всей продукции по установленным планом ценам среди тех трех частей, о которых мы уже говорили при описании коллективного договора с профсоюзами. Необходимо прежде всего уделить достаточно внимания на необходимое содержание, расширение и увеличение всех заводов и оборудования, на которых должно работать установленное общее количество рабочей силы. Вторая часть должна быть предназначена на государственные, культурные и общественные учреждения, расходы на содержание которых должны быть покрыты из средств всего общества. А остаток, если учесть также жалование и заработную плату всех тех, кто работает в первых двух категориях, составляет фонд заработной платы, выделяемый для индивидуальной оплаты всех рабочих абсолютно всех профессий. Нам здесь не надо повторять сказанного выше относительно порядка распределения этого фонда зарплаты среди различных профсоюзов, не надо также повторять описания того, как повременная зарплата различных отраслей работы пересчитывается на сдельную оплату. Нам не нужно также останавливаться на том, как распределяются доходы, получаемые колхозами и промышленными артелями от продажи своей продукции, на общественные и личные нужды. Если считать, что цены товаров и услуг постоянны и что фонд заработной платы аккуратно регулируется по отношению к общей меновой ценности продукции, то мы увидим точно определенный постоянный круг циркуляции: а) энергии всей рабочей силы, б) производства желательных товаров и услуг, в) оплаты всех рабочих по профсоюзным ставкам и г) эффективного спроса на все производимые товары и услуги. План, таким образом, стремится к обеспечению постоянного соответствия между колеблющимися итогами: а) рабочего населения, б) размеров всей продукции, в) зарплаты и жалования, создающих эффективный спрос, и г) сбыт этим счастливым обладателям эффективного спроса.

Эта система постоянного регулирования того, что во всех других странах остается неурегулированным, встречала вплоть до конца 1934 г. со стороны почти всех экономистов западного мира полное недоверие. Их отказ поверить в возможность такой системы, по нашему мнению, определяется двумя соображениями. С одной стороны, еще до сих пор считают и предполагают, хотя менее определенно, чем это было принято раньше, что такое плановое регулирование не только невыполнимо и нежелательно, но что оно и не нужно. Если бы, говорят, правительства предоставили деловой мир самому себе, без всякого планирования, то в каждом чисто индивидуалистическом обществе, где нет помех ни со стороны закона или обычая, ни со стороны профсоюзов или капиталистических объединений, при свободном действии «закона спроса и предложения» такое регулирование осуществлялось бы само собой. Логично ли применять такой критерий в отношении общества, подобного которому еще нигде в мире не было,—это другой вопрос, но надо вообще сказать, что в настоящее время все больше и больше признают, что такого постоянного динамического равновесия в известном нам мире никогда и не бывало. Каждая капиталистическая страна страдает от перемежающихся подъемов и кризисов, порождающих в больших размерах массовую невольную безработицу. Нельзя также добросовестно утверждать, что при режиме капиталистической конкуренции есть какая-либо надежда в будущем на достижение такого регулирования, которое предотвратило бы наличие, постоянное появление и даже увеличение того, что теперь называется технологической безработицей. Наоборот, можно предсказать, что технологическая безработица будет распространяться из страны в страну, а если считать, что изобретения не прекратятся, то эта безработица будет даже увеличиваться. На основании этого многие экономисты признают в настоящее время наличие ряда ненормальностей, сопутствующих свободной конкуренции, но они считают их неизбежными. Большинство этих экономистов советует исправить положение путем некоторых хорошо задуманных нарушений свободы конкуренции: применением фабричных законов, установлением общих условий труда и твердых ставок заработной платы на основе коллективных договоров с профсоюзами, пособиями безработным, выдаваемыми на основе той или иной системы страхования, общественным контролем над капиталистическими монополиями, а в последнее время—даже переходом к государству функций регулирования банковского кредита и денежных операций. Замечательно, что все школы экономистов считают необходимым утверждать, будто независимо от того, можно ли добиться точного регулирования по всем тем направлениям, которые каждый из них предлагает, верно одно: что регулирование, которое

уже удалось или которого в ближайшем будущем можно будет добиться в Великобритании или в Соединенных штатах, значительно более близко к совершенству, чем то регулирование, которого можно достичь при плановом хозяйстве в СССР, и регулирование, которое они так не расположены изучать.

Отвлеченная критика планового хозяйства со стороны экономистов

Есть школа экономистов, имеющая последователей во всех западных странах, представители которой и не стараются оспаривать фактических достижений планового хозяйства СССР, потому что они претендуют на то, что обладают наукой, согласно которой все эти достижения логически невозможны. Надобно изложить хотя бы вкратце аргументы, убеждающие таких экономистов в том, что плановое хозяйство по самому своему характеру не может добиться тех результатов, на которые оно претендует.

Такой экономист утверждает в первую голову, что отсутствие в области распределения при плановом хозяйстве абсолютно вольного рынка индивидуальных покупателей и индивидуальных продавцов неизбежно лишает возможности максимума удовлетворения для всей массы потребителей, взятых в целом. То, что этот экономист называет «механизмом цен», основанное на полной свободе конкуренции среди покупателей и продавцов на таком рынке, вместе с неограниченной свободой любого предпринимателя производить, что ему только хочется, и полной свободной переброски с рынка на рынок как товаров в поисках покупателей, так и покупателей в поисках товаров, должно, по словам такого дедуктивного экономиста, неизбежно привести к тому, что все потребители в обмен за израсходованные ими деньги получают максимум возможного из всего того, что они выберут по своему усмотрению¹. Или, говоря более осторожно, он утверждает, что эта полная свобода для покупателя и продавца приведет к большему удовлетворению сознательных запросов потребителя, чем все решения наиболее мудрого парламента или правительственного учреждения о том,

¹ «Фактическое руководство промышленностью, решение вопросов о том, нужно ли сеять больше пшеницы и меньше кукурузы, нужно ли выбатывать больше обуви и меньше шляп,—пишет американский экономист,—зависит от выбора независимых производителей, решающих вопрос в зависимости от состояния рынка». Ему кажется ясным, что «рыночные цены являются в сущности постоянным референдумом о том, что люди хотят производить, что они хотят покупать, где они хотят работать и куда они хотят вкладывать свои сбережения» (статья д-ра Бенджамин Н. Андерсона, Плановое хозяйство и уровень цен в стране, в «Чейз экономик бюллетень», 9 июля 1933).

что и как должно производиться или по какой цене каждый товар должен продаваться.

Второе утверждение нашего экономиста о плановом хозяйстве типа хозяйств Советского Союза состоит в том, что осуществляемая таким хозяйством ликвидация или замена мотива денежной прибыли у предпринимателей или других собственников производственных предприятий, а также у торговцев, продвигающих товары на те рынки, где их больше всего требуют, по необходимости приведут к менее внимательному отношению к нуждам и пожеланиям потребительских масс. Погоня за прибылью, заявляет такой экономист, стремление получить эту прибыль, ожидание получения этой прибыли,—все это вызывает величайшую энергию и настойчивость со стороны владельца рудника, заводчика, коммерсанта, оптовика и мелкого лавочника, вообще всякого, кто занимается этим делом. Это тот мотив, каким бы эгоистичным он ни казался, который побуждает капиталиста заниматься делами, рисковать потерей своего капитала, делать или приспособлять новые изобретения и стараться в большей степени и по самой низкой цене удовлетворять нужды и пожелания потребителей, от постоянных закупок которых зависит устойчивый успех в деле получения им прибылей.

Такой экономист будет уверенно утверждать, что, по крайней мере в отношении большей части производства и распределения, нет иного известного нам стимула, кроме погони за денежной прибылью; без последней даже при наиболее мудром правительстве в методах производства наступит неминуемый застой, продукция на душу населения в стране будет падать качественно и даже количественно, а эффективность распределения в значительной мере исчезнет к неисчислимому ущербу для потребителей.

Обратившись к более подробному рассмотрению планового хозяйства советского коммунизма, западный дедуктивист-экономист укажет, что если советское правительство не дебитует каждое свое предприятие годовыми процентами на вложенный капитал, то непричисление этого процента к издержкам производства лишает государство и публику данных, на основании которых можно установить, какие из намечаемых новых работ экономически выгоднее начать в первую голову; при таком положении вообще, якобы, нет сведений, которые показывали бы, что некоторые из этих работ требуют слишком больших затрат народных средств, делающих их экономически неоправданными. Единственной системой, утверждает такой экономист, при которой общество может получить максимум дохода на вложенный капитал, является та, при которой при распределении капитала руководятся соображением о том, чтобы доход

от всякого капиталовложения, вплоть до последней частицы вложенного в предприятие капитала, был одинаков¹. К такому оптимальному распределению капитала страны, говорят нам, всегда ведет полная свобода конкуренции и ничем не связанная частная инициатива. Такого оптимального распределения капитала не может достигнуть, не может даже пытаться достигнуть никакое правительство. В частности (совершенно забывая о мотивах таких решений в СССР), утверждают, что вся политика советского правительства—постройка гигантских заводов, разбросанных по всему СССР и поэтому не всегда в пунктах, выгодных экономически, спешка в развитии массового производства путем применения новейшего оборудования при относительном недостатке капитала—привела к тому, что потребителям приходится получать определенно меньше пищи и одежды, чем если бы кустарям и кулакам была предоставлена полная возможность развивать свои собственные, более примитивные предприятия. Утверждают, что СССР было бы более выгодно импортировать дешевые продукты производства Западной Европы и Америки взамен большего количества леса, зерна и мехов, было бы выгоднее вкладывать свои скудные капиталы в расширение этих отраслей хозяйства, чем омертвлять капиталы, пытаясь сделать СССР независимым в деле производства всякого рода оборудования (как будто при этом не надо принимать во внимание никаких других соображений).

Наконец, наш западный экономист-дедуктивист отрицает, что даже при наилучшем плановом хозяйстве в обществе, где делаются изобретения, открываются новые источники богатства или просто меняется мода, возможна окончательная ликвидация вынужденной безработицы и вообще всякой продолжительной массовой безработицы. Эта вновь и вновь повторяющаяся безработица, говорят нам, является той ценой, которую неминуемо приходится платить за свободу изобретать и исследовать, за свободу заменять старые способы новыми и даже за свободу менять вкусы и привычки, свободу, на которой зиждется самый прогресс человечества. Такой экономист может, пожалуй, согласиться с тем, что общество должно облегчать страдания, вызываемые вынужденной безработицей, как оно облегчает страдания жертв землетрясения. Но этот экономист, если не

¹ Каждому правительству, конечно, приходится принимать во внимание нужды и выводы, несоизмеримые с арифметикой нашего экономиста. Лондонский городской совет не дебитует свои парки процентами на их общую стоимость, поскольку деньгами невозможно измерить пользу, которую они приносят обществу: совершенно бесполезно сравнивать относительную стоимость и полезность парка в густо населенной центральной местности с дорогими земельными участками—с парком в менее дорогих районах на окраинах, где их использование публикой большей частью еще только предстоит в будущем.

скажет открыто, то все-таки намекнет, что массовая безработица при действии «механизма цен» есть в большей степени результат «отсутствия гибкости» ставок зарплаты рабочих, нежели результат высоты процента, требуемого инвесторами, и что это «отсутствие гибкости» мешает действию закона спроса и предложения. Размеры безработицы, утверждают иногда, являются функцией стоимости труда. Если бы рабочие позволили свободно применять «механизм цен» к оплате рабочих и соглашались бы в плохие времена получать более низкую заработную плату, то было бы меньше безработных. Утверждают, вопреки всем фактам, что если бы зарплата была достаточно низка, то совершенно не было бы вынужденных безработных, кроме отдельных переходных моментов безработицы вследствие временного нарушения регулирования рынка!

Ответ коммуниста на критику экономиста-дедуктивиста

Экономисты СССР, как нам кажется, очень быстро справились бы с критикой со стороны западного экономиста, которую мы пробовали изложить¹. Утверждение, что действие механизма цен на совершенно свободном рынке действительно обеспечивает максимум возможного удовлетворения потребностей и желаний всей массы потребителей, было бы просто высмеяно. Во-первых, было бы указано, что такая свобода явно несовместима с фактической организацией когда-либо существовавшего человеческого общества. Это попросту экономический миф, который невозможно представить себе в применении к какому бы то ни было обществу. Даже как экономический миф оно не может быть логически обосновано, потому что по самому существу своему эта свобода зависит от ряда таких недоказанных и самовольных утверждений, как институт индивидуальной собственности на средства производства, всеобщее применение законов против краж и мошенничества, которые теперь действуют в Западной Европе и Соединенных штатах, и существование полиции для сурового применения этих законов. Но даже допуская, что такой мифический аргумент может иметь какую-нибудь силу, коммунисты совершенно отрицают, будто есть основание полагать, что механизм цен при полной свободе производств на вольный рынок обеспечивает максимум удовлетворения всех

¹ Трудно передать экономистам западного мира ту глубину презрения, которое питает экономист СССР в отношении их рассуждений; это презрение можно сравнить разве только с тем презрением, которым дарят экономисты западного мира своих русских коллег! Мы решаемся заявить, что взаимное пренебрежение к исследованиям и взаимное презрение к доказательствам с обеих сторон недостойны того, что должно было бы быть предметом серьезного совместного исследования.

пожеланий потребителя. «Механизм цен» даже и не предназначен иметь в виду нужды или пожелания всех членов общества, но лишь тех, кто обладает покупательной способностью. *По мнению нашего экономиста, должен быть удовлетворен только тот спрос, который он называет «эффективным спросом».* Только те, кто располагает этим «эффективным спросом», имеют право голоса в том, что было названо «постоянным референдумом о том, что должно производиться и потребляться». И вот в каждой стране капиталистической цивилизации значительное количество лиц во всякое время, а при повторяющихся кризисах целые миллионы оказываются на более или менее долгие периоды лишенными не по своей вине какой бы то ни было покупательной способности; но вместе с тем они обладают настоятельными нуждами и пожеланиями, которые достаточно «эффективны», чтобы вызывать страдания и даже смерть, но которые не составляют того «эффективного спроса», который может признать экономист.

Более того, все выводы экономиста о «максимальном удовлетворении» даже «эффективного спроса» логически необходимы, если только нельзя доказать, что одинаковые цены вещей создают для различных покупателей одинаковую трудность платить эти цены. Очевидно, этого доказать нельзя. Напротив, неравенство в личном благосостоянии, которое в большей или меньшей степени существует в каждом человеческом обществе кроме чистого коммунизма, необходимо предполагает тот неприятный факт, что одинаковые в количественном отношении цены создают для различных покупателей совершенно неодинаковую трудность платить их. Очевидно, нет никакого основания предполагать, что эти одинаковые цены дают возможность получать одинаковое удовлетворение. Когда лондонская публика расходится из своих контор домой и попадает под сильный дождь, то люди тратятся на наем экипажа главным образом в соответствии со степенью их зажиточности. Богатый банкир нанимает автомобиль при самом легком дожде. Крупный служащий идет на этот расход, когда дождь делается сильнее, мелкий служащий поднимает воротник и терпеливо бежит до метро, а машинистка, делящаяся своим скудным заработком с больной матерью, бредет домой вся промокшая, не желая распротираться с деньгами, предназначенными на завтрашний обед. Но механизм цен не только не обеспечивает максимума удовлетворения желаний. При неодинаковых доходах ясно, что нет даже минимальной справедливости в обществе, члены которого имеют неодинаковые нужды¹. Механизм цен на вольном рынке даже

¹ Коммунист охотно согласится с тем, что если допустить, что степень личного удовлетворения точно измеряется розничными ценами, то профессор Мизес и проф. Гейек правы. Но очевидно, что при неодинаковом доходе населения выводы этих профессоров разительно противоречат

не обеспечивает максимума использования производительных сил общества в производстве ценностей, потому что с точки зрения общественной пользы надо спрашивать меньше работы с больных и слабых, чем со здоровых и крепких, и обеспечивать первых большим вниманием и средствами к жизни, чем последних, в то время как оплата их труда, составляющая их покупательную способность на вольном рынке, будет приблизительно пропорциональна их ценности в глазах ищущего прибылей хозяина, а эта ценность находится в обратной пропорции к их нуждам.

Но коммунист имеет еще более сильный довод для опровержения аргументов экономиста в пользу производства на свободный рынок. Этот экономист очевидно вынужден всегда исходить из того положения, что главная задача общества—способствовать максимальному накоплению индивидуальных богатств. В интересах этой важнейшей цели он будет мириться с существованием и даже с увеличением неравенства в распределении богатств между отдельными индивидуумами и общественными классами и с существованием необеспеченного пролетариата, заработной платы которого недостаточно для содержания семьи. С этой целью он будет настаивать на покупке рабочей силы на более дешевом рынке, предпочитая во многих случаях детей—взрослым, женщин—мужчинам и даже слабых—сильным, если только их можно заполучить за более низкую заработную плату. С этой целью он будет эксплуатировать рабочую силу отсталых национальностей, попутно разрушая их исконный общественный порядок и безрассудно распространяя среди них болезни и деморализацию. С этой целью он допускает безудержную эксплуатацию ресурсов страны, беззаботное уничтожение лесов, опрометчивое истощение нефтяных месторождений, даже разрушительное истощение самой почвы. Живописность, красота и оздоровляющее влияние природы приносятся в жертву великой цели максимального производства не для обогащения общества, а для накопления богатств предпринимателей, накопления, которому, как заявляют, общество обязано самим своим прогрессом. С критикой западных экономистов интересно сопоставить цели, преследуемые плановым хозяйством СССР. Как первый, так и второй пятилетние планы откровенно руководились не целью обеспечения наибольшего

фактам. Другие противники советского коммунизма соглашаются, что с этой стороны «на него нельзя нападать. Если задача состоит в том, чтобы заставить экономическую систему служить внеэкономическим целям»—таким, скажем, как национальная оборона, поднятие народного здоровья или насаждение всеобщей культуры,—«то их новое хозяйство является великолепным решением» (*Борис Бруцкус*, Экономическое планирование в Советской России, 1935, стр. 230).

дохода или наибольших богатств для ничтожного меньшинства предпринимателей и капитанов индустрии, даже не интересами наибольшего обеспечения богатствами теперешнего поколения, а *соображениями, совсем не принимаемыми во внимание отдельными искателями прибылей*, о которых обычно думает западный экономист. Тут была, во-первых, забота об общегосударственной обороне, обеспечение которой обходится очень дорого и не дает гражданам никакого непосредственного денежного дохода. Тут было требование наиболее быстрой индустриализации страны, которое из стратегических соображений считалось абсолютно необходимым, независимо от экономических соображений о том, во сколько это обойдется. Это было нужно для того, чтобы СССР мог стать действительно независимым до того, как капиталистические государства смогут объединиться для нападения или блокады его. Тут было вынесенное после долгого обсуждения решительное требование механизации земледелия как единственного средства для быстрого увеличения валового сбора продуктов до такой степени, чтобы обеспечивалось, если не максимальное, то по крайней мере достаточное количество пищевых продуктов и чтобы можно было прожить в неурожайные годы, которые прежде опустошали Россию каждые пять или десять лет. Затем было убеждение, что справедливость, так же как и человечность, требуют, чтобы все составляющие Советский Союз народности были подняты до общего культурного уровня. Отсюда необходимо было, чтобы индустриализация была распространена на все части Советского Союза, если даже это было сопряжено с необходимостью пожертвовать скорейшим увеличением богатств доминирующей народности. Это же соображение потребовало, чтобы значительно больше было сделано для женщин и детей, чем для взрослых, и больше для отсталых народностей и для отсталых районов, чем для тех, в которых уже имел место кой-какой прогресс. Все это подчеркивало важность—хотя бы с точки зрения повышения производительности труда—быстрого роста просвещения среди особо отсталого населения, обеспечения всей территории больницами, врачами, сестрами милосердия и вообще всем дорогим аппаратом здравоохранения для борьбы с заболеваниями и для снижения чрезмерно высокой детской смертности. Суждения и способы разрешения всех этих вопросов могли быть верны или неверны. Но ни один здравомыслящий человек не сможет отрицать, что они были вопросами чрезвычайной важности для благосостояния общества и что их надо было принять из других соображений, а не с точки зрения их влияния на личные богатства незначительного числа инвесторов, или даже из соображений денежного дохода или потери для настоящего поколения. Приходится ли удивляться тому, что критика со стороны нашего эко-

номиста не привлекает в СССР даже той доли внимания, которого она заслуживает, так как плановое хозяйство руководится именно такими мотивами, а не соображениями о том, каким образом извлечь наибольшую прибыль и притом только для меньшинства населения. В то время как западные экономисты считают успехом увеличение рыночных цен по сравнению с издержками производства, советский плановик принимает в расчет каждую из задач, преследуемых в просвещенном обществе.

Как может быть опрокинут генеральный план

Убедить нашего экономиста в том, что плановое хозяйство может действовать ко всеобщему удовлетворению, удастся, пожалуй, только поставив его лицом к лицу с фактическими результатами, достигнутыми в СССР за текущее десятилетие. Мы считаем более полезным рассмотреть те сомнения, которые выражаются временами даже и в самом СССР,—не напоминает ли план прогулки при хорошей погоде, которая может быть испорчена непредвиденными затруднениями. Даже допуская, что при обычных условиях план обеспечивает, приблизительно, полное соответствие между количеством населения и возможностями найти работу, между выпуском товаров и сбытом их, между заработной платой и ценами,—не будет ли он целиком опрокинут какой-нибудь серьезной войной, значительным неурожаем или даже сильно распространившейся эпидемией? Ответ получается двоякий. Как уже указывалось, из самой сущности плана вытекает, что он должен определенно учитывать всякие непредвиденные обстоятельства. Мы можем предположить, что Государственная плановая комиссия накапливала все больше и больше сведений обо всех различных обстоятельствах, которые в течение последнего десятилетия в той или иной степени в том или ином пункте затрудняли выполнение плана. Эти статистические данные дают возможность составить для каждого года расчет о возможных «пределах отклонений» от прогноза, выводимого на основании представляемых каждым предприятием данных. Колебания урожайности за последние пятьдесят лет, взятые район за районом и культура за культурой, должны дать возможность уверенно устанавливать, что урожай наступающего года даже в худшем случае не может быть ниже зарегистрированного минимума, а лучший урожай не может быть значительно больше наиболее высокого максимума за последние десятилетия. Такие же выкладки могут быть сделаны для каждой отрасли промышленности, для всего народонаселения, для средних годовых потерь от болезней и несчастных случаев, от поломок оборудования, от мошенничества и растрат

и т. д. При вычислениях, обнимающих такое исключительное многообразие, такую громадную массу лиц и фактов, можно ожидать, что влияния многих непредвиденных обстоятельств в значительной степени перекроют одно другое. Для полной уверенности в каждом годовом плане должен быть предусмотрен, насколько это возможно, резерв для каждого пункта плана—так, чтобы даже серьезное отступление от плана не повлекло за собой катастрофического прорыва. Конечно, совсем не нужно предусматривать десяти полных резервов на случай могущих произойти различных обстоятельств. Они все не случатся в один год. Возможно, будет достаточно и половины. Но один вид резерва должен быть обязательно предусмотрен в ежегодном плане. Это—запас хлеба и, возможно, некоторых других пищевых продуктов и не только в одном каком-нибудь центре, но и в каждой области, в достаточных для питания всего населения размерах, на случай неурожая, столь же полного и широко распространенного, какими были неурожай 1891 или 1921 г. Возможно, что при климатических условиях СССР некоторый резерв должен быть обеспечен и для дров, угля, нефти для зимнего отопления. Даже при наличии плана такой постоянный запас пищевых продуктов, а быть может и топлива, так же необходимый для СССР, как и золотой резерв, должен быть обеспечен на случай паралича транспорта¹.

Возникновение войны может, пожалуй, быть даже большей катастрофой, чем голод или эпидемия, в особенности потому,

¹ СССР следует помнить, что постоянный успех генерального плана всегда будет зависеть от неизменности стоящих перед правительством целей. Правильно сказано, что «один факт наличия плана сам по себе в изменчивом мире ошибающихся людей не может ликвидировать безработицу раз навсегда. Планирующая организация должна постоянно пересматривать, приспособлять и расширять свои планы для того, чтобы выправлять свои собственные ошибки и удовлетворять требования, выдвигаемые новыми ситуациями. Если она будет сидеть спокойно и ничего не делать, то скоро станет лицом к лицу с тем же положением, в каком находится правительство при непланируемой экономике, которое сидит и ничего не делает, или почти ничего не делает для того, чтобы найти работу тем, кому частновладельческая промышленность ее не предоставляет».

«Настоящая разница между этими двумя типами организации состоит в том, что капиталистическое правительство, кроме выдвижения нескольких проектов работ для производства продуктов, не имеющих на коммерческом рынке, *вынуждено* сидеть спокойно и ничего не делать, потому что если оно займется чем-нибудь помимо общественных работ, то его усилия пустить в ход приостановившуюся отрасль промышленности будут иметь следствием приостановку других отраслей, сейчас работающих, в то время как руководители социалистической системы, берущиеся за дополнительные планы для поглощения незанятой рабочей силы, только расширяют наличную систему промышленности, а не устанавливают конкурирующую, не могущую функционировать согласованно с той, которая уже работает» (*Барбара Вуэтон*, По плану или без плана, 1934, стр. 203—204).

что ей могут сопутствовать и то и другое. Чтобы обеспечить себя от разрушительных воздействий войны, как и всякой другой катастрофы, нужно что-то сделать в смысле создания запасов пищевых продуктов, снаряжения и амуниции, а также и золотого запаса. Но что случится, если на многочисленных фронтах СССР разразится продолжительная война, которая скоро истощит все возможные резервы? Ответ тот, что отвлечение большинства трудоспособного населения от мирного производства, содержание этих масс на фронтах и всеобщее переключение почти всех заводов для работы на войну, вместо производства предметов необходимости для населения, неминуемо быстро нарушит предположения любого плана. Придется, конечно, посадить население городов на очень скудные пайки. В начале войны положение населения городов ухудшится не особенно сильно, потому что в продолжение ряда мирных лет осуществлялось наиболее полное планирование. Во все время войны расходы на нее должны планироваться так же, как учитывается появление зимнего льда. Говоря попросту, план должен будет предусмотреть неограниченные военные потери путем приостановки улучшений и расширений капитального характера, путем сокращения всех расходов на культурные нужды, путем строгого регулирования потребления населения, путем понижения дохода каждого и усиления работы каждого. Все эти меры должны были бы быть приняты, даже если бы не было плана. Во время войны план для всего населения должен сделать то, что делается для потерпевшего крушение экипажа, пересевшего в лодку с очень малым запасом продовольствия,— равномерно распределить лишения на всех, с тем предпочтением в отношении детей, стариков и кормящих матерей, которого требует обычная человечность, так чтобы вся тяжесть страданий не обрушилась на наиболее слабых. Но даже при наихудшем кризисе длиннейшей войны никто не должен оставаться без работы. При этих обстоятельствах есть фактически почти полная уверенность, что не только со стороны каждого потребуетеся работа, но что рабочее время каждого будет увеличено. Никто не будет доведен до голодной смерти, но все, не исключая и богатых, должны будут отказаться от роскоши, не исключая и роскоши ничегонеделания.

Есть, однако, еще и другое возражение, которое делается против возможности планирования. Говорят, что план развалится не вследствие войны, с ее сокращением производства, а вследствие самого успеха плана, из-за вызываемого им постоянного увеличения продукции. Что случится, если теперешняя вспышка индустриализации сменится более медленными темпами? Оппоненты допускают, что в настоящее время СССР может найти работу для каждого трудоспособного члена своего быстро-

растущего населения. Но в ближайшее время все заводы будут построены, все железные дороги будут проложены, города будут заощены, освещены, снабжены канализацией, совхозы и колхозы наполняют свои амбары излишками хлеба. Некоторые западные экономисты уже предсказывают приближение перепроизводства и говорят, что в ближайшее время в СССР, несмотря на его плановое хозяйство, будет так же много безработных, как много их сейчас в Великобритании и Соединенных штатах. Как может план предохранить от безработицы в будущем, говорят в Великобритании, когда рождается столько детей и когда спрос населения уже во всем удовлетворен?

Нам кажутся странными возражения против планового хозяйства, состоящие в том, что оно неминуемо приведет к такому большому производству товаров и услуг, когда склады будут завалены товарами, а у каждого будет их так много, что никто не пожелает покупать эти товары. В СССР наблюдается даже более явно, чем в странах с более старой цивилизацией, ненасытность человеческих желаний. В настоящее время в Советском Союзе до 170 млн. населения, желающих более просторных жилищ, больше мяса, сахару и масла, больше одежды и обуви. Все эти миллионы в течение круглого года обеспечиваются покупательной способностью! То, что раньше было доступно сравнительно зажиточным, от сахара и масла и до фетровых шляп и шелковых чулок; от нескольких мясных блюд в день до радио и ежедневных концертов или театральных представлений требуется теперь все более и более каждому крестьянину от польской границы до побережья Тихого океана. Мы уже указывали, как, несмотря на четырехкратное увеличение с 1913 г. годового производства обуви, в СССР получился еще больший недостаток этой обуви, поскольку вместо прежних нескольких миллионов стали предъявлять спрос на кожаную обувь 50 или 60 млн. населения. Еще много времени пройдет до того, когда каждый крестьянин и каждый рабочий от Мурманска до Владивостока будет иметь столько же пищи и тонких блюд, такое же просторное жилище, столько же одежды для всех времен года, такие же возможности образования и столько же книг и газет, столько же возможностей частого посещения кино, театра и оперы, сколько имеет, не говоря уже о более высоком уровне, средний интеллигент в Западной Европе. Когда эта степень насыщения будет достигнута, вернее, задолго до того, как она будет достигнута, появятся новые конкурирующие с ней пожелания иметь больше свободного времени, иметь более длинные и частые отпуска, больше возможностей путешествовать. И если каждая материальная потребность и каждое желание всех членов общества будут обеспечены, то в конце концов средство против перепроизводства всегда будет

налицо в форме сокращения рабочего дня для всего населения в результате широкого и повсеместного применения машин, освобождающих от надоедливой работы, сокращения его с восьми часов до семи, до четырех или даже до двух¹. Одним словом это странное опасение перепроизводства опровергается тем, что сам план в соответствии с общественным спросом на товары и услуги регулирует число часов в день, в течение которых с каждого трудоспособного взрослого члена общества будет спрашиваться работа на производстве.

Закон убывающего плодородия

Существует еще более удобный способ «доказательства», что даже при плановом хозяйстве неминуемо возрождение безработицы в СССР. Годичное увеличение населения вместе с излишками рабочей силы, получаемыми от увеличения механизации и рационализации, можно, конечно, занять, обрабатывая больше земли, интенсифицируя обработку земли или пуская в ход все больше промышленных предприятий. Но, говорят нам, тут начинает действовать закон убывающего плодородия. Добавочные рабочие, переходя на худшие земли, на худшие работы, не дают прибыли, достаточной для того, чтобы заинтересовать какого-нибудь предпринимателя, и следовательно, рассуждает экономист, производят недостаточно, чтобы прокормить самих рабочих. То же и в промышленности, где производятся товары, на которые в насыщенном ими обществе имеется такой слабый спрос, что их нельзя продавать по цене достаточной даже для того, чтобы окупить один хлеб для рабочих.

Коммунист посмеется в ответ над заблуждением, будто есть нечто такое, как закон убывающего плодородия. Нужно только хорошо знать возможности улучшения процесса производства, будь то в земледелии или в промышленности, и тогда любое число лиц сможет выпускать любое количество товаров, нужных потребителям. Однако даже если бы такое утверждение было преувеличено, то наши наличные знания во всяком случае дают нам возможность во много раз увеличить количество производимых в настоящее время в сельском хозяйстве пищевых продуктов, а промышленности—в такой же степени увеличить выпуск одежды и всех других товаров. Коммунисту предста-

¹ И действительно, теми, кто подготовляет план, имеется в виду дальнейшее уменьшение рабочего дня: «Советское правительство,—говорят нам,—предвидит время, когда перепроизводство потребует постепенно сокращения рабочего времени общества. Еще много лет пройдет до наступления этого момента в СССР, вследствие громаднейшей нехватки в производстве товаров, которая теперь должна восполняться» (Аллан Монкгауз, Москва 1911—1933, 1934, стр. 262).

вляется, что нужно только научное планирование, чтобы показать наиболее скептически настроенному практику, что «закон убывающего плодородия» при свете технических знаний XX в. не более как экономический миф. Мир живет фактически под действием закона повышающегося плодородия. Действие этого закона будет продолжаться вплоть до времени, слишком от нас отдаленного, чтобы его следовало принимать во внимание при планировании в XX в.

«Но планирование означает рабство»

Есть, однако, еще одно возражение против экономического планирования, которым заканчивается почти всякое обсуждение этой темы. Допуская, что планирование возможно и что искусно составленный план может учесть все могущие случиться обстоятельства, нам заявляют с триумфом, что результат может быть достигнут только обращением всего общества в рабство. Самой сущностью капитализма является, говорят нам, автоматическое регулирование производства конкуренцией на вольном рынке и обеспечение таким путем максимума возможного удовлетворения пожеланий потребителя. Это считается состоянием полной свободы. А планирование по самой своей природе, заявляют, включает не только обязательство каждого работать, но, поскольку нет свободного рынка, также и приказ каждому о том, что он должен делать, где он должен работать, и сколько часов в день он должен отдавать ненавистному труду, предписываемому вездесущей бюрократией¹.

Проанализируем степень ценности этого возражения. В какой мере верно то, что планирование общественного производства и распределения предполагает в теории или на практике СССР обязательность работы?

Трудно понять, как можно, будучи честным, утверждать, что в СССР генеральный план сам по себе возлагает по закону на какое-нибудь лицо какое-либо обязательство работать. Напротив, план предполагает нечто совершенно иное, а именно, обеспечивает возможность работы для каждого трудоспособного члена общества. Обязанность работать существует в СССР так же, как и в Соединенных штатах, в той степени, в какой она

¹ «Такая система потребует полной регламентации производителей. Как потребители они могут выбирать из всех имеющихся товаров. Но на выбор производимых товаров они смогут иметь относительно мало влияния. Они должны будут брать то, что будет решено производить. А что будет решено производить, укажет не регулируемое конкуренцией взаимодействие цен и себестоимости, а взаимодействие мнений различных технических экспертов и политиков, без всякого объективного критерия, на основании которого можно было бы рассмотреть многочисленные другие возможности» (*Лайонель Робинс*, Большая депрессия, 1934, стр. 155).

заложена в натуре человека. Человек должен есть, для того чтобы жить. В капиталистических странах сегодняшнего дня миллионы лиц лишены возможности «зарабатывать на жизнь», и в то же самое время благодаря политической охране частной собственности насильно лишаются возможности удовлетворять свои насущнейшие нужды. В СССР план предусматривает для каждого члена коллективной организации промышленности и земледелия место, где он может работать, получая за это установленную профсоюзами зарплату. Но несмотря на то, что пятилетний план обеспечивает необходимое число рабочих мест, могущих быть заполненными, ни план, ни какой-либо другой закон в СССР не указывает Ивану или Николаю, какое именно из этих мест он должен занять. В гораздо большей мере, чем в Великобритании или в Соединенных штатах, он может сам выбирать себе работу в соответствии со своими способностями. На территории всей страны многие тысячи заведующих самыми различными видами предприятий ищут добавочных рабочих даже без специальной квалификации или знаний, для того чтобы полностью загрузить свои предприятия. Профсоюзы, а также вербовочные организации заводов укажут Ивану или Николаю, где он имеет возможность найти работу и даже помогут ему проехать на место работы. Само предприятие часто рассылает специальных вербовщиков в отдаленнейшие деревни, предоставляя перевозочные средства и снабжение в пути (включая и иждивенцев) любому лицу, которое наймется на работу по обычным ставкам. Но нет закона, заставляющего кого-либо (кроме осужденных за преступления) принимать ту или иную работу даже после того, как он исчерпал все свои сбережения или свое наследство, если он предпочитает жить на средства родственников, идти на риск быть пойманным в краже или просто умереть с голода.

Есть заметные исключения из этого общего правила, но они не влияют на наши выводы. Так, каждый член или кандидат коммунистической партии и каждый член коммунистического союза молодежи (комсомол) свободно обязуется, на основании условий вступления в эти организации и пребывания в них, брать всякую работу или выполнять всякую обязанность, которую возложат на него его партийные руководители. Это обязательство часто приводит к самому преданному, временами даже героическому самопожертвованию для общего дела. Никто, однако, не обязан вступать в эти организации, нет такого обязательства и в пятилетнем плане. Суды часто присуждают преступников за определенные преступления к заключению, но приговоры часто облакаются при этом в человеколюбивую форму: осужденный обязан в течение определенного времени (обычно не превышающего шести месяцев) продолжать свою

обычную работу в определенном учреждении с ежемесячными отчислениями от его заработка. Если он осужден на срок от шести месяцев до трех лет, его могут направить на исправление в Болшево или в другое исправительное заведение. В более серьезных случаях он может быть приговорен к изоляции и направлен на работу по постройке каналов или дорог, но все это не имеет никакого отношения к генеральному плану. Не связано также с планом предоставление по закону всем жителям сельских местностей, вместо уплаты дорожного налога, возможности проработать определенное число дней на исправлении местных дорог (как это было в Англии до 1835 г. и как это до сих пор имеет место во Франции, в некоторых частях Соединенных штатов и в разных других странах). Возможны случаи введения трудовой повинности для всего населения при исключительных обстоятельствах, когда, как например при пожаре или наводнении, необходимо заниматься спасением человеческих жизней¹. Даже насильственное выселение кулаков и других саботажников, мешавших в 1931—1932 гг. организации колхозов и своевременному засеву и уборке хлеба, из их усадеб в другие районы, что обычно составляло для них переход на менее приятные формы заработка,—какой бы жестокой и произвольной эта мера ни казалась англичанину—не диктовалось и не предусматривалось пятилетним планом. Короче говоря, если только не считать рабством работу за плату по выполнению принятых на себя свободных обязательств на условиях, устанавливаемых профсоюзами и коллективными договорами, то в плановом хозяйстве нет и намека на рабство. Правительство СССР, действительно, не нуждается в принуждении для обеспечения работниками фабрик, совхозов или даже своих лесоразработок. Оно находит совершенно достаточным, как мы покажем в следующей главе², придание большей привлекательности тем работам, на которых в данной местности ощущается недостаток в рабочей силе. Очевидным средством является предоставление добавочно действительных возможностей обучения таким работам молодежи обоего пола. Еще более простым способом является повышение ставок на тех работах, где ощущается временный недостаток в рабочей силе. Так, в 1932 г.

¹ Так, указывают, что «русский закон... предусматривает право полной промышленной мобилизации, требующей, чтобы при народных бедствиях каждый мужчина в возрасте от 18 до 45 лет и женщина до 40 лет должны принять участие в требующейся правительству работе, кроме женщин свыше семимесячной беременности, кормящих матерей и женщин с остающимися без присмотра малыми детьми» (*Алиса Виттроу Филд*, Охрана женщин и детей в Советской России, стр. 225; Кодекс законов о труде РСФСР, ст. 11 и 13; *Барбара Вуутон*, По плану или без плана, 1934, стр. 79).

² См. т. II, гл. IX, «Вместо наживы».

при исключительно быстром развитии электроустановок почти везде ощущался недостаток в медниках. Вследствие этого было отдано распоряжение, чтобы из добровольно обращающейся за работой молодежи большее число отбиралось для обучения этому делу; с соответствующим профсоюзом была также согласована более высокая оплата медников по сравнению с другими рабочими. В результате этого больше молодежи соблазнилось и стало обучаться профессии медника и больше взрослых слесарей стали добровольно приобретать квалификацию медников на вечерних технических курсах. Другим примером оплаты соответственно «общественной полезности» было решение в 1933 г. о специальном увеличении зарплаты наряду с освобождением от некоторых налогов для рабочих, работающих на Дальнем Востоке и в Сибири; мера, в настоящее время применяемая к районам на границе Монголии, для того чтобы удерживать население в этих районах (и способствовать приливу туда свежего населения), что помогло бы защищать эти районы в случае нападения Японии. В заключение, пожалуй, не будет недобросовестным предположить, что настоящей причиной приведенного возражения против планирования является не мнение, что план обрекает пролетариат на ту или иную форму работы за зарплату, а что план построен на мысли, позаимствованной Лениным у отцов церкви, а именно, что «тот, кто не работает, да не ест», даже, если он законно обладает собственностью! Это, однако, является уже возражением не против хозяйственного планирования, а против всей конституции СССР.

Контроль со стороны потребителей вместо контроля со стороны производителей

Остается еще остановиться на одном организационном принципе, который считается основным для успешной работы планового хозяйства. Чтобы план был успешным, он должен быть составлен и должен выполняться для пользы и в соответствии с пожеланиями не одной какой-либо части населения, даже такой большой части, как все предприниматели в промышленности и даже все члены профсоюзов промышленности, или даже все работники физического труда и все производители в целом, а для всего общества. Точно так же, как планирование со стороны работодателей должно окончиться неудачей и как не может удасться планирование одними финансистами или даже всем классом капиталистов, не может быть удачным и планирование только теми, или только для тех, кто работает в одной определенной профессии или даже во всех профессиях вместе взятых; это показал эпизод с рабочим контролем, описанный нами в главе VII, когда рабочим комитетам не удалось руководить заводами

в Петрограде в 1917—1918 гг. Планирование в интересах производителя, осуществляемое самим производителем, всегда выражается в сокращении или каком-либо другом манипулировании с выпуском продукции, которое приводит к более высоким ценам. Мы считаем проявлением ленинского гения то, что он создал Высший совет народного хозяйства в 1918 г. и указал Государственной плановой комиссии и Совету труда и обороны, что нет иного выхода для обеспечения планирования в интересах всего общества, кроме передачи контроля *представителям организаций потребителей, а не представителям какой-либо организации производителей*. Только таким путем можно обеспечить постоянное увеличение размеров продукции и производство действительно для «потребления», а не для «прибыли», независимо от того, получает ли эти прибыли капиталист-хозяин или пролетарий-мастеровой.

Контроль граждан там, где не действует контроль потребителей

Нетрудно было увидеть, что кооперативные общества потребителей, членство в которых становится почти всеобщим, являются вполне подходящими органами для руководства через свои выборные и ответственные перед всеми членами комитеты как оптовым, так и розничным распределением пищевых продуктов и предметов широкого потребления, а в некоторых случаях даже для руководства производством таких товаров. Но эта форма потребительской организации неприменима ко всему, что потребляется или используется. Нет возможности организовать миллионы неизвестных лиц, которые в конечном счете косвенно используют продукцию гигантских заводов, строящих турбины или производящих шарикоподшипники, грузовики или тракторы. Одинаково невозможно организовать «потребителей» железных дорог, волжских пароходов или услуг почты, телеграфа и телефона. Нельзя также сказать, чтобы интересы рабочих, занятых в этих отраслях, были тождественны с интересами их потребителей. Потребителем является в данном случае все гражданское население. В этих случаях, как и в сотне других, верховное руководство и управление могут осуществляться только самим правительством, будь то центральная власть или местная, с помощью совещательных или консультативных комитетов различных категорий рабочих, занятых в производстве, и предпочтительно также с помощью (в виде критики и предложений) специально назначенных представителей определенных групп потребителей различных продуктов.

Есть еще одна причина, почему планирование производства, так же как его руководство им, не может быть повсеместно

передано самим производителям по заводам или профсоюзам, или самим потребителям, будь то потребкооперация или комитеты специально квалифицированных потребителей различных услуг. Все эти организации и их члены по необходимости заинтересованы главным образом в *своих собственных нуждах и желаниях*. Они поглощены требованиями сегодняшнего дня. Им нельзя доверить беспристрастного планирования будущего. Они не могут сопоставить сравнительную важность более полного снабжения в настоящее время с правильным обеспечением будущих поколений. Лишь общество как таковое живет вечно. Правоверный коммунист, стремящийся к построению бесклассового общества в отдаленном будущем, утверждает, что государство со временем «отомрет». По что бы ни случилось с государством как с органом принуждения, государство в двойной роли заботливой матери-хозяйки, неотделимой от роли знающего и опытного статистика, очевидно останется навсегда, и мы опасаемся, что по мере того, как цивилизация будет становиться сложнее, роль его будет делаться все больше и больше.

Центральная плановая власть одна в состоянии точно учесть нужды будущего и соответствующим образом обеспечить, даже за счет нынешнего поколения, как производителям, так и потребителям будущих поколений условия непрерывного продолжения их общего благосостояния; точно так же, как только Центральный комитет в Кремле в состоянии правильно оценивать потребности государственной обороны против внешней агрессии и изыскивать соответствующие меры для предотвращения этой опасности, грозящей всему существованию общества. Поэтому, по нашему мнению, было вполне правильно передать подбор состава Государственной плановой комиссии СССР в руки Совнаркома СССР и сделать ее ответственной перед Центральным исполнительным комитетом (ЦИК), представляющим Всесоюзный Съезд советов, а не передавать ее в руки Всесоюзного центрального совета профсоюзов или Центросоюза. Только общество в целом, заботящееся о будущих поколениях, так же как и о настоящем, а не какая-нибудь теперешняя часть общества может устанавливать генеральный план.

Предполагаемое «принуждение потребителя»

Мы можем теперь перейти к общему почти для всех школ экономистов западного мира возражению против самой идеи планового хозяйства. Почти все они возражают против него не только потому, что считают невозможным составление генерального плана, который разумно справлялся бы со всей сложностью и всеми неожиданностями производства и потребления в многочисленном обществе, и, вернее, не только потому, что

они считают невозможным осуществление его по крайней мере с такой же мудростью, с какой это делают теперешние группы капиталистических предпринимателей. Они возражают против плана потому, что убеждены, что даже наилучшим образом составленный генеральный план по необходимости заключает в себе принуждение потребителей. При капиталистическом производстве на свободный рынок, говорят нам, потребитель может получить все, что ему нравится. Капиталисты всего мира в своей погоне за прибылью будут конкурировать друг с другом в борьбе за удовлетворение капризов или причуд потребителей и, таким образом, будут удовлетворять всякий спрос, выдвигаемый изменчивыми вкусами и модой. В любом же рассчитанном плановом хозяйстве потребитель, якобы, должен будет принимать все, что правительство сочтет нужным производить, и никакое правительство, заявляют они, не пойдет на неудобства и расходы, связанные с удовлетворением такого калейдоскопа причуд.

Мы считаем, что это оптимистическое представление о капиталистах, ищущих только прибыли, как о дальновидных агентах потребителя, полностью удовлетворяющих через механизм вольного рынка все пожелания всех потребителей, при проверке на деле улетучивается и должно быть отброшено как еще один экономический миф. Даже если допустить, что капиталист-предприниматель действует на деле как агент предполагаемых покупателей его товаров, это не означает, что желания потребителей таким путем удовлетворяются. Предприниматель в погоне за прибылью не стремится даже к удовлетворению потребностей всего общества. *Он заинтересован только в желаниях той части общества, которая будет обладать достаточной покупательной способностью для оплаты цен его продуктов. Желания всей остальной части общества игнорируются.* В этом так называемом «постоянном референдуме» те, у кого нет покупательной способности, не голосуют. В настоящее время в любой стране развитого капитализма по крайней мере половина меновой стоимости—можно даже сказать три четверти ее—всех товаров и услуг на рынке предназначены для продажи меньшинству общества, составляющему менее одной четверти всего общества, но получающему две трети или три четверти национального дохода¹. Это счастливое меньшинство действительно свободно в удовлетворении каждого каприза и причуды—в пределах своего богатства. Эти покупатели, можно сказать, имеют

¹ Обычно даже экономисты не всегда помнят, что в Великобритании, как и в других странах развитого капитализма, рабочие физического труда вместе со своими семьями составляют две трети всего населения, а что общий доход этих двух третей населения нигде не превышает одной трети всего национального дохода (см. статистические источники, приведенные в издании Фабианского общества № 6, «Факты для социалистов»).

у себя на службе всех ищущих прибыли предпринимателей и организаторов промышленности всего цивилизованного мира. С этой точки зрения экономисты останавливают свое исключительное внимание на вольном рынке. Об *этих* потребителях думает экономист. Это счастливое меньшинство несомненно, нашло бы свою свободу выбора ограниченной при плановом хозяйстве типа СССР, но ограниченной не столько процессом планирования, сколько его целями.

Но вольный рынок капиталистического общества, к несчастью, имеет и оборотную сторону. Это—постоянная и, как считают, необходимая принадлежность капиталистического общества, состоящая в том, что наряду с незначительным меньшинством богатых существует громадное большинство бедных. И из числа последних значительная часть в любой момент не имеет никакой покупательной способности. Еще более значительная часть имеет только такую покупательную способность, какой хватает лишь на физическое существование на самом низком уровне жизни. Это вызывается не только безработицей в периоды кризисов. В Англии в начале настоящего столетия один государственный деятель, в скором времени ставший премьер-министром, заявил, что одна треть всего населения страны постоянно находится «на границе голодной смерти». Про эту значительную часть общества при развитом капитализме нельзя сказать, чтобы она в какой-нибудь осязательной степени испытывала свободу выбора на прославленном вольном рынке. Не для этих людей производится все удивительное разнообразие пищевых продуктов, одежды, комфортабельных домов, мебели и предметов для игр, книг и произведений искусства, не для них существуют путешествия. Возможность выбора для жены рабочего крайне ограничена, ведь из недельного дохода в один-два фунта стерлингов (за вычетом квартплаты) она должна приготовить сто блюд в неделю (считая на 5 человек по три раза в день), одеть всю семью и уделить несколько пенсов на социальное страхование, на трамвайные расходы и, возможно, на какую-нибудь малость развлечений. Русский, приезжающий в Англию, при посещении рынков обращает внимание на удивительное разнообразие количества и качества пищевых продуктов, одежды, игрушек, мебели, домашних вещей и всевозможных соблазнов для покупателей. Вот, наверно, где царит, наибольшая свобода

¹ Заявление, сделанное сэром Генри Кемпбел-Баннерманом, было подтверждено подробнейшими изысканиями, опубликованными в труде *Чарльза Бут*, Жизнь и труд народа (17 томов, 1892—1900 гг.); такое же обследование было произведено в 1929—1933 гг. под руководством сэра Гюберта Ллевелин-Смита Лондонской школой экономических наук и опубликовано под заглавием «Новое обозрение жизни и труда Лондона» (9 томов, 1931—1934 гг.).

выбора для потребителя! Но даже ученому экономисту немного требуется поразмыслить, чтобы понять, что громадное большинство товаров, выставленных на рынке или в магазинах на лондонских улицах (которые, как высчитано, выставляют на продажу более двух миллионов предметов, отличающихся друг от друга по роду, материалу, форме, цвету и размерам)¹, *так же недоступно на деле двум третям населения Англии, как если бы этому большинству населения было по закону запрещено покупать их.* В Советском Союзе по второму пятилетнему плану все еще предполагается производить на душу населения меньше товаров, чем в Англии, и притом производить в значительно меньшем разнообразии. Однако план обеспечивает фактически для каждой семьи в СССР круглый год покупательную способность помимо значительной прибавки в виде социализированного заработка. Вот почему в действительности жители СССР распоряжаются товарами как в количественном, так и в качественном отношении совсем не в той ограниченной степени, как два миллиона безработных Великобритании, а, пожалуй, и не в такой ограниченной степени, как миллионы английских сельскохозяйственных рабочих и чернорабочих, зарабатывающих не более двух фунтов стерлингов в неделю в продолжение той части года, когда им посчастливится получить постоянную работу. Нам кажется, что нет помех к тому, чтобы при увеличении производства в Советском Союзе даже чернорабочий, при постоянно расширяющемся по генеральному плану разнообразию товаров и услуг, пользовался, по меньшей мере, такой широкой свободой выбора, какую имеет средний рабочий в производящей столько же капиталистической стране.

Большая свобода выбора

В действительности в структуре промышленности и земледелия СССР есть такие яркие стороны, которые побуждают нас предсказать, что в СССР могут быть предоставлены даже большие возможности в отношении свободы выбора предметов потребления, чем в условиях современной капиталистической анархии. В наши дни скученной жизни в городах и массового производства лицам с особыми вкусами, если только они не имеют достаточно времени и исключительных возможностей, нелегко получать все те исключительные услуги, которые им требуются. Мы уже не раз указывали на замечательный принятый Советами принцип многообразия в их экономической и политической структуре. Наряду с гигантскими предприятиями

¹ Один из двух десятков лондонских универмагов (Сельфридж) считал на основе выборочной статистики, что в 1934 г. в магазине имелось по меньшей мере миллион различных видов товара.

и стандартизированной промышленностью промышленных трестов, комбинатов, сельскохозяйственных совхозов и колхозов, работающих под руководством народных комиссаров и Центрального исполнительного комитета, работает постоянно растущая армия кустарных артелей и промысловых кооперативов, описанных нами выше¹. Эти независимые группы собственников-производителей, в отличие от профсоюзов и потребительской кооперации, не закрыты для «лишенцев», многие из которых зарабатывают там средства к существованию. На них распространяется минимум государственного руководства и контроля. Они фактически свободны производить для домашнего потребления любые товары, которые они считают нужными, и оказывать любые услуги в смысле починки, окраски и украшений по своему выбору. Рисунок, форма и стиль, цвет, материалы и даже работа—все находится в их распоряжении. Эти независимые группы представителей ручного труда, все время увеличивающиеся численно, дополняют своим специализированным индивидуальным производством то массовое производство, без которого при капитализме, так же как и при социализме, невозможно обойтись для товаров, требующихся в колоссальных количествах².

Дальнейшее расширение выбора для потребителей все более и более обеспечивается применением принципа «самоснабжения». Чтобы облегчить для центральных организаций заботу об удовлетворении спроса со стороны такого громадного населения, как 170 миллионов человек, все заводы и другие промышленные предприятия и общественные учреждения побуждаются в последнее время, как мы уже описывали, заняться собственным производством пищевых продуктов и наиболее ходовых предметов широкого потребления по своему выбору через заводские отделы рабочего снабжения, занявшие место закрытых кооперативов, к которым принадлежали их работники. Таким путем группы производителей поощряют к принятию на себя функции управления, но управления не тем предприятием, на котором они заняты. Они организуются для производства того, что они сами будут потреблять. Таким путем в СССР появились тысячи огородов, садов, свиноводческих, птицеводческих и мо-

¹ См. том I, гл. III («Человек как производитель»), отдел II («Ассоциации собственников-производителей»).

² Такая альтернатива кажется немыслимой индивидуалистическому экономисту. «Должна быть налицо свобода выбора, либо регламентация потребления, либо свобода использования наиболее экономичного с точки зрения прибылей и убытков метода, либо государственная регламентация методов производства. Каждое из этих положений исключает другое. Иметь и планирование, и свободу, и регулирование, и полную гибкость организации и техники—невозможно» (*Т. Э. Грегори*, Золото, безработица и капитализм, 1933, стр. 282). Эту «невозможность» можно наблюдать в широких размерах в СССР при втором пятилетнем плане!

лочных, в которых все эти отдельные группы поощряются производить, независимо от всякого правительственного руководства, все, чего захотят их члены. В добавление к этому быстро растущему коллективному производству отдельными группами производителей (заводских рабочих) и потребителей (кооперативное самоснабжение) в настоящее время проявляется в гигантском масштабе другая форма «самоснабжения», а именно самоснабжение, осуществляемое самим рабочим в свободное время. В густо населенных промышленных районах Донбасса, да и не только там, шахтеры и заводские рабочие снабжаются свободными от арендной платы и налога «участками», как их называют в Великобритании, т. е. клочками земли, на которых сотни тысяч из них уже возвращают овощи, которые им нравятся, получая инструменты и семена на льготных условиях кредита.

Применение этого принципа самоснабжения в целях увеличения действительного удовлетворения потребностей весьма разнообразно. Члена колхоза не только поощряют вывозить на вольный рынок в любое время и куда он захочет предметы его домашнего производства: яйца и кур, свиней и молочные продукты, но начиная с 1933 г. ему предоставлено право свободно продавать свою часть из общего урожая колхоза, как только выполнена сдача в его районе того количества, которое должно быть сдано в виде государственного налога, в виде уплаты за тракторы и т. д. Но еще более полезное расширение выбора для потребителя можно усмотреть в часто заключаемых теперь договорах, по которым земледельческие или рыболовные колхозы свободно обязуются поставлять по ценам, устанавливаемым на рынке, где имеются и другие покупатели, часть или всю свою продукцию пшеницы или муки, молочных продуктов или свинины или дневного улова рыбы в магазин какого-нибудь определенного завода или в столовую городского учреждения или школы. Такими путями потребители СССР убеждаются, что массовое производство национализированной индустрии, являясь полезным для удовлетворения обычных нужд, не составляет единственного источника, из которого они могут покрывать свои особые требования и удовлетворять свои исключительные вкусы.

Можно видеть, что хотя плановое производство для общественного потребления в значительной степени подчиняет экономические отношения коллективному контролю, оно все же предоставляет личным вкусам—и не только в виде исключения, а все более и более регулярно, как использование той покупательной способности, которой обеспечивается каждый рабочий, так и выбор занятия, которым он может зарабатывать свой доход. Хотя «механизм цен» уж больше не определяет производства товаров,

он все же остается в качестве полезного инструмента, с помощью которого население, как производители так и потребители, может направить свою жизнь¹. При значительной коллективизации производства и распределения, когда все исключительные события в семейной жизни покрываются за счет социального обеспечения, доход, получаемый в виде жалованья или заработной платы, так называемый «личный заработок», имеет совершенно иное значение, чем подобная экономическая категория при капитализме. В следующей главе мы описываем, как эта разница влияет на личные мотивы и индивидуальное поведение, с одной стороны, на человеческую инициативу и на механическое производство—с другой.

¹ «Окончательный вывод... состоит в том, что, с одной стороны, советское плановое хозяйство сделало механизм цен совершенно бесполезным во многих отраслях и частью совсем избавилось от него в других, но, с другой стороны, оно, видимо, сохранило этот механизм как средство для осуществления некоторой части решений, которые приходится осуществлять при всех экономических системах; в частности как средство для регулирования действий населения в отличие от распоряжения вещами (которые могут быть национализированы, и, таким образом, пущены в обращение прямым распоряжением правительства), в его отношениях с рабочими, и с еще ненационализированным сельскохозяйственным производством. Этот механизм применяется по-разному, так что даже там, где план, видимо, следует его тенденциям, полученные результаты могут быть отличны от тех, которые получились бы при непланируемом хозяйстве (Барбара Вуотон, По плану или без плана, 1934, стр. 101).

ГЛАВА IX

В М Е С Т О Н А Ж И В Ы

Ликвидация помещиков и капиталистов, вместе с заменой частной собственности коллективной собственностью и неорганизованного производства планированным производством, потребовала по линии организации промышленности больше чем структурных изменений. Все это влекло за собой исчезновение мощного побудительного мотива к наживе, этого видения «богатства, о котором не мечтала человеческая жадность», богатства, являвшегося привилегией меньшинства, которое при капиталистической системе распоряжалось капиталом, землей и наймом рабочей силы. Необходимо было найти какую-нибудь действенную замену этому побудительному мотиву к наживе. Ни теоретики-марксисты, ни представители других социалистических учений не отнеслись с должным вниманием к этой необходимости. В этой главе мы коснемся того, каким образом советский коммунизм взялся за разрешение этой проблемы¹.

¹ В составлении этой главы большую помощь нам оказала (и даже снабдила нас заголовком) осведомленная книга, основанная на серьезном анализе советских условий, *Гарри Ф. Уорд*, Вместо прибыли (1933). В двух талантливых брошюрах, написанных русскими профсоюзными деятелями: *Л. Кауфман*, Почему нужна сдельщина в СССР и *А. Алуф*, Развитие социалистических методов и форм труда, Москва 1933 (на англ. языке), для тысяч иностранных рабочих, работающих в настоящее время в Советском Союзе, излагается точка зрения коммунистов. Много данных также можно найти в отчете (на англ. языке) IX съезда профсоюзов, Москва 1932. См. также книги: «Профсоюзное движение в Советской России» (Международное бюро труда, 1927) и *Джозеф Фримен*, Советский рабочий, 1932). В книге *Лили Кербер*, Революционные будни женщины, Берлин 1932, переведенной на англ. язык под названием «Жизнь на советской фабрике», Лондон 1933, работница, работавшая на Путиловском заводе, прекрасно описывает советскую действительность.

Грандиозность задачи

Необходимо припомнить те условия, при которых большевики начали свою реконструкцию. Народ, с которым они имели дело, был истощен продолжительной войной, стоившей миллионов человеческих жизней и лишившей его территорий, на которых находились многие заводы, значительная часть железнодорожной сети и большинство немногих полезных портов. Разбитая и деморализованная армия в беспорядке потекла в деревни. Затем произошло вооруженное восстание против правительства *de facto*, восстание, сопровождавшееся незаконным вторжением в Россию полудюжины иностранных держав, раздувших разрушительнейшую гражданскую войну, во время которой была уничтожена значительная часть оставшихся железных дорог. Были разрушены тысячи мостов, приведены в негодность угольные шахты и нефтяные промыслы, и во многих районах замерли промышленность и сельское хозяйство.

За этим, главным образом из-за опустошений, произведенных во время годов ожесточенной войны, в России последовал голод, который был одним из самых худших и самых сильных, какие знала Россия. В 1921 г. считалось, что на одной шестой земного шара промышленное производство сократилось по сравнению с довоенным периодом на четыре пятых, а сельское хозяйство наполовину. Брюшной и сыпной тиф вместе с сифилисом и с голодной смертью создали ужасающе высокий процент смертности и еще более губительно для общества отразились на физическом и моральном состоянии оставшихся в живых. Достигнуть вновь даже низкого уровня достатка было делом нелегким. Крестьянство не производило достаточно продуктов, чтобы прокормить население городов. Сами же большевики, крошечное меньшинство среди населения, не обладали никаким опытом в деле гражданской администрации, организации сельского хозяйства и в управлении промышленностью. В промышленности самым большим затруднением была не только резкая нехватка квалифицированных рабочих, и даже рабочих, сколько-нибудь компетентных в работе на заводе вообще, не говоря уже о работе по массовому производству, по машиностроению или электрификации. Почти все государственные чиновники и банковские служащие вместе с большим числом директоров, специалистов и мастеров на заводах и шахтах покинули свои посты и либо присоединились к различным белым армиям, либо скрылись за границу. Ленин и его соратники очутились перед холодными и голодными городами без городского самоуправления среди населения, в своем подавляющем большинстве тяготеющего к земле, среди крестьянства многих национально-

стей, говорящих на разных языках. Некоторые крестьяне были просто дикарями, в большинстве же крестьянство было совершенно неграмотным; оно было проникнуто суевериями и деморализовано жадностью, ненавистью и всеми ужасами жакерии, неслыханной по своим размерам и жестокости.

Но большевики не выказали растерянности. У них был ряд преимуществ, которыми не всегда обладали удачливые революционеры. Большевистские вожди имели свое мировоззрение, в которое они горячо верили. Они выработали для себя кодекс служения обществу и личной незаинтересованности, и они имели, как мы покажем в одной из последующих глав, то, чем ни одно правительство не обладало раньше, именно, беззаветную веру в науку и в ее неуклонное применение ко всем стоящим перед обществом проблемам. Больше того, почти все представители правящего класса покинули свои посты, оставив перед большевистскими вождями поле действия свободным. Невежественность масс, с которыми пришлось иметь дело коммунистической партии, их неграмотность, различие национальностей и языка при отсутствии сколько-нибудь однородного «комплекса старых обычаев» и тот факт, что то, что должно было быть слеплено, представляло собой умственную нетронутую и почти бесформенную массу—глину в руках ваятеля, превращало внедрение нового мировоззрения с одного конца обширной территории до другой в дело сравнительно легкое. В прошлом, хотя мы об этом обычно забываем, наблюдались массовые добровольные переходы к новым религиям, как например, к средневековому христианству. В России после 1917 г. также произошли значительные массовые переходы к верованиям Ленина. Укоренить в сознании этих миллионов новый кодекс поведения и даже изменить их образ жизни было, естественно, более трудной и потребовавшей более долгого времени задачей, чем склонить их к ликвидации помещика и капиталиста и к коллективному владению орудиями производства. Каким образом коммунистической партии удалось радикально изменить движущую силу промышленности, а также в значительной мере и сельского хозяйства, при помощи каких способов коммунисты заставили работать социальную машину без приманки наживы для помещика и капиталиста, от которых в других странах зависит почти вся промышленность и сельское хозяйство,—это, несомненно, заслуживает серьезного внимания со стороны экономистов и государственных деятелей.

Для начала мы можем ответить, что, какую бы мощную притягательную силу ни представлял из себя побудительный мотив к наживе, руководители капиталистической промышленности редко пользовались им, чтобы стимулировать старание широких масс получающих зарплату работников. В самом деле,

одной из характерных черт исторической эволюции капитализма является то, что капитализм постепенно лишает возможности обогащаться все большие группы людей, занятых в процессе производства, причем каждый из независимых ремесленников и мелких хозяев один за другим превращаются в обычных наемных рабочих в «крупной промышленности». Следовательно, необходимо различить систему личного обогащения, с которой советский коммунизм почти покончил, от других форм личной заинтересованности, которые достались на долю индустриальных рабочих масс в России. Восстановление коммунистами мотива производства ценностей среди этой массы рабочих и служащих включало, во-первых, переделку старого стимула к денежной заинтересованности с таким расчетом, чтобы эта заинтересованность гармонировала с благосостоянием всего общества в целом; во-вторых, выработку и применение дополнительных стимулов путем введения среди массы рабочих и крестьян доселе неиспробованных методов, целью которых являлось увеличение производительности труда. Отдельные лица или группы лиц выражают, например, желание состязаться с другими отдельными лицами или группами лиц в опытности и в выносливости с тем, чтобы показать свое превосходство. Это может быть названо спортивным инстинктом. Существует система общественного порицания или общественной благодарности. Еще выше по градации моральных достоинств расценивается стимул умственной любознательности и радость овладеть в совершенстве ремеслом; и наконец превыше всего расценивается готовность служить обществу, которая, независимо от того, отмечается ли она особо, выливается в незаметную, но большую работу и даже часто в героические поступки.

Излишне говорить, что такое разделение стимулов на две отдельные категории—старую и новую—искусственно и фигурирует лишь для чисто объяснительных целей. Подобное разделение не соответствует действительности. В повседневной жизни, как мы расскажем ниже, все эти отдельные стимулы как эгоистического, так и альтруистического характера неразрывно связаны в своем призыве к массам в правительственных декретах и административной политике СССР по отношению к массам.

Обновление старых побудительных стимулов

Эпизод с «рабочим контролем»¹ выявил перед Лениным и его соратниками безначалие, широко распространившуюся низкую производительность труда и неполадки в производстве,

¹ См. гл. VII «Ликвидация помещиков и капиталистов».

вызванные исчезновением стремящегося к наживе предпринимателя, который, будучи одним из руководителей производства промышленных богатств, стремился в целях наживы к систематическому повышению производительности труда. Один из характерных недостатков нерентабельных предприятий большевики называли «обезличкой»... Что такое «обезличка»?—спрашивает Сталин в своей исторической речи на совещании руководителей промышленности в июне 1931 г.

«Обезличка есть отсутствие всякой ответственности за порученную работу, отсутствие ответственности за механизмы, за станки, за инструменты. Понятно, что при обезличке не может быть и речи о сколько-нибудь серьезном подъеме производительности труда, об улучшении качества продукции, о бережном отношении к механизмам, станкам, инструментам»¹.

Отсутствие личной ответственности в меньшей мере, чем отсутствие знаний и опыта у рабочих, кочевавших с одного завода на другой, побудило Ленина в июне 1918 г. отменить «рабочий контроль» в промышленности, заменив эту форму управления управлением одним лицом, подчиняющимся распоряжениям, исходящим либо от государственных организаций и местных управлений соответствующего треста, либо от кооперативных организаций. Но единоначалие и ответственность того или иного лица перед государством, местным трестом или кооперативной организацией, хотя и отнимало у завода возможность выпускать ненужные товары, само по себе не увеличивало производительности труда и не предотвратило растраты сырья и безрассудной порчи дорогого оборудования. Для ликвидации всего этого потребовалось, чтобы не только директор или управляющий, но также каждый рабочий почувствовал себя ответственным за свою работу и старался во всякое время выполнить ее, доведя себестоимость до минимума.

«Раньше можно было,—продолжал Сталин,—еще кое-как «обходиться» той неправильной организацией труда, которая с удобством уживается с обезличкой и отсутствием ответственности каждого за данную конкретную работу. Теперь—другое дело. Теперь обстановка совершенно другая. При нынешних грандиозных масштабах производства и наличии гигантов—предприятий обезличка является таким бичом промышленности, который создает угрозу для всех наших производственных и организационных достижений на предприятиях»².

¹ Сталин, Новая обстановка—новые задачи, Москва 1931, стр. 10 на англ. языке (Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 454.—Ред.).

² Там же, стр. 10 (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 454.—Ред.).

Неравенство ставок зарплаты

Заметим, что среди малознающих людей и даже среди лиц, считающих себя хорошо осведомленными, распространен совершенно неверный взгляд, что коммунистическая партия и СССР начали строить социалистическое государство, положив в основу установление одинаковой заработной платы для всех работников как умственного, так и физического труда, исходя из того, что все равны по рождению и имеют бесспорное право на получение равной доли продуктов, товаров и услуг.

Подобной мысли никогда не было у марксистов. Наоборот, Карл Маркс и после него Ленин всегда отвергали концепцию абстрактного равенства между людьми, будь то новорожденные младенцы или взрослые, выросшие в тех или иных условиях. Отдельные коммунисты разрабатывали идеал распределения богатств общества среди его членов, их лозунг был всегда лозунгом неравенства. Это постоянно выражалось фразой: «от каждого по его способностям и каждому по его потребностям», что, конечно, диаметрально противоречит равенству между отдельными лицами в смысле одинакового вознаграждения или жертв.

Этот тезис был уточнен и развит Сталиным во время его выступления на XVII съезде коммунистической партии в январе 1934 г. «Эти люди («левацкие головотяпы», называет их в другом месте Сталин.—*Авт.*) очевидно думают, что социализм требует уравниловки, уравнивания, нивелировки, потребностей и личного быта членов общества. Нечего и говорить, что такое предположение не имеет ничего общего с марксизмом, ленинизмом. Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т. е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации после того, как капиталисты свергнуты и экспроприированы, б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества, в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду (*социалистическое общество*), г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (*коммунистическое общество*). При этом марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма»¹.

Вот идеалы, к которым стремился ортодоксальный марксизм. Но и сам Ленин был, прежде всего, человеком действия.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 583.—Ред.

Он отказался рассматривать общество, которое еще не родилось. Он должен был построить социалистическое государство из человеческого материала, представлявшего собою 160 млн. рабочих и крестьян, выученных веками политического и экономического угнетения хватать все, что плохо лежало, и трудиться так, как они трудились раньше для помещика и капиталиста. Более того, Ленин сознавал, что импульсы, заставляющие каждого обыкновенного смертного стремиться к комфорту и обеспеченности, а многих людей к улучшению их обычных жизненных условий, были импульсами, которые, будучи направлены в русло общественной пользы (с тем, чтобы они не могли быть удовлетворены без труда), могут быть полезными и побудительными стимулами и должны поощряться соответствующей компенсацией за оказанные услуги. Советский коммунизм мог проделать все это, не подвергая себя опасности создания новых социальных классов. В тех странах, где капитализм заменил феодализм плутократией, в частности в Англии и США, различные уровни дохода, особенно в тех случаях, когда они являются следствием разнящихся друг от друга частных состояний и наследств, неизбежно создают подчеркнуто различные социальные классы. С уничтожением частных доходов от капиталов вознаграждение за оказанные услуги может быть различным, не нарушая общих условий социального равенства, являющегося основой как социализма, так и коммунизма. Введение норм заработной платы в зависимости от выпущенной продукции, т. е. метод сдельщины в отличие от часовой или поденной оплаты, явилось поэтому определенно целесообразным шагом.

Расценка на сдельные работы

Среди признанных лидеров профсоюзного движения в капиталистических странах¹ нашлись такие, которые были пора-

¹ Об отрицательном отношении к сдельщине около половины английских тредюнионистов см. *С. и Б. Вебб*, *Индустриальная демократия*, 1898, стр. 286—304, 328—334. В книге указывается, что эти тредюнионы возражают не столько против сдельщины, сколько против индивидуальной сдельной работы в тех случаях, когда ее расценки не ограждены от снижения особыми твердыми сдельными расценками, выработанными в результате коллективных переговоров и касающимися всех рабочих, занятых на предусмотренной работе. Там, где коллективные расценки установлены с коллективного согласия и обязательны для всех предпринимателей и в отношении всех рабочих (например, среди прядильщиков и ткачей хлопчатобумажной промышленности), английские тредюнионы не только допускают, но и требуют этих расценок.

Там, где ни предприниматели, ни рабочие не смогли выработать расценок (как среди строительных рабочих), английские тредюнионы резко встают против индивидуальных и нетвердых сдельных расценок, предлагаемых предпринимателями. Другие тредюнионы, как например, ко-

жены тем, что их коллеги в СССР открыто высказываются в пользу сдельщины повсюду, где ее можно применить без ущерба для качества продукции и для здоровья рабочих.

«Основной системой оплаты труда у нас является прямая неограниченная сдельщина,—заявил Шверник, секретарь Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС) на IX съезде профсоюзов.—Сдельщина материально заинтересовывает каждого рабочего в поднятии производительности труда и в повышении своей квалификации.

Мы должны резко подчеркнуть, что сдельщина у нас коренным образом отличается от сдельщины в капиталистических странах. У них сдельщина—средство эксплуатации. У нас—при максимальной заботе государства об охране труда рабочих, при 7-часовом рабочем дне—сдельщина ускоряет темпы социалистического строительства, повышает производительность труда и обеспечивает улучшение материально-бытового положения рабочих... Для этого необходимо укрепить ТНБ и вовлечь в работу их ИТР и квалифицированных рабочих, имеющих практический опыт работы по технормированию».

Советские тредюнионисты в отличие от тредюнионистов, работающих в капиталистических условиях, также возражают против индивидуальной сдельщины вместо одинаковых расценок сдельщины для всех работающих в данной отрасли. «Только путем учитывания индивидуальной продукции каждого рабочего в бригаде будет обеспечен рост производительности труда всей бригады,—заявляет другой представитель профсоюзного движения.—Коллективная сдельщина без индивидуального учета внутри бригады возвращает нас к уравнительной заработной плате, от которой мы пытались отойти; это будет сдельщиной по форме, а не по существу...

Возьмем Рыковскую шахту, где вместо прежней обезличенной коллективной сдельщины была введена в июне и июле 1931 г. система «урочной» сдельщины. Теперь можно составить отдельный отчет о продукции каждого рабочего в каждой шахте. Вот каким образом ведется работа на Рыковской шахте. Перед каждой сменой десятник вымеряет определенное количество метров забоя для каждого забойщика. Тот, кто выполняет свой урок до окончания смены, получает дополнительное задание. Заработок исчисляется следующим образом: забой дал за смену столько-то вагонеток, что соответствует определенному количеству метров выработанной породы. Следовательно, каждый метр дает столько-то вагонеток. Затем рас-

сдельщики и рабочие обувной промышленности или ремонтные рабочие, охотно допускают как сдельные расценки, там, где они установлены с общего согласия, так и повременную оплату за работу, не включенную как ремонтная работа в списки сдельщины.

считывается, сколько метров приходилось на каждого забойщика, это количество переводится на количество вагонеток и т. д.»¹.

Это резкое расхождение во взглядах между многими тред-юнионами, сталкивающимися с капиталистическим предпринимателем с одной стороны и между профсоюзами в СССР—с другой, легко понять. «В условиях социалистического хозяйства,—объясняет Кауфман,—рабочий класс решает через *посредство своих плановых органов*², какая часть продуктов, созданных трудом рабочих, должна быть выдана им в форме индивидуальной денежной заработной платы, какую часть израсходовать на общественные, материальные и культурные нужды, как например, жилищное строительство, здравоохранение, народное образование и т. д., и какая часть должна быть предназначена на развитие социалистического хозяйства, строительство новых фабрик и заводов, шахт, электростанций, совхозов и т. п. Таким образом, и та *часть заработной платы*, которая не вручается непосредственно отдельным рабочим, расходуется на поднятие жизненного уровня рабочего класса и развитие социалистического хозяйства, обеспечивающее дальнейший рост материального благосостояния и повышение культурного уровня рабочих»³.

Другими словами, в советской промышленности нет «враждебной стороны», против которой рабочие должны бороться. В этом-то и состоит основное различие между капиталистическим и коммунистическим производством. Там, где погоня за наживой является признанной целью промышленных предприятий, существует постоянная угроза, что предприниматель вос-

¹ «IX Всесоюзный съезд профсоюзов», 1932, стр. 57—61—на англ. языке (IX съезд профсоюзов, стенографический отчет, стр. 89—90.—Ред.).

² Л. Кауфман, Почему нужна сдельщина в СССР, Москва 1932, (Кооперативное изд-во иностранных рабочих в СССР, стр. 19—21).

³ Об участии советских профсоюзов в определении точных ставок, точно так же как объема и условий производства, см. т. I, гл. III «Человек как производитель», в разделе о «Советском профессиональном движении» и т. II, гл. VIII.

⁴ Л. Кауфман, Почему нужна сдельщина в СССР, Москва 1932, стр. 6. Это заявление обобщено американским наблюдателем следующим образом: «Зарплата представляет ту долю общей продукции, которая платится рабочему для удовлетворения его личных нужд; зарплата это только один из путей, при помощи которого он получает свою долю предметов, необходимых для личного потребления, но при этом рабочий имеет некоторую возможность выбрать себе то, что он хочет купить. Таким образом, ставки, которые стимулируют его производительность труда, представляют собой призыв к нему как к индивидуальному лицу. Общие улучшения материальных и культурных условий касаются и заинтересовывают его как представителя класса, объединенного общими интересами» (Гарри Ф. Уорд, Вместо прибыли, 1933, стр. 31).

пользуется повышенной производительностью рабочего, чтобы снизить расценки, заставив, таким образом, рабочего вырабатывать большее количество продукции за прежнюю оплату. Там, где стремление к наживе устранено, всякая возможность опасности снижения расценок для увеличения прибыли для владельца исключена. Или, другими словами, если единственная цель каждого предприятия заключается в неуклонном увеличении выпуска продукции для того, чтобы удовлетворить автоматически расширяющийся спрос на соответствующие товары, то администрация ничего не имеет против увеличившегося в результате более интенсивных темпов сдельщины заработка рабочих. Все заинтересованы в том, чтобы рабочие ускорили темпы работ, увеличили экономию в материале и запасных частях, снизили количество брака и, наконец, максимально использовали механические процессы; все должно происходить при соблюдении условий, в которых не пострадает ни качество работы, ни здоровье рабочих. В соответствии с этим в СССР не существует хитроумных систем оплаты сдельщины, введенных в капиталистической промышленности, систем, в результате которых заработок рабочего уменьшается по мере того, как ускоряются темпы его работы. При советском коммунизме сдельные расценки никогда не падают с увеличением выработки. В некоторых случаях они даже прогрессивно растут, возрастают по мере превышения нормы. «После того, как произведено определенное количество единиц продукции,—говорят нам,—каждая следующая единица оплачивается по более высокой ставке, чем предыдущая. Например, если рабочий должен выработать 20 единиц, из которых на каждую должно быть затрачено одинаковое количество труда, и ему платят по 25 коп. за каждую, то оплата за 21-ю единицу составит не 25 коп., а больше, за 22-ю единицу еще больше и т. д. Таким образом, рабочий материально заинтересовывается в том, чтобы беречь время и превышать производственные нормы. В условиях советской экономики эта прогрессивная сдельщина является методом, дающим материальный побудительный стимул наиболее передовым рабочим... На Уралмашстрое (строительство Уральского машиностроительного завода) нормы (прогрессивные) по укладке фундамента постоянно не выполнялись; теперь, после введения прогрессивки, они перевыполняются на 64%. Заработок рабочих подскочил с 5 руб. в день до 7,56 руб. Можно привести много таких примеров. Где бы ни вводилась система прогрессивной сдельной оплаты, она вызывает рост производительности труда, сопровождающийся одновременным ростом заработков... Этот быстрый рост норм не был одобрен, потому что он, якобы, повышал стоимость каждой единицы производства, однако в самом деле это было не так. Каждый знает, что стоимость каждого товара

включает, помимо стоимости сырья и рабочей силы, все косвенные расходы, как например, стоимость отопления и освещения, расходы по пожарной охране, содержанию администрации и бухгалтерии, расходы на амортизацию имущества и т. д. Эти косвенные расходы не увеличиваются по мере увеличения продукции. Следовательно, чем больше рост продукции, тем пропорционально меньшая доля косвенных расходов падает на каждую единицу продукции... важно, чтобы между заработной платой и качеством—а не только количеством—продукции и заработком было установлено определенное соотношение. В этом отношении очень поучителен опыт нескольких обувных фабрик, особенно фабрики «Буревестник» в Москве. Там была введена система прогрессивно возрастающих ставок зарплаты в зависимости от снижения процента низших сортов обуви. Эта система в виде опыта была применена в нескольких бригадах и дала превосходные результаты. Переход к этой прогрессивной системе потребовал тщательной подготовки и еще более строгого учета продукции. Каждый рабочий должен быть ежедневно осведомлен о том, сколько он выработал и сколько ему должны за это заплатить»¹.

Нормировщики

Излишне говорить, что установление детальных сдельных норм по такой обширной территории, как СССР, далеко от совершенства, и профсоюзные организации в течение последних лет энергично взялись за отбор и подготовку нормировщиков.

«Бюро технического нормирования,—сообщают нам,—называющееся ТНБ, имеется на каждом предприятии; оно подчинено отделу экономики труда заводоуправления. В его обязан-

¹ Л. Кауфман, цит. соч., стр. 22, 24—25.

Значение широкого оглашения норм сдельщины и заработка как отдельных рабочих, так и бригад или смен полностью осознается. «Рабочие обеспечены минимальным заработком и темпы, которые угрожали бы здоровью рабочих, не допускаются. Эксперт по установке расценок заявил, что, по его наблюдениям, «потогонная система» совершенно отсутствует. Расценки устанавливаются в зависимости как от качества, так и от количества выпускаемой продукции, и рабочие знают и одобряют цели установки этих расценок. Снижение расценок в процессе работы запрещено. И вместо того чтобы снизить их по мере увеличения производительности труда рабочего, потому что он начинает зарабатывать слишком много, расценки прогрессивно растут по мере увеличения выпускаемой рабочими продукции. Широко распространено вывешивание огромных досок, на которых указаны фамилии рабочих, их нормы, расценки, результаты работы, их заработок и заработанные премиальные. На одном большом строительстве я видел одну из таких досок, повешенную на дереве, так чтобы все могли ее видеть» [Г а р р и Ф. Уорд, Вместо прибыли, 1933, стр. 32—33].

ности входит определение норм производства и норм возмещения рабочей силы, т. е. установление стандартного времени, требующегося для выполнения известной работы при известном оборудовании, и заработной платы, которая должна быть за эту работу выплачена рабочему»¹.

К сожалению, не при каждом предприятии еще имеется такое бюро. В 1933 г., перед тем, как Народный комиссариат труда слился с Всесоюзным центральным советом профсоюзов (ВЦСПС), Народный комиссариат труда жаловался на недостаток нормировщиков.

«С кадрами по технормированию дело обстоит также неблагоприятно. Кадры сокращаются, отсутствуют техники, квалифицированные рабочие, знающие производство, которые именно сейчас и должны быть привлечены к техническому нормированию. Так, по 15 заводам стали в 1930 г. мы имели 524 работника ТНБ, а на 1 марта 1931 г.—369 работников, с высшим образованием в 1930 г. было 53 чел., в 1931 г.—35 чел. На шахте им. Артема на 5 тыс. рабочих имеется всего один нормировщик. На 35 шахтах Донбасса в мае 1931 г. было 267 работников ТНБ, из них ни одного инженера и техника.

Сейчас... подготавливаются 7 тыс. тарифно-нормировочных работников, но оказалось, что состав учащихся не обеспечивает выполнение стоящих задач в области технормирования... Надо, чтобы курсы были организованы для рабочих с опытом не менее 3—5 лет»².

Вопрос с нормировщиками будет, несомненно, еще в течение некоторого времени слабым звеном в советской индустриальной системе. Но жалобы рабочих приведут к тому, что в скором времени выход из этого положения будет найден. В настоящий момент, пишет один рабочий, «большинство ТНБ имеет случайно подобранный персонал и не обращает внимания ни на квалификацию, ни на опыт работы в данной отрасли или социальное положение работников. На заводе им. Дзержинского (Украина), например, где было проведено специальное обследование штата, занятого технической нормализацией, имелся только 41 работник вместо требующихся 64. Среди них были бывшие учителя, переписчики, санитары и письмоноscopy; главным нормировщиком был актер. В то же самое время отдел кадров завода откомандировал из числа своих работников в другие цеха завода двадцать высококвалифицированных рабочих, имеющих

¹ Л. Кауфман, цит. соч., стр. 30.

² Выступление народного комиссара труда Цихона на IX Всесоюзном съезде профсоюзов, 1933, стр. 169. Члены английских и американских тредюнионов, работающие сдельно, еще только думают готовить нормировщиков (за исключением хлопковой промышленности) (IX съезд профсоюзов, стенографический отчет, стр. 416.—*Ред.*).

большой опыт работы в данной отрасли и 25 специалистов... На отдельных предприятиях лучшие рабочие предоставлены самим себе. Курсы для нормировщиков—явление довольно редкое»¹.

Рабочие и директора заводов в СССР настолько заинтересованы в сдельщине, что иногда раздаются возражения о том, что она применяется также к работам, где она неприменима. Так например, считали опасным поощрять машинистов нагонять потерянное время. Также нежелательны ускоренные темпы работ там, где требуется чрезвычайная точность работы. Во многих случаях высокое качество продукции не будет достигнуто, если рабочего будут торопить. Иногда наблюдалась даже чрезмерная готовность работать сверхурочно ради повышения как производительности, так и заработка. Также были случаи, когда до известной степени пренебрегали техникой безопасности ради сохранения быстрых темпов работы. Сдельщина применялась также там, где она неприменима, как например, в работах, требующих исключительной точности или в ремонтных работах². Таковы ошибки управления промышленностью, которых стараются избегать директора предприятий в СССР, и задача профсоюзных руководителей заключается в том, чтобы быть настороже и во-время предотвратить эти ошибки.

Разряды заработной платы

Что именно лежит в основе установления сдельных расценок? В нескольких словах, сдельная расценка для каждой работы базируется на твердой повременной оплате соответствующей категории рабочих независимо от их квалификации. Это краткое определение содержит радикальное различие между советским коммунизмом и капиталистическим предприятием. В СССР нет «разграничительных споров» между работниками различных квалификаций по поводу того, кто выполняет ту или иную работу³. Прежде всего, как мы указывали в нашем разделе «О структуре профсоюзов»⁴, все рабочие каждого предприя-

¹ Л. Кауфман, цит. соч., стр. 30—33.

² Иностранные механики, работающие в СССР, жаловались, что им приходится работать сдельно в таких цехах, как инструментальный. Один из них пишет: «До приезда в Советский Союз я никогда не видел сдельной работы в инструментальном цехе... Несмотря на изнуряющие темпы работы на Фордовском заводе (в Детройте), там никогда не делались попытки сэкономить на инструментальном цехе, ибо все подобные попытки кончались громадными убытками». «Москау дейли ньюз», 14 сентября 1932.

³ Читатель найдет описание разграничительных споров, которые были напастью для предпринимателей, особенно в Северной Англии, в книге С. и В. Вебб, *Индустриальная демократия 1897*, стр. 508—527.

⁴ Т. I, гл. III «Человек как производитель», раздел о «Советском профессиональном движении».

тия являются членами одного профсоюза. Кроме того нет категорий рабочих, боящихся увольнения из-за того, что у них не будет работы по специальности. Напротив, всюду и всегда наблюдается почти катастрофическая нехватка работников всех категорий и профессий как умственного, так и физического труда. Для успешного развития планового производства в стране, где население непрерывно увеличивается, крайне важно быстрое увеличение числа рабочих всех квалификаций. Как можно обеспечить наличие этой крайне необходимой квалифицированной силы? Во всех городах СССР делаются бесконечные попытки дать массам бесплатное техническое образование на вечерних курсах, в высших и средних школах и даже в специальных фабричных школах при крупных заводах, в которых рабочая молодежь половину своего времени тратит на учение. Но не всегда было легко заставить молодых рабочих и работниц посещать продолжительные курсы технического обучения, хотя бы и бесплатного. Точно так же молодые рабочие, получающие твердый заработок за работу не особо высокой квалификации, не всегда выказывали готовность в свободные вечера заниматься повышением своей квалификации. После многих опытов почти все профсоюзы в той или иной форме разработали остроумную систему разрядов для рабочих... Разряд устанавливается не по профессии, не по годам или старшинству, не просто по предполагаемым способностям и не по сроку, необходимому для овладения той или иной квалификацией. Разряды в действительности определяются и время от времени подвергаются изменениям в зависимости от нуждаемости предприятия или всех предприятий подобного рода в рабочих различных категорий и квалификаций и в зависимости от степени автоматического покрытия этой потребности притоком нужных рабочих. Число разрядов, устанавливаемых профсоюзами, может колебаться от 8 до 17—за исключением учеников, а также швейцаров, уборщиков, привратников, с одной стороны, и мастеров, техников и директоров—с другой. Разряды выражаются индексами, указывающими относительные повременные ставки. Возьмем пример этих норм повременной оплаты из брошюры, составленной профсоюзным деятелем, которого мы уже цитировали. «Проиллюстрирую это,—пишет он,—шкалой заработной платы бывшего союза металлистов (теперь децентрализованного):

Разряд	1	2	3	4	5	6	7	8
Коэффициент	1	1,2	1,45	1,7	1,95	2,2	2,5	2,8

Как видно из вышеприведенной таблицы, все рабочие, входившие прежде в союз металлистов, делились на 8 категорий. Ставка заработной платы для рабочих 2-й категории была

в 1,2 раза выше чем 1-й категории, ставка рабочих 3-й категории в 1,45 раза, ставка 4-й в 1,7 раза и т. д... Шкалы заработной платы составляются теперь по отдельным отраслям в соответствии с особенностями каждой отрасли промышленности. Они должны составляться таким образом, чтобы размах колебаний между различными категориями был как можно больше. Одновременно, а может быть и раньше, будут пересмотрены тарифные сетки, которые послужат базисом для разбивки рабочих согласно категориям, перечисленным в шкале заработной платы, что будет зависеть от квалификации рабочего, трудности и санитарных условий выполняемой работы. Эти новые тарифные сетки должны быть составлены согласно директивам Высшего совета народного хозяйства и Всесоюзного центрального комитета профсоюзов; они будут выпущены отдельно для каждой отрасли промышленности, каждым хозяйственным объединением по согласованию с соответствующим ЦК союза; в них будут приняты во внимание все изменения, которые имели место в организации производства за последние несколько лет»¹.

Читатель заметит, что для автоматического выполнения своей задачи системой разрядов и увеличения числа квалифицированных рабочих необходимо, чтобы количество рабочих, допускаемых к переходу в высший разряд, не было ограничено твердой цифрой. В СССР каждый рабочий может в любое время потребовать, чтобы его испытали в качестве кандидата на более высокий разряд. Молодой рабочий самого низшего разряда (1) всегда может заявить: «Я думаю, что смогу выполнить работу рабочего 3-го разряда», на что следует неизменный ответ: «Приходите и попробуйте, ваше испытание будет продолжаться 14 дней. Если окажется, что, по мнению администрации и фабричной профсоюзной организации, вы справитесь с работой удовлетворительно, вы сейчас же начнете получать по вашему новому разряду». И, как показал опыт, эта система перехода рабочих с низших разрядов на высший не ведет к излишку квалифицированной рабочей силы. Напротив, при наличии постоянно открывающихся новых заводов спрос на квалифицированную рабочую силу настолько велик, что отдел кадров ВЦСПС всегда торопит директоров фабрик и заводов, а иногда и требует от них обучать ежегодно определенное число квалифицированных и ответственных людей, которые могли бы руководить рабочими на новых предприятиях. В то же время директорам этих новых предприятий под страхом сурового наказания запрещается посылать своих вербовщиков на другие действующие заводы, чтобы путем обещания лучших условий «переманивать» наиболее квалифицированных рабочих. Таким образом, каждое

¹ Л. Кауфман, цит. соч., стр. 27—29.

предприятие должно подготовить своими силами по крайней мере то количество квалифицированных рабочих, которое ему необходимо. При нашем посещении в 1932 г. всевозможных предприятий директора, точно так же как местные профсоюзные организации, уверяли нас, что система распределения зарплаты по разрядам в зависимости от временной зарплаты дала поразительные результаты. Повсюду мы встречаем молодых рабочих мужчин, а также и женщин, из всех сил пытавшихся повысить свою квалификацию. Помещения, где находились вечерние технические курсы, повсюду были переполнены. На одном большом заводе нам заявили, что на вечерних курсах обучается 90% всех рабочих и служащих. Движение вперед от разряда к разряду наиболее предприимчивых, наиболее способных, наиболее трудолюбивых рабочих широко распространено и непрерывно происходит по всей стране. Ни в одном другом государстве, даже в США, это движение не стало таким всеобщим.

Оплата по общественной полезности

Интересно проследить, как во всей этой системе оплаты по различным разрядам, которая всегда предполагает установление в национальном масштабе минимума желательного личного расходного фонда, постепенно начинает доминировать принцип оплаты согласно «общественной полезности». Этот принцип применяется как к отдельным профессиям, или квалификациям, в которых в настоящий момент ощущается недостаток, или к тем профессиям, на которые в тот или иной момент растет спрос, так и к целым районам, куда желательно увеличить приток рабочей силы. Когда мы спросили в 1932 г., почему для медников установлены более высокие разряды, чем для других металлистов, нам сообщили, что быстрое развитие электрификации задерживается отсутствием достаточного числа квалифицированных рабочих медников. В целях привлечения молодежи к добровольному вступлению в ряды учеников медников, а также для поощрения молодых рабочих к переквалификации в медников на вечерних курсах все рабочие медной промышленности были переведены на более высокий разряд. В поразительно короткий срок приток медников увеличился. Применение того же принципа в более широком масштабе произошло в 1931 г., когда Всесоюзный центральный совет профсоюзов (ВЦСПС) установил при пересмотре коллективных договоров, что взятые в целом нормы зарплаты рабочими легкой промышленности выше норм рабочих тяжелой промышленности, страдавшей от недостатка квалифицированной рабочей силы и от чрезвычайной текучести рабочих. «Чтобы уничтожить это зло,—заявил Сталин на съезде руководителей промышленности

в июне 1931 г.,—надо отменить уравниловку и разбить старую тарифную систему. Чтобы уничтожить это зло, надо организовать такую систему тарифов, которая бы учитывала разницу между трудом квалифицированным и трудом неквалифицированным, между трудом тяжелым и трудом легким. Нельзя терпеть, чтобы каталь в черной металлургии получал столько же, сколько подметальщик. Нельзя терпеть, чтобы машинист на железнодорожном транспорте получал столько же, сколько переписчик»¹. Шверник, генеральный секретарь Всесоюзного центрального совета профсоюзов, заявил на IX съезде профсоюзов, что:

«...Борьба за выполнение пятилетки потребовала от профсоюзов перестройки системы зарплаты на основе ликвидации обезлички и уравниловки и установления материальной заинтересованности каждого отдельного рабочего в повышении своей квалификации и производительности труда... При регулировании зарплаты была взята твердая линия на выдвижение на первые места ведущих отраслей промышленности...»

В директивах по перезаключению колдоговоров на 1931 г. ВЦСПС дал твердые указания о том, чтобы регулирование зарплаты рабочих на предприятиях проводилось в направлении заинтересованности рабочих в повышении своей квалификации и производительности труда, максимального перевода на сдельщину, закрепления квалифицированной и дефицитной рабочей силы на производстве»². В соответствии с этой линией Всесоюзный центральный совет профсоюзов (ВЦСПС) решил, что дальнейшее повышение ставок рабочих легкой промышленности не будет иметь место до тех пор, пока ставки рабочим тяжелой промышленности не будут значительно повышены. Вскоре заработная плата рабочих угольной и сталелитейной промышленности была увеличена приблизительно на 30%. Кроме того жилищные условия для рабочих Донецкого бассейна, где наблюдалась наибольшая текучесть рабочей силы, были постепенно улучшены; наряду с этим были проведены и другие улучшения.

Кауфман, профсоюзный деятель, брошюру которого мы уже цитировали, приводит другой пример намеренного установления ставок по «общественной полезности». «В подавляющем большинстве случаев,—пишет он,—бригадир получает меньшую зарплату, чем квалифицированный рабочий. Таким образом, до издания декрета в октябре 1931 г. бригадир в металлургии, отвечающий за работу значительного количества рабо-

¹ Сталин, Новые условия, новые задачи, Москва 1932 (на англ. языке) (*Сталин*, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 451—452.—*Ред.*).

² IX съезд профсоюзов, Москва 1933, стр. 53—54—на англ. языке (IX съезд профсоюзов, стенографический отчет, стр. 86—87.—*Ред.*).

чих, получал 225—230 рублей в месяц, в то время как заработная плата высококвалифицированного рабочего на многих наших предприятиях доходила до 300 рублей и больше. Благодаря этому высококвалифицированный рабочий неохотно становился бригадиром. Нужно было долго и настойчиво искать человека, который «согласился бы» пойти на эту работу. Часто случалось, что квалифицированный рабочий, которого выдвигали на пост бригадира, через месяц или два просил разрешения вернуться обратно к станку... Чтобы предотвратить неравенство в заработной плате инженерно-технического персонала на различных предприятиях, Межсоюзное бюро инженерно-технических секций, подчиненное ВЦСПС, выработало основные принципы для руководства местных организаций по перестройке системы зарплаты инженерно-технического персонала»¹.

Наиболее широко распространенное применение принципа оплаты по «общественной полезности» наблюдалось к концу 1933 г., когда Центральный исполнительный комитет всесоюзного съезда советов (ЦИК) и Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии приняли специальные меры для привлечения поселенцев на Дальний Восток и чтобы побудить находящихся там жителей остаться на месте. Эти меры были продиктованы желанием увеличить число взрослого населения в тех районах ввиду возможности японского вторжения. Подобная мера была бесспорно вопросом общественно важным. Соответственно ставки всем рабочим и служащим на Дальнем Востоке были значительно повышены, и все жители были освобождены от ряда налогов. Аналогичные льготы были распространены на жителей, населяющих районы, граничащие с Монголией.

Арбитражный аппарат

Против решений аппарата, ведающего установлением сельских расценок в соответствии с «общественной полезностью», всегда имеется возможность апеллировать в беспристрастную, незаинтересованную инстанцию. Это право апелляции не допускает в СССР перерывов в работе и длительных судебных разбирательств между администрацией и рабочими, которые все еще имеют место в капиталистических странах. В СССР, уверяют нас, фактически нет забастовок и, во всяком случае, нет серьезных перерывов в работе. Каким образом достигнуто такое хорошее положение вещей?

Вспомним об институте треугольников, о котором мы кратко упомянули в нашем разделе «О советском профессио-

¹ Л. Кауфман, цит. соч., стр. 36—37.

нальном движении»¹. При каждом промышленном предприятии или государственной ферме (совхоз) имеется местный арбитражный орган, готовый в любое время быстро разрешить любой спорный вопрос, касающийся либо отдельных рабочих, либо отдельных групп рабочих. Этот треугольник состоит из представителя администрации, представителя (обычно секретаря) местной профсоюзной организации и секретаря коммунистической ячейки или комитета при предприятии. Этому арбитражу почти всегда удается разрешить спорный вопрос к обоюдному согласию заинтересованных сторон. Но если какая-либо сторона недовольна решением местного арбитража, она имеет формальное право апеллировать против решения к высшей инстанции, вернее, к целому ряду высших инстанций, перечисление которых было бы утомительно, вплоть до самой высшей инстанции. До 1933 г. этой высшей инстанцией был народный комиссариат труда той автономной республики, на территории которой находилось предприятие. Теперь, с упразднением комиссариата труда, высшей инстанцией является президиум Всесоюзного центрального совета профсоюзов (ВЦСПС), доступ к которому всегда открыт. Дело рассматривается без задержки, и вынесенное окончательное решение, как нас уверяют, всегда принимается заинтересованными сторонами без возражений.

Чем объяснить подобные миролюбивые отношения двух споривших между собой сторон? Мы полагаем, что оно является результатом двух различных обстоятельств. Во-первых, обе спорящие стороны знают, что в случае неподчинения ни одна из них не получит коллективной поддержки. Директор не встретит поддержки со стороны государства или своего треста, в то же время никто даже не упрекнет его за подчинение решению арбитража, против которого он боролся, как мог. Рабочий, в случае, если окончательное решение ВЦСПС вынесено против него, будет знать, что его собственный профсоюз, который представлен в ВЦСПС, не может оспаривать вынесенное решение и оказать своему члену коллективную поддержку. Но имеется и другое обстоятельство, которое объясняет подчинение окончательному решению. Ни администрация предприятия, ни вся масса рабочих, тесно сплоченных в своем профессиональном союзе, не заинтересованы в сколько-нибудь значительной мере в денежной стороне спора или того или иного решения. Общий фонд заработной платы для данного предприятия уже определен, как мы объясняли, сложными коллективными переговорами, с одной стороны, между Всесоюзным центральным советом профсоюзов, Центральным комитетом соответствующего профсоюза и фабрично-заводским комитетом предприятия, с другой—

¹ См. т. I, гл. III, «Человек как производитель».

представителями Совнаркома СССР, трестом, в который входит данное предприятие, и его администрацией. Добьется ли или нет спорящий рабочий более высоких сдельных расценок за свою работу, это не отразится сколько-нибудь значительно на сумме зарплаты, выплачиваемой предприятием в течение года. Если себестоимость продукции в течение года сможет быть снижена в отношении годовых норм выпуска продукции путем сокращения простоев и уменьшения брака либо лучшей организацией работы, то заработок как администрации, так и рабочих повысится и выразится либо в выплате премиальных за увеличение выпуска продукции, либо в дополнительных расходах на улучшение быта рабочих, требуемых профсоюзом. Худшее, что может случиться, если это недовольство останется,—то, что этот упорствующий рабочий, считающий, что с ним поступили несправедливо, возьмет после должного предупреждения расчет. Он не получит пособия по безработице, но это его несколько не беспокоит, так как он знает, что быстро найдет работу на другом предприятии.

Угроза иностранной конкуренции

Само собой разумеется, что в СССР представителям профессиональных союзов не приходится выдвигать аргумент, что готовность отдельных рабочих или групп рабочих работать более интенсивно за ту же оплату или готовность получать меньшую оплату при неувеличении интенсивности работы ведет вследствие конкуренции на рынке рабочей силы к сокращению заработной платы других рабочих. Точно так же представители администрации должны раз навсегда отказаться от того аргумента, столь всемогущего в странах капиталистической наживы, что повышение ставок в одной стране невозможно, если в других странах существуют более низкие ставки оплаты за ту же работу. Если другие страны будут продолжать применение «потогонной системы», чтобы иметь возможность выпускать продукцию по более низким ценам за счет снижения жизненного уровня своих рабочих, то и это лишь выгодно отразится на рабочих СССР, чьи высокие ставки и благосостояние позволяют им дешево покупать японские товары. Таким образом, если Япония предпочитает сверх всякой меры эксплуатировать своих текстильных рабочих ради возможности вывозить товары по исключительно низкой цене, то это пойдет на пользу тех стран, населению которых будут нравиться японские товары. Возможно, что с точки зрения гуманности нельзя стремиться к «потогонной системе», но каждая страна должна хорошенько подумать, перед тем как вмешаться в экономический распорядок другой страны.

Относительная дешевизна японских товаров расширит практические возможности Народного комиссариата внешней торговли в СССР. Возможно, что для СССР окажется более выгодным ввозить нужные товары из Японии в большем количестве, чем из других производящих стран. Больше того, возможно, что СССР вообще выгоднее увеличить импорт некоторых товаров, вместо того чтобы строить новые заводы или расширять существующие внутри страны. В последнем случае было бы определенно более выгодно использовать ежегодные увеличения числа рабочих на новых заводах с целью увеличения выпуска новых видов продукции, на которую растет спрос. Короче говоря, дешевизна импортных товаров всегда выгодна их потребителю. В СССР дешевизна импортируемых товаров не вредит заработной плате рабочих или руководителей промышленности. При капитализме же низкий уровень заработной платы в других странах является постоянной угрозой для рабочих. *В СССР это не угрожает никому.* Он лишь дает Народному комиссариату внешней торговли большую возможность выбора товаров для импорта или экспорта.

Но это не все. В качестве организации, представляющей всех рабочих и все профессии, ВЦСПС заинтересован в ежемесячном заработке того или другого лица, той или иной профессии или занятых на том или ином предприятии. Его корпоративный интерес заключается в том, чтобы выделить из национального бюджета возможно больший фонд заработной платы для всей совокупности своих клиентов отдельно от ассигновок на другие нужды страны. В ходе ежегодных прений вокруг национального бюджета представители профсоюзов убеждаются в том, что самым убедительным аргументом в пользу необходимости увеличения фонда заработной платы, от которого зависит заработок членов данного союза, является перспектива увеличения роста выпуска продукции по всем предприятиям в СССР, в которых заняты члены всех профсоюзов. Вот почему представители профсоюзов неизменно возражают против всяких перерывов в работе, будь то стачка, локаут или «разграничительные» споры. Вот почему общественное мнение резко осудило бы «итальянские забастовки» или иное уклонение от работы отдельных лиц или групп. Поэтому же повсюду выражается настойчивое стремление к установлению сдельных расценок, ибо в результате такого метода оплаты выпуск продукции увеличится, а количество брака снизится; поэтому среди групп рабочих развивается «социалистическое соревнование», цель которого показать, кто из рабочих в течение данного периода времени даст больше продукции и снизит ее себестоимость. Поэтому же радостно приветствуется введение всякого нового механического процесса, который обещает снизить себестоимость;

поэтому же, наконец, люди охотно идут навстречу системе оплаты по разрядам, в результате которой постоянно растет число квалифицированных рабочих всех профессий; точно так же полностью одобряется политика установления расценок в зависимости от «общественной полезности» той или иной квалификации. Предприниматели капиталисты во всех странах, оставаясь уверенными в превосходстве своих методов обогащения, тем не менее время от времени должны завидовать руководителям промышленности в СССР, сумевшим резко увеличить продукцию в результате тех стимулов, которые советский коммунизм применил к рабочей силе.

Самостоятельный труд против наемного труда

От реорганизации системы заработной платы советскими профсоюзами, другими советскими учреждениями и потребительской кооперацией мы перейдем к соответствующему рассмотрению стимула денежной заинтересованности в области самостоятельного труда. С этой целью мы должны коротко остановиться не только на деятельности отдельных лиц, занимающихся самостоятельным трудом, но также на объединенных формах самостоятельного труда, нашедших свое выражение в промысловых кооперативных обществах (промкооперативы) и коллективных фермах (колхозы), чью структуру мы описали в отдельных частях главы «Человек как производитель».

С точки зрения развития характера и ума и результатов свободной инициативы многое можно сказать в пользу самостоятельного труда для отдельных крестьян или ремесленников или для групп рабочих, объединившихся в самоуправляющиеся артели или кооперативные сельскохозяйственные общества. Социалистическая школа, возглавляемая в середине XIX в. Пьером Дж. Эф. Ле Плей, а в наши дни такими пропагандистами, как мистер Хайлер Беллок и мистер Дж. К. Честертон, идеализирует крестьянскую собственность. Что касается идеализирования самостоятельной мастерской, можно указать на Роберта Оуэна в Англии и доктора Бюшэ во Франции, и, следуя по стопам этих утопистов, на Джона Стюарта Милля в средневикторианский период и на недавно умершего профессора Альфред Маршала. Вся беда в том, что, когда эти формы труда, идет ли речь об отдельных лицах или группах, развиваются в капиталистическом окружении, представители этого труда легко могут стать жертвами либо деревенского ростовщика, либо ближайшего помещика, либо предпринимателя, оптового

¹ См. т. I, гл. III.

или мелкого лавочника, другими словами, всех тех, кто, якобы, готов помочь в плохие времена своим клиентам таким образом, чтобы подчинить их себе и превратить в жестоко эксплуатируемых рабочих. Горький опыт показал, как ремесленник, представленный в английской деревне в лице кустара-ткача, или же мебельщик и дешевый портной в трущобах Лондона и других городов неизменно становятся рабами розничных и оптовых торговцев или жадных до наживы предпринимателей, специализировавшихся на раздаче работы на дом.

Что касается сельского хозяйства, то в наши дни повсеместной механизации и постоянного применения науки в сельскохозяйственных процессах, дорогостоящих машин и удобрений, производство для рынка, даже если крестьянин является членом сельскохозяйственного общества, не оправдывает себя при существующей на мировом рынке конкуренции.

В современной Западной Европе редко можно встретить действительно самоуправляющиеся артели. Еще печальнее судьба индивидуального производителя, превратившегося в фабричного раба. Даже крестьяне-собственники во Франции и во Фландрии, наиболее способные и бережливые представители самостоятельного труда, переживают тяжелые дни. Но невзирая на десятки лет неудач рабочие физического труда, точно так же как и филантрописты, мечтают о самоуправляющихся артелях; многочисленны и многообразны были попытки тред-юнионов провести в жизнь эти мечты, всегда оканчивавшиеся тяжелыми неудачами. Даже английское движение потребительской кооперации обязано своим возникновением идеалам самостоятельного труда, изложенным рочдейльскими пионерами в 1846 г. Все движение продолжало считать этот идеал своей конечной целью, еще долго после того как английская кооперация с успехом приняла противоположную форму обслуживания потребителей под управлением представителей членов-покупателей.

По всем этим причинам авторы этой книги всегда отбрасывали идеал самостоятельного труда как в отношении отдельных лиц, так и групп людей¹. Мы, однако, не учли, до какой степени, очевидно, несостоятельность системы самостоятельной

¹ См. *Беатрис Поттер* (ныне г-жа Сидней Вебб), Кооперативное движение в Великобритании, 1891. Эта книга была сразу же переведена на русский язык и выдержала много изданий. Последующее рассмотрение опыта самоуправляющейся артели в Западной Европе было опубликовано автором в приложении к «Нью стейтсмен», 14 февраля 1914, под названием «Кооперативное производство и распределение прибылей». Также см. С. и Б. Вебб, Конституция для социалистического содружества английских народов, 1920, стр. 27—58, 154—157.

артели связана с ее существованием в окружении капиталистической системы. Всегда неприятно сознаваться в ошибке при предсказывании будущего. Но, столкнувшись лицом к лицу с тем, что происходит в Советском Союзе, мы вынуждены признать нашу ошибку. Обратимся прежде всего к индивидуальным формам самостоятельного труда.

Индивидуальные формы самостоятельного труда

Многим неизвестно, что советское правительство в целом ряде случаев не препятствовало производству товаров и обслуживанию индивидуальными лицами, оперируя при этом не стимулом наживы, а стимулом «рыночных цен». Эти лица не должны совершать преступления, заключающегося в «эксплоатации» чужого труда с целью наживы. Они должны, следовательно, собственными силами изготавливать товар или оказывать услуги и в качестве вознаграждения за свой труд могут пользоваться той ценой, которую они могут выручить за всю продукцию на рынке. Количество и разнообразие лиц, занимающихся самостоятельным трудом в СССР, гораздо больше, чем это может показаться на первый взгляд. В городах, например, насчитывается большое число женщин, зарабатывающих на жизнь путем обслуживания частных потребителей в качестве портних, починкой одежды, мехов, обстановки и т. д. Другие стирают белье для тех, у кого есть возможность оплачивать это. Есть много людей, занимающихся починкой обуви, другие в качестве «мастеров на все руки» могут привести в порядок крыши, вставить раму, починить кран. Есть люди, занимающиеся периодической починкой и проверкой часов. Извозчики с собственным экипажем и лошадью все еще встречаются в некоторых городах. На каждом шагу встречаются чистильщики ботинок. Отдельно от вышеупомянутых лиц следует упомянуть и «свободных журналистов», которые вместе с писателями и переводчиками книг или пьес продают свои рукописи различным издательствам. Есть мужчины и женщины, зарабатывающие себе на жизнь частными уроками иностранных языков или давая уроки русского языка иностранцам. Кроме того эти лица занимаются переводами или берут на себя обязанности гидов и переводчиков. Есть много музыкантов, актеров и певцов, не получающих определенной зарплаты, но существующих частными ангажементами. Наконец, необходимо вспомнить, что в СССР имеется небольшое число медицинских работников, не связанных ни с каким учреждением и занимающихся исключительно частной практикой и исследованиями. Кроме того имеется некоторое число неслужащих лиц, занимающихся изысканиями в различных отраслях знания, которые добавляют к своим

скромным личным доходам гонорар¹ от печатания статей в различных технических журналах или за консультации по научным вопросам. Общий доход всех этих представителей «самостоятельного труда» по различным городам СССР, возможно, не превышает 1% всего национального бюджета. Но их услуги в значительной мере способствуют улучшению жизненных условий. В то же время тот факт, что с их существованием охотно мирится коллективное общество, напоминает нам, что в таком обществе легко находят место личная свобода и индивидуальные особенности.

Обработка земельных участков

Но советское правительство не ограничивается лишь одним фактом допущения самостоятельного труда как альтернативы к системе зарплаты при коллективной службе. В некоторых случаях партия и правительство развивают и поддерживают самостоятельный труд в огромных размерах. Так, сотни тысяч горняков, железнодорожников и заводских рабочих, для того чтобы иметь возможность выращивать овощи, разводить свиней и домашнюю птицу² для собственного потребления либо для продажи потребительским кооперативным обществам, фабричным столовым или на вольном рынке, недавно получили бесплатно участки земли вместе с необходимым инвентарем и семенами на условиях долгосрочного кредита.

Поощрение правительством развития сельскохозяйственной продукции индустриальными рабочими продиктовано тремя соображениями. Естественно, что советское правительство приветствует любое увеличение продовольственных товаров, особенно добавочные источники продовольствия, с целью обеспечить себя против плохого урожая, точно так же как с целью снять с себя долю ответственности за содержание населения. Урожай земельных участков значительно увеличивает семейный

¹ В СССР всеми этими занятиями могут заниматься люди «лишенные» категорий, при условии если они будут работать для обеспечения своего существования и воздерживаться от выступлений или агитации против существующего строя.

² В 1933 в Донбассе площадь этих огородов равнялась 40 000 га и десятки тысяч рабочих смогли обеспечить себя овощами и картофелем на зиму, а также семенами на весну. Распределение участков земли происходит по всему Советскому Союзу. В Днепропетровской области (Украина) план распределения участков полностью выполнен, и все владельцы участков снабжены необходимым инвентарем и семенами. Нельзя сказать, чтобы эта работа была выполнена повсюду успешно. На Урале земельные участки получили 220 тыс. рабочих вместо 250 тыс. В Ивановской области вместо 18 тыс. га распределено 9 тыс. га («Москау дейли ньюз», 5 марта 1934).

доход. Семичасовой рабочий день (в угольной промышленности шесть часов) дает возможность рабочему провести свое время в свободной здоровой обстановке. Наконец, занятие земельного участка рабочим есть хорошее средство для преодоления его стремления бросить работу при первом слухе о лучших жилищных условиях на другой работе. Ввиду всех этих обстоятельств советское правительство считает целесообразным поддерживать такое индивидуальное производство. Можно ожидать, что число этих участков быстро возрастет до нескольких миллионов. Интересно отметить, что предоставление таких участков особенно приветствуется иностранными рабочими (главным образом из США), которые сейчас сотнями обособляются в СССР¹. Кроме того, по причине издавна укоренившейся у русских привычки объединяться в группы, часто принимающие формы кооперативных артелей, многие владельцы участков уже объединились как для улучшения методов обработки земли, так и для совместного сбыта своих излишков.

Самостоятельный труд в производственных артелях (промкооперативах)

Мы уже описали структуру и деятельность самоуправляющихся промышленных кооперативных обществ (развившихся из

¹ Представитель профсоюзной организации при Харьковском тракторном заводе Лапандин заявил на заседании иностранного бюро Центрального совета профсоюзов, что иностранные рабочие добились прекрасных результатов на своих земельных участках. 102 семьи иностранцев, состоящих из 39 американских, 47 немецких, 12 чехословацких и 4 разных других национальностей, получили около 100 га земли. На этой земле было посажено: 32 га картофеля, 25 га свеклы, 12 га ячменя, 7 га капусты и 20 га проса. Обработка была прекрасная и урожай исключительный. В среднем на семью пришлось по 1 т картофеля и по полтоне других овощей. Некоторые семьи продали часть своих излишков в магазин Инсбаба. Капусты было собрано с 1 га 12 т, других овощей от 8 до 10 т. В результате иностранцы обзавелись 860 кроликами, число которых увеличивается. Огороды были настолько хорошо возделаны, что Харьковская профсоюзная организация организовала несколько экскурсий для их осмотра. В результате этих экскурсий иностранцы стали еще более популярны.

«В этом году 112 семей обратились с просьбой о предоставлении им участков, и некоторые просят предоставления их на шестилетний период. Иностранцы потребовали 300 вагонов удобрений, которые были им предоставлены профсоюзным комитетом. Комитет также достает для них особый сорт семенного картофеля—красный картофель».

«В этом году огороды будут возделываться исключительно индивидуальным порядком. Каждому лицу будет предоставляться 205 земли, так что семья из 5 человек получит около 1 га. Зерновых культур насаждаться не будет. Многие иностранцы, работающие на заводе, работали в прошлом году на заводском совхозе. Одна семья работала особенно хорошо, дав 780 трудовых дней» («Москау дейли ньюз», 20 февраля 1934).

² См. т. I, гл. III.

старой русской артели). Большинство этих промкооперативов (которые не платят зарплаты своим членам, а ограничиваются лишь месячными авансами, с тем, чтобы к концу года распределить между собой общий доход), теперь объединены в сложную иерархию, задачи которой заключаются не столько в контроле их разнообразной деятельности, сколько в том, чтобы дать им возможность экономить в накладных расходах, а также объединить их страховые фонды. Нас интересует здесь, в какой мере используется стимул самостоятельного труда, для того чтобы члены артели выручали на рынках полную стоимость продукта их труда. С промкооперативов теперь сняты обязательства продавать свою продукцию государственным организациям или трестам, за исключением тех случаев, когда последние снабжали их сырьем или как-нибудь иначе заключали с ними договор о сдаче продукции. Промкооперативы имеют право содержать различные магазины в городах или палатки на частном рынке. Если они хотят, они вправе продавать по любой заранее согласованной цене свою продукцию либо государственным или городским учреждениям, либо потребительским кооперативным обществам, либо заводам или другим предприятиям.

Самостоятельный труд на коллективных фермах (в колхозах)

Поощрение самостоятельного труда в широких размерах с особенной яркостью выразилось в образовании коллективных ферм (колхозов) либо в своей простейшей форме на базе соглашений об определенном количестве совместно обрабатываемой земли, либо на более совершенной основе коммуны, в которой все виды производства являются результатом совместного труда, причем все доходы распределяются среди членов. Средней между вышеуказанными двумя формами коллективной фермы считается артель, всячески теперь поддерживаемая и играющая повсюду доминирующую роль. В артели совместно обрабатываются лишь зерновые культуры или другие основные виды культур, причем каждый член сохраняет за собой свой дом и огород, пчел и домашнюю птицу и даже свинью и корову. В настоящий момент в систему артелей входит почти четверть миллиона коллективных ферм, в которую влилось около 20 млн. крестьянских хозяйств с общим населением в 80 млн. В этой форме развития мы видим, что после многих опытов стремление к частной собственности и индивидуальным заработкам используется исчерпывающе, причем в то же время эти объединения со всеми теми выгодами, которые могут дать условия коллективной работы, находятся под всесторонним влиянием окружающей коллективизирующей среды.

Нет нужды возвращаться к нашему описанию всех последующих изменений в финансовых и прочих отношениях между советским правительством и колхозами за последние годы. Достаточно кратко описать положение в 1934—1935 гг. Вступление в коллективную ферму—дело абсолютно добровольное. Но будучи принятым, новый член может покинуть колхоз только на условиях, которые могут показаться невыгодными. Вряд ли он найдет кусок свободной земли в близлежащих местностях, и ему нелегко будет полностью получить обратно из колхоза внесенную им долю. Все члены колхоза совместно определяют условия общего труда и могут располагать по своему усмотрению всем урожаем после вычета соответствующих расходов по колхозу и покрытия всех сумм, которые колхоз должен государству. Все эти суммы теперь твердо установлены законодательным путем и договорами в начале каждого сельскохозяйственного года: столько-то земельного налога, столько-то за наем тракторов, столько-то за другие сельскохозяйственные машины, столько-то за семена, удобрение и прочее предоставляемое властями (это не относится к советам, поощрению и особой помощи в случае нужды). Таким образом, коллективные фермы широко пользуются теперь возможностью использовать для себя все результаты своего дополнительного труда. Если они обработают больше земли, чем в предыдущем году, если они засеют большее число гектаров, чем было обусловлено планом, если они будут пропалывать посевы, более тщательно собирать урожай, лучше его обмолачивать и хранить, то отчисления в пользу государства не будут повышены. Твердое намерение правительства состоит в том, чтобы члены колхозов смогли полностью использовать для своих целей все результаты лучшей работы.

Поощрение стремления к личному заработку идет еще дальше. Вначале многие колхозы пренебрегли этим преимуществом и делили свою продукцию среди членов семьи в соответствии с числом едоков. Подобный метод теперь встречает самое серьезное порицание. Взамен его предлагается распределить продукцию согласно количеству работы, проделанной каждым отдельным членом колхоза, исходя из расчета числа «трудовых дней». При подсчете трудовых дней исходят не только из количества затраченных усилий и трудностей того или другого вида работы, но также из «общественной полезности» этих работ в отношении проявленного умения. Более того, там, где это возможно, поощряется система оплаты в зависимости от результатов работы. Для отдельных видов работы установлены сдельные расценки. На какую-нибудь бригаду возлагается ответственность за определенный участок работы в течение всего года, к концу которого бригаде выплачивается сумма, соответствующая общим результатам работы всей бригады.

На ежегодном собрании членов колхоза подводятся итоги проделанной работы, с тем чтобы вызвать возможно больший подъем для дальнейшего увеличения продукции. Ради этих целей возможны изменения в ежемесячных авансах, предоставляемых членам колхоза, и в распределении ежегодных долей. Шкала оплаты «трудовых дней» может быть изменена, чтобы улучшить положение либо председателя, либо бухгалтера, либо того члена колхоза, которому поручена доставка продукции на близлежащие городские рынки. Могут быть приняты те или иные организационные изменения, предлагаемые ответственными бригадами с той или иной шкалой оплаты в соответствии с выработкой. Может быть обсужден и решен вопрос об отказе от сбыта продуктов на вольном рынке и о продаже вместо этого будущей продукции другим учреждением. А главное, должен быть решен основной вопрос: распределить ли результаты урожая среди членов или сперва ассигновать некоторую часть излишков для устройства детских яслей, или детского сада, или же клуба с танцевальным залом, или же кино.

Но всем этим не исчерпывается развитие стимула к труду среди членов колхозных ферм. Каждой семье предоставляется возможность заниматься индивидуальным трудом. Советское правительство настолько заинтересовано в том, чтобы каждый член коллективного хозяйства имел собственную корову, что оно уже к этому времени распределило среди членов колхозов свыше миллиона телят для вскармливания¹.

«Благодаря этим кредитам 101 тыс. бескоровных крестьянских хозяйств на Северном Кавказе имели возможность обзавестись собственной коровой. На Украине купили коровы 200 тыс. хозяйств. На Украине уже много районов и тысячи колхозов, в которых нет ни одного бескоровного хозяйства. Аналогичный успех достигнут в Татарской республике, Московской области, Центральной Азии и т. д. Во многих национальных республиках план снабжения коровами был значительно перевыполнен. Так, рыбацкие колхозы в Узбекистане приобрели 31 тыс. коров вместо 26 тыс. по плану; в Киргизии было куплено 8 600 коров вместо 7 000 и т. д.»².

Сталин по меньшей мере имел некоторые основания заявить на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1934 г. следующее: «Пройдет еще год-два,—и вы не найдете ни одного колхозника, у которого не было бы своей коровы»².

¹ Сельскохозяйственному банку разрешили отпустить без реального обеспечения соответствующие кредиты, чтобы дать крестьянам возможность закупить телят на льготных условиях. В течение нескольких месяцев (1933 г.) сумма отпущенных кредитов достигла 52 300 тыс. рублей.

² «Москвау дейли ньюз», 27 февраля 1934.

² Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 534.

Весь доход от огородов, фруктовых садов, пчел, домашней птицы, свиноводства и молочного хозяйства остается в полном распоряжении члена колхоза и его семьи. Вместе с месячными авансами и ежегодной долей колхозных излишков он может распоряжаться этими доходами по своему усмотрению. Он может продать всю продукцию или часть ее любому другому потребителю либо на ближайшем вольном рынке, либо иным путем. Он даже может заключить индивидуальный договор на поставку яиц или меда, домашней птицы или свинины потребительской кооперации, заводской столовой или любому другому учреждению. Не разрешается лишь продавать свою продукцию тем, которые собираются ее перепродать,—другими словами, согласно советской терминологии,—спекулянтам.

Много можно было рассказать о том, как побуждение к личному заработку применяется в отношении развития колхозов. Так, рыбацкие колхозы у морских берегов, возле рек и озер не только пользуются продукцией своих огородов, фруктовых садов, но, занимаясь рыболовством на коллективных началах, распределяют между собой прибыли от улова рыбы, в зависимости от затраченного труда, по шкале, согласно которой бригадир получит за определенную долю работы вдвое больше других, а ученик только половинную долю. Рыбацкие колхозы могут и поощряются заключать на определенный период договоры о продаже части или всего улова с Государственным рыбным трестом, потребительской кооперацией, заводским отделом снабжения или другой организацией. Таким образом, колхозники имеют право использовать в своих целях временные периоды нехватки рыбы в данной местности путем продажи ее на вольном рынке или же получать за свою продукцию заранее установленную договором цену. Члены комбинированных кооперативных обществ¹, которые объединяют профессиональных охотников Северной и Восточной Сибири, могут либо ограничиваться общим хранением и сбытом своей продукции, либо организовать общий фонд добытой за сезон продукции с целью выполнить контракт, заключенный с Государственным меховым трестом или другой организацией, и разделить между собой все вырученные суммы по своему усмотрению.

Сложная система поставок продовольствия по договорам

Чем внимательнее изучаешь структуру распределительного аппарата в сегодняшнем СССР, тем больше поражаешься сложной системе добровольных договоров, при помощи которых

¹ Рыбацкие колхозы см. т. I, гл. I «Человек как производитель», стр. 287—290; Интегральные кооперативные общества см. т. I, гл. III, «Человек как производитель», стр. 290—291.

все большее количество продовольствия переходит от индивидуального производителя к индивидуальному потребителю. Эта многообразная система распределения окончательно превратилась в один из принципов советской торговли.

«Было бы неправильно думать, что советскую торговлю можно развернуть через какой-либо один канал, например, через кооперацию. Для развертывания советской торговли необходимо использовать все каналы: и кооперативную сеть, и государственно-торговую сеть, и колхозную торговлю»,— заявил Сталин на пленуме Центрального комитета ВКП(б) и Центральной контрольной комиссии¹. Единственный путь, которого следует избегать, это «оживление капитализма и функционирование частнокапиталистического сектора в товарообороте»,—что означает применение наемного труда ради наживы и закупку товаров с целью их перепродажи в целях той же наживы. «Советская торговля, — продолжал Сталин, — есть торговля без капиталистов—малых и больших, торговля без спекулянтов—малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития»².

Выступая на XVII партийном съезде в январе 1934 г., Сталин обрисовал развитие свободной торговли и свободных договоров на вольном рынке в качестве побудительных стимулов к увеличению производства следующим образом:

«Необходимо, чтобы в это дело были вовлечены и государственная торговая сеть, и кооперативная торговая сеть, и местная промышленность, и колхозы, и единоличники крестьяне. Это и называется у нас развернутой *советской торговлей*, торговлей без капиталистов, торговлей без спекулянтов.

Как видите, развертывание советской торговли является той актуальнейшей задачей, без разрешения которой невозможно дальше двигаться вперед.

И все же,—продолжал Сталин,—несмотря на полную очевидность этой истины, партии пришлось преодолевать за отчетный период целый ряд препятствий на пути к развертыванию советской торговли...

Начать с того, что в рядах одной части коммунистов все еще царит высокомерное, пренебрежительное отношение к торговле вообще, к советской торговле, в частности. Эти, с позволения сказать, коммунисты рассматривают советскую торговлю, как второстепенное, не стоящее дело, а работников торговли,—

¹ Речь Сталина о «Результатах первого пятилетнего плана» на объединенном пленуме Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии ВКП(б) из книги «От первого ко второму пятилетнему плану», 1933, стр. 47 (*Сталин*, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 504.—*Ред.*).

² Там же, стр. 47 (там же, стр. 505.—*Ред.*).

как конченных людей... Понятно, что партии пришлось слегка погромить этих, с позволения сказать, коммунистов, а их дворянские предрассудки—бросить в помойную яму...

Пришлось ликвидировать, далее, монопольное положение кооперации на рынке, в связи с чем обязали все наркоматы открыть торговлю собственными товарами, а наркомснаб—развернуть широкую коммерческую торговлю сельскохозяйственными продуктами, что привело, с одной стороны, в порядке соревнования, к улучшению торговли в кооперации, а с другой стороны,—к снижению цен на рынке, к оздоровлению рынка.

Развернули широкую сеть столовых с пониженными ценами на отпускаемый товар («общественное питание»), организовали отделы рабочего снабжения («ОРСы») при заводах и фабриках с откреплением от заводского снабжения элементов, не имеющих отношения к заводу, причем по одной лишь системе Наркомтяжа пришлось открепить не менее 500 тысяч посторонних элементов.

Наладили единый централизованный банк краткосрочного кредита—Государственный банк с 2 тысячами 200 районных отделений на местах, способных финансировать торговые операции.

В результате этих мероприятий мы имеем за отчетный период:

а) рост сети магазинов и торговых палаток со 184 тысяч 662 единиц в 1930 г. до 277 тысяч 974 в 1933 году;

б) вновь созданную сеть областных торговых баз в количестве 1 тысячи 11 единиц и межрайонных торговых баз в количестве 864 единиц;

в) вновь созданную сеть ОРСов в количестве 1 тысячи 600 единиц;

г) рост сети коммерческих магазинов по торговле хлебом, охватывающей в настоящее время 330 городов;

д) рост сети столовых общественного питания, охватывающей в настоящее время 19 миллионов 800 тысяч потребителей;

е) рост товарооборота по государственной и кооперативной линии со включением столовых общественного питания с 18 миллиардов 900 миллионов рублей в 1930 г. до 49 миллиардов руб. в 1933 году»¹.

Нелегко описать всю сложную систему заключения свободных договоров на поставку продовольствия, систему, которая охватывает большинство городов в СССР. Так, крупное городское потребительское кооперативное общество или Центро-

¹ «От первого ко второму пятилетнему плану», переиздано в Москве 1933, см. стр. 44—47 (*Сталин*, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 575—577.—*Ред.*).

союз, объединяющий 40 тыс. деревенских кооперативных обществ, или отдел снабжения такого гигантского завода как Путиловский в Ленинграде, или Сельмашстрой в Ростове могут быть одновременно в договорных отношениях с любым числом индивидуальных ремесленников, журналистов или музыкантов, с различными колхозами, артелями или коммунами на поставку зерна. Эти же организации могут находиться в договорных отношениях с членами тех же самых или других колхозов, которые поставляют яйца, птицу, мед, с рыбацкими колхозами, поставляющими ежедневно свежую рыбу, с производственными артелями, выпускающими всевозможные предметы домашнего обихода. Все эти организации и отдельные лица стремятся производить и продавать и движимы стимулом получить наивысшие цены, которые определяются в результате свободной конкуренции между массой различных покупателей и различных продавцов.

Базар

После того, как соответствующие районы выполнили свои обязательства по отношению к государству, самостоятельные крестьяне и ремесленники, помимо возможности сдачи продуктов по контракту с определенным учреждением или предприятием, всегда имеют доступ к вольному рынку, или базару, которые сейчас существуют во всех городах. Нет нужды перечислять все происшедшие изменения юридического и административного порядка по отношению к купле и продаже в этом характерном для каждого восточного города институте. Достаточно указать, что с некоторых пор (1935 г.) вольный рынок, на котором производитель встречается с потребителем—отнюдь не с торговцем или спекулянтom,—не только терпим, но и всячески поддерживается и часто обеспечивается хорошим помещением или оборудованием для удобства покупателей. Советское правительство придает все большее значение вольному рынку и заинтересовано не только в появлении на нем большого количества продовольствия, но и в особенности в привлечении на этот рынок возможно большего количества продуктов и регулярном появлении крестьян, торгующих продовольствием. Считают, что недостатка продуктов в том или ином городском центре при хорошем урожае не должно быть. Полагают, что подобное явление объясняется не столько отсутствием продуктов, сколько неправильной системой распределения. Предполагается, что если колхоз и каждый из его членов в отдельности смогут располагать своей продукцией по своему усмотрению, свободно продавая не только свою долю излишков, но и свою индивидуальную Продукцию, а также принимая во внимание миллионы рабочих-держателей земельных участков, то есть надежда, что вольные

рынки во всех городах в скором времени дадут возможность городским жителям не только найти все нужные продукты, но и возможность приобрести эти продукты по умеренным, обеспечиваемым свободной конкуренцией ценам. Но по сей день, повидимому, продавцы на вольном рынке получают за свои товары, по мнению властей, слишком высокие цены. Попытки официального регулирования цен на вольном рынке в общем не удавались. Вот почему советское правительство решило испытать новый метод.

«И вот в прошлом году весной,—заявил Микоян, народный комиссар снабжения,—когда базарные цены стали сильно подниматься не только на Украине и в других районах, но даже и в Москве, товарищ Сталин дал замечательную идею, замечательную силу в наши руки, предложив развернуть торговлю государственным хлебом и другими продуктами в наших магазинах, чтобы снизить цены на колхозном рынке путем давления пресса государственной экономической интервенции. Наркомснаб начал свободную продажу хлеба в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве и в других городах. Товарищ Сталин уже докладывал вам, что Наркомснаб производит торговлю хлебом в 330 городах Союза, не считая того, что Центросоюз, закупаая хлеб, уже производит продажу хлеба в 179 районных центрах.

Кроме хлеба мы начали торговать мясом, коровьим маслом и молоком и открыли преимущественно крупные магазины по торговле другими продуктами питания первоклассного качества в Москве, Ленинграде, городах Донбасса и в Днепропетровске.

На сегодня у нас по всей стране действует 5 600 магазинов Наркомснаба, где свободно продаются продукты питания. Из них 5 100 магазинов хлебных, специально мясных—63, молочно-масляных—93, общепродуктовых (гастрономических)—65. Мясную торговлю мы развернули в 22 городах, торговлю коровьим маслом и сыром—в 34 городах. Воздействие этой торговли на уровень базарных цен огромное.

Так например, в Горьком базарные цены через два-три дня после начала продажи хлеба снизились на 61%, по ржаному хлебу, в Таганроге—на 56%, в Казани—на 55%, в Иванове—на 49%; по пшеничному хлебу: в Горьком—на 45%, в Казани—на 52%. Таким образом, это мероприятие сразу же снизило почти наполовину уровень базарных цен....

Свободная продажа хлеба вызвала падение цен и на мясо, масло, овощи и другие товары...

Какое воздействие оказывают эти магазины на колхозников и колхозный базар, видно хотя бы из одного примера, который я на-днях приводил на Московской районной парт-

конференции. В июне прошлого года мы начали в Москве и Ленинграде торговлю молоком в целях воздействия на рыночные цены. Мы назначили цену на 30—40% ниже рыночной. Рыночная цена сразу скатилась вниз до уровня государственных цен и даже ниже. При равной цене потребитель покупал молоко в государственной палатке охотнее, зная, что в государственных магазинах есть полная гарантия от фальсификации и молоко содержится в гигиенических условиях. На одном из базаров колхозники решили нас «обойти» и назначили цену значительно ниже нашей, и все-таки у них плохо покупали. Тогда они одели своего продавца в белый фартук, заставили чисто вымыть руки, и потребители стали покупать у колхозника охотнее, чем у нас. Против такого «обхода» государства мы, конечно, ничего не могли возразить и снизили цену со своей стороны, спустив этим самым колхозную цену еще ниже. Когда я товарищу Сталину рассказал об этом, он хохотал и говорил: «Вот до чего довели колхозника—до белого фартука»... Мы своим экономическим рычагом... и цены снизили и колхозников учим торговать культурнее»¹.

Подобное умелое использование характерного для капиталистических стран стимула свободной конкуренции на вольном рынке не только предотвращает воцарение монопольных цен, но и значительно расширяет выбор товаров для потребителя. «Торговая сеть, магазины,—заявил Микоян,—должны стать борцами за хорошее качество товаров, должны взять на себя защиту интересов потребителя от отдельных фабрик, которые ухудшают качество своей продукции. Недавно открытый в системе Наркомснаба универмаг Мосторга может служить примером того, как магазин должен бороться за лучшее качество промтоваров... Теперь в универмагах Мосторга и Хатторга мы имеем более 10 тыс. разных сортов промтоваров, в то время как в обычном универсальном магазине количество названий не достигает и 4 тыс. Таким образом, вы видите, товарищи, что магазины свободной продажи являются для нас одновременно и рычагом в деле борьбы за хорошее качество товаров на рынке...

Таким образом свободная продажа продуктов, организованная Наркомснабом по инициативе товарища Сталина, помимо того что она является важнейшим рычагом экономической интервенции и создает школу советской торговли, эта торговля, постепенно расширяясь и снижая в будущем рыночные цены, пойдет на смену системе закрытой торговли»².

¹ «Москау дейли ньюз», 3 февраля 1934 [XVII съезд ВКП(б), стенографический отчет, стр. 180—181.—*Ред.*].

² «Москау дейли ньюз», 3 февраля 1934 (там же, стр. 183—184. Последний абзац дан в оригинале курсивом.—*Ред.*).

Социалистическое соревнование

От переделки старых стимулов мы перейдем к применению советским правительством стимулов новых, почти доселе неизвестных или по крайней мере неиспользованных в капиталистическом мире. Первый из этих стимулов тот, который часто называется «социалистическим соревнованием».

Интересно отметить замечание Джон Стюарт Милля, что тем людям, которые стремились к замене капитализма новой социальной системой, ничего нельзя возразить против соревнования между отдельными людьми. Милль заявил: «Глубочайшим корнем зла и несправедливости в промышленном мире является не конкуренция, а порабощение труда капиталом и огромная доля производства, которую владельцы орудий производства присваивают себе»¹. Социалистическое соревнование есть изобретение коммунистов, играющее большую и по всей видимости все увеличивающуюся роль в социальной организации СССР. Всем знакомо желание «побить другого» в играх и спорте, в решении шарад, в полетах и автомобильных гонках. Новое и, насколько нам известно, не имеющее прецедентов соревнование СССР—это перенесение спортивного инстинкта на все виды промышленного и сельскохозяйственного производства.

Преимущество применения этого стимула соревнования не в теннисе или в гольфе, крикете или футболе заключается в том, что оно неразрывно связано с активным участием крупных масс населения. Тут дело не заключается в доставлении приятного удовольствия зрителю. Чтобы разделять спортивное чувство социалистического соревнования, нужно находиться среди игроков. Ленин был первым, который оценил роль этого соревнования в деле социалистического строительства. «Социалистическое соревнование („соцсоревнование")»,—писал он в 1918 г.,—должно стать одной из важных задач советской власти в экономической области... Социалисты никогда не отрицали принципа соревнования как такового. Организация соревнования это очень важная и благородная задача реорганизации общества... И если мы сделаем социалистическое соревнование нашей государственной задачей, то мы сможем найти будущие формы социалистического строительства»².

¹ Джон Стюарт Милль, Основы политической экономии (англ. народное изд.), стр. 477.

² Ленин, Соч., т. XXII, 3-е изд., стр. 412—417 (на русск. языке). Продиктовано Лениным 28/III 1918 г. Необходимо отметить, что на русском языке слово соревнование в условиях капитализма также означает конкуренция. Ленин подчеркивал это различие, но другие русские, писавшие по-английски, или их переводчики часто смешивают «соревнование» с конкуренцией (Цитировано неточно, приводим ленинские слова:

Но прошло немало времени, прежде чем слова Ленина стали действительностью. Долгое время не понимали, что кладка большего числа кирпичей, большего количества рельсов, больший выпуск автомобилей или тракторов, обработка большей площади засеянной земли составляют такое же увлекательное занятие, как игра в гольф, когда требуется загнать в ямку маленький мяч, или в футбол, когда нужно повести, минуя всех защитников, большой мяч в ворота противника¹.

Социалистическое соревнование в СССР началось в 1927 г. «Первый год пятилетки,—заметил Шверник, секретарь Всесоюзного центрального совета профсоюзов (ВЦСПС),—был годом массового развертывания социалистического соревнования, ставшего величайшей силой в борьбе за большевистские темпы индустриализации страны...

Старое руководство профсоюзов прошло мимо этого трудового подъема рабочих масс. То, что оно пыталось отмахнуться от руководства соцсоревнованием, как от «несвойственной союзам функции», как нельзя резко отражает гнилую оппортунистическую природу старого руководства.

На первое января 1932 года соцсоревнованием охвачено 65,6% всех рабочих...

Огромный подъем производственной активности и творческого энтузиазма рабочего класса, обеспечивающий гигантские успехи в строительстве социализма, показывает, что в СССР труд уже для огромных масс рабочих превратился (по словам Сталина.—*Авт.*) «в дело *чести*, в дело *славы*, в дело *доблести* и *геройства*».

«Организация соревнования должна занять видное место среди задач советской власти в экономической области... Нападки социалистов никогда не направлялись на соревнование как таковое... Организация соревнования на социалистических началах должна представить собой одну из наиболее важных и наиболее благодарных задач реорганизации общества... Если мы поставим организацию соревнования, как нашу государственную задачу,—то... результаты... подскажут нам дальнейшие формы строительства».) (Ленин, Соч., т. XXII, 2-е изд., стр. 415—417.—*Ред.*).

¹ Это социальное открытие может быть приписано марк-твеновскому Гекльбери Финну, который, когда отец велел ему «выкрасить забор» и не разрешил идти играть со своими приятелями-мальчиками, придумал для своих товарищей новую игру «кто скорее сможет окрасить столько-то ярдов забора».

² Речь Шверника на IX съезде профсоюзов, 1933, стр. 28—на англ. языке (IX съезд профсоюзов, стр. 68—69.—*Ред.*). Слова Сталина заслуживают того, чтобы привести их полностью. «Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из заторного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело *чести*, в дело *славы*, в дело *доблести* и *геройства*. Ничего подобного нет и не может быть в капиталистических странах. Там, у них, у капиталистов, самое желанное дело, заслуживающее общественного одобрения,—иметь ренту, жить на проценты, быть свободным от труда, считающегося презренным занятием. У нас, в СССР,

Применение социалистического соревнования в СССР бесконечно разнообразно. Отдельные бригады или смены на заводах или шахтах заключают между собой официальные договоры и борются друг с другом за выпуск большего количества продукции или за минимальный брак в те же установленные сроки. На основе договоров, одобренных заводскими комитетами, один завод соревнуется с другим на предмет выполнения в кратчайший срок производственного плана, предусмотренного для данного завода пятилетним планом. В советском торговом флоте судно будет соревноваться с судном на скорость, на экономию нефти и даже на доходность того или иного рейса. Команда одного волжского парохода вызовет на соревнование команды всех волжских пароходов за лучшие показатели при отдельных рейсах или за весь навигационный период. Во время постройки большой плотины на Днепре бригады бетонщиков, работающих на противоположных берегах, систематически соревновались в своей работе, причем результаты этой борьбы широко оповещались всему населению при помощи различных световых сигналов. Иногда город соревнуется с городом. «Депутаты Московского городского совета,—читаем мы в сентябре 1932 г.,—обратились с призывом к городским депутатам и рабочим Советского Союза включиться в соревнование между тремя столицами—Москвой, Ленинградом и Харьковом—за выполнение четвертого завершающего года пятилетки и за выполнение решений советского правительства об экономии в городском бюджете и о социалистической реконструкции городов»¹. Радостное возбуждение социалистического соревнования появилось в 1931—1933 гг. среди десятков тысяч осужденных преступников «политических» и кулаков, занятых, как мы уже указывали, на гигантских инженерных работах по строительству Беломорского канала. Бригада соревновалась с бригадой за наибольшее количество вырытой земли или прокладку рельсов в определенный срок, причем установлено, что для выполнения той или иной задачи наблюдались случаи отказа от прекращения работ по окончании рабочего дня. Аналогичная картина наблюдается в сельском хозяйстве. «Соревнование,—писал один энтузиаст в 1932 г.,—широко захватив город, перекинулось в деревню, об этом кричат все газеты. каждый день приносит радостные вести. Со всех концов несутся отклики кре-

наоборот, самым желанным делом, заслуживающим общественного одобрения, становится возможность быть героем труда, возможность быть героем ударничества, окруженным ореолом почета среди миллионов трудящихся» (Доклад Сталина XVI съезду; *Ленин и Сталин*, О социалистическом соревновании, Москва 1933, стр. 41—42 (на англ. языке). *Сталин*, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 393—394.—*Ред.*).

¹ «Москау дейли ньюз», 20 сентября 1932.

стьян. Вот ряд фактов, которые доказывают это. Вятка вызвала Кострому. Кострома вызов приняла и, собрав все силы, вызвала Ярославль и Иваново-Вознесенск. Поволжье, Северный Кавказ и Украина соревнуются за лучшее проведение борьбы за урожай, за коллективизацию. Самарские сельскохозяйственные мастерские вызвали на соревнование крестьян села Владимировки и колхоз «Зеленая роща». Рабочие обязались поднять производительность труда и на 1% снизить себестоимость и улучшить качество работы. Крестьяне, в свою очередь, обещают выполнить агроминимум, организовать колхоз, засеять землю чистосортными семенами¹.

Все большее число республик и областей, читаем мы в июле 1933 г., включается в общесоюзное соревнование, инициатором которого явилась Татарская республика, за примерную организацию сбора урожая и выполнение поставок зерна государству в кратчайший срок. Харьковская область соревнуется с Северным Кавказом по следующим пунктам:

1) сбор урожая и молотьба в колхозах и совхозах в кратчайшие сроки; 2) выполнение в кратчайший срок поставки зерна государству и машинно-тракторным станциям с тем, чтобы опередить сроки, установленные правительством; 3) добиться максимального сбора зерна с 1 га путем энергичной борьбы с хищениями и потерями зерна во время уборочных работ².

Социалистическое соревнование на заводах вдохнуло новую жизнь в «производственные конференции» особой формы «участия», при помощи которого все рабочие должны были «улучшить производство». В 1929 г. профессор Гарпер писал, что эти конференции не интересовали *рабочих постолько, не сколько* в них отсутствовал элемент спорта³. Социалистическое соревнование сразу дало большой перелом. «Во всей этой дея-

¹ Е. Микулина, Социалистическое соревнование масс, Москва 1932, стр. 59—60 (на англ. языке).

² «Москау дейли ньюз», 20 июля 1933.

³ «Общие условия работы и политики администрирования на данном предприятии также являются предметом обсуждения со стороны производственных комиссий, а позднее производственных конференций. Производственные комиссии представляют собой одну из нескольких комиссий при заводе. Их цель—следить за работой предприятия и вносить предложения о технических улучшениях или улучшениях общего характера. Бездеятельность этих комиссий вызвала необходимость организовать для обсуждения условий и проблем производства более обширные конференции. Доступ на конференции открыт всем рабочим и служащим данного предприятия, причем администрация и техперсонал настоятельно приглашают принимать участие. Число участников этих конференций было немногочисленно, и недавно профессиональные союзы начали кампанию с целью придать этим конференциям больше авторитета и значения и обеспечить таким образом большее участие рабочих» (С Н. Гарпер, Гражданское воспитание в Советской России, 1929, стр. 150).

тельности,—пишет Джозеф Фримен в 1932 г.,—профсоюзы превратили производственные совещания в подлинные центры руководства соцсоревнования, в школу непосредственного участия рабочих масс в управлении промышленностью. Одновременно производственная конференция является организующим центром «социалистического соревнования» и различного рода «ударных бригад». Она охватывает каждый цех и каждого рабочего за его станком. Члены «ударных бригад», «ударники», являются стеновым хребтом производственной конференции. Так как они являются наиболее передовыми рабочими, то они подают пример другим и вовлекают их в более активное участие в производстве. Все больше и больше рабочих принимают участие в конференциях. Так, в начале 1932 г. около 75% промышленных рабочих в Москве участвовали в производственных конференциях против 35% в 1931 г. За тот же самый период процент в Ленинграде вырос от 45 до 75»¹.

Социалистическое соревнование сыграло большую роль при выдвижении «встречных планов», при помощи которых, как мы уже писали, рабочие какого-либо предприятия выражают свое намерение дать большее количество продукции, чем предусмотрено Госпланом. «На Днепрострое нужно было по плану уложить 427 тыс. кубометров бетона, а рабочие выдвинули встречный план в 500 тыс. кубометров. В результате героической борьбы бригад вместо 500 тыс. кубометров уложено 518 тыс. кубометров. Монтаж первой турбины Днепростроя вместо 90 дней, установленных по плану хозяйственниками, закончен в 36 дней»².

Конечно, легко можно возразить, что подобный энтузиазм представляет собой явление частичное и преходящее. Подобное предположение, однако, должно относиться к капиталистическим странам, где коренное разногласие между рабочими и работодателями неизбежно кладет скорый конец всяким попыткам подобного рода, попыткам, остающимся неоплаченными. При советском коммунизме доказано, что темпы высокой производительности труда могут быть закреплены и даже прогрессивно увеличиваемы. Шверник заявляет, что до революции ежедневная продукция одного меднопрокатного завода при 10-часовом рабочем дне составляла 150 болванок. При советской власти завод стал выпускать ежедневно 360—370 болванок, а когда в результате социалистического соревнования был выдвинут встречный план, то в смену начали выпускать 400—500 болванок, а позднее 665—700. Однажды одна смена победоносно

¹ IX съезд профсоюзов, стр. 79.—*Ред. Джозеф Фримен, Советский рабочий*, 1932, стр. 132 (на англ. языке).

² IX съезд профсоюзов, Москва 1933, стр. 29—30—на англ. языке (IX съезд профсоюзов, стр. 70.—*Ред.*).

выпустила 832 болванки «в честь съезда и трехлетия социалистического соревнования». Здесь мы снова наталкиваемся на тот факт, что увеличение производительности труда не только автоматически увеличивает заработок рабочих-сдельщиков, но также и ежегодный фонд заработной платы или ассигновки на улучшение быта рабочих и, очевидно, оправдывает в глазах заинтересованных рабочих использование спортивного инстинкта для увеличения благосостояния всего народа.

Шефство или попечительство

Существует одна основная характерная особенность социалистического соревнования, совершенно отсутствующая в капиталистических странах и редко встречающаяся за границей даже при наличии той популярности спортивных игр, которыми так увлекаются англичане и американцы. В СССР победители в любом состязании обычно начинают помогать проигравшим для того, чтобы последние могли добиться, по крайней мере, одинаковой с победителями ловкости. Какой-нибудь завод, победивший в социалистическом соревновании с другими заводами, часто посылает ударную бригаду на тот или иной отстающий завод с целью научить рабочих и служащих этого завода, как достичь производительности труда в том же или еще большем объеме, чем завод-победитель. Трудно представить себе, чтобы команды-победительницы в крикет или в футбол в Англии или в бейсбол в США сочли бы своим почетным долгом попытаться научить побежденных противников, каким образом выйти победителями в следующем состязании. Этим интересным импульсом взаимной помощи проникнута за последнее время вся жизнь в СССР. Особенно широко распространена система заключения шефских договоров, часто переходящих в систему шефских обществ, участники которых, помимо личной работы, отчисляют небольшую сумму на могущие возникнуть расходы. «Оказание взаимной помощи в системе социалистического соревнования,—сообщают нам,—наиболее ярко выражается в шефстве, когда какое-нибудь учреждение или организация берут на свое попечение другое учреждение или организацию. Об этом говорят, как о процессе усыновления... В наши дни это означает договор на соревнование и на оказание взаимной помощи при выполнении плана. Самая распространенная форма подобных договоров—это договора между заводами и близлежащими колхозами и коммуналами. Нефтяная промышленность Баку, например, заключила 66 подобных договоров, завод сельскохозяйственных машин, Сельмаш—33.

¹ IX съезд профсоюзов, стр. 77.—*Ред.*

При выработке шефских договоров партия обеспечивает политическое просвещение, завод предоставляет техническую помощь, а комсомол—молодых руководителей. Каждый цех берет на себя шефство над одним из колхозов. Шефское общество организовано в каждом цехе. И члены общества ежемесячно отчисляют 10 коп.»¹. Профессор Гарпер рассказывает, что «существует много разновидностей шефских обществ. Основной принцип их всех состоит в том, что группа лучше организованная, экономически более крепкая и политически более сознательная берет на себя особую ответственность за оказание материальной и моральной помощи группе, более слабо организованной, экономически слабой и политически более отсталой. Широкое поле активности для шефской деятельности—это отношения между пролетариатом и крестьянством. Группа рабочих берет шефство над крестьянами. Шефство завода над военной частью является специфическим выражением такого рода шефства, поскольку в Красной армии преобладают крестьяне. В то же время какой-нибудь полк может стать шефом отряда пионеров. Советские учреждения берут шефство над крестьянским районом, так что трудящаяся интеллигенция тоже может оказывать помощь деревне отсталой в культурном отношении. Культурно-просветительные учреждения «усыновляют» какую-нибудь группу для оказания ей культурной помощи и в свою очередь подпадают под шефство какого-нибудь завода, чтобы поближе познакомиться с производственными процессами... Была организована Центральная шефская комиссия рабоче-крестьянских шефских обществ. Шефство воинских частей регулируется специальным отделом Народного комиссариата по военным делам. В Красном флоте всю шефскую работу взял на себя комсомол. Самый важный момент в шефском движении—это шефство рабочих над крестьянами... В план работы всех шефских обществ входит шефство рабочих над крестьянами и проведение общей линии «лицом к деревне»². Далее профессор С. Н. Гарпер сообщает: «Идея шефских рабочих обществ впервые зародилась в коммунистических ячейках. Коммунистические ячейки выделили шефскую комиссию для партийных организаций сельскохозяйственных районов. Этим контактом фабричная ячейка помогала сельской ячейке в ее деятельности среди крестьян. Позднее, по инициативе фабричных коммунистических ячеек, шефское движение было подхвачено фабрично-заводскими комитетами. В первых стадиях шефского движения принцип добровольного шефства часто терял свое значение ввиду применения коллективных решений всей группы принять

¹ *Гарри Ф. Уорд*, Вместо прибыли, 1933, стр. 122—123.

² *С. Н. Гарпер*, Гражданское воспитание в Советской России, 1929, стр. 189.

на себя ответственность за шефство. С целью придать движению массовый характер среди рабочих вся работа была сосредоточена в руках фабрично-заводских комитетов.

Шефское общество в своем теперешнем виде состоит из представителей партийной ячейки, заводского комитета или «культкомиссии» этого комитета. Таким образом, первоначальное руководство шефским движением со стороны партии остается в силе. Работа руководящих органов шефского движения не выходит за пределы области, так как деятельность шефских обществ всегда происходит лишь в пределах одной области... Городские рабочие, в своем постоянном стремлении к образованию, приветствуют шефство над ними со стороны интеллигенции. Пионеры, естественно, гордятся, если их шефом является полк. Шефство над моряками берут представители того же класса, рабочая и крестьянская молодежь. Политическое значение шефства рабочих над крестьянами коммунисты определяют в общем следующим образом: в то время как антагонизм между городским и сельским населением неизбежен при капиталистической системе, этот антагонизм при советской власти возможен, но может быть предотвращен. Шефские общества самым характером своей деятельности делают почти невозможным возникновение антагонизма между рабочими и крестьянами. Рабочие шефские общества неустанно призываются к более организованным усилиям и развитию более интенсивной активности¹. «Другую форму шефских договоров,—пишет другой наблюдатель,—представляет собой договор, заключенный рабочими текстильной фабрики «Трехгорка» с одним колхозом, с обязательством обучить текстильному делу излишек рабочей силы, которую колхоз обещает прислать на фабрику. Существуют также договоры взаимной помощи по увеличению продукции. В лесной промышленности рабочие лесопильных заводов берут шефство над соседними деревнями, оказывая им помощь в полевых работах, в починке сельскохозяйственных машин, в организации социалистических форм труда и культурных начинаниях. Этот метод касается всех, вплоть до детей. Иногда молодой пионер берет шефство над каким-нибудь определенным станком на заводе. Он следит за исполнением взятого на себя рабочим обязательства не пить, не прогуливать, не опаздывать, содержать свой станок в порядке и чистоте. С другой стороны, пионер берет на себя обязательство в отношении своей учебы»².

Формы шефства бесконечно разнообразны. «Помимо того что рабочие обязываются по этим договорам посылать квалифи-

¹ С. Н. Гарнер, цит. соч., стр. 191.

² Гарри Ф. Уорд, *Вместо прибыли*, 1933, стр. 154—155.

цированную рабочую силу для проведения ремонта сельскохозяйственного инвентаря перед севом и сбором урожая, а также вести культурную работу в деревнях, выражающуюся в организации детских садов, библиотек и детских площадок, эти договоры иногда обязывают обе стороны выполнять или даже перевыполнять соответствующие нормы, установленные планом. Так, например, в договоре между сверлильным цехом и колхозом «Первая пятилетка» последний помимо ряда других пунктов обязуется «расширить весеннюю посевную площадь на 4 015 га (?), повысить сбор урожая на 11% против прошлого года, снизить себестоимость работ на 15%, увеличить число работающих волов до 50, лошадей до 55, дойных коров до 51, свиней до 31 и обзавестись двумя породистыми свиноматками». Сверлильный цех со своей стороны обязуется помимо всего прочего снизить себестоимость продукции на 15%, сократить число невыходов на работу по неуважительным причинам до 0,03%, текучесть до 3%; перевести на хозрасчет к 1 января 50% всех рабочих, а к 1 мая—75%»¹.

«Другим примером является помощь автомобильного завода АМО (Москва) Ново-Анненскому району на Нижней Волге. АМО послал в этот район 30 высококвалифицированных рабочих в совхоз „Рабочий АМО“. 10 рабочих являются теперь председателями сельсоветов и т. д. В районе имеется уже 106 рабочих АМО, некоторые из них занимают ответственные партийные и советские посты (секретари райкомов, председатели исполкомов и т. п.)... 6 грузовиков, сеялки, 2 плуга, запасные части и другое оборудование были посланы в совхозы благодаря помощи АМО. Во время весенней посевной кампании завод организовал 26 яслей; комсомольцы АМО из металлического лома сделали на заводе 500 кроваток для яслей. В район был выслан автомобиль-кинопередвижка. Благодаря энергичной работе общестественности АМО и заботе его о районе последний был полностью радиофицирован и оборудован телефонами

¹ Гарри Ф. Уорд, цит. соч., стр. 153.

Рабочие Ленинградского порта взяли шефство над арктической экспедицией 1933/34 г.

«Социалистический договор о шефстве с рабочими Северной верфи в Ленинграде был недавно подписан профессором Отто Ю. Шмидтом, начальником челюскинской экспедиции». «Моральная поддержка наших шефов и всех трудящихся Советского Союза вообще даст нам возможность преодолеть одну из главных трудностей в Арктике,—одиночество»,—заявил профессор Шмидт во время своего выступления на площади ударника в Центральном парке культуры и отдыха на Елагином острове.

«Две тысячи ленинградских рабочих заполнили площадь, и горячие приветствия, которыми были встречены Шмидт, Воронин, капитан «Челюскина», а также герой «Сибириакова», явились прекрасной иллюстрацией к словам Шмидта, что «В Советском Союзе всякое новое начинание глубоко затрагивает всех трудящихся». «Москау дейли ньюз», 22 июля 1933.

во время весеннего сева. В район была послана редакция для организации на месте постоянной колхозной газеты»¹.

Строительство обширной сети начальных школ по всему СССР в значительной мере облегчается системой шефства рабочих. «Накануне начала учебного года заводы заканчивают постройку новых зданий, переоборудуют и ремонтируют существующие здания. Шефство над начальными школами поистине приняло огромные размеры. Одни машиностроительные заводы взяли шефство над 4 350 школами, железнодорожные рабочие над 3 400 школами, текстильные фабрики над 2 600 школами. Другие отрасли промышленности также оказывают значительную помощь начальным школам... Нехватки материала и рабочей силы иногда препятствуют завершению постройки школ в срок. В таких случаях завод, шефствующий над той или иной школой, может оказать неоценимую помощь»².

Принцип шефства, естественно, применяется не только фабричными рабочими или индустриальными профессиональными союзами.

Один молодой служащий, занимающий высокий пост на советской гражданской службе, рассказал нам, как в одном из главных правительственных учреждений в Москве, в котором он тогда служил, организовалось шефское общество для оказания помощи отстающему колхозу, находящемуся милях в 50 от города. Это общество, председателем которого был избран рассказчик, снабдило колхоз элементарными учебниками по бухгалтерии, пишущей машинкой и другими необходимыми канцелярскими принадлежностями. Члены шефского общества постановили проводить свои отпуска в колхозе, где они помогали при полевых работах, следили за счетоводством и вели культурно-просветительную работу среди крестьян всех возрастов. Трудно представить себе, чтобы «джентльмены» из Форейнофиса³ или военного министерства в Лондоне, или даже те, которые работали в Тойнби Холл⁴, оказали подобный род услуг группе мелких фермеров Эссекса или Кента⁵.

¹ П. Керженцев, *Большевизм для начинающих*, 1931, стр. 68 (на англ. языке).

² «Москау дейли ньюз», 21 августа 1933.

³ Английское министерство иностранных дел.—*Ред.*

⁴ Место конференции лейбористской партии.—*Ред.*

⁵ Английские графства.—*Ред.* Интересно отметить, что в 1929 г. в вышеуказанном колхозе было 17 членов, в 1930 г., под влиянием не в меру восторженных членов партии, число колхозников достигло 95. После статьи Сталина «Головокружение от успехов» 50 крестьян вышли из колхоза, но в 1932 и 1933 гг. число колхозников снова возросло до 80. Остальные не разрешили вернуться в колхоз из-за их прежнего выхода из него, но полагают, что постепенно один за другим они все-таки будут приняты обратно.

Любопытная фаза в развитии шефского движения—это откомандирование некоторыми профсоюзами значительного числа своих наиболее способных членов на производство (каждый раз с согласия администрации) в качестве главным образом временных помощников начальников цехов, инспекторов или помощников директоров. Этим преследуется двоякая цель. Полагают, что подобным образом удастся противостоять постоянно существующей тенденции канцелярских работников и заведующих отделами не соприкасаться с рабочими у станка и горна. Также полагают, что этим до известной меры будет парализована склонность к «бюрократизму». Кроме того указанный метод сможет дать возможность наметить наиболее способных людей, мужчин и женщин, заслуживающих повышения. На IX Всесоюзном съезде профсоюзов в 1933 г. было заявлено, что не менее 5 тыс. индустриальных рабочих временно работали в качестве помощников или заместителей директоров на 1 500 предприятиях, а 40 тыс. занимали более мелкие должности на этих предприятиях.

«Наиболее далеко идущая форма шефской работы—это установление тесной производственной связи между наиболее крупными заводами и сельскохозяйственным районом, который снабжает их сырьем. Так например, текстильные рабочие взяли шефство над хлопководческими районами Центральной Азии. При помощи подобных шефских договоров организационный опыт промышленности передается сельскому хозяйству. Этот опыт учит развивать ударную работу, новые социалистические формы труда и социалистическое соревнование; сельское хозяйство механизмуется и в то же время развивается на основе социалистических методов¹. Западноевропейский наблюдатель становится втупик, когда он видит, как одну часть населения призывают проверять и наблюдать и тем самым оказывать добровольную помощь другой части населения. Так, в 1933 г. сельским советам Северного Кавказа было официально поручено проверить работу колхозов в соседних районах и указать им, как надо работать в будущем. Украинским сельским советам в Донбассе было предложено взять шефство над угольными шахтами этого района, которые сильно отставали в выпуске намеченной планом продукции, для того чтобы выяснить причины отставания в работе и показать рабочим и техническому персоналу, каким образом можно повысить добычу угля. В другом месте мы опишем, как каждому фабричному рабочему внушается, что его социальным долгом является внесение предложений об улучшении работы предприятия в целом, а также о внесении нововведений, которые улучшат методы работы. Подобные пред-

¹ «Москау дейли ньюз», 5 ноября 1932.

ложения вносятся через профсоюз. Эта форма добровольного внесения предложений распространена среди всех граждан. Во время выборов в Московский городской совет в 1932 г. было внесено более 100 тыс. критических замечаний о работе городского управления, причем каждое замечание сопровождалось предложением улучшить работу. Шефство рабочих над государственным аппаратом (sic!) играло особое значение во время реконструктивного периода. Это шефство началось по инициативе Московского электрозавода в период чистки государственного аппарата. Его значение было тотчас же признано, и эти формы шефства быстро распространились. Через полгода после инициативы Электрозавода XVI партийный съезд ВКП(б) согласно отчету ЦИК (повидимому, ЦКК—РКИ.—*Ред.*) заявил, что «Одним из крупнейших завоеваний в области борьбы с бюрократизмом является новая массовая форма рабочего контроля снизу—*шефство заводов над соваппаратом* (курсив авторов). Шефство заводов и передача рабочим исполнения отдельных функций госаппарата является крупным шагом по пути осуществления идеи Ленина о том, что «целью нашей является бесплатное выполнение государственных обязанностей каждым трудящимся по отбытии восьмичасового „урока“ производственной работы». Семичасовой рабочий день открывает новые возможности для реализации этих указаний Ленина.

Основная задача шефства должна заключаться в повседневном контроле со стороны заводов-шефов над исполнением подшефным аппаратом важнейших директив партии и правительства. Именно повседневное ознакомление рабочих с практической работой учреждения создаст мощный резерв новых пролетарских кадров для постоянной работы в соваппарате».

Трудно, думается, переоценить все то воспитательное влияние, которое оказывает на миллионы людей, населяющих Советский Союз, широкое и разнообразное применение таких форм, как социалистическое соревнование, добровольная работа и различные виды шефства. Один американский наблюдатель справедливо обращает внимание на ряд моральных и интеллектуальных сторон этого влияния. «Один из результатов этого влияния,—пишет Уорд,—заключается в том, что по мере того как русские овладевают техникой социалистического строительства и набирают силы, прежняя их отсталость отходит на задний план. Другой результат тот, что развивается чувство радости при работе, возвращается трудовая песня, вытесненная приближением индустриализма... Часто работники входят в поле или идут на свои заводы с песнями и развещаю-

¹ XVI съезд ВКП(б), стенографический отчет, стр. 720.—*Ред.*

чимися знаменами. Эта радостная совместная работа укрепляет солидарность. Она постепенно связывает воедино массы народа, которые включают и народности, прежде душившие друг друга во время погромов и ведшие расовую рознь... Таким образом социалистическое соревнование, вместо того чтобы разделять людей на классы подобно форме соревнования, принятой в капиталистическом мире, связывает различные группы населения в единую компактную массу, стремящуюся к единству знаний, цели и достижений»¹.

Ударники

Ударники—это рабочие, а иногда работницы, и не только члены партии или комсомола, которые добровольно обязались дать лучшие и более высокие показатели работы или взять на себя выполнение особых заданий, не входящих в круг их прямых обязанностей, с целью помочь строительству социалистического государства, в частности обеспечить выполнение генерального плана. Ударники борются за увеличение продукции, уменьшение брака и числа аварий, борются за то, чтобы положить конец ненужной трате времени и прогулам и максимально использовать орудие социалистического соревнования. Первая ударная бригада была организована комсомольцами Лысьвенского завода в конце 1928 г. Этот пример был широко освещен в советской печати и начал быстро распространяться. К первому апреля 1929 г. в стране насчитывалось уже 70 промышленных предприятий, в которых работали ударные бригады. Новые идеи с быстротой молнии распространяются по всему Советскому Союзу. В декабре 1929 г. в Москве состоялся Всесоюзный съезд ударников. К тому времени в стране уже насчитывалось 300 тыс. ударников. Эту цифру подтвердило обследование, произведенное Центральным исполнительным комитетом (ЦИК), установившее, что из 1 101 тыс. рабочих, занятых на 1 534 предприятиях, 60% принимали участие в социалистическом соревновании, а 29% вошли в состав ударных бригад².

¹ Гарри Ф. Уорд, *Вместо прибыли*, 1933, стр. 151—152—155.

² Из статьи, озаглавленной «Социалистическое соревнование и ударничество», приложение к докладу ЦИК (ЦК.—*Ред.*) на IX Всесоюзном съезде профсоюзов, 1932, стр. 22—26. В приложении (к англ. изданию.—*Ред.*) были приведены следующие статистические данные:

Число ударников на 1 марта 1930 г. по ведущим профессиональным союзам:

Профессиональные союзы	Число рабочих	% ударников
Металлистов	567 250	60,0
Бумажников	26 312	58,2

Формы ударничества самые разнообразные и всегда преследуют общую цель увеличить продукцию и снизить себестоимость. Ударники работают с бешеной интенсивностью, стыдя других рабочих и показывая пример, как правильно организовывать труд и повысить производительность. Ударники обычно работают нормальный рабочий день за исключением тех случаев, когда перед ними поставлены особые задания. Тогда ударная бригада может работать всю ночь напролет. Ударники обычно не получают и не ожидают особого вознаграждения за свои совершенно исключительные усилия, хотя при наличии сдельной системы их общий заработок, естественно, выше, чем заработок среднего рабочего. Ударники находят себе вознаграждение в общественном одобрении, а также часто в особом к ним внимании. Они получают в первую очередь театральные билеты или места в экскурсиях. В 1931 г. избранные группы ударников совершили бесплатную поездку вокруг Европы, а также посетили Дальний Восток. Ударников обычно выбирают в различные советы и комитеты. Часто для них устраивают отдельные столовые при заводе, иногда с цветами на столе, с посеребренными ножами и вилками и разными деликатесами¹.

Профессиональные союзы	Число рабочих	% ударников
Текстильщиков	181 281	48,08
Химиков	29 641	47,1
Железнодорожников	206 752	41,4
Деревообделочников	88 516	41,0
Строителей	150 858	38,0
<i>Число ударников на 1 января 1932 г. в промышленности и железнодорожном транспорте:</i>		
	Число рабочих	% ударников
В промышленности	5 040 600	3 236 100
В железнодорожн. транспорте	1 253 300	643 000
Всего	6 293 900	3 879 100

Средний процент ударников на 1 января 1932 г.:

Среди рабочих	64,2
Среди членов коммунистической партии	75,3
Среди членов комсомола	68,7

¹ В некоторых местах сообщают нам: «Рабочие-ударники получают специальные книжки, дающие им право приобретать товары, которых не могут приобрести простые рабочие, иногда в заводском кооперативе, а в более крупных центрах в особых магазинах для ударников. Ударники получают свой паек вне очереди. В колхозах и на лесоразработках, где часто наблюдается нехватка товаров, лучшие рабочие получают эти товары в первую очередь» (*Гарри Ф. Уорд*, Вместо прибыли, 1933, стр. 33).

«По инициативе ВЦСПС был поставлен вопрос о преимущественном снабжении ударников. Фонды снабжения ударников в I квартале 1931 г.

Интересующиеся изучением социальных вопросов не могут недооценивать действие подобного движения не только на психологию самих ударников, но и на психологию всего рабочего класса, который, помимо того, что его поощряют к увеличению продукции, самим фактом выражения общественного одобрения и почета, оказываемого тем же рабочим, начинает бессознательно понимать, что труд является не только источником получения заработной платы, но и представляет более высокое и почетное занятие. Число ударников продолжало быстро расти. В январе 1933 г. редактор «Известий» мог заявить, что в авангарде трудящихся масс находилась «Армия из трех миллионов ударников, армия, ставшая неотделимой от пятилетнего плана, неотделимой от большевизма и от Советов, потому что ударники являются плотью и кровью социалистического строительства. Ударники,—заключает он,—представляют собой пролетариат, который перевоспитывается в процессе переустройства мира»¹.

Хозяйственно-расчетные бригады

Ударная бригада своеобразного рода, называемая хозяйственно-расчетной бригадой, выявляет индивидуальную выработку каждого из своих членов, с тем чтобы установить, каким образом можно было бы увеличить продукцию и снизить себестоимость. Как уже было указано, началу организации этих бригад положили несколько ударников одного из ленинградских заводов в начале 1931 г. Они обнаружили, что система распределения рабочего времени для выполнения различных фаз работы дала им возможность выработать методы, которые значительно снижали себестоимость продукции. Они переслали свои наблюдения в еженедельную газету ВЦСПС «Труд», осветившую их в ряде последующих статей. Новая мысль была с жадностью подхвачена ударными бригадами по всему СССР. «Если на 1 февраля 1931 г.,—заявил секретарь ВЦСПС,—по СССР насчитывалось только 10 хозрасчетных бригад с охватом 130 чел., то на 1 апреля 1932 г. число их достигает 155 тыс. с охватом около 1½ млн. человек. Я должен отметить, что на первом месте идет Ленинград. В Ленинграде была проявлена первая инициатива организации хозрасчетных бригад, и сей-

составляли примерно 20,4%, а в IV квартале 39% общего фонда снабжения рабочих.

Мы исходили из того, что тех, кто действительно по-большевистски борется за высокие темпы нашего строительства и показывает образцы работы, надо поставить в лучшие условия по снабжению».

Речь Шверника на IX съезде профсоюзов, стр. 69—на англ. языке (IX съезд профсоюзов, стр. 98.—*Ред.*).

¹ «Известия», январь 1933.

час там уже 70% рабочих охвачено хозрасчетными бригадами. В Московской области 30 тыс. хозрасчетных бригад, охватывающих около 400 тыс. рабочих. По Украине насчитывается до 25 тыс. хозрасчетных бригад с охватом 300 тыс. рабочих. Эти цифры красноречиво говорят, что *рабочий класс создает новые, более высокие формы организации труда, которые дают возможность еще шире вовлекать рабочие массы в непосредственное управление производством.* Нет ни одной отрасли промышленности, где бы не развивались хозрасчетные бригады как основная форма соцсоревнования, как наиболее совершенная форма организации труда на предприятии...

... *Хозрасчетная бригада наиболее полно обеспечивает воздействие рабочего на ход производства и задачу обучения миллионов рабочих управлению народным хозяйством.* ...Так, например, на металлургическом заводе им. Дзержинского в бессемеровском цехе, где хорошо работают хозрасчетные бригады, из 22 хозрасчетных бригад 17 выполнили в январе 1932 г. 107% задания при невыполнении производственной программы всем заводом...

Бригады показывают образцы работы в борьбе за качественные показатели. Бригада механосборочного цеха Сталинградского тракторного завода добилась снижения брака в пять раз против планового задания и за три месяца сэкономила 3 800 руб., совершенно ликвидированы прогулы, сокращено число рабочих с 72 по штату до 32 путем прикрепления одного рабочего к 3—4 станкам...

Хозрасчетная бригада Волокитина («Красный путиловец») вместо 924 часов рабочего времени выполнила задание в 775 трудочасов. Такой... просчет у технического руководства в оценке необходимого времени для конкретной работы можно было вскрыть именно потому, что соцсоревнование и его высшая форма—хозрасчетные бригады—на деле выявили подлинное социалистическое отношение к труду со стороны участников бригады... Подсчеты, произведенные хозрасчетниками этой смены, установили, что если ликвидировать простои, то имеется возможность увеличить норму, позволяющую выполнить популярную производственную программу. Бригада каталей Демина (Сталинский металлургический завод) с переходом на хозрасчет вместо установленного штата в 60 чел. фактически работает со штатом в 45 чел...

При активном участии хозрасчетных бригад и при их воздействии был перестроен технологический процесс в винтовом цехе завода «Красный Профинтерн». В результате—значительное повышение производительности труда, лучшая постановка учета, в частности ликвидация обезлички в учете продукции, который теперь ведется по каждому станку...

Решения всесоюзного совещания хозрасчетных бригад, созванного ВЦСПС 20 марта текущего года, имеют крупнейшее хозяйственно-политическое значение. Совещание анализировало состояние движения хозрасчетных бригад, выявило основные тормозы, препятствующие хозрасчетному движению, и наметило конкретную программу качественного укрепления хозрасчетных бригад»¹.

Общественная польза хозяйственно-расчетных бригад полностью признана. «Инициативой рабочих в борьбе за развертывание соцсоревнования,—заявил Шверник,—выдвинуты разнообразные формы: общественный буксир, сквозные бригады, бригады борьбы за качество, бригады за снижение себестоимости. Но как главное необходимо отметить сменно-встречный план и хозрасчетные бригады, которые поднимают соцсоревнование на высшую ступень»².

Естественно, что все эти миллионы ударников охвачены энтузиазмом не в одинаковой мере, и с разной степенью добросовестности относятся к своим обязательствам давать более высокие показатели производительности труда, чем обыкновенный рабочий. Но за отстающими ударниками следят, им делают выговоры, предупреждают и, если нужно, исключают³. Все эти меры приносят даже пользу. Они являются частью социальной эволюции, причем частью далеко не последней по своему значению. «Наблюдение за выполнением взятых на себя обязательств означает, что рабочие должны подчиняться той же дисциплине, которую в свои лучшие дни ввел среди торговцев и банкиров капитализм. В результате, когда кулак перерождается, он находит новое объяснение для некоторых своих поступков, которые делали из него раньше социального врага. Правдивость также становится обязательным условием при плановой системе, для того чтобы тот, который планирует, не был бы обманут или поставлен на неправильный путь»⁴.

Субботники или добровольцы труда

Предвестником ударных бригад и социалистического соревнования была добровольная общественная работа, предпринимаемая безвозмездно в целях выполнить ту или иную

¹ Речь Шверника на IX съезде профсоюзов, 1933, стр. 28—на англ. языке (IX съезд профсоюзов, стр. 70—75.—*Ред.*).

² Там же, стр. 69.—*Ред.*

³ Самое вредное в ударничестве то, что есть много таких людей, которые афишируют это движение, устраивают торжественные заседания и обмен приветствиями, дают друг перед другом клятву и обещание и ничего больше («Комсомол—единая ударная бригада», брошюра генерального секретаря комсомола).

⁴ *Гарри Ф. Уорд*, *Вместо прибыли*, 1933, стр. 61.

задачу. Это движение началось в годы гражданской войны в форме «субботников», в которых принимали участие группы рабочих-добровольцев, с тем чтобы выполнить в свое свободное от работы время какое-нибудь неотложное задание¹.

Железнодорожные рабочие Казани были первыми, которые пожертвовали своим свободным временем, и Ленин во всеуслышание назвал их поступок «великим почином» подлинного коммунизма. Субботники скоро стали обычным явлением среди всевозможных рабочих, в учреждениях, организациях и на промышленных предприятиях. «Осенью каждого года большая часть населения Москвы помогает разгружать картофель и овощи, а зимою расчищают улицы после снежного бурана, парализовавшего движение». «Москау дейли ньюз» сообщали, что несколько деревень организовали субботник для изготовления грубой мебели, в которой нуждалась школа, где учителя-добровольцы обучали неграмотных. Один американский специалист по лесному делу пишет, что в одном экстренном случае в лесу собралось 120 человек и «в течение 4½ часов проделали работу, которая при нормальных условиях смогла бы быть выполнена в 80 дней». Во время строительства огромного тракторного завода в Харькове вокруг строящихся зданий выросли горы мусора, и жители города поставили перед собой задачу убрать весь мусор, не отвлекая заводских рабочих от достройки и оборудования завода, в котором так неотложно нуждалась страна. По свободным дням вокруг зданий собирались толпы людей, которые скоро закончили эту большую работу. В некоторые дни, казалось, как сообщали, трамваи словно выбрасывали участников большого праздничного гулянья. Считают, что общее число работавших достигало, по меньшей мере, 30 тысяч. Корреспондент одной французской газеты был поражен при виде толпы добровольцев, помогавших чинить мостовые в Ленинграде. «Дело происходило в начале лета на Лиговской в Ленинграде, около вокзала. Я увидел сотни мужчин, женщин и даже детей, вытаскивающих из мостовой

¹ В 1919 г., в год холода и голода, был организован первый коммунистический субботник. Рабочие и красноармейцы вызвались ремонтировать паровозы, грузить лес, уголь и т. д. после окончания своего рабочего дня. Когда гражданская война окончилась, рабочие организовали субботники для восстановления заводов. Горняки Донбасса, стоя по пояс в воде, замерзающие от холода и голодные, выкачивали воду из шахт, затопленных белогвардейцами. В годы реконструкции энтузиазм рабочих нашел свое выражение в мощном движении соцсоревнования и ударничества. Это движение подтвердило правильность слов Ленина, что социалистический строй не убивает инициативу, а открывает перед ней широкое поле действия. Социалистическая эпоха родила новый тип мужчин и женщин, новое отношение к труду («Победа социалистической промышленности в СССР», Москва 1931, стр. 22—23—на англ. языке).

² *Гарри Ф. Уорд*, Вместо прибыли, 1933, стр. 113.

гранитные плитки. При самом сильном воображении этих людей нельзя было принять за землекопов. Вокруг них стояли смеющиеся группы людей и весело подбодряли работающих. Девушки, по виду больше привыкшие к пишущим машинкам, старались из всех сил, передавая друг другу тяжелые камни. В работе также принимали участие мужчины, одетые, как конторские служащие. Дети тоже исполняли посильную работу. Время от времени грузовики подвозили новые подкрепления... и все эти импровизированные землекопы защищали свои руки мягкими перчатками... Это незабываемое для меня зрелище—одна из наиболее ярких картин, виденных мною в СССР, и я могу поручиться, что во всем этом не было никаких признаков принудительного труда. Эти люди были движимы лишь чувством самого благородного энтузиазма к работе, которая со временем вознаградит их сторицей¹. Луганский паровозостроительный завод вступил в строй в назначенный срок лишь благодаря массовым усилиям армии добровольцев, составленной из рабочих всех имевшихся в городе профессий². Наблюдатель в СССР наталкивается на «свободную работу» в самых неожиданных местах. Одна переводчица сказала, что она устала, так как накануне вечером все сотрудники Интурист в добровольном порядке отбирали с 8 до 12 часов картофель в сыром подвале. Я спросил—почему. «Он принадлежит всем и нельзя дать ему сгнить». Тот же метод применяется и по отношению к детям. В одной маленькой школе детям предложили в порядке общественной работы отобрать семенной картофель. Из них только пятеро смогли проработать до вечера. Их имена были занесены на красную доску, и дети получили ордера в кооператив на ботинки³.

Наиболее выдающийся случай использования добровольного труда в период 1933—1934 гг. имел место при строительстве Московского метрополитена—геркулесовской задачи, бесперебойно проводившейся в жизнь как дело «доблести и героизма» ревностными «строителями социалистического государства» в период нехватки продуктов и сильной перенаселенности. Помимо десятков тысяч постоянных рабочих, на строительстве этого великого сооружения работали более 200 тыс. мужчин и женщин всех возрастов. Это были как члены партии, так и беспартийные, пришедшие почти со всех заводов и учреждений Москвы; они добровольно работали по своим свободным дням в течение девяти месяцев, начиная с января 1933, чтобы первый участок пути был бы открыт ко дню XVII годовщины

¹ Статья М. Д. Перре в «Травай» (Париж), переведенная в «Совет калчур», февраль 1934.

² «Москау дейли ньюз», 27 августа 1933.

³ Гарри Ф. Уорд, Вместо прибыли, 1933, стр. 34.

Октябрьской революции. На субботниках участвовали такие выдающиеся люди, как Л. М. Каганович, один из главных секретарей коммунистической партии; руководители и члены Московского комитета коммунистической партии; и, наконец, командующий московским военным округом, которого видели «работавшим целый день в шахте № 36—7». В этой работе принимали участие не только жители Москвы и дело не ограничивалось лишь погрузкой и разгрузкой материалов или удалением гор земли. Рабочие одного крупного ленинградского машиноремонтного завода обязались раз в месяц бесплатно чинить по своим свободным дням все машины, «выведенные из строя на строительстве метро». Рабочие других заводов обязались следить добровольно за тем, чтобы выполнение всех заказов для Метростроя было ускорено. Ударные бригады завода «Красный пролетарий» со всей энергией взялись за постройку вагонов для метро, чтобы обеспечить нормальное движение в день его открытия. Графики хода работы Метростроя за день и за неделю не только демонстрировались в Москве, но и во всех крупных промышленных центрах. В летние месяцы «кривая достижений неуклонно повышалась». Рабочие всего СССР гордились при мысли, что именно такая «преданность делу» дала возможность в намеченные сроки пустить метрополитен—лучший из всех имеющихся—в Париже, Лондоне или Нью-Йорке.

Обязанность перед обществом

То, что началось исключительно усердными субботниками, вылилось со временем в общественную обязанность, возложенную на всех добрых граждан. От каждого гражданина теперь ожидается, как нечто совершенно естественное, готовность взять на себя, помимо того занятия, за которое он получает заработную плату, какую-нибудь общественную работу, которая, как того требует «коммунистическая этика», должна быть выполняема ревностно и безвозмездно и на которой настаивает окружающее общественное мнение. Эта работа не заключается лишь в том, чтобы совершать «по хорошему поступку каждый день», что ожидается от английских бойскаутов. Помимо проявления учтивости и доброты от каждого доброго гражданина СССР ожидается в течение нескольких часов без отдыха тяжелая физическая работа, характер которой зависит от того, что диктуется общественными интересами. Готовность выполнить такую работу поразительна. Пионеры обычно про-

¹ О рабочих-добровольцах Метростроя см. многочисленные заметки в «Известиях» и в «Москва дейли ньюз» в течение весны и лета 1933.

водят долгое время в поле, помогая членам колхоза. Тысячи комсомольцев помогли в 1931 г. починить московские улицы, и они были в первых рядах тех, кто строит Московский метрополитен. Люди всех возрастов и самых разнообразных профессий систематически обучают неграмотных читать и писать в продолжение стольких-то часов в неделю¹. Значительная часть повседневной работы городского управления в Москве и Ленинграде, как то: санитарная инспекция и сбор местных налогов, т. е. работа, которой в Англии занят штат платных сотрудников, в этих городах регулярно проводится 50 тыс. добровольцев как часть «бесплатной работы», выполнить которую они считают своим долгом. Невыполнение этой новой обязанности, наложенной коммунистической этикой, хотя и не приводит никогда к вмешательству закона, но тем не менее может повлечь за собой применение кое-каких мер. Взятие на себя общественной работы ожидается от каждого гражданина, причем представляется полная свобода выбора той или иной работы. Для члена или кандидата партии, комсомольца и пионера общественная работа считается обязанностью. При таких условиях о невыполнении общественной работы могут вспомнить на периодических чистках и в результате, вероятно, последует выговор, а в некоторых случаях и исключение из партии. Несение общественной работы также требуется от члена профсоюза, и ее невыполнение может вызвать отвод при выдвижении его кандидатуры в совет или профсоюзный комитет. Кроме того это восстановит против него при распределении мест в дома отдыха во время отпуска и даже при предоставлении театральных билетов.

Подобные общественные обязанности все чаще возлагаются на членов колхозов, и невыполнение этих обязательств учитывается при распределении излишков или при раздаче наград. Пришлось, однако, специально оговорить возможность чрезмерного увлечения при проведении в жизнь этой идеи. Были даны официальные указания, что пионерам не следует давать слишком тяжелой физической работы; было дано также указание, что комсомольцев лучше использовать на культурной работе, чем на производстве, и что крайне желательно, чтобы

¹ Шверник, секретарь Всесоюзного центрального комитета профессиональных союзов (ВЦСПС), утверждает, что: «Профсоюзы вовлекли миллионы добровольцев в активную работу по ликвидации неграмотности. В 1931 г. 80% из 1 304 тыс. неграмотных и 1 895 тыс. малограмотных обучены бесплатно силами добровольцев. По союзу рабочих хлопчатобумажной промышленности из 22 958 неграмотных охвачено учебой 17 085 чел. Фабрика им. Ленина «Коммунистический авангард», «Красный перекоп», «Большевик»... Ярцевский завод в Ивановской области достигли поголовной грамотности». IX съезд профсоюзов, 1933, стр. 84—на англ. языке (IX съезд профсоюзов, стр. 108—109.—*Ред.*).

учителя использовали свои часы досуга для повышения квалификации.

Общественная работа в СССР и за границей

Интересно вспомнить в этом отношении ту большую общественную работу, которая ведется в Великобритании и (в меньшем объеме) также в США¹, главным образом по линии благотворительных организаций, в магистратуре и различных местных комитетах. Как сравнить добровольную деятельность в свободное время в СССР с той же работой, которая проводится с такой самоотверженностью и бескорыстностью в некоторых других странах. Прежде всего остановимся на сравнительном объеме активного участия населения в общественной работе. В западноевропейских странах в этой добровольной деятельности принимают участие почти исключительно представители среднего и высшего класса (не считая «активистов» в тредюнионах и дружеской самопомощи), причем число активных участников ни в одной стране не превышает 100—200 тыс. В СССР общественная работа признана социальной обязанностью многих миллионов, которые все живут на свой заработок или скромное жалованье. В западноевропейских странах общественная работа—прежде всего дело филантропии, и общественное мнение не рассматривает эту работу как общий долг всех. Кроме того общественная работа ведется обычно ради интересов «бедных». В СССР никто не думает о благотворительности, и общественная работа, которая ожидается от каждого в зависимости от его способностей, служит делу общества в целом. В западноевропейских странах общественная работа, которая ведется лишь незначительным меньшинством людей, получивших образование при исключительно благоприятных условиях, почти всегда принимает формы добровольного участия в отправлении функции по управлению государством, т. е. участвуя в управлении, эти люди практически никогда не занимаются физическим трудом. В СССР, с другой стороны, большая часть общественной работы заключается в тяжелом и однообразном труде, обычно не требующем никакой квалификации; этот труд употребляется в дополнение к труду обычного штата строительных или заводских рабочих.

¹ Было бы несправедливо не упомянуть о великой самоотверженности в деле служения обществу в дореволюционной России, особенно после 1900 г. Речь идет не столько о представителях аристократии и имущих классов, сколько об интеллигенции, в частности, докторам, учителях и тех, кто работал в земствах. Во время войны, главным образом, в ее первые годы, проводилась большая общественная работа по сбору продуктов, по оказанию медицинской помощи и т. д.

Наконец, не будет несправедливостью, если мы укажем, что добровольная общественная работа, отличающая представителей среднего и высших классов на Западе, среди которых наиболее широко развито чувство общественности, почти не проникнута духом товарищества по отношению к народным массам, в интересах которых, якобы, проводится эта работа. В СССР сознательное чувство товарищества стоит на первом плане. Оглядываясь на настойчивость и быстрое развитие этого добровольного и безвозмездного труда, который в течение последних 15 лет предоставлялся буквально миллионам рабочих, нельзя не отметить его социального значения. Ленин, не будучи инициатором общественного труда, сразу оценил и приветствовал его значение. В 1919 г. Ленин заявил, что «„Коммунистические субботники“ именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни...

Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда. Это—дело очень трудное и очень долгое, но *оно начато*, вот в чем самое главное. Если в голодной Москве летом 1919 г. голодные рабочие, пережившие тяжелых четыре года империалистской войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир?

Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих»¹.

Общественные почести и порицание

В течение тысячелетий во всех странах высокой цивилизации общественные почести являлись мощным стимулом общественного служения. Во все времена воин и государственный деятель, а в последние сто, примерно, лет также исследователь и изобретатель, даже ученый и гений литературы и искусств вознаграждались особыми проявлениями общест-

¹ Статья Ленина, написанная в 1919 г. Ленин и Сталин о социалистическом соревновании, Москва 1933, стр. 26—27—на англ. языке (*Ленин*, Соч., т. XXIV, стр. 339—342.—*Ред.*).

венного почета и признания. В СССР присуждение знаков общественного почета за особые заслуги, главным образом за достижения простого труда, принимает многие формы. На заводах и фабриках имеются «доски почета» того или иного рода (они вызывают в памяти применение подобных же средств Робертом Оуэном в Нью-Ланарке век с четвертью тому назад); на доски заносятся имена отличившихся рабочих и сущность того, чем они отличились. Ударники, победившие в социалистическом соревновании, могут быть введены в президиум торжественного собрания под аплодисменты присутствующих и звуки «Интернационала». На более высокой ступени стоят портреты героев труда, публично выставляемые, или статуи, предназначенные для увековечения их имен в местных «парках культуры и отдыха».

Но почести выражаются и в формах, применяемых на Западе. Ученый, чьи труды высоко ценятся его коллегами, может быть кооптирован в Академию наук. Отличившийся писатель, поэт или драматург может быть чествуем публичными торжествами, концертом или чтением его произведений.

Для выдающихся героев труда и иных областей общественного служения установлены даже подобию орденов рыцарства, которые давно применяются европейскими монархами и республиками.

Советские ордена

В настоящее время имеется несколько таких орденов. Орден Ленина присуждается за исключительные общественные заслуги, главным образом в области физического труда, в особенности мужчинам и женщинам, отличившимся тем, что они вели за собой своих товарищей рабочих в деле успешного выполнения первого пятилетнего плана в четыре года. Орден Трудового красного знамени присуждается «по специальному постановлению» ЦИК СССР или одной из союзных советских республик по ходатайству рабочей организации за особые заслуги в области производства, за научную работу или за заслуги перед государством и общественностью. Как правило, этот орден присуждается лицам, имеющим 35-летний стаж труда, но в исключительных случаях это условие не обязательно... Орден Трудового красного знамени дает право на бесплатный проезд в московских трамваях, на бесплатный проезд раз в год в любой пункт СССР и на пенсию в размере 30 рублей в год¹. Он также сокращает срок для получения обычной пенсии, прибавляя к служебному стажу определенное число лет. Среди миллионов профсоюзников лучшей проф-

¹ Гарри Ф. Уорд, *Вместо прибыли*, 1933, стр. 81.

группой была, заявил генеральный секретарь ВЦСПС в 1933 г. на заводе им. Карла Маркса, «...профгруппа т. Яновского... группа систематически перевыполняет промфинплан (110%), по производительности труда—119%, полностью ликвидирован брак. Профгруппа добилась экономии материалов на 1 356 рублей; каждый член профгруппы был премирован»¹.

Также имеется третий знак отличия—орден Красной звезды.

Досрочное окончание строительства Балтийско-Беломорского канала было ознаменовано присуждением всех этих орденов отличия так же, как и других форм почета. 31 лучший рабочий получили ордена Ленина или Красного знамени или Красной звезды. Это присуждение наград было тем более замечательным, что 200 тыс. рабочих этого огромного предприятия состояло почти целиком из осужденных уголовных или политических преступников или кулаков, высланных из районов коллективизации. Избранные для награждения 31 человек включали, с одной стороны, Г. Г. Ягоду, заместителя председателя ОГПУ, под руководством которого производилась вся работа, Л. И. Когана, руководившего сооружениями, и Фирина, начальника «исправительно-трудовых лагерей», а с другой—ряд бывших преступников, которые своими заслугами искупили свое преступное прошлое².

Общественное порицание

Новым методом является то обширное употребление, которое делается из организованного общественного порицания в качестве стимула для тех, кто опустился ниже принятого в данных условиях уровня производительности труда. Это также напоминает некоторые методы Роберта Оуэна. Наряду с «красными досками» существуют «черные доски» (и подобные же отделы в стенных газетах) для рабочих, обманувших доверие вследствие пьянства или прогула или виновных в преступной небрежности, халатности, следствием которых были поломки, брак или несчастный случай. Иногда подобные рабочие должны позорно получать свою зарплату в особых кассовых окошках, которые бывают кое-где устроены в виде гигантской бутылки водки и увешаны цветными плакатами,

¹ Речь Шверника на IX Всесоюзном съезде профсоюзов, 1933, стр. 94.— на англ. языке (IX съезд профсоюзов, стр. 115.—*Ред.*).

² Одновременно, около 60 тыс. человек были снижены сроки заключения, свыше 12 200 человек были освобождены от отбывания «дальнейших мер социальной защиты» и еще 500 человек были восстановлены в гражданских правах (см. «Москау дейли ньюз», август 1933, в особенности номера от 6, 17 и 20 чисел, и русские газеты того же месяца).

темами которых являются определенные поступки или вред пьянства¹.

Это обдуманное порицание провинившихся является временами самопроизвольным результатом общественного мнения сотоварищей-рабочих. Один из иностранных механиков описал несколько показательных примеров. «Не так давно мы заметили в сквере возле столовой московского автозавода (АМО) миниатюрное кладбище и на нем шесть небольших гробов. На каждом было написано имя, число и название машины, сломанной вследствие нерадивости в центральном машинном отделении. Понятно, ответственные за эту нерадивость приняли меры к исправлению задолго до появления снимков с гробов в заводской газете, где их сопровождали заметки других рабочих этого отдела. Они отнюдь не в мягких выражениях выражали свое мнение о сотоварищах, причинивших вред. Некоторые рабочие инструментального и матричного отделений нашли в столовой в один солнечный полдень карикатуры на самих себя. Один был изображен в виде свиньи в веселой погоне за рублем, который ветер уносил прочь. Другой был нарисован мечтающим о том, как бы он истратил свою высокую зарплату, а третий пропивал рубль за рублем в кабаке. Карикатуры, разумеется, не понравились тем, кого они изображали. Однако их товарищи решили вывесить карикатуры на видном месте, пока провинившиеся не станут лучше работать в цехе. Многие рабочие, приходя в столовую, только что сев, брали ложки или вилки и начинали громко стучать и кричать, требуя, чтобы их обслужили. Появившаяся вскоре в заводской газете карикатура с резкой подписью сразу приостановила рост «оркестра ложечников в столовой»².

¹ «На Сельмаше я однажды остановился перед плакатом над умывальной комнатой: «Здесь лодыри прокуривают машины». В другой раз на черной доске в цехе плугов были оставлены три колонки, озаглавленные: «Пьяницы», «Прогульщики», «Лодыри». Под ними были имена провинившихся. На них были нарисованы карикатуры—пьяница был с большой бутылкой, прогульщик спал в кровати, лодырь с повязанной щекой симулировал зубную боль. Большая доска в отделе жатвенных машин содержала имена каждого рабочего с данными о выполнении плана, браке, прогуле, лодыричестве, а также ударничестве и премировании. У входа на завод была нарисована гигантская фигура рабочего с огромным молотом и лозунгом: «Долой летунов и лодырей, долой лжеударников!» Пьяницы и лентяи получают свою зарплату в особом «черном окне», где окружающие издеваются над ними. Иногда место выдачи зарплаты представляет собой дыру, вырезанную в огромной черной бутылки. На Сельмаше это был рот огромного красноносого пьяницы с надписью: «Все лодыри, прогульщики и рвачи получают свою зарплату (такого-то числа) у черного выплатного окна». Чтобы попасть к нему, им приходилось подниматься на ступеньки и пройти по приподнятой площадке на виду у всех. В добавление к этому на завод приходили дети и рисовали карикатуры на пьяниц» (Гарри Ф. Уорд, Вместо прибыли, 1933, стр. 82—83).

² Статья Дж. Мулленс в «Москау дейли ньюз», 3 января 1933.

«Стенная газета», которую можно увидеть на видном месте на каждом заводе, на каждой фабрике, в каждом учреждении СССР, часто используется для выражения суждений не только о сотоварищах-рабочих, но и о мастерах, инженерах и самих директорах. Очень часто сами рабочие уверяют посетителей, что какое бы недовольство ни возбуждала подобная критика или карикатуры, авторы их никогда не подвергаются наказаниям или репрессиям, даже если обвинения неправильны или не доказаны. Это официально рассматривается как форма «самокритики», которая в целом благотворна по своим результатам. Нам кажется характерным, что ни огорчения, испытываемые отдельными людьми, выставляемыми на публичное осуждение, ни возможное ослабление дисциплины вследствие публичной критики подчиненными своих мастеров и руководителей не могут являться препятствием для движения, влияние которого признается благотворным для общества в целом. Это поощряется время от времени и выставками образцов плохой работы и даже присуждением знамени учреждению, выпустившему наилучшую стенную газету в районе или области.

Стенные и заводские газеты («внутренние органы»), которые первые вырастают на больших предприятиях, замечательны своим добровольным пролетарским сотрудничеством. В отличие от большинства, если не от всех «внутренних органов» британской или американской промышленности, стенные и заводские газеты в СССР, насколько мы могли удостовериться, не издаются, не редактируются и никаким образом не направляются администрацией учреждения. Точно так же они не ограничиваются вопросами или мнениями, которые могли бы быть желательными или приятными администрации. Они являются официально признанными органами общественного мнения. «На недавней конференции рабочих-корреспондентов Октябрьского района Москвы около 500 рабочих-корреспондентов собрались в зале клуба КУТВ. Соревнование на переходящее красное знамя за лучшую районную фабрично-заводскую газету велось в этом году очень упорно. Сотни печатных и стенных газет были с гордостью развешаны по стенам клуба. Эти газеты, часть которых была написана от руки, являются наглядным уроком советской политической экономии...

Борьба за выполнение производственного плана иллюстрируется фотографиями лучших ударников. Черепахи и раки изображают отстающие цехи. Едкие сатиры клеймят бюрократов, отказывающихся внимать предостережениям газеты. В одном случае заводская газета заставила администрацию производить расследование по каждой жалобе, как только она появляется в газете. Это имело место на текстильной фабрике им. Петра Алексеева, где директор Шаронов издал соответствующий при-

каз всем руководителям цехов. На руководителя заводской комиссии проверки исполнения Рычагова возложена персональная ответственность за выполнение этого приказа. Он должен сообщать директору о результатах расследования во всех серьезных случаях...

Газета этой фабрики называется «За темпы и качество». При 1 390 рабочих фабрика выпускает одну ежедневную печатную газету, две ежедневные стенные газеты и пятнадцать еженедельных стенгазет. В 1932 г. печатная газета получила 598 писем от рабочих. Она имеет 176 рабкоров. По получении письма копия его посылается партийному секретарю цеха с указанием срока для ответа. После расследования письмо печатается, и начальник цеха должен немедленно принять меры и сообщить о результатах газете. Если он недостаточно быстро отвечает, печатается напоминание или карикатура. Обыкновенно руководители отделов не ждут напоминания. В серьезных случаях виновники увольняются или даже предаются суду...

С целью устранения «брака» газета ввела дневник для ткачей, где они отмечали все, что мешало их работе. В результате все причины были устранены. «Брак» исчез, производительность возросла, возросла и зарплата. Это одна из многих причин того, что рабочие проявляют такую активность в своей заводской печати. Среди рабкоров фабрики ведется систематическая воспитательная работа, установлены особые дни собраний. Другие заводские и фабричные газеты ведут подобную же работу, но с меньшим успехом. Ближайший кандидат на красное знамя—«Регулятор», газета Тормозного завода, имеет 300 рабкоров, но отстает в борьбе за лучшее качество и воспитательную работу. Решение жюри о присуждении красного знамени фабрике Петра Алексеева было встречено аплодисментами и звуками «Интернационала», исполненного оркестром одной из фабрик»¹.

Организация стимулирования в виде общественного порицания или посрамления достигает высшей точки в «товарищеских судах», существующих почти на каждом крупном предприятии. Не только рабочие, но и заводоуправление передают ему значительную часть «дисциплинарных проступков», от которых не свободно никакое сообщество индивидуумов. Заседание подобного суда на гигантском Путиловском заводе в Ленинграде живо описано женщиной, принимавшей в нем участие².

Мы находим более подробное изложение конституции, прав

¹ «Москау дейли ньюз», 29 мая 1933.

² *Лили Кербер*, Революционные будни женщины, Берлин 1932. Переведено на англ. язык под заглавием «Жизнь на советской фабрике», Лондон 1933, стр. 132, 155—160.

и судопроизводства этих судов в брошюре «товарища Бузина» с харьковского электромеханического завода (быв. АЕА).

«Эти рабочие фабрично-заводские суды возникли в жестокой борьбе против прежних оппортунистических профессиональных вождей, которые заявили, что для профсоюзной организации невозможно выполнять функции судов. Судам подсудны следующие дела:

А. Борьба против всего, что мешает нормальному развитию социалистического производства:

1) нарушение рабочей дисциплины, опоздание на работу, лодырничанье, появление на работу в нетрезвом виде, переход на другую работу без основания;

2) систематическое небрежное обращение с социалистической собственностью (машины, инструменты и т. п.);

3) плохая работа, влекущая порчу материала.

Б. Борьба против остатков старых житейских навыков. Сюда относятся:

1) оскорбление, опорочивание, клевета, оскорбление действием без причинения серьезных телесных повреждений;

2) воровство на территории фабрики или завода при ценности украденного не выше 50 рублей, хулиганство, различные антиобщественные действия и т. д.;

3) различные действия, мешающие работе общественных организаций.

Как избираются судьи? Судьи избираются в цехах при активном участии всего штата рабочих, после тщательного обсуждения кандидатур. На нашем заводе избрано было 381 судья. Они являются лучшими ударниками с большим производственным стажем. Среди них 80 женщин. Они разбиты на 26 «палат» с 26 председателями и 51 заместителем председателя.

Не только судьи и стороны, но и каждый рабочий завода имеет право присутствовать на разбирательствах и высказываться по делу. В противоположность буржуазным судам аплодисменты или выражения недовольства со стороны публики не только не запрещены, но прямо желательны.

Вот несколько типичных дел:

Л., токарь в цехе моторов. Вызван в суд за систематическое бездельничанье. Когда он увидел, как товарищи возмущаются его поведением, он объявил, что понял, как преступно его поведение, и обещал больше не бездельничать. Суд дал ему испытательный срок в шесть месяцев. С этого момента Л. совершенно переменился. Он ни на одну минуту не оставался без дела и уже до истечения испытательного срока дал такие образцы работы в качестве рабочего ударной бригады, что получил премию в 100 рублей.

К., инструктор, был обвинен в оскорблении и систематическом приставании к работницам. Приговор был такой же, как в деле Л. В настоящее время он также является одним из лучших рабочих ударной бригады.

Т., сторож. Обвинен в отказе от работы и дезорганизаторской деятельности. Он был отпущен с предупреждением. Он принял предупреждение близко к сердцу и под влиянием классово-сознательной части масс стал другим человеком. Через шесть недель он был выдвинут на лучше оплачиваемую должность.

Ст., женщина-бухгалтер, также получила предупреждение от суда за частое опоздание на работу. Прошло уже несколько месяцев. Ст. ни разу не опоздала.

Рабочий Х. был вызван в суд за оскорбительные антисемитские выражения по адресу официантки еврейки. На слушании дела присутствовало свыше 300 рабочих, и заседание превратилось в страстную демонстрацию политики национальной свободы, проводимой советской властью. Со слезами на глазах рабочий Х. признал свою ошибку. Суд вынес ему суровое порицание.

Немного статистики: в октябре 1932 г. товарищеские суды рассмотрели 61 дело, именно—18 о нерадивости, 7 об уходе с рабочего места в рабочее время, 7 о воровстве на фабрике, 6 о плохой работе, 6 о сне на работе, 5 об оскорблении товарищей, 4 о систематическом опаздывании, 3 за ложные показания о выполненной работе, 2 о хулиганстве, 1 об оскорблении действием, 1 об антисемитском выступлении и 1 о неправильном использовании продкарточки.

В 7 случаях было вынесено товарищеское предупреждение; в 37 случаях было вынесено суровое порицание, в 3 случаях наложены штрафы, доход от которых должен быть обращен на общественные цели, в 3 случаях был назначен испытательный срок, в 2 случаях обвиняемые были исключены из профсоюза и в 9 случаях обвиняемые были немедленно уволены.

Заводские рабочие суды были полностью реорганизованы в августе, и главной их задачей признана борьба за рабочую дисциплину. Результатом было то, что производственно-финансовый план, который до августа выполнялся лишь на 70% в среднем, был выполнен в августе на 75%, а в октябре на 105%, главным образом благодаря деятельности заводских рабочих судов.

Разумеется, эти методы давления на отсталых рабочих не всегда действительны. Все еще имеется много случаев, когда старые навыки и несоциалистическое отношение к социалистическому труду так глубоко коренится в сознании новых рабочих или в той части фабрично-заводского штата, которая со-

стоит из деклассированных элементов, что необходимо оказать «особое давление», подобное тому, которое предусмотрено новым законом против разгильдяйства»¹.

Мы не можем себе представить ничего другого, в чем бы советская фабрика стояла в более резком противоречии с британской или американской, чем всеобщее признание рабочими и администрацией этой системы товарищеских судов, к которой мы возвратимся еще в гл. XII «Хорошая жизнь».

Поощрение рабочих предложений и изобретений

Одним из новых способов поощрения, принятых советским коммунизмом и с наибольшим трудом поддающихся правильной оценке со стороны капиталистических предприятий, является призыв к массам вносить предложения об улучшениях работы предприятия, приглашение рядовых рабочих давать изобретения новых методов и процессов производства². Ответ на этот призыв в СССР так широк, что может быть выдвинуто возражение, что одно рассмотрение этих предложений, не говоря уже о тщательном изучении и испытании хотя бы только наиболее приемлемых, должно потребовать большой траты времени и внимания со стороны администрации и внести иногда некоторую путаницу в бесперебойный ход каждого предприятия. Ответ коммунистов на это возражение, высказанное на деле не одним иностранным специалистом на советской службе, во-первых, тот, что опыт доказывает экономическую ценность очень большого числа внесенных предложений и изобретений. Не только в СССР, но и в капиталистических странах не раз было установлено, что хотя научные открытия и изобретения первоклассного значения обычно сделаны учеными, вооруженными выучкой или гением, но многие более мелкие улучшения в процессах производства выросли из практического опыта рабочих у станка или горна. В особенности это имело место в связи с трением и нагреванием движущихся частей, предотвращением порчи, или с приемами ручной работы, ускользающими от внимания лабораторий³.

¹ «Интернейшенел пресс корреспонденс», 9 марта 1933.

² Мы не забываем о практике, принятой в последнее время исключительно просвещенными капиталистическими предприятиями, состоящей в том, что вывешиваются ящики для предложений; рабочие и служащие приглашаются вносить предложения об улучшении процессов работы на данном предприятии и даже обещается денежная премия за предложения, которые окажутся ценными в деле увеличения прибылей этих предприятий. Эта практика, которая может быть приведена в подкрепление мудрости советского поощрения рабочей изобретательности, кажется нам лишенной социальной ценности массового призыва.

³ Один американский рабочий приводит целый ряд предложений по устранению расточительства, которые были в значительной части

Но как бы то ни было, советский коммунизм находит еще большую социальную ценность в том, чтобы вызвать во всей массе работников физического труда желание улучшать производственный процесс и работу промышленности, побуждать к изобретательству, возбуждать одно лишь сознание активного участия в творческой стороне дела социалистического строительства. Если бы даже рабочие предложения и изобретения оказались имеющими небольшую экономическую ценность, коммунистические государственные деятели все же считали бы весьма стоящим поощрять их и тратить время и энергию на рассмотрение их ради психологического эффекта. Сделать физического работника изобретательным, создать в нем стремление к улучшению производства является, по мнению коммунистов, правильным и успешным путем к тому, чтобы сделать социальный строй подлинно демократическим. Капиталист, который «гонится за наживой», может не видеть в этом выгоды; но никакой разумный экономист, считающий выгодным тратить деньги на охрану общественного здоровья и на воспитание, не может отвергать целиком приведенное соображение.

Однако совершенно ясно, что помимо социальной ценности эта новая форма поощрения имела результатом большое увеличение числа использованных изобретений и предложений. В 1933 г. секретарь ВЦСПС заявил, что «по 57 объединениям ВСНХ... поступило в 1930 г. 273 тыс. рабочих предложений, а в 1931 г. 542 тыс. Сумма экономии от принятых предложений в I квартале 1931 г. составляла 5 млн., во II квар-

приняты. Его замечания весьма показательны. «Может быть, в Америке я не обращал бы внимания на те виды расточительства, которые я вижу здесь, потому что я не заинтересован в сохранении богатства капиталистов. Но в стране, где рабочие управляют и владеют всем, эта расточительная трата богатства причиняет мне боль». Приведем несколько упоминаемых им примеров. «Наше машинное масло стояло в бидоне с открытой крышкой. Он стоял возле наждачного круга, на котором рабочие обтачивали свои инструменты. Частицы наждака летели в смазочное масло, которое затем употреблялось для смазки машин. Вместо смазки подшипников это масло действовало подобно составу для полировки. Удивлялись, что машины нуждаются в столь частом ремонте... Рабочие, загружающие дорогую бетономешалку, применяют наиболее примитивный метод переноски нескольких лопат материала на носилках, требующих двух рабочих. Можно было бы пользоваться тачкой, требующей одного рабочего и поднимающей в три или четыре раза больше груза... Выходя из своего дома, я вижу две балки, лежащие в канаве, почти засыпанные землей... шестидюймовую железную трубу... брошенную как утиль... Всякого рода ржавеющий железный лом... 20 или 30 машинных частей, покрытых ржавчиной. Кучи металлического лома кругом... Весь этот металл должен бы пойти в вагранку... Небрежность в обращении с машинами является другой формой расточительства. Нередко можно видеть шофера, во всю скорость мчащего автомобиль через выбоины или ямы на дороге или ломающим передачу при переводе скоростей» («Москау дейли ньюз», 15 сентября 1933).

тале—6 247 тыс. и в III квартале—11 574 тыс. руб. 1 все-союзный съезд общества изобретателей взял обязательство дать стране в 1932 г. от изобретений и усовершенствований 1 млрд. руб. экономии, в то время как по плану по всей промышленности ВСНХ намечается получить от изобретений и усовершенствований только до 300 млн. рублей... Профсоюзы не всегда решительно борются за реализацию рабочих предложений и за премирование рабочих, тем самым не создают стимула к развитию рационализаторского движения среди широчайших масс рабочего класса»¹.

Аппарат поощрения предложений и изобретений в СССР многообразен и всеобъемлющ. Значение, больше того, положительная социальная обязанность делать предложения и изобретения составляет часть обучения в школах всех типов, а также пионеров и комсомольцев. О них настойчиво напоминают государственные деятели в своих речах, печать, радио, кино. Разработка пятилетнего плана и в особенности встречных планов рабочих отдельных предприятий использована для собирания предложений об улучшениях буквально тысячами². То там, то здесь объявляется «месячный поход» за дополнительными предложениями и изобретениями, во время которого совещания советских государственных служащих, представителей от предприятий, делегатов от местных обществ изобретателей и руководящих профсоюзных деятелей делают доклады об объеме и характере рабочих предложений и о мерах, которые надлежит предпринять для того, чтобы обеспечить их внимательное рассмотрение³.

¹ IX съезд профсоюзов, Москва 1933, стр. 44—45—на англ. языке (IX съезд профсоюзов, стр. 80.—*Ped.*).

² На IX съезде профсоюзов было сообщено, что «проработка встречного плана по Урало-Кузбассу сопровождалась широким подъемом инициативы рабочих, ростом социалистического соревнования и ударничества, выполнением и перевыполнением производственных планов. Десятки тысяч рабочих принимали участие в обсуждении плана, в работе планово-оперативных групп на предприятиях, в работе производственных совещаний и т. д.

Только по специальному займу рабочих предложений (выпущенному уралпрофсоветом) поступило от рабочих и специалистов свыше 5 тыс. предложений, причем некоторые из них в отдельности дают экономии свыше миллиона рублей». IX съезд профсоюзов, Москва 1933, стр. 43—на англ. языке (IX съезд профсоюзов, стр. 79.—*Ped.*).

³ На подобной конференции в мае 1933 г. председатель Центрального совета всесоюзного общества изобретателей (ВОИЗ) сообщил, что «сотни предложений, сделанных рабочими различных крупных предприятий, еще не рассмотрены и не выяснена их приемлемость. Представитель ВЦСПС «предложил устроить два или три общественных суда в крупных рабочих центрах, чтобы бюрократы и душители рационализаторских предложений предстали перед обвинителем». Это было одобрено секретарем ЦИК, сказавшим, что в будущем против всякой преднамеренной задержки предложений будут применены «методы убеждения,

Единственный в своем роде съезд «изобретателей-колхозников», специально заинтересованных в машинах для уборки и обработки льна, состоявшийся в августе 1933 г., был почтен присутствием члена президиума ВЦИК РСФСР, привезшим с собой приветственное письмо от президента СССР (Калинина). Калинин писал, что «массовое изобретательство в деревне призвано вооружить колхозников техническими знаниями, развить творческую инициативу масс и поднять производительные силы сельского хозяйства на небывалую высоту»¹.

Пролетарских изобретателей поощряют профсоюзы, фабзавкомы на общих собраниях, их избирают кандидатами на выборные должности. Газеты поддерживают интерес к изобретательству, разоблачая каждый случай отсутствия интереса со стороны заводууправления или специалистов к этим пролетарским предложениям и требуя расследования дела органами рабоче-крестьянской инспекции.

При Совете труда и обороны (СТО) имеется постоянный комитет (БРИЗ), или Бюро рабочих изобретений, единственной обязанностью которого является стимулирование изобретательства путем тщательного рассмотрения рабочих предложений².

Нет также недостатка в финансовом поощрении. В совокупности очень большое количество мелких премий вместе с некоторыми крупными выдаются ежегодно тем, большею частью работникам физического труда (но отнюдь не исключая ученых и техников и профессоров), кто внес наиболее ценные предложения или изобретения. Эти премии, относительно всей суммы которых мы не можем найти никаких данных или предположительных оценок, выдаются всевозможного рода организациями, профсоюзами и кооперативами, совхозами и колхозами, трестами и отдельными предприятиями, а порой даже народными комиссарами СССР или союзных республик.

давления и силы». Было сообщено, что в ленинградском округе из 700 положенных под сукно предложений 138 в настоящее время приняты на одном лишь заводе электроаппаратуры, на обувной фабрике введены в практику 34 из 83 предложений, а на другом заводе 61 предложение («Москвау дейли ньюз», 27 мая 1933).

¹ «Москвау дейли ньюз, 3 сентября 1933 («Известия», 2 сентября 1933.— *Ред.*)

² Чтоб разгрузить БРИЗ от потока предложений, недавно был издан приказ о выполнении его обязанностей в определенных отраслях промышленности заводууправлением. Так, в крупном Донецком бассейне «бригадиры, начальники смен и руководители шахтной администрации будут впредь ответственны за принятие, одобрение и реализацию рационализаторских предложений и изобретений», сделанных местными рабочими и специалистами. ВОИЗ предложил распространить это на всю промышленность [Постановление от 8 апреля 1933 г. ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР, «Москвау дейли ньюз», 11 июля 1933].

Отнюдь не меньшую часть социальной ценности этого поощрения рабочего изобретательства составляет то, что это есть поощрение не только со стороны правительства, но и со стороны масс,—сама по себе замечательная черта новой мотивации производства.

Разнообразие в выборе работы

Едва ли есть надобность еще раз опровергать странное утверждение, что в СССР как коллективистическом государстве имеется только один единственный работодатель. Дело обстоит как раз наоборот. Самое многообразие советского коммунизма в организации производства и распределении благ, как и в других областях общественной жизни, является если не новым стимулом само по себе, то во всяком случае необходимым условием наиболее полного применения стимулов, которые мы описали. Правда, если оставить в стороне кочевые племена и сохранившиеся пять или шесть миллионов единоличных независимых крестьянских хозяйств, работающих в весьма значительной мере для собственного снабжения, большая часть производства и распределения товаров коллективизирована и является общественной собственностью, но это не влечет за собой никакого однообразия системы или организации. В СССР имеется несколько сот трестов и комбинатов, и ни один из них не является точным подобием других. Еще более отличны друг от друга тысячи отдельных предприятий, фабрик, заводов или учреждений, копей и сельских хозяйств, нефтяных промыслов или силовых станций, независимо управляемых в соответствии с собственными задачами, не связанных ни с каким трестом или комбинатом, ответственные перед той или иной высшей властью. Имеются также сельские, районные предприятия, муниципальные, областные, предприятия отдельных союзных и автономных республик, и ни одно из них не является тождественным по управлению или организации с соответствующими предприятиями, непосредственно подчиненными народным комиссарам или Совнаркому СССР. Профсоюзные организации и заводоуправления сами имеют в настоящее время обширные хозяйственные предприятия, работа которых совершенно не входит в область их основных задач, именно—совхозы, молочные фермы, свинововхозы и т. д. для «самоснабжения». Те же функции имеют сорок с лишним тысяч кооперативных обществ, чья работа далеко превосходит простое распределение, и эти производственные предприятия заметно отличаются по системе и организации от других. каждое из этих предприятий отдельно имеет дополнительный штат, и среди них индивидуальный рабочий, в особенности юноша

или девушка, кончающие школу, имеют наибольшую мыслительную свободу выбора.

Условием свободного использования этой возможности выбора занятия и полного проявления различных стимулов является, как мы сами убедились в различных частях СССР, также и то, что тысячи отдельных работодателей активно состязаются друг с другом в поисках того или другого рода квалифицированного рабочего, в то время как каждый борется обычно против всех остальных за получение достаточного количества неквалифицированной или просто сырой крестьянской рабочей силы. Эта конкурентная борьба за рабочих между агентами различных предприятий стала так мешать производству, что понадобилось специальным правительственным постановлением запретить ее и заменить регулярным рекрутированием. Дальнейшие мероприятия пришлось принять для того, чтобы пресечь вредную застарелую привычку русского рабочего переходить с места на место, с работы на работу, часто на основании одного лишь слуха, что в другом месте лучше снабжают продовольствием или имеются лучшие жилищные условия, в полной уверенности, что он найдет спрос на свой труд ввиду неудовлетворения спроса на рабочую силу. Косвенным образом это было побудительной причиной ко всякого рода местным улучшениям условий от повышенных ставок зарплаты в профессиях, оказавшихся особенно непопулярными, и увеличением затрат на жилища в особых областях, где текучесть оказалась более обычной, до устройства клубов и кино для углекопов Донбасса с целью побудить их закрепиться на работе.

Но этого далеко не достаточно для полноты той картины разнообразия и многообразия, какую представляет СССР. Существуют особые стимулы для тех, кто является индивидуально или коллективно своим собственным хозяином. Эти стимулы можно найти в чрезвычайном разнообразии промысловой кооперации, в которую вошло так много старых кустарных артелей. В сельском хозяйстве подобным же образом произошло слияние около 20 миллионов крестьянских хозяйств в примерно четверть миллиона коллективных хозяйств (колхозов), которые, как мы видели, бесконечно отличаются друг от друга в степени коллективизации от простой совместной обработки земли до совершенно обобществленных коммун. Имеются даже пережитки изолированного индивидуального производства, и не только среди кочевых племен и единоличников-крестьян. Двадцать миллионов семей, объединенных в колхозах, имеют почти каждая собственный индивидуальный огород, птичное хозяйство, свиноводники, пчелиные ульи, коровники и т. д. Донецкие углекопы являются не единственными промышленными

рабочими, которые обрабатывают собственные участки земли. На широких просторах СССР имеются тысячи охотников, ловцов, рыбаков, которые охотятся и рыбачат главным образом для собственного пропитания. Все еще имеются десятки тысяч индивидуальных кустарей, не объединенных в артели, производящие ручным трудом более или менее художественные изделия различного рода. Таким образом, существует почти бесконечное разнообразие видов, методов и систем производства. Одним словом, производство благ в СССР, далекое от тождественности экономических отношений или промышленной структуры, имеет своей характерной чертой крайнее многообразие.

Это характерное многообразие, проявляющееся почти во всех областях советской структуры, не является случайностью. Ленин в своих предложениях и предсказаниях не раз указывал на эту именно черту многообразия как на положительное преимущество социалистического общества, способствующее в особенности использованию многих стимулов для самого широкого вовлечения различных категорий индивидуумов в социалистическое строительство. Эта точка зрения проявляется и среди сегодняшних советских руководителей. Шверник в своей речи на IX съезде профсоюзов цитировал слова Ленина о том, что «разнообразие есть ручательство жизненности, порука успешного достижения общей единой цели. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будут успехи социализма, тем легче практика и только практика поможет выработать лучшие приемы и средства борьбы»¹.

Самокритика

Нигде в мире, кроме СССР, не существует в таком объеме и такой непрерывности столь беспощадная критика каждой отрасли управления, каждого промышленного предприятия и каждого культурного учреждения. Эта вечная кампания разоблачений, находящая выражение в каждом публичном выступлении руководящих государственных деятелей, в каждом номере газет, в каждом профсоюзном или кооперативном собрании, не только официально терпится, но и сознательно подстрекается как мощный стимул для улучшения как управления, так и исполнения².

¹ IX съезд профсоюзов. 1933, стр. 30—на англ. языке (IX съезд профсоюзов, стр. 69.—*Ред.*).

² Говоря о социалистическом соревновании и ударных бригадах в своем докладе в 1933 г. (на XVI партийном съезде в 1930 г.—*Ред.*), Сталин сказал: «началось дело с того, что партия развернула широкую *самокритику*, сосредоточив внимание масс на недостатках нашего строи-

Таким образом, публичные речи Сталина, Молотова, Кагановича и других советских государственных деятелей резко контрастируют с речами английских, французских и американских государственных деятелей и почти всегда заключают в себе целые тирады по адресу той или иной части советской администрации. Они обычно начинают с пылкого и, как нам думается, оптимистического сообщения об успехах ведомства или учреждения, о котором ведется речь, о замечательных достижениях и ценных заслугах тех, кто в них работает, в деле «построения социалистического государства». Это подчеркивается сопоставлением с картиной жестокого кризиса капитализма в Европе и Америке. Но оратор неизменно переходит затем к резкой критике технических недочетов предприятия, о котором говорит, подробно вскрывая частичные или временные прорывы, часто приводя убийственные примеры расхлябанности, расточительства и т. п. и обращаясь с призывом к подобной же критике снизу. Официальные ораторы часто выражают порицание конференциям и съездам за то, что они не решаются критиковать недостатки и ошибки ответственных руководителей и высшие органы данной отрасли. Так, Шверник, секретарь ВЦСПС, в своем заключительном слове на IX съезде профсоюзов жаловался, что съезд не критиковал ошибок ВЦСПС. «В нашей работе еще очень много слабых мест, и было бы вполне правильным, если бы товарищи более энергично критиковали здесь работу ВЦСПС, центральных комитетов, совпрофов, фабзавкомов и низовых звеньев—профуполномоченных. Основным недостатком прений является слабость критики, и именно конкретной критики, что здесь необходимо особенно подчеркнуть. Мы можем только тогда быстро и правильно перестроиться, если наша работа будет сопровождаться жесточайшей крити-

тельства, на недостатках наших организаций и учреждений. Еще на XV съезде была провозглашена необходимость усиления самокритики. Шахтинское дело и вредительство в различных отраслях промышленности, вскрывшие отсутствие революционного чутья в отдельных звеньях партии, с одной стороны, борьба с кулачеством и вскрывшиеся недостатки наших деревенских организаций, с другой стороны, дали дальнейший толчок самокритике. В своем обращении 2 июня 1928 г. ЦК дал окончательное оформление кампании за самокритику, призвав все силы партии и рабочего класса развернуть самокритику «сверху донизу и снизу доверху», «незвизрая на лица». Отмежевываясь от троцкистской «критики», идущей с той стороны баррикады и имеющей своей целью дискредитацию и ослабление Советской власти, партия объявила задачей самокритики беспощадное вскрытие недостатков нашей работы для улучшения нашего строительства, для укрепления Советской власти. Известно, что призыв партии вызвал живейший отклик в массах рабочего класса и крестьянства». «Ленин и Сталин о социалистическом соревновании», Москва 1933, стр. 39—40—на англ. языке (*Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 392.— *Ред.*).

кой наших недостатков. Это не значит, что мы должны себя бичевать. Ничего подобного. Я говорю о пролетарской самокритике, которая должна сопровождать нашу работу на каждом шагу. Дело у нас очень большое, армия пролетариев у нас огромна, работа с каждым днем все усложняется. Наши недочеты и ошибки мы должны быстрее и полнее вскрывать, для того чтобы общими силами успешно устранять все препятствия, тормозящие наше движение вперед»¹.

Подобной же линии держатся в своих передовых статьях газеты как центральные—«Правда», «Известия», «Труд», так и местные и отраслевые. Но главная их деятельность в области «самокритики» заключается в печатании бесконечного потока сообщений и заметок, частью от их обширного корпуса «сельских корреспондентов», описывающих конкретные проявления недостатков, плохой работы или преступных действий администрации или рабочих в каком-либо пункте СССР. Время от времени появляется (как например в «Правде», в августе 1933) обращение от «группы ленинградских рабочих», призывающих своих товарищей покончить с потерями рабочего времени, так как они пользуются благами семичасового рабочего дня. «Решающей и главной задачей второго пятилетнего плана,—говорится в обращении,—является увеличение производительности труда. Но мы должны согласиться, что в этом отношении еще многое остается сделать. Мы не используем в достаточной мере своего времени. Мы часто растрачиваем рабочие часы из-за организационных неполадок производства, а также вследствие того, что мы не соблюдаем правил строгой рабочей дисциплины»².

Сообщения и заметки обладают, разумеется, различной степенью достоверности или авторитетности. Иногда это едва ли больше, чем жалоба недовольных граждан на бездеятельность или невежливость служащих или недостаток и низкое качество товаров. Иногда это сообщение о местных судебных делах или порядках в местных советах. Они дают как раз тот вид информации о недостатках, который ведет к пресечению последних и служит побуждением к исправлениям и улучшениям. Но так как они оставляют вне поля зрения пример удовлетворительной работы соответствующих лиц или аппарата, так же как и успехи различных учреждений и предприятий, то они не дают правильной картины управления. Поэтому,

¹ IX съезд профсоюзов, стр. 308—309.—*Ред.*

² «Москау дейли ньюз», 23 августа 1933. В «Правде» от того же числа рабочий Балтийского завода в Ленинграде требует «уплотненного рабочего дня». Он пишет: «Было время, когда я сам и мои товарищи старались убить время при девятичасовом или десятичасовом дне. Теперь дело иное. Убивать время теперь равносильно краже—краже у самих себя, у товарищей и всего рабочего класса» (там же).

когда их некритически делают базисом для книг, направленных против большевистского правительства, то это есть злоупотребление этим материалом. Этот материал так обилен, что противниками большевизма были опубликованы целые томы в столицах Европы и других частей света, томы, составленные целиком из выдержек из «официальных газет», доказывающих, как уверяют авторы этих томов, полный и безнадежный провал каждой отрасли советского управления¹.

«Стенные газеты», которые, как мы уже указывали, являются необходимой принадлежностью в каждом учреждении, дают местное и конкретное выражение этой «самокритики» в своих карикатурах, разоблачениях и пародиях на директоров, мастеров и рабочих. Столь же беспощадная критика раздается на профсоюзных собраниях и производственных совещаниях.

Советская вера в ценность «самокритики» находит свое выражение в широком публикации суровых критических замечаний со стороны специально приглашенных иностранных экспертов. Это часто имеет место. Какое другое правительство передало бы газетам столь беспощадный едкий анализ технической несостоятельности, как тот, что содержится в докладе американского инженера-консультанта о Первом заводском строительном тресте? Приводим выдержки из этого доклада. «В этом тресте каждый проект предоставлен усмотрению группы, коей поручена разработка его. Взаимный обмен опытом и сведениями с производителем работ не предусмотрен. Срок окончания программы работ туманен. Знание имеющегося оборудования и материалов отсутствует. Строительные планы от планирующих трестов не поступают во-время. В некоторых случаях их вообще нельзя было получить. Планы не получены, а изыскания начаты, а иногда и закончены, без точной информации. Эти изыскания, на которые были потрачены недели труда нескольких инженеров, оказались затем бесполезными. Условия местности обнаруживаются лишь после того, как закончены планы работ, тщательно разработанные при полном незнании этих условий. Технические советы, обязанные изучать эти изыскания и планы, не оправдывают своего названия. На них присутствуют до 20 человек, из которых ни один не знаком с проектом или его де-

¹ Например, А. В. Байкалов, В стране коммунистической диктатуры, 1929 (на англ. языке), и Панаит Истрати, Нагая Россия, 1929, переведенную на англ. язык под заглавием «Россия без покрывала» (1932). О предательстве автора см. В. Г. Чемберлин, Железный век России, 1935, стр. 333—334. Рецепт прост. Автору достаточно взять годовой комплект нескольких советских газет, рассортировать выдержки под десятком или двумя десятками заглавий и объявить эти несколько сот цитат картиной жизни 170 млн. человек населения СССР. Какие откровения можно было бы сделать подобным же способом о «положении народа» или «состоянии государства» в Англии или США на основании, например, воскресных газет!

талями. Экономические изыскания редко представляются и никогда не обследуются и не проверяются. Расчет прочности, иногда необходимый, никогда не предъявлялся...

Вот несколько примеров. В Люберцах проектировался большой лесной склад. Конструкция платформ зависела от длины складываемого леса. Данные об этих размерах не были получены. На проектирование и изготовление платформ были истрачены совершенно зря тысячи рублей и остро дефицитный материал. А несколько попыток консультанта выяснить нужные размеры оказались безрезультатными из-за несогласованности с другими отделами треста...

На строительстве винокуренного завода и электростанции в Ефремове был разработан план механизации земляных и погрузных работ, потребовавший труда нескольких инженеров в течение нескольких недель. Когда план был закончен, оказалось, что работа может быть произведена с помощью имеющихся на площадке лошадей и скребков...

Только после обсуждения вопроса с представителем клиента выяснилось, что котлован для машин можно было бы сделать одновременно с постройкой самого здания с большой экономией времени, рабочей силы и механизмов...

Сложная конструкция кирпичных и бетонных работ электростанции требовала особой опалубки и лесов. По сделанному мне предложению я разработал для них проект, другой проект был изготовлен проектным отделом треста. Один из наиболее важных чертежей лесов был передан начальнику отдела. Тот его затерял и не мог представить его техническому совету. Несмотря на это, я дал описание предлагаемого метода работ, и он был одобрен большинством (совета) и представителей клиента. Но этот последний указал совету, что на площадке полностью уже установлены все нужные леса.

Критическим моментом графика строительства станции был вопрос о времени установки котлов. Если их устанавливать во время самого строительства, должны понадобиться специальные меры для некоторых критических моментов работы. Если же их устанавливать после постройки здания, то свободная площадка упростила бы работу. Отдел запланировал все работы в порядке первого варианта, со сложными и неэкономными работами по экскавации, передачи бетона и установления растяжек. А от представителя клиента я узнал, что котлы будут устанавливаться после окончания здания. Вся дорогостоящая работа была проделана в пустую...

Для зерновых закромов винокуренного завода были заготовлены проекты бетонных построек. Трест работал над этим свыше месяца. Мне также предложили поставить проект и выработать методы бетонирования. С применением оригинальной

подвешенной опалубки мой проект давал экономию в 7 тыс. рублей. Планы были одобрены большинством наличных членов технического совета. Главный инженер отсутствовал на заседании почти все время, не видел моего проекта и не слышал моих объяснений. Однако он заявил, что проект требует труда квалифицированных рабочих, что делает его нежелательным. Это было поверхностное суждение, трестовский проект был еще сложнее и труднее. Но затем вдруг оказалось, что ни стали, ни цемента достать нельзя и что закрома придется строить из дерева. Работа целого месяца пропала зря»¹.

Ценя «самокритику», правящая коммунистическая партия не щадит и коммунистов. В самом деле, последние периодически подлежат особой и весьма эффективной форме «самокритики», являющейся базисом периодической проверки или чистки, которую мы уже описали². Основным условием в коммунистической партии, взявшей на себя функции общественного руководства, является то, что ее члены должны стоять на более высоком уровне личного поведения, чем можно требовать от обыкновенного гражданина. Этот высокий уровень сохраняется в значительной мере при помощи инструмента самокритики в периоды периодических чисток партии. Каждый член партии (за исключением Политбюро, около десятка человек), от высших до низших, должен отчитываться на открытом собрании перед комиссией из трех или пяти испытанных и проверенных человек с большим стажем, а также толпой членов и не-членов партии и полностью признать свои ошибки и недочеты в качестве борца за коммунизм. Ему предлагают рассказать главные события его жизни, перечислить партийную работу, которую он проводил, что он делает в данное время, и откровенно и искренно сказать, в чем, по его мнению, им допущены ошибки. Затем он должен отвечать на вопросы, часто критического и даже обвинительного характера относительно его поведения на общественной работе и в личной жизни, причем вопросы могут ставить члены комиссии, так же как и товарищи по партии и работе и любой из присутствующих. Собрание открыто для всех, и о нем может быть сообщено в печати. Комиссия решает, достоин ли проверяемый оставаться членом партии, должен ли получить выговор или быть удален на известный срок из партии, или переведен в кандидаты или сочувствующие, или же совсем исключен из партии. Решение комиссии может быть обжаловано в вышестоящую инстанцию³.

¹ «Москау дейли ньюз», 15 ноября 1932.

² См. т. I, гл. V.

³ Исследователь вспоминает аналогичные явления в некоторых религиозных орденах XVII—XIX вв. Но их самокритика и публичное

Всеобщий учет

Тут надо подчеркнуть необходимость одного орудия далеко идущего социального значения для бесперебойного действия и успеха различных производственных стимулов, которыми советское правительство заменяет стимул частнопредпринимательской наживы. Опытный администратор знает, что на принуждении и терроре как главных факторах нельзя построить высокой производительности. Нельзя также поддерживать ее с помощью одной заработной платы. Оставляя в стороне небольшое меньшинство моральных гениев, люди требуют для длительных усилий и жертв чего-то большего, чем простое пропитание. За исключением моментов экзальтации, они должны иметь уверенность в том, что есть для чего работать. Одним из способов этого является признание товарищами и соседями их бескорыстного служения. В этом социальное оправдание награждения почестями, о которых мы уже говорили. Однако публичные почести могут оказываться лишь лучшим и наиболее преданным рабочим. Для массы рабочих и работниц можно сделать кое-что путем систематического выявления того, что произведено ими индивидуально. Все это требует в качестве одного из краеугольных камней социалистического строительства всеобъемлющей системы учета.

Легко видеть, что многие из описанных в этой главе стимулов сами по себе требуют систематического учета и публикации. Возьмем самый элементарный пример: все системы сдельной оплаты требуют постоянного и аккуратного учета, лучше всего незаинтересованными лицами, объема продукции каждого рабочего. Успех социалистического соревнования также зависит от правильного и объективного учета достижений соревнующихся. Благотворное влияние ударных бригад на рабочие массы и, быть может, самоудовлетворение их собственных членов в абсолютной степени зависит от точного и подробного учета их результатов и широкого публикации их. Какое-либо успешное применение принципа «оплата согласно общественной полезности» должно по необходимости основываться на статистических доказательствах, что имеется нужда в дополнительных рабочих определенного рода для выполнения некоторой

испытание касались только соблюдения ими обычаев и выполнения обязанностей, требуемых божеством и церковью.

В своеобразной коммунистической общине Онеиды (штат Нью-Йорк) в XIX в. откровенная критика всеми членами собрания жизни и поведения каждого из них по очереди была определенным орудием дисциплины и тренировки. Но не-членам не разрешалось ни критиковать, ни присутствовать. Что же до критикуемых членов, то от них не только не ожидали признания, но им вообще не разрешалось говорить (*Дж. Г. Нойес, История американского социализма, Филадельфия, 1870*).

социальной задачи. Действие дифференциации зарплаты также должно быть установлено статистикой, чтобы оправдать изменения или продолжать разделение или распространить его на другие отрасли. Даже предоставление советским правительством рабочей силы и сырья для строительства новых капитальных сооружений в большей мере, чем для увеличения производства предметов потребления, требует обширного статистического учета. Необходимо иметь точное сравнение сметной стоимости конкурирующих предприятий для обоснованного решения о лучшем использовании имеющихся капитальных ресурсов. Капиталистический производитель барышей, в особенности мелкий предприниматель, может отказаться от учета и игнорировать статистику, довольствуясь одними лишь результатами счета прибылей и убытков. Мелкий лавочник может вообще не вести никакой отчетности, хотя это и ведет к банкротству, даже в том случае, если он довольствуется тем, что у него осталась известная сумма денег после оплаты товара и всех текущих расходов по лавке и содержанию семьи.

Интересно проследить, как постепенно уяснялось в СССР значение точной и аккуратной статистики каждой части социальной структуры. Статистический аппарат СССР стал в последнее десятилетие действительно самым обширным и наиболее всеобъемлющим в мире. Его операции и объем столь обширны и производятся на столь огромной территории, что, хотя многое приходится оставлять ненапечатанным, объем одной лишь периодически публикуемой статистики превосходит статистические материалы Британской империи или США. Объем и подробность советской статистики все время возрастают. В недавней речи Молотов, председатель Совнаркома СССР, подчеркнул необходимость развернуть то, что лишь немногие правительства предприняли до сих пор, именно—всеобщий «хозрасчет» по каждому крупному предприятию¹.

¹ Там, где капиталовложения взяты из народного дохода, а не получены с помощью займов, по которым надо платить проценты, может быть нет надобности или нежелательно начислять на оперативный счет предприятия проценты на его стоимость. Но отказ от подобного начисления процентов на стоимость предприятия лишает правительство полезного показателя чисто экономической выгоды данного предприятия по сравнению с другими.

По этой причине британское кооперативное движение, в особенности по крупным предприятиям английского и шотландского обществ оптовых закупок, строго придерживалось практики начисления каждому отдельному предприятию всей суммы процентов на его капитальную стоимость, даже если последняя была заимствована целиком из доходов. Это делается для того, чтобы директора и члены могли всегда иметь перед собой полезный показатель относительной рентабельности различных предприятий. Советское правительство, не беспокоясь по поводу первоначальной стоимости предприятий довоенного времени, которую можно считать давно

«Работа наших хозяйственных организаций,—сказал Молотов на об- в соответствии с народнохозяйственным планом. На этой осно- ве заключаются договоры между ними по установленным госу- дарством ценам. И, вместе с тем, партия требует внедрения хозрасчета в хозяйственную практику,—хозрасчета, проведе- ние которого должно означать усиление инициативы и опреде- ленной самостоятельности хозяйственных организаций с одно- временным установлением их точной ответственности за вы- полнение государственных заданий в соответствии с догово- рами. Правильное проведение этих задач в целом не каждой хозорганизации дается сразу. У нас бывает, что хозрасчет пре- вращается на практике в формальную отписку, со ссылкой на установленные планы и договоры со стороны хозяйственных организаций, на деле скатывающихся к методам канцелярской работы. А, с другой стороны, у нас понимают иногда хозрасчет слишком «свободно». Разве, в самом деле, нет таких случаев, когда руководители трестов, кооперативных организаций, фаб- рик или совхозов сбывают продукцию «повыгоднее», срывая установленные цены и не выполняя своих государственных обя- зательств, на деле скатываясь на грязную дорожку спекуляций? Между тем, и план, и договоры, и хозрасчет,—все это элементы единой большевистской хозяйственной политики, проведение которой требует, разумеется, большевистского к себе отно- шения»¹.

Улучшение отчетности

Тенденция к более полной и специфической статистической отчетности в СССР—в дополнение ко всему уже сделанному— была описана пять лет назад германским критиком. Фейлинг указывал в 1930 г., что «вся организация делает напряженные усилия, чтобы в пределах централизованной, монополистиче- ской промышленной и торговой конституции создать возмож-

списанной в амортизацию, возлагает, однако, на каждое предприятие ответственность за все новые или добавочные капиталовложения, за пога- шение займов и уплату банковских процентов. В соответствии с этим суще- ствует система отчетности, отличающаяся большой строгостью и слож- ностью (см. подробную статью В. А. Дьяконова о «Промышленности и отчетности в СССР», в «Гарвард бизнес ревью», январь 1933).

Такого рода расчет, конечно, неприменим там, где целью и задачами предприятия является производство чего-то, в деньгах «не имеющего ценности» и неизмеримого количественно, как, например, здоровье и удо- вольствие для населения от парка, или обучение в школах и университетах, или обеспеченность страны, предоставляемая соответствующей механизированной армией.

¹ «От первого ко второму пятилетнему плану», Москва 1933, стр. 120 (на англ. языке). Материалы объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 7—12 января 1933 г., стр. 65.—*Ред.*

ности контроля и сравнения доходов всех торгово-промышленных предприятий и с помощью собранных таким образом данных оценить доходы отдельных трестов. То же происходит в частных предприятиях, пример которых тут копируется. Тресты и их составные предприятия составляют и публикуют балансы подобно акционерным обществам. Капитал, за который они несут ответственность, был впервые приблизительно установлен со времени денежной реформы, несмотря на экспроприацию прежних владельцев без компенсации. Суммы, переданные отдельным концернам государством или взятые из их собственных резервных фондов, также прибавляются к капиталу, за который они несут ответственность. В целях обеспечения ясности балансов и облегчения сравнения результатов возможность рассматривать новый капитал, созданный налогами или ценами, как списанный—возможность, которая напрашивается сама собою, не используется. Предписывается вести обычный счет прибылей и убытков, как и в частных предприятиях. Ничто не предусмотрено в отношении неблагонадежных долгов, списания сомнительных активов, процентов по кредитам, к которым предприятие прибегло и которые фактически часто предоставляются беспроцентно. Однако вырученная прибыль распределяется согласно следующей единообразной шкале: 10% в подоходный налог и 3% на техническое обучение. Из остатка 10% предназначается в фонд улучшения положения рабочих, в особенности в отношении жилищ, 10% в резерв и столько же в другой специальный фонд. 25% идет на расширение промышленности той отрасли, к которой относится соответствующий трест. Остальные 40 или 45% за вычетом культфонда, премиальных и т. п. передаются как реальная прибыль налоговым властям, которые, в свою очередь, расходуют их в пределах общего бюджета промышленности. Таким образом, при распределении прибылей четко выявляются характерные отличия интересов отдельного предприятия, отдельной отрасли промышленности и экономической системы в целом¹.

Социалистическое общество должно иметь наиболее научную систему учета, более строгую, открытую и публичную, чем та, которой удовлетворяется капиталистическая система. Это необходимо не только для того, чтобы не было банкротств или чтобы извлечь наилучшее, что можно, из труда населения. По нашему мнению, имеется другая, и даже гораздо более значительная причина, в силу которой социалистическому обществу необходимо основывать все свои операции по производству и распределению благ на краеугольном принципе того, что мы

¹ Артур Фейлинг, Эксперимент большевизма, англ. издание, 1930, стр. 105—106.

назвали «учет и публичность». Принятие этого принципа во всей промышленности является, в наших глазах, единственным надежным способом устранения проявлений личной власти одного человека над другим—руководителя предприятия над всем персоналом предприятия, мастера над рабочими, инспектора над предприятиями, которые он инспектирует. Это проявление личной власти есть то, что всюду вызывает недовольство тех, кто подпадает под него. Когда критика или осуждение вызывается статистическими данными, полученными беспристрастным способом на основании объективного учета, составленными специалистами, не связанными с лицами, имеющими фактическую власть над другими, то может иметь место недовольство, но не озлобление. В качестве примера можно взять независимую присяжную бухгалтерию, проверяющую уже в течение ста лет почти повсеместно кассовые отчеты и балансы в Англии. Независимый присяжный бухгалтер не имеет никакой власти. Он приходит, проверяет отчетность, составляет свое заключение и исчезает. Он никого не осуждает, никого не подвергает штрафам, не увольняет. Он только сообщает фактическое положение дел. Мы предвидим время, когда технический инспектор также будет независимым экспертом. Мы можем вообразить себе постоянную комиссию независимых статистиков и техников, призванных последовательно докладывать о работе и результатах каждого крупного предприятия по очереди, единственно для осведомления правительства и публики. После доклада приглашались бы директор и другие руководители предприятия совместно с фабричными комитетами и собраниями членов профсоюзов, управления других предприятий того же рода и даже другие правительственные ведомства до публикации отчета высказать свои замечания, отметить упущенные комиссией соображения и прочие ошибки. Преобразования, которые стали бы необходимы в результате доклада экспертов, могли бы быть тогда определены соответствующими высшими властями при общей поддержке общественного мнения (ибо они были бы очищены от всякого проявления личной власти). Они вызвали бы наименьшее недовольство или сопротивление со стороны тех, кто считал бы себя затронутыми этими решениями. Мы возвращаемся к этому в главе XII «Хорошая жизнь».

Коммунистические недостатки и достижения

Что нам думать об этом обширном арсенале стимулов, старых и новых, которыми советское правительство заменяет

¹ Сошлемся на *С. и Б. Вебб*, Конституция для социалистического содружества Великобритании, 1920, стр. 186—187, 195—199, 239, 269, 272, 286, 309, 328, 356.

мотив наживы, которым руководствуется капиталист в своем управлении промышленностью?

Дорогая стоимость опытов

Один проницательный друг, которому был дан на просмотр набросок этой главы, задал вопрос, почему при таком изобилии стимулов к высокой производительности промышленные предприятия СССР все еще представляют по сравнению с западноевропейскими и американскими картину невысокой производительности? Этот вопрос уже вставал и перед авторами. Ответ можно найти прежде всего в беспримерно низком уровне промышленной зрелости масс советского населения, с которыми нужно было строить новое промышленное общество, неграмотность, отсутствие знакомства с какими бы то ни было машинами, отсутствие навыков точности и привычки к правильному труду, грязь и нищета жизни с неизбежными спутниками—болезнями и потерей трудоспособности, пьянство и лень и многие другие черты характера, несовместимые ни с какой высокой организацией и ни с какой длительной и высокой промышленной работой¹. Дипломат с долгим опытом жизни среди народов восточной Европы уверенно заявил в связи с началом пятилетнего плана о том, что абсолютно невозможно создать из крестьян русских степей какую-либо крупную промышленную организацию и что не может быть даже и вопроса о том, чтобы извлечь из подобной массы какое-либо подобие производительного промышленного труда хотя бы в продолжение целого поколения.

Мы считаем, что нужно признать несомненным успехом советской системы то, что, вовлекая около 20 млн. человек из сырой крестьянской массы в массовое производство крупнейшего масштаба, в течение одного десятилетия был достигнут хотя бы умеренный уровень средней производительности. Одновременно появились, и в весьма удовлетворительной пропорции, высококвалифицированные механики и специалисты работы на всякого рода машинах.

Авторам настоящих строк кажется, что промышленные недочеты Советского Союза следует усматривать не столько в работе отдельного рабочего, сколько в том, как координируется и направляется работа в массовом производстве. Первым крупным предприятием, которое авторы посетили в СССР, был, по чистой случайности, автомобильный завод им. Молотова в тогдашнем Нижнем Новгороде, переименованном впоследствии по имени любимого советского писателя в Горький.

¹ Сошлемся в подтверждение этого отрицательного суждения на один лишь авторитет из многих,—см. *Е. В. Панин* (д-р Э. Дж. Диллон), *Русские характеристики*, 1890. Мы цитируем его в т. II, гл. X.

После широко разрекламированного открытия завода к 1 мая 1932 г. работа всего предприятия упрямо застыла! Огромные корпуса, скопированные с фордовских заводов в Детройте, были полны дорогостоящими машинами. Были собраны десятки тысяч рабочих, которым платили деньги. Но «конвейер» — длинная лента, на которой должны собираться автомобили и с которого они должны были сходиться, чтобы быть законченными, примерно по одному каждые пять или десять минут, — «конвейер» отказался двигаться. Виною тому были отнюдь не плохие рабочие. Ложе, в котором покоится конвейер, в различных местах осело вследствие непрочности фундамента. Претенциозные корпуса из бетона и стекла были открыты всем ветрам, песок сыпался в машины. И даже если бы конвейер и пошел, различные части, которые должны были присоединяться друг к другу по мере продвижения ленты, имелись далеко не в полном комплекте. Между тем при отсутствии хотя бы одной из этих частей ни один автомобиль не мог бы быть законченным. После целого дня осмотров и расспросов, начиная от директора завода и секретаря партии до самого скромного английского или американского механика, мы не могли не вынести впечатления, что дело безнадежно. Неудивительно, что рижский корреспондент «Таймс» сообщил, что завод никогда не откроется снова и что придется бросить все предприятие, в котором погибло столько миллионов долларов.

Через две недели авторы были в Сталинграде, осматривая большой тракторный завод, открытый за два года до этого. Было поучительно узнать, что здесь был пережит тот же опыт, что на заводе Молотова в Горьком. После официального открытия оборудование стало. Все казалось сделанным неправильно. Но предприятие не было брошено. Прошли месяцы, прежде чем можно было удовлетворительно выпустить хотя бы один трактор. Целый год прошел, прежде чем можно было выпустить такие тракторы, которые могли бы считаться сколько-нибудь близкими по качественным стандартам импортным тракторам. И вот, после двух лет терпеливого исправления и улучшения, Сталинград снимает с конвейера по 144 хороших трактора каждые 24 часа. Поэтому мы уже не удивлялись, когда впоследствии узнали, что Горьковский завод стал работать так же хорошо, и что к концу 1934 г. он фактически выпустил 85 тыс. легковых и грузовых автомобилей.

Менее чем через два года после пуска Горьковского завода большой завод в Харькове также стал выпускать тракторы. К этому времени уроки уже были усвоены. Оборудование и организация Харьковского завода были приведены в состояние полной готовности раньше, чем завод был пущен. С такими же рабочими, как в Сталинграде и Горьком, конвейер действовал

с самого открытия, и в первый же день было выпущено несколько тракторов. Вскоре выпуск поднялся до устойчивой средней продукции нескольких сот тракторов в день.

Такой же урок был извлечен при огромном строительстве в новом городе Магнитогорске. В течение первого года произошло несколько взрывов или других несчастных случаев. Причиной этого было неумелое обращение неопытных молодых рабочих с машинами. Эти несчастные случаи, в значительной мере результат плохой организации труда совершенно необученных рабочих, повлекли за собою серьезный ремонт и расходы на обновление машин. Но опыт не прошел даром. В 1935 г. Магнитогорск регулярно дает удовлетворительный уровень продукции без несчастных случаев или иных происшествий.

Большевистские руководители отлично знают, что недочеты, с которыми стартуют почти все их предприятия, и длительный срок, необходимый для исправления их, наносят экономически вред и обходятся чрезмерно дорого. Сам Сталин публично рассказал и об ошибках и о затруднениях советских властей. «Перед нами,—сказал он,—стояла дилемма: либо начать с обучения людей в школах технической грамотности и отложить на десять лет производство и массовую эксплуатацию машин, пока в школах не вырабатываются технически грамотные кадры, либо приступить немедленно к созданию машин и развить массовую их эксплуатацию в народном хозяйстве, чтобы в самом процессе производства и эксплуатации машин обучать людей технике, выработать кадры. Мы выбрали второй путь. Мы пошли открыто и сознательно на неизбежные при этом издержки и перерасходы, связанные с недостатком технически подготовленных людей, умеющих обращаться с машинами. Правда, у нас наломали за это время немало машин. Но зато мы выиграли самое дорогое—время, и создали самое ценное в хозяйстве—кадры. За 3—4 года мы создали кадры технически грамотных людей как в области производства машин всякого рода (тракторы, автомобили, танки, самолеты и т. д.), так и в области их массовой эксплуатации. То, что было проделано в Европе в продолжение десятков лет, мы сумели проделать вчерне и в основном в течение 3—4 лет. Издержки и перерасходы, поломка машин и другие убытки окупились с лихвой... Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодородное дерево. Воспитывать, помогать расти, дать перспективу, во-время выдвигать, во-время переводить на другую работу, ежели человек не справляется с своим делом, не дожидаясь того, когда он окончательно провалится. Заботливо выращивать и квалифицировать людей, правильно расставить и организовать их на производстве, организовать зарплату так,

чтобы она укрепляла решающие звенья производства и двигала людей на высшую квалификацию,—вот что нам нужно для того, чтобы создать многочисленную армию производственно-технических кадров».

Излишество контроля

В советской промышленной организации имеется более серьезный недочет, который сказывается даже и в том случае, если предприятие пошло хорошо и работающие на нем приобрели некоторый технический опыт. Самое многообразие, которое в других отношениях так полезно Советскому Союзу, часто имеет вредные результаты: несогласованность управления, путаницу в цехах, болтовню и споры, а иногда повторение или отмену того, что уже было сделано. Мы приводим ниже разговор в поезде, взятый из романа, не могущего являться документальным свидетельством, но содержащим живое описание указанных недочетов советской промышленной организации. Приводимые критические замечания автора настоящих строк приходилось часто слышать от германских инженеров, возвратившихся из СССР.

«Вы начали делать вещи и начали очень много говорить, что делаете вещи,—сказал немецкий писатель по-русски.— Но мы очень давно и очень хорошо делаем вещи, мы молчим, мы жалеем время... Вы собираете людей в разные места делать вещи и что происходит потом? Потом у вас начинают,—под ряд, под ряд,—мешать этим бедным людям, тормозить работу этим бедным людям, сердить этих бедных людей... Место работ есть фронт. Люди работ есть в данное время солдаты. Начальник работ есть в данное время командир. Первый вопрос: собирать людей, надо им хороший фураж, хороший корм, иначе их энергия не даст максимум,—и везде я наблюдал ревизия, ревизия, ревизия кооператив, потому что везде были недочеты, недочеты, недочеты кооператив. Лучше делать сначала хорошо и потом хорошо, чем делать сначала плохо—и потом ревизия. Второй вопрос—кого слушать людям? Много хозяин—нет хозяин. Один бедный работник работает,—у него восемь, девять, десять командир: инженер командир, директор командир, рабочий комитет командир, секретарь ячейка командир, рабочий контроль командир, рабочая инспекция командир, охрана труда командир, уездный исполком командир, рабочая печать командир, приезжие люди командир, тогда работник тоже хочет быть командир и пишет доносы Гегеу, кричит и делает себя выше

¹ «Москау дейли ньюз», 29 декабря 1934 («Правда», 29 декабря 1934.—*Ред.*).

всех. Один пугает другого, другой пугает третьего, работа в одну сторону, работа в другую сторону, и все идет плохо, все очень идет плохо, время, силы, деньги идет больше, чем надо. Я это видал, я это слышал. Есть правило—хочешь приказывать, учись слушаться. У вас все хотят приказывать, никто не хочет слушаться».

Ответ на эту критику, данный в той же самой беседе в поездке, по нашему мнению, показателен.

«Вы сказали, что мы неэкономны, что мы неэкономно относимся к человеку, к трате его сил. И вот этот товарищ, инженер-путеец, поддержал вас, приведя очень красноречивые факты, как все, кому не лень, наезжают на производство, мешают работе, отрывают рабочих. Он произнес очень верное слово—туризм: он это назвал туризмом. Но ведь это опять новый принцип—это новый принцип всеобщего обучения. Мы, правда, теряем в одном. Но мы выгадываем в другом. Эти миллионы миллионов, которые мы подняли, подогрели, они не могут научиться в школе, ни один Наркомпрос не сможет научить их. У нас огромный бюджет по Наркомпросу, но он катастрофически мал по сравнению с тем, что нам требуется. И вот накладной расход нашего государства—на обучение, на просвещение масс, мы эти массы учим вот таким бесплатным туризмом, и мы сами непрерывно учимся от них, от их присутствия, от их критики, их требовательности. Вы сказали, мы делаем вещи и Европа тоже делает вещи, делает их лучше, дешевле, чище, скорее нас. Да, но Европа делает вещи, а мы делаем вовсе не вещи. Вот в этом вся суть, вот этого вы не увидели, вот тут новый принцип, вот тут объяснение».

— Не вещи? Так что же вы делаете?

— Мы делаем *плановую* вещь, уважаемый герр. Разница? Разница огромная, колоссальная. На каждой фабрике, на каждом строительстве, на каждом производстве, которое вы у нас сейчас посетили, выделяется или обрабатывается или строится вещь плюс новое общество, плюс профсоюз, плюс клубная работа, плюс производственное совещание, плюс броня подростков, плюс контроль, плюс учет, плюс план. Вещь плюс план—это сверху, вещь плюс контроль—это снизу. Вам кажется—десятки хозяев, но вы ошибаетесь,—десятки факторов, а не хозяев. И то, что каждый фактор расширяется за счет другого, это и есть борьба за меру, борьба за систему, борьба за новое общество, потому что если мы вот такой сегмент нарисует, вот такой кусочек, излишек, отросток, зашедший в чужой круг, то этот отросток и есть накладной расход на обучение. Благодаря ему мы строим новый механизм, отмечаем силовую точку, устанавливаем веху. Вот новый принцип, который вы искали и не нашли,—хозяйство без собственника. Не десятки хозяев, а де-

сятки факторов, и люди, как их представители,—увлекательный мир, а вы посетили его и не увидели»¹.

Где «капитаны промышленности»?

Стимулы «вместо наживы», описанные на предыдущих страницах, перестроенные старые или новые, ставшие возможными благодаря плановому производству для общественного потребления, не могут сами по себе создать корпус «капитанов промышленности», способных обеспечить наилучшую организацию массы рабочих, необходимой для массового производства в крупных масштабах. В отличие от мотива наживы советские стимулы действуют на всю массу занятых в производстве. Ни один из участников не может совершенно избежать их влияния. В соответствии с этим эти стимулы, могущие экзальтировать того или иного героя промышленности, не создают особого класса внутри общества. Кроме того, хотя эти стимулы приносят некоторое ощутительное добавление к личному доходу и увеличивают комфорт, они не ведут к накоплению частных богатств. Они не создают в промышленности ничего подобного фактически правящему кругу нажившихся миллионеров, из которых создается наследственный высший круг богатых семей.

Могут сказать, что как раз по этой причине весь арсенал советских стимулов, как бы он ни был благодетелен для производства и как бы ни увеличивал производительность труда, не в состоянии создать промышленных вождей, промышленное руководство, которое в других странах считается функцией капиталиста—предпринимателя или директора, технического передового землевладельца или скотовода, учредителя компаний или финансового магната. Это замечание в значительной мере обосновано. В отношении руководства промышленностью, как и всеми другими областями общественной жизни, советский коммунизм опирается не на рассмотренные нами стимулы, как на замену капиталистического класса, а на специфический орден, который мы описали выше², именно, на коммунистическую партию с ее стажерами—кандидатами и младшей ветвью—комсомолом.

Эти обширные организации, с их наложенной на себя в порядке самоотрицания индивидуальной бедностью и строгим подчинением партийной дисциплине, приняли руководство обществом, благу которого они посвящают свою жизнь. Это они как корпоративное целое формулируют промышленную и прочую

¹ *Маризтта Шагиян*, Гидроцентральный, глава «Железная дорога», Москва, 1934—на англ. языке.

² См. т. I, гл. V.

политику генерального плана и его выполнения в тысячах предприятий. Одна их половина занимает индивидуально почти все руководящие должности как по выборам, так и по назначению. Другая половина продолжает работать в качестве рабочих у станка или горна, в поле или руднике, и своим личным характером и общественными выступлениями незаметно руководит массами, среди которых эти члены партии живут. Это они в значительной мере составили ядро устанавливающих темпы работы ударных бригад. Их выбирают на профсоюзные должности. Это они являются «активистами», которые приводят в движение всю массу. Какие стимулы «вместо наживы» побуждают членов этого ордена, призванных к рьяному выполнению функций руководства, в котором они выказывают наверное не меньшую преданность, чем капиталисты западного мира? Мы можем лишь повторить наш обзор многообразия их побудительных мотивов. Тут и удовольствие или горячее чувство удовлетворения, которое испытывает каждый человек, успешно выполняющий свое призвание. Когда призвание направлено на служение обществу, удовлетворение не меньше, чем когда оно состоит в стремлении к собственному обогащению или в выражении собственной личности в искусстве или в способствовании успехам наук. Трудно отличимо от этого чувство свершения или достижения, которое можно также называть чувством успеха или власти в отношении руководства действиями других людей или влияния на них. Далее, постоянное подчеркивание научного подхода ко всем проблемам общественной жизни, которое, как мы расскажем в одной из последующих глав¹, свойственно марксизму, является вечно повторяющимся стимулом интеллектуальной любознательности и изобретательности. Не можем мы также сомневаться и в том, хотя коммунисты решительно отрицают это, что мы имеем здесь нечто подобное чувствам последователей старых религий, подверженных в исполнении своего долга таким влияниям, которые неверующие считают невразумительными и мистическими.

Имеется, однако, и еще фактор сохранения высокого уровня честности, способности и усердия этого ордена призванных. Как мы рассказали в другом месте, все его члены не только находятся под постоянным наблюдением из центра, но и подлежат каждые три или четыре года строгой чистке, при которой 20 или 30% членов изгоняются из ордена или переводятся в низшие разряды кандидатов или сочувствующих. Каждый член должен выдержать свое испытание, признать свои недостатки в личной и общественной жизни и ответить на выдвинутые обвинения. Это отнюдь не одно лишь устрашение для слабовольных

¹ См. т. II, гл. XI.

или преступных элементов. Это имеет большое значение для поддержания всего ордена на высоком уровне благодаря непрерывному устранению тех, кто упал ниже этого уровня.

Коммунистическое руководство в двух решающих пунктах существенно отличается от западного, капиталистического. Его постоянной и сознательной целью является не обогащение какого-либо лица, или семьи, или класса, или даже не какая-либо материальная их выгода, а исключительно благо общества в целом. Политика, которую оно время от времени принимает в интересах блага всего общества, всегда такова, что весь орден, в отличие от капиталистического класса, работает вместе, в полном единении для достижения общей цели.

Что заменяет наживу

Тесное соединение арсенала стимулов, которыми научился пользоваться советский коммунизм, и специфической организации руководства—оба вместе, а не одно без другого,—вот что составляет действительную замену и мотива наживы и капиталистического руководства промышленностью в СССР. Ни эти мотивы, ни это руководство там не допускаются. Что можно сказать о результатах этой замены? Оставляя в стороне статистику, которую очень немногие считают убедительной, мы полагаем, что советский коммунизм может записать в свой актив бесспорное экономическое и промышленное восстановление и развитие СССР с 1921 г. Во всех областях общественной жизни неоспоримо перерождение, происшедшее после того, как в гражданской войне и великом голоде 1921 г. страна была низведена на самый низкий уровень. Само по себе это еще не является доказательством того, что восстановление и развитие действительно созданы введением новых стимулов или новым руководством. Это могло бы, может быть, иметь место и вопреки им. Но это является убедительным доказательством того, что новое руководство и новые стимулы не были несовместимы с восстановлением и развитием. Большевицкий эксперимент доказал в течение последнего десятилетия вне всякого сомнения, что ни стимул наживы, ни существование капиталистического класса в качестве руководителя промышленности не являются необходимым условием производства благ в колоссальных масштабах и его непрерывного увеличения. Подобный результат заслуживает подробного рассмотрения.

Инициатива и риск

Имеется два необходимых условия развития производства благ, которые западные экономисты всегда считали исключительной принадлежностью решаема стремления к личному бо-

гатству, режима, возглавляемого относительно богатым капиталистическим классом. При какой-либо другой системе, говорили они, и в особенности при какой-либо форме правительственной промышленной собственности не может быть смелой инициативы и отважного риска новых путей. Утверждали, что без богатого класса, доходы которого существенно превышают его способность потреблять, не может быть такого накопления капитала, которое позволяло бы строить крупные новые предприятия, могущие давать доход только спустя длительное время, т. е. по необходимости доход неизвестный, сомнительный. Обе эти экономические предпосылки, по нашему мнению, решительно опровергнуты последними пятнадцатью годами истории СССР. Далеко не выказывая признаков какого-либо отсутствия инициативы в больших, как и малых делах, далекий от того, чтобы отказываться от риска искания новых путей развития, советский коммунизм проявил во всех областях бурную инициативу. Он показал себя смелым до риска ошибиться. Он дошел до крайних границ в своей готовности пожертвовать настоящим ради будущего. Он экспериментировал неутомимо, если не необдуманно, во всех направлениях в поисках новых путей развития. Ни один исследователь СССР не может не признать того большого впечатления, которое производит почти чрезмерное стремление к изменениям и дух отваги, царящий в промышленности, науке, искусстве, социальных начинаниях, даже по сравнению с США.

Что же касается темпов создания нового капитала с помощью сбережений за счет доходов, то советский коммунизм в последнее десятилетие оставил весь мир позади себя. Большинство капиталистических стран довольствуется тем, чтобы «сберечь», т. е. обратить на капитальные вложения то, что иначе могло бы быть немедленно потреблено на товары и услуги,— 2 или 3% всего национального дохода. Англия в лучшие свои годы, перед самой мировой войной, сберегала до 9 или 10% всего своего национального дохода. Советский же Союз «сберегал» с 1927 г. в течение большей части лет и вкладывал в новые предприятия и новое оборудование по меньшей мере 20%, а иногда до 30% всего национального дохода. Инициатива и объем «сбережений» (т. е. капиталовложений) шли под руководством коммунистической партии рука об руку.

Это не означает, что советский коммунизм успел к настоящему времени менее чем в десятилетие поднять уровень жизни своих 170 млн. человек населения с ужасающе низкого уровня 1921 г. (не говоря уже о неизмеримых глубинах нищеты царского времени) до чего-либо подобного нормальному уровню английского или американского, или швейцарского, или скандинавских народов, *когда те имеют работу*. Но можно сказать

с некоторой уверенностью, что ничто в советском коммунизме не оправдывает утверждения, что коммунистическая страна всегда должна оставаться ниже уровня всякого капиталистического общества. В настоящее время в СССР уровень промышленной производительности несомненно находится на относительно низком уровне по сравнению с лучшими предприятиями, существующими в Англии или США. В частности имеется неравномерность в достижениях и немало промахов в управлении; это делает полезным дальнейший анализ участников производственного процесса.

Кто участвует в производстве?

Мы можем разделить экономическую и политическую организацию всякого общества на три части или слоя в соответствии с функциями. Наименьшая по объему часть, иные сказали бы, наиболее важная, та, на которую падает задача и бремя интеллектуального руководства в экономике, политике, культуре. Крупнейшая по объему—в культ марксизма входило придавать ей наибольшее значение—это масса рабочих, чья жизнь проходит в физическом труде. Между этими двумя частями имеется третья. Это обширный и разнородный класс, в известной мере аналогичный тылу армии или массе государственных и муниципальных канцелярских работников. Сюда входят всякого рода второстепенные помощники и заместители руководителей, мастера и инспектора, секретари¹, конторские работники, работники прилавка, мужчины и женщины, занимающие самостоятельные мелкие посты или служащие в отдаленных местах. Общее между ними только то, что они не являются физически работающими производителями и в то же время не обременены ответственностью за политику или необходимостью принимать решения относительно целей и задач вверенных им функций.

И вот одной из особенностей советского коммунизма является то, что эти три части или слоя не составляют сегодня в СССР определенных, различных между собой социальных классов и меньше всего наследственных классов. Каковы бы ни были различия в личных доходах или доходах семьи, а подобные различия гораздо меньше, чем в какой-либо другой стране; эти различия не связаны с различиями в наследовании, ранге, вос-

¹ Иногда жалуются на безответственность огромного количества секретарей. Вот, что пишет один беллетрист: «Я должен сказать, кстати, что секретари являются вопиющим злом нашего советского существования. В их руках сконцентрирована большая власть, поскольку они являются ближайшими посредниками между правящими и населением, и в то же время никогда не считаются ответственными за их действия. Они «ответственные безответственные» или те незаменяемые люди, которые вызывают ропот и правительств, и несчастной публики». *А. И. Воинова*, Самоцветы, Лондон 1934, стр. 358.

питании, манерах или образе жизни или хотя бы с особыми функциями, выполняемыми отдельными лицами. Тем не менее мы полагаем, что возможно сравнивать с большой долей точности степень успешности, с которой в СССР каждая из трех частей в целом выполняет предназначенные ей функции.

Первая из названных частей или слоев, слой интеллектуальных руководителей общества в области политики и управления проявил, как нам кажется, в целом высокие способности и преданность, стоящую выше всякой похвалы. В обоих отношениях он, несомненно, не ниже соответствующей группы лиц любой другой страны ни по инициативе и смелости, ни в экономической или социальной политике, использованию познаний экспертов или в высшем руководстве национальным производством и общественной жизнью¹.

Во всех этих отношениях советские государственные деятели, мы можем смело утверждать это, стоят заметно выше обычного типа деловых людей в Англии или Америке, погруженных в свое узкое стремление делать барыши.

Наиболее обширная часть или слой, рабочая масса, большей частью недавно набранная из рядов крестьянства, достигла в короткое время и, принимая во внимание первоначальный низкий уровень ее, значительной степени технической сноровки и заводской дисциплины. Она, однако, в большей своей части все еще отстает от наиболее высококвалифицированных рабочих наиболее передовых капиталистических стран. Но этот недостаток более, чем компенсируется производственным энтузиазмом, который сумел вызвать советский коммунизм. Ни в какой другой стране масса рабочих физического труда не вкладывает столько энергии в дело увеличения промышленного производства. Ни в какой другой стране профсоюзы не сделали столько для улучшения процессов производства, уменьшения потери времени или материала, ускорения работы, и общего увеличе-

¹ Мы находим определенное преимущество в том, что никто из этих руководителей в СССР не может быть отвлекаем от своей руководящей работы большими личными имуществами в виде роскошных загородных вилл или яхт или широких трат на развлечения и путешествия. Самая сосредоточенность их энергии поощряет крупные проекты. Это мнение высказано в интересном романе: «Я знал, что, несмотря на самую суровую трезвость нашей эпохи и, может быть, вследствие полного отсутствия всякой фантастики в нашей жизни, в нашей стране можно было добиться одобрения причудливого волшебного плана гораздо скорее и легче, чем одобрения какого-нибудь мелкого, обыденного проекта, рассчитанного на удовлетворение самых насущных нужд нашей промышленности». «Да,—думал я, пересекая улицы и переходя из одного кривого и узкого переулка в другой,—мы привыкли думать широкими масштабами, в плане вечных, а не временных проблем, и полет нашей жизни требует чего-то гигантского. Все прочее кажется скучным и безвкусным» (А. И. Воинова, Самоцветы, Лондон 1934, стр. 405).

ния производительности каждого предприятия. Мы не знаем другого рабочего класса, в какой бы то ни было стране, где капиталистический предприниматель не устранен, который бы, взятый в целом, так искренно и так усердно сотрудничал бы в производстве благ, как промышленные рабочие СССР.

Наименьших успехов добился до сих пор советский коммунизм с помощью того слоя или той части, которую мы называли средней. Мы утверждаем, что взятая в целом эта часть, по честности и продуктивности, стоит значительно ниже и руководителей вверху и массы рабочих внизу. Это то, что иногда выражается в замечании, что в СССР политика, проект или план всегда выше, чем выполнение их. Второстепенные чиновники: инспектора, мастера, счетоводы, приказчики, председатели сельских советов, директора и бухгалтера колхозов, начальники станций, кондуктора и другие ведущие работники транспорта и т. д.,—вся эта масса, взятая в целом, при многих счастливых исключениях, до сих пор не приобрела навыков пунктуальности, точности, честности, добросовестности и, главное, абсолютного оправдания того доверия, которое оказано им по самому существу их службы и от которого зависит успех управления. Это не новая жалоба в странах восточнее Вислы. Мы уверены, что те, кто знал Россию двадцать лет назад, признают, что в этом отношении имеется улучшение. Многого можно ожидать от того времени, когда находящиеся сейчас в школе займут места родителей. Но в данное время человеческие связи между теми, кто делает политику, и рабочими в целом по лояльности и продуктивности ниже руководителей и промышленных рабочих и далеко отстают от тех же категорий Англии. В этом в значительной мере причина заметных дефектов советского управления.

Мы объясняем недостатки этого посредствующего класса тем, что советские стимулы не оказались в состоянии затронуть те виды работ, которые служат для этого класса в целом источником существования. Возьмем в качестве примера продавцов государственной розничной или кооперативной лавки или начальника железнодорожного депо: их работу нелегко поставить на базис сделщины. Она нелегко поддается влиянию «социалистического соревнования». Ее нелегко сделать предметом публичного почета или осуждения. Еще труднее вести учет. Их работа не может быть учтена с точностью, а без этого она не может быть предметом благотворной публичности, широкого общественного обсуждения. Инспектирование—неуклюжий инструмент, особенно громоздкий на такой обширной территории, как СССР. Кроме того, кто должен inspectировать работу инспектора для предупреждения возможности сговора? Можно, далее, отметить, что со стороны членов коммунистической пар-

тии и комсомола не было склонности занимать многие должности в посредствующем слое, о котором идет речь. Молодой коммунист-энтузиаст всей душой рад стать в ряды физических производителей благ. Юноша или девушка спустится в рудник или будет добровольно и горячо работать на строительстве нового московского метрополитена. Мужчины и женщины с одинаковым энтузиазмом возьмутся за специальное поручение, сопряженное с лишениями и опасностями. Они будут счастливы и проявят рвение в командовании хотя бы самым мелким отрядом на какой бы то ни было работе. Но они не любят работы в торговле, им не нравится возиться с товарами, несмотря на то, что распределение предметов потребления является социальным служением. Далекая от того, чтобы искать столь спокойной работы, как работа продавца кооперативной лавки или канцелярского работника правительственного треста, коммунистическая молодежь часто отказывается признавать эти работы частью необходимого служения обществу. Это снижает уровень этих работ, преданность к ним и их качество.

Как пытались руководители преодолеть инертность, отсутствие усердия, а в некоторых случаях нечестность или активный саботаж этого посредствующего слоя? Ленинская идея заключалась в том, чтобы бороться против этих зол, которые он обозначал словом «бюрократизм», путем предоставления народным массам возможности оказывать своим здравым смыслом воздействие на каждую отрасль управления. Система «рабочей и крестьянской инспекции» вводила периодическое посещение, иногда внезапное, каждого учреждения группой своего рода присяжных, составленных из рабочих, которые добивались доказательств полезности этой «бюрократической волокиты». Сталин, поставленный во главе организации, ставшей затем весьма обширной и распространившейся на весь СССР, усилил эти группы всепроникающих инспекторов-присяжных штатом служащих, опытных в административных порядках. Они с большим тактом направляли внимание присяжных на области и дела, требовавшие реформ, и придавали практическую форму замечаниям и предложениям присяжных. Мы уже описали (в приложении VI к т. I¹), в каких пределах эта обширная организация «рабоче-крестьянской инспекции» считалась эффективной и полезной. После больше чем десятилетия существования она была заменена в 1933—1934 гг. другими методами. Она послужила к увеличению чувства ответственности и контроля среди рабочей массы, но она, как полагали, не сумела изменить характер указанной нами посредствующей категории. Более того, было признано, что как бы ценна ни была эта безответственная народная ин-

¹ Все приложения редакцией сняты.

спекция, она вместе с вечным массовым изобретательством и обсуждением вопросов работы предприятий и учреждений значительно увеличивала объем работы управляющих и директоров, заставляла их терять драгоценное время и понижала производительность предприятий. Рыков настойчиво выдвинул эту сторону «промышленной демократии» на XV съезде партии. Он привел жалобу управляющего, которому мешали работать девять отдельных контрольных комиссий и инспекций. Он говорил: «Мое время тратится на доклады, заседания, разговоры. Профсоюзная организация образовала три заводских совета, три организации для обсуждения производственных вопросов и три комиссии для создания стандартов и улаживания споров. Когда мне найти время для работы?» Наконец, этот управляющий был доставлен в ГПУ «по капризу работника ГПУ, желавшего показать, что он имеет власть». Рыков сказал в заключение: «Вся система ревизий и контроля в соединении с отсутствием личной ответственности едва ли рассчитана на то, чтобы обеспечить успешную работу. Наша система все еще до известной степени покоится на недоверии к каждому мелкому звену всей цепи»¹.

Советскому правительству пришлось прибегнуть по отношению к значительной части посредствующего класса, в особенности в период 1928—1931 гг., к методу наказаний. Нарушившие доверие, обнаружившие небрежение в исполнении обязанностей, заподозренные в нерадивости или нечестности и даже те, в сфере работы которых произошел какой-нибудь серьезный прорыв или грубое нарушение, увольнялись или переводились на менее ответственную и более неприятную работу. Во многих случаях преступники осуждались ОГПУ на тюремное заключение или высылку в Сибирь. В крайних случаях, когда были доказаны или заподозрены контрреволюционная деятельность или саботаж, люди подвергались расстрелам. В защиту этой политики наказаний коммунисты утверждают, что именно в посредствующей категории нашли прибежище многие противники большевистского режима, многие бывшие офицеры, бывшие профессора, чиновники и другие, жившие прежде на доходы от ценных бумаг. По крайней мере часть из них осталась перманентно недовольной, и если большая часть перестала активно интриговать против правительства, то они продолжали оставаться центрами нелояльности, не пытаясь исполнять свои служебные обязанности сверх самого необходимого минимума².

¹ *Шервуд Эдди*, Россия сегодня, 1934, стр. 7—8 (текст цитаты дан в переводе с английского.—*Ред.*).

² Один из их среды признал их вину. «Если мы оставим на минуту самообвинения подвергнутых моральным или физическим пыткам интеллигентов во время публичных судов,—пишет Борис Бруцкус,—то мы должны признать, что в жалобах против них имеется некоторая доля истины.

Но когда с этим положением вещей борются с помощью суровых массовых наказаний, по необходимости без тщательного разбора индивидуальной вины, то это скорее ухудшает, чем улучшает дело. Всеобщая боязнь увольнения, если не более сурового наказания, не создает той атмосферы, в которой может родиться преданность службе или энергичное выполнение обязанностей, еще меньше интеллектуальная инициатива и изобретательность. Советское правительство сделало бы хорошо, если бы провело научное изучение влияния страха как стимула на мнения, суждения и волю, а следовательно, и на продуктивность работы административного аппарата. Если фактическая незыблемость британского чиновника имеет свои недочеты, она имеет по крайней мере то преимущество, что он может безоглядно отдать весь свой ум выполнению своих обязанностей. Было бы серьезным недочетом, если бы оказалось, что деятельность советского инженера, инспектора или мастера постоянно парализуется страхом не только потерять должность, но и примерного наказания, наказания, предназначенного не для того, чтобы исправить его характер, а чтобы помешать другим делать то же!¹

Известное признание этих соображений проникло, повидимому, в сознание тех, кто ответственен за советскую политику. В 1931 г., как мы указывали, Сталин в своей речи, озаглавленной «Новая обстановка—новые задачи хозяйственного строительства», воспользовался случаем призвать к установлению нового отношения к «старой технической интеллигенции». Весьма характерно, что Сталин начал с оправдания того, от чего он предлагал отказаться. Эти люди, сказал он, были года два назад заражены «болезнью вредительства». Более того, —заявил, он,—«вредительство составляло тогда своего рода моду. Одни вредили, другие покрывали вредителей, третьи умывали руки и соблюдали нейтралитет, четвертые колебались между советской властью и вредителями. Конечно, большинство старой технической интеллигенции продолжало работать более или менее лояльно». Но в настоящее время, продолжал Сталин, положение изменилось. Советская власть продемонстрировала свою мощь. Не может быть никаких сомнений относительно прочности этого изменения. Значительная часть интеллиген-

Они бесспорно были враждебны существующему режиму... Они, возможно, не могли потворствовать столь жестоким мерам... Они старались затормозить эту деятельность, рассчитывая на поддержку недовольства правого крыла». *Борис Бруцкус*, Экономическое планирование в Советской России, 1935, стр. 233—234.

¹ К этому вопросу о наказаниях и шкале моральных ценностей, связанных с ними, мы вернемся в главе XI и XII. См. также гл. VII, все во втором томе.

ции работает теперь лояльно и немногие оставшиеся вредители загнаны в подполье. «Но из этого,—заявил Сталин,—следует, что сообразно с этим должна измениться и наша политика в отношении старой технической интеллигенции... Было бы глупо и неразумно рассматривать теперь чуть ли не каждого специалиста и инженера старой школы, как непойманного преступника и вредителя... Итак, *изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы, проявлять к ним больше внимания и заботы, смелее привлекать их к работе,—такова задача*».

В 1933—1934 гг. весь аппарат «рабоче-крестьянской инспекции» был, как сказано, заменен новым административным органом. На основании постановления XVII партсъезда были созданы две новые «контрольные комиссии», одна—партийная, работающая под непосредственным руководством Центрального комитета, другая советская, при Совнаркоме, под руководством которого она работает (члены ее так же предложены партией). Особой функцией обеих комиссий является систематическое наблюдение за исполнением решений и приказов центра. Агенты партийной контрольной комиссии должны проверять поведение и качество членов партии, советская контрольная комиссия должна рассматривать главным образом результаты деятельности. Этими средствами предполагалось создать более точный и скорый контроль над методами работы каждой отрасли управления и вызвать сильное побуждение или стимул к улучшению. Остается видеть, какое действие этот новый аппарат окажет на то, что мы назвали посредствующей категорией.

Заканчивая эту главу о коммунистических стимулах «вместо наживы», мы позволим себе обратить внимание изучающего на ее странно иронический вывод. Бросающееся в глаза превосходство капиталистической организации промышленности над советской заключается не в том, что ищущие наживы контролируют и направляют производство и распределение к наиболее совершенному удовлетворению нужд и потребностей общества в целом. Не проявляется подобное превосходство и в способности капиталистов вызывать в массе рабочих физического труда ни всеобщего и постоянного участия в деле производства продуктов, ни усердия и изобретательности, являющихся—то и другое—необходимыми условиями максимального производства общества как целого. Советский коммунизм обещает весьма реально превзойти достижения капитализма как в отношении руководства промышленностью в целях

¹ Сталин, Новая обстановка—новые задачи хозяйственного строительства, Москва 1931, стр. 15—18 (на англ. языке) (Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 459—461).

наибольшего удовлетворения нужд и потребностей общества в целом, так и в отношении наиболее благотворного участия физических работников в производстве. И все же, как мы говорили, в структуре производства имеется одна сторона, в которой организация капиталистической промышленности до сих пор выказала себя выше, чем организация советского коммунизма. Это—в отношении усердия, честности, пунктуальности и лояльности обширной и разнородной категории служащих, на которые можно рассчитывать в Англии и некоторых других странах Западной Европы. Эти служащие заполняют посредствующие должности между руководителями политики, с одной стороны, и рабочими, непосредственно занятыми в производстве, с другой.

В этой средней части организации, состоящей из конторского и счетоводского персонала, из мастеров и старших рабочих, соединяющих высокую квалификацию в работе с организаторскими способностями, из начальников станций и ремонтных депо, из кондукторов, из всей массы заведующих магазинами, продавцов и кассиров—человеческих звеньев между теми, кто планирует и направляет, и теми, кто фактически выполняет,—на этой среде капиталистическая организация показывает свое превосходство. Именно вследствие очевидных недостатков этого посредствующего звена в СССР совокупные результаты советской промышленности не дали всего того, чего можно было ожидать. В этих недостатках причина того, что в столь многих советских предприятиях был такой страшный износ и ломка машин, такая трата материалов и частей, такое количество продукции низкого качества. Мы позволяем себе сказать, что в промышленной организации Англии это посредствующее звено заметно выше соответствующего звена в СССР. Между тем как раз этот служилый «низший средний класс был при современном капитализме наименее подвержен стимулу наживы, делания барышей». В СССР ищут совершенно иных способов улучшения этого посредствующего звена. Как сказал Сталин, «людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбванное плодовое дерево». В последующей главе мы покажем, как энергично и систематично большевики взялись за проблему «переделки человека».

ПЕРЕДЕЛКА ЧЕЛОВЕКА

Ни в одной области цели и политика советской власти не отличаются столь резко от целей и политики всякого другого образа правления, как в области перевоспитания широких масс населения. Монархи и парламенты, человеколюбивые олигархии и просвещенные демократии нередко желали счастья своим подданным и даже пытались ставить это целью своей политики. Но в лучшем случае все оставалось в области благих пожеланий. Советское правительство с самого начала поставило своей основной задачей не только облегчить жизнь народу, которому оно служит, но и фактически переделать этот народ¹. Будучи глубоко убеждены в изменяемости человеческой природы, Ленин и его сподвижники считали, что основной задачей и обязанностью правительства является решительное изменение природы человека. Справедливо или нет, но они приписывали физические и духовные особенности русского народа почти целиком той среде, которая влияла на него на протяжении ряда поколений. Они отдавали должное влиянию наследственности. Но они считали, что даже признаки, полученные по наследству от родителей, а через них и от всех предыдущих поколений сами по себе, если не целиком, то по крайней мере в значительной степени возникли в результате последовательного влияния окружающих условий, воздействовавших на бесконечный ряд предков. Даже если наукой будет в дальнейшем

¹ Знаменателен следующий лозунг московских спортивных клубов: «Мы не только перестраиваем человеческое общество в экономическом отношении, мы изменяем самую природу человека на основе научных принципов».

полностью доказано, что приобретенные признаки не передаются по наследству и в человеке будет найдено нечто такое, что наверняка не является накопленным результатом предшествующих, хотя бы и очень отдаленных, воздействий среды, это все равно не уменьшит важности создания таких условий среды, которые действовали бы в направлении дальнейшего желательного улучшения каждого нового поколения. Не подлежит сомнению, что наряду с наследственностью физической есть наследственность социальная. На каждого ребенка в очень большой степени воздействует материальная обстановка и духовная атмосфера его семьи; а через семью передается влияние структуры того общества, где протекают его младенческие и детские, отроческие и юношеские годы.

Большевики не без основания считали, что из всех средовых моментов, формирующих человека, социальные условия играют наибольшую роль и в то же время могут быть легче всего изменены. В конечном счете именно поэтому правительство Ленина предприняло ликвидацию помещиков и капиталистов и вместо погони за прибылью сделало главным двигателем производства принцип служения обществу¹. Именно с этой целью советское правительство преобразовало как промышленность, так и сельское хозяйство в то, что мы назвали «плановое производство для общественного потребления»². Строя «бесклассовое» общество, стремятся к созданию как раз такой новой среды, где каждый был бы свободен от «эксплуатации» и всякий ребенок имел бы равные возможности развивать все свои способности, и служение обществу было бы доступно на равных условиях обоим полам и всем расам. Наконец, ту же цель можно усмотреть в решительной концентрации всей общественной энергии на универсальном улучшении условий жизни каждого данного поколения здесь, на земле, и в полном исключении всего «потустороннего», всякого отклонения в сторону того, что считается мистически сверхъестественным и не подтверждается наукой.

Почему все прочие правительства, ни в Европе, ни в Америке, не имели никогда подобного страстного стремления и такой твердой целеустремленности поднять свои народы на более высокий уровень? Тысячу лет назад, в век господства религии, усовершенствование человека считалось функцией не гражданской власти, а христианской церкви. Рост национальных правительств и протестантская реформация приводили совместно к тому, что государственный механизм становился

¹ См. т. II, гл. VII «Ликвидация помещиков и капиталистов».

² См. т. II, гл. VIII «Плановое производство для общественного потребления».

по существу светским. Продолжая на словах оставаться христианским, государство в своей деятельности все более руководилось принципами индивидуализма, открывавшими широкий простор для ищущего прибылей капитализма. В XVIII в. под влиянием Руссо стали думать, что государственная власть, являясь сама по себе злым началом, не имеющим ничего общего с задачей улучшения человеческого рода, должна быть как можно больше ограничена в своем вмешательстве в свободу личности. Либерализм XIX в. сделал отсюда вывод, что государство не должно поддерживать никакой связи с религией или вторгаться в сферу влияния церкви, которая идею «хорошей жизни» подчиняла целиком требованиям всемогущего божества. С упадком веры в сверхъестественное и в Европе и в Америке был разрушен фундамент того кодекса поведения, который был сформулирован церквями различных исповеданий.

Отличительной чертой советского коммунизма является то, что планомерно создаваемое им организованное общество принимает на себя функцию обеспечить всем своим участникам хорошую жизнь; эта жизнь будет протекать не в почитании какого-либо мифического божества или в приготовлениях к некоему грядущему бытию, но—в пределах каждого данного поколения—в повышении благосостояния всего человеческого коллектива. На место преклонения перед богом советский коммунизм ставит служение человеку. В соответствии с этим предстоит переделка человека, которого столетия угнетения сделали лишь бледной копией того, чем он должен был быть, и устанавливается новая цивилизация.

Вопрос о том, как возникают новые цивилизации, является одним из самых загадочных для историков. Возникает ли новый социальный порядок, означающий новые отношения человека к человеку, изменившиеся способы производства, иное назначение собственности, новое представление об отношении человека ко вселенной, новый кодекс поведения—возникает ли этот новый порядок непосредственно из наиболее высоких современных цивилизаций или же, наоборот, из более примитивных типов цивилизации, менее дифференцированных, менее разработанных и менее стабильных поэтому в своей структуре и функциях? Советский коммунизм, хорошо это или плохо, возник, несомненно, из низшего типа общества (если подходить с мерилom западной цивилизации), с его массами неграмотных, суеверных, пораженных болезнями и порой просто варварских людей; с его правящими классами, в значительной степени иностранного происхождения, выродившимися и развращенными до мозга костей; с его политическим устройством, безнадежно устаревшим и никуда негодным. Ниже мы даем краткую характеристику царской России в 1917 г. к мо-

менту, когда к власти пришел Ленин. Характеристика эта принадлежит перу наблюдателя—космополита¹. Это один из наиболее осведомленных авторов. Будучи в тот период ярким противником большевизма, он сумел в дальнейшем изменить свою точку зрения, несмотря даже на то, что Октябрьская революция унесла его сбережения. Д-р Диллон, заканчивая описание бесчисленного разнообразия рас и религий среди населения царской России, продолжает изложение следующим образом.

«Обращаясь к основной массе русского народа—сельскохозяйственному населению—поражаешься тому обстоятельству, что общественное устройство является средневековым, азиатским по своим стремлениям и доисторическим по своему жизнепониманию. Крестьяне верили в то, что японцы выиграли манчжурскую кампанию благодаря тому, что они, превращаясь в мельчайших животных, проникали в сапоги русских солдат, кусали их за ноги и вызывали таким образом смерть. Когда в каком-нибудь районе вспыхивала эпидемия, жители часто убивали докторов «за отравление колодцев и распространение болезни». Они все еще с наслаждением сжигают ведьм, выкапывают труп человека, чтобы избавиться от его призрака, раздевают донага неверных жен, привязывают их к телегу и гонят через всю деревню. Таким образом, культурный уровень крестьянства, во имя которого Россия подвергается сейчас разрушению, значительно ниже, чем в Западной Европе. И когда единственное, что сдерживало эту массу в повиновении, внезапно отпало, последствия для общества не могли не быть

¹ *Эмиль Джозеф Диллон* (род. в Англии в 1856 г., сын ирландца и англичанки; обучался во французских и германских университетах) жил в России с 1877 г. до 1914 г., вновь посетил страну в 1918 и 1929 гг. Он был студентом, а впоследствии профессором в русских университетах, долгое время редактировал русскую газету, много разъезжал по России на протяжении своего почти сорокалетнего пребывания в ней. Знал много языков и был лично связан почти со всеми слоями русского общества, начиная от министров, знати и бюрократии и кончая мастеровыми и крестьянами, а также с несколькими поколениями революционеров. В течение почти тридцати лет он был превосходным иностранным корреспондентом английских и других газет; выпустил ряд книг на русском и других языках. Исследователю полезно сравнить три его книги о России, вышедшие на протяжении 39 лет. В 1890 г. он опубликовал (под псевдонимом Е. Лачнин) «Русские характеристики» (604 стр.), исполненную глубокого анализа книгу, которую бывший министр Милюков назвал как-то наиболее точным описанием русского народа. В 1918 г., ознакомившись с положением вещей после захвата власти большевиками, он под своим собственным именем выпустил «Затмение России» (420 стр.). Проявляя полное неверие в большевизм, он в этой книге выражает свое отчаяние. В 1929 г. он вновь побывал в стране и опубликовал книгу «Россия сегодня и завтра» (338 стр.); это—красноречивое свидетельство огромного улучшения почти во всех областях. Он был настолько поражен, что собирался еще раз посетить Россию; этому помешала, к несчастью, его болезнь и смерть в Барселоне в 1933 г.

катастрофическими. Русскому крестьянству, так же как и интеллигенции, нехватает того социального чувства, которое необходимо всякой расе для ее устойчивости, спайки и политического единства. Между народом и анархизмом на протяжении ряда поколений стояла хрупкая ширма примитивных идей бога и царя; а после манчжурской кампании идеи эти стали быстро улетучиваться... Слишком часто русский крестьянин живет в хибарке более грязной, чем свиной хлев, пребывание в которой вредит здоровью больше, чем пребывание на фабрике фосфорных спичек. Зимой он ложится спать в шесть или даже в пять часов вечера, потому что не может раздобыть денег на покупку керосина для лампы. У него нет ни мяса, ни яиц, ни масла, ни молока и часто даже капусты, и он питается главным образом черным хлебом и картошкой. Питается? Он голодает из-за недостатка даже этих продуктов. В данный момент (1917) в Бессарабии множество крестьян умирает от голода из-за отсутствия этой пищи. В Белоруссии в данный момент после отправки резервов на театр военных действий есть много хозяйств, где не осталось и фунта ржи для поддержания жизни семейств, потерявших своих кормильцев. А между тем эти умирающие с голоду мужчины, женщины и дети собрали достаточный урожай, чтобы существовать, ибо русский земледелец питается, как сказано, преимущественно черным хлебом и рад, когда имеет его вдоволь. Но крестьяне были вынуждены немедленно продать собранный после урожая хлеб для того, чтобы уплатить налоги. И они продали его по установленным ценам—настолько дешево, что иностранцы могли бы им перепродать его дешевле, чем русские хлеботорговцы!.. Совершенно безразличные к политике, в которой они ничего не понимали, но смышленные и алчущие земли, крестьяне были лишь длинным рядом нулей, получавшим весомость только от приставки других, значащих цифр; значащей цифрой было главным образом чиновничество. Все, чего они хотели, это была земля, безразлично каким бы путем она им ни досталась. Их взгляд на собственность сводился к тому, что все, им принадлежащее, неприкосновенно, тогда как то, что принадлежит владельцам, должно быть у них отнято без долгих разговоров. Этот примитивный социализм возник как результат столетий невежества, рабства и дурного управления. Было очевидно, что эта стихия, будучи выпущена на свободу, неизбежно приведет к распаду царизма... Одиннадцать летназад(т.е. в 1907 г.) я писал: "Аграрный вопрос в России есть альфа и омега революции. Это тот рычаг, с помощью которого старый режим, несмотря на поддержку армии, может быть сброшен в груды старого хлама. Земельная проблема настолько важна, что если бы ее удалось раз навсегда устранить или удовлетворительно разрешить,

то революция, конечно, была бы укрощена... Не следует забывать, что 80% населения неграмотно и что миллионы погружены в такую пучину невежества и грубых суеверий, что иностранцу трудно составить себе представление о ней. Поэтому они мучительно ищут руководства... Клич «земля—крестьянам» их опьяняет; более того, сводит с ума. В надежде добиться этой цели они готовы пойти на любое преступление против собственности и человеческой жизни. Тут заложены огромные взрывчатые силы, которые могут быть приведены в действие и использованы для ниспровержения существующего социального и политического режима. Могучая армия царя по сравнению с этой силой распадается в ничто, ибо она, эта сила, питает собой и армию, передавая ей свои собственные желания и устремления... В результате мы имеем инертную, терпеливую, беспомощную, невежественную, мало откровенную и склонную к пароксизмам ярости массу... наполовину дитя, наполовину плохо прирученный дикий зверь... германские писатели эту массу непочтительно соединяют на карте мира единой изокультурной линией с гаучосами Парагвая!"¹

Оставляя Россию в 1918 г., д-р Диллон резюмировал свое отношение к Ленину и его сподвижникам в следующих выражениях: «В большевистском движении нет и следа конструктивной или социальной идеи. Даже поклонники Ленина и Троцкого на Западе не могут ее обнаружить. Подлинный социализм означает органическое упорядочение социального целого, а в большевизме на это нет и намека. Наоборот, часть рассматривается как целое, а все остальное оказывается в положении не лучше, чем были крепостные при Александре I и Николае I. Ибо большевизм это царизм наизнанку. На долю капиталистов выпадает столь же скверное обращение, какое было у царей по отношению к крепостным. Большевизм закрывает газеты, уничтожает свободу, арестовывает или ссылает избранных народа и смотрит сквозь пальцы или даже поощряет дьявольски жестокие преступления».

Десять лет спустя (1928) д-р Диллон вновь посетил СССР и был потрясен тем, что он увидел. «Повсюду люди думают, работают, творят, совершают научные открытия и технические изобретения. Если бы можно было с высоты птичьего полета сразу охватить бесчисленные виды деятельности граждан советских республик, то с трудом можно было бы поверить своим глазам. Ничего подобного этому, ничего приближающегося к этому по разнообразию, интенсивности, по ясности цели никогда до сих пор не наблюдалось. Пламя революции расто-

¹ Диллон, Затмение России (1918), стр. 13, 15, 372—374, 383.

² Там же, стр. 388.

пило колоссальные препятствия и сплавило самые разнородные элементы в один великий народ; это не нация в том значении, какое придает этому слову старый мир; это могучий народ, спаянный воедино как бы религиозным энтузиазмом. Большевики, таким образом, выполнили многое из того, к чему они стремились, и больше, чем это казалось достижимым для какой-либо человеческой организации при тех неблагоприятных условиях, в которых ей приходилось действовать. Они прекрасно мобилизовали свыше 150 млн. апатичных и безжизненных людей и вложили в них новую душу. Они разрушили и похоронили весь строй старого мира на одной шестой земного шара и роют могилу для него повсюду. Они показали себя исполненными способности и решимости выходить из тяжелого положения и широко использовать все благоприятные возможности. Их способ разрешения вопросов самоуправления и национального вопроса есть образец изобретательности и изящества. Никто из современных государственных деятелей других стран не осмелится соперничать с ними в их методах удовлетворения притязаний национальных меньшинств. Во всем этом, так же как и во многих других начинаниях, ими движет сила непреодолимая, почти чудотворная... Большевизм не есть заурядное историческое событие... Это мировая очистительная сила, которой мы иногда даем имя Судьбы, которая появляется через долгие промежутки для того, чтобы вырвать человеческие плеве́лы и расчистить почву для людей и вещей нового типа. Иудеи с их Моисеем и Исaiей, гунны с Атиллой, монголы с Чингисханом, большевики с Лениным—на всех на них один и тот же трансцендентальный ответ. Большевизм берет свое начало в неисследованных глубинах бытия. Он не мог бы появиться, если бы не было необходимости положить конец несправедливости и беззакониям, которыми заражена наша одряхлевшая цивилизация. Он аморален и неумолим в силу своей трансцендентальности. Он принес нам подобно христианству не мир, но меч, и по числу жертв он превосходит самые кровопролитные войны. Мне представляется, что в современном мире это самая могущественная сила, влекущая нас к добру или ко злу. Это суровая реальность, отдающая, быть может, запахом адской серы, но с определенной миссией на земле и притом миссией, которая несомненно будет выполнена»¹.

Женщина

Свою переделку русского народа Ленин и его товарищи начали не с Адама, но с Евы! Ибо Октябрьская революция

¹ Диллон, Россия сегодня и завтра, 1929, стр. 328, 336, 337. Все три книги д-ра Диллона рекомендуется прочесть под ряд.

для десятков миллионов крестьянок и женщин, работающих по найму, означала не только освобождение от эксплуатации помещика и капиталиста (все значение этого освобождения они могли почувствовать лишь по истечении ряда лет), но и немедленное освобождение от гнета отца или мужа. С этого момента женщина во всех отношениях оказалась в равном положении с мужчиной: и как гражданин, и как производитель, и как потребитель, и даже как участник в руководящей работе¹.

Постепенная эмансипация женщин происходит вот уже почти столетие в большинстве стран Европы и Америки. Но, как было справедливо отмечено, «процесс эмансипации, происходящий сейчас в России, отличается от всего того, что имело раньше место в истории человечества, тем, что он выполняется по плану и в невиданном раньше масштабе. И как бы ни пошло дальше историческое развитие, одно уже достигнуто: очеловечение женщины. Коренная перестройка всех человеческих отношений предпринята в Советском Союзе в размерах, о которых раньше и не мечтали... Здесь впервые женский вопрос рассматривается как часть великой социальной проблемы и приближается к своему разрешению благодаря сознательной воле коллектива»².

Сколь велика и поразительна была эта эмансипация русских женщин, станет ясным, если мы вспомним, что в 1917 г. примерно одну десятую всего населения нынешней территории СССР составляли мусульмане, у которых женщины носили чадру и почти не считались человеческими существами. Их продавали мужьям одиннадцатилетними девочками и заставляли трудиться как рабынь. После смерти мужа вдова переходила по закону в собственность его ближайшего родственника наряду с домашней утварью, скотом и прочим имуществом. Все это в равной степени могло служить предметом купли-продажи. Но даже положение тех, кто принадлежал к право-

¹ О положении женщины в СССР см. русские работы: *К. Н. Ковалев*, Исторический путь женщины, брак и семья, Москва 1931; *А. Коллонтай*, История женского рабочего движения в России; *Ф. Нюрина*, Женщина в борьбе за новое общество, Харьков 1930. Наряду с многочисленными практическими руководствами можно горячо рекомендовать читателю книгу *Фаннина Галле*, Женщины в Советской России, 1933, 405 стр. с обширной библиографией; *Д-р Конюс* (заведующая консультацией при Государственном научном институте охраны материнства и младенчества), Охрана материнства и детства в Советском Союзе, Москва 1933, 117 стр.; *Джесика Смит*, Женщина в Советской России, Нью-Йорк, выходит из печати; *Алиса Фильд*, Охрана женщин и детей в Советской России, 1932, 263 стр. с библиографией; *Элла Винтер*, Красная добродетель, 1933, 320 стр.; *Дороти Томпсон*, Новая Россия, 1929, гл. X. Удачную сводку представляет собой последняя русская работа *В. П. Лебедевой*, Охрана материнства и младенчества в Стране Советов, Москва 1934, 263 стр.

² *Фаннина Галле*, Женщины в Советской России, стр. 9, предисловие.

славной церкви, были немногим лучше. Юридически они были совершенно бесправны в отношении своих мужей. Гражданский кодекс царской России устанавливал в точных выражениях, что «жена обязана во всем подчиняться своему мужу и не выходить ни в каком отношении из-под его власти» [т. X, § 107]. Без его разрешения она не имела права наняться на работу [т. X, § 2202]. Женщина, работавшая в качестве педагога, сестры милосердия или телеграфистки, немедленно увольнялась со службы при выходе замуж. Паспорта обычно не выдавались замужним женщинам, имя жены просто вписывалось в паспорт мужа. Поэтому она не могла уехать из дому без него. Жена, уезжавшая без разрешения мужа, могла быть возвращена обратно полицией—совсем как беглый каторжник. Лишь в исключительных случаях по особому ходатайству при наличии точно выраженного разрешения со стороны мужа замужней женщине мог быть выдан отдельный паспорт. Закон не оставлял женщине почти никакой возможности вырваться из-под власти даже самого плохого мужа, даже если он соглашался на развод. Почти все крестьянки и три четверти женщин из рабочего класса в городах были совершенно неграмотны. Такова была участь, вплоть до самой революции 1917 г., половины взрослого населения страны.

Целью большевиков было не просто провести эмансипацию ради нее самой, но поднять на высший уровень женщин как часть человеческого коллектива, подлежащего переделке. Было ясно, что первым шагом на этом пути подъема женщины должно было явиться ее освобождение.

По этой причине российская социал-демократическая партия всегда ставила эмансипацию женщин одним из своих основных принципов. Маркс подчеркивал на I конгрессе Интернационала в Женеве в 1866 г., что борьба рабочего класса против капитализма не будет иметь успеха, пока женщины не будут освобождены от разных видов экономической кабалы. Маленькая партия большевиков всегда включала в свои ряды в качестве профессиональных революционеров женщин наравне с мужчинами; женщины сидели в самых ответственных и самых секретных партийных комитетах. Через год после большевистской революции «в ноябре 1918 г. состоялась в Москве первая всероссийская конференция работниц и крестьянок с числом делегатов около 1 200, представлявших почти миллион трудящихся женщин Советской России»¹.

¹ «Деревенская баба что? Слякоть одна. Вашей сестры в России большие миллионы, а все как кроты слепые,—ничего не знаете... Ничего не видала, ничего не слыхала. Мужик, тот хоть в кабаке, а то и в замке, случаем, али в солдатстве... узнает кое-что. А баба что?.. Кто вас учит? Только пьяный мужик вожжами поучит когда». (Слова крестьянина

Это было в основном стихийное движение среди женщин, которых пробудила революция. Ленин с самого начала считал, что женская организация не должна строиться на узком партийном базисе. Большевики позаботились, разумеется, о том, чтобы все делегаты принадлежали к классу рабочих или крестьян и были приверженцами революции. Организаторы объезжали всю страну, чтобы обеспечить выборы делегатов на съезд. «Сотни трудящихся женщин из отдаленнейших фабрик и деревень прибыли в Москву со своими жалобами и сомнениями, со всеми своими заботами, большими и малыми. Все они хотели услышать от Ленина, почему мир не наступил немедленно после Октябрьской революции, почему голод и холод все еще терзают страну. Большинство женщин, совершенно неопытных, вряд ли имели в то время представление о том, как долог и труден путь социалистического строительства, как много препятствий надо преодолеть до окончательной победы пролетариата... Партии удалось организовать из этих женских масс революционную штурмовую бригаду и направить их активность на созидательную работу. С этого момента началась упорная систематическая и целеустремленная работа в массах, чтобы создать необходимые предварительные условия фактического равноправия трудящихся женщин. Женщины стали втягивать в работу по социалистическому строительству, и из их среды выдвинулись опытные руководители... Конференция была красочной и блестящей»¹.

Эмансипацию никогда не представляли как простое устранение неравенства перед законом или даже как уравнивание в избирательных правах. Нужно было также уничтожить экономическую и домашнюю подчиненность женщины и даже ее закрепощенность домашним хозяйством.

Победа социализма говорил Ленин, невозможна до тех пор, пока целая половина трудящегося человечества—трудящиеся женщины не пользуются равными правами с мужчиной; до тех пор, пока они остаются рабынями своего домашнего очага и семьи.

Полное равенство обоих полов положено в основу всех законов и административных распоряжений. Женщина одинокая или замужняя имеет такое же право голоса, как и мужчина, и пользуется в той же степени правом быть выбранной на обще-

Митрича из драмы Льва Толстого «Власть тьмы»; цитировано в книге д-ра *Эстер Конюс*, *Охрана материнства и детства в Советском Союзе*, 1933, стр. 4—на англ. языке.)

¹ *Ф. Нюрина*, *Женщина в борьбе за новое общество*, 1930 (на русском языке). Цитируется у *Фаннины Галле* в книге «Женщина в Советской России», 1933, стр. 94—95.

ственные должности. Женщины беспрепятственно вступают в члены профессиональных союзов и кооперативных обществ, равно как во всякую другую ассоциацию. Они фактически стали получать за аналогичную работу те же ставки заработной платы, что и мужчины; они могут получить работу любого характера и любой квалификации. В браке они сохраняют право собственности на все, что им принадлежало; все, что приобретается в течение брачной жизни, принадлежит в равной степени обоим супругам. Они имеют такое же право, как и мужчины, на расторжение брака путем развода и несут в соответствии со своими средствами равные обязательства по содержанию детей и нуждающегося супруга. И из этой первоначальной широко проведенной эмансипации в дальнейшем не было никаких изъятий или отступлений. Уже в 1920 г. Ленин имел право заявить, что ни в одной стране мира женщины не были так полно и безоговорочно освобождены от неравноправия как юридического, так и бытового, как в СССР.

«Правительство пролетарской диктатуры, конечно, в союзе с коммунистической партией и профсоюзами, прилагает все усилия к тому, чтобы преодолеть отсталые воззрения мужчин и женщин и вырвать таким образом почву из-под старой, некоммунистической психологии. Нужно ли говорить, что проведено полное равноправие мужчины и женщины в законодательстве! Во всех областях заметно искреннее стремление провести это равноправие в жизнь. Мы втягиваем женщин в работу советского хозяйства, управлений, в законодательство и в правительственную работу. Мы открываем им двери всех курсов и учебных заведений, чтобы повысить их профессиональную и социальную подготовку. Мы основываем общественные кухни и столовые, прачечные и починочные мастерские, ясли, детские сады, детские приюты, воспитательные учреждения всякого рода. Короче, мы всерьез проводим требование нашей программы переложить хозяйственные и воспитательные функции индивидуального домашнего хозяйства на общество. Этим путем женщина освобождается от старого домашнего рабства и всякой зависимости от мужа. Ей предоставляется полная возможность деятельности в обществе в соответствии с ее способностями и наклонностями. Детям же предоставляются более благоприятные условия для их развития, чем те, что ждали бы их дома. У нас самое передовое в свете законодательство по охране женского труда. Уполномоченные организованных рабочих проводят его в жизнь. Мы устраиваем родильные приюты, дома для матерей и младенцев, организуем консультации для матерей, курсы по уходу за грудными и малолетними детьми, выставки по охране материнства и младенчества и тому подобное. Мы прилагаем самые серьезные усилия,

чтобы удовлетворить нужды необеспеченных, безработных женщин»¹.

Эта заповедь Ленина универсальна. Мы считаем неоспоримым, что в результате эмансипации произошел меньше чем за два десятилетия резкий скачок вперед; дело при этом не ограничилось одним лишь практическим освобождением женщины, одновременно шло ее физическое и духовное возрождение. Это выразилось и в повышении уровня здоровья и в удлинении средней продолжительности жизни, но также и в интеллектуальных успехах женщины и в ее достижениях во всех отраслях человеческой деятельности. В 1917 г. среди женщин был огромный, значительно больший, чем среди мужчин, процент неграмотности. В 1934 г. девять десятых всего взрослого населения СССР умели как минимум читать и писать, причем женщины в той же пропорции, что и мужчины. В том же году процент девочек в школах был так же высок, как и процент мальчиков. Эмансипация женщин в СССР позволила быстро обеспечить необходимый прирост рабочей силы и притом не только в учреждениях и в легкой промышленности, но также и в сельском хозяйстве² и в тяжелой промышленности.

В СССР в настоящий момент (т. е. в 1935 г.) не только педагоги, но и врачи на две трети состоят из женщин; значительную долю составляют женщины среди агрономов. В многочисленных исследовательских институтах, возникших в каждой отрасли знания, часто большинство сотрудников являются женщинами. Женщины составляют, примерно, одну треть молодых инженеров, ежегодно по окончании пятилетнего обучения вливающихся в непрерывно растущую машиностроительную, химическую и электротехническую промышленность. Обширные кадры административного персонала, обслуживающего поезд и трамвай, в значительной части состоят из женщин. Женщин можно найти во всех отраслях труда, не исключая армии, торгового флота и широко развивающейся авиации. Одна из женщин (Александра Коллонтай) сделала успешную дипломатическую карьеру и является сейчас (в 1935 г.) совет-

¹ *Клара Цеткин*, Воспоминания, Партиздат, 1933, стр. 87—88.

² На VII Всесоюзном съезде советов в январе 1935 г. были оглашены следующие данные по Украине: около четверти миллиона крестьянок, членов коллективных хозяйств, были избраны их товарищами по работе (как мужчинами, так и женщинами) на ответственные посты; более 12 тыс. женщин было избрано в качестве членов правления колхозов, в том числе свыше 8 тыс. председателями; 3 тыс. были избраны бригадирами, 30 тыс. помощниками бригадиров; около 200 тыс. звеньевыми организаторами; 2 577 были избраны заведующими фермами; свыше 18 тыс. сделались инспекторами по качеству и около 3 тыс. женщин работало на тракторах (из речи П. П. Любченко, председателя Совнаркома Украины, «Москай дейли ньюз», 1 февраля 1935). Все цифры авторами округлены.—*Ред.*

ским послом в Стокгольме. Другая (Варвара Николаевна Яковлева)—министр финансов РСФСР с ее сотней миллионов жителей. Свыше ста женщин были награждены за выдающиеся заслуги орденом Ленина или орденом Красного знамени.

Материнство

Недостаточно, однако, освободить женщину от политических и юридических пут и даже от экономической зависимости, связанной с прежними предрассудками. Есть одна функция, исключительно женская, высокого общественного значения, выполнение которой представляет не только тяжелое испытание для здоровья женщины, но в капиталистических странах налагает также на нее тяжелое финансовое бремя. Расходы, связанные с материнством, в сочетании с затратами на ребенка—одна из главных причин хронической бедности обширных групп рабочего класса. В течение сотен лет на помощь приходила лишь частная благотворительность, а иногда (именно в Англии) использовалась система общественной помощи бедным, с ее унижительными особенностями. Лишь в нынешнем столетии некоторые страны включили в государственную систему социального страхования скудный и далеко отстающий от потребности «фонд материнства». В большевистском плане переделки человека с самого начала было отведено значительное место оказанию такой поддержки беременной женщине, чтобы она могла выполнить свои функции матери, работницы и гражданки. Подобно тому как мужчине в любом предприятии или учреждении оплачивают помимо жалованья также и всякого рода «служебные расходы», связанные с исполнением им своих обязанностей, таким же образом считают, что женщину, исполняющую специфическую обязанность деторождения, необходимо освободить по крайней мере от связанного с этим финансового бремени (если уж нельзя полностью избавить ее от всех страданий и неудобств). Стоимость содержания беременной женщины рассматривается в СССР как вполне закономерные дополнительные издержки на оплату женского труда.

Цель советского коммунизма в этом вопросе не только облегчить тяготы женщины и даже не только улучшить здоровье коллектива и снизить цифры детской смертности, стоявшие на жуткой высоте в царской России, но в первую очередь создать равенство условий для мужчин и женщин. Именно для того, чтобы женщине в ее восходящем движении обеспечить как можно более полное равенство с мужчиной и в выборе профессии и в выполнении любого труда, в СССР коллективными усилиями сделано для матери и ребенка гораздо больше,

чем в любой другой стране мира. Подлинно новым является в СССР не родильный дом, не ясли, не всякое иное учреждение этого типа; все это было уже немного известно и в царской России; в ничтожном количестве, возникая случайно, по капризу частной благотворительности, это имеет место почти во всякой современной стране. Исключительной особенностью советского коммунизма является всеобщность, повсеместность и полнота мероприятий, проводимых за государственный и общественный счет в отношении всех без исключения матерей в такой обширной стране, где ежегодно имеет место свыше шести миллионов рождений. Эта универсальность обслуживания не была изобретена Лениным и его сподвижниками. Это одно из тех многих революционных преобразований, которые были предложены Карлом Марксом около семидесяти лет назад¹ и которые капитализм передал для реализации первому коллективистскому государству.

Женщине, готовящейся стать матерью (*состоит ли она в зарегистрированном браке или нет*), если она сама или муж ее работает по найму как в городе, так и в деревне, Советский Союз предлагает совершенно бесплатно и не взимая на это дело никаких специальных взносов, следующее: медицинское наблюдение во время беременности; прием в родильный дом для родов; двенадцати- или шестнадцатинедельный отпуск с сохранением зарплаты независимо от ее размеров; система-

¹ «Шестьдесят пять лет назад, на женевском конгрессе I Интернационала под председательством Карла Маркса (1866) обсуждался этот вопрос. Маркс настаивал на включении в программы всех рабочих партий мира пункта о государственной охране материнства и младенчества. Он подчеркнул, что до тех пор пока женщины не будут освобождены от экономических оков, борьба рабочего класса против капитализма не будет успешной» (*Алиса Филд*, Охрана женщин и детей в Советской России, 1932, стр. 23).

² Матери, получающие отпуск до и после родов, могут быть отнесены к одной из двух категорий; в одном случае продолжительность отпуска составляет восемь недель до и восемь недель после родов, в другом—шесть недель до и шесть недель после. Согласно разъяснениям, изданным в 1921 г., к первой категории относятся женщины, работающие на фабриках и вообще занятые физическим трудом, все женщины, занятые в ночных сменах, в том числе и служащие учреждений, женщины, занятые в торговых предприятиях, работницы почты, учительницы сельских школ и школ-интернатов, инструктора физкультуры, культурные работники в тюрьмах, персонал колоний для дефективных детей, артистки и работницы театра, журналистки, врачи и сестры в сельских местностях, а также работающие в хирургических, заразных и психиатрических больницах и в родильных домах, по борьбе с голодом и эпидемиями, зубные врачи, массажистки. Ко второй категории отнесены все остальные женщины, работающие по найму (кроме занятых в ночных сменах); сюда же включены стенографистки, секретари, учительницы городских школ, кухарки, экономки и прочая домашняя прислуга, а также женщины, работающие в колхозах (коллективных хозяйствах). Студентки высших учебных заведений приравняются ко второй

тическое врачебное наблюдение и помощь; право вновь вернуться на работу после восстановления здоровья и пользоваться каждые три с половиной часа перерывами для кормления грудью младенца; определенную сумму денег на приобретение белья младенцу и в течение всего первого года жизни ребенка ежемесячное пособие на питание; ясли, в которых ребенок с двух месяцев до пяти лет окружен заботливым уходом, пока мать занята на работе¹.

Иностранцу это кажется поразительным списком благодеяний для материнства. Но каждое из них совершенно необходимо с точки зрения освобождения женщины от ее функциональных «издержек» и от той «экономической кабалы», в которой она иначе оказалась бы в результате исполнения своей исключительной функции, столь необходимой для общества. Задача ставится таким образом, чтобы в пределах физической возможности сделать женщину настолько вольной в выборе любого занятия, настолько продуктивной в своей работе, способной столько же зарабатывать, как если бы ей вовсе не пришлось сделаться матерью. Коротко говоря, для советского коммунизма материнство никогда не являлось (как это имеет место кое-где) предосудительным поступком, не-

категории. После произведенного аборта женщина имеет право на трехнедельный отпуск с сохранением зарплаты (там же, стр. 65—67).

На съезде колхозников-ударников в феврале 1935 г. одна делегатка с гордостью заявила, что в ее колхозе общее собрание постановило пойти еще дальше в заботе о материнстве. Каждой беременной колхознице разрешается не работать три месяца до родов и три месяца после, без какого-либо уменьшения ее доли в общем доходе («Москау дейли ньюз», февраль 1935).

¹ В одном сатирическом романе мы прочли забавное описание того привилегированного положения, которое занимают женщины на службе благодаря заботам о материнстве:

«Она опять беременна».

«Кто?»—спросил я с изумлением, не в состоянии понять, что тут приключилось за мое короткое отсутствие.

«Что значит, кто? Кокина, конечно! Взгляните только на эту рыжую шевелюру».

Кокина сидела, наклонясь над своим столом и всем существом вбирала в себя последние сплетни. Лицо ее было задумчиво, но спокойно.

Инструктор шипел: «Уверяю вас, у нее уже все документы в кармане. Не подкопаешься!»

«Ну, и что из того»,—спросил я, оглянувшись на окружающих. В комнате царил крайнее уныние, и наш отдел напоминал скорее приемную какого-нибудь предпринимателя, чем приличное советское учреждение.

«Чорт знает что! Идут разговоры о сокращении»,—сказал инструктор, бросая завистливый взгляд в сторону Кокиной. «А в том углу ни печали, ни вздыхания. Хотел бы я быть замужней дамочкой. Получай полное удовольствие, а затем трехмесячный отпуск с сохранением оклада и можешь не бояться увольнения. Шикарная жизнь» (*Войнова*, *Самоцветы*, 1934, стр. 61).

медленно наказуемым либо путем увольнения с работы (так поступают государственные учреждения в Англии и в других странах, а также и некоторые частные предприятия), либо по меньшей мере—и это уже обязательно—путем солидного денежного штрафа. В СССР, наоборот, считают, что то минимальное, что должно быть сделано для женщины, это полное освобождение ее от всех денежных расходов, связанных с выполнением ее своеобразной функции. Вся материальная сторона обеспечивается частично комиссариатом здравоохранения каждой союзной или автономной республики, а частично институтом социального страхования, где отсутствуют какие-либо взносы со стороны отдельного трудящегося.

Нам нет необходимости подробно описывать родильные дома, которые можно найти в любом крупном городе СССР или—в меньшем масштабе, но в непрерывно увеличивающемся размере—в сельских центрах. Прямо поразительна уже достигнутая в СССР степень развития этих учреждений. В дополнение к крупным, порой подлинно великолепным родильным домам в столичных городах в большинстве сельских районов возникают сравнительно скромные учреждения с небольшим числом коек¹.

Так, например, «в Казани, столице Татарской республики, мы обнаружили в 1932 г., что в каждой амбулатории (это относится ко всей территории этой республики) имеются две родильные койки... В колхозах и совхозах этой республики госпитальная помощь роженицам быстро возрастает». Говоря об СССР в целом, следует отметить, что в больших городах почти все женщины, имеющие работу (и на 90% вообще все женщины), рожают в родильных домах. В сельских местностях, рождаемость в которых пока еще составляет четыре пятых общего числа рождений, около 20% родов, согласно официальной статистике, происходит в стенах больничного учреждения; доля эта быстро увеличивается из года в год².

Отличительной чертой советской политики в этой области

¹ Существует ли где-нибудь в мире родильный дом для общедоступной и бесплатной помощи подобный тому, какой есть в Москве, где каждая женщина не только снабжена наушниками для слушания музыки по радио, но имеет у своей постели телефон, которым может бесплатно пользоваться для переговоров с мужем, детьми или друзьями!

² Сэр Артур Ньюхолм и д-р Кингсбери, Красная медицина, 1933, стр. 175, 178, 179.

В Лондоне эта пропорция равна 10%.

Число соматических и родильных коек в городах России составляло 89 200 в 1913 г., и в СССР 143 тыс. в 1928 г. и 230 тыс. в 1932 г. В сельских местностях коечный фонд составлял 49 тыс. в 1913 г., 60 тыс. в 1928 г. и 107 тыс. в 1932 г. (СССР в цифрах, Москва 1934, стр. 211—на англ. языке).

является «стремление к высокой степени объединения всех элементов обслуживания матери и ребенка»; в учреждениях крупных городов это в значительной степени достигнуто. Так, в Ленинградском институте охраны материнства и младенчества существуют кабинеты пренатальные (гигиена беременности.— *Ред.*); «кабинеты, где даются советы для предупреждения беременности; клинические отделения для различных периодов младенчества и детства; все это находится в связи с организацией медицинской помощи на дому... Сестры знают, повидимому, каждую мать и каждого ребенка на своих участках. Беременная женщина, посещая консультацию, получает карточку, которая дает ей право: а) на вход в трамвайный вагон с передней площадки и на занятие сидячего места, б) на внеочередное получение товара в магазине, в) на дополнительный паек, г) на облегченные условия работы в своем учреждении или предприятии и д)...на двухмесячный отдых с сохранением заработной платы»¹.

Другим примером этого административного объединения служит то, что любой хорошо поставленный центр по охране материнства дополняется обычно юридической консультацией, где опытный юрист всегда готов дать бесплатный совет всякой обращающейся к нему женщине; тут речь идет обычно о юридической помощи против обманувшего ее мужчины, или против фабричной администрации, не соблюдающей ее законных прав, либо вообще против всякого, причинившего ущерб либо ее детям, либо ей самой.

Для характеристики качества проводимой работы по охране материнства мы ограничимся цитатой из наиболее авторитетного и последнего по времени обзора, составленного англичанином и американцем. «Оставляя в стороне вопрос об абортax» (об этом речь пойдет ниже), сэр Артур Ньюсхолм и д-р Кингсбери суммируют результаты своего обширного обследования, произведенного в 1933 г., в таких выражениях: «наши наблюдения над советскими учреждениями по медико-гигиеническому обслуживанию матерей и детей привели нас в восхищение, особенно поразило нас то обстоятельство, что эта прекрасная работа, эта научная и передовая работа, предпринята и успешно выполняется в такой период, когда финансы страны находятся в плохом состоянии. Ознакомление с учреждениями по оздоровлению материнства и детства оставило у нас впечатление, что эти учреждения не были нигде урезаны или сокращены в силу финансовых затруднений»².

¹ Сэр Ньюсхолм и д-р Кингсбери, Красная медицина, 1933., стр. 176—177.

² Там же, стр. 177.

Охрана младенчества

Нам остается еще описать обширную систему мероприятий по охране детей раннего возраста, от момента рождения до поступления в детский сад или начальную школу. Эта система быстро развивается, проникая из городов и в сельские районы, хотя до полного охвата этими учреждениями всей территории СССР пока еще очень далеко. Здесь нам нет необходимости утруждать читателя описанием того, как в этих учреждениях кормят, одевают, моют, обучают, воспитывают и развлекают малышей. Что же нас здесь интересует? Для нас важно прежде всего, в каких размерах это обслуживание организовано сейчас как повсеместная общественная функция, как осуществляется всестороннее наблюдение местными общественными комиссиями, состоящими из представителей профсоюзов и всех прочих групп граждан, связанных с этим делом врачей и местной власти. Интересна затем достигаемая этими учреждениями значительная однородность в их структуре и действиях. И наконец, интересен психологический эффект от того, что вся работа ставится не как филантропическое начинание, а как обязанность общества¹.

Имеется, прежде всего, система консультаций для матерей с детьми; утверждают, что эти консультации уже сейчас в состоянии обслужить в городах всех матерей и особенно матерей-одиночек, после родов своими советами и помощью. В 1930 г. насчитывалось около 2 тыс. таких консультаций; а к концу

¹ Постановку охраны младенчества в СССР описывали многие наблюдатели, но обычно без правильного охвата системы в целом. Из этих книг наиболее полными нам кажутся следующие: *Фаннина Галле*, Женщины в Советской России (немецк. изд., 1932, английский перевод 1933 г.) — особенно глава под названием «Мать и дитя», нами широко использованная. Этот материал подкрепляется соответствующими главами из книги *Анны Гейнес*, Здравоохранение в Советской России, Нью-Йорк 1928; *Алиса Филд*, Охрана женщин и детей в Советской России, 1932; «Двенадцать очерков о Советской России», под ред. Маргарет Коол (1933); *Элла Винтер*, Красная добродетель, 1933; *Ньюсхолм* и *Кингсбери*, Красная медицина, 1933.

Официальную достоверность имеет обзор «Охрана материнства и детства в Советском Союзе», составленный д-ром Э. Конюс, заведующей консультацией при Государственном научном институте охраны материнства и младенчества, Москва 1933, стр. 118.

Удачный обзор (на русском языке) можно найти в более поздней работе В. П. Лебедевой, Охрана материнства и младенчества в Стране Советов, Москва 1934.

Из немецких источников надо упомянуть статью А. Дворецкого, Охрана младенчества и материнства в новой России в «Мюнхенер медицинше вохеншрифт», 1926, стр. 463—464, и *Веры Рапопорт*, Охрана труда русских работниц, Берлин 1934, 64 стр. с библиографией, насчитывающей свыше 100 названий.

1931 г. число это увеличилось до 3 тыс. При большинстве из них имеются «молочные кухни», ежедневно выдающие матерям дневную порцию особым образом приготовленного молока для грудных детей. Всей этой системой руководит местная организация, называемая комиссией по улучшению труда и быта (КОТИБ). Комиссия эта составляется местным советом. В дополнение к представителям совета и медицинскому персоналу консультаций в нее входят делегаты и делегатки всех заводских комитетов данного района, а также всех административных или торговых учреждений. Эти комиссии наблюдают не только за консультациями, но также за яслями, школами и родильными приютами своего района. В их задачу входит также «борьба с подкидыванием детей», для чего они берут под свое наблюдение всех одиноких и не имеющих поддержки беременных женщин; заботятся о скорейшем помещении в дома младенца детей, фактически брошенных матерями, а также тех детей, о которых матери не могут должным образом позаботиться и которые рискуют попасть в число брошенных. Смертность в этих домах младенца, бывшая прежде очень высокой, теперь значительно снизилась¹.

Там, где только возможно, подкинутые дети передаются теперь «на патронаж» в рабочие семьи, которые тщательно выбираются и обследуются. Эти семьи во многих случаях, в конце концов усыновляют ребенка как своего.

В сельских местностях все время увеличивается число консультаций в совхозах и колхозах. Замечательное явление представляет собой подвижная консультация, эти «летучие отряды» из докторов, сестер и юристов-консультантов (обычно женщин), с одним-двумя делегатами из комиссии. Их посылают по преимуществу в горячий период уборки, когда местные организации перегружены работой, в те деревни, которые еще не обеспечены постоянными консультациями. Участники передвижной консультации проводят месяц или два в какой-либо деревне, устраивают выставки и раздают листовки, дают всем женщинам гигиенические советы и оказывают медицинскую помощь; наряду с этим оказывается социальная и юридическая помощь для того, чтобы дать возможность матерям справиться с нуждой, отыскать отца, добиться алиментов; проверяется также, получает ли мать молоко для своего ребенка и соблюдаются ли вообще все ее гражданские права.

Следующей стадией в организации охраны раннего детства являются ясли, в которых смотрят за ребенком, начиная с двух

¹ Мы не приводим бывших в нашем распоряжении показателей смертности, поскольку смертность внутри учреждений не представляет статистической ценности без точного сопоставления с возрастом и продолжительностью пребывания в учреждении всех детей.

месяцев, пока мать работает. Это одна из тех идей, на которых Ленин особенно настаивал. Поскольку ясли освобождают женщину от гнета постоянной заботы о маленьких детях и позволяют ей таким образом зарабатывать и стать экономически независимой, Ленин называл ясли «зародышем коммунистического общества». В соответствии с этим за последнее десятилетие в СССР выросла обширная сеть яслей разного типа. Существуют заводские ясли, находящиеся фактически при всех промышленных предприятиях (так же как и при учреждениях), где работает хотя бы несколько десятков женщин. В городах имеются также районные ясли для обслуживания женщин, занятых на небольших предприятиях всякого рода. Во многих городах есть также вечерние ясли, связанные с клубами для работниц и с другими центрами отдыха. Положено начало организации яслей на больших железнодорожных станциях, чтобы дать возможность матерям, приезжающим в город или ожидающих поезда, пойти за покупками или по другим делам, так чтобы ребенок при этом не пострадал. В интересах матерей, занятых в ночную смену, организованы ночные ясли. В некоторых поездах дальнего следования есть даже специальные купе, в которых матери-пассажиры могут оставить своих маленьких детей под наблюдением опытных сестер. В сельских районах во всех государственных хозяйствах (совхозы) есть летние ясли; их число непрерывно растет в коллективных хозяйствах (колхозы), так же как и во всех коммунах. Эти летние ясли на селе приносят особенно большую пользу в борьбе с высокой смертностью малых детей в жаркую погоду, и в то же время освобождают матерей для работы по уборке хлеба. «В новой России,—говорят нам,—невозможно представить себе без яслей ни одно промышленное предприятие, ни один колхоз, ни одну тракторную станцию, ни одну артель»¹. В промышленных районах в 1928 г. было 33 тыс. ясельных коек, а к 1931 г. число это увеличилось до 130 тыс. В колхозах в летних яслях было в 1928 г. 135 тыс. коек, а в 1931 г. не менее полутора миллиона; говорят, что эта огромная цифра на протяжении 1932 и 1933 гг. еще удвоилась². И сейчас, в 1935 г., продолжается еще ее стремительный рост.

¹ Фаннина Галле, *Женщина в Советской России*, 1933, стр. 161.

² Следующая таблица, относящаяся только к РСФСР, показывает более чем двадцатикратное увеличение ясельных коек за пять лет:

<i>В городах</i>	1928 г.	1929 г.	1933 г.
Яслей. . . .	499	953	3 355
Коек в них .	31 955	39 016	161 822

Где бы ни возникали ясли, независимо от того, получает ли мать какую-либо плату за специальные услуги или нет, бесплатное содержание ребенка на протяжении почти трети суток не только организуется обществом, но и принимается на счет общества. По второму пятилетнему плану сеть консультаций, молочных кухонь, яслей, детских комнат, детских очагов и детских садов разветвляется год за годом на всем протяжении СССР; естественным результатом этого явится переход в ведение общества значительной доли забот о детях от рождения до семи-восьми лет—полностью обеспечено будет обществом медицинское обслуживание этих детей, в очень существенной степени их питание и в некоторой части снабжение одеждой. При этом дети не будут оторваны от родного дома или лишены материнской заботы и во всем этом не будет и намека на филантропию. Нам кажется, что родительская ответственность уменьшится при этом не в большей степени, чем это имеет место в других странах, где почти повсеместно введено для детей более старшего возраста бесплатное начальное обучение. И уж во всяком случае получится меньший отрыв от родной семьи, чем тот, который бывает связан с помещением детей высших и средних классов Великобритании в школы-пансионаты.

Предохранение от беременности

При более высокой рождаемости и более быстром темпе возрастания населения, чем в других больших странах, можно было считать, что в СССР будут широко применяться противозачаточные мероприятия. Однако у нас нет оснований для такого вывода. Ни официальные материалы, ни частные наши беседы, ни, что всего убедительнее, данные демографической статистики не могут подтвердить, что сознательное предупреждение беременности практикуется в СССР хотя бы в той же степени как в Голландии или Австралии, Франции или Германии, Англии или Соединенных штатах...

Происходит это по различным причинам. Народ здесь, мы думаем, менее осведомлен в этих вопросах, чем в Западной Европе. Труднее получить противозачаточные средства. Жи-

<i>На селе</i>	1928 г.	1929 г.	1933 г.
Постоянных яслей	66	313	11 599
Коек в них . . .	1 640	7 534	267 958
Сезонных яслей .	3 704	6 731	109 392
Коек в них . . .	100 306	175 000	2 734 804

Для всего СССР число мест в яслях определялось в 1913 г. в 550 постоянных и 10 тыс. сезонных; в 1928 г.—59 300 постоянных и 197 800 сезонных и в 1932 г.—623 900 постоянных и 3 920 300 сезонных («СССР в цифрах», Москва 1934, стр. 210).

лица значительно более уплотнены. Государственные деятели, ученые и вся масса граждан значительно менее уверены в том, что уменьшение рождаемости может быть желательным или полезным для общества. Весьма вероятно также, что одним из результатов широко развернутой системы охраны материнства и младенчества, отличительной черты советского коммунизма, является уменьшение страха женщин перед многодетностью; а страх этот в наши дни свойственен значительно большему числу женщин, чем это обычно признают.

А между тем в СССР нет никакого преследования контрацепции, никакого ограничения пропаганды или запрещения продажи противозачаточных средств. Тема эта вообще не является запретной и свободно обсуждается в городах людьми всех возрастов. Это служит темой для листовок и плакатов и для медицинских бесед, особенно в связи с регистрацией браков, с одной стороны, и лечением венерических болезней, с другой. «Консультационные пункты», амбулатории и поликлиники имеют право давать советы и наставления по этому поводу, и они обычно пользуются этим своим правом. Мы не заметили, чтобы эта искренность и свобода встречала здесь, в СССР, с чьей-либо стороны критическое отношение.

Аборты

Нам надо остановиться теперь на том, что, быть может, поразило западный мир больше, чем любой другой социальный эксперимент советского коммунизма, именно на откровенном признании практики аборта и на контроле над его выполнением. Ни для кого не секрет, что к аборту широко прибегали во все времена и у всех народов, несмотря на его вред для женщины, на его почти повсеместное осуждение церковью, уголовным законодательством и общественным мнением. У нас нет материалов, чтобы судить о том, было ли фактическое распространение аборта в царской России больше, чем в европейских странах. Мы не знаем также, насколько точны всякие частичные указания на количество абортов за один год в Соединенных штатах, во Франции или в Германии (говорят о сотнях тысяч и даже о миллионе). Не подлежит сомнению, что в каждой стране имели и продолжают каждый год иметь место буквально тысячи смертных случаев, наступающих вскоре после подпольной операции (в одной Германии около 10 тыс.); в то же время в десятках тысяч других случаев имеет место серьезный ущерб здоровью. Равным образом, не подлежит сомнению и то, что, помимо противозаконных операций, в настоящее время в Англии (где это зло, как полагают, менее распространено, чем на континенте) широко известны, легко доступны и про-

даются фактически в большом количестве всякого рода абортивные средства. Никто, знакомый с фактами, не будет, мы полагаем, оспаривать, что тут мы имеем очень важную и трудную социальную проблему¹.

После революции проблема эта была поставлена перед советским правительством самими женщинами. Мы приводим здесь факты в том виде, как они излагаются одной одаренной американкой, специально изучавшей этот вопрос².

«Когда трудящаяся женщина осознала, что правительство ее страны не только убеждено в том, что женщина должна быть равноправной с мужчиной, но и по мере всех своих сил готово помочь женщине стать действительно равной мужчине, то женщина в первую очередь поставила вопрос о своем праве не рожать ребенка, если она его не хочет. А так как противозачаточные мероприятия в 1918 г. были мало известны в России, то требования женщин сводились к легализации аборта. Вопрос этот подробно обсуждался повсюду, где встречались женщины, а также в газетах, согласно возникшему после Октябрьской революции обыкновению. Были серьезные доводы за и против. Женщины единодушно считали, что до тех пор, пока они вынуждены будут донашивать каждого зачатого ребенка, они не смогут никогда быть социально или экономически

¹ Из последних, наиболее существенных указаний по этому вопросу мы можем сослаться на следующие книги *Ньюсхолм и Кингсбери*, цит. соч., 1931, гл. XIV и стр. 21, 49, 176—177, 182—185; *Алиса Филд*, цит. соч., 1932, гл. IV и стр. 67; *Фаннина Галле*, цит. соч., 1933, стр. 139—144; *Гейнес*, Здравоохранение в Советской России, 1928, стр. 66—67; «Двенадцать очерков о Советской России» под редакцией М. Коол (1933), стр. 153—154; на статью «Медицина в советской России» д-ра Sommer-виль Гастингса в журнале «Медикал уорлд», 15 января 1932; «Аборты в России» д-ра медицины Генри Гарриса в журнале «Еудженикс ревью», апрель 1933; на статью «Медицина Советской России» д-ра Раймонда Лейбовича в «Анжете о Стране Советов», напечатанной в специальном выпуске иллюстрированного журнала «Вю», ноябрь 1931, стр. 2582—2584. Другим французским сообщением является статья под заглавием «Движение населения и результаты легализации аборта в СССР», принадлежащая перу Фернанда Бовера, председателя Высшего совета по вопросам рождаемости, и напечатанная в журнале «Мюзе социаль» в июле 1932 г. Новейшая русская точка зрения дается в соответствующей главе *В. П. Лебедевой*, Охрана материнства и младенчества в Стране Советов, Москва 1934, 263 стр.

В журнале «Архив фюр социале гигиене унд демографи» помещены две статьи д-ра А. Генса «Искусственный аборт как социальное явление», 1928, стр. 554—558 и «Результаты статистического исследования незаконченных беременностей в Москве в 1925 г.», 1926/27 г., стр. 336—339 (на немецк. языке).

² *Алиса Филд*, Охрана женщин и детей в Советской России, 1932, стр. 81—84 Аналогичное свидетельство дает и д-р *Раймонд Лейбович*. Анкета о Стране Советов (специальный номер «Вю», ноябрь, 1931, стр. 2582—2584).

независимыми. Они упорно держались того мнения, что если они будут принуждены вынашивать ребенка в каждом случае беременности, у них никогда не будет ни достаточно сил, ни энтузиазма для того, чтобы правильно воспитывать детей... Доктора в России столкнулись с еще большими трудностями, чем русские женщины, перед тем как рискнуть пойти по этому пути. Один из врачей родильного дома при Институте охраны материнства и младенчества в Москве сказал мне следующее: «Это один из самых трудных вопросов, с которым только может столкнуться врач или человек, вообще имеющий отношение к этому делу. Оставляя в стороне моральную сторону вопроса, врачи отдавали себе полный отчет в том вреде, который может быть принесен абортom, выполненным даже лучшим специалистом и в прекрасных условиях. Но мы стояли в то же время перед тем неоспоримым фактом, что русские женщины, пока им придется иметь дело с частым наступлением нежелательных беременностей, будут практиковать незаконные и подпольные аборты. В то время не было (да и сейчас еще нет) абсолютно безопасных и надежных предохранительных средств. Мы убедились, что аборта хотели не молодые здоровые женщины—ибо революция уничтожила понятие незаконнорожденности и сделала брак и сожителство практически равнозначными—аборта хотела нуждающаяся женщина с детьми, которой было слишком трудно, которая хотела и нуждалась в обеспечении и которая, по нашему убеждению, не получив помощи от государства, стала бы действовать на собственный страх и риск. Врачам постепенно стало казаться вполне логичным, что лучший способ борьбы с абортами—это борьба в открытую. И я не думаю, что мы, сделав так, поступили неправильно, ибо мы не только сократили смертность от подпольных абортов, но сейчас в состоянии бороться с абортами, давая консультации о способах предохранения от беременности».

Общественная дискуссия, диспуты среди врачей и длительные споры в различных законодательных комиссиях—как бы это ни показалось странным тому, кто думает, что советский коммунизм пользуется диктаторскими методами,—продолжались свыше двух лет (1917—1920). Когда, наконец, дело дошло до высших инстанций, закон был изменен и в таком виде до сих пор остался единственным в летописях мирового законодательства¹.

Ноябрьский декрет 1920 г. (вслед за РСФСР, он был повторен и в других союзных республиках) заменил в отношении абортов, которые не могли быть уничтожены репрессиями, многолетнюю политику запрета невиданной ранее политикой

¹ Подобный же законопроект рассматривается сейчас (1935) в Швеции.

превращения аборта в осуществляемое государством дело, под строгим общественным контролем. Пятнадцать лет практического испытания закона не внесли в него никаких изменений¹.

Аборт может производиться лишь квалифицированным хирургом в больничной обстановке и, за исключением особых обстоятельств, должен быть сделан путем хирургической операции, а не введением внутрь каких-либо лекарств. После операции женщина должна оставаться в постели полных трех суток и не может быть допущена к работе ранее двух недель. Аборт не должен производиться при первой беременности, если только роды не угрожают серьезно жизни женщины. Он не может быть произведен, если беременность продолжалась уже свыше трех месяцев. Рекомендуются выполнять аборт в государственной больнице, там, где имеется родильное отделение. Даны указания, что следует советовать женщине отказаться от аборта, если она имеет меньше троих детей или имеет достаточно средств, чтобы содержать еще одного ребенка, или если ее здоровью не будет нанесен никакой ущерб беременностью, или если ее бытовые условия вполне благоприятны для будущего ребенка, если вообще нет никаких социальных, медицинских и экономических показаний для аборта.

В соответствии с этими условиями, ни один врач-специалист не может отказаться от выполнения операции, хотя ему предоставляется право всячески разубеждать женщину. В государственных больницах за операцию не взимается никакой платы с женщин, охватываемых системой социального страхования или мужа которых застрахованы. Сюда попадают таким образом все лица, получающие жалование или заработную плату, независимо от характера их труда; далее, все члены коллективных хозяйств или кооперативных промысловых артелей (промякооперативов). С остальных женщин взимается обычная—небольшая к тому же—больничная плата. Всякое лицо, производящее аборт, не имея на то права,—будь это лекарь, не имеющий диплома, фельдшер, бабка или акушерка, хотя бы и имеющая диплом как таковая, а равно и всякое другое лицо—в случае смертельного исхода операции преследуется как за убийство.

Опишем систему в действии, как ее можно наблюдать в Москве и Ленинграде. Сперва женщина обращается на консультационный пункт, амбулаторию или медпункт своего района, где она имеет право (состоя на работе или будучи женой работающего) на получение бесплатной медицинской помощи.

¹ Если не считать небольшого добавления в 1926 г., которым трехмесячная беременность устанавливалась как предельный срок для производства операции.

Она сообщает сестре в регистратуре свое имя, адрес, занятие (то же относительно мужа) и повод, по которому она обращается. Если случай не спешный, то ей назначают притти через некоторое время, в удобный для нее час. На дом к ней направляют сестру, которая в дружеской беседе старается как можно лучше выяснить биографию и обстоятельства пациентки. Сестра-обследовательница заполняет после этого специальную карточку для доктора, в которой приводится вся информация, могущая иметь отношение к постановке диагноза и к лечению. Таким образом врач уже подготовлен к посещению женщины в момент ее прихода. Ее принимают не в казенной комнате с голыми стенами, но в приятно обставленном помещении, напоминающем приемную частного врача в Англии и снабженном всеми медицинскими приспособлениями. По установившемуся в СССР порядку никто—ни должностное лицо, ни пациент, ни приятель—не может зайти во врачебный кабинет консультации, не надев белого халата. После опроса и обследования, если женщина просит сделать ей операцию аборта, врач всегда старается разубедить ее, если только она не очень бедна, не имеет уже троих или больше детей, а беременность ее продвинулась не больше чем на 12 недель. Во всяком случае, он предупреждает ее, что аборт плохо отзывается на здоровье; что при абортах смертность в десять раз выше, чем при нормальных родах. Если женщина все же продолжает настаивать, он может, согласившись с ней, выдать ей ордер в государственную больницу, где и будет произведена операция. Если же врач не убежден в необходимости операции, он направляет женщину в больницу для обследования. Как показало наблюдение, одна шестая всех беременных женщин, обращающихся в консультацию, хотят сделать себе аборт; было, однако, выяснено, что, примерно, половину из них можно от этого отговорить. В результате число абортов, фактически выполняемых, представляет лишь небольшую долю тех требований, с которыми обращались в консультацию. Когда операция сделана и истекли три дня лежания в постели, женщине настойчиво внушается мысль, чтобы она получила от своего участкового врача все необходимые сведения о способах предохранения от новой беременности; говорят, что большинство женщин, подвергшихся операции, стремятся использовать предохранительные средства.

Остается указать на то, что все содержимые на общественный счет больницы (а других больниц в СССР нет) ведут точный учет всех сделанных абортов. Полученные при этом результаты поражают иностранных специалистов. Врачи развили тончайшую операционную технику. Все случаи тщательно изучаются. Операции выполняются в наилучших условиях. В результате исходы операций повсюду настолько хороши, что кажутся

почти невероятными. Уже в 1920 г. число смертных случаев составляло 0,74 на сто операций (меньше одного процента). «Д-р Александр Рубакин из Московского университета осведомил нас о том, что из 11 тыс. аборт, проведенных в московских больницах в 1925 г., не было ни одного случая смерти. В том же году, добавил он, не было ни одного смертного случая и на 2 366 аборт в Саратове... Д-р Генс сказал нам, что за 12 лет легализация аборт спасла жизнь 300 тыс. женщин (по сравнению с тем, что было бы, если бы продолжал практиковаться подпольный аборт). С этой точки зрения гигиенисты, по его мнению, должны поддерживать легальный аборт. Он добавил, что достигнуто большое искусство в операции и она отнимает от трех до пяти минут вместо прежних тридцати»¹.

Два французских врача, изучив материалы за 1932 г., пришли к заключению, что из 52 412 аборт, произведенных в Москве за год, только 2 139, или менее 4%, сопровождались какими-нибудь осложнениями².

Есть основания полагать, что производство нелегальных аборт, жестоко наказуемое уголовным судом, почти перестало практиковаться в СССР. Таким образом, получается парадоксальный результат, что в СССР, где аборт разрешен под строгим контролем, он практикуется сейчас значительно реже, чем в Германии и Франции, где он считается уголовным преступлением! «В Советском Союзе,—заявил д-р Генс,—заведующий абортным отделением в Московском институте охраны материнства и младенчества,—несмотря на легализацию, аборт относительно немног: мы страна, в которой аборт практикуется в наименьшей степени»³.

¹ *Ньюсхолм и Кингсбери*, Красная медицина, 1933, стр. 182. «Годы научной работы,—уверил нас д-р Генс, заведующий абортным отделением в Московском институте охраны материнства и младенчества,—доказали, что аборт, выполняемый в больничной обстановке, практически не представляет опасности для жизни. На 25 тыс. аборт приходится один смертный случай. В Западной Европе умирают в среднем от одного до двух процентов. В Германии, где ежегодно выполняется около миллиона аборт, по меньшей мере 10 тыс. женщин умирает каждый год от искусственного аборт. В Советском Союзе это составило бы 30 тыс. в год, если аборт не был легализован. Но если дело обстоит таким образом—а сомневаться в этом не приходится,—то за последние десять лет в Советской России спасены 300 тыс. женщин; и за этот же период плохо кончили в Германии около 100 тыс. женщин. Всякие комментарии излишни». *Фаннина Галле*, Женщина в Советской России, 1933. Статья д-ра Генса в «Архив фюр социале гигиене унд демографи» за 1926/27 г. дает более подробную статистику («Итоги статистического обследования аборт в Москве в 1925»).

² Д-р *Гомон* и д-р *Гено*, Современное состояние в области медицины противозачаточных средств в «Гинекологи э обстетрик», октябрь 1932; цитируется в книге *Ньюсхолма и Кингсбери*, Красная медицина, 1933, стр. 183—184.

³ *Фаннина Галле*, Женщина в Советской России, 1933, стр. 144.

Заканчивая этот обзор, следует добавить, что в то время как ежегодно число выданных разрешений на аборт по всему СССР составляет менее четверти миллиона, а противозачаточные мероприятия, по всем данным, далеко не пользуются широким распространением, ежегодное число рождений превышает шесть миллионов, а смертность детей в возрасте до одного года в то же время уменьшилась вдвое. Рождаемость в СССР составляет примерно 40 на тысячу, что превышает больше чем вдвое цифры большинства европейских стран и Соединенных штатов. «Русская женщина, стремящаяся отказаться от социальной функции материнства и не желающая выполнять свой гражданский долг, не обязана производить детей на свет. Но большей частью она рождает и не потому, что это ее священная обязанность, как в Западной Европе, но просто потому, что она хочет иметь детей в силу своих здоровых инстинктов. Помимо этого, русские прямо помешаны на детях и любовь к детям у этого народа, который, несмотря на все технические достижения, механизацию и американизацию, все еще очень близок к природе и в некотором смысле сам находится еще в детском периоде,—эта любовь к детям есть особая черта в его характере, которую можно проиллюстрировать многими трогательными примерами»¹.

Созидание здоровья

Много медицинских работников различных национальностей изучали за последние несколько лет организацию здравоохранения в СССР².

¹ *Фаннина Галле*, цит. соч., 1933, стр. 144.

² Последнее и наиболее авторитетное описание на английском языке: сэр *Артур Ньюхолм* и д-р *Кингсбери*, Красная медицина, 1934, 324 стр. Оно уступает, однако, по своим качествам чрезвычайно полному обзору *Анны Гейнес*, Работа по охране здоровья в Советской России, Нью-Йорк 1928, 177 стр., который остается наиболее полезным введением для непосвященного. Более позднюю компетентную сводку представляет брошюра д-ра *Семашко*, бывшего народным комиссаром здравоохранения в РСФСР с 1918 по 1930 год, «Охрана здоровья в СССР», 1934, 176 стр.; сравни также двенадцать его статей, озаглавленных «Дело здравоохранения», в журнале «Дейтше медицинше вохеншифт», 1924.

Существуют также следующие материалы: Доктор *Хорслей Гант*, Обзор медицинского образования в Советской России, в «Бритиш медикал джорнал», 14 июня 1924; *Рейнольдс*, Врачи в Советской России, в «Нейшпен», Нью-Йорк, 24 сентября 1930; *Хейден Геста*, Реконструкция в России, народонаселение и контроль над рождаемостью, в «Ланцет», 5 декабря 1931; *Баркер*, О медицинской работе в Советской России в «Сайентифик Монсло», Нью-Йорк, июль 1932; д-р *Соммервиль Хастингс*, Медицина в Советской России, в «Медикал уорлд», 14 января 1932; «Социальное

Они видели множество больниц и научно-медицинских институтов, которые произвели на них впечатление изумительно хорошо оборудованных и имеющих квалифицированный штат. Однако мало кто из них удержался от того, чтобы не распространяться по поводу существования в XX в. антисанитарных условий, напоминающих Англию сто лет назад¹.

Точно так же все они признают недостаточность медицинского обслуживания миллионов людей, обитающих на обширных пространствах вне городской черты. Нет надобности совершать специальное путешествие, чтобы открыть неравномерность развития и незавершенность системы здравоохранения, не насчитывающей еще и 20 лет существования и строящейся в стране, раскинувшейся на одну шестую часть земного шара, со 170 миллионами самого разнородного населения. Гораздо более поучительно исследовать, какими идеями вдохновляется здравоохранение в СССР и к какой цели оно стремится.

Наиболее примечательной и, быть может, самой небывалой чертой медицинской организации в СССР служит то, что ее стремления в меньшей степени направлены на лечение отдельных больных, чем на создание здорового коллектива. По сравнению с медицинскими работниками Соединенных штатов или Великобритании медицинские работники Советского Союза

благосостояние и здоровье в Советской России» известного врача, который скрыл свое имя, в «Прогресс», ноябрь—декабрь 1932; сэр *Джеймс Пурвес-Стьюарт*, Поездка врача в Советскую Россию, 1932. Ценную информацию в сжатом виде о постановке здравоохранения взятых на выборку сельских районов дает *Карл Бордерс*, Жизнь деревни при Советах, 1927, глава «Деревенский доктор», стр. 163—169.

Из немецких обзоров смотри: *Дворецкий*, 10 лет советской медицины в «Мюнхенер медицинисхе вохеншрифт», 1928, стр. 455—456, 497—499; и девять статей под заглавием «Впечатления от поездки врача в Россию» Розенгаупта в «Социале медицин», 1929.

Полезные сведения содержат статьи, относящиеся к России в ежегодных выпусках Лиги наций «Международный ежегодник по здравоохранению».

Публикации на русском языке по различным вопросам охраны здоровья и организации здравоохранения буквально неисчислимы. Мы ограничимся только указанием на книгу «Пять лет советского здравоохранения, 1918—1923» с портретом доктора Семашко, 256 стр., выпущенную Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР, 1924. Последовательные отчеты этого комиссариата перед Всесоюзными съездами советов описывают достигнутые успехи.

Библиографию по вопросам материнства, младенчества и абортов см. выше.

¹ Мы обычно забываем, какого недавнего происхождения британско-американское пристрастие к ваннам, свежему воздуху и научным изысканиям! Точно так же мы упускаем из виду то ужасное перенаселение и антисанитарию, которые господствовали в Англии как в городе, так и в деревне сто лет назад. Отсылаем интересующихся к монументальному исследованию *Чедвика*, Санитарное состояние рабочего населения в Великобритании, 1842.

гораздо более живо сознают, что они вовлечены в великую переделку человека. Отчасти это есть влияние коммунистической точки зрения, хотя, как упоминается нами в другом месте, лишь меньшинство врачей является членами коммунистической партии. Несомненно, что это частично обусловлено также исключительно плохим состоянием населения, с которым пришлось иметь дело советским врачам. «Царское правительство,—отмечает д-р Семашко,—оставило советской власти страшное наследство в виде антисанитарных условий. Исключительно тяжелые материальные условия трудящихся масс города и деревни, полицейский гнет, душивший всякую общественную активность, беспощадная эксплуатация рабочих и беднейших крестьян, низкий культурный уровень населения и, как следствие, низкая санитарная культура,—все это вместе взятое создавало благоприятную почву для эпидемических заболеваний... которые собирали ежегодную жатву в миллионы жизней... Одна четверть всех болезней была непосредственно связана с плохими экономическими и бытовыми условиями. Высота смертности среди населения за последнее десятилетие перед войной была от 28,4 до 30 на тысячу... Общее экономическое положение, в частности санитарное состояние населения, становились все хуже... война окончательно подорвала и здоровье населения и медицинскую организацию»¹.

Эта же причина (т. е. прежний низкий санитарный уровень.—*Ред.*) отчасти объясняет, как мы думаем, другую в равной степени примечательную черту советского здравоохранения, а именно его многообразие. Здравоохранение в СССР, не в пример всем прочим системам здравоохранения, никогда не сводилось к одной лишь борьбе с эпидемиями, которые в равной степени угрожают богачу и бедняку. С самого начала советская медицина занималась вместе с тем и болезнями, причиняющими страдания отдельным лицам. Задача не сводилась только к тому, чтобы лечить болезни, особенно широко распространенные или вызывающие особенно тяжелые поражения трудоспособности или необычайно опасные. Все несовершенства, которые отягощают человеческую природу, были в равной степени в поле зрения советского здравоохранения. С самого начала оно было свободно от исторически сложившегося расхождения между предупредительной и лечебной медициной, которое, особенно в Англии, продолжает стеснять развитие медицинского обслуживания. Более того, разногласия, существующие в других местах между теми, кто приписывает физические и душевные заболевания наследственности, и теми,

¹ Д-р Н. А. Семашко, Охрана здоровья в СССР, 1934, стр. 11—12, 14—15 (на англ. языке).

которые объясняют их влиянием среды, почти не находят почвы в СССР, где слишком очевидны дурные последствия разрушительной среды, действовавшие на протяжении веков; в то же время безграничные возможности изменения этой среды открывают безграничную перспективу улучшения как для страждущих в настоящем, так и для грядущих поколений. Система здравоохранения советского коммунизма стремилась охватить всегда человеческую жизнь на всем ее протяжении, включая даже внутриутробный период. Для благотворной ее работы никогда не служили преградой возраст или пол, раса или национальность, религия или профессия, социальное положение или материальное благосостояние. И в противоположностей Британии, Франции, Голландии для санитарных работников СССР страна не разделена внутренними перегородками, ибо десятки национальностей от океана до океана разве не являются все вместе равноправными гражданами Советского Союза, имеющими одинаковое право на полное оздоровление! С самого начала дело заботы о больных не заключало в себе и намек на филантропию или благотворительность; как и в других областях общественного обслуживания, помощь оказывается бесплатно всем работающим по найму, а также беднейшему крестьянству; даже и с тех, кто мог бы заплатить, плата в большинстве случаев также не взыскивается.

Мы приписываем это необычайно широкое понимание объема деятельности здравоохранения прежде всего основным коммунистическим взглядам Ленина, а затем выдающейся личности д-ра Николая Александровича Семашко, вдохновляемого Лениным и разделявшего с ним с 1907 до 1917 г. вынужденное изгнание. В июле 1918 г. ему поручена была организация комиссариата здравоохранения РСФСР. Его задачей была, как он выразился, фактическая «социализация» медицины; иными словами, «принятие государством на себя ответственности за предоставление каждому, при первой в том потребности, бесплатной и квалифицированной медицинской помощи. И тогда исчезнут, как мрак перед солнцем, все частные лечебницы и всякая коммерческая частная практика. Такова перспектива коммунистической медицины»¹.

Достоинно внимания, что новое министерство, которое д-р Семашко призван был организовать, своим названием не вызывало никаких ассоциаций с болезнями, с бед-

¹ Д-р Н. А. Семашко, Основы советской медицины, Москва 1926 (на русск. языке); цитировано в книге *Анны Гейнес*, Здравоохранение в Советской России, Нью-Йорк 1928, стр. 15; см. также Я. А. Семашко, Охрана здоровья в СССР, 1934, 176 стр., и его же серию из двенадцати статей «Дело здравоохранения» в «Дейтше медицинисхе вехен-шрифт», 1924.

ностью или с благотворительностью. Первый пункт положения о комиссариате здравоохранения от 1921 г. возлагает на него «ответственность по всем вопросам, связанным со здоровьем населения, и за проведение мероприятий, имеющих целью повысить уровень здоровья народа и устранить все причины, вредящие здоровью»¹. Новому органу правительства предстояло провести кампанию не по лечению только болезней, в узком смысле слова, а по оздоровлению всего населения и по поднятию на высший уровень здоровья *всех* граждан, а не только лиц, пораженных в данный момент каким-либо недугом. Д-р Семашко считал главной своей задачей построение на всей территории страны всеобъемлющей и единой системы здравоохранения, основанной на всех доступных профилактических мероприятиях; быстрое обнаружение и определение болезней всех лиц с более низким физическим и умственным уровнем; широкое развертывание исследовательской работы во всех отраслях медицины; подлинно общедоступное и глубоко продуманное обслуживание не только больных, обращающихся за врачебной помощью, но и всего населения в целом во всех возрастах, в целях «позитивного оздоровления». Мы записали машинально эти четыре области работы по здравоохранению в том порядке, в каком поставил бы их, по нашему мнению, всякий современный английский или американский медицинский руководитель с широким кругозором. Но что всего замечательнее и что вполне согласно с духом революционного преобразования идей при советском коммунизме, это то, что в сознании д-ра Семашко и в том курсе, который был взят его сильной личностью в руководимом им деле, порядок этих четырех пунктов был перевернут. Последний пункт был поставлен на первое место. «Цель советской медицины,—провозгласил он,—причина, почему она занята не только лечением, но и предупреждением болезней, это стремление *создать позитивное здоровье населения*»². Не приходится и говорить, что ни весь такт и энергия д-ра Семашко, которые приобрели ему большую популярность, ни даже та твердая поддержка, которую Ленин до самой смерти постоянно оказывал его работе, не могли немедленно покрыть обширную территорию СССР сетью того совершенного обслуживания, к которому стремился комиссариат здравоохранения. В первом пятилетии он не имел точно так же возможности получить достаточно средств на содержание большого персонала, на открытие и оборудование всех учреждений, общего типа и специализированных, которых требовала эта система обслуживания. Особенно поражает, когда знакомишься с опытом

¹ Первый пункт декрета Совнаркома РСФСР от 1921 г.

² Д-р Семашко, Основы советской медицины, 1926 (на русск. языке).

восемнадцатилетней работы этого величайшего в мире аппарата по охране здоровья, его постоянное совершенствование, год за годом, во всех областях его работы, и все возрастающие финансовые фонды, поступающие в его распоряжение,—и это в тот период, когда во всем мире департаменты здравоохранения были урезаны в средствах.

В первые три года после своего назначения, в разгар войны и голода, д-р Семашко мог лишь положить начало самому необходимому: разработка планов на будущее, и—в то время очень несовершенная—помощь Красной армии, жертвам послевоенных эпидемий и голодающим. Но с 1921 г. работа комиссариата стала быстро развиваться по всем основным направлениям. «Все врачи, фельдшера¹, сестры и фармацевты поступили на службу обществу, а все больницы, санатории и аптеки стали государственными; выработана была схема медицинского обслуживания, отдельно для города и отдельно для села, подлежащая включению в общий план волости, уезда и губернии². Было выработано единообразное для всей страны понимание круга служебных обязанностей, основанное на профессиональной ответственности, и установлены ставки заработной платы в соответствии с местными экономическими возможностями; в национальном масштабе проведены были мероприятия по охране детства и кампании против туберкулеза и венерических заболеваний; были основаны центральные институты для научной работы и переподготовки провинциальных врачей по различным медицинским специальностям; оптовое производство лекарств и покупка их за границей взяты были государством в свои руки, что позволило освободиться от рекламы и накладных расходов, свойственных частному производству»³.

Аппарат здравоохранения

Управление целой армией людей, занятых оздоровлением (в 1935 г. число их приблизилось к полумиллиону), как легко себе представить, не является полностью централизованным. Фактически в СССР нет всесоюзного комиссариата здравоохра-

¹ «Фельдшер первоначально являлся выходцем из армий, где он приучался помогать военному врачу; впоследствии земство стало открывать школы для дополнительного образования этих «недопеченных лекарей» (*Карл Бордерс*, Жизнь в деревне при советах, 1927, стр. 163).

Вплоть до 1921 г. фельдшер был часто на протяжении сотен квадратных миль единственным источником медицинской помощи. Бабку вряд ли стоит принимать в этом смысле в расчет. [«Бабка—это древняя деревенская знахарка, известная всем странам на определенном этапе их истории, и приглашаемая в особенности для родовспоможения» (там же, стр. 164)].

² Сейчас сельсовета, района и области.

³ *Анна Гейнес*, Здравоохранение в Советской России, 1928. стр. 26.

нения. Не только каждая из семи союзных республик (или даже девяти, если считать в отдельности республики, входящие в состав Закавказской федерации), но и каждая из пятнадцати автономных республик в составе этих девяти имеют свой собственный комиссариат здравоохранения, непосредственно подчиненный совнаркому данной республики. В каждой республике издаются и проводятся в жизнь самостоятельные санитарные законы и правила. Но, в соответствии с предвидением Ленина, РСФСР первая пошла по этому пути и она остается ведущей и по своей активности, и по достигнутым результатам; ее относительное значение таково, что остальные республики обычно следуют за ней¹.

Если мы дадим описание организации здравоохранения в РСФСР—республике, которая содержит много отсталых районов и наряду с ними наиболее передовые,—то полученную картину можно будет рассматривать как типичную для всех частей СССР.

Народный комиссар здравоохранения РСФСР не пользуется единоначальной властью даже в той степени, как министры, возглавляющие здравоохранение в некоторых странах Западной Европы. Вплоть до 1934 г. его непосредственные помощники составляли коллегия, с которой он обязан был совещаться по наиболее существенным вопросам, прежде чем принять какое-либо важное решение, исключая дел, требующих срочного разрешения. В состав этой коллегии входил заместитель народного комиссара (который в 1928 г. был также председателем Всесоюзной организации Красного Креста и Главного военно-санитарного управления), председатель профсоюза медицинских работников, начальник финансового отдела наркомата и представитель от крестьян. Сверх того на

¹ Это настолько подтверждается на практике, что д-р Семашко, давший на 176 страницах сводный очерк дела здравоохранения («Охрана здоровья в СССР», 1934), безоговорочно определяет формально самостоятельную работу по здравоохранению в двух десятках союзных и автономных республик как «действия подчиненных органов». Быть может, это оправдывается тем обстоятельством, что, по конституции СССР 1923 г., федеральным органам предоставляется право «издавать руководящие постановления в области здравоохранения». Народный комиссар здравоохранения является в своей области главным консультантом федеральных властей. Как правильно подметила Анна Гейнес, «в деле координации работы по здравоохранению различных частей страны по сравнению с административными законоположениями еще большее практическое значение имеют частые съезды по самым различным вопросам здравоохранения. Эти съезды собираются обычно в университетских городах, вне зависимости от их географического положения или политического значения; на них съезжаются врачи и другие медицинские работники из всех частей России» (Анна Гейнес, *Здравоохранение в Советской России*, Нью-Йорк 1928, стр. 58).

заседания коллегии обычно приглашались отдельные квалифицированные специалисты для участия в обсуждении соответствующих вопросов; лицами этими являлись директора учреждений, заведующие секторами наркомата, ученые специалисты, представители других комиссариатов или профсоюзов. При коллегии была постоянная комиссия по планированию, которая вырабатывала детальные проекты и предложения и передавала их в форме пятилетнего плана на окончательное утверждение коллегии; после этого план утверждался народным комиссаром и сообщался в Государственную плановую комиссию.

В 1934 г., как мы уже упоминали, коллегии в процессе генеральной реорганизации структуры наркоматов были упразднены. В комиссариате здравоохранения полностью было обеспечено продолжение консультации со специалистами перед вынесением важных решений. В частности народный комиссар продолжает быть в курсе последних выводов медицинской науки и поддерживает тесную связь с крупнейшими научными специалистами, имеющимися в СССР. До 1934 г. параллельно с коллегией, но без ее административных функций существовал Высший медицинский совет, представлявший собой группу из «примерно тридцати специалистов различных отраслей медицины, которые должны давать научно обоснованные заключения по всем проектам и по всем распоряжениям, подлежащим в наркомате. Почти все члены этого совета являются директорами различных государственных научных институтов, и решения их базируются на результатах исследовательской работы лучших лабораторий страны. Они могут приглашать на заседания совета всякое лицо, чье содействие они считают необходимым для наилучшего разрешения рассматриваемого вопроса. Помимо своих совещательных функций совет уполномочен созывать съезды медицинских работников, организовывать диспуты и дискуссии и назначать комиссии для изучения любого вопроса, связанного с здравоохранением»¹.

Состав этого консультативного медицинского совета сейчас (1934) расширен до 70 человек, приглашаемых народным комиссаром, обычно, по рекомендации самого совета. Сюда входят в дополнение к основным руководителям управлений наркомата и руководителям отделов здравоохранения в автономных республиках, краях и областях РСФСР наиболее авторитетные врачи, руководители медицинских научных институтов и больниц, представители научных обществ и—отметим особо—также представителей заинтересованных профсоюзов. Этот совет собирается регулярно каждые несколько месяцев для

¹ Анна Гейнес, Здравоохранение в Советской России, Нью-Йорк 1928, стр. 46—47.

обсуждения наиболее важных вопросов, возникающих в работе наркомата.

Комиссариат здравоохранения РСФСР состоит из 12 отделов; многие из них подразделяются в свою очередь на группы числом от трех до восьми. Всего, таким образом, имеется свыше тридцати отдельных частей. Чтобы охарактеризовать общий объем работы наркомата, приведем их перечень: отделы административные и организационные, включающие личный стол, управление делами, библиотеку, статистику, иностранную информацию и т. д.; лечебный отдел, ведающий больницами, амбулаториями, санаториями, медицинской помощью застрахованным и т. д.; эпидемический отдел, организующий кампании против инфекционных болезней, включая туберкулез, венерические болезни, эпидемические заболевания и т. д.; отдел санитарного просвещения и правил ухода за больными; отдел по охране материнства и младенчества, ведающий родильными домами, яслями, консультациями и т. д.; отдел по охране здоровья детей от трех до восемнадцати лет; отдел аптек и медицинского снабжения; отдел здравоохранения на водном транспорте (реки, каналы, озера и порты) со своими представителями на местах, независимыми от местных властей (хотя эти периферические работники обычно участвуют в работе местных советов); отдел государственной санитарной инспекции, ведающий пищевой санитарией, промышленной, коммунальной, школьной, транспортной и курортной; отдел медицинского образования; отдел медицинских научных институтов; отдел домов отдыха; финансовый отдел, ведающий капитальным строительством медицинских учреждений, ведущий бухгалтерские и сметные операции, а также контролирующий всякого рода расходы¹.

Финансирование здравоохранения в СССР

Финансирование советского здравоохранения в известном смысле является очень простым, поскольку вся сумма расходов, а также и возможных доходов всех девяти наркомздравов союзных республик (а также и наркомздравов пятнадцати автономных республик), включаются в конечном счете в сводный бюджет СССР и образуют, таким образом, часть финансового плана Советского Союза. С 1922 г. содержание большинства больниц и других местных учреждений, а также и жа-

¹ Необходимо отметить, что управление, занятое санитарной работой в различных родах войск, передано Комиссариату обороны. Отдел здравоохранения на транспорте, находящийся в Наркомздраве, ограничивается водными путями, в то время как медицинская работа на железных дорогах относится к ведению Народного комиссариата путей сообщения.

лованье местному медицинскому персоналу стало включаться прежде всего в местный бюджет. Эти расходы покрываются частично за счет местных налогов, частично за счет местных взносов по социальному страхованию и других специальных фондов. Таким путем покрывается по меньшей мере 75% всех расходов на здравоохранение. Наркомздрав РСФСР принимает на свой счет организацию «летучих отрядов», посылаемых на борьбу с эпидемическими вспышками; содержание лабораторий, изготовляющих вакцины и сыворотки, и ряда исследовательских лабораторий; показательных учреждений, создаваемых в каждой отрасли работы; специальных лечебных учреждений, имеющих не только местное значение, как, например, для инвалидов войны, душевнобольных, прокаженных и т. д. Наркомздравом же обеспечивается выписка заграничных медикаментов и содержится штат судебно-медицинских экспертов. Комиссариаты здравоохранения других республик проделывают то же, только в меньшем масштабе.

Медицинский персонал

Особенно интересным моментом в деле здравоохранения в СССР является твердая решимость советской власти, не считаясь с расходами, обеспечить всю страну (причем не одни только города) численно достаточным медицинским персоналом, как бы ни много его потребовалось и как бы ни трудно было пополнять эти кадры. Царская Россия, в теперешних границах СССР, имела менее 13 тыс. врачей, что не составляет и одного врача на 7 тыс. жителей; в сельских местностях на одного врача приходилось свыше 21 тыс. жителей¹.

Советский коммунизм исходил из того, что в идеале один врач должен приходиться на тысячу жителей. Это, естественно, пока еще не достигнуто. Со времени окончания гражданской войны число практикующих врачей, сестер и других медицинских работников (на две трети женщин) возрастало из года в год. К десятой годовщине прихода на работу д-ра Семашко общее число это удвоилось. В 1928 г. приходился уже один врач на 4 тыс. жителей. К середине 1935 г. общее количество медперсонала утроилось по сравнению с 1918 г., число врачей в СССР выросло в восемь раз, и врач приходился на каждые 2 тыс. жителей².

¹ По статистическим данным 1912 г. в России один врач приходился в сельских местностях на 21 900 человек (*Карл Бордерс, Жизнь в деревне при советах, 1927, стр. 163*).

² «На той части территории бывшей России, какую занимает сейчас РСФСР, было в 1913 г. 12 677 врачей» (*Анна Гейнес, Здравоохранение в Советской России, 1928, стр. 94*).

«В 1931 г., согласно утверждению д-ра Рубакина, общее число врачей

К сожалению, среди врачей наблюдается та же тяга в города, что и у всего вообще населения. Ежегодного прироста в медицинских кадрах едва хватало на протяжении некоторого времени на покрытие потребности быстро растущих городов, особенно вновь возникавших заводов и школ. Но с каждым годом все увеличивается число мужчин и женщин, заканчивающих пятилетний срок медицинского образования. Это позволяет теперь направлять ежегодно все большие контингенты в деревню. Как принято в СССР в отношении всех профессий, максимальное число принимаемых в медицинские институты студентов определяется правительством, конкретно Советом труда и обороны (СТО); это необходимо уже потому, что на каждого студента отпускается дотация из государственных средств. При отсутствии у родителей средств не было другого пути создать достаточное количество новых врачей. Кроме того лишь таким способом создается фактическая доступность образования для всех подходящих кандидатов. Ввиду этого каждый принятый студент не только бесплатно обучается, но и получает круглый год стипендию, обеспечивающую ему прожиточный минимум. Абитуриентами могут быть лица любого возраста; они выдвигаются различными организациями, в большинстве случаев профсоюзами и школьными комитетами, хотя не исключен и прием индивидуальных заявлений. «Заявления эти сперва просматриваются (в качестве примера берем медицинскую школу в Ростове) местным советом и с его отзывом передаются в комиссию, состоящую из представителей администрации медицинского факультета, профессуры, профсоюзов и пролетарского суденчества»¹. Фактически юноши и девушки, занимающиеся физическим трудом в промышленности или в сельском хозяйстве, пользуются еще некоторым преимуществом, особенно, если они пролетарского происхождения. Но теперь не исключен и прием сыновей и дочерей лиц умственного труда, особенно если, как это обычно бывает, эти молодые люди поработали некоторое время на производстве. При прочих равных условиях, имеющие лучшее образование имеют больше шансов на прием, чем получившие только начальное образование. Упомянутая смешанная комиссия отклоняет кандидатов, непригодных для обучения или для занятия медицинской профессией, но заботится о том, чтобы норма приема была выполнена.

Обучение будущего врача в СССР представляет собой непривычное для нас сочетание теоретического образования

в СССР было около 76 тыс.» (*Ньюсхолм и Кингсбери*, Красная медицина, 1934, стр. 219). К середине 1935 г. число врачей определялось свыше 80 тыс.

¹ Там же, стр. 213.

с практической работой. «На первом году обучения он выполняет работу низшего медицинского персонала, включая уборку после окончания работы. На втором году студент-медик помогает уже в подлинном уходе за больным, в следующие три года студент, продолжая свое теоретическое образование, принимает участие в практической медицинской работе в больнице, поликлинике, амбулатории. По окончании молодой врач сразу получает платную должность. В конце третьего года обучения он может уже приступить к специализации, хотя это метод сомнительный. От студента требуется достаточная компетенция во всех областях медицины, поскольку он может оказаться единственным врачом в сельском районе. За последнее время требования к студентам значительно повысились». Около 9 тыс. новых студентов принимается ежегодно в 62 медицинских института СССР, которые насчитывают в совокупности 50 тыс. студентов и студенток. В 1912 г. было всего 6 медицинских факультетов. Медицинских научных институтов тогда не было совсем, а в 1935 г. их имеется около 200. Пройдет, вероятно, еще лет десять, прежде чем миллионные массы, широко раскинувшиеся от Балтийского моря до Тихого океана, от Арктики до горных цепей Центральной Азии, получают по одному вполне квалифицированному врачу на каждые 250 семей. Но такова цель, поставленная советским правительством, и к ней оно уверенно продвигается.

Читатель может задать вопрос о качестве медицинского образования, принявшего такой большой размах, и об эффективности работы этого огромного аппарата здравоохранения. Царская Россия, имевшая сравнительно мало врачей и пренебрегавшая интересами девяти десятых населения, обеспечивала знати и богачам медицинскую помощь, стоявшую, по понятиям того времени, на достаточно высоком уровне. В царской России появилось также некоторое количество выдающихся по одаренности людей, как Мечников, Сперанский и Павлов, которые приобрели международную известность в различных областях медицинской науки. Провести сопоставление с современными медицинскими работниками, стоящими перед совершенно иными трудностями, далеко не просто. Старшее поколение врачей склонно считать, что средний запас знаний современного врача и особенно подготовка студента-медика стоят на уровне ниже довоенного. С другой стороны, все признают, что работа ведется с гораздо большим одушевлением (этот энтузиазм отмечается и в практической работе и в научно-исследовательской) и что почти всех врачей обуревают желание «повысить свою квалификацию». Каждый деревенский врач получает раз в три года

¹ *Ньюсхолм и Кингсбери, Красная медицина, 1934, стр. 214.*

шестимесячный отпуск для учебы с сохранением полностью своего оклада. Эта возможность предоставляется в таком масштабе, как ни в какой другой стране, и советский врач полностью ее использует. «Уже теперь,—как констатирует недавний и наиболее авторитетный обзор,—не подлежит сомнению, что хотя средний уровень нынешнего студента-медика ниже уровня дореволюционных студентов, которых было тогда гораздо меньше, но в своей совокупности медицинская помощь, доступная народным массам, количественно резко выросла и качественно улучшилась»¹.

Надо отметить, что продолжительность рабочего дня врача в СССР ограничена шестью часами. Ежегодно предоставляется отпуск с сохранением зарплаты, а врачи, работающие в деревне, получают, как уже упомянуто, дополнительный отпуск для учебы. Многие врачи в городах имеют две службы и получают две ставки. Другие посвящают свой досуг научной работе. Частная практика не запрещена, но лишь для небольшой части, главным образом, для старых врачей в больших городах это служит источником сколько-нибудь заметного дохода. Имеется также, повидимому, и небольшая группа врачей, не имеющих платных должностей, которая делит свое время между частными пациентами и наукой.

Студенты по получении диплома немедленно получают назначения от Народного комиссариата здравоохранения, на первые три года чаще всего в какой-нибудь сельский район; по истечении нескольких лет они могут продвигаться дальше. Следует добавить, что врачам—членам партии (включая кандидатов и комсомольцев) в любое время может быть предложено партийными организациями отправиться на работу в любой пункт страны, в соответствии с требованиями партийной дисциплины. Быть может, этим отчасти объясняется, почему лишь меньшинство врачей вступает в партию, хотя дополнительным доводом против вступления является их убеждение в том, что ожидаемая от членов партии в большом размере добровольная «общественная работа» может оказаться, как они говорят, несовместимой с их медицинскими обязанностями.

Больница

Расширение и улучшение обслуживания больных совсем не обязательно должно принимать форму увеличения числа больниц (в Великобритании и Соединенных штатах одинаково излюбленная форма великодушных благотворителей и прогрессивных членов муниципалитета!). Разрушения, причинен-

¹ Там же, стр. 212.

ные шестью годами военных действий и голодом 1921 г., были настолько глубоки и серьезны, что в СССР фактически вплоть до 1924 г. больниц, кладущих пациента на койку для лечения определенных болезней, было меньше, чем их было до войны¹.

Здесь, так же как и в других отраслях, потребовалось около семи лет для того, чтобы достигнуть уровня 1914 г. Но за последнее десятилетие прогресс очень велик. К концу 1934 г. число больниц, в собственном смысле этого слова, в городах РСФСР больше чем удвоилось, и сейчас (в 1935 г.) общее количество больниц по РСФСР составляет от пяти до шести тысяч. В других союзных республиках, и особенно в отсталых национальных районах, возрастание больничной помощи за последнее десятилетие было по отношению к численности населения еще больше, чем в РСФСР. По сравнению с 1917 г. общее число больничных коек в СССР утроилось. Крупные больницы в столичных городах принадлежат к числу величайших в мире. «Во время нашего пребывания,—пишет д-р Сомервиль Гастингс,—мы посетили две огромные больницы, на 2 тыс. коек каждая,—Мечниковскую в Ленинграде и Боткинскую в Москве. Обе представляют собой правильно построенные и хорошо оборудованные современные госпитали, и качество работы, насколько нам удалось наблюдать, стоит на должной высоте». Для советского коммунизма характерно, однако, не столько наличие этих больниц общего типа, сколько те отношения, в которых эти больницы стоят к научным институтам, с одной стороны, и к другим, более специализированным учреждениям и к остальной системе здравоохранения,—с другой. Характерны также мероприятия, проводимые для оздоровления той, большей части населения, которая еще не болеет.

Амбулатории и диспансеры

Могут задать вопрос, каким образом при обширности населения СССР каждый отдельный человек получает именно ту

¹ Необходимо помнить, что за последние десятилетия царизма были достигнуты известные улучшения в больничном деле. В наше время часто недооцениваются санитарные и прочие реформы, проведенные земствами на протяжении жизни предвоенного поколения. «Вся медицинская общественная работа возникла и поддерживалась благодаря земству, этой наполовину социальной, наполовину политической организации. С 1872 до 1911 г. земский годовой бюджет на здравоохранение увеличился с двух до сорока восьми миллионов рублей... Сеть хорошо поставленных больниц покрыла всю страну, больницы были открыты в большинстве провинциальных городов и районных центров, и даже во многих селах. И все-таки огромная часть русского населения в случае заболевания не видела врача» (*Карл Бордерс, Жизнь в деревне при советах, 1927, стр. 163*).

² Д-р *Сомервиль Гастингс*, Медицина в Советской России, в журнале «Медикал уорлд», 15 января 1932.

медицинскую помощь, в которой он нуждается. Верные принципы многосторонности, советские лечебные учреждения не позволяют дать единый ответ на этот вопрос.

В крупнейших городах мы находим, естественно, наиболее совершенную систему. «Москва и Ленинград, по словам одного компетентного наблюдателя, для целей медицинского обслуживания подразделяются на районы с населением от 40 до 80 тыс. человек в каждом; вся медицинская деятельность в таком районе концентрируется вокруг так называемого диспансера. Каждый район подразделяется на участки с населением от двух до трех тысяч, медицинское обслуживание каждой такой группы ведут два-три врача и одна или несколько сестер или обследователей на дому. В Ленинграде один врач обслуживает взрослых, другой только детей; в Москве эта работа расчленена еще больше, так что один врач обслуживает матерей и детей до 3 лет, другой—детей от 3 до 16, а третий—всех остальных. В дополнение к этим лечащим врачам существуют также санитарные инспектора, занимающиеся как промышленной, так и коммунальной санитарией. Врачи посещают, если нужно, больных на дому; но если пациенты чувствуют себя достаточно крепкими, они приходят в амбулаторию (диспансер)¹.

Нам показали одну из таких амбулаторий в Ленинграде и сказали, что через нее проходит ежедневно 20 тыс. больных, все по записи... Когда пациенту необходимо попасть к специалисту, производится запись, и сестра предварительно заполняет его личную и семейную медицинскую карту. Специалисты осматривают больных в амбулатории (диспансере), все медицинские записи хранятся в амбулатории... Но задача русского диспансера не только лечить уже обнаружившиеся заболевания. Это в подлинном смысле профилактическое учреждение. В нем есть большой зал, в котором читаются лекции на медицинские темы. На стенах диаграммы и плакаты по вопросам гигиены... В витринах выставлены образцы рекомендуемых продуктов питания, гигиенической одежды и даже образцы игрушек для детей различного возраста. В диспансере есть кабинет по противозачаточным мероприятиям, где также дается наглядное представление о них. В определенные часы дежурит юрист, дающий советы, в особенности по женскому и детскому праву. В диспансере два-три раза в день всем родителям, имеющим детей до 4 лет, выдаются бутылочки с молоком, к сожалению

¹ Авторам удалось в нескольких местах ознакомиться с простым правилом, которое существует на этот счет. Если человек, нуждающийся в медицинской помощи, имеет физическую возможность пойти к врачу, его и приглашают так поступить, при условии, что у него нет сильно повышенной температуры. Но если у него повышена температура, он имеет право вызвать врача, который в кратчайший срок приходит к нему.

стерилизованным (его надо было бы пастеризовать). Производится психотехническое испытание детей, оканчивающих школу, для определения профессии, к которой они наиболее пригодны»¹.

Один американский специалист подчеркивает высокий уровень организации различных звеньев советского здравоохранения.

«Московская медицинская организация,—пишет д-р Франк-вуд Вильямс²,—может быть взята как образец того, к чему стремятся повсеместно в России, хотя система эта далеко еще не реализована на всей территории страны. Москва делится на 14 районов. Каждый район покрыт сетью коммунальных амбулаторий; обычно от центральной районной поликлиники через небольшие амбулатории, обслуживающие по несколько кварталов, протягиваются нити на заводы, школы и другие учреждения на территории района. В другом направлении нити идут от центральной поликлиники к больницам, общим и специальным, расположенным как в самой Москве, так и в ее окрестностях. Передвижение из одного звена в другое совершается беспрепятственно. Организация функционирует как единое целое, не как рыхло связанная цепь амбулаторий и больниц, ревниво охраняющих свои права, но на началах подлинной «кооперации». Каждый индивидуум может быть проведен, если это потребуется, через всю цепь от дома, фабрики, школы и вплоть до больницы или он может быть обслужен лишь тем или иным звеном этой цепи, если этого будет достаточно. Задачей является оказание эффективной и быстрой помощи всякому, кто заболел, в полную меру его потребности, скорейшее восстановление его трудоспособности, санитарное просвещение и предупреждение болезней.

Центральная поликлиника в каждом районе—это крупная организация не только общей терапевтической, но и всей специальной помощи.

Рядовые амбулатории, естественно, меньше по размерам и имеют в своем составе лишь терапевтов и наиболее часто требующихся специалистов. Из всех поликлиник как терапевтов,

¹ Д-р Сомервилль Гастингс, Медицина в Советской России, стр. 7. Этот обобщающий обзор недостаточно подчеркивает факт, что детские и женские консультации проводят как периодические обследования здоровых, так и лечение больных. Также не освещено то обстоятельство, что, поскольку терапевт и педиатр играют ведущую роль, именно они привлекают гинеколога и других специалистов, обеспечивая таким образом всестороннее обслуживание, подкрепляемое всей новейшей медицинской аппаратурой.

² Д-р Франквуд Вильямс, Россия как страна юных, в «Сарвей Графи», Нью-Йорк, апрель 1932. В значительной части воспроизведено в его книге «Как Советская Россия борется с неврозами», 1935.

так и специалистов можно «вызвать» на дом к больному. Помимо психиатров, выезжающих «по вызову» днем, установлено дежурство двух психиатров, которых можно «вызвать» ночью.

«План и работа диспансерного объединения им. проф. Рейна на Ордынке, в Ленинском районе Москвы, хороший пример организации и планирования поликлинической работы. В этом районе имеется еще 60 небольших амбулаторий. В 1927/28 г., когда организовался диспансер, их было 23. В 1929 г. число их возросло до 38, в 1930 г.—до 47, по плану намечено дальнейшее увеличение в 1932 г. до 70 и в 1933 до 80. В 1929 г. в этом диспансерном объединении было 80 врачей для помощи на дому; в 1930—100; в 1931—130; план требует увеличения до 160 в течение 1932/33 г. В 1929/30 г. число штатных педиатров дошло до 31..., в 1931 г.—до 36. План требует 42 в 1932 и 46 в 1933 г. В 1933 г. штат должен будет состоять из 236 врачей, в том числе 160 терапевтов, 46 педиатров, 20 специалистов по туберкулезу взрослых и 10 по детскому туберкулезу, не считая специалистов по горлу и носу и других... По плану этого района на каждом предприятии, насчитывающем не менее 400 рабочих, должен быть врачебный пункт; на более мелких предприятиях сестра, пункт первой помощи».

Но эта широко развернутая система прекрасных и хорошо оборудованных учреждений иногда все же неубедительна для скептиков, которые не уверены в том, какова вся эта машина в действии. Мы дадим об этом наилучшее понятие, приведя бесхитростное свидетельство одного английского рабочего, занятого на постройке подземной железной дороги в Москве, который, как он думал, просто схватил простуду. «Я хочу,—пишет он,—описать, что произошло пару месяцев назад, когда я простудился и направился на медицинский пункт Метростроя (я работаю на строительстве подземки)... Два-три вопроса, и мне дали номер врачебного кабинета. Несколько минут ожидания, в течение которых я разглядывал медицинские плакаты и модели в ожидальне, и меня вызвали по имени. «Простуда,—сказала женщина-врач,—разрешите мне исследовать ваше горло... а теперь ваш нос, ваши уши». Я узнал, что у меня имеется небольшой катар носа и какое-то инородное вещество в ушах. После промывания я стал слышать намного лучше. Затем я получил два рецепта, один для носа и другой для горла. Она сказала также, что ей нужно будет лучше исследовать мои легкие. Я засмеялся, но уразумел, какие основательные люди советские врачи. Затем она направила меня к зубному врачу. У меня уже годами не болели зубы, но она все же настаивала на том, что так будет лучше. И вот мне запломбировали один зуб, а два вытащили. Удаление зубов было самое безболезненное, какое я когда-либо испытывал. Когда десны

перестали кровоточить, меня предупредили, что мне придется притти еще раз и мне сделают вставные зубы. Это ничего не должно стоить, так же как и лекарства. Я ушел из амбулатории, унося с собой рецепты и большое уважение к советским докторам и советской системе»¹.

В небольших городах бывает один (иногда больше) диспансер, построенный по типу московского или ленинградского, которые не используются для обычной консультации. Такая консультация проводится в установленные часы в небольших амбулаторных пунктах врачами, обслуживающими данную группу населения.

Медицинские пункты на предприятиях

Термин «медицинский пункт», употребляющийся в Америке и Великобритании для обозначения самых различных типов учреждений, в СССР употребляется только в одном смысле. Но этот единственный тип учреждения, для обозначения которого применяется этот термин, далеко обогнал в своем развитии в СССР все другие страны. Это первичное медицинское учреждение, организованное внутри фабрики или промышленного предприятия для обслуживания исключительно рабочих этого предприятия и их семей. Первоначально это учреждение возникло как пункт «первой помощи» для немедленного неотложного оказания медицинской помощи аналогично тому, что имеет место в Англии и в Соединенных штатах. Однако повсюду, за исключением лишь очень мелких предприятий, это учреждение становится гораздо более сложным. На предприятиях, насчитывающих меньше тысячи рабочих, медицинский пункт, поддерживающий непосредственную связь с районной больницей, лишь немногим выходит за пределы поста первой помощи. На фабриках и заводах, насчитывающих от 1 тыс. до 6 тыс. рабочих, создается несколько постов первой помощи и «поликлиника» с несколькими квалифицированными специалистами, ведущими амбулаторный прием. В более крупных предприятиях с числом рабочих и служащих от 6 до 10 тыс. организуется несколько таких отделений со специалистами; в предприятиях с числом рабочих свыше 10 тыс. медицинская организация включает в себя десятки «постов первой помощи», различные «поликлиники» и в общей сложности иногда более 100 врачей и консультантов по всем специальностям. По своему оборудованию эти лечебные учреждения нередко бывают богаче местной районной больницы. Так, например, на огромном Сталинградском тракторном заводе, где занято свыше 40 тыс. рабочих, авторы настоящей книги познакомились в 1932 г. с за-

¹ «Москау дейли ньюз», 21 февраля 1934.

ведущим медицинской частью, под руководством которого работало 110 врачей (четыре пятых из них женщины) и 136 более или менее квалифицированных сестер. Им вверена забота о сохранении здоровья контингента рабочих с их семьями, всего от 70 до 80 тыс. человек. Хорошо оборудованное здание этого заводского медицинского пункта обладает ежедневной пропускной способностью в 2 500 посещений. Это учреждение ограничивается внебольничной помощью, отсылая во всех случаях, требующих коечного лечения, в том числе и при родах, в сталинградскую городскую больницу. Но лечение этих 2 500 человек, ежедневно обращающихся за помощью, не ограничивается «каплями и порошками» (которые применяются, когда надо). На медпункте проводятся такие виды лечения, как диатермия, психотерапия, грязевые ванны, ванны для ревматиков из песка, привозимого с Кавказа, вплоть до посылки на дом ухаживающего персонала и всевозможных видов массажа. Пациенты прекрасно обслуживаются диетическим питанием. Колоссальная заводская столовая обеспечивает ежедневно шесть различных диет для больных; диетическое питание происходит в специальных залах, где все блюда подаются в соответствии с предписаниями врача. Для детей от двух месяцев до трех лет открыто шесть яслей, каждое в отдельном здании; ясли принимают детей на те часы, когда матери заняты на заводе. Однако, по договоренности, дети могут быть оставлены на целый день, если матери нужно пойти за покупками или выполнить какую-нибудь домашнюю работу. Дети распределены по группам в соответствии с возрастом, и на каждые десять ребят есть своя няня.

Медицинская помощь на селе

За пределами больших городов, в стороне от рабочих поселков, медицинская помощь, естественно, гораздо менее развита. Обширный район обслуживается одним врачом или небольшой группой; они работают в примитивных зданиях, с недостаточным оборудованием; транспортные возможности у них во всех районах более или менее несовершенны. Уровень, с которого пришлось начать д-ру Семашко, был ужасающе низок. «Во многих районах один врач приходился на 40 тыс. населения. Самым обычным делом было, что человек, вывихнувший ногу, двое суток должен был добираться до врача, чтобы вправить ее»¹. Но для сельских местностей был быстро разработан исчерпывающий план медицинского обслуживания, который год за годом все более удовлетворительно выполняется. Вдумчивый наблюдатель сельской жизни уже в 1927 г. мог отметить следующее.

¹ Анна Гейнес, Здравоохранение в Советской России, 1928, стр. 10.

«Медицинские планы на селе предусматривают бесплатное обслуживание всех регулярно занятых в производстве рабочих и крестьян. С этой целью в каждом большом селе или по крайней мере в центральном пункте каждой округи открывается амбулаторный пункт. Большой частью эти амбулатории размещены в приспособленных крестьянских домах... По базарным дням в сених толпится особенно много пострадавших и забинтованных граждан. Летом районная амбулатория пропускает ежедневно до семидесяти пациентов... зимой число это удваивается»¹.

О том, как смотрели сами врачи на работу по здравоохранению в деревне, дает нам представление запись бесед, проведенных одним английским наблюдателем, побывавшим уже в 1920 г. во Владимирской губернии. «Я имел памятную беседу,— пишет мистер Брейлсфорд,— с работниками губернского отдела здравоохранения. По всей губернии коммунистом (в смысле партийной принадлежности) был лишь один врач, и он не занимал ответственного поста. С другой стороны, ни один врач не присоединился к всеобщему «исходу» состоятельных классов. Все, и мужчины и женщины, остались на своем посту... Все медицинские услуги предоставляются бесплатно, и врачи оплачиваются наравне с рабочими высшей квалификации... Имелся большой недостаток медикаментов, дезинфекционных средств и медицинских инструментов... Тем не менее губернский отдел здравоохранения принялся за работу с бодростью, пониманием и специфическим русским талантом к импровизации. Для борьбы с сыпным тифом было установлено 50 противотифозных дезинфекционных камер; в результате в последнюю зиму (1919 г.) не было эпидемии. Заболеваемость брюшным тифом стала ниже среднего довоенного уровня. Открыто четыре новых туберкулезных санатория. По деревням разъезжают доктора и ведут беседы по гигиене, по уходу за детьми и за больными; с этой же целью используется кино. Открытая проституция, как сказали мне врачи, после революции исчезла полностью... Врачи заверяли меня, что они счастливы, поскольку они увлечены своей работой и чувствуют, что могут «служить своему идеалу». Они «осуществляли мечту всей своей жизни»—мечту, раньше казавшуюся несбыточной. Как только они почувствовали, что советы «работают во имя культуры и здоровья», они захотели лояльно служить им, хотя никто из них не был коммунистом (один из них повторил это несколько раз по-немецки, чтобы увериться, что я его действительно понял). Старый режим постоянно чинил им препятствия, а теперь они получают всякую возможную поддержку. Пожимая мне на прощанье руку, заведующий здравот-

¹ *Карл Бордерс, Жизнь в деревне при советах, 1927, стр. 165.*

делом сказал с чувством: «За чем бы я ни обращался к советской власти, я всегда получал помощь»¹.

Мы не располагаем точными сведениями о дальнейшем улучшении, которое несомненно имело место в последующие годы, и мы не рискуем давать общую оценку состоянию здравоохранения в сельских местностях СССР. Но общее мнение таково, что оно значительно лучше, чем было до революции, и что в огромном большинстве районов оно систематически, из года в год, улучшается. За время с 1927/28 г. до 1931/32 г. число больничных коек в селах выросло с 43 590 до 80 тыс., а число участковых сельских врачей с 4 667 до 7 тыс.². В 1933 г. число коек в сельских больничных учреждениях составляло, как нам сказали, 78046 (по одной только РСФСР), что означает прирост по сравнению с 1928 г. не менее чем на 62%. Общее количество больничных коек (включая родильные) по всему СССР возросло со 109 630 в 1917 г. до 355 240 в 1932 г. Вторым пятилетним планом намечается к 1937 г. еще более значительный прирост, но ясно, что для такого большого населения и этого все еще далеко недостаточно.

Работа «летучих отрядов»

Одна из форм медицинской работы в деревне—посылка летучего отряда в составе врачей и сестер на ограниченное время то в один, то в другой район, либо для того чтобы провести специальную борьбу с трахомой, малярией, венерическими заболеваниями, либо при вспышке эпидемий оспы, брюшного тифа, скарлатины. Экспедиции посылаются также для того, чтобы провести санитарное обследование особо отсталых районов или оказать медицинскую помощь в таких местностях, где в силу крайней редкости населения имеется лишь самое примитивное его обслуживание. Эти «летучие отряды», которые пока еще, правда, не летают на аэропланах (хотя, вообще говоря, в отдельных экстренных случаях и врачи вылетают к больным и больных иногда доставляют из отдаленных деревень на санитарном самолете), снабжены всем необходимым для развертывания временных амбулаторий, включая туда и простейшее лабораторное и всякое прочее медицинское оборудование. «В течение некоторого времени проводится лечебная работа, а также усиленная просветительная кампания, приспособленная к бытовым условиям и пониманию крестьян. Затем случаи активных заболеваний передаются для дальнейшего лечения местной постоянной медицинской организации; и летучий отряд двигается дальше,

¹ Г. Н. Брейлсфорд, Российская рабочая республика, 1921, стр. 67—68.

² Ньюсхолм и Кинсбери, Красная медицина, 1933, стр. 244.

в соседний район. Содержание этих отрядов, а также и постоянных станций для осуществления некоторых специализированных видов работы не относится обычно на счет местного бюджета»¹. Секции Наркомздрава по борьбе с венерическими заболеваниями и туберкулезом имеют подобную же организацию. Специально медицинские бригады направляются также в сельские местности в посевной и уборочный период, для того чтобы помочь местным организациям в обслуживании крестьян, занятых на полевых работах.

Борьба против туберкулеза

Мы не можем задерживаться на всех подробностях развития борьбы за широкое оздоровление всего населения СССР. Но необходимо подчеркнуть, что дополнительно к общему обслуживанию населения по территориальному признаку некоторые серьезные заболевания сделаны предметом систематической специальной борьбы. Чума и сыпной тиф, брюшной тиф и оспа, венерические болезни и малярия—против всех этих заболеваний организовано концентрируются медицинские силы, и притом не только временно, но в ряде случаев и в форме постоянно действующих учреждений, находящихся в органической связи со всей системой здравоохранения. Рассмотрим в качестве примера борьбу против туберкулеза, бывшего на протяжении многих лет величайшим бичом русского народа; и сейчас еще туберкулез более чем какая-либо другая болезнь является причиной потерянных рабочих дней.

Во главе всей борьбы по предупреждению и лечению туберкулеза во всех его различных проявлениях стоит в СССР группа, примерно, из двадцати институтов, посвятивших себя научно-исследовательской работе в этой области. Центральные институты в Москве и Харькове совместно с институтами Минска, Тифлиса и Самарканда направляют и координируют работу еще полутора десятков местных исследовательских центров в союзных и автономных республиках; работники всех этих институтов периодически встречаются на всесоюзных съездах. Результаты научной работы публикуются начиная с 1923 г. в объемистом ежемесячном журнале под названием «Вопросы туберкулеза» (на русском языке), а также в многочисленных монографиях.

Другой конец цепи образуют приходящие в непосредственное соприкосновение с больными специальные туберкулезные диспансеры; их широко разветвленная сеть мало-помалу покрыла собой весь СССР. В 1918 г. число их равнялось только 4; в 1921 г.—15; в 1924 г. их было уже 84, в 1928—233, в 1929—

¹ Анна Гейнес, Здравоохранение в Советской России, 1928, стр. 56.

273, в 1932—365, а в 1933 г.—404. «Туберкулезный диспансер,— по определению д-ра Семашко,—отличается от обычной амбулатории тем, что он стремится не только лечить больного, но и изучить условия его труда и быта. Если жилище больного неудовлетворительно в санитарном отношении, он помогает ему найти другое, лучшее. Если пациент нуждается в каком-нибудь виде материальной помощи, диспансер находит эту помощь. Диспансер обследует заводы и мастерские своего района и, обнаружив там что-либо опасное для здоровья (большое количество пыли, плохую вентиляцию, выделение ядовитых газов), стремится, нажимая на администрацию предприятия, устранить эту опасность. Диспансер ведет широкую пропаганду... с помощью лекций и докладов... Наконец, диспансер поддерживает тесную связь с рабочими организациями... при диспансере организуется совет социальной помощи... из представителей этих организаций. Таким образом, диспансер не только выписывает рецепты больным и посылает их в санатории и больницы, но он также предупреждает болезнь... он работает... над оздоровлением населения»¹.

Благодаря помощи туберкулезных институтов, с одной стороны, и диспансеров—с другой, развернулась поразительная цепь туберкулезных больниц, крупных и мелких, для всех видов этой болезни; санатории для больных в различных стадиях, устроенные в местностях высоко расположенных над уровнем моря или отличающихся мягким климатом, или обладающих особыми лечебными возможностями, как например, кумысолечение; вспомогательные учреждения всякого рода, как лесные школы, солярии, ночные санатории и т. д. В 1928 г. насчитывалось 2 757 туберкулезных больничных учреждений, в 1933 г.—4 007. В 1928 г. было зарегистрировано 10 505 туберкулезных санаторных учреждений, а в 1933 г.—15 242; домов отдыха в 1928 г.—7 447, в 1933 г.—10 556; число всякого рода вспомогательных туберкулезных учреждений с 7 637 в 1928 г. возросло до 10 181 в 1933 г.².

¹ Д-р Н. А. Семашко, Основы советской медицины (на русск. языке), 1926; цитировано в книге *Анны Гейнес*, Здравоохранение в Советской России, Нью-Йорк 1928, стр. 20—21.

² Д-р *Незлин*, Борьба с туберкулезом в СССР, Наркомздрав, Москва 1934 (на франц. языке). Из других статей упомянем следующие: А. *Старобинский*, Борьба с туберкулезом в России, «Ревю де медесин социаль», Париж 1924, стр. 243—256; С. *Баготский*, Борьба с туберкулезом в Советской России, в «Цайтшрифт фюр арцтliche фортбилдунг», Вена 1924, стр. 532—534 (на немецк. языке); статья д-ра *Мунблит*, Борьба с туберкулезом в СССР (на немецк. языке) в «Русско-германском медицинском журнале», апрель 1926 г.; в книге *Анны Гейнес*, Здравоохранение в Советской России, гл. «Антитуберкулезная борьба в России», Нью-Йорк 1928, стр. 200—223.

Ночные санатории

Мы не будем утруждать читателя дальнейшими описаниями настойчивой кампании, проводимой против туберкулеза в СССР. И в других странах, конечно, может идти подобная работа, хотя, как нам кажется, отличающаяся таким же единством, согласованностью и настойчивой энергией. Но есть один тип учреждения, который является единственным в своем роде и, насколько нам удалось установить, нигде больше не встречается. Это—ночной санаторий, который вызывает восторженное одобрение всех приезжающих из-за границы врачей и представляет одну из характернейших черт здравоохранения Москвы и ряда других городов. Когда население живет так скученно, как в крупных городах СССР или как в рабочих кварталах других стран, когда целая семья живет в одной комнате, к тому же редко как следует проветриваемой, то для ночного сна создаются антигигиенические условия, которые являются мощным фактором в возникновении болезней. Советская власть открыла, что в тех случаях, когда не представляется возможным немедленно перевести эти семьи в более здоровые квартиры, может быть проведено временно мероприятие, которое обеспечит рабочему здоровые условия жизни на протяжении большей половины суток. «Если дома есть больной ребенок, который мешает ночью отцу спокойно спать, если рабочий находится под угрозой заболеть чахоткой, то врач дает необходимую справку, и рабочий вместо того, чтобы идти домой, отправляется с фабрики в ночной санаторий. Там он получает горячую ванну, переодевается в свежее платье, получает горячий ужин, после чего слушает концерт или лекцию и рано ложится спать в хорошо проветренной комнате»¹. Ночные санатории в России вполне оправдали себя и, по словам другого специалиста, «мы убедились, что во многих случаях начинающееся заболевание, нервное или физическое, было с их помощью оборвано»². Один французский врач описывает ночной санаторий «в Красной Пресне, одном из предместий Москвы, которое можно сравнить с Сен-Дени близ Парижа. Мы находим там 70 человек, исключительно женщин, работоспособных, не больных, но ослабленных. Здесь они пробудут два месяца в лучших квартирных условиях, чем дома, получая исключительно питательную еду и находясь под медицинским наблюдением. Они продолжают ходить на работу. Государство

¹ В этих ночных санаториях «окна в спальнях открываются даже в самую холодную погоду, а в Москве это часто означает тридцать градусов ниже нуля по Фаренгейту» [Анна Гейнес, Здравоохранение в Советской России, 1928, стр. 107].

² Д-р Сомервиль Гастингс, Медицина в Советской России, в журнале «Медикал уорлд», 15 января 1932, стр. 9.

благодаря этому ничего не теряет, а они выигрывают многое. По истечении двух месяцев они вернутся к себе домой, значительно поправив свое здоровье. Их места будут заняты 70 мужчинами»¹. В Москве есть десять таких ночных санаториев, принимающих не только больных туберкулезом в ранней стадии, но также и подозрительных по туберкулезу, страдающих нервным истощением или расстройством питания, а иногда просто переутомленных или неврастеников или же поправляющихся после какой-либо болезни².

Ленинград использовал для организации этих учреждений особняки бывших богачей. «Ночные санатории настолько успешно ведут свою работу и так популярны среди рабочих, что многие промышленные центры стали открывать их вслед за Москвой. В СССР в 1926 г. было 5 тыс. таких коек для людей, которые в состоянии продолжать свою обычную работу при условии, что время отдыха будет периодом восстановления их сил»³.

К 1934 г. число их значительно возросло. Ночные санатории не могут, понятно, заменить больницы и санатории для случаев с развившимся туберкулезом, и учреждения этого последнего типа, как мы уже писали выше, широко и во все возрастающем количестве организуются советами. Ночные санатории оказались незаменимыми не только как «лечебно-профилактические учреждения», в которых пациенты, оставаясь на своей постоянной работе, поправляются даже быстрее, чем это имеет место в больницах при вынужденном безделье, но так же и как «школы санитарной культуры».

Мы не беремся судить на основании имеющихся у нас статистических данных, как выглядят несомненные достижения СССР в области борьбы со всеми формами туберкулеза по сравнению с опытом других стран. В Москве смертность от

¹ Переведено из книги *Пьера Доминик*, *Есть на свете Москва*, Париж, 1932, стр. 177.

² *Артур Ньюсхолм* и д-р *Кингсбери*, *Красная медицина*, 1933, стр. 14, 22, 27, 102, 111, 229, 236, 250, 251, 252, 254, 256.

³ *Анна Гейнес*, *Здравоохранение в Советской России*, 1928, стр. 107. «Эти полустационарные санаторные учреждения устраиваются также для школьников. Дети направляются в них школой и врачами туберкулезного диспансера в случае начального туберкулеза или резкого упадка питания. Поскольку таких детей значительно больше, чем мест в учреждениях, то две-три сестры-обследовательницы получают списки намеченных врачами кандидатов и посещают ребят на дому; таким путем они отбирают тех, у кого домашние условия исключают возможность улучшения их здоровья на дому... Учреждение такого типа от 8 утра до 5 вечера функционирует как дневной санаторий для мальчиков и девочек от 4 до 14 лет, и от 5 вечера до 8 утра как ночной санаторий только для девочек от 9 до 14 лет. И в дневную и в ночную смену ребята получают в санатории полное питание» (там же, стр. 108—113).

туберкулеза, поднимавшаяся до высокой цифры 39,7 на 10 тыс. населения в год разрухи (1920), упала до 16,1 в 1924 г.¹ и до 11,6 в 1931 г. (в Ленинграде до 16,3). Число рабочих дней, потерянных вследствие заболеваний туберкулезом, упало в Москве на 100 рабочих в девяти основных отраслях промышленности с 8,9 в 1925 г. до 2,5 в 1931 г. По имеющимся у нас сведениям, это улучшение продолжается и дальше.

Скорая помощь

Серьезное внимание, которое сейчас уделяется в Великобритании несчастным случаям от всех видов транспорта, пусть послужит нам извинением за то, что мы задержимся на специальной области, в которой Москве есть чему поучиться у больших городов Запада. Быстрота и эффективность помощи, оказываемой жертвам уличного движения и лицам с острыми заболеваниями, не имеют себе равных.

Институт Склифасовского, расположенный почти в центре Москвы, занимает здание старинного особняка, который был использован Наполеоном в 1812 г. для военных надобностей. Здание и в дальнейшем было оставлено под госпиталь, на который выдающийся профессор хирург Склифасовский затратил впоследствии много времени и средств, чтобы организовать там прототип первой помощи для Москвы. Организация была значительно расширена и усовершенствована нынешним ее директором д-ром Сергеем Юдиным под руководством Народного комиссариата здравоохранения РСФСР. В основу положена была идея обеспечить моментальную доставку с улиц и из других мест человеческого скопления, как предприятия или театры, во всякое время дня и ночи, из любой части города, всякого человека, ставшего жертвой несчастного случая, насилия или по любой другой причине требующего экстренно медицинской помощи. Институт имеет сейчас в своем составе прекрасно оборудованную больницу, насчитывающую свыше 600 коек (две трети из них предназначены исключительно для неотложных хирургических случаев) с 15 квалифицированными хирургами и 6 «интернами» помимо студентов-стажеров. Но еще более интересной, чем госпиталь, является единственная в своем роде система эффективного использования телефона и моторизованной скорой помощи. Семь автомобилей скорой помощи, снабженных носилками, перевязочным материалом и медикаментами, всегда наготове и могут моментально выехать с шофером, врачом и санитаром-мужчиной; фактически уже во

¹ Анна Гейнес, Здравоохранение в Советской России, Нью-Йорк 1928, стр. 115; д-р Незлин, Борьба с туберкулезом в РСФСР, Москва 1934, стр. 20

время перевозки может быть оказана наиболее необходимая первая помощь. Одиннадцать других санитарных автомобилей с медицинской сестрой в каждом стоят наготове для тех случаев, в которых требуется лишь немедленная перевозка без оказания врачебной помощи на месте. Полдюжины легковых машин также имеются в запасе «для сидячих больных». Среди 7 дежурных врачей, на обязанности которых лежит исключительно доставка больных, всегда есть один психиатр на случай необходимости изъять буйного душевнобольного. Но не вся эта маленькая армия, в любой момент готовая к действию, собрана на Центральной станции скорой помощи. Чтобы сэкономить время при передвижении, две машины дежурят в отдаленных районах города на местных станциях скорой помощи. Телефон—основной нерв всей организации. Семь отдельных телефонных линий (в том числе пять из различных районов города, одна из управления городской милиции и одна из управления городским транспортом) сходятся в специальной комнате вызовов, в которой трое молодых врачей поочередно дежурят круглые сутки.

Что произойдет, если кто-либо в любой час, в любой части Москвы пострадает каким бы то ни было образом? Любой человек, явившийся свидетелем несчастного случая, направляется к ближайшему телефонному аппарату и вызывает скорую помощь, указывая место происшествия. То же происходит и при острых заболеваниях, требующих хирургического вмешательства, как приступ аппендицита, прободение язвы или угрожающее жизни кровотечение. Всякий врач—как, впрочем, и вообще всякий гражданин—может телефониовать в любой час, указав причину вызова и адрес. Никаких дальнейших подтверждений не требуется. Врач, принявший вызов, немедленно подписывает ордер на выезд машины и дает сигнальный звонок. Врач, очередь которого выезжать, хватывает ордер через окошко в стене и спешит к санитарному автомобилю. Усаживаясь в машину, он нажимает кнопку электрического сигнала, и в комнате вызовов загорается лампочка, указывающая на то, что он готов к выезду. Вслед за этим мгновенно вспыхивает вторая лампочка, указывающая на готовность санитара. Третья лампочка сейчас же вслед за этим показывает, что шофер за рулем. И, наконец, четвертая сигнализирует о том, что сторож у ворот видел, как машина выехала со двора. Протекшее с момента вызова время автоматически регистрируется. Оно составляет иногда всего 40 секунд и никогда не превышает двух минут. Когда одному из пишущих эти строки пришлось в 1934 г. наблюдать работу скорой помощи, то ни у одного из врачей не уходило больше минуты. Сколько бывает вызовов за 24 часа?—За декаду может быть

650 дневных вызовов и 550 ночных, что составляет в среднем 120 в сутки или один вызов каждые 12 минут. Машины делают около 2 тыс. выездов в месяц, привозя внезапно заболевших или раненых в количестве, превышающем это число. Одну пятую составляют жертвы уличного транспорта, остальные— неотложные хирургические случаи. Число самоубийств, отравлений и убийств, в соответствии с общей советской установкой, не оглашается. Сумасшедших доставляется в год около 500, эпилептиков свыше 200 и, примерно, столько же алкоголиков с приступом белой горячки. Какой еще другой город в мире может показать так хорошо организованную и так быстро действующую систему?¹.

Научная работа

В городах РСФСР и Украины, а в меньшей степени и в других союзных республиках и вообще в сельских местностях наблюдатель-медик отмечает большую роль исследовательского элемента в теории и практике медицины. Сейчас организовано свыше двухсот медицинских научно-исследовательских институтов всякого рода. Все стороны физического и психического

¹ Составлено на основании красочного описания д-ра Раймонда Лейбович, больничного врача в Париже, опубликовавшего свои впечатления в специальном номере под названием «Анкета в Стране Советов» французского иллюстрированного журнала «Вю», 18 ноября 1931. См. также *Пьер Доминик, Есть на свете Москва*, 1931, стр. 173—174. Один из авторов настоящей книги в 1934 г. лично проверял эти описания и нашел, что факты их даже превосходят. При этом удалось получить следующие цифры:

	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г. (шесть месяцев)
Число вызовов . . .	18 838	23 464	29 963	36 808	16 979
Из них					
По поводу несчастных случаев . . .	8 849	11 951	15 719	16 742	8 747

Пострадавшие от несчастных случаев в основном состояли из жертв уличного транспорта и было отмечено, что на протяжении последних трех лет число их лишь слегка увеличилось, несмотря на непрерывное возрастание числа жителей и количества автомашин.

Необходимо добавить, что по типу Московского института Склифасовского, хотя и не с Такой широтой, организована скорая помощь в Ленинграде и Ростове (в пределах РСФСР), в Харькове, Киеве и Одессе— на Украине, в Туркестане, в Ташкенте (где санитарный самолет доставляет больных из деревень) и в различных других центрах СССР.

здоровья, так же как и всякий болезненный или аномальный процесс, находят свое истолкование в каком-либо интеллектуальном центре—и часто даже не в одном,—где группа врачей отдает часть своего времени углубленному исследованию с целью новых открытий. Наблюдатель не-врач склонен считать, что русские доктора гораздо внимательнее следят за научными журналами Западной Европы и Соединенных штатов, чем врачи этих стран за открытиями своих русских коллег. Достоин сожаления, что препятствия мешают взаимному общению медицинских исследователей разных стран.

Городок медицинской науки

В СССР нет предела широкому перспективному планированию мероприятий по созданию совершенно нового уровня позитивного здоровья у всего населения. По плану второй пятилетки советским правительством отводится участок площадью больше квадратной мили в Серебряном Бору на берегу Москва-реки, в десяти минутах езды от столицы, под строительство «медицинского городка», предназначенного быть самым большим в мире и самым современным научно-медицинским учреждением. Фактическое сооружение большого комплекса зданий, стоимость которых определена в 150 млн. рублей, должно начаться по плану в 1935 г. Организация, которая использует в будущем эту новую базу, уже функционирует в качестве Всесоюзного института экспериментальной медицины. Этот институт находится под непосредственным руководством союзного правительства, а это последнее передает его опыт народным комиссариатам здравоохранения для практического использования в больницах на всей территории Советского Союза. Директор института—профессор Лев Николаевич Федоров, ученик великого Павлова. Учреждение это предполагает охватить все стороны медицинской работы как практической, так и теоретической. Оригинальной особенностью будет «Клиника здорового человека», где будут проводиться наблюдения над нормальными мужчинами и женщинами после работы, еды, отдыха и т. д. Там будут специальные камеры, где будут воспроизводиться температура, давление воздуха и другие особенности различных климатов—арктики, субтропиков и даже дна моря и стратосферы—и будут изучаться их влияние на живой организм. Институт сам по себе является целым городом; в нем будет персонал из 5 500 врачей, сестер и лаборантов и 600 пациентов, каждый в отдельной комнате. Почти на каждого пациента—лаборатория! Для персонала будут выстроены жилые корпуса; появятся магазины, театры, библиотеки и все остальные черты, придающие поселению характер самостоятельного города.

Этот грандиозный замысел—«городок медицинской науки»—потребуется для своего осуществления около десяти лет и затраты ошеломляющих воображение средств. Но, с другой стороны, совершенно неизмеримо то влияние, которое он сможет оказать не только на развитие медицинской науки, но и на повседневное оздоровление населения, которое возрастет к тому времени до 200 млн. человек. В следующей главе, когда будем говорить о том месте, которое занимает наука в коммунистической концепции мира, мы вернемся к этому интенсивному стремлению к исследовательской работе¹.

Экономическая обеспеченность

Ленин уже с самого начала существования его правительства ясно осознал то, что еще очень несовершенно понимают государственные деятели других стран, а именно, что состояние хронической неуверенности, в котором капиталистическая система зарплаты держит всю массу рабочих, уже само по себе является крупнейшим социальным злом. От людей, живущих в постоянном страхе впасть в нищету при первом перерыве в своей зарплатке, общество не может ожидать подлинного рвения или максимального развития своих возможностей. Один из ранних ленинских декретов после прихода большевиков к власти обещал взамен робких попыток, произведенных в 1912 г., немедленное широкое развертывание социального страхования. В результате маленький и ограниченный страховой фонд превратился в систему неограниченного и всеобщего страхования всех лиц, живущих на заработную плату и находящихся под постоянной угрозой лишиться средств существования в результате превратностей жизни. По нашему мнению, установление экономической обеспеченности явилось на протяжении восемнадцати лет крупнейшим фактором, благодаря которому каждый советский рабочий не только осознал себя советским гражданином, но почувствовал себя вместе с своими товарищами хозяином всех средств производства. У советского рабочего есть ясное представление, которого нет у работающих по найму ни в одной другой стране, что в случае какого-либо несчастья поддержка его жены и детей, а также и его самого осуществляется непосредственно за счет годовой продукции общества и что это дело находится целиком в руках его профсоюзной организации².

¹ Т. I, гл. XI «В науке—спасение человечества».

² Если не считать многочисленных отчетов и статистических данных, опубликованных на русском языке, то из большинства цитированных уже нами книг извлечь достаточные сведения о социальном страховании довольно трудно, ибо в этих книгах обсуждаются главным образом условия

Советское правительство сразу же вступило безбоязненно на этот путь, неизмеримо поднявшись над всем тем, что князь Бисмарк и мистер Ллойд-Джордж называли когда-то социальным страхованием. В СССР нет никаких тенденций образовать основной капитал как базу для выплаты в дальнейшем страховых премий; не поднимается в силу этого и вопрос о взимании высоких взносов с молодых и здоровых людей на предмет накопления фондов, из которых, когда эти люди состарятся, им будут выдаваться пособия по болезни и дряхлости. Точно так же нет и мысли о том, чтобы ограничить выдачу пособий размером накопленного таким образом фонда. Фактически отдельный страховой фонд существует только из бухгалтерских соображений. Пособия каждый год выдаются в основном из поступлений этого же года. Советский коммунизм считает, что общество не стареет из года в год и не становится поэтому более склонным к заболеваниям, как это происходит с отдельным человеком. А если исходить из этого факта, столь успешно затемняемого индивидуализмом, то просто исчезает всякая необходимость в сложных исчислениях по теории вероятности, связанных с европейски-американским пониманием страхования. Заодно исчезает также необходимость взыскивать, из недели в неделю, с каждого рабочего индивидуальные взносы.

труда или организация медицинской помощи. Полезную библиографию русских источников, весьма многочисленных, можно найти в книге *Джорджа Прайса*, Охрана труда в Советской России, 1928, 130 стр. (на англ. языке), которая и до сих пор остается наилучшим общим обзором; в этом смысле ей уступают более ранние работы того же автора 1913 и 1922 гг., опубликованные в числе других в сборнике «Законодательство по труду и фабричной инспекции в некоторых европейских странах» (Бюро статистики труда США, бюллетень № 142) и в журнале «Монсли лейбор ревью», том XVI, июнь 1923. Следует обратиться также к работе «Профсоюзное движение в России», 1927, и к отчетам врачебно-трудовой инспекции (и то и другое в издании Международного бюро труда) и к брошюре «Россия через десять лет после революции» (отчет делегации американских профсоюзов в Советский Союз, 1927, 96 стр.). Можно рекомендовать книгу «Советская Россия на пороге второго десятилетия» под редакцией Стюарта Чейза, Роберта Денна и Тегвелла, Нью-Йорк 1928, 374 стр., особенно написанную Паулем Дугласом гл. IX «Трудовое законодательство и социальное страхование», а также книгу *Л. Гинзбург*, Условия труда в СССР, 1927 (на англ. языке). Некоторые сведения об организационном устройстве в последние годы могут быть получены из книги (на англ. языке), озаглавленной «Девятый съезд профсоюзов», 1933, 226 стр., где даны речи Шверника и Кагановича, а также из брошюр *Н. М. Шверника*, Приветствие иностранным делегатам, 1933, 28 стр., и Новые функции советских профсоюзов, 1933, 50 стр. Содержательная статья Василия Афанасьевича Котова, начальника Управления социального страхования РСФСР, появилась в «Москау дейли ньюз» (еженедельная газета), 5 июня 1933; см. также его книги по данному вопросу (на русск. языке): «Социальное страхование в социалистическом строительстве», Москва 1933, 136 стр., и сборник статистических диаграмм под названием «Социальное страхование в СССР, 1928—1932».

При советском коммунизме слово «экономия» приобретает свой первоначальный смысл мудрого распределения наличных ресурсов. Забота о тех, кто в данное время выбыл из строя по нездоровью, о пострадавших от несчастных случаев, когда бы это ни случилось, социально-благотворное и человеческое отношение к тем, кто не имеет работы не по своей вине, с одной стороны, с другой стороны, обеспечение потерявших трудоспособность, вдов и сирот, стариков и впадших в дряхлость,— все это включается в план распределения годового дохода общества, вместо того чтобы ложиться бременем на отдельного индивидуума или отдельную общину. Можно считать установленным, что всякая такая общественная помощь наилучшим образом обеспечивается не путем накопления и инвестирования капитала, но из ежегодного общественного дохода непосредственно¹.

Развитие системы экономического обеспечения

Было бы трудно и утомительно описывать все те организационные этапы, которые между 1917 и 1935 гг. проходило советское социальное страхование². Достаточно указать, что представители рабочих не переставали настаивать как на всестороннем характере страхования, так и на максимальной щедрости в выдаче пособий. Прежде всего было твердо установлено, что сами работающие, безразлично рабочие или административный персонал, не делают никаких взносов. Любопытен характер возражений, делавшихся в ответ на требования

¹ Мы не считаем нужным обсуждать здесь, уравниваются ли в капиталистических странах стоимость и сложность их системы социального страхования тем благотворным влиянием, которое оказывают на характер индивидуума сбережения, делаемые им путем личных взносов в страховые фонды. Ошибочно предполагать, что при советском коммунизме нет места для индивидуального сбережения. В СССР для накопления сравнительно крупных сбережений существуют другие каналы. Государственные сберегательные кассы, внутренние займы, все возрастающий паевой капитал в потребительской кооперации, возрастание денежных накоплений в промысловых объединениях кустарей (промкооперация), в коллективных хозяйствах (колхозы) и в коммунах, получаемые в собственность квартиры членов, жилищно-строительных кооперативов в городах, полисы, приобретаемые в государственном обществе страхования жизни, а также личная собственность на скот и живность и домашнюю обстановку у членов колхоза, у рабочих и служащих в городах,—все это в совокупности представляет значительную массу личных сбережений. Но это, однако, все еще значительно меньше личных накоплений, имеющих у рабочих и служащих Великобритании или Скандинавии.

² Эти этапы, вплоть до 1926 г., изложены в основных чертах в «Профсоюзном движении в Советской России» (Международное бюро труда, 1927), а после 1927 г. и до 1933 г. в брошюре *Н. М. Шверника*, Новые задачи советских профсоюзов, 1933, 50 стр. (на англ. языке).

увеличить сумму выплат по социальному страхованию. Не будет преувеличением сказать, что в этих спорах не было «враждебных лагерей». Не было никаких союзов предпринимателей, которые оказывали бы давление на советское правительство, чтобы помешать ему вторгнуться в сферу их капиталистических интересов. Никто не возражал против того, чтобы профсоюзы, куда входили как наиболее высоко оплачиваемые директора и инженеры, так и все категории рабочих, получили в конечном счете весь чистый доход от своего труда. Шла ли речь о предоставлении права на пособие всем без ограничения рабочим и служащим с первого дня их поступления на работу или о полной оплате при временной болезни, начиная с первого дня невыхода на работу, или о наиболее полном и дорогом медицинском обслуживании, или о снятии с женщины полностью финансового бремени материнства, или о скорейшей поддержке семьи, потерявшей своего кормильца,—во всех этих случаях стоял вопрос не о дележке дохода между предпринимателями и рабочими, но только о распределении совокупного общественного дохода на «личную зарплату» и «зарплату социализированную». Если рабочая масса предпочитала расширение социализированной части зарплаты дальнейшему росту зарплаты, получаемой на руки, то ни у хозяйственников, ни у советского правительства не было оснований возражать против этого. С общественной точки зрения, социализированная зарплата, попадавшая к рабочему и его семье в дни особой нужды, в тот момент, когда они испытывали особенную потребность в помощи, и в такой форме, которая представляла наибольшие преимущества,—этот вид зарплаты гораздо больше достигал цели, чем если бы та же сумма была поровну распределена между всеми в виде добавления к ежемесячной зарплате. То, чем интересовались каждый раз хозяйственники, это был не вопрос о стоимости того или иного видоизменения в системе экономического социального обеспечения, а возможное его влияние на производительность труда. С точки зрения советского правительства и руководителей промышленных предприятий, всякое изменение, увеличивавшее страховку от обнищания, улучшавшее здоровье рабочих, матерей или детей и не связанное с уменьшением индивидуальной зарплаты, было к лучшему. С другой стороны, отклонялось всякое изменение в порядке выдачи пособий, которое могло уменьшить производительную эффективность отдельного рабочего или отразиться на производительности всего предприятия в целом. Если между ставками рабочих разных разрядов не было разницы, достаточной, чтобы обеспечить стремление к повышению своей квалификации, или если ставки квалифицированных рабочих не были высоки настолько, чтобы стимулировать их в достаточной степени,

то максимальная производительность тем самым не могла быть достигнута. Если выплата страховых пособий организовывалась таким образом, чтобы поощрять ударников и активистов и ущемлять одновременно нерадивых, то это также было к лучшему. Горячо возражали против внесения всяких поправок, которые были бы на-руку разгильдяям, прогульщикам, симулянтам. Так же беспристрастно изучались все выдвигавшиеся рабочими предложения об изменении организационной структуры. На заводской комитет, избираемый членами профсоюза, могло быть возложено решение вопросов о выдаче пособий, лишь поскольку этот комитет, при поддержке общественного мнения всего коллектива, ясно представлял себе, что всякий день, потерянный из-за расхлябанности или симуляции, означает сокращение продукции, а следовательно, и уменьшение ожидаемого прироста заработка для всех занятых на данном предприятии. Именно это общественное мнение заставляло врачей, ответственных перед Народным комиссариатом здравоохранения, категорически отказывать в выдаче бюллетеней всем тем, у кого не удавалось констатировать действительную неспособность продолжать работу. Именно в свете этих соображений следует рассматривать последнюю перестройку организационной структуры, происходящую сейчас, и вообще отличительные черты советского страхования.

На протяжении последних нескольких лет в организационной структуре произошел явный сдвиг в сторону децентрализации¹. Крупный шаг вперед составляла организация выплатных пунктов, заведывание которыми было поручено нанятым служащим; эти пункты были открыты в нескольких промышленных районах, главным образом на предприятиях, которые были построены согласно первому пятилетнему плану. По мере пуска новых промышленных предприятий, организации совхозов и машиностроительных станций число таких пунктов быстро увеличивалось и достигло в 1933 г. почти 3 500. Еще более важным нововведением было создание одиннадцати отраслевых страховых касс, работавших в масштабе СССР по линии одиннадцати соответствующих профсоюзов. Эти отраслевые кассы охватывали в 1933 г. 6 млн. рабочих и выплачивали в год 930 млн. рублей, разгрузив таким образом на 25% Центральное управление социального страхования. Третьим шагом, решенным в 1932 г., было дальнейшее распространение отраслевой системы на все 47 профсоюзов (сейчас их стало 154) и организация для каждого профсоюза своей страховой кассы; на центральный комитет каждого из 47 (теперь 154) профсоюзов

¹ Это в сжатом виде описано (на русск. языке) у *В. А. Котова*, Социалистическое страхование в социалистическом строительстве, Москва 1933, 156 стр.

возложена была непосредственная ответственность за руководство отраслевой кассой, обслуживающей членов данного профсоюза на всей территории страны. В то же время направление всей политики и решение всех общих вопросов социального страхования получило фактически еще большую централизацию благодаря уничтожению ряда отдельных комиссариатов труда в двух десятках союзных и автономных республик и передаче всех их функций, в том числе и руководства социальным страхованием, единому всесоюзному центру. Этим центром является высший профсоюзный орган, Всесоюзный съезд профсоюзов, происходящий раз в три года, а в промежутке между съездами Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС), избираемый на съезде. Вся страховая работа в области медицинского обслуживания направляется сейчас народными комиссариатами здравоохранения двух десятков союзных и автономных республик; все эти комиссариаты в значительной степени руководятся народным комиссаром здравоохранения РСФСР. Управление всем остальным, включая также и денежные выдачи как отдельным застрахованным, так и комиссариатам здравоохранения на оплату врачей, находится в руках республиканских, областных и районных комитетов 154 профсоюзов под общим руководством ВЦСПС. Низовая работа, включая разрешение на выплату пособия и даже определение его размеров, возложена под наблюдением ВЦСПС на фабрично-заводские комитеты и подчиненные им страховые комиссии, на многих предприятиях избираемые членами профсоюза. Любое решение завкома может быть обжаловано по линии данного профсоюза вплоть до высших инстанций, а в случае необходимости и даже в случае надобности во Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов; обращение же в инстанции вне профсоюзной системы невозможно.

Шверник, секретарь ВЦСПС, описанный выше процесс определяет следующим образом: «Профсоюзы... переходят от контроля к непосредственному управлению»¹.

¹ Н. М. Шверник, Новые задачи советских профсоюзов, 1933, стр. 18.

Согласно разъяснениям Шверника, как правило, на всех предприятиях право выносить решения о выплате пособий по социальному страхованию и определять их размер предоставляется фабрично-заводским комитетам, действующим в согласии с инструкцией Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС). «Фактическая выплата пособий должна производиться администрацией по предложению завкома и в счет средств, выделяемых администрацией на основании закона о социальном страховании. Это должно устранить задержки и вообще улучшить страховое обслуживание рабочих и служащих. В предприятиях, насчитывающих свыше 5 тыс. рабочих, общезаводской комитет может передать эти функции цеховым комитетам. В отношении рабочих и служащих небольших предприятий или учреждений страховое пособие выписывается районным или групповым комитетом профсоюза, а самая выплата произ-

На завком возлагается также наблюдение за своевременными взносами администрации на социальное страхование.

Отличительные черты советского страхования

Первой отличительной чертой социального страхования в СССР, поражающей исследователя и оправдывающей наименование «системы экономического обеспечения», является широкий размах деятельности и разнообразие видов помощи. Два столетия назад в Великобритании из жалких грошей так называемых «дружеских обществ»—небольших групп исключительно благоразумных рабочих—возник первый страховой фонд, чем было положено начало дальнейшему развитию европейской системы социального страхования. «Дружескими обществами» выдавалось скромное пособие на погребение и оказывалось скудное вспомоществование при болезни. В каком резком контрасте с этим стоит то, что мы находим сейчас в СССР: почти все рабочее население, мужчины, женщины и дети (хотя и не все крестьяне), пользуется, независимо от всякого «учета риска» и без уплаты каких-либо взносов из своего кармана, изумительно многообразными видами помощи, оказываемой им не только в исключительные и тяжелые минуты на протяжении всей жизни, от колыбели до могилы¹.

водится администрацией предприятия. В отношении же лиц, работающих у частного нанимателя (домашние работницы и т. п.), страховое пособие определяется и выплачивается групповым комитетом профсоюза.

В инструкциях указан порядок обжалования решений заводского комитета; апелляция подается в следующую профсоюзную инстанцию, решение которой является обязательным. Жалобы на неправильную выплату пособия или задержку его со стороны администрации передаются в завком, который окончательно регулирует вопрос» («Москау дейли ньюз», 18 ноября 1933).

Читатель без труда заметит, что привлечение профсоюзов к управлению (в отношении социального страхования, в отношении возложения на них ответственности за «закрытые кооперативы») исчерпываются тем, что непосредственные производители распоряжаются *не тем, что они производят, но тем, что они потребляют*. Профсоюз в этих случаях выступает как ассоциация потребителей определенных благ или услуг.

¹ Большое впечатление производит авторитетное суждение одного видного американского специалиста по социальному страхованию, которое он изучал во всех странах Европы. В 1928 г. д-р Прайс высказался следующим образом: «В страховом законодательстве Советской России есть несколько отличительных черт, которые делают его более благоприятным для рабочих, чем всякий другой ныне действующий закон о социальном страховании. Прежде всего, преимущества социального страхования обнимают *всех* рабочих, членов профсоюзов, работающих по найму... Во-вторых, организация и контроль, соби́рание страховых фондов и их расходование и распределение—все это находится в руках рабочих союзов... и самих рабочих. В-третьих, в то время как во всех странах рабочие обязаны вносить известную долю страховых фондов, обычно 30—40%, в Советской России рабочие ничего не вносят, но все средства собираются с пред-

Социальное страхование далеко не охватывает собою всех элементов, входящих в систему экономического обеспечения населения; многие из них были нами уже описаны в разделах, посвященных материнству, младенчеству и здравоохранению. Дело осложняется еще тем, что в соответствии с обычной для СССР многогранностью многие из указанных мероприятий дополняются и усиливаются еще и за счет других источников; в этом принимают участие не только органы центральной или местной власти, но также и всякие другие организации, имеющие свои фонды, собранные в значительной степени путем добровольных пожертвований.

Вторым интересным моментом социального страхования, развитого советским коммунизмом, является простота организационной структуры, с помощью которой выполняется собирание средств и распределение денежных «пособий». Что касается получения средств, то тут весь взнос целиком делается администрацией любого предприятия, применяющего наемную рабочую силу. Этот взнос образуется без всякого участия самих застрахованных и состоит из точно определенного процентного

приятии. Другими словами, предприятиями начисляется известный процент зарплаты (без уменьшения самой зарплаты), предназначенный для целей социального страхования. В-четвертых, взносы на социальное страхование больше, чем в любой другой стране: в то время как в других странах взносы эти колеблются от 2 до 4% зарплаты, в России взнос составляет в среднем не менее 14%, т. е. в $3\frac{1}{2}$ раза больше, чем в других странах. Наконец, советское социальное страхование создает самые льготные и обширные возможности для выплаты пособий при временной и постоянной потере трудоспособности, на нужды материнства, на заботы о благополучии детей и в особенности на медицинскую помощь (д-р *Джордж Прайс*, Охрана труда в Советской России, 1928, стр. 98—99).

Члены промысловых кустарных объединений (промышленных кооперативов), которые «не работают по найму» и в силу этого не являются членами профсоюзов, имеют систему социального страхования, во многом сходную с основной системой, организуемой профсоюзами и руководимой их высшим органом. См. (на русск. языке) *Селицкий и Койский*, Собрание правил и узаконений о промысловой кооперации и кустарной промышленности, под ред. проф. Генкина, Москва 1932; «О кассах взаимного страхования и взаимопомощи в промкооперации», изд. Всекопромсоветкассы, 1933; *Баулин и Хейфец*, Взаимное страхование в промкооперации на новых путях, Москва, 1934; *Кац*, Виды денежных пособий, Москва 1934; «За большевистские темпы реконструкции касс взаимного страхования», изд. Всекопромсоветкассы, 1934.

Члены колхозов, также являющиеся собственниками средств производства и не могущие поэтому быть членами профсоюзов, начинают в настоящее время создавать у себя аналогичную систему экономической взаимопомощи для сирот и больных, включая рожениц, и пострадавших от несчастных случаев. Эта помощь принимает простую форму: тем, кто не способен к труду, предоставляется тем не менее право получать свою долю коллективного продукта. Лишь кочевые племена, одиночки охотники и рыболовы и еще сохранившиеся крестьяне-единоличники, а также исчезающая категория «лишенцев» находятся совершенно вне системы социального страхования.

начисления на всю сумму зарплаты, включая премиальный фонд и другие виды дополнительной оплаты. Этот взнос автоматически выплачивается в определенные сроки путем непосредственного перечисления на текущий счет соцстраха в том или ином отделении Госбанка; таким образом, издержки и хлопоты по собиранию взносов сведены к минимуму. Что касается расходов, то все медицинское обслуживание, как мы раньше указали, выполняется специальным персоналом, находящимся в каждой союзной или автономной республике на службе комиссариата здравоохранения; таким образом, оно не причиняет никаких хлопот лицам, распоряжающимся денежными пособиями. Распределение денежных средств и выписка пособий возложены теперь на профсоюзы. Работа эта выполняется по всем заводам и учреждениям, большей частью бесплатно, примерно 50 тыс. добровольцев из профсоюзного актива под наблюдением специальной страховой комиссии, выделяемой каждым заводским комитетом. Комиссия эта состоит частично из членов заводского комитета, но в большей степени из рядовых членов профсоюза, желающих в ней работать. После перестройки, возвешенной в речи Л. М. Кагановича на IX съезде профсоюзов в апреле 1932 г. и в докладе Н. М. Шверника на пленуме ВЦСПС в июне 1933 г., заводской комитет отвечает за правильную постановку работы по социальному страхованию перед центральным комитетом своего союза. Но высшей авторитетной инстанцией, которая одна только имеет дело с общими вопросами страховой политики, служит не отдельный профсоюз, даже не его центральный комитет, но Всесоюзный съезд профсоюзов, собирающийся раз в три года, а в промежутки между съездами Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС), избираемый на съезде¹.

Еще одной замечательной особенностью социального страхования в СССР служит тот факт, что размеры взносов, которые должна делать администрация всякого предприятия (будет ли

¹ До 1933 г. общее руководство страхованием было поделено в каждой союзной республике между народным комиссаром труда и народным комиссаром здравоохранения, ответственными перед Совнаркомом данной республики. Однако всем этим наркомам необходимо было выдерживать единую линию в здравоохранении и в трудовом законодательстве. На практике это означало ведущую роль РСФСР и общее регулирование со стороны Наркомфина СССР, в чей сводный бюджет в конечном счете включались все отдельные республиканские бюджеты. Реформа 1933 г. уничтожила наркоматы труда и передала все их функции профсоюзной организации, возглавляемой ВЦСПС, действующим в масштабе всей страны. Таким образом, эта реформа, проводя внутри каждой союзной республики дальнейшую децентрализацию руководства профсоюзной работой, одновременно означала усиление единого центра для СССР в целом—центра,, охватившего все виды социального обеспечения и охраны труда.

это «хозяйственное» или «культурное» учреждение), имеющего рабочих или служащих, не были никогда единообразными. Вплоть до 1933 г. определение того, какую долю зарплаты должны составлять взносы на соцстрах, производилось для каждого учреждения Народным комиссариатом труда союзной или автономной республики, с привлечением профсоюзов, комиссариатов здравоохранения и других экспертов и компетентных организаций. Начиная с 1933 г. размер взносов на соцстрах стал определяться президиумом ВЦСПС, при аналогичной консультации. Соображения, которые при этом принимаются во внимание, не определены точно. Они включают, понятно, особенный риск для здоровья и повышенный травматизм в некоторых профессиях, но учитывается также и финансовое и даже организационное состояние каждого учреждения. По данным 1927 г., «средняя стоимость страхования составляет около 14% зарплаты застрахованного и колеблется от 10 до 20% зарплаты. Промышленные и прочие предприятия делятся на четыре группы. Первая группа уплачивает 16, вторая 18, третья 20 и четвертая 22% суммы зарплаты в фонд социального страхования. Некоторые общественные учреждения, находящиеся в плохом финансовом положении, пользуются льготными тарифами, составляющими всего 10, 12 и 14% зарплаты. Так, некоторые промышленные предприятия платят всего 10%, железнодорожный и речной транспорт 12%, лесная промышленность 14%»¹. Хотя некоторые тарифы варьируют из года в год, но самый принцип остается неизменным.

По мере непрерывного и быстрого роста «индустриализации» абсолютные цифры становятся все более грандиозными. Общая сумма начислений в пользу социального страхования неуклонно растет из года в год. В бюджетном 1925/26 г. перечисления составили около 700 млн. рублей, в 1927/28 г. они превысили 1 050 млн., в 1931 г. составили 2 849 млн., в 1932 г. достигли 4 399 млн. и в 1933 г., после выполнения первой пятилетки, достигли 4 610 млн. рублей. Как с гордостью было отмечено, это почти в два раза превышало соединенный государственный бюджет четырех ближайших стран: Италии (1 870 млн. рублей), Польши (510 млн. рублей), Румынии (280 млн. рублей) и Латвии (48 млн. рублей). В 1934 г. общий фонд социального страхования достигал 5 050 млн. рублей, а бюджет 1935 г. был не менее 6 079 млн. рублей, с превышением больше, чем в пять раз бюджета 1927/28 г. И распоряжение этой огромной суммой и ее расходование возложены на комитеты, советы и съезды 18 млн. членов советских профсоюзов. Одна четвертая

¹ Д-р мед. *Джордж Прайс*, Охрана труда в Советской России., 1928, стр. 101.

часть всей суммы идет на выплату при временной нетрудоспособности; около четверти идет на оплату медицинской помощи, организуемой наркомздравами, в том числе и больничной; более трети уходит на пенсии престарелым и потерявшим трудоспособность, а также вдовам и сиротам; немалая доля передается на финансирование жилищного строительства и на содержание домов отдыха; и то и другое считается фактором, благотворно влияющим непосредственно на здоровье рабочего.

Продуманность распределения разнообразных пособий, выдаваемых наличными деньгами, и приспособленность их к индивидуальным нуждам служат также отличительными признаками системы экономического обеспечения. Для социального страхования в СССР, в самом деле, необычайно характерно, что денежные выплаты и другие виды помощи, подобно страховым тарифам для предприятий, не отличаются стандартностью, но меняются от района к району и от человека к человеку. Во многих случаях, как мы увидим, они выдаются в соотношении с установленной потребностью какой-либо конкретной семьи.

Пособия на погребение

Изучая историю так называемых «дружеских» пособий в Великобритании, мы видим, что в первую очередь всегда шла речь об издержках на погребение. Это, понятно, включено и в СССР в схему экономического обеспечения, фактически более либерально, чем в любой другой стране, но без жесткой регламентации суммы. В случае смерти застрахованного или члена его семьи возмещается полная стоимость гражданского погребения в размере, различном для каждого района в зависимости от местных расценок. Пособие на погребение ребенка в два раза меньше, чем на взрослого. В 1927 г. пособие на погребение составляло в среднем 28 рублей. Однако осиротевшая семья получает значительно больше, чем на похороны. Учитывается положение семьи, и если оставшиеся после покойного (хотя бы это был престарелый пенсионер) не имеют достаточных средств к существованию, то на их наиболее острые нужды тотчас же отпускается пособие из фонда соцстраха. Доход семьи на время увеличивается в соответствии с нуждаемостью, и подыскивается работа для трудоспособных членов семьи. Если общего заработка при условии помещения детей в ясли, детский сад, начальную школу все же нехватает, то вдове, имеющей детей, может быть оказана и дальнейшая помощь. Таким образом, старинное пособие на погребение превратилось здесь в широко развернутое обслуживание—свободное от всякого привкуса филантропии или милостыни—оставшихся в нужде иждивенцев покойного. «Если умерший рабочий

оставит после себя иждивенцев, которые не имеют никаких других средств к существованию, они зачисляются на пенсию кассой социального страхования. Оставшийся в живых вдовец или вдова рассматриваются как нуждающиеся в попечении в том случае, если они нетрудоспособны или если у них есть дети моложе 8 лет. Дети до 16 лет, а из более взрослых потерявшие трудоспособность до достижения шестнадцатилетнего возраста также относятся к иждивенцам. Если рабочий погиб от несчастного случая на производстве или от профессионального заболевания, его иждивенцы получают несколько больше, чем если смерть наступила от причины, не связанной с производством. В первом случае на одного иждивенцалагается одна треть прижизненного заработка покойного, на двух иждивенцев—половина, на трех и более—три четверти. Во втором же случае соответственно две девятых, одна треть и четыре девятых»¹.

Таким образом в СССР нет почвы для создания так называемых индустриальных страховых кампаний, которые ежегодно вытягивают столько миллионов у трудящихся Великобритании и Соединенных штатов.

Пособия по болезни

Во всех странах в периоды, когда нет большой безработицы, наибольшие суммы из фондов социального страхования выплачиваются рабочим, признанным временно неспособными продолжать свою работу, произошло ли это в силу обычного заболевания, в результате ли несчастного случая, профессиональной болезни или же из-за того, что семья его вследствие заразного заболевания объявлена под карантином, или же, наконец, потому, что рабочий или работница не может выйти на работу, так как вынужден ухаживать за заболевшим членом семьи. В СССР всякий застрахованный рабочий, член профсоюза, приобретает право на пособие по болезни, независимо от величины своей зарплаты и средств своей семьи, при условии, что он прослужил не менее двух месяцев в данном учреждении, имеет

¹ «Россия через десять лет после революции» (отчет американской профсоюзной делегации в СССР, 1927), стр. 49.

«Пособие на погребение выдается по представлении свидетельства о смерти, а в случае смерти иждивенца также и справки о родстве» (Временные правила, выпущенные в ноябре 1930 г. ВЦСПС, «Москау дейли ньюз», 18 ноября 1933).

На 1 июля 1926 г. число лиц, получивших пенсии по соцстраху за умерших родных, составляло 246 273 («Профсоюзное движение в Советской России», Международное бюро труда, 1927, стр. 91). В 1932 г. число это увеличилось до 432 800 (см. статистические диаграммы, на русск. языке в «Социальном страховании в СССР, 1928—1932», В. А. Котова, 1934.

врачебный бюллетень и не отказывается от выполнения медицинских предписаний¹.

Не в пример повсеместной практике в СССР отсутствует предварительный неоплачиваемый период: пособие выплачивается с первого же дня невыхода на работу. Величина пособия не есть зафиксированная и одинаковая для всех цифра; это — полная зарплата, что означает, однако, нормальную оплату рабочего дня, но не сдельные заработки, и не может превысить максимум 7½ руб. в день или 180 руб. в месяц. «Рабочий в дополнение к этому обеспечивается бесплатной медицинской помощью на протяжении всего периода нетрудоспособности. Медицинское обслуживание не ограничивается только помощью врача-универсала, как это имеет место в британской системе социального страхования, но допускает также привлечение таких специалистов, как окулист, хирург, зубной врач. Больничная помощь также предоставляется бесплатно, равно как и лекарства, процедуры, протезы и пр. Необходимо подчеркнуть, что медицинская помощь не ограничивается только застрахованными, как при английской системе, но распространяется и на их семьи»².

Инвалидность и пособия по престарелости

Когда застрахованный рабочий полностью теряет работоспособность или утрачивает ее частично, но не в результате временного заболевания, а вследствие слабости, имеющей явно перманентный характер, включая сюда и старческое одряхление³, то он имеет право просить о направлении его в комиссию из врачей-экспертов для определения степени и характера его

¹ По последним установкам, завком определяет право на пособие, на размер его и длительность на основании медицинского бюллетеня и сведений о продолжительности работы (общий трудовой стаж, работа на данном предприятии, член профсоюза, застрахован ли, ударник или нет), «Москау дейли ньюз», 18 ноября 1933.

² «Россия через десять лет» (отчет американской делегации в Советский Союз, 1927), стр. 42.

³ Пенсионное обеспечение по старости (не считая преждевременного одряхления) недавно было увеличено. Пенсии даются теперь рабочим — мужчинам в возрасте 60 лет, а женщинам 55 лет при наличии трудового стажа от 20 до 25 лет (в зависимости от профессии). В особенно тяжелых или опасных профессиях, как например у шахтеров, пенсионный возраст 50 лет, а требуемый стаж — 15—20 лет. Пенсия составляет обычно 75%, зарплаты в зависимости от характера профессии, но никогда не бывает ниже 50%.

В 1931 г. число пенсий, выплачиваемых «инвалидам труда», потерявшим трудоспособность по болезни, в результате несчастного случая или профессионального заболевания, поднялось до 705 тыс. помимо 40 500 по старости и 26 700 за выслугу лет (В. А. Котов, Социальное страхование в СССР 1928—1932, стр. 25, 1932).

нетрудоспособности и слабости. По схеме 1927 г. различалось шесть групп инвалидности, в том числе три группы полной инвалидности и три частичной. Наиболее тяжелой считается полная инвалидность в сочетании с состоянием, требующим постоянного ухода или помощи со стороны другого лица; таковы слепота, общий паралич и прикованность к постели. Вторая группа—также полностью нетрудоспособные, но не требующие посторонней помощи, как например, калеки, способные передвигаться на костылях. Третья группа отличается от второй в том отношении, что хотя и здесь имеется полная невозможность выполнять оплачиваемую работу, но в жизни человек не является инвалидом, как например, здоровый, но весьма преклонного возраста субъект. Остальные три группы различаются по степени частичной неспособности выполнять оплачиваемую работу и подразделяются по степени утраты трудоспособности на одну треть, на одну шестую и на одну десятую. Размер пособия, выплачиваемого даже и в том случае, если инвалид впоследствии найдет себе работу, и независимо от его средств, определяется тем, связана ли утрата трудоспособности с несчастным случаем на производстве, с профессиональным заболеванием или же вызвана общими причинами, как старость или хронический недуг, необусловленный профессией. В первом случае, при наличии стажа работы не менее 6—9 лет, инвалиды I группы получают пенсию в размере полного оклада, II группы— $\frac{1}{3}$ оклада, III группы— $\frac{1}{2}$ оклада, IV группы— $\frac{1}{3}$ оклада. Во втором же случае группы IV—VI совсем не получают пенсии, I группа получает— $\frac{2}{3}$ оклада, II группа— $\frac{1}{6}$ и III группа— $\frac{1}{3}$ оклада. «Средний размер пенсии, выплачиваемый в марте 1927 г. инвалидам от профувечья I группы, был 45 рублей, инвалидам от общих заболеваний—34 рубля»¹.

¹ Д-р *Джордж Прайс*, Охрана труда в Советской России, 1928, стр. 104.

На 1 июля 1927 г. число лиц, получавших пенсии по нетрудоспособности, составляло в СССР 309 589 («Профсоюзное движение в Советской России», Международное бюро труда, 1927, стр. 191).

В 1933 г. система пенсионного обеспечения инвалидов представлялась в следующем виде: «По советскому страховому законодательству к инвалидам труда относятся: рабочие и служащие, которые частично потеряли трудоспособность в связи со своей профессиональной работой и вынужденные обратиться к более легкому занятию (третья категория); полностью потерявшие трудоспособность, но не нуждающиеся в посторонней помощи (вторая категория); полностью потерявшие трудоспособность и нуждающиеся в постоянном присмотре другого лица (первая категория). Рабочие, занятые в ведущих отраслях промышленности (металлургия, каменноугольная, химическая, горная, машиностроительная и т. д.), могут при известных условиях в случае инвалидности получать пенсию в размере 90% своей зарплаты, будучи отнесены к первой категории, до 70%—при отнесении ко второй категории и до 56%—при отнесении

Не следует думать, что такого рода либеральное обеспечение инвалидности и старости уже имеет место на всей территории СССР в отношении всех рабочих или хотя бы в отношении членов профсоюза. Эта система, однако, неуклонно распространяется и по географической и по индустриальной линии. В 1927/28 г. общая сумма денежных пособий по инвалидности составила 204 млн. рублей, выданных, примерно, 300 тыс. пенсионерам. В 1928 г. выплаты из фонда социального страхования по этой статье поднялись до 480 млн. рублей.

Пособия по охране материнства

Мы видели уже раньше, что женщины, которые сами или мужья которых являются членами профсоюзов¹, получают бесплатную медицинскую помощь во время беременности и при родах. Трудящиеся женщины получают 12- или 16-недельный отпуск с сохранением полного заработка, независимо от его величины и независимо от материального положения семьи. В дальнейшем им предоставляется на работе каждые 3½ часа получасовой перерыв для кормления грудью ребенка. Кроме этого они получают после родов некоторую денежную сумму для приобретения ребенка белья и т. п. (в настоящее время 32 рубля). На протяжении первых девяти месяцев жизни ребенка мать получает каждый месяц по 20 рублей, иногда выплачиваемых натурой. «Эта выплата... используется Наркомздравом как средство поддерживать связь с матерями и побудить их следовать медицинским советам в уходе за детьми»².

В 1925/26 г. денежные пособия матерям, выплачиваемые из касс социального страхования, составили не меньше 93 млн. рублей, в том числе «24 млн. руб. на оплату периода до и после родов, 23 млн. на покупку вещей, необходимых для младенцев, и 46 млн. на улучшение питания последних»³.

В 1934 г. суммы эти выросли приблизительно в шесть раз.

к третьей категории». Для рабочих других отраслей промышленности процентное отношение пенсии к зарплате составляет соответственно 80, 60 и 46%. Если инвалидность произошла от несчастного случая на производстве или профзаболевания, отношения эти составляют: 100, 75 и 50% (статья В. А. Котова, начальника Управления социального страхования РСФСР, в «Москау дейли ньюз», 5 июня 1933).

¹ Было ли сожителство зарегистрировано в качестве брака или нет. См. русскую работу В. П. Лебедевой, Охрана материнства и младенчества в Стране Советов, Москва 1934, 263 стр. (на англ. языке).

² «Россия через десять лет после революции» (Отчет американской профсоюзной делегации в Советский Союз, 1927).

³ Джордж Прайс, Охрана труда в Советской России, 1928, стр. 105.

Пособие по безработице

Как мы уже упомянули, с октября 1930 г. пособия по безработице в СССР не выплачивались. Профсоюзы, заменив прежние биржи труда, без затруднений могут сейчас подыскать работу (по установленным профсоюзами ставкам) для всякого здорового мужчины и женщины в соответствии с их способностями. Это, правда, не обязательно будет работа по специальности или в том же месте, где они сейчас проживают, но им может быть оказана помощь в переезде туда, где имеется вакансия. В том случае, если молодые люди покажутся подходящими для какой-либо работы, требующей известной квалификации, а этой квалификации у них нет, то всегда есть возможность послать их на соответствующие курсы с бесплатным обучением и даже с небольшой стипендией. Всякий неспособный к труду подлежит медицинскому освидетельствованию и рассматривается в дальнейшем в качестве больного или инвалида. Думается, что система планового производства для общественного потребления, изложенная в одной из предыдущих глав, исключает возможность появления в СССР массовой стихийной безработицы.

Практиковавшаяся ранее в СССР выдача денежных пособий по безработице была в противоположность исключительному либерализму при выплатах по болезни, инвалидности и старости введена в очень жесткие рамки. Полезно будет изложить систему помощи при безработице между 1925 и 1930 г.

Помощь при безработице отличалась, в самом деле, весьма существенно от всех других видов социального обеспечения, развившихся при советском коммунизме. Лишь небольшая доля фактически безработных (одна пятая или даже меньше) получала денежное пособие¹.

¹ В 1925/26 г. число мужчин и женщин, получавших пособие по безработице, колебалось от 236 тыс. до 587 тыс. «Лишь немного более четверти лиц, не имевших работы, получало пособие. Общая сумма была, однако, довольно значительна, достигая в 1924/25 г. 30,5 млн. рублей и около 41,5 млн. рублей в 1925/26 г.» («Советская Россия на пороге второго десятилетия», под ред. Стюарта Чейза, Роберта Денна и Тегвелла, Нью-Йорк 1928, стр. 235).

Следует, однако, отметить, что «для безработных устанавливаются надбавки настолько сниженные ставки квартилаты, что в городах они фактически пользуются бесплатной квартирой».

Другим интересным методом помощи является организация трудовых коллективов, где безработные, не получающие пособий по соцстраху, заняты в течение шести месяцев всякого рода ремеслом. По истечении шести месяцев рабочий заменяется другими безработными. Изделия продаются на вольном рынке; коллективы эти дают небольшой дефицит, который покрывается дотацией из фондов соцстраха (размер дотации в 1925/26 г.—6,5 млн. рублей). Государственные стройки поглощают еще больше безработных; в общей сложности около 110 тыс. безработных были охвачены в прошлом году этими мероприятиями» (там же, стр. 235).

Выдача пособий, не в пример тому, что имеет место при болезни или родах, ограничивалась лишь лицами, не имевшими никакого дохода (после жесткой «проверки нуждаемости»). Величина пособия никогда не достигала размеров прежнего заработка, а колебалась от одной пятой до половины его. Помимо того, претендующий на пособие, хотя от него и не требовалось быть в данный момент членом профсоюза, должен был доказать наличие у него определенного минимума прежней работы на производстве.

Вплоть до 1930 г. члены профсоюза с профсоюзным стажем не менее года, которым не удавалось найти себе работу, могли регистрироваться в качестве безработных и возбуждать ходатайство о пособии либо в своей профсоюзной организации, либо на государственной бирже труда. Если они по какой-либо уважительной причине утратили профсоюзное членство, они могли, представив справки о своей прежней принадлежности к профсоюзу и о своей предыдущей работе, зарегистрироваться на государственной бирже труда. Для регистрации на бирже требовался от всех, кроме квалифицированных рабочих и подростков, определенный минимальный стаж прежней работы на производстве: от чернорабочих, членов профсоюза, год работы в какой-либо отрасли, кроме сельского хозяйства; от не-членов три года; от служащих, членов профсоюза, требовался трехлетний стаж, от не-членов—пятилетний. Сельскохозяйственным рабочим пособие по безработице совсем не выплачивалось.

Величина пособия исчислялась по сложной шкале в соответствии с принадлежностью претендента к той или иной категории, со средними расценками в данном районе и с количеством иждивенцев. «Страна разделена на шесть поясов, и для каждого пояса определен средний заработок. Высококвалифицированные рабочие и служащие с высшим образованием образуют группу *A* и получают одну треть среднего заработка своего пояса. Полуквалифицированные рабочие и служащие со средним образованием (группа *B*) получают четверть среднего заработка. Неквалифицированные рабочие и все остальные служащие—одну пятую (группа *B*). Это представляет собой любопытный компромисс между нивелирующей британской системой выплаты пособий независимо от предшествующего заработка безработного, той ставки, которую данное лицо могло бы получать, и между системой выплаты известного процента ставки данного лица... Поскольку, однако, группа *B*, будучи на работе, получала значительно меньшую зарплату, чем группа *A*, то на практике выходит, что члены группы *B* получают больший процент своего заработка, чем группа *A*. В марте 1927 г. средняя месячная выплата безработному первой группы составляла

17 рублей, для всех остальных 11 руб. 40 коп. Величина пособия зависит также от числа иждивенцев. При наличии одного иждивенца делается надбавка в 15%, при двух 25%, при трех и более 35%. Общий размер пособия не должен, однако, превышать 50% предыдущего заработка»¹.

Период, в течение которого можно было выплачивать пособия по безработице, также был строго ограничен. В течение года можно было получать пособие лишь 9 месяцев (квалифицированным рабочим) или 6 месяцев (неквалифицированным). Общая же продолжительность выплаты могла составлять не более 18 месяцев для квалифицированных и 12 месяцев для остальных. С другой стороны, безработные Имеют право во время безработицы получать обычные пособия по болезни, беременности, в послеродовой период; они пользуются бесплатным лечением, пособиями на новорожденного ребенка и пособиями при смерти близких совершенно так же, как если бы они находились на работе.

Другие преимущества, предоставляемые социальным страхованием

Мы еще не исчерпали разнообразных отраслей социального страхования в СССР. На средства, поступающие в порядке социального страхования от администрации всех предприятий, хозяйственных или обслуживающих культурные нужды имеющих рабочих и служащих (во всех случаях суммы эти представляют процентное отчисление со всей заработной платы), организуются или субсидируются различные виды услуг, которыми пользуются рабочие. Об одном из них, улучшении жилища, мы будем говорить особо, как о составной части перестройки быта².

¹ «Россия через десять лет» (отчет американской профсоюзной делегации в Советский Союз, 1927), стр. 46—47. При наличии 10 540 тыс. застрахованных, общая сумма выплат по безработице составляла в 1928/29 г. всего 136 млн. рублей. Таким образом, на одного застрахованного приходилось в год только 13 рублей, что, примерно, соответствовало размеру пособия, выдаваемого одному безработному в месяц (из статьи Котова, начальника Управления соцстраха РСФСР в «Москау дейли ньюз», 5 июня 1933).

² Финансовые вложения в жилищное строительство из этого источника значительны. Еще в 1927 г. «отделы социального страхования вложили крупные суммы в строительство домов для рабочих; 60 млн. рублей, т. е. 10% всего капитала, было вложено в эти дома». Большей частью участие соцстраха происходит в форме субсидирования различных организаций, занимающихся жилищным строительством. «В 1926/27 г. в эти предприятия было вложено 340 млн. рублей. В 1926/27 г. 380 тыс. рабочих были вселены в новые дома» (д-р *Джордж М. Прайс*, Охрана труда в Советской России, 1928, стр. 106). В 1933 г. сумма, намеченная к израсходованию на постройку новых жилищ за счет фондов соцстраха, соста-

Дома отдыха и санатории

В ведении отделов социального страхования находится огромное количество профсоюзных «домов отдыха» и санаториев, устройству которых широко помогают различные правительственные органы, отводя для этой цели дворцы и дома бывших богачей, начиная с огромных царских дворцов в Петергофе (под Ленинградом) и Ливадии (в Крыму) и кончая особняками на островах на Неве и в пригородах всех городов, домами на различных кавказских курортах и роскошными дачами, расположенными вдоль побережья Черного моря. Многие из этих домов содержатся целиком или частично за счет фондов соцстраха; строятся и оборудуются новые дома с расчетом, что впоследствии их будет достаточно для того, чтобы каждый рабочий и каждая работница могли провести свой ежегодный отпуск, а каждый больной смог поправляться в течение нужного для этого времени в наиболее благоприятной обстановке. Сейчас эта возможность предоставляется только некоторой части трудящихся. Но уже «в 1925/26 г. в домах отдыха побывало 455 286 человек, что составляет 5,11% общего числа рабочих. В 1925/26 г. из фондов соцстраха было истрачено около 8 млн. рублей, в 1927/28 г. около 12 млн.»¹. В 1933 г. намечалось израсходовать из фондов соцстраха 20 млн. рублей. В 1933 г. «в распоряжении органов соцстраха находится 311 домов отдыха с 73 тыс. мест; 98 санаториев (из них некоторые находятся в курортных местностях) на 19 925 человек. Стоимость домов отдыха и санаториев, включая и оборудование, превышает 150 млн. рублей. Дома отдыха могут пропустить 1 140 тыс. человек (в год) из расчета двухнедельного отпуска, в то время как санатории из расчета месячного отпуска могут пропустить 141 330... В нашем ведении будет теперь также и новое строительство. Сейчас строится 50 домов отдыха, рассчитанных на 16 745 человек, и 29 санаториев, рассчитанных на 10 925 человек. Капиталовложения в это новое строительство составляют 158 млн. рублей... Но этим не исчерпывается все хозяйство. Дома отдыха и санатории имеют большие подсобные хозяйства с общей посевной площадью свыше 41 тыс. га. Уже имеется свыше 5 тыс. коров, свыше 10 тыс. свиней, свыше

вляла около 600 млн. рублей (*Н. М. Шверник*, Новые задачи советских профсоюзов, 1933, стр. 20).

В 1932 г. общие затраты на жилищное строительство из фондов соцстраха составили не менее 700 млн. рублей (статья В. А. Котова, начальника Управления социального страхования РСФСР, в «Москау дейли ньюз», 5 июня 1933; см. также его «Социальное страхование в социалистическом строительстве», Москва 1933 (на русск. языке).

¹ Д-р *Джордж М. Прайс*, Охрана труда в Советской России, 1928, стр. 160.

четверти миллиона птицы и т. д... Подсобное хозяйство еще новое дело для органов соцстраха, так как не насчитывает еще и двух лет»¹.

Касса взаимопомощи

Замечательную организацию, связанную с советским социальным страхованием, представляет обширная сеть обществ взаимопомощи, охватывающих большую часть СССР, как характерный пример того, насколько в СССР добровольная кооперация переплетается с коллективной организацией². Вся эта сеть выросла целиком за последние десять лет. Общества эти фактически являются организациями индивидуального кредита; главная цель их выдавать небольшие ссуды своим членам без всякого обеспечения. Эти общества иного характера, чем кооперативные кредитные общества, широко распространенные в Германии, Индии и других странах; члены обществ в этих странах обязаны найти поручителей, гарантирующих возврат ссуды, а сами ссуды почти всегда имеют целью дать возможность получающему ссуду расширить свое личное предприятие для извлечения прибыли. Ссуды, выдаваемые советскими кассами взаимопомощи, редко обеспечиваются (пожалуй, никогда не обеспечиваются) поручительством; они беспроцентны и не имеют ничего общего с кредитованием частных предприятий получателя ссуды. Эти общества удовлетворяют часто встречающуюся у рабочих всех стран нужду в небольшом займе (в тех случаях, когда у них нет ничего для залога в ломбарде), чтобы покрыть экстренные расходы—на необходимую поездку, в связи с болезнью, на какие-нибудь потребности подростка сына или дочери или даже на уплату штрафа за какой-нибудь мелкий проступок. В Англии и Соединенных штатах в таких случаях нет ничего или почти ничего, что могло бы спасти берущего займы от бессовестного ростовщика. Советские кассы взаимопомощи выдают беспроцентные ссуды на расходы, связанные с отпуском или на поездку в Москву для закупок; на поездку к больному родственнику; на закупку по более дешевой цене на зиму топлива или других домашних запасов; или даже на покупку облигаций государственного выигрышного займа. Кроме того в некоторых случаях, при особой нужде кассы взаимопомощи выдают своим членам безвозвратные пособия. Низкооплачиваемым категориям рабочих, которым этих сумм недо-

¹ Я. М. Шверник, Новые задачи советских профсоюзов, 1933, стр. 21.

² По вопросу о кассах взаимопомощи см. Роберт В. Денн, Советские профессиональные союзы, 1928, стр. 220—221. Циркуляр об их организации, изданный ВЦСПС в 1925 г., упоминается в книге «Профсоюзное движение в Советской России» (Международное бюро труда), 1927, стр. 186; IX съезд профсоюзов, 1933, стр. 166—167 (на англ. языке).

статочно для содержания семьи, кассы часто добавляют от себя пособия к суммам, получаемым по болезни от соцстраха¹. Собственно говоря, именно недостаточность выплат по соцстраху в прошлые годы вызвала в 1932/33 г. возникновение касс взаимопомощи среди членов профсоюзов. Кассы взаимопомощи и сейчас тесно связаны с профсоюзами, хотя формально вполне независимы. Вступление в кассы взаимопомощи возможно для всех рабочих, членов и не-членов профсоюзов; но большинство членов кассы принадлежит к тому или иному профсоюзу. В 1927 г. до 40% всех членов профсоюзов входило также в кассы взаимопомощи, которых по СССР насчитывается около 20 тыс. Они большей частью находятся под влиянием того профсоюза, в котором состоит большинство членов кассы; можно даже сказать, что кассы находятся под общим руководством этих профсоюзов. Такое положение касс вполне признается ВЦСПС, который издал постановление, регулирующее их деятельность. Члены касс платят регулярно взносы, обычно полпроцента от заработной платы; размер взноса устанавливается общим собранием членов кассы, которое решает ее дела.

Недостатки системы соцстраха

Организация экономического обеспечения трудящихся в СССР при помощи соцстраха имеет столь всеобщий характер, столь тщательно разработана и столь либеральна в своем подходе ко всем категориям нуждающихся², что о ней трудно говорить иначе, как с похвалой. Тем не менее, необходимо умышленно остановиться на ее несовершенствах и недостатках и попытаться оценить их. Отметим прежде всего, что система соцстраха далеко еще не охватывает всего населения СССР. Ее благами почти не пользуются кочевники и многие отсталые народы Сибири, Кавказа, Арктики и отдаленных районов Средней Азии, далее, почти 20 млн. крестьян-единоличников, оставшихся в Союзе, и отдельные разбросанные по глухим местам

¹ Кассы взаимопомощи рассматриваются как организации для оказания профсоюзной помощи. «Наряду с этим,—говорил нарком труда в 1932 г.,—у нас имеются отдельные рабочие и работницы с низкой квалификацией, работающие по одному в семье; материальное положение таких семей недостаточно обеспечено. Этим рабочим мы должны помочь, взять их на учет, поднять их квалификацию, чтобы на этой основе поднять их заработок, а также помочь путем предоставления детям мест в яслях, детплощадках и т. д. *Затем у нас есть могучее средство помощи этим рабочим и работницам через кассы взаимопомощи.* Все эти вопросы надо изучить, проработать как по линии органов труда, так и по линии профсоюзов» [IX съезд профсоюзов, 1933. Доклад Наркомтруда (А. М. Цихон). стр. 166—167] (IX съезд профсоюзов, стенографический отчет, стр. 414—415.— *Ред.*)

² Кроме трудоспособных безработных.

семьи, живущие охотой и рыбной ловлей. Примерно 70—80 млн. населения, входящего в состав четверти миллиона колхозов, обладает своей собственной системой экономического обеспечения в виде общественной поддержки инвалидов или сирот. Но кроме перечисленных исключений, охватывающих значительную часть населения,—пожалуй седьмую часть,—нужно еще принять во внимание то, что вся организация здравоохранения, как мы уже говорили в другом месте, может считаться удовлетворительной только в городских и промышленных районах. На обширных уральских равнинах все виды социального обслуживания улучшаются из года в год; однако при сопоставлении с английской, швейцарской или скандинавской практикой медицинскую помощь, как она ни хороша в отдельных случаях, нельзя в настоящее время считать достигшей высокого уровня; по скорости и доступности ее нельзя сравнить даже с «вездесущей» медицинской помощью, установленной английским законом о бедных.

Денежная помощь оказывается в очень широком масштабе и замечательно приноровлена к индивидуальным потребностям. Но общая годовая сумма выплат показывает, что, повидимому, нуждающиеся не получают всей той помощи, на которую как будто бы имеют право. Механизм страхования, повидимому, не так всеобъемлющ на периферии, как в больших населенных центрах. Похоже на то, что на огромных пространствах СССР живет немало несчастных, главным образом постепенно исчезающих рабочих-одиночек, придавленных нуждой и болезнью, лишенных медицинской и денежной помощи, которую система соцстраха обеспечивает членам того или иного коллектива.

С точки зрения английского и германского опыта, наиболее серьезным дефектом в системе советского коммунизма может показаться то, что она поощряет симулянтов. Трудно поверить, что при столь щедрой системе выплат нет большого числа лиц, получающих пособия без права на них. Заводские стенные газеты часто содержат заметки о том, что такой-то известный «лодырь» слишком часто под тем или иным предлогом не выходит на работу. Выплата полного заработка с первого же дня невыхода по болезни, а следовательно, даже при самом легком и быстро проходящем недомогании, обязательно должна порождать толпы симулянтов (такого мнения держались бы в других странах). Говорят, что это не так. Многие компетентные люди утверждают, что в СССР очень мало симулянтов и что медицинский осмотр и наблюдение столь основательны, настолько глубоко беспристрастны и не заинтересованы, что можно безусловно полагаться на их свидетельство. Мы не можем судить об этом. В пользу этого утверждения следует указать, что «права свободного выбора врача» не существует.

Нам кажется, что бюллетень об освобождении от работы, выдаваемый врачом—представителем Наркомздрава, достаточно авторитетен; врач этот недоступен никакому давлению со стороны пациентов или требующих пособия по болезни. Кроме того после десяти дней болезни освобождение от работы может быть продлено только после совещания между лечащим больного врачом и медицинской комиссией, составленной из нескольких врачей. Если возникают разногласия, то вопрос переносится на рассмотрение врачебно-контрольной комиссии. «Таким образом,—пишет сэр Артур Ньюхолм, специалист в этих вопросах,—налицо вполне достаточные меры предотвращения симуляции, которой, как говорят, и не существует»¹.

Американские наблюдатели подтверждают суждения выдающихся английских авторитетов по этому вопросу и приводят новые интересные доводы в подтверждение своего мнения. «Без сомнения,—пишут они,—встречаются случаи симуляции, но социальная сознательность рабочих и хорошо поставленная медицинская служба ограничивают число таких случаев небольшой цифрой. Это подтверждается тем, что среднее число потерянных рабочих дней в СССР, за исключением потерь, связанных с родами и кормлением, составляло в 1924/25 г. только 8, в 1925/26 г. 8,8 и за первые 6 месяцев хозяйственного 1926/27 г. только 7,8 (это цифра, отнесенная к целому году)»². Эта низкая цифра потерянных рабочих дней, повидимому, оставалась на том же уровне, несмотря на то, что выплаты по соцстраху становились все щедрее. Начальник управления соцстраха РСФСР В. А. Котов заявил, что «в 1929 г. на каждые 100 застрахованных приходится 885 дней невыхода по болезни, в 1932 г. эта цифра упала до 754»³. Далее, американские на-

¹ Сэр А. Ньюхолм и д-р Дж. А. Кингсбери, Красная медицина, 1933, стр. 190.

² «Россия через десять лет» (отчет американской профсоюзной делегации в Советский Союз, 1927), стр. 43—44. Следует отметить, что эти статистические данные о днях невыхода по болезни на 20 млн. застрахованных, что составляет четверть всего населения СССР, не подтверждают дикие рассказы о массовом голодании или даже об общем недоедании в недавние так называемые «голодные годы».

³ Статьи В. А. Котова в «Москау дейли ньюз», 5 июня 1933. Статистические диаграммы В. А. Котова (в «Социальном страховании в СССР», 1928—1932, стр. 18—23) позволяют нам дополнить эти цифры. В 1928 г. число дней, оплаченных по временной нетрудоспособности, равнялось 8,41; в 1930 г.—8,38; в 1931 г.—8,12. В различные кварталы этих лет соответствующие цифры колебались в пределах от 10 до 13 дней. Наиболее частыми причинами невыхода были туберкулез, грипп, нарывы и повреждения, а также ревматизм.

Цифры дней невыхода по основным отраслям промышленности выше, чем средняя цифра для всего числа застрахованных. Так, в среднем на рабочего резиновой промышленности в 1928 г. приходилось 16 дней невыхода, в 1932 г. эта цифра снизилась до 11 (несколько меньше); в коже-

блюдатели отмечают, что «это представляет разительный контраст с германским опытом, где при наличии начального неоплачиваемого периода и при пособиях, составляющих только часть зарплаты, среднее годовое число дней невыхода по болезни за последние годы колеблется от 12 до 15... В стране с гораздо более либеральной системой пособий потери рабочего времени оказываются меньше, несмотря на то, что медицина и здравоохранение в Германии стоят выше, чем в России. Причины эти полностью не установлены, но на основании изучения вопроса мы убеждены, что в основном это происходит потому, что: 1) рабочие и их семьи (в СССР.—*Ред.*) обеспечиваются полностью медицинской помощью и лечением и 2) в том случае, если пособия составляют только часть зарплаты, больные или получившие увечья рабочие стремятся снова выйти на работу до того, как поправятся, что делает их более восприимчивыми к новым заболеваниям в будущем и, следовательно, влечет за собой дополнительную потерю рабочего времени. Низкие ставки пособия представляют, повидимому, ложную экономию, даже если исходить из чисто денежных соображений». По последним статистическим данным, в СССР продолжается непрерывное снижение процента дней невыхода по болезни за годы, в течение которых английская и германская статистика отмечает угрожающий рост этого процента. Снижение особенно заметно в большинстве отраслей тяжелой промышленности, что происходит, по мнению наблюдателей, благодаря улучшению санитарного состояния и техники безопасности на фабриках.

Мы можем только добавить, что, насколько нам удалось установить, компетентные лица в СССР не видят оснований бить тревогу по поводу возможного отрицательного влияния на производительность труда чрезвычайно щедрых мероприятий системы соцстраха так же, как широкой системы экономического обеспечения трудящихся.

Подготовка к жизни

Через четыре дня после захвата власти большевистское правительство сформулировало, в декрете А. В. Луначарского, замечательную, рассчитанную на длительный срок программу перестройки образования, составленную, очевидно, под сильным влиянием самого Ленина; эта программа не привлекла к себе никакого внимания на Западе. Если мы сейчас упоминаем

венной промышленности—15 дней, в 1932 г.—снижение до 11; в основной химической и в обувной менее 14 дней; в 1932 г. снижение соответственно до цифр ниже 11 и 9. По всем отраслям промышленности средняя цифра дней невыхода в 1932 г. по сравнению с 1928 г. снизилась на 15—33% («СССР в цифрах», Москва, 1934, стр. 203).

об этой революционной программе, то не потому, что она дает верную картину какой-либо разновидности социального обслуживания, существующего ныне в СССР. Нет нужды говорить, что всеобъемлющие проекты 1917 г. к 1935 г. еще не осуществлены на всем пространстве от Балтийского моря до Тихого океана. Возможно даже, что ни один из них не выполнен целиком (за 18 лет). Мы, на страницах этой книги, пытаемся только разобраться в основных направлениях советского коммунизма в обширной области подготовки нового поколения к жизни, установить, в каком направлении развивалась эта деятельность за время с 1917 г. и в каком направлении она движется сейчас. Нам кажется знаменательным то, что мы не можем найти лучшего способа подчеркнуть эти тенденции, чем дать резюме того, что было заложено в лихорадочную первую неделю прихода к власти и развернуто в 32 статьях декрета от 16 октября 1918 г.¹.

¹ Декрет, подписанный Луначарским в качестве народного комиссара по просвещению 29 октября 1917 г. и опубликованный 1 ноября 1917 г., и более подробный декрет от 16 октября 1918 г. напечатаны в «Сборнике законов и распоряжений (по народному образованию)», Москва 1918, т. I, стр. 156 и 107. Кроме массы русских источников, имеется ряд хороших описаний постановки образования в СССР и на английском языке. Наиболее удобная сводка, пожалуй, дана в «Ежегоднике по вопросам образования» за 1933 г., в авторитетной статье д-ра Н. Ганс, который также опубликовал книгу «История народного образования в России (1701—1917)», 1931, 206 стр., и написал совместно с С. Гессен еще одну, весьма критическую книгу под названием «Постановка образования в Советской России», 1929, 250 стр.; эта книга дополнена данными 1932 г. в немецком издании под названием «Пятнадцатилетие советской школы», 1933, 260 стр. В исторической части эти книги следует дополнить книгой *Л. В. Лури*, Народное образование и самодержавие в России, от возникновения большевизма (изд. университета Буффало, 1919); советские планы изложены в книге А. В. Луначарского, Проблемы народного образования при советской власти, Париж 1925, а также в ценных изданиях ВОКС, Москва, под названием «Школа в СССР» и «Высшая школа в СССР» (обе 1933 г.). Другие благожелательные обзоры с различных точек зрения можно найти в книгах: проф. *С. Н. Гарнер*, Гражданское воспитание в Советской России, 1929; *Т. Вуди*, Новое сознание, новые люди, 1931, с библиографией, содержащей свыше 400 названий; *Люси. Л. В. Вильсон*, Новые школы новой России, 1928, статьи Джона Дьюи в «Нью рипаблик» за ноябрь и декабрь 1928, переизданные в большой части в виде книги «Впечатления Советской России и революционного мира», 1929. Хороший краткий обзор, недавно изданный, представляет книга *К. А. Гarrisона*, Большая дорога советского образования, с предисловием и примечаниями Беатрисы Л. Кинг, 1934; книга *Р. Д. Чаркса*, Советское образование, 1932, 48 стр., дает изложение идей, лежащих в основе всей работы по образованию. Эти идеи, выраженные в речах Сталина, можно найти в сборнике «О технике», *И. Сталин*, издание Кооперативного изд-ва иностранных рабочих в СССР, Москва 1932 г., стр. 80. Многие относительно современного положения можно извлечь из брошюры *Владимира Зайцева*, Молодежь в Советском Союзе, 1934. См. также *Скотт Нишинг*, Образование в Советской России, 1926; *Н. Т. Гуд*, Школы, учащиеся и учителя в Советской России, 1929; главы,

Царская Россия, конечно, тоже имела систему образования значительных размеров, и в своей узкой области даже довольно эффективную. Усилиями наиболее просвещенных земств и некоторых филантропов эта система была значительно расширена в течение жизни предвоенного поколения. Но дело народного образования не поощрялось царем, святейшим синодом и бюрократией; просвещение терпели только в виде системы обучения по-старинке, оно было рассчитано главным образом на выпуск достаточного числа докторов, адвокатов, учителей, чиновников и других специалистов, нужных двору и правительству, дворянству и капиталистам. Обучение всей массы населения, хотя бы только чтению и письму, не нравилось самодержавию. Ленин и его сотрудники в 1917 г. взялись за полное уничтожение этой ограниченной самодержавием, пропитанной духом педантизма классовой системы педагогического догматизма, чтобы заменить ее всеобщей бесклассовой организацией «просвещения»¹ и подготовки к жизни во всей ее полноте и многообразии, для всех возрастов, от детского до зрелого; эта организация нарушала фактически все старые схоластические традиции; она сознательно основывалась на последнем слове науки во всех отраслях и была свободна от какого бы то ни было мистицизма; ее целью было сделать каждого приспособленным к жизни на пользу общества; вся система должна была быть, в принципе, бесплатной, светской, всеобщей и обязательной. Но ленинская программа, выраженная в декрете Луначарского и развитая декретом от 16 октября 1918 г., давала также точную схему того, как должны проводиться в жизнь эти революционные

написанные Дж. С. Каунтсом и К. Уошберном в книге «Советская власть во втором десятилетии», 1928; см. также *Д. С. Каунтс*, Образование в СССР в «Нью рипаблюк», 13 февраля 1935. Следует обратиться также к подробному изложению теории и постановки образования в книге известного советского профессора *А. Пинкевича*, Новое образование в Советской республике. Его маленькая книга «Наука и образование в СССР», 1935, 176 стр., содержит новейшие данные. В библиографии под редакцией Класуса Менерта «Советский Союз, 1917—1932» перечислено свыше 60 недавно выпшедших немецких книг об образовании в СССР. Из французских работ отметим книги *Эжен Лево*, Школьная педагогика в Советской России, Париж 1932; *Пистрак*, Основные проблемы трудовой школы, Париж, 1927; *Жан Ж. Трилл*, Организация и принципы обучения в СССР, Париж 1933, 70 стр.

¹ «С самого начала необходимо совершенно ясно представить себе, что советское образование гораздо шире, чем школьное обучение. Следует обратить внимание на точный смысл слова «просвещение», которое употребляется вместо «образование». «Народный комиссариат *просвещения*»—это название действительно более верно и более точно, чем (английское.—*Ред.*) «министерство по делам образования» в применении к советским правительственным органам, которые руководят образованием в отдельных республиках Союза» (*Р. Д. Чаркс*, Советское образование, 1932, стр. 11).

идеи. В нее входили такие своеобразные положения, как всеобщее применение совместного обучения мальчиков и девочек во всех областях и для всех возрастов и десятилетний курс школьного обучения для всех мальчиков и девочек в возрасте от 8 до 17 лет включительно без экзаменов и наказаний. И так на всем пространстве от Балтики до Тихого океана. К этому вскоре была добавлена организация также всеобщего, разбитого на соответствующие ступени дошкольного воспитания, начиная от детей от 3 до 8 лет; затем не менее широкая система пятилетней специальной профессиональной и научной подготовки для возраста от 18 до 22 лет для всех профессий, и притом не для избранного меньшинства, но со стипендиями для всех, кто окажется способным к такой подготовке. Пожалуй, наиболее революционным было решение сочетать во всех стадиях обучения, в так называемой «политехнической школе», теорию и практику, изучение и работу, науку и опыт, лекции преподавателя с творческой деятельностью ученика—все с основной целью подготовить к жизни и сознательно перебросить мост, а затем и преодолеть различие между работниками умственного и физического труда, не говоря уже об устранении интеллектуального разрыва между городом и деревней. Таковы в общих чертах основные пути современной системы советского образования.

Всеобщее обучение

Нам незачем тратить слова на восхваление размеров роста за время с 1917 г. или на перечисление отдельных достижений советской системы образования в 1935 г. Мы должны, однако, отметить, что социальная разруха 1914—1921 гг. была настолько глубока, что в течение ряда лет почти все школы и университеты в СССР скатились на самую низкую ступень; учителя получали голодную зарплату; не хватало необходимых помещений, часто школы не отапливались; не было книг, бумаги, чернил, карандашей¹. Перегруженные органы советской власти могли уделять вопросам образования так мало внимания, что понадобилось целое десятилетие, чтобы только вернуться к довоенной цифре школ и учащихся².

¹ Описание этого, не без злорадства, дано в статье *Е. Ковалевского*, *Русская школа под большевистским игом*, в сборнике «Десять лет господства большевиков», под редакцией Джорджа Бинермана, Берлин, 1928 (на англ. языке).

² Этот рост за время с 1929 г. Сталин в 1934 г. охарактеризовал следующим образом:

«а) Введение по всему СССР всеобщего обязательного начального образования и повышение процента грамотности с 67% в конце 1930 г. до 90% в конце 1933 года.

В настоящее время самая важная черта системы образования—это его необычайный «универсализм» (всеобщность). По всему СССР образование, понимая под ним подготовку к жизни в полном смысле этого слова, должно быть обеспечено бесплатно и с обязательным посещением школы в каждом городе и каждой деревне всем детям, независимо от пола, племени, цвета кожи, вероисповедания или национальности, даже среди многочисленных отсталых народностей СССР. Нет другого места на земле, мало-мальски сравнимого по размерам, на котором господствовало бы что-либо подобное такому пониманию постановки образования¹.

В СССР убеждены, что коммунизм может быть действительно упрощен только на основе всеобщего участия в общественной жизни. Он требует, таким образом,—с этого надо начинать—всеобщей грамотности. «Без этого,—сказал Ленин,—не может быть политики, а только слухи, сплетни, сказки, предрассудки...»².

б) Рост числа учащихся в школах всех ступеней с 14 миллионов 358 тысяч в 1929 году до 26 миллионов 419 тысяч человек в 1933 году, в том числе по *начальному* образованию—с 11 миллионов 697 тысяч до 19 миллионов 163 тысяч, по *среднему* образованию—с 2 миллионов 453 тысяч до 6 миллионов 674 тысяч человек, по *высшему* образованию—с 207 тысяч до 491 тысячи человек.

в) Рост числа детей по дошкольному обучению с 838 тысяч в 1929 г. до 5 миллионов 917 тысяч в 1933 году.

г) Рост числа высших учебных заведений, общих и специальных, с 91 единицы в 1914 году до 600 единиц в 1933 году.

д) Рост числа научно-исследовательских институтов с 400 единиц в 1929 году до 840 в 1933 году.

е) Рост числа учреждений клубного типа с 32 тысяч в 1929 году до 54 тысяч в 1933 году.

ж) Рост числа кинотеатров, киноустановок в клубах и кинопередвижек с 9 тысяч 800 единиц в 1929 году до 29 тысяч 200 единиц в 1933 году.

з) Рост разового тиража газет с 12 миллионов 500 тысяч в 1929 г. до 36 миллионов 500 тысяч в 1933 г.

Не мешая, может быть, отметить, что удельный вес рабочих среди учащихся в высших учебных заведениях составляет у нас 51,4%, а удельный вес трудящихся крестьян—16,5%, тогда как в Германии, например, удельный вес рабочих среди учащихся в высших учебных заведениях составлял в 1932/33 учебном году всего 3,2%, а удельный вес мелких крестьян—всего 2,4%. Отчетный доклад на XVII съезде ВКП(б) (*Сталин*, изд. 10-е, стр. 572—573.—*Ред.*).

Мы можем добавить, что число детей, окончивших элементарную школу, составляло в 1929 г. 1 200 тыс., а в 1932 г.—3 451 тыс.

¹ Сравните это с положением образования в Индии, которая пользуется благами английского правления уже свыше ста лет; или с положением в колониальных владениях шести европейских держав, охватывающих почти весь африканский континент: или, наконец, с положением в Соединенных штатах, в которых все еще 5% неграмотных среди взрослых и (в 1935 г) буквально десятки тысяч школ закрылись из-за отсутствия средств.

² Цитировано в статье М. Эпштейна, замнаркома просвещения РСФСР, в «Школа в СССР», ВОКС, 1933, стр. 34 (на англ. языке). (*Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 51.—*Ред.*).

Когда большевики взяли власть, 70—80% всего населения были неграмотны. Сейчас во всей Европейской России, во всяком случае, и во всех оседлых местностях Сибири все, кроме небольшого числа пожилых и стариков, уже вышли из этого состояния. «Недавно мы прочли в газете заметку, скромно набранную мелким шрифтом: *«...Все призывавшиеся в этом году в Москве на военную службу умели читать и писать»*». Понадобилось лишь немного более десяти лет, чтобы открыть школы фактически во всех деревнях СССР, как бы ни были несовершенно еще преподавание и помещение, и привлечь в школу почти всех детей, по крайней мере в местностях, где население оседло. В 1914 г. в школе было только 7 млн. детей, в 1929—свыше 11 млн. Только в 1931 г. посещение школы стало возможно сделать всеобщим и обязательным по закону, и тогда число учащихся поднялось до 19 млн. Хотя не следует думать, что школы уже проникли во все отдаленные углы советской Азии, Кавказских гор или Арктики, но в 1935 г. общее число учащихся всех категорий, по спискам школ и университетов, превысило 26 млн.; таким образом, на каждые шесть человек населения приходится один учащийся. В то же время число детей в возрасте до 8 лет в детских садах и других дошкольных учреждениях превысило 6 млн., так что всего тем или иным видом обучения охвачено сейчас 33 млн., т. е. каждый пятый человек учится.

Всеобщее обучение в СССР в одном отношении представляет разительный контраст со школьной системой Англии и других капиталистических стран: в Советском Союзе нет школ, предназначенных специально для детей среднего класса, крупной буржуазии или аристократии. Все дети дошкольного и школьного возраста и все юноши и девушки, получающие высшее образование, разделенные на группы исключительно по возрасту или стадии обучения, посещают одни и те же школы и университеты, каковы бы ни были положение и доход их родителей¹. Ни формально, ни фактически нет разделения учеников на группы в соответствии с положением или профессией родителей, их богатством или заработком, что в других странах оказывает такое влияние на школы и на учеников.

Но есть другая, наиболее поражающая нас особенность этого универсализма в обучении. С самого начала программа

¹ «Школа в СССР», ВОКС, 1933, стр. 76.

² Пишущие эти строки осматривали одну из обыкновенных школ десятилеток Моссовета; они с интересом выслушали сообщение, что в этой школе учатся дети Сталина, но частным образом, их воспрещено показывать посетителям или каким бы то ни было образом выделять, так как это могло бы оказать вредное влияние на их характер и развитие. В другой обыкновенной школе, которую мы посетили, учился ребенок бывшего народного комиссара СССР; в третьей—ребенок советского посла при иностранном дворе.

большевиков предусматривала предоставление «культурной автономии» каждому из многочисленных народов или народностей, из которых состоит Советский Союз. В СССР полагают, что для того, чтобы образование стало действительно всеобщим, дети каждой народности должны иметь доступ к обучению на *своем родном языке*. Ничто не было так характерно для царского правительства, как его настойчивая политика руссификации¹. Советский коммунизм, впадая в противоположную крайность, стремился создать школы на родном языке для всех входящих в его состав народностей, больших и малых, даже в тех случаях,—а их было свыше тридцати,—когда данный язык еще не имел письменности. Для таких народностей пришлось изобрести азбуки, в основу которых был положен не русский, а латинский алфавит, и напечатать книги, которые они увидели первый раз в жизни. В 1935 г., как нам сказали, обучение в школах СССР происходит на 80 с лишним различных языках; на всех этих языках государственные издательства выпускают сейчас книги; кроме того печатаются труды на двадцати с лишним иностранных языках². Сейчас в СССР (в 1935 г.) выходят газеты на 88 языках.

Практически постановлением Наркомпроса РСФСР от 27 апреля 1927 г. все народности СССР разделены на четыре категории. Для пяти народностей—русских, украинцев, белоруссов, грузин и армян—родной язык применяется при обучении во всей местной системе образования, включая университеты и исследовательские институты. Во вторую категорию входят национальности со значительным населением, имеющие свой алфавит, литературу и свою интеллигенцию. В этой группе обучение до 18 лет производится на родном языке; в школах, обслуживающих лиц старше этого возраста, пользуются русским языком, но во всех высших учебных заведениях на соответствующих территориях обязательно существует кафедра родного языка и литературы. Третья категория охватывает малые национальности, для которых пришлось создавать алфавиты и которые живут компактными группами. В этом случае начальные школы пользуются родным языком, но в школах

¹ Напомним, что до настоящего времени правительства Польши, Венгрии, Италии—мы со своей стороны должны добавить Германию, Румынию и Югославию—обвиняются значительными национальными меньшинствами в том, что отказывают их детям в различных районах в элементарном, праве обучения на родном языке.

² Уже в 1929 г. обучение в школах первой ступени производилось на 66 языках; в семилетках на 37, в девятилетках на 23. Обучение в детских садах шло на 30 языках. С другой стороны, имелись высшие технические учебные заведения с преподаванием на 32 языках и университеты—с преподаванием на 5 языках. *Н. Ганс и С. Гессен*, Постановка образования в Советской России, 1930, стр. 183 (на англ. языке).

второй ступени и во всех высших школах преподавание ведется на русском языке. Наконец, имеется категория очень малых народностей (в числе их рассеянные и кочевые племена), у которых нет еще азбуки или если она с недавних пор появилась, то нет никакой литературы, ни подлинно национальной культуры. Для этих народностей, если не считать того, что, может быть, делается в учреждениях, обслуживающих дошкольный возраст до 8 лет, существуют только русские начальные школы, по крайней мере сейчас¹.

Под влиянием этого универсализма именно отсталые народности и районы сделали относительно наибольшие успехи. «Возьмем в качестве примера Татарскую автономную республику. До революции грамотных среди татар насчитывалось 15%; осенью 1932 г.—94%... Начальных школ до революции было 35; сейчас введено обязательное обучение не только в школах первой ступени, но и в семилетках. Кроме того Татарская республика намеревается сейчас ввести всеобщее дошкольное воспитание... Сейчас существует 20 университетов (для продолжения образования лиц старше 18 лет) с 2 371 студентом и специальные татарские отделения университетов, в которых курсы читаются главным образом на родном языке». Но Татарская республика не является самым замечательным примером. «В Башкирской республике до революции начальную школу посещали 1,8% детей. В 1929 г. этот процент повысился до 58,4; к 1930 до 71,8; в 1931 г. было введено всеобщее обязательное обучение. В 1929/31 г. была 121 школа второй ступени с 16 300 детей; в следующем году было 149 школ... с 20 300 детей. Сейчас подготавливается введение всеобщего семилетнего обучения... В республике имеется 4 высших учебных заведения (педагогический институт, сельскохозяйственный институт, медицинский институт, высшая сельскохозяйственная школа), 30 техникумов, 2 рабочих института, 2 рабфака и 2 специальных школы». Примерно то же сообщается и из других районов².

¹ Н. Ганс и С. Гессен, *Постановка образования в Советской России*, 1930, стр. 173—179. См. также статью Н. Ганса, *Образование в СССР в «Ежегоднике по вопросам образования за 1933 г.»*.

² Л. Давыдов, *Школы для советских национальностей*, в «Школа в СССР», ВОКС, Москва 1933, стр. 66. В 1934 г., как утверждают, не знаем, насколько точно, в Татарской республике в технических институтах было относительно больше студентов (29 на 10 тыс. населения), чем в Германии и Англии (в каждой менее 20 на 10 тыс.).

³ Там же, стр. 66—67. Этот «универсализм» вызвал восхищение даже у враждебных критиков. «Достижения советского правительства в области национального образования весьма значительны. Это стало возможным благодаря специальной системе финансовых дотаций из центральных фондов, даваемых меньшинствам. Например, в то время как русские в РСФСР получают от казны около 1,2 рубля на душу на нужды обра-

Это широкое поощрение почти всех языков имело четыре различных мотива. Было очевидно, что оно необходимое условие единства, которое стало основой силы советской власти и ее постоянства. Это, очевидно, та черта культурной автономии, на которой наиболее упорно настаивает каждое меньшинство: Без организации школ на родных языках Советский Союз не смог бы достигнуть столь быстрой победы над неграмотностью. Мало того, без использования родных языков была бы невозможна столь широкая пропаганда коммунизма и столь гигантское, как сейчас, распространение речей руководящих лиц. Интересно отметить, что предоставление каждой национальности возможности иметь собственные школы не обязательно способствует росту национального сепаратизма. Так например, ни на Украине, ни в Грузии нет полного единообразия в их системе образования. Если русский язык не является языком преподавания во всех школах этих республик, то равным образом не являются таковыми украинский и грузинский. Если в каком-либо городе или деревне имеется требуемый минимум семейств, принадлежащих к какому-нибудь меньшинству, то это меньшинство может иметь школу на родном языке. Поэтому на Украине существуют не только украинские школы, но также польские, еврейские, русские, белорусские, немецкие, греческие, эстонские, латышские, литовские, молдаванские, болгарские и другие; в общем налицо школы, где обучение ведется не менее, чем на 20 различных языках. В Грузии существуют не только грузинские школы, но также школы, обучающие на армянском, греческом, немецком, древнееврейском, еврейском, русском, турецком, ассирийском, польском, курдском и других языках.

При всем мудром разнообразии в постановке народного образования в СССР существует, однако, все перекрывающее единство. Большинство учителей сейчас, по необходимости, русские по происхождению и обучены в русской школе. Все они изучали русскую литературу. Во всех школах русский язык, если не стоит на первом, то всегда на втором месте. Девять десятых всех книг на русском языке. Из малых национально-

зования, автономные республики и районы получают из того же источника около 3,8 рубля на душу. Без этой помощи центра автономные территории, обычно наиболее отсталые... не были бы в состоянии взяться за эту огромную задачу. Быть может, эта политика советского правительства справедлива и великодушна, так как представляет единственный способ вернуть долг России этим исконным жителям территорий, завоеванных русскими в течение столетий и заброшенных царским правительством... Несмотря на несистематический характер обучения, национальное возрождение всех меньшинств—факт, который таит в себе огромные возможности на будущее» (Я. Ганс и С. Гессен, Постановка образования в Советской России, 1930, стр. 188).

стей только Украина, которая в некоторых отношениях опередила РСФСР, располагает собственным полным штатом преподавателей. Все остальные во всем, кроме комплектования учителей для начальных школ, зависят в значительной степени от Москвы, Ленинграда и Киева. Кроме того местная самостоятельность двух дюжин союзных и автономных республик в области народного образования не распространяется на основные принципы системы, в отношении которых весь СССР по существующей конституционной практике должен равняться по РСФСР. Наконец, все большая часть учителей, хотя пока еще меньше четверти всего числа, является членами или кандидатами коммунистической партии или комсомола. Весь тон школы повсюду открыто и подчеркнуто коммунистический, и конкурирующие доктрины не прививаются.

Это постоянное распространение коммунистического учения при помощи всей системы народного образования вполне аналогично обычной практике всякой национальной системы школьного обучения, в том числе и не в последнюю очередь Англии и Соединенных штатов; и там жизнь школы основана на господствующей религии и политическом строе данной страны, в СССР эта система оказывает большое влияние на отсталые народности. «Для многих национальностей, которые находятся еще в кочевой стадии развития, марксистское учение о борьбе труда и капитала столь же непонятно и нереально, как какая-нибудь мистическая философия. Они воспринимают новое учение, как новую религию, и просто сменяют Будду и Магомета на Маркса и Ленина. Легче всего они усваивают пропаганду против западного капиталистического мира. Интернационализм коммунистической партии преломляется в их уме как воинствующий патриотизм, обращенный на защиту первого государства рабочих и крестьян, отечество всех поработанных восточных народов. На Москву их убеждают смотреть, как на центр нового европейского мира, противостоящего прогнившей цивилизации буржуазной Европы». Суммируя все это, мы должны согласиться, что тенденция универсализма в советской системе образования «таит в себе огромные возможности на будущее».

Политехнизация

Обращаясь теперь к программе и педагогическим методам школы, мы должны отметить за последние пять лет далеко идущую перемену, определенно улучшающую качество обучения. Все десятилетие с 1921 по 1930 было периодом широчай-

¹ Н. Ганс и С. Гессен, цит. соч., 1930, стр. 185.

шего экспериментирования, при игнорировании опыта других стран; дисциплина была в загоне; считалось, что учащиеся управляют школой; учителя делали, что хотели, в то время как контролирующие органы поощряли то одну систему, то другую¹. В результате получался, по отзывам иностранных наблюдателей, «веселый бедлам»; ученики изучали все, что угодно,—самые способные довольно много,—но очень редко проводили формальные занятия, как в других странах. «Советский школьник,—замечает один из наблюдателей,—получал чрезвычайно неровную подготовку, проявляя преждевременное развитие в одних вопросах и горестное отсутствие точных знаний в других». В 1931 г. власти, повидимому, поняли, что такая система не является идеальной подготовкой к жизни. Если верить слухам, то на заседании ЦИК СССР члены ЦИК один за другим выступали с жалобой, что их собственные дети, хотя бойкие и любознательные, не умеют грамотно писать, слабы в арифметике и больше знают о тяжелых условиях труда в капиталистических странах, чем о географии СССР. В 1931 г. Андрей Бубнов сменил А. В. Луначарского на посту наркома просвещения РСФСР, и вся система была перестроена сверху донизу. Школьная дисциплина была восстановлена. Преподавание предметов снова стало отдельным, была введена обычная система экзаменов и точных отметок и программа всех ступеней подверглась коренной переделке. Энтузиасты коммунизма склонны видеть во всех этих глубоких изменениях советской системы образования постепенное внедрение принципа, который коротко обозначается странным новым словом—политехнизация. «Эта реформа,—говорит один из ее видных защитников,—по своей глубине, значению и научной обоснованности не имеет прецедента во всей истории народного образования»². В своем простейшем виде это направление выявилось в системе реорганизации начальной и средней школы, в вытеснении «Дальтон-плана» и «комплексного метода», которыми ранее восхищались адми-

¹ Этот период изображен в книге Я. Огнева, *Дневник Кости Рябцева*, 1928; автор книги—сам учитель советской школы.

² «Политехнической школа называется потому, что учит детей научным основам главнейших отраслей производства в народном хозяйстве, сочетая в процессе обучения и воспитания общие предметы с производительным трудом тех видов, которые применяются в современной производственной технике». [С. Гайсинович (зам. директора Научно-исследовательского института политехнического образования), *Политехническая школа*, статьи в «Школа в СССР», БОКС, Москва 1933, стр. 54].

В декрете от 16 октября 1918 г. говорится, что «принцип производительного труда должен лежать в основе всей системы обучения; преподавание в школе должно носить политехнический характер» (Собрание законов и распоряжений во народному образованию, Москва 1918, т. I, стр. 107).

нистраторы народного образования. В «политехнической школе» учитель не освобождается ни от тяжелого труда индивидуального обучения, ни от обязанности читать лекции классу. Ученики не освобождаются более от умственных усилий, требующихся для усвоения и запоминания сообщаемого учителем. Новое заключается в том, что сведения, сообщаемые учителем, должны всегда сопровождаться соответствующими действиями учеников, например, выполнением работы, которую учитель описывает. «И в области промышленности и в области обучения,—говорит авторитетный английский наблюдатель,—политика Советской России представляет гигантское упражнение, по принципу Сэмюэля Бутлера «учись на деле»¹. С этой целью школа, будь то «четырехлетка» (то, что мы называем начальной школой), или «семилетка», или «десятилетка» (которую мы называем средней школой), теперь должна установить постоянную и близкую связь с соседней или несколькими соседними фабриками или в деревне—с соседними совхозами и колхозами. Школа становится центром обучения не только чтению и письму на одном или нескольких языках, но также и основам всех наук, *излагаемых всегда как основа различных* производств. Этот неизменный уклон в сторону «техники» в начальной и средней школе совсем не означает «ученичества» для подготовки к определенному ремеслу, но рассчитан на то, чтобы создать у всех учащихся общую интеллектуальную основу, удовлетворяющую различным программам специализированной подготовки, тот или иной вид которой они захотят выбрать по окончании школьного обучения. С этой целью уроки преподавателя естественных наук должны содержать описание различных видов сырья, включая некоторые сведения об их происхождении и специфической полезности, наряду с описанием различных процессов производства; эти описания должны быть тесно связаны с изложением и объяснением научных принципов из области механики или физики, химии или биологии, на которых основаны эти производственные процессы. По замыслу наиболее горячих сторонников политехнизации, ученики должны не только экспериментировать на моделях или с пробирками в школьной лаборатории или в мастерских, но также проводить часть недели на заводе или в колхозе, действительно используя оборудование и инструменты для производственных процессов; они должны видеть продукцию, созданную их руками; им нужно показывать, как исправить их неумелость в ручном труде и заставлять понять, каким образом производственные процессы поясняют и подтверждают то, что говорил учитель о научных

¹ Док. К. Кроутер, Промышленность и образование в Советской России, 1932 (на англ. языке).

принципах, лежащих в основе этой работы. Оказалось, однако, что только в редких случаях это осуществимо. Более того, это оказалось даже не очень эффективным с точки зрения обучения. В школах, которые мы посетили в 1934 г., этот метод был целиком или в основном заменен экскурсиями целых классов на фабрику под руководством учителя¹. Но если английский учитель вообразит, что такая «политехническая школа» просто представляет вариант «обучения ручному труду» или «профессиональный уклон», иногда находящий себе сторонников в английской школе; или если предприниматель вообразит, что это превосходный способ подготовки квалифицированных рабочих, то они покажут, что не поняли, к чему стремятся советские педагоги. Они не заботятся о том, чтобы направить внимание ученика на определенное занятие или убедить его избрать такое занятие по окончании школы, ни даже о том, чтобы выработать в ученике специальные способности к таким занятиям. Воспитателям, пока мальчики и девочки еще в школе, нет дела до того, сделаются ли они плотниками или землепашцами, трактористами или школьными учителями, администраторами или драматургами. Политехническая школа искренне стремится к цели, прямо противоположной подготовке учащихся к определенной профессии или ремеслу; ее цель повысить интеллектуальную вооруженность всех учащихся по всей стране, независимо от того занятия, которое каждый из них изберет. Считается, что простым принуждением детей к слушанию лекций или присутствию при опытах или даже «вольными занятиями» в школьной мастерской или лаборатории нельзя заставить *всех граждан, которыми эти школьники должны стать, научно мыслить или проявлять умственную активность*. Пассивное понимание уроков, изучаемых в школе, не может возбудить в юношах и девушках той любознательности, инициативы и изобретательности, которые Советский Союз стремится вызвать у всех своих гражд-

¹ Могут подумать, что эта практика посещения фабрик учениками вместе с учителями, объясняющими производственный процесс, аналогична практике «учебных экскурсий», принятой лучшими английскими начальными школами. Но существенное различие заключается в том, что в Лондоне мальчиков и девочек большей частью водят в такие места, как Вестминстерское аббатство или Национальная галерея, с целью дать им почувствовать прошлое. В Москве же мальчиков и девочек водят на машиностроительные заводы и швейные фабрики, в типографии и на хлебозаводы, на одном из которых большинство из них будет впоследствии работать. Цель этих экскурсий заставить учеников понять принципы современной науки и их приложение к производству.

Четыре основные отрасли промышленности, выбранные сейчас для практической демонстрации научных принципов, — машиностроение, химическая промышленность, производство электрической энергии и сельское хозяйство (проф. *Пинкевич*, Наука и образование в СССР, 1935, стр. 30—33).

дан¹. И вот сейчас в СССР, пока еще не все учителя и не во всех школах, но буквально тысячи учителей², главным образом в школах семилетках и десятилетках, обучают своих учеников, описывая предметы, которые мы потребляем или применяем, рассказывают, откуда они получаются и как их выращивают или изготавливают, какие применяются для этого машины и процессы, и в то же время излагают научные принципы или обобщения на примере этих машин и процессов. Буквально сотни тысяч учеников при помощи лекций этих учителей учатся, делая вещи; хотя, нам кажется, на данной стадии это происходит обычно не на фабрике, а большей частью в виде наблюдения того, как получается продукт в результате процесса, создан-

¹ «Но как же,—спросил кто-то из нашей группы, когда нас познакомили с профессором математики,—как же вы ухитряетесь сделать математику конкретной?». Вместо ответа профессор распахнул шкаф и показал нам ряд банок различных форм и размеров. «На какую из них потребуется меньше всего материала. Какие наилучшим образом укладываются в заданном пространстве. Какие из них... В практических задачах для математиков нет недостатка» (*К. А. Гаррисон*, Большая дорога советского образования, 1934, стр. 23—24).

Компетентные советские педагоги утверждают, что эта новая система обучения обладает важными преимуществами для детей в возрасте от 8 до 17 лет. Один из них пишет: «Описанный выше процесс плодотворного взаимодействия физики, химии, математики и естествознания, с одной стороны, и технологии, производительного труда и современной техники—с другой, представляет одну из наиболее замечательных особенностей советского обучения и воспитания. Он обеспечивает создание совершенно новой интеллигенции... которая не только владеет навыками рассуждения, мышления и изложения мыслей, но также обладает интеллектуальным развитием, тесно связанным с трудовой деятельностью. Материальное производство, на основе которого в советской школе воспитывается новый человек, обеспечивает ему понимание ценности и значения науки... Это люди, которые думают и рассуждают, чтобы действовать, и действуют и строят сознательно и разумно (*С. Гайсинович*, Политехническая школа, статья в книге «Школа в СССР», ВОКС, Москва 1933, стр. 61).

² «Семилетняя политехническая школа» стала основным типом в большинстве городов в 1933 г.; к 1937 г. намечается охватить ею все сельские местности («Москау дэйли ньюз», 3 марта 1934). Эта на первый взгляд невозможная программа уже выполняется с помощью простого мероприятия, состоящего в ежегодном увеличении продолжительности обучения в школе на один год. Так, в 1934 или 1935 г. четырехлетки автоматически станут пятилетками: в 1935 или 1936 г. шестилетками и в 1936 или 1937 г.—семилетками. По мере постепенного расширения числа обучающихся в каждой школе будут добавляться дополнительные учителя. Следует отметить, что в старших классах семилетней школы везде изучается один иностранный язык. Изучается или английский, или немецкий. Один из пишущих эти строки видел в деревне Московской области такую школу, 12—15-летние ученики которой изучали немецкий язык. Поразительно, если вдуматься, что при выполнении этой программы в каждой деревенской школе от Балтийского моря до Тихого океана будут учить иностранный язык. Ни в одной деревне в Англии нет (1935) такой школы!

ного и руководимого собственным физическим трудом в школьной мастерской, лаборатории или в саду¹.

Авторы не компетентны в оценке педагогической эффективности такой «политехнизации» начальной и средней школы. Ее следует понимать как сознательную попытку создать тесный контакт между школой и практической деятельностью и жизнью взрослых. Все школьное обучение должно стать подготовкой к активной работе, развлечению и отдыху человека, занятого производительным трудом. Считается само собой разумеющимся, что в советской школьной системе не может быть места для подготовки к жизни человека, не занятого производительным трудом. Каждый мальчик и девочка без исключения, даже те, родители которых в прошлом не занимались производительным трудом, должны воспитываться, имея в виду

¹ «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, в 1848 г., четко требовал «соединения воспитания с материальным производством» и «соединения земледельческого труда с фабричным; постепенного уничтожения различия между городом и деревней на основе более равномерного распределения населения». (Цитировано неточно. Авторы имеют, повидимому, в виду «Принципы коммунизма» Ф. Энгельса; см. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. V, стр. 478.—*Ред.*). Понятие «политехнизации» образования повторно встречается у Маркса (особенно в протоколах Женевского конгресса I Интернационала в 1866 г.) и у Энгельса; его неоднократно развивал Ленин; оно встречается в самых первых высказываниях большевистского правительства по вопросам образования в 1917—1918 гг. В защиту политехнизации специально написана интересная книга проф. Блонского на русском и немецком языках (1920) «Трудовая школа». Но в течение первых пятнадцати лет школы существовали, как могли, среди сумбура педагогических экспериментов, сочетавшихся с массовыми кампаниями по борьбе с неграмотностью. Только тогда, когда фактически все дети были охвачены школьным обучением, стало возможно серьезно приступить к перестройке школы и ее учителей. В 1930—1932 гг. был разработан план политехнизации школы, который затем был опубликован в директивах, проводимых в жизнь комиссариатами просвещения. Изучающий эти вопросы на английском языке может пользоваться статьями профессоров Б. Груздева, С. Каменева и С. Гайсинович в книге «Школа в СССР», ВОКС, Москва 1933; см. также *Альфред Курелла*, Пятилетка и культурная революция (Рабочая книжная лавка, 16 Кинг Стрит, Лондон 1931); *К. А. Гаррисон*, Большая дорога советского образования, с предисловием Беатрисы Кинг (Общество культурной связи, Лондон 1932); *Д. Скоморовский*, Культурное строительство в третьем решающем, Москва 1931; две статьи Беатрисы Кинг в «Бритиш рашен газетт» за январь и март 1933 г. Из французских работ отметим *Листрак*, Основные проблемы трудовой школы, Париж 1927, и *А. В. Луначарский*, Проблемы народного образования при советской власти, Париж 1935, особенно гл. IV «Культ производства», стр. 103—131; *Жан. В. Трилла*, Организация и принципы обучения в СССР, Париж 1933, 70 стр.

«В сентябре 1931 г. резолюция ЦК ВКП(б) требовала как составной части общей реформы школьной системы всеобщей политехнизации школы... В начале 1934 г. Совнарком РСФСР занялся вопросом систематического улучшения постановки дела в педагогических институтах и необходимого повышения квалификации учителей» («Москва дейли ньюз», 3 марта 1934).

с самого начала, что в будущем они выберут какое-либо общественно-полезное занятие. Это занятие может относиться к области физического труда или умственного. Все молодые люди получают в возрасте 16—17 лет, в соответствии со своими способностями и желаниями, равную возможность выбора между различными занятиями, поскольку позволяют возможности и потребности общества¹. Но ничего решительно не предусмотрено для того, чтобы дать воспитание ребенку из «обеспеченного класса», который полагает, что его обязанность заключается в существовании, более или менее красивом, за счет других; или даже в том, чтобы проводить жизнь в «философствовании» без активной деятельности. Кроме того есть еще основание не делать различий, поскольку речь идет о начальной и средней школе, между лицами, которые впоследствии возьмутся за то или иное занятие. Школа должна приготовить их не только к этому занятию, им нужно дать подготовку к самой жизни. Исходя из того, что советский коммунизм основывается на принципе участия во всем, мальчики и девочки не только должны быть подготовлены к какой-либо производственной деятельности, но также воспитываются, как сознательные граждане, и даже для всех остальных видов жизненной активности. Такая подготовка к жизни должна быть универсальной, хотя бы только для того, чтобы общество могло извлечь из нее максимальную пользу. Никто не предполагает, что все граждане имеют равные возможности или одинаковые способности, но не должно быть попыток создать специальный класс, привилегией которого были бы какие-либо определенные или все виды умственного труда, будь то на основании закона или обычая или путем установления требований специальных познаний, доступ к которым ограничен. Считается, что ни состояние родителей, ни их служебное или профессиональное положение, ни даже их интеллектуальные достижения или превосходство не должны давать их детям каких-либо преимуществ в получении

¹ Положение детей «лишенцев», с одной стороны, и детей интеллигенции, с другой—должно быть отмечено как исключительное в некоторых отношениях. Их нигде не лишают доступа в нормальную дневную школу (начальную или среднюю, по нашей терминологии). Их также формально или в общем порядке не лишают доступа в высшую школу или к профессиональной подготовке. Но в первом десятилетии, когда был большой наплыв детей лиц физического труда, стремившихся к дальнейшему образованию и интеллигентным профессиям, эти дети пользовались правом преимущественного приема так же, как фактически до революции дети богатых или интеллигентных родителей имели преимущество перед детьми рабочих. С увеличением числа мест, а также с ростом, как мы думаем, гуманных взглядов, отказ в приеме детей различных категорий лишенцев, как мы думаем, прекратился. Однако часто считается желательным, чтобы эти юноши между школой и университетом поработали год-два на заводе. Это сам по себе неплохой путь (как убедились многие английские родители).

нии дальнейшего образования или в выборе занятия по сравнению с другими детьми, менее счастливыми в отношении родителей. Профессиональная подготовка, включая высшее и более специальное образование, начинается только с момента окончания общего курса обучения в школе, из которой, как предполагается, в ближайшем будущем будут выходить в возрасте 18 лет; эта подготовка должна быть доступна всем, имеющим необходимые способности и склонность к данному выбранному занятию, без различия пола, расы, цвета кожи, положения или состояния родителей. Так как обществу приходится оплачивать и содержание и обучение большинства поступающих, то число лиц, допускаемых в различные учебные заведения для получения специального образования, естественно, должно устанавливаться каждый год органами власти, в соответствии со спросом на различные профессии. Отсюда следует, что часто приходится производить отбор поступающих. На практике это производится на конкурсных экзаменах. Только наиболее способные могут быть допущены к занятиям в тех областях, где больше кандидатов, чем мест¹.

Почти одновременно с политехнизацией школы и в развитии взгляда на высшее образование как на подготовку к жизни, правительство предприняло радикальную реорганизацию всех университетов и технических вузов². Университеты, часть

¹ «Наркомпрос сохранил в своем полном ведении только педагогические институты и художественные школы. Но отдел профессионального образования сохранил некоторые права в области надзора над всем профессиональным образованием. Сейчас своя отдельная сеть профессиональных школ имеется у 12 различных комиссариатов» (*Г. Ганс, Образование в СССР, в Ежегоднике по вопросам образования за 1933, стр. 933*).

Одновременно с этой реформой общее число высших школ, соответствующих, примерно, английским университетам, медицинских, промышленных, технических, юридических, экономических, педагогических и художественных увеличилось до 800, при 400 тыс. студентов старше 18 лет, и сроком обучения от 3 до 5 лет. Самая большая и великодушная из этих школ носит скромное название Политехнического института в Ленинграде; в ней 10 факультетов, приблизительно тысяча профессоров и преподавателей и 10 тыс. студентов обоего пола (число это вскоре будет увеличено до 13 тыс.). Все студенты старше 18 лет проходят пятилетний курс обучения по одной из отраслей прикладной науки или технологии и немедленно по окончании получают назначения как технические специалисты в различных отраслях промышленности. Здание этого технического университета расположено на площади более, чем в 2½ км. Для опытов в главной физической лаборатории можно применять электрический ток напряжением в 1 млн. вольт: библиотека Института выписывает 135 иностранных научных журналов. В Институте существует специальный факультет культуры, где изучаются иностранные языки, история и литература. На всех факультетах обязательно изучение английского и немецкого языков, изучение французского факультативно.

² Хотя упор делается на деятельность учебных и научных институтов (в которых обычно занимаются не только физическими и биологиче-

которых сохранилась еще от царских времен, были несколько отодвинуты на задний план отдельными специальными институтами, число которых превысило к 1935 г. 800. На каждый из этих институтов была возложена определенная функция—подготовка студентов в возрасте от 18 до 23 лет к практической деятельности в определенной области или же к исследовательской работе в какой-либо отрасли науки. Для усовершенствования такой тренировки большинство этих институтов было изъято из Наркомпроса и передано комиссариатам, в ведении которых находятся различные отрасли промышленности и управления и где впоследствии намерены работать студенты. Так, институты, в которых готовятся инженеры, химики для промышленности и другие подобные техники, были подчинены Наркомтяжпрому СССР, в котором существует специальный отдел для руководства институтами; институты, обучающие химиков по красителям, подчинены Наркомлегпрому СССР, в ведении которого находится текстильная промышленность. Медицинские институты находятся под управлением республиканских наркомздравов. Те, которые готовят учителей, остались в ведении наркомпросов. С другой стороны, институты, подготавливающие агрономов, потребность в которых для совхозов и колхозов сильно возросла, управляются новым комиссариатом земледелия СССР. Было бы ошибкой полагать, что эта административная реорганизация по факультетам или предметам обучения, охватывающая 800 институтов, которые в Германии и в Англии считались бы учебными заведениями университетского типа, связана с какими-либо ограничениями программы. Компетентные лица, к изумлению своему, отмечают, что самая чистая математика и наименее прикладные из других наук все еще занимают почетное место в Москве, Ленинграде и Киеве. Реорганизация эта означает, конечно, что каждый институт должен возможно лучше выполнять возложенную на него функцию выпуска хорошо подготовленных специалистов в своей области. Но в СССР понимают, что выпускаемый инженер, химик, учитель или исследователь не могут быть хорошо оснащены, если из их подготовки будут исключены чистая математика или наиболее абстрактные разделы физики, или то, что принято называть общекультурной подготовкой. Здесь понимают, что для того чтобы стать превосходным техником,

скими науками, но и всегда изучают один или несколько иностранных языков), тем не менее университеты, старые и новые, продолжают существовать и даже расти, хотя обычно и не создают дополнительных факультетов. Сейчас (1935) в СССР 21 университет с различными факультетами, большинство которых считается также научно-исследовательскими институтами в своей области, и тесно связаны как с Академией наук, так и с хозяйственными наркоматами СССР.

надо изучать историю, литературу, иностранные языки, знать строй и достижения других стран (не говоря уже о некотором знакомстве со всеми отраслями науки) в такой же мере, как и специальные науки в своей технической области¹. Однако не требуется, чтобы он просиживал годы над изучением языка, литературы и философии Древней Греции и Рима.

От этих реформ образования ожидают, что они дадут возможность перекинуть мост через пропасть, которая до сего времени существовала между умственным трудом и различными видами физического труда, а с течением времени и совсем уничтожат эту пропасть. Считают, что во всех видах умственного труда (будь то хотя бы труд поэта, художника, администратора или военного) представитель интеллигентской профессии выгадывает не только от политехнического образования в детстве или юношестве, но даже от простого обучения какому-нибудь ремеслу, а если он вполне здоров, то и от некоторого смешения физического труда с умственной деятельностью. Равным образом утверждают, что всякий физический труд будет лучше выполняться, если рабочий обладает научной подготовкой и понимает, какую роль в жизни общества играет его профессия. Считается, что физическая и умственная выучка необходимы для максимально успешного выполнения гражданских и общественных обязанностей, общих в советском государстве для всех мужчин и женщин (за исключением непрерывно тающей категории лишенцев). В равной мере они необходимы, поскольку дело идет о другой, и притом большей части жизни, на которую все имеют одинаковое право,—о часах отдыха и развлечения.

Аналогичные тенденции существуют и в других звеньях советской системы. На всех ступенях, во всех отраслях ученика заставляют делать для своего обслуживания больше, чем обычно требуется в других странах. Считают, что чем больше физической работы в разумных пределах можно найти для ученика в период получения образования, тем лучше будет это образование. Даже в детских садах посетитель может увидеть, как малышей приучают к самообслуживанию. Овладев искусством одеваться и раздеваться без посторонней помощи, ребенок учится накрывать на стол и убирать со стола; он переставляет стульчики и столики, приносит предметы, за которыми его посылают, и аккуратно кладет вещи на место. В начальной школе как мальчиков, так и девочек обучают шитью, но

¹ В 1934 г. была издана специальная директива о возобновлении преподавания мировой истории как самостоятельного предмета, желательного на всех факультетах. С октября 1934 г. десятки профессоров читают курсы истории во всех главных учебных заведениях.

только в течение первых 2 лет (от 8 до 10) и только в виде общей житейской подготовки, в таких пределах, чтобы и мальчики и девочки могли пришивать пуговицы, починить разорванную одежду, заштопать носок или чулок и примитивно вязать¹. Школьники или школьницы, вместо того чтобы только играть в индейцев, общими силами помогают крестьянам полоть и собирать урожай. Известен случай, когда школа, проводившая свой отпуск в деревне, восстановила руками детей, при минимальной технической помощи, прорванную плотину, используемую для гидростанции, и привела в порядок оборудование, с помощью которого деревня сейчас освещается и снабжается водой. Или же целая школа предпринимает изучение своего района; самостоятельно исследует его географию и геологию, флору и фауну, раскапывает доисторические остатки и классифицирует современные постройки, применяя геометрию и тригонометрию; измеряет площадь полей, ширину рек и высоту деревьев; анализирует структуру и функции различных социальных учреждений своей местности. Студенты медицинского факультета, в возрасте от 18 до 23 лет, регулярно дежурят для поддержания порядка в своих лабораториях; сами готовят лекарства и даже моют бутылки. Они обычно составляют весь штат помощников оперирующего хирурга, часто на них ложится вся работа по перевязкам и забинтовыванию, которая в других странах выполняется сестрами. Обычно юноши и девушки в технических высших школах во время теоретического обучения изучают то или другое ремесло. Нередко лицо из состава администрации большого машиностроительного завода снимается со своего поста и направляется к станку или в кузницу того же или подобного предприятия, причем не совсем в порядке наказания за неспособность или упущение в работе, но отчасти для того, чтобы после своего рода «повторительного курса» ручного труда он стал более пригодным для нового назначения на административный пост в другом предприятии. Фактически между работником умственного и физического труда не проводится никакого другого различия, кроме различия в их пригодности к исполнению соответствующей работы. В силу большей продолжительности обучения одни могут научиться делать больше и специализироваться в работе, для которой другие не приспособлены. Но это не ставит их в разное социальное положение и часто не создает разницы в окладе.

¹ Девочки, предполагающие работать в швейной промышленности в качестве портних или фабричных работниц, получают необходимую техническую подготовку по достижении 15 лет. Кроме того существует много добровольных кружков, в которых девочки собираются в часы после занятий и изучают рукоделие.

Организация отдыха

Упор на политехнизацию всех школ и значение, придаваемое даже в высших школах и институтах технике, могут создать впечатление, что тенденции советского образования насильно материалистичны в том смысле, что оно заботится только о росте производства материальных благ. Однако дело обстоит далеко не так. В действительности тенденции культурного развития в советской системе образования по меньшей мере так же резко выражены, как и тенденции профессионального обучения¹. Знаменательно, что эти две тенденции не рассматриваются как враждебные или соперничающие в деле подготовки к жизни и совершенно не считаются относящимися к определенным прослойкам или классам. Все мужчины и женщины без исключения должны участвовать в производительном труде, ручном или умственном, и следовательно, все без исключения нуждаются в соответствующей технической выучке. Но все мужчины и женщины также должны стать активными гражданами, участвующими

¹ Даже в школе с наиболее ярким политехническим характером в программу входят предметы, обычно считающиеся «культурными».

Вот «образцовое расписание», изданное Наркомпросом РСФСР в качестве руководства для местных органов и учителей; расписание составлено для детей от 8 до 16 лет:

Дисциплины	Число часов в шестидневку							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Русский язык . . .	6	6	5	5	5	5	4	3
Математика	6	5	5	5	5	4	5	(или4) —
Естествознание . .	2	2	2	3 (или2)	4 (или6)	7 (или5)	(или4)	7
Обществоведение	2	2	2	2 (или3)	1	1	—	—
География	—	—	3	3	2	2	1	1
Мастерские	2	2	2	2	5	4	5	5
Иностран. языки	—	—	—	2	2 (или4)	2 (или3)	2	2
Физкультура . . .	1	1	1	1	2	1	1	1
Рисование	1	1	1	1	1	1	2	2
Музыка	1	1	1	1	1	1	1	1
История	—	—	—	—	2	2	3	3
Технология	—	—	—	—	—	—	(или2) —	(или2) 2
Итого	20	20	22	25	30	31	31	30

щими во всех сторонах жизни общества как в часы отдыха, так и во время работы.

Характерно, что в повседневной работе отделов народного образования Советского Союза видное место занимают культурные начинания как внутри, так и вне школ и институтов; им уделяется гораздо больше внимания, чем в Англии или в штате Нью-Йорк. Результаты этого выражаются в широком развитии культурного времяпровождения среди населения за последнее десятилетие; развитие это по меньшей мере не отстает от роста промышленного производства.

Физкультура

Довольно характерно, что изложение истории о «переделке человека» мы должны начинать с физической культуры, в которой народы царской России были исключительно отсталыми. Сейчас детей всех возрастов, начиная от яслей и до старшего класса школы десятилетки, обучают навыкам, которые обеспечивают полное здоровье. В 1923 г. был создан Всесоюзный совет физкультуры, состоящий из представителей профсоюзов, коммунистической партии и комсомола, с одной стороны, и наркоматов просвещения, здравоохранения и обороны—с другой. Под влиянием этого Совета и в значительной мере за счет наркомпросов союзных и автономных республик физические упражнения всякого рода стали темой многочисленных научных исследований и буквально сотен учебников и брошюр; государственные издательства выпускают издания для преподавателей физкультуры в сотнях тысяч экземпляров, т. е. в значительно большем тираже, чем в Англии, Германии и США¹.

Главным проводником влияния на молодежь обоего пола служит быстро растущий комсомол, который сейчас (1935 г.) насчитывает около 6 млн. членов в возрасте преимущественно от 17 до 25 лет. От каждого члена комсомольской ячейки требуется, чтобы он заботился о своем полном здоровье. Ежедневные физические упражнения превращаются в общественную обязанность, к исполнению которой каждое утро по всей стране призывают бесчисленные громкоговорители государственной радиосети. Но наиболее поразительным проявлением этой всеобщности физкультуры является за последние несколько лет рост организованного участия во всех видах спорта и игр, начиная от бега, конькобежного спорта, прыжков на лыжах, гребли, велосипедной езды, фехтования и гимнастических упражнений

¹ Названия ряда этих изданий, которые почти не переводились, приведены в книге *Томаса Вуди*, Новое сознание, новые люди, 1932, стр. 434—437 и 483—510; см. также статью *Т. Хетчинса*, Физкультура в СССР, в «Бритиш рашен газет», октябрь 1931.

и кончая футболом, баскетболом, кеглями, лаун-теннисом, бейсболом и массовыми танцами¹. Тысячи стремятся к добровольному военному обучению и стрелковым состязаниям. Широко развиваются планеризм и прыжки с парашютами и уже имеется значительное число летчиков-любителей. Миллионы молодежи путешествуют пешком в дни отдыха и во время ежегодного отпуска. Положено основательное начало альпинизму, о развитии которого заботится общество пролетарского туризма². «Физкультурников», т. е. членов физкультурных клубов, занимающихся организацией спорта и игр на воздухе, как говорят, насчитывалось в 1927 г. по СССР около 2 млн., в 1931 г. — свыше 5 млн., а к концу второй пятилетки, в 1937 г., их будет много больше, по мнению некоторых, не менее 30 млн.! Свыше 50 тыс. физкультурников участвовало в параде на Красной площади в 1931 г., в десятую годовщину существования Спортинтерна; Сталин и другие вожди приветствовали их с мавзолея Ленина. Почти во всех больших городах, от Ленинграда до Ташкента, выстроены большие стадионы для физкультурников. Ни спорт, ни игры на воздухе почти не существовали у русских 20 лет назад. Сейчас можно думать, что в какой-нибудь июньский день в СССР абсолютно и даже относительно будет занято играми на воздухе или спортом большее количество молодежи, чем в Англии или США (если исключить просто зрителей). Три особенности резко поражают наблюдателя. В Советском Союзе развитие игр и спорта сознательно основывается на глубоком убеждении самой молодежи, что это способствует сохранению здоровья и потому составляет часть гражданского долга. Вторая особенность заключается в тесной связи не только физических упражнений, но также организованных игр с медицинским наблюдением и исследованием; лозунгом служит: «Без медицинского наблюдения нет физкультуры»; «Мы не только перестраиваем общество на новых экономических основах; мы исправляем человеческую породу на научной основе». Этим

¹ Повидимому, ни крикет, ни гольф не привились еще в СССР. Кстати, заметим, что «профессионал» в советском спорте неизвестен. Денежные пари в связи с состязаниями сведены к минимуму.

² «Если молодой советский рабочий хочет провести свой отпуск в прогулке по району или части Советского Союза, ему нужно только вступить в Общество пролетарского туризма. Это общество организовало туристские базы почти во всех углах огромного Советского Союза. Базы эти служат превосходными исходными пунктами для прогулок и экскурсий и дают возможность молодому рабочему за весьма умеренную плату познакомиться с такими красивыми местами, как Крым, Кавказ, Урал, Казахстан, Средняя Азия; можно исследовать реки, озера и леса центральной части СССР или повидать древности, остатки прежних цивилизаций. Это общество также организует экскурсии по новым советским заводам, где можно видеть достижения современной техники» (*Владимир Зайцев*, Молодежь Советского Союза, 1934, стр. 52).

определяется не только существование нескольких институтов, ведущих исследования в разных областях физкультуры¹, но также и систематический медицинский осмотр весной и осенью всех членов спортивного общества и наличие постоянного врача в каждом профсоюзном доме отдыха. Третья особенность заключается в той сердечной поддержке, помощи и финансовых субсидиях, которые всюду предоставляют этой организации, так быстро ставшей национальной, не только наркомпросы и наркоматы здравоохранения союзных и автономных республик, но и все правительственные органы, которые могут чем-нибудь помочь.

Политическое просвещение

Планомерное распространение так называемого политического просвещения в СССР уступает по размерам только пропаганде физкультуры. За исключением исчезающей категории «лишенцев», от каждого лица в возрасте старше 18 лет ждут не только участия в голосовании, но и понимания того, за что он голосует, и даже, как мы уже объясняли в другом месте, активного участия в той или иной форме управления. Такая система, чтобы быть эффективной, очевидно, требует всеобщей подготовки. Все органы правительства проявляют большую заботу о распространении того, что с достаточным основанием считают политическим просвещением. Нет надобности описывать его постановку в школе, где самая атмосфера и даже программа настолько же проникнуты марксистским коммунизмом, идеей диктатуры пролетариата и грядущей мировой революции, как английская школа пропитана официальным христианством, преданностью конституционной монархии и величием Британской империи. Более специальный характер носит деятельность комсомола, из членов которого формируется большая часть «активистов» не только в органы профсоюзов, но также и для длительных воспитательных кампаний, при помощи которых свыше 90% избирателей удается привлечь к голосованию во время периодических перевыборов советов в больших городах. У всех кандидатов на должности учителей в начальной и средней школе можно видеть в руках ортодоксальный «Учебник политграмоты»; эти учебники подкреплены обширной литературой. По этой литературе им читают лекции во время прохождения курса в учебном заведении, соответствующем английскому

¹ Таковы: Институт охраны здоровья детей, Институт терапевтической физкультуры, Институт физиотерапии и ортопедии, Институт профессиональных заболеваний, Институт социальной гигиены, Институт курортологии, кроме того психофизиологические лаборатории Народного комиссариата обороны.

учительскому колледжу. Но, пожалуй, наиболее могущественное и наиболее постоянное влияние оказывает периодическая печать. Немногие на Западе понимают, что в СССР ежедневная газета и еженедельный или ежемесячный журнал имеют более широкий круг читателей и более широкое распространение, чем даже в США¹. Однако содержание этой огромной периодической прессы прямо противоположно тому, какое владельцы газет на Западе считают необходимым для тиражей национального масштаба. Представьте себе газету с большим тиражом, все экземпляры которой покупаются (в СССР не существует системы возврата), почти лишенную платных объявлений, не подкупающую читателей конкурсами с премиями, приложениями в виде книг или других предметов,—газету, в которой, кроме того, совершенно нет ни судебной хроники, ни отчетов о бракоразводных делах; в этих газетах нет ничего о модах, никаких сексуальных рассказов, описаний убийств и самоубийств или несчастных случаев, никаких сплетен о частной жизни королевских особ, миллионеров и знаменитостей! Десять тысяч периодических изданий СССР, ежедневных, еженедельных, ежемесячных и квартальных, выходящих на 88 языках и обслуживающих читателей всех видов и всяких профессий, бесконечно разнообразны. Но в одном отношении эти газеты одинаковы. Они целиком поглощены общественными делами, т. е. политикой, в самом широком смысле слова, включая, конечно, и производство. Некоторые из газет печатают телеграммы об иностранных новостях (но только новостях вышеописанного рода), которыми в изобилии снабжает их советское телеграфное агентство (ТАСС—учреждено в 1925 г.).

Передовицы этих газет трактуют в более или менее инструктивном тоне о больших и малых вопросах политики. Но газеты содержат также сообщения о бесчисленных событиях в области управления, волнующие рассказы, переполненные статистическими данными, о достижениях и успехах той или иной фабрики, колхоза или школы; еще чаще они печатают жуткие описания провалов и неудач в тех или иных отраслях деятельности. Как мы уже упоминали в предыдущей главе, нигде в мире не практикуется такое беспощадное разоблачение ошибок и убытков государственных фабрик или правительственных органов или фактов насилия или злоупотреблений со стороны админи-

¹ Подробности о газетной и журнальной прессе СССР можно найти в книге Юста, Пресса Советской России, Берлин 1931, статистика в книге «Пресса и издательское дело в Советском Союзе» (Школа изучения славянских стран, 1935 г.). В главе «о радио, печати и издательском деле», написанной Р. В. Постгейтом в книге «12 очерков о Советской России» (под редакцией М. И. Коол, 1933, стр. 205—248), дано замечательное описание различных типов газет и места их в социальном организме.

стративных лиц, как в советских газетах, опирающихся на сеть сельских корреспондентов приблизительно в три миллиона. Эти разоблачения поощряет и одобряет советское правительство как самый верный способ добиться исправления общественных порядков и предупредить повторение проступков местных властей. В газетах не допускается защита частного предпринимательства с целью извлечения прибыли из наемной рабочей силы, что считается эксплуатацией; покупка товаров с целью перепродажи их с прибылью, что именуется спекуляцией; восхваление иностранных политических систем или вообще утверждение, что какую-либо иную форму социальной организации можно было бы предпочесть советскому коммунизму. Замечательным кажется иностранцу, что такие газеты покупают и жадно читают почти во всех семьях в СССР, хотя они не содержат ничего, кроме сообщений об общественных делах и их обсуждения, включая коротенькие очерки для иллюстрации этих тем, и лишены даже приманки в виде отражения борьбы политических партий и всего того, что обеспечивает большие тиражи во Франции, Англии и США¹. Не может быть сомнений в эффективности подобной прессы как средства распространения среди всех граждан знаний о коллективной организации сельского хозяйства, промышленности и управления; пресса важна и как средство ознакомления граждан с подробностями деятельности местных органов управления, преподавая им тем самым основы политического просвещения. Более спорным является вопрос о том, каков воспитательный эффект постоянного показа существующей системы власти, как будто она является единственной, заслуживающей внимания. Это влечет за собой отказ от того оттачивания ума, которое может быть достигнуто в результате столкновения аргументов за и против демократии или монархии, либерализма или консерватизма, республиканской или демократической партии. Советские воспитатели больше ценят в деле подготовки к жизни широкое распространение знаний, которые они считают необходимыми для всеобщего участия в общественных делах.

Подобное же широкое распространение политического просвещения проводят 2—3 млн. членов коммунистической партии в личном общении с согражданами. Каждый кандидат в члены партии должен доказать, что он обладает политической подготовкой, а также, что он признает положения партийной программы. Особенность партийной «чистки» 1933 г. заключалась в том, что одним из необходимых требований для оставления

¹ Суммарный тираж газет в 1935 г., повидимому, немного менее 40 млн., что приблизительно равно числу семей в СССР. Главная газета для крестьян, «Крестьянская газета», выходит тиражом в 3 млн., как говорят, самым большим в мире.

в партии (наряду с убеждениями, верностью принципам и работой, а также высоким моральным уровнем личной жизни) было умение изложить и растолковать среднему гражданину политику и программу правительства, которое они поддерживают. Целый ряд честных и преданных членов партии с большим стажем и безукоризненным поведением были исключены и переведены во вновь созданную низшую категорию сочувствующих не за какую-либо «ересь», но исключительно из-за недостаточных способностей и уровня политических знаний¹.

Одна из основных целей советского воспитания заключается в том, чтобы ни один взрослый не оставался политически неграмотным.

В представлении английского или американского академического мира политическая культура, возможно, не заключается в понимании политической азбуки и в знакомстве с механизмом государственного управления. Однако сделать политически грамотными сотни миллионов мужчин и женщин, от Балтийского моря до Тихого океана, чуть ли не одновременно с ликвидацией простой неграмотности представляет немалое воспитательное достижение; распространение культуры в этой области больше того, которое хотя бы приблизительно удалось любому западному правительству². И именно такова программа наркомпросов союзных республик и автономных республик СССР.

Художественная культура

Широкое распространение художественной культуры среди целого народа почти никогда не считалось обязанностью правительства. Однако в СССР художественное воспитание масс занимает определенное место в системе образования. Особенно заботился об его развитии Луначарский, бывший в течение 15 лет наркомом просвещения РСФСР. Можно считать, что в школьной программе имеются лишь незначительные следы художественного воспитания, хотя музыка и рисование значатся в программе каждой деревенской школы. Даже русские педагоги еще не изобрели способа обучать искусствам одновременно с азбукой, хотя мы не должны забывать о незаметном, но силь-

¹ См. т. I, гл. V.

² Следует отметить, что всеобщее распространение элементарной политической грамотности среди народов с различным укладом и национальным характером облегчается тем, что, согласно советской политике, местное управление в областях, населенных отсталыми народностями, передано в руки тщательно подготовленных и распропагандированных лиц самой этой народности, говорящих на родном языке, хорошо знакомых с местными обычаями и понимающих национальные особенности. Влияние этой местной администрации на распространение того, чему они обучались в Москве, должно быть значительным.

ном личном влиянии в СССР, как и в других странах, художественно одаренного учителя. Однако в некоторых школах имеются очень хорошие зачатки художественного воспитания. Вот интересное описание, относящееся еще к 1920 г., того, что происходит в «лесных школах», размещенных на летних дачах, выстроенных состоятельными людьми в лесах около Москвы и теперь превращенных в санатории для больных детей или просто дома отдыха.

«Своеобразным явлением здесь и во всех русских школах,— пишет мистер Брейлсфорд после посещения их в 1920 г.,— следует считать важное значение, придаваемое эстетической культуре. На каждой даче было пианино. Дети явным образом были поглощены рисованием и раскрашиванием, и руководители поощряли их творческую фантазию. Некоторые из сделанных детьми портретов, в особенности рисунки к русским сказкам, отличались необычайной талантливостью. Кроме того дети соперничали друг с другом в писании стихов. В каждой маленькой колонии был свой совет, в котором дети с помощью учителя учились обсуждать свои дела. Я присутствовал на заседании одного из них; у девочек был торжественный и деловой вид, они, очевидно, играли ведущую роль в коммуне; мальчики были менее поворотливы и гораздо более сдержанны. Дети точно соблюдали регламент, и игра несомненно была воспитательной¹. Мы не можем сказать, насколько удачно идет отбор наиболее способных детей для специального обучения музыке или танцам, живописи или скульптуре. Мы слышали о случаях такого отбора в возрасте от 12 до 14 лет и о посылке детей в школы музыки и танцев и на специальные курсы художественной подготовки. Совершенно ясно, что так называемые художественные профессии успешно пополняются и число лиц, занятых в них, сильно возросло. В московских школах поощряют создание среди старших детей литературных, музыкальных и драматических кружков. Видные писатели и артисты посещают эти кружки, с интересом обсуждая их художественные успехи.

Поскольку речь идет о советском правительстве, влияние наркомпросов сказывается скорее в максимальном использовании для создания общего интереса к искусству картинных галерей и музеев, театра и балета, музыки и литературы и, кроме того, во всех областях искусства самих его деятелей.

¹ Г. Н. Брейлсфорд, Русская рабочая республика, 1921, стр. 81. «Встречаются и картины идиллического характера. Даже Вильям Моррис признал бы, что видит существенными элементами своих мечтаний, если бы он услышал хор во Владимире, понаблюдал детей в лагерях и на площадках для игр, увидел их рисунки к сказкам или, стоя за спиной деревенских плотников, посмотрел, как они работают над новыми образцами своего ремесла». Там же, стр. 198.

Музеи и картинные галереи

Можно сказать, что ни одно правительство никогда не сделало столько за период немногим больше 12 лет, чем сделал СССР не только в области поддержания, развития и расширения музеев и картинных галерей во всей стране, но и в области углубления и расширения их влияния на народные массы. Во всех больших городах СССР и даже часто благодаря личной инициативе в некоторых деревнях существуют всевозможные музеи. Число картин и старинных предметов художественной работы в этих коллекциях, естественно, ограничено, но такие коллекции, как в Москве и Ленинграде, принадлежат, да и всегда принадлежали, к числу лучших в мире. Для советского коммунизма характерны вдумчивость и энергия, с которыми он добился, чтобы народ посещал и любил музеи, чтобы сделать их средством всеобщего распространения элементов художественной культуры. Не довольствуясь тем, что музеи открыты ежедневно для бесплатного осмотра, наркомпросы добились того, что музеи и галереи отдельных республик постоянно посещаются организованными массами детей и учащихся, солдат и матросов, рабочих и крестьян, которых посетитель музея может увидеть там в любом часу дня. Они ходят из комнаты в комнату, сопровождаемые квалифицированными руководителями, большей частью образованными женщинами, которые стараются не только дать пояснения к экспонатам, но и отметить их художественные достоинства, часто не без политического пристрастия. Мы не беремся судить, какого распространения художественной культуры можно добиться этим способом, но мы осмеливаемся утверждать, что советское правительство прилагает больше усилий к использованию для художественного воспитания масс унаследованных им великолепных собраний и новых созданных им коллекций, чем любое другое правительство в мире¹.

Театр и балет

Характерно, что театр, опера, балет и кинематограф во всех республиках Союза в такой же степени входят в ведение Наркомпроса, как и школа. И здесь, так же как в отношении музеев

¹ «Но,—продолжал Ленин,—важно не наше мнение об искусстве. Важно также не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс» (Воспоминания К. Цеткин, 1929 г., цит. у Эпштейна, Борьба за культурное развитие в книге «Школа в СССР», ВОКС, Москва 1933, стр. 35). (Клара Цеткин, Воспоминания о Ленине, стр. 34.)

и картинных галерей, для советского коммунизма характерно не столько то, что он дает публике, сколько меры по использованию воспитательных возможностей театра. И в царской России театр, опера и балет были превосходны, но если они и имели образовательное значение, то только для небольшой группы населения. Сейчас в СССР они обращаются буквально к миллионам, они не ограничиваются большими городами, но существуют в каждом городе. Во многих деревнях, совхозах и колхозах имеются собственные кинематографы, насчитывающиеся десятками тысяч. Большие фабрики и многие рабочие клубы имеют собственные сцены и собственные любительские труппы. Кроме того они часто приглашают на гастроли театральные труппы. В этом году (1935) в колхозах работает свыше 60 театров, регулярно посещаемых разъездными труппами профессиональных актеров. В больших городах каждый вечер театры наполняются пролетарскими слушателями; большинство билетов распространяется заранее со скидкой в 25—30% через профсоюзы и другие общественные организации. Красноармейцы всех званий получают билеты бесплатно. Вероятно, ни в одной другой стране нет такого большого числа городских рабочих и даже сельских жителей, ставших завсегдатаями театров¹.

Повидимому, совершенно оригинальное учреждение представляет собой «Детский театр», открытый круглый год и рассчитанный специально на детей от 9 до 12 или от 13 до 15 лет. Его обслуживает особый штат драматургов и режиссеров и более тысячи актеров и актрис, которые почти все ограничивают свою деятельность этой специальной областью. Нужно сказать, что дети моложе 16 лет не допускаются в обыкновенные театры, так что взрослые в своем выборе пьес не стеснены соображениями о том, что следует считать непригодным для детских ушей. Но театр слишком важный фактор, чтобы его можно было исключить из детского воспитания. Поэтому на средства наркомпросов содержатся специальные детские театры, в которых постоянно идут спектакли. В 1934 г. в Москве было 10 детских театров, по одному в каждом районе, и более 100 в других городах СССР. Спектакль всегда начинается днем как для младших, так и для старших детей из семилеток и десятилеток района.

¹ Кисловодск на Кавказе, бывший фешенебельный курорт царской России, стал городом профсоюзных домов отдыха и санаториев, круглый год наполненных 12—15 тысячами пролетариев всех возрастов. Когда в 1932 г. один из авторов этой книги был там, то развлечения состояли из великолепного театра, оперы и балета и концертов классической музыки; никаких каруселей и т. п., как в Блэкпуле или на Кони-Айленд, там не было. Кроме прогулок в великолепном саду, нарзанных ванн или скромных горных экскурсий, можно еще было слушать бесконечную серию лекций по технике и марксизму.

Каждый ребенок платит несколько копеек за свое место. Эта плата взыскивается, чтобы ребенок чувствовал, что он действительно «идет в театр», как взрослый. Пьесы написаны интересно, темы доступны детскому пониманию, постановки исполняются с тем техническим совершенством, которое свойственно русской сцене. Они свободны от дидактичности и от того, что можно было бы назвать пропагандой, хотя, конечно, незаметно пропитаны «здоровой моралью» и сильным «гражданским патриотизмом». Переполненная детская аудитория с увлечением следит за всеми перипетиями разыгрываемой драмы. Если театр оказывает на взрослых все то воспитательное влияние, которое ему приписывают, то трудно переоценить важность для воспитания детей такого тщательно продуманного детского театра¹.

Музыка

За 10 лет с небольшим наслаждение музыкой и ознакомление с великими композиторами стало в СССР достоянием не маленькой группы, но буквально десятков миллионов рабочих и крестьян. Само собой разумеется, что не все члены профсоюзов стараются получить дешевые билеты в оперу или на симфонический концерт (в больших городах большое количество таких билетов всегда имеется в распоряжении организаций); все же посетителя поражает число тех, которые приобрели эту новую склонность. Возможность послушать хорошую музыку предоставляется всей Красной армии, всему персоналу ОГПУ, включая войска особого назначения, и командам быстро растущего морского флота². Большинство фабрик, а сейчас и многие колхозы создали собственные духовые и струнные оркестры, может быть, и не имеющие больших достижений, но свидетельствующие о росте музыкальной культуры. Последнее время все более развивается слушание музыки, передаваемой по радио приблизительно 60 станциями для владельцев свыше 2 млн. радиоприемников и сотен тысяч громкоговорителей. Заслуживает также внимания неожиданный спрос, предъявленный

¹ Детский театр описан в статье А. Луначарской, Центральный дом художественного воспитания детей им. Бубнова, в журнале «Совет калчур ревью» № 2, стр. 23—28, ВОКС, Москва 1934. По вопросу о развитии детского театра в СССР см. номер под названием «Театр в СССР», журнала ВОКС «Социалистическое строительство в СССР», т. VI, 1934, и Я. А. Марков, Советский театр, 1934, 176 стр. Осенний номер журнала «Студио» (Лондон—Нью-Йорк 1935) посвящен искусству в СССР и содержит обзор его достижений во всех областях.

² Авторы могут удостовериться, что судовая команда, предполагавшая пробыть в Ленинграде только 2 или 3 дня, по собственной инициативе настаивала на том, чтобы капитан по радио заказал для них места на представление оперы, которую они особенно хотели прослушать.

на граммофоны и даже на пианино членами сельских кооперативов, когда оказалось, что они располагают неожиданно большими доходами от своих колхозов; государственные фабрики выпускают сейчас граммофоны десятками тысяч.

Литература

В области литературного воспитания правительство может много сделать, издавая книги по общедоступным ценам, развивая сеть библиотек, которые делают книги доступными тем, кто не может их покупать, и поощряя авторов, пишущих хорошие книги. Советский коммунизм делает многое во всех этих областях. За последнее 10-летие продукция различных государственных издательств шла вверх большими скачками. Спрос на книги настолько велик, что фактически всякое издание оказывается немедленно распроданным. В 1932 г. число выпущенных названий достигло 55 тыс. с общим тиражом свыше 500 млн. экземпляров. Этот итог, даже учитывая различия в способе учета брошюр и т. п., вероятно, превосходит выпуск за тот же год всех издательств мира. Масса книг и брошюр, выбрасываемых на рынок для населения СССР, носит, естественно, разнообразный характер. Самый большой раздел сейчас составляют школьные и университетские учебники для 26 млн. учащихся всех возрастов; мы можем еще присоединить сюда инструктивные издания, поясняющие, как обслуживать различные виды машин. Эти издания запрашиваются сотнями тысяч рабочих. Другой большой раздел составляют речи политических вождей, издаваемые в виде дешевых брошюр; эти речи, преследующие чисто воспитательные цели, не зависящие от избирательной борьбы, не похожи по содержанию на речи государственных деятелей других стран. Сочинения корифеев русской литературы за последние 100 лет, от Пушкина до Толстого, так же как и современных романистов и поэтов, драматургов и юмористов, печатаются на основных языках СССР не в таком большом количестве экземпляров, хотя тираж подобных изданий значительно больше, чем в других странах. Наконец, следует упомянуть о больших изданиях переводов основных английских, немецких, французских и итальянских авторов, от Данте, Чосера, Шекспира, Вольтера, Бальзака, Флобера, Гете и Диккенса и до некоторых наиболее популярных современных романистов Англии и США. Этот ежегодный поток литературы выпускается по низким ценам от цента или пенса; фунт и более стоит великолепное собрание цветных репродукций лучших картин. Обычная цена—1 рубль за том. Значительную долю книг покупают бесчисленные библиотеки, возникшие во всех видах организаций, в профсоюзах, кооперативах, комсомоле, армии, спор-

тивных обществах, школах, институтах и клубах. На территории СССР в 1935 г. существовало, пожалуй, свыше 50 тысяч таких библиотек, больших и малых, причем почти все они располагают фондами для постоянного пополнения¹.

Станет ли все население СССР «культурным» в западном смысле этого слова или нет, но очевидно, что русские постепенно становятся читающим народом. Каждый мальчик и каждая девочка, каждый рабочий и служащий, можно, пожалуй, сказать, каждый крестьянин моложе 30 лет, повидимому, является всепоглощающим читателем. Не без основания утверждают, что в СССР государственное издательство более могущественный фактор на службе общей культуры, чем университетская профессура и даже великая армия школьных учителей.

Отдых и развлечения

Не менее характерно, что забота о развлечениях, организация парков, носящих несколько странное название «Культуры и отдыха», и обслуживание домов отдыха, в которых рабочие могут провести свои отпуска, находятся в ведении наркомпросов республик. Все это, по существу, нужно включить в рубрику переделки человека, на которой советский коммунизм основывает новую цивилизацию. Под благодетельным покровительством наркомпросов находятся бесчисленные рабочие клубы на фабриках и в совхозах; растут организации для разных видов социального общения в наиболее успевающих колхозах; создаются «красные уголки» на фабриках или в институтах или на борту корабля, часто хорошо разработанная организация развлечений для разных категорий посетителей в парках больших городов² демонстрирует способности общественных организаций, более свободных и бесконтрольных, чем

¹ Мы располагаем статистикой только по крупным библиотекам, с числом томов свыше 80 тыс. Количество этих библиотек с 1917 г. выросло с 29 до 111. В этот список входят некоторые заводские библиотеки. В библиотеке автозавода им. Молотова в Горьком имеется 113 тыс. томов и 18 тыс. зарегистрированных читателей. На Сталинградском тракторном заводе 2 библиотеки: одна общей литературы с 86 тыс. томов и другая научная и техническая с 116 тыс. томов. В институте механизации сельского хозяйства на Северном Кавказе—82 тыс. томов («Москау дейли ньюз» 15 апреля 1935).

² Эта организация часто разумна до мелочей. В городских парках и садах устроены открытые навесы, служащие убежищем от дождя; это широкие площадки с крышей, открытые с одной или нескольких сторон и обставленные маленькими столиками и множеством стульев. Во многих из них можно найти женщину за стойкой, заваленной очередными номерами газет и журналов и небольшим собранием популярных книг. Всем этим можно пользоваться бесплатно; получающий оставляет взамен свой профсоюзный или партийный билет, который ему отдают, когда он возвращает взятое для чтения.

полагают иностранцы; большинство бывших царских дворцов, особняков и дач бывших капиталистов переделаны в дома отдыха для рабочих и служащих, причем управление ими и распределение железнодорожных билетов осталось в руках комитетов отдельных профсоюзов. Заслуживает внимания, что, хотя водку в бутылках можно купить в специальных правительственных лавках, только для этого устроенных (обычно заклеенных правительственными плакатами, призывающими не пить), но, по общепринятому правилу, никаких алкогольных напитков нельзя получить ни в рабочем клубе или доме отдыха, ни в театре или концертном зале, ни на железнодорожной станции, ни в общественной столовой.

Понятие культуры

Совершаем ли мы какую-нибудь неточность, называя все эти организационные формы народного отдыха, так же как и отдыха, проводимого в школах и университетах, распространением народной культуры? Могут сказать, что это равносильно приданию слову «культура» нового значения, не соответствующего обычному употреблению этого слова в Англии. Нужно откровенно сознаться, что в СССР сейчас мало того сорта культуры, которую признают в залах Оксфорда и Кембриджа или в артистических кружках Блумсбери и Чэльси; еще меньше можно ожидать признания или поощрения ее со стороны правительства¹. Стоит рассмотреть различные смыслы этого слова.

¹ Кажется, в начальной и средней школе СССР нигде не преподают греческого и латинского языка, хотя немецкий и английский изучают обычно во всех семилетках и десятилетках, даже в деревнях. В некоторых из 800 институтов, академий и исследовательских институтов университетского типа изучаются с практической целью многие из новых иностранных языков. Занимающиеся антропологией, археологией или филологией изучают греческий и латинский, санскрит и древнееврейский. Философия преподается только в Коммунистической академии, предназначенной для высшего образования членов партии, и то только с целью опровергнуть критиков Маркса; почти нет изложения или критики средневековых или современных трудов по философии, теологии и метафизике. Вообще, чисто «книжная» культура определенно не одобряется. Мы не беремся судить о возможном ущербе в результате этого всеобъемлющего «позитивизма», как его назвал бы Огюст Конт. Некоторые из крупнейших публичных библиотек стараются поддержать свои коллекции на современном уровне, выписывая из других стран новейшие работы по философии. Институт Маркса—Энгельса—Ленина в Москве обязательно получает все касающееся марксизма, на каком бы языке это ни было опубликовано. Мы уже упоминали, что в 1934 г. было решено ввести в университетах курсы истории. С октября 1934 г. десятки профессоров читают курсы лекций по истории различных народов мира, часто иллюстрируя их описаниями социальных учреждений этих стран и очерками их литературы.

И в стране советского коммунизма и в Англии «избранные» слои интеллигенции подчеркивают в понятии культуры идею самоусовершенствования и саморазвития. И здесь и там сходятся в вопросе о важности физической культуры как элемента хорошей жизни. И здесь и там считают на основании интуиции или опираясь на научно обоснованные выводы психологии, что как метод физической культуры игры на воздухе или горный спорт стоят выше, чем самые лучшие виды гимнастики или формально упорядоченных упражнений. Но советский коммунизм избегает ошибки, обычно совершаемой в Англии, где культура понимается не как знание всего лучшего на свете и не как компетентная оценка вселенной, в которой мы живем, но как нечто по существу или по крайней мере в преобладающей степени «книжное» по своей природе. Или если это культура и не исключительно книжная, то она в основном касается избранных видов деятельности, как музыка, живопись или литература; или же она состоит в коллекционировании вещей, считаемых прекрасными. Кроме того английское понимание культуры, повидимому, тесно связано с отсутствием какой бы то ни было полезности культурной жизни, за исключением того, что самое развитие культуры может считаться полезным. В Англии адепт культуры бывает доволен тем, что его усилия повысить или развить собственную культуру не имеют никакого практического применения к делу преобразования мира; советские коммунисты считают подобное настроение смешным самодовольством. Эти различия в воззрениях на культуру приводят к более серьезным контрастам. Будет ли несправедливым утверждение, что английские адепты культуры не только считают неизбежным исключение масс из «золотого царства», в котором они сами находят столько высокого наслаждения, но даже втайне радуются своему исключительному обладанию тем, к чему не приобщена обыкновенная людская толпа? И не в этом ли лежит объяснение той утонченной надменности, которая в форме известной скрытой снисходительности к широким слоям народа наблюдается даже у наиболее любезных людей этой высшей породы? В том смысле, который придает понятию культуры советский коммунизм, нет представления о неизбежной исключительности, приятной обособленности или сознания своего превосходства. Во всяком случае, политика советского правительства совершенно не похожа в этом смысле на политику любого другого правительства в мире и определено стремится к тому, чтобы культура стала не обязательно одинаковой или равной для всех, но по-настоящему всеобщей; чтобы ни одно из средств повышения культур-

¹ Напрасно Метью Арнольд цитировал культурным кругам своего времени слова Менандра. Разве они не отказывались наотрез «избрать равенство» в вопросах культуры?

ности жизни взрослого или стимулирования развития юноши или пробуждения способностей ребенка не было утаено и в нем не было отказано любому жителю СССР; чтобы, по мере того как это будет позволять рост материального благополучия, эти средства предоставлялись для использования в распоряжение, буквально, каждого в соответствии с его индивидуальными способностями. Коммунисты убеждены, что настойчивое самопожертвование со стороны старшего поколения дает возможность поднять на более высокий уровень культуры все подрастающее поколение СССР. Найдутся люди, которые в самом этом убеждении и в тех напряженных усилиях, которые оно вдохновляет, увидят истинные признаки культуры в лучшем смысле этого слова.

Цивилизация народа в целом

Именно в универсализме мы усматриваем наиболее характерную из всех тенденций систему образования Советского Союза, будем ли мы говорить о молодежи или о стариках, о больших городах или об отсталых народностях, будем ли обращать внимание на физическое здоровье или техническую подготовку, на материальное производство или на всеобщее участие в государственных делах, на музыку или на драму. Правительство СССР более, чем какое-либо другое, заботится о молодежи. «Руководящая идея советской республики состоит в том, что детям нужно оказывать предпочтение во всем, от пищи и одежды до менее вещественных благ. Объяснение этой сознательной установки совсем не сентиментально. Коммунизм— это мессианская доктрина, живущая будущим и основывающаяся свои действия на предвидении. Он стремится сделать основой величия первой в мире социалистической республики детское поколение, которое умственно и физически будет стоять выше взрослого поколения наших дней»¹. В воспитании, более чем в какой-нибудь другой области, советский коммунизм начал новую главу в мировой истории. Никогда ранее не была произведена настоящая попытка сделать достаточно полное воспитание и образование, всеобщим. Еще в начале советского эксперимента, в 1921 г., в книге, которая привлекла слишком мало внимания в Англии², было отмечено, что политика СССР в этой области не имеет прецедента. В течение веков во всех странах «привилегированный, правящий класс никогда серьезно не хотел дать детям рабочих физического труда те возможности, какими пользуются его собственные дети. Даже передовые либералы

¹ Г. Брейлсфорд, Русская рабочая республика, 1921, стр. 76.

² Там же, стр. 74—75.

современной Англии, излагая свои идеи, употребляют выражение «лестница образования», подразумевая под этим систему, помогающую наиболее способным детям рабочих вскарабкаться выше своего класса. Что бы ни планировали, что бы ни проповедовали немногочисленные идеалисты, серьезно никто не стремится воспитать всю массу детей рабочего класса в соответствии с требованиями высшей культуры нашего времени. «По моему мнению,—писал м-р Брейлсфорд в 1921 г.,—самое замечательное в России это то, что социалистическая революция немедленно и инстинктивно приступила к осуществлению идеала всеобщего образования, идеала, который во всей остальной Европе извращен классовыми интересами и предрассудками. каждый справедливый наблюдатель отдавал должное усилиям большевиков послать в школу неграмотный народ. Но замыслы их гораздо смелее. Они намерены создать для каждого русского ребенка условия, которые дали бы ему возможность неограниченно развивать физические и умственные способности в возрасте от младенчества до юности. Они хотят, чтобы дети самых бедных русских рабочих не были лишены ни одного из удобств, ни одного из удовольствий, ни одного из стимулов, которые развивают способности ребенка в европейской культурной семье среднего класса. Они убеждены, что ценой огромного самопожертвования все подрастающее поколение России можно будет поднять на высокий культурный уровень». М-р Брейлсфорд не забыл отметить, что коммунистам придется преодолеть много трудностей. «Они не сразу,—писал он,—осуществят свой замысел. Им мешает бедность. Они страдают от недостатка в учителях, которые разделяли бы их воззрения. Пройдет много лет, прежде чем примитивная, заброшенная русская деревня сможет усвоить хотя бы самые начатки цивилизации. Но одного они достигли. Они сломали преграды, которые классовая принадлежность и бедность воздвигли против образования»¹. Мы подчеркиваем мысль м-ра Брейлсфорда, что истинное значение советского коммунизма заключается в его концепции цивилизации для нации в целом. «До сих пор Европа не имела культурных народов, но только несколько относительно культурных классов»².

Недостатки образования

Цель и идеалы могут быть выше всех похвал, но достижения плачевны. Как ни велики успехи во всех отраслях образования в СССР, но недостатки и сейчас еще (1935) огромны. Из колоссальной программы, развернутой перед нацией, ни один

¹ Г. Н. Брейлсфорд, *Русская рабочая республика*, 1921, стр. 74—75.

² Там же, стр. 198.

пункт, пожалуй, не был выполнен целиком. 22 млн. детей посещают школы, но почти нигде ни в городе, ни в деревне, нет достаточного числа школьных зданий, чтобы вместить их. Новейшие постройки превосходны, но фактически во всех городах и в некоторых крупных селах дети вынуждены учиться в 2 смены, а иногда даже в 3 смены, растягивающиеся на целый день¹. Сейчас еще не хватает учителей, чтобы уменьшить все классы, не то что до максимума в 25 учеников, как того требует декрет 1918 г., но даже до максимума в 50. Из полумиллиона учителей, вероятно, только около половины имеют хотя бы скудную педагогическую квалификацию. В ближайшие два-три года можно будет превратить четырехлетки в семилетки по всему СССР, как это уже сделано на Украине, и даже соответственно увеличить штаты учителей. Но долго еще не будет возможности найти подготовленного и квалифицированного учителя для каждой деревушки и села от Балтики до Тихого океана. В высших школах и институтах профессора жалуются, что основная масса студентов приходит учиться с недостаточной подготовкой по предметам, которые должны проходиться в средней школе. Студентам приходится проводить значительную часть лет, отведенных для специальной подготовки, на восполнение этих пробелов. Обучение учителей особенно страдает от такой недостаточной подготовки. Пятилетний курс слишком короток, чтобы полностью вооружить знаниями врача или инженера, а исследовательского работника и подавно. Спрос на техников всех категорий так велик, что студентов рвут прямо со школьной скамьи и дают им ответственные назначения задолго до того, как они готовы к выполнению таких задач. Доказательством подвижности и способностей этого народа и всеобщего рвения и преданности обществу могут служить замечательные успехи, которых удается достигнуть этим незрелым, недостаточно подготовленным юношам и девушкам. Но никто не знает лучше самих наркомов и академиков, насколько велика еще нужда в улучшении дела и какой долгий путь еще предстоит Советскому Союзу. Если принять во внимание грандиозность задач и высоту идеалов, то сказанное едва ли можно считать неблагоприятной критикой.

Рассматривая всю цепь социальных организаций СССР и принимая во внимание также организацию производительных

¹ В 1934 г. в Москве, несмотря на то, что за последние 5 лет было открыто 100 новых школ, все школы (числом около 500) работают в 2 смены, за исключением 35, которые работают в 3 смены; в школах десятилетках (от 8 до 17 лет включительно) посещение школы после 15 лет необязательно по закону. В деревнях школы размещаются самым разнообразным способом—в большой избе, изредка в закрытой церкви и, в последнее время все чаще, в новом здании, часто выстроенном бесплатно рабочими соседнего завода, шефствующими над этой деревенской школой.

сил, описанную нами в двух предыдущих главах, мы чувствуем искушение высказать одно существенное критическое замечание. Каковы бы ни были достижения советского коммунизма, но он немного сделал для того, чтобы жизнь была красивой. Но как можно требовать, чтобы это было сделано за период менее двух десятилетий? «Мы нищий, некультурный народ,—говорил Ленин в 1921 г.,—мы, можно сказать, еще не сбросили полуазиатской культурной отсталости... Мы—люди (как бы это выразиться помягче?) ,вроде того, как бы полудикие...»¹ Это безобразие русской жизни—результат не коммунизма, но предшествующих столетий царизма. Тем не менее приходится признать, что за исключением великолепных набережных Невы и Красной площади в Москве широкие просторы евразийской равнины все еще почти совершенно лишены как красоты, так и удобств, и располагают тем и другим в немного большей степени, чем царская Россия. Все же и здесь наблюдается определенный прогресс: новейшие здания в Москве и Харькове, новый метрополитен и многое другое². И столь внушительные достигнутые успехи, а атмосфера надежд столь заразительна, что наблюдатель уезжает наполовину готовый поверить, что в свое время будет достигнута даже красота, наравне с комфортом.

Переделка окружающего

Мы видели, как сильно советский коммунизм в своих различных социальных организациях для переделки человека рассчитывает на развитие тела и духа, способностей и характера отдельного ребенка, подростка мужчины или женщины, обслуживая их как граждан, производственников, потребителей и даже как политических руководителей. Преследуя цель максимального развития каждого человека, всевозможные социальные организации Советского Союза стремятся вырастить здоровых членов общества, вооружить каждого образованием и культурой и гарантировать им в любом возрасте и при всех превратностях жизни тот уровень социальной обеспеченности, при котором только и возможно непрерывное индивидуальное развитие³. Но недостаточно в одной или во всех этих областях

¹ На II Всероссийском съезде политпросветов в 1921 г. Цитировано Эпштейном, заместителем наркома просвещения РСФСР, в статье «Борьба за культурное развитие», в книге «Школа в СССР», ВОКС, Москва 1932, стр. 30. Цитата не соответствует точно тексту Ленина, см. Собрание сочинений, т. XXI. 48.—*Ред.*

² С архитектурной точки зрения три самые лучшие из последних построек зданий это, пожалуй, мавзолей Ленина—работы Щусева, Дом промышленности в Харькове—работы Серафино и великолепный санаторий для ревматиков в Одессе.

³ Н. М. Шверник, секретарь ВЦСПС, Приветствие иностранным делегатам 1933, стр. 17—18.

иметь дело только с индивидуумом. Человек в обществе, если не целиком, то в немалой степени зависит от внешней среды, в которой он живет и движется. Для успешного подъема народов СССР на высшие ступени цивилизации важно, чтобы обстановка, в которой им приходится жить и от влияния которой в прошлом зависело в значительной степени их приниженное состояние, сама тоже подверглась переделке.

В прошлом правительства редко задумывались над сознательной переделкой обстановки жизни своих граждан. Эта задача даже в учебниках политических наук в XX в. на Западе не ставится как одна из задач правительства. Однако как можно улучшить человечество или даже как-нибудь изменить его, не изменяя окружающего? В своей политике переделки человека советское правительство, естественно, уделяет много места мерам преобразования окружающего как для живущих в городах, так и для жителей сельских мест. Сюда относится ряд колоссальных проектов, многие из которых уже по мере возможности из года в год частично осуществляются. Здесь, с одной стороны, гигантские проекты искусственного орошения, чтобы задержать наступление пустыни на обработанные земли и, с другой стороны, осушка огромных земель, ныне покрытых болотами и топиями; здесь и планы полной электрификации всего СССР и сооружение непрерывной сети дорог и судоходных водных путей на его обширной равнине. Мы вынуждены остановиться здесь на одной важной стороне переделки окружающего, а именно, на вопросе о зданиях, в которых 170 млн. жителей СССР проводят большую часть суток. Мы рассмотрим также транспортные и коммунальные организации, обслуживающие эти здания и их жильцов как в многочисленных деревнях, так и в особенности в быстро растущих, густо населенных городах.

Жилищное дело

Одним из парадоксов социальной статистики всех стран является то, что самые большие успехи социальной организации становятся предметом самых ожесточенных нареканий. Так обстоит дело с жилищным вопросом в Советском Союзе. Жилищные условия массы народа в промышленных центрах царской России, а также в деревнях были так ужасающе плохи, а рост городского населения за последнее десятилетие был так стремителен, что самые напряженные усилия по созданию новых жилищ до сих пор едва поспевали за все растущей нуждой. Вот почему, несмотря на действительно большие достижения, советский коммунизм обвиняют в том, что жилищные условия населения все еще представляют темное пятно на общей картине развития.

Нельзя составить никакого разумного заключения относительно тенденций жилищного дела, не усвоив, каково было положение до революции. Сейчас мы обычно определяем размеры перенаселенности, подсчитывая, сколько человек вынуждено жить в одной комнате. Но в промышленных районах царской России больше половины фабричных рабочих совсем не имели комнат. «По данным специального обследования, проведенного в С.-Петербурге в 1908 г., только у 40% рабочих-текстильщиков были отдельные комнаты. Остальные ютились в переполненных казармах, где они занимали отдельные койки. В среднем на рабочую семью приходилось всего 3 м² площади. И это было в Петербурге, где жилищные условия рабочих были сравнительно лучше, чем в других местах». Это ужасное перенаселение не вызывалось только городскими условиями. В 1920 г. англичанин, первый иностранец за 6 лет, попал на «фабрику в лесу», в 20 милях от маленького города Владимира, где капиталист построил хлопчатобумажную фабрику, чтобы воспользоваться выгодами невероятно низкого уровня заработной платы крестьян. «До революции здесь не разрешалось существование профсоюза. Все виды объединения рабочих, даже для обучения или развлечений, были запрещены. Я видел,—продолжает этот наблюдатель,—огромные казармы, в которых они жили. Каждой семье жилищем служила узкая, хотя и высокая камера (это нельзя назвать комнатой), освещенная крохотным окном в стене, высоко вверх. Часто на такую камеру приходилось 7—8 пар легких, на каждого человека приходилось 7 куб. футов. Фабрика хорошо освещалась электричеством, но в бараках не было искусственного освещения и санитарные условия были неопишутельны». В горнопромышленных районах дело обстояло не лучше. «На асбестовых рудниках, на Урале,—рассказывает канадский специалист о своих первых впечатлениях,—я видел рабочих, живущих в большинстве в тех условиях, которые существовали, когда рудники были частной собственностью. Большинство жило в больших деревянных домах, состоящих обычно из одной огромной комнаты, либо неперегороженной, либо разделенной легкими занавесками. Целое семейство—муж, жена и дети—располагало площадью, примерно, 6 фут. на 12, на которой нужно было жить, спать и готовить. Постелями служили доски, прикрытые кучей тряпок. Рабочие почти никогда не раздевались. Не было и помину об уборных или подобных удобствах. Мы видели несколько семейств, живших в землянках, другие жили в хижинах, половина которых мало отличалась от простых ям в земле, грубо прикрытых сверху»¹.

¹ Г. Н. Брейлсфорд, Русская рабочая республика, 1921, стр. 12—13.

² В. А. Рюкейзер, Работа у Советов, 1932, стр. 152.

В течение первого десятилетия после взятия власти большевиками, несмотря на многочисленные планы и сооружение некоторого количества новых домов, советское правительство не находило ни времени, ни сил, чтобы добиться существенных успехов в жилищном деле ни в старых, ни в новых городах, ни на рудниках, ни в деревнях. Однако после составления первого пятилетнего плана во всех областях произошел резкий сдвиг. Общее количество вновь построенных зданий за последние семь лет (1928—1934) непрерывно росло из года в год, причем значительная часть материалов и рабочей силы выделялась на создание новых жилищ для быстрорастущего населения городов, нефтяных промыслов и рудничных районов. В то же время в сельском хозяйстве каждый совхоз и многие из более зажиточных колхозов, как коммуны, так и артели, сооружали сельскохозяйственные строения и жилища для части работающих. Трудно найти поддающиеся сравнению статистические данные, но, повидимому, по объему государственного коммунального, сельсоветского и кооперативного строительства за последние 7 лет (1927—1934) СССР сделал больше, чем любая другая страна. С апреля по октябрь ни днем, ни ночью не прекращается стройка (1932—1935) в городах СССР.

Планирование городов

Каковы наиболее заметные тенденции в этой большой работе по созданию новых домов для населения, занимающего территорию от Балтики до Тихого океана? Прежде всего отметим, как много пришлось продумать и предусмотреть в этом деле в связи с принципом широкого планирования городов. Во многих случаях обращает на себя внимание поспешность и как ее следствие—недостатки в выполнении строительных работ и в оборудовании новых жилищ. В постройке новых домов определенно не было монополии. Нужда была до того огромной, что многочисленным организациям не только разрешали, но даже навязывали участие в постройке жилищ любых размеров и любого стиля. Наконец, оказалось, что, несмотря на господствовавшие в некоторых кругах различные утопические идеи о жизни в коммунах, требования публики вынудили к созданию в основном отдельных квартир из нескольких комнат и часто с отдельной кухней. Обычно в этих квартирах у живущих рядом семейств было не больше помещений и служб общего пользования, чем в обычных условиях в Западной Европе в последние десятилетия.

Рассмотрим эти основные тенденции более подробно.

В постройке домов, как и во многих других областях деятельности советского коммунизма, наблюдается характерная трата бесконечного количества времени и умственных сил на

разработку наилучшего плана. Планирование новых городов и реконструкция старых представляют в СССР не фантазию филантропов или архитекторов-утопистов, но общепризнанную составную часть искусства управления, привлекающую внимание государственных деятелей и служащих, архитекторов и строителей, а также широкой публики; этой цели служат обширные специальные музеи, исследовательские институты и организация периодических выставок с исключительно выразительными картами и диаграммами, поясняющими, как лучше всего нужно переделать и расширить каждый город. Расширение таких городов, как Москва и Ленинград, в ближайшие 20—30 лет всесторонне изучено и очерчено графически с учетом наиболее удобных мест для расположения новых заводов, количества потребных новых жилищ, средств связи и транспорта, водоснабжения и электроснабжения, удаления дождевой воды, канализации и очистки от мусора, ухода за площадями и сооружения стадионов, необходимого числа школ и зданий для высших школ, госпиталей и клиник, бань, пожарных депо и всякого рода общественных зданий. Как сообщают, соответствующая организация в Харькове под названием Гиперград, институт для изучения развития и расширения существующих городов, насчитывает 1 100 сотрудников, не менее 900 из которых специалисты-архитекторы или инженеры-строители; этот институт разработал во всех подробностях будущее развитие города, население которого неуклонно приближается к миллиону. На Днепрострое, где величайшая в мире гидростанция снабжает энергией быстро растущий заводский комбинат, официальные представители центра, местные власти и различные промышленные организации затратили 3 года на планировку во всех деталях; они учли при этом, что в течение предстоящих 30 лет городское население возрастет на 1 млн. человек. По плану это будет центр административной и общественной жизни, окруженный 6 отдельными, самостоятельными городами, свободными от недостатков пригородов. Самый поразительный пример планирования городов показывают новые города, как Магнитогорск, и такие перепланировки, как в Челябинске. Несомненно, во всех этих тщательных программах будущих действий бывают ошибки и непредвиденные случайности. Но трудно поверить, чтобы сознательное планирование не было лучше, чем предоставление всего на волю случайного, индивидуального решения в последний момент. Западные архитекторы считают, что с этой стороной проблемы создания жилища в СССР справляются умело. Приведем восторженные выводы английского специалиста. «Планирование городов,—говорит он,—планирование крупных центров, районное планирование—все выполнено хорошо. Предусмотрено все: энергия для заводов,

удобный подвоз сырья к заводам и вывоз готовой продукции с них. Новые города распланированы и охвачены зелеными поясами, что считается самым лучшим и современным способом. Предусмотрены эстетические требования, требования здоровья и возможностей отдыха, посадка деревьев, постройка красивых кино и театров, достаточных размеров больниц и школ. Все хорошо и мудро распланировано»¹.

К сожалению, тщательное планирование будущего не сопровождается, поскольку речь идет о строительстве, столь же высоким качеством выполнения. И это характерно для нынешнего положения советского коммунизма. Большая работа по сооружению новых домов в городах и промышленных районах за последние 7 лет проделана очень поспешно, преимущественно крестьянской молодежью, очень плохо обученной строительному делу. Эта спешка определялась «большевистскими темпами», сознательно принятыми в тяжелой промышленности; они объясняются желанием сделать СССР независимым в смысле снабжения раньше, чем капиталистические державы затеют постоянно ожидаемое нападение (или блокаду или эмбарго). Справедливы были или нет эти опасения, но вызванное ими ускорение темпов оказало вредное влияние на непрестанную стройку 1928—1934 гг. Во многих случаях сотни тысяч новых квартир оказались отделанными много хуже, чем следует по западным понятиям о качестве. Внимательный посетитель встречается с бесконечными жалобами на течи в крышах, на окна, которые не хотят ни открываться, ни закрываться, на покоробленные двери, на полы, разрушаемые древесными паразитами, на плохие водопроводы; он слышит жалобы на то, что здания подолгу остаются без водопровода и канализации, без надлежащего освещения или отопления. Но какие бы недостатки ни были у новых зданий с точки зрения Вены или Амстердама или по сравнению с лучшим, что могут показать Англия или Америка, эти дома все же, очевидно, лучше, чем переполненные хижины, которые они заменили. Откровенные замечания английского архитектора, которого мы уже цитировали, по меньшей мере поучительны. В 1932 г. м-р Кло Вильямс Эллис писал о СССР: «Насколько их новые промышленные города неизмеримо лучше по планировке и общим принципам, настолько наши отдельные здания неизмеримо лучше по отделке и качеству работы. Тут мы подходим к тому, что делает Россию столь интересной. В сфере моей деятельности передо мной возникает вопрос: что

¹ Кло Вильямс Эллис, Поездка в Россию, в «Манчестер гардиан коммершел», 15 октября 1932, стр. 11; подтверждение можно найти в информационной статье *Джозефи Ридли*, Архитектура и планирование городов, в книге «12 очерков о Советской России», под ред. М. И. Коол, 1933, стр. 109—124.

лучше? Сделать неправильную вещь хорошо или правильную вещь плохо? Ваш ответ будет зависеть, как и ваш ответ на русскую проблему вообще, от того, считаете ли вы более важным настоящее или будущее. Русские ошибки в строительстве городских домов поправимы. Придется поставить в этих домах новые двери и окна, сделать новые полы. Когда-нибудь в каком-нибудь, не очень далеком, пятилетнем плане русским придется пересмотреть некоторые свои легкомысленные взгляды на водопроводное дело. Делать все это будет очень неприятно. Но если только Россия и современные русские воззрения не изменятся в ближайшие 20 лет, все это будет сделано. А как обстоит дело с нашими ошибками? Для наших ошибок нужен динамит. Из наших ванн вода спускается, наши окна открываются и закрываются, но улицы наши проложены неправильно, наши фабрики и наши дома стоят не на месте, мы испортили наши реки и даже наши прекрасные новые дороги. И если только нынешние английские воззрения не изменятся радикально в ближайшие 20 лет, мы не сможем исправить эти ошибки¹.

Число и разнообразие организаций, призванных помогать в работе по созданию новых жилищ, таковы, что можно запутаться. Правительство СССР само указало путь, неоднократно требуя постоянного внимания к жилищным нуждам и построив само почти повсюду не только новые учреждения, но также огромные многоквартирные корпуса в Москве для своих служащих. Сотни городских советов в больших и малых городах постоянно побуждались строить и квартирные корпуса и маленькие дома для растущего городского населения. Многие производственные организации, правительственные предприятия, именуемые трестами, возводили более или менее обширные корпуса с квартирами для своих служащих и рабочих. То же делало и большинство крупных фабрик в порядке текущих годовых расходов, часто по настоянию профсоюзов и уступая требованиям при ежегодном заключении коллективных договоров, которые, как мы уже описывали, проводятся так активно в первые месяцы каждого года.

Особые усилия были потрачены на улучшение жилищных условий таких районов, как Донбасс и Бакинские нефтяные промыслы, в целях борьбы с причиняющей много хлопот тенденцией рабочих разбегаться. Во всех новых промышленных пригородах старых городов (например, в Горьком, Сталинграде и Харькове) и при создании новых городов (как на Днепро-строе и в Магнитогорске) постройку жилищ для рабочих приходилось по необходимости начинать одновременно с сооруже-

¹ Кло Вильямс Эллис, Поездка в Россию, в «Манчестер гардиан комершел», 15 октября 1932, стр. 11.

нием заводов, чтобы можно было вербовать новых рабочих. Но вся эта обширная и разносторонняя деятельность в сотнях различных центров, работа центральной и местных властей, промышленных трестов и отдельных фабрик, профсоюзов и потребительской кооперации не могла побороть постоянную нехватку жилищной площади. В Москве и Ленинграде, а в меньшей степени в некоторых других городах правительство поощряло жилищно-строительные кооперативы, строящие дома для своих членов, отводило этим кооперативам участки и предоставляло им кредиты. В некоторых случаях отдельные владельцы получали разрешение и даже поддержку для расширения зданий, которые сами занимали. Как это часто бывает в СССР с его основным принципом многообразия, в обширном деле жилищного строительства не возникало мысли об едином предпринимателе, об едином регулирующем или исполнительном органе. Воспрещена только деятельность строительного подрядчика, работающего ради прибыли и использующего наемный труд, воспрещена также частная спекуляция квартирами.

Правительство СССР не претендовало на какую-либо монополию в выполнении этой политики. Конечно, работа, предпринятая каким-либо органом или идущая под его наблюдением в любой части СССР, должна доводиться до сведения Госплана для включения в генеральный план. Сумма предполагаемых расходов, соответственно, каждый год должна утверждаться ЦИК СССР.

Основные законы о жилищном строительстве издаются ЦИК и утверждаются Всесоюзным съездом советов. Ответственность за обеспечение достаточного числа жилищ для всего населения ложится прежде всего на союзные и автономные республики, а также на местные советы; руководство строительством лежит обыкновенно на специальных административных комиссиях, а надзор в основном — на наркомздравах и наркомхозах.

В разные эпохи после революции были попытки организации общих жилищ, когда группы студентов или других неженатых лиц, а иногда и семьи объединялись вместе, отказываясь от раздельного ведения хозяйства, отдельных кухонь и даже отдельного питания. Были лица, которые рассчитывали, что придет время, когда семья перестанет быть единицей, к которой приспосаблиется жилищное строительство. Некоторые новые здания, построенные для больших промышленных предприятий, как например, автозавод им. Молотова в Горьком, были спланированы в виде коммун. Но скоро обнаружилось, что такое устройство не нравится массе рабочих и их женам, и строители вернулись к семье, как единице, на которую рассчитано жилище. За последние годы все вновь сооружаемые здания разделены на квартиры в 2—3 или 4 комнаты; в каждой квартире обычно

имеется собственная кухня, а также собственный кран водопровода, ванна и уборная, хотя встречается совместное пользование ими двух или трех смежных маленьких квартир. Общие организации для всех обитателей корпуса—это иногда ясли и детплощадки, реже—палатка местного кооператива. Иногда часть первого этажа используется для местных учреждений, как например, районная аптека или консультация местного отдела здравоохранения. По нашему мнению, однако, здесь нигде нет такого большого числа общих помещений, как например, в новейших квартирных корпусах венского муниципалитета или совета Лондонского графства; обычно их даже, видимо, меньше. При таком разнообразии деятельности столь многочисленных властей, занятых постройкой домов для рабочих, невозможно добиться определенных статистических данных об общем количестве действительно построенных зданий¹. Мы приведем заявления, касающиеся двух периодов: 1926—1930 и 1931—1934 гг. «Достаточно указать, что в новое жилищное строительство за последние 5 лет,—докладывал Л. М. Каганович в 1931 г.,—было вложено по всему СССР свыше 3½ млрд. руб. и выстроено около 30 млн. м² жилплощади. Вселено в эти новые жилища до 1931 г. около 1 млн. рабочих семей, а в одном 1931 г. будет вселено 600 тыс. рабочих семей... При всей недостаточности этого строительства для удовлетворения растущих потребностей рабочих и трудящихся масс, пусть буржуазные клеветники найдут хоть одну страну в Европе, где бы таким широким фронтом разворачивалось жилищное строительство за последние 5 лет. За эти годы произведена перестройка ряда городов, как Баку, Грозный, Сталинград, Новосибирск, Н.-Новгород и т. д. Больше того, мы уже имеем целый ряд городов, заново построенных, как Магнитогорск, Днепрострой, Кузнецк, Дзержинск и др.»².

«За отчетный период (1931—1934 гг.),—докладывал наркомхоз РСФСР,—в жилищное и коммунальное строительство была вложена огромная сумма—6 300 млн. рублей. За это время выстроено свыше 19 млн. м² новой жилой площади... В Москве с 1931 по 1934 г. вновь построено более 1 млн. м² новых жилищ. Ленинград выстроил 2 200 тыс. м².

¹ Сравнение с другими странами затруднено различием в способе подсчета. В Англии мы считаем по числу комнат, тогда как в СССР меряют числом квадратных метров площади пола или жилой площади.

Английская квартира из трех комнат, пригодная не более, чем для 6 лиц всех возрастов, в корпусе рабочих квартир, обычно имеет площадь пола в 30 или 40 кв. ярдов, или, как сказали бы русские—жилую площадь в 27—36 м².

² Л. М. Каганович, За социалистическую реконструкцию Москвы и других городов СССР, 1931, стр. 9, 62 (Л. М. Каганович, За социалистическую реконструкцию Москвы и городов СССР, ОГИЗ, 1931, стр. 5).

Широко развернулось жилищное строительство на Урале и в Западной Сибири. Города и новостройки этих районов получили 4 700 тыс. m^2 жилой площади...». Особенно замечателен тот факт, что до революции в Тверском текстильном районе на 1 человека приходилось до 2,5 m^2 жилплощади, тогда как сейчас в Калинин приходится от 5 до 6 m^2 .¹ Такого размаха рабочего жилищного строительства не знает ни одна буржуазно-капиталистическая страна... Мы должны в то же время со всей большевистской прямоотой сказать, что выстроенное количество площади нас не удовлетворяет... В 1933 г. в городах РСФСР находилось в стройке 9,7 млн. m^2 жилой площади. Между тем на 1 января 1934 г. в эксплуатацию было сдано только около 5 млн. m^2 ... В 1934 г. картина немногим лучше. В течение первых 11 месяцев план жилстроительства выполнен исполкомами на 78,5%, жилкооперативами—на 85% и т. д. Более успешно идет дело в западном районе Башкирии и Казахстане, хуже—в Свердловске, Челябинске и на Дальнем Востоке. Абсолютно недопустимо положение в Иванове, где за 8 месяцев было сдано в эксплуатацию только 9 460 m^2 из общего плана 52 тыс. m^2 . В Ярославле на 1 октября было закончено 36 400 m^2 .

За последние годы строительная кооперация значительно выросла. Она охватывает в настоящее время до 400 тыс. чел... С 1931 г. построено и введено в эксплуатацию более 1 700 тыс. m^2 жилой площади. Кроме того жилищная кооперация смонтировала 578 тыс. m^2 стандартных домов. Остановившись на проблеме качества жилстроительства, Комаров далее отмечает: «Многое из того, что мы построили, не соответствует требованиям социалистической стройки и культурным запросам трудящихся... Эти недостатки являлись результатом упрощенческого подхода к делу проектирования, архитектурного оформления и внутренней планировки жилищ... В качестве примеров неудовлетворительной стройки можно указать рабочий поселок Горьковского автозавода... В Воронеже, прежде чем сдать дом в эксплуатацию, потребовались большие переделки, чтобы обеспечить прочность здания... Значительно вырос в городах РСФСР *жилищный фонд*. К началу 1934 г. общий размер его составляет, примерно, 132 млн. m^2 ... В области жилищного строительства перед нами стоят особенно большие задачи. XVII партсъезд постановил построить во второй пятилетке в Союзе 64 млн. m^2

¹ Здесь и далее изложение доклада т. Комарова, см. стенографический отчет XVI Всероссийского съезда советов, стр. 2—6. Имеются неточности в цифрах, так например, точный текст данного места следующий: «До революции на одного рабочего в быв. Твери приходилось менее 2½ m^2 площади, а теперь рабочий-текстильщик занимает в новых домах 5,6 m^2 . и даже больше на каждого члена семьи».—*Ред.*

жилой площади; на города РСФСР из них приходится, примерно, 40—45 млн. м² ¹.

Как бы ни старалась советская власть, но еще в течение многих лет она не сможет дать достойные жилища быстро растущему населению.

Коммунальные услуги

По своему влиянию на здоровье и характер не менее важны, чем достаточная жилищная площадь, различные коммунальные услуги, которые становятся необходимыми при скоплении зданий и людей в одном месте. В таких отраслях, как водоснабжение и канализация, устройство мостовых и освещения, средства транспорта, бани и другие услуги, необходимые для цивилизованной жизни в густо населенном городе, советское правительство уже переделало многие города РСФСР так, что их почти невозможно узнать. До революции эти виды коммунальных услуг если и существовали, то распространялись только на части города, заселенные богатыми людьми и чиновниками. Большей частью улицы были немощены или грубо вымощены булыжником; они почти совершенно не очищались и плохо освещались. Здесь произошли изменения более значительные, чем возможно зафиксировать статистически. В 1931 г. Каганович приводил следующие данные: «По данным 1911 г. из 1 063 населенных мест с количеством жителей свыше 10 тыс. только 219 (20,6%) имели водопроводы... и обслуживали почти исключительно центры городов. По переписи 1926 г. по СССР имелось уже 283 водопровода... Число водопроводов по СССР к 1931 г. возросло до 333... помимо того, что восстановили старые.

Канализация—вместо 19 городов до революции сейчас имеется в 32 городах... Помимо большого расширения трамвайной сети в городах, в которых существовал трамвай, за годы революции трамвай построен в 10 новых городах.

Электричество—до революции на территории РСФСР было в 61 городе, сейчас на территории РСФСР 393 города имеют электричество»².

¹ Доклад Н. П. Комарова, наркомхоза РСФСР на XVI Всероссийском съезде советов 18 января 1935 г., «Москау дейли ньюз», 20 января 1935 г. Общая сумма 132 млн. м², которая приводится как наличная площадь только в одних городах РСФСР, в Англии считалась бы пригодной для жилья, без незаконной перенаселенности, приблизительно для 3 млн. семейств, в среднем по 5 чел. в каждом, т. е. эта площадь значительно больше, чем выстроенная для сдачи в наем в городах Англии после мировой войны (XVI Всероссийский съезд Советов, стенографический отчет, стр. 72.— *Ред.*).

² Л. М. Каганович, За социалистическую реконструкцию Москвы и других городов СССР, 1931, стр. 62—63 (Л. М. Каганович, За социалистическую реконструкцию Москвы и других городов СССР, стр. 46.— *Ред.*).

В 1935 г. наркомхоз РСФСР (на территории которой живет около $\frac{1}{7}$ всего населения СССР) следующим образом излагал успехи коммунального хозяйства за время 1931—1934 гг.: «Капитальные вложения во все виды санитарно-технических сооружений за 4 последние года составили 660 млн. рублей. Новые водопроводы построены в городах: Дзержинске, Шахтах, Энгельсе, Лысьве, Алма-Ата, Фрунзе, Калинин и др. В таких крупнейших центрах, как Челябинск, Горький, Сталинград, Свердловск, Новосибирск, Пермь и Молотово и др., произведена коренная реконструкция водоснабжения... до революции московский водопровод давал 8,5 млн. ведер в сутки, а сейчас 45 млн. ведер¹. Канализация, бани, электроснабжение также сильно выросли. За время с 1931—1934 гг. в коммунальные электростанции вложено 166,7 млн. рублей. Введено 82 тыс. квт. новых мощностей... теплофикация и газоснабжение городов также развивались, особенно в Москве, где число присоединений возросло с 33 500 в 1931 г. до 50 500 в 1934 г. В 1933/34 г. вновь построены трамваи в 11 городах... Во второй пятилетке намечается проведение трамвая в 16 городах... Быстро развивается автобусное сообщение... До Октябрьской революции у нас совершенно не было автобусов... Еще в 1930 г. на территории РСФСР автобусы имелись в 36 городах, а теперь в 97 городах... Строительство нашего метро (в Москве), лучшего в мире, продолжается под наблюдением товарища Сталина, под непосредственным руководством МК партии и т. Кагановича. Ни одна страна в мире не знает таких темпов... В 1928 г. была заасфальтирована первая мостовая в Москве. К концу 1934 г. асфальто-бетоном было покрыто 1 900 тыс. m^2 улиц, площадей и проездов².

Оглядываясь на наше довольно длинное изложение шагов советского правительства в области переделки человека, мы видим широкое разнообразие мер, принятых для разрешения этой задачи. Но все это разнообразие организованных социальных услуг от рождения до смерти человека охватывает только относительно малую часть происходящего в СССР процесса переделки человека. Несмотря на их социальную полезность и на всю широту охвата, процессы эмансипации женщины и воспитания юношества, социальное страхование и планировка городов все же остаются только подсобными по своему влиянию на население по сравнению с организующим влиянием самой жизни. Критики этой деятельности не всегда понимают это. Однако каждый мужчина и каждая женщина, физически и умственно способные заниматься производительным трудом,

¹ XVI Всероссийский съезд советов, стенографический отчет, стр. 14. (Далее идет изложение доклада т. Комарова.—*Ред.*)

² Доклад Комарова на XVI Всероссийском съезде советов 18 января 1935 г., «Москау дейли ньюз», 20 января 1935.

обязательно подвергаются в течение всей своей жизни воспитательному, формирующему навыки действию условий работы. Для государственного деятеля в Советском Союзе продуктом фабрики или шахты, совхоза или нефтепромысла будут не только материальные блага, но также сами рабочие, формируемые работой. 40 тыс. рабочих и работниц Сталинградского тракторного завода, которых завод создал из необученных крестьян, начавших работать на его постройке, составляют такую же продукцию завода, как и изготовляемые им из стали тракторы¹. Эта переделка человека заводом, на котором он работает, не учитывается балансами и счетами прибылей и убытков, за которые цепляется западный экономист, но она непрестанно находится в сознании большевистских вождей и большевиков—директоров фабрик. Свистун, директор Харьковского тракторного завода, одного из наиболее успешных советских предприятий, отличается своим постоянным вниманием к тому влиянию, которое работа на заводе оказывает на жизнь и характер рабочих. «Мы делаем тракторы,—сказал Свистун в 1931 г. Луи Фишеру,—но я хочу также делать новых людей»².

«По словам Маркса,—заявляет квалифицированный слесарь,—рабочий класс, переделывая общество, должен переделывать самого себя. Этот процесс переделки происходит ежедневно; он порождает те образцы героического труда, которые хорошо известны пролетариату всех стран. Он создает ударные бригады и целые ударные цехи»³.

«Советская фабрика,—резюмирует Горький,—это школа социалистической культуры, а не капиталистический застенок»⁴.

Не только технические операции постройки заводов и обслуживание станков формируют мужчин и женщин, занятых в материальном производстве. В главе «Вместо наживы» мы пытались описать те новые и старые стимулы, действию которых сознательно подвергают рабочих в Советском Союзе⁵. Не меньшее влияние на формирование характера оказывает участие рабочих в промышленном управлении; это участие выражается и в длительных переговорах о коллективном договоре⁶, принимаемых профсоюзом каждый год, и в управлении всеми

¹ Это ярко вскрывается собранием автобиографических очерков этих рабочих, изданных на английском языке под названием: «Строители Сталинграда», с предисловием М. Горького (1935, стр. 268). «Прочтя эту книгу,—пишет Горький,—беспартийный юноша Союза Советов узнает, как эти люди построили завод и как завод перевоспитал этих людей».

² Луи Фишер, *Машины и люди в России*, 1932, стр. 130.

³ Д. Заславский, *Там, где у власти рабочие*, Москва, Кооперативное изд-во иностранных рабочих в СССР, 1933, стр. 35.

⁴ «Строители Сталинграда», 1935, предисловие.

⁵ См. т. II, гл. IX, «Вместо наживы».

⁶ См. т. I, гл. III.

общественными организациями, которыми руководит сам союз и весь аппарат его комитетов и общих собраний, включая и товарищеские суды¹. Но это не все. Политическая организация граждан снизу доверху советской пирамиды, включая работу буквально сотен тысяч мужчин и женщин на бесплатных общественных должностях в городе и деревне², и частые случаи добровольного труда массы участников в субботниках³ представляют для заводских рабочих и для служащих, а сейчас и для членов колхозов формы постоянного воспитания на общественной работе. Подобным же образом в переделке человека в СССР принимают участие бесчисленные добровольные общества⁴ разных видов, в которых состоят миллионы людей всех возрастов. Стремление к индивидуальному самосовершенствованию нельзя исключить из этого перечня факторов, влияющих на переделку человека. У западного наблюдателя создается впечатление, что все юноши и девушки, работающие на заводах и в конторах, и все большая часть деревенских жителей обращают, пожалуй, больше внимания на повышение своей квалификации и на расширение кругозора, чем на развлечения. Поразительно число посещающих бесплатные вечерние курсы во всех городах. Широко распространено стремление поступить в техникумы или на рабфаки, подготовляющие к поступлению в институт или университет; обилие честолюбивых изобретателей, полагающих, что они сделали техническое усовершенствование; охотное выдвижение профсоюзными организациями способных членов, имеющих хороший заработок, на учебу с 3-или 5-летним курсом с государственной стипендией, которой только хватает на существование; постоянное требование общеобразовательных лекций и драматических представлений в рабочих клубах, требование расширения их библиотек, где на научные и технические книги часто образуется запись в десяток ждущих своей очереди абонентов,—все это и многие другие проявления индивидуальных стимулов оказывают влияние на гигантскую переделку человека. В этом кипящем социальном котле производит сильное впечатление не только независимость индивидуальной инициативы и то единодушие, с которым преследуются общие цели, но также и колоссальные размеры числа тех, кто подпадает под влияние сознательно организованного социального воспитания. В следующей главе мы попытаемся проанализировать цель, которой одушевлены эти неустанные усилия, и орудие, с помощью которого рассчитывают осуществить эту цель, и те ошибки и недостатки, которые мешают достижению наилучших результатов.

¹ См. т. I, гл. III, «Человек как производитель».

² См. т. I, гл. II, «Человек как гражданин».

³ См. т. II, гл. IX, «Вместо наживы».

⁴ См. т. I, гл. VI, «Диктатура или демократия».

СПАСЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА—В НАУКЕ

Можем ли мы на этой последней стадии нашего исследования найти в государственном устройстве и движущих силах, описанных на предшествующих страницах, главную основу советского коммунизма? Что собою представляет та волнующая вера, которая вела большевиков к изумительным победам над бесчисленными трудностями на их пути?

Какова их концепция отношения человека к человеку и человека к природе? Каковы средства, при помощи которых они рассчитывают достигнуть своей цели? Короче, какова философия, на основе которой они создают, как они полагают, новую цивилизацию?

Казалось бы, мы могли бы обойти этот вопрос, дав взамен ответа краткое изложение философских взглядов Маркса и Энгельса. Подобные изложения коммунистической философии существуют в различных вариантах, и на английском языке, как и на десятках других¹. Если мы предпочитаем не перефра-

¹ Изучающему коммунистическую философию вряд ли понадобится перечень многотомных трудов Маркса, Энгельса и Ленина; все они не раз переиздавались на различных языках. Для английского и американского читателя мы можем указать в дополнение на следующие из множества объяснительных работ: *Г. Д. Г. Коол*, Что имел в виду Маркс в действительности; *Сидней Рук*, К пониманию Карла Маркса, 1933, 288 стр.; *Юлиус Ф. Геккер*, Коммунистический ответ на нужды мира, 1935, 323 стр.; *Морис Добб*, О современном марксизме, 1932, 48 стр.; *Г. Лей*, *Джон Мак Мюррей*, *Ральф Фокс*, *Р. Пейдж Арнот*, *Д. Д. Бернел* и *Е. П. Каррит*, Принципы диалектического материализма, 1934, 154 стр.; *Барбара Вуэтон*, По плану или без плана, 1933, 360 стр., в особенности стр. 220—224 (все названные книги на англ. языке).

Английским читателям могут быть полезны также переводы книг *Н. И. Бухарина* и др., Марксизм и современная мысль, 1935, и *В. Адорат-*

зировать даже наиболее авторитетные изложения «марксизма», а пытаемся дать анализ другого рода, то это не потому, что мы недооцениваем выразительность этих изложений или освежающее своеобразие, с которым они порывают с условной терминологией философских споров от Платона до Канта и от Гегеля до Бредли. Существует более практическая причина для написания этой главы заново. Может быть для американца или англичанина и унижительно признаться в этом, но нельзя отрицать тот факт, что обычные изложения «марксизма» недоступны уму среднего английского читателя¹. Он не понимает, что означают такие не английские выражения, как «диалектический материализм» и «материалистическое понимание истории», в ходе которой непрерывно возникают так называемые «противоречия»; он не понимает таких выражений, как «переход количества в качество» и «взаимопроникновение противоположностей»; не понимает «тезиса», за которым следует «антитезис», и «отрицания», за которым следует «отрицание отрицания», пока, наконец, не будет достигнут «синтез» «бесклассового общества», которое предваряется «диктатурой пролетариата», после чего нескончаемый ряд изменений начинает свое шествие к новому синтезу, сущность которого сейчас предвидеть еще нельзя. Мы предпочитаем ограничиться исследованием методов мышления, целей и намерений советского коммунизма в том виде, в каком они выявились не столько в устах марксистских философов, сколько в политике и действиях советского правительства (особенно за последнее десятилетие) и в политике и действиях Центрального комитета коммунистической партии, в том виде, в каком они последовательно направлялись Лениным и Сталиным.

Марксизм, как было сказано, одновременно и метод и теория, служащие друг другу. Изучение и анализ истории прошло-

ского, Диалектический материализм, 1933, 96 стр., а также книги «Статистический справочник» под редакцией Эмиля Бернса, 1935, 1088 стр., представляющей обширное собрание наиболее важных текстов и речей.

¹ «Коммунистическая идеология пользуется чуждым нашему уху языком. Она основывается на историческом фундаменте споров, которые никогда нас не интересовали. Ее никогда не излагали в рамках знакомых нам словесных сочетаний. Англичанину трудно постигнуть последовательность коммунистических взглядов. Англичане, больше других расположенные принять материалистические взгляды, меньше других полагаются на простую логику. Явная непоследовательность коммунистов в одном отношении еще более мешает понять их. Они настаивают на историческом сближении идеологии с другими категориями человеческой деятельности, но не применяют этого правила к своим собственным методам пропаганды, а именно, они не объясняют своих учений со сколько-нибудь заметным вниманием к установившимся традициям тех, с кем они спорят» (*Ланселот Гогбен*, Современная философия в Советской России, в журнале «Психея», октябрь 1931, стр. 3) (на англ. языке).

го по методу, определяемому выражением «материалистическое понимание истории», привели Маркса и Энгельса, а после их смерти и Ленина к уверенному утверждению, что последовательные изменения способов производства пищи и других товаров должны во всех странах неизбежно сопровождаться изменениями в организации общества и государства. Они считали, что изменения эти происходят в результате борьбы между различными классами за господство. Они утверждают, что точно так же, как социальная система, называемая феодализмом, после длительной борьбы уступила место социальной системе, называемой капитализмом, так и последний после длительной борьбы уступит место коммунизму. Напрасно на каждой стадии этой эволюции надеялись защитники статус кво, что вот-вот достигнутое, как им казалось, равновесие будет постоянным. Диалектический материализм учил, что ничто не стоит на месте и что равновесия не бывает. Уже одно различие в скорости и направлении движения, порождаемое внутренними тенденциями, присущими каждой общественной формации, так же как и вообще каждой форме материальной субстанции (по марксистской терминологии—«противоречия»), ведет к конфликтам и столкновениям между классами и последующими переменами в их взаимоотношениях. Социальные отношения и государственная организация, созданные феодализмом, неизбежно должны были казаться все более невыносимыми промышленной и торговой буржуазии, по мере того как численность и значение последней увеличивались. Система капитализма, заменившая феодализм, прошла через свои последовательные периоды развития, во время которых новый класс пролетариев (трудящиеся, не владеющие средствами производства и не имеющие иных способов добывания пищи, кроме продажи своей рабочей силы за заработную плату) неизменно увеличивал свои ряды и все больше осознавал себя как группу людей, лишенных собственности. Капиталистические предприниматели, жестоко конкурирующие друг с другом из-за прибылей и периодически страдающие от кризисов, низвергающих их с вершины процветания в бездну краха, пытаются избежать конкуренции, создавая картели, тресты и объединения, взваливающие на потребителя бремя монопольных цен и требующие таких огромных кредитов, что управление ими неизбежно переходит в руки финансовых магнатов. Это, в свою очередь, ведет к «империализму», т. е. к эксплуатации отсталых рас и промышленно отсталых иностранных территорий, и к войнам за их покорение. Тем временем пролетариат непрерывно растет и спазмодически восстает, тогда как правительства финансистов предаются бешеной охоте за прибылями, даже не пытаясь понять, что они делают, запутываются все сильнее и сильнее и становятся все

менее и менее способными сохранять в своих руках контроль над экономическими силами. Неминуемо наступает революционный взрыв, во время которого пролетариат, единственный растущий класс, экспроприирует самих экспроприаторов¹.

Мы здесь не намерены касаться вопроса о правильности или обоснованности этой теории или метода исторического анализа, или утверждения о неизбежности грядущей мировой революции, которая заменит «диктатуру буржуазии» «диктатурой пролетариата». Мы должны лишь отметить тот динамический эффект, который имели эти метод и теория сами по себе в частном случае Октябрьской революции в России. По нашему мнению, этот динамический эффект значительно сказался и на мыслях и воле самого Ленина и на большевиках, которых он привлек и воспитал, на членов Петроградского и других советов, а вслед за ними и на всем населении. Мы думаем, что будущий историк отнесет немалую долю веры в неизбежность пролетарской революции на счет замечательного успеха восстания, которое Ленин так настойчиво проповедовал и которым он, в нужный момент, так энергично руководил. Это всеобщее убеждение в правильности концепции неизбежности «диктатуры пролетариата» больше, чем что-либо другое, дало возможность преемникам Ленина за время управления страной в течение восемнадцати лет с момента захвата власти не только удержать эту власть, но и преодолеть такое множество трудностей.

¹ Этот процесс эволюции социальной организации марксист называет диалектическим материализмом. Но для англичанина это выражение требует объяснения. Профессор Леви дал следующее толкование его в статье, включенной в упомянутую нами книгу *Г. Леви, Дж. Макмюррей, Р. Пейдж Арнот, Д. Д. Бернел и Е. П. Каррит*, Принципы диалектического материализма, 1934, стр. 2—3: «Мы говорим, что каждые две следующие друг за другом стадии развития диалектически взаимосвязаны. Это слово, следовательно, содержит нечто от понятия «развивающегося». Всякая попытка рассматривать одну из этих стадий статически, совершенно не принимая во внимание тот факт, что эта стадия сама по себе претерпевает изменения и представляет собой часть изменяющегося или нарастающего процесса и, особенно, звено эволюционной цепи, была бы недиалектической. Но смысл этого выражения заключается не только в этом. Это развитие не непременно должно быть подобно шагу пешехода. Оно напоминает движение человека, спускающегося с горы, который вынужден ускорить свой шаг. Он переходит в бег и завершает его прыжком через протекающий в долине ручей, чтобы снова начать медленный подъем на следующую возвышенность. Поэтому определение, что процесс диалектичен, означает также, что это не просто размеренное движение, но что в самом процессе возникают внутренние силы, которые толкают его с увеличивающейся скоростью к завершению этого процесса и к переходу в следующую стадию». Исследователь заметит, что марксистское толкование слова «диалектический» не совпадает ни с толкованием его у Канта, ни с толкованием его у Гегеля.

Борьба с природой

Постоянная борьба человека за расширение своего господства над окружающей его природой составляет самую основную концепцию советского коммунизма. Эта борьба имеет различные фазы. Первобытный человек должен был буквально бороться за своё существование. Он должен был изо дня в день добывать себе пищу и защищать себя от других животных, не исключая и себе подобных. Человеку в современном обществе все еще приходится добывать необходимое количество пищи, одежду и жилище, а также охранять существование своей семьи и свое от нападений как изнутри собственной социальной организации, так и извне. Цивилизованный человек борется уже не только за эти нужды, уровень которых постоянно повышается, но также за дальнейшее развитие разума и характера, включая и обогащение всеми видами культуры его самого, окружающего коллектива и всего человечества. В соответствии с этим целью большевиков является, как мы это уже писали в предыдущей главе, переделка человека. Большевики считают, что господства над природой человек может достигнуть только посредством все расширяющегося познания вселенной. Исходя из этого, коммунистическая партия и советское правительство целиком и без колебаний доверились оружию науки, которую они используют для достижения своей главной цели. «Советская власть,—писал один известный французский государственный деятель после недавнего визита в Москву,—перенесла на науку весь тот авторитет, которого она лишила религию; наука—это новая догма... чистая наука,—заключает он,—несомненно культ в Советском Союзе».

В самом деле, характерной чертой склада ума советских руководителей является безоговорочная и непоколебимая вера в знание как в главное орудие успеха, т. е. в постоянно расширяющееся понимание человеком наблюдаемых им в природе фактов. Эта преданность науке отнюдь не означает то, что англичанин называет материализмом. Человеческий разум со всеми его эмоциями и идеями, впечатлениями и воспоминаниями, представляет для большевика такую же составную часть природы, как и тело человека. И как тело, так и разум должны так же служить предметом изучения, как камни, деревья или погода. Совокупность точного знания всех этих вещей большевик и считает своим орудием для достижения успехов в общественном развитии. Это знание, полученное жизненным опытом человека, анализируемое посредством производимых им классификаций, отпечатлевшееся в уме человека в непрерывном процессе

¹ Эдуард Эррио, Восток, 1934, стр. 215 (англ. перевод).

«испытаний и ошибок», многократно проверенное качественным сравнением и количественным измерением явлений для гарантии, что «ход мыслей» всегда соответствует действительному «ходу вещей»; и, наконец, обобщенное в то, что мы ошибочно называем «законами» природы,—это лишь то, что в западном мире понимается под наукой.

Но мы должны твердо усвоить, что науку как Орудие, в которое они вкладывают столько веры, большевики резко отграничивают как от метафизики, так и от теологии. Достоверное знание человеком природы (включая самого человека)—вот что казалось столь эффективным в процессе достижения ими своей цели. Они могут претендовать на то, чтобы быть хозяевами практической психологии, но они определенно отвергают какой бы то ни было неизвестный человеку «абсолют» внутри самой природы или вне ее. Большевики изучают внешний мир так, *как человек его воспринимает*. Так же как физик или химик, биолог или антрополог считают объектом своих исследований внешний мир в той мере, в какой он известен человеку, и в своих научных исканиях не беспокоят себя размышлениями о «вещи в себе» или гипотетической «реальности» вне наших объективных восприятий, о которых они ничего знать не могут, так и большевики отметаут как бесполезные или, по крайней мере, не представляющие значения для науки всевозможные метафизические размышления, служившие излюбленным предметом споров между философами на протяжении двух тысячелетий. Мы должны повторить, что большевики отнюдь не исключают изучение мышления человека; они изучают его так же, как и тело его. Они находят, что человек имеет представления и память о вещах, так же как он имеет ощущения и эмоции, но эти душевные состояния составляют для них часть познаваемого и изучаемого человеком мира. Но идеи, как и воспоминания, впечатления и эмоции—лишь человеческий способ думать о вещах. Большевики подчеркивают, что представления о вещах не предшествуют вещам, к которым они относятся. Таким образом они определенно отвергают как беспочвенное предположение, будто существует первоначальная идея, план или образ, отображением которого является мир или который этот мир сам создает.

Использование науки для усовершенствования того процесса изменений, который совершается в природе без вмешательства человека, является лишь недавним достижением его. Со времен неолитического века до великих морских переходов шестнадцатого столетия человек, вообще говоря, брал природные ресурсы такими, как они есть. Экономическая проблема этого периода социальной эволюции заключалась, как это выразил профессор Гогбен, в средствах передвижения, в том, как

добраться до этих ресурсов. Несомненным достижением египтян и древних греков было создание календаря и геодезии как необходимого культурного базиса для международного хозяйства, позволившего наладить обмен местными естественными богатствами и продуктами примитивного сельского хозяйства¹. Но главное значение этой древней науки, на которой основывалась календарная и мореходная технология того времени, состояло в том, что она дала возможность сравнительно небольшой части населения каждого государства путешествовать с целью извлечения возможно больших выгод из ограниченных ресурсов различных местностей.

Начиная с семнадцатого столетия центр прогрессивной науки постепенно перемещался в северную Европу, где было невыгодно применять труд рабов. Внимание сосредоточилось на других источниках энергии, помимо человеческих рук, и при их посредстве стала возможной такая организация работ в глубоководных шахтах и крупной металлургии, какая была не под силу древним. На протяжении последних трехсот лет наука все больше и больше сосредоточивалась на открытии и применении новых форм и источников энергии, новых комбинаций элементов и новых элементов, посредством которых стало возможным производство огромного количества потребных человеку *продуктов и услуг* при минимальных затратах рабочей силы человека. Большая часть современной науки занята тем, что доставляет человеку возможности, если он только пожелает взять на себя труд их изучения, так улучшить механические методы изменения природы, чтобы не только производить в неограниченных количествах то, что природа с меньшей помощью человека производила в небольшом количестве, но также и создавать новые вещества и формы энергии, невиданные в донаучный век. В этом отношении столетие Фарадея и Кларка Максвелла, Маркса и Дарвина, Менделеева и Пастера, Резерфорда и Эйнштейна возвышается над всем прошлым человечества. И эпоха эта еще не сказала своего последнего слова. С каждым годом знание человека углубляется. Наука непрерывно развивается, пересматривается и пишется наново в процессе непрестанного исследования каждого элемента мира, включая сюда и то, что мы называем социальными учреждениями и человеческим поведением.

Большевистское понимание науки как орудия человеческого господства над природой отличается, как нам кажется, в некоторых отношениях от обычного среди ученых Запада.

¹ Ланселот Гогбен, Математика в древности в номере «Античность», июнь 1935, со ссылкой на книгу д-ра Нейгебауер, Лекции по истории древних математических познаний.

Сюда относится прежде всего неизменная связь материи и движения как одного из качеств материи. Вся природа и каждая часть ее представляются большевикам в непрерывном движении. Ничто, живое или мертвое, предмет или мысль, группа или отношение, не бывает в состоянии покоя. Абсолютная неподвижность—это лишь плод фантазии, и вовсе не существует в пределах человеческого опыта. Природа нигде, даже в самой мельчайшей своей части и ни на самый короткий отрезок времени, не бывает в равновесии. Представлять себе состояние равновесия иначе, как строго относительное к особым меняющимся условиям, значит просто заблуждаться. Предполагать равновесие значит сделать недействительным всякий вывод, исключающий его.

Эта всеобщая подвижность или действительная связанность материи с движением, как одним из неотделимых атрибутов ее, неизбежно предполагает непрерывное изменение отношений между разными частями природы. Различные вещества, которые мы видим или чувствуем, атомы или молекулы, которые их составляют, электроны, из которых образованы атомы, мысли, которые они порождают в голове человека,—все они постоянно изменяют свое отношение друг к другу и к наблюдающему их человеку. Они движутся в разных направлениях с неодинаковой скоростью, определяемой количеством энергии, которой они все заряжены. И каждое изменение отражается не только на мышлении людей, но также и на каждой другой части природы.

Эта неравномерность изменения разных фрагментов мира, включая сюда и наблюдающих их людей и отношения между последними и наблюдаемыми фрагментами, имеет ту важную особенность, что эти изменения всегда взаимны и обоюдны. Дело не только в том, что все изменяется даже в то время, пока мы производим наблюдения. Непрерывное изменение, происходящее в каждом фрагменте мира, порождает соответствующее изменение в каждом другом фрагменте мира, включая и самого наблюдающего человека и человеческое общество, частью которого он является. Так, например, организация и технические способы производства полезных человеку продуктов имеют и всегда имели в одно и то же время не только неодинаковый уровень в разных странах, но и периодически изменяются из столетия в столетие, и даже из десятилетия в десятилетие. И каждое такое изменение порождает соответствующее изменение в людях, занятых в производстве, и во взаимоотношениях классов, составляющих каждое человеческое общество¹.

¹ Понимание этого может облегчить следующая наглядная иллюстрация: «Основные черты этой философии могут быть изложены в следующем ряде предпосылок. Каждая часть мира находится в состоянии

Обычаи и привычки, из которых складывается общественная жизнь, меняются вместе с изменением отношений в производстве. Меняются формы социальной и политической организации и сами человеческие существа.

Далее, большевистская концепция изменения как предметов, так и мыслей отдельных людей или социальных групп всегда включает то, что предшествовало изменению, и его последствия. Каждое изменение необходимо предполагает не только какое-то прошлое, но и какое-то последующее состояние. Всякая концепция изменения предметов или мыслей, чтобы иметь какой-либо смысл, должна включать оба эти аспекта. Аналогичным образом наше понимание идеи, которая представляет собой мысль в нашей голове, недостаточно реалистично, если мы не устанавливаем, как и отчего она возникла и к какому действию или иному последствию она нас неизбежно ведет¹.

Вытекающее из человеческой мысли целеустремленное действие, которое является одним из разнообразных изменений

постоянного развития. Это развитие совершается вследствие «внутреннего противоречия противоположностей», которое, можно себе представить в виде внутреннего напряжения, создаваемого давлением сил, действующих в различных направлениях в каждом веществе или в каждой идее. Это напряжение в конце концов превращается в новое расположение сил, или синтез, при котором возникает новое давление, и весь процесс, известный под названием диалектического, начинается сизнова. Далее, этот диалектический процесс то идет непрерывно, то прерывается, и каждый синтез создается в значительной мере таким же образом, каким достигается победа в игре в перетягивание каната. Вначале обе партии долго тянут канат каждая к себе, затем какая-либо из них вдруг плюхается наземь. И по существу этот процесс одинаков и в мире физических явлений, и в мире социальной организации, и в мире мыслей (квантовая теория вполне соответствует этим рассуждениям, а скачкообразное поведение электронов допускает изыщное сравнение с эпохами революций в истории человеческого общества. Картина будет совсем полной, если мы включим сюда также и мутации, происходящие в животном и растительном царствах). Наконец, это *материальный* процесс. Он происходит сам по себе и ни в коей мере не зависит от разума бога (который вовсе не существует) или от разума человека, который в действительности сам подчинен этому же диалектическому движению. Самое большее, что может делать человек, это действовать в соответствии с «осознанной необходимостью», т. е. понимать природу вещей и подчиниться ей, вместо того чтобы лезть на рожон. Но все это не означает, что мир представляет собою механизм, простое строение из атомов, слепо управляемых расположением сил. Мир надо понимать скорее как процесс роста, а не равновесия, его надо представлять себе скорее в виде организма, а не машины» (*Барбара Вуотон*, По плану или без плана, 1934, стр. 222—223).

¹ Это в причудливой форме выразил американский философ *Чарльз Сандерс Пирс*. «Элементы каждой идеи входят в логическое мышление через ворота познания и должны выйти через ворота целеустремленного действия, и всякий из них, кто не сумеет предъявить паспорта у обоих этих ворот, должен быть арестован как не уполномоченный рассудком» (Рукописи Чарльза Сандерса Пирса, изд. Чарльзом Гартторном и Поль Вейссом, Гарвард 1935, т. V, «Лекции»).

природы, происходящих в результате каждого изменения человеческой мысли, редко представляет собой случаи применения только одной какой-либо отрасли знания мира, а если и так, то всегда безуспешно. Чтобы мысль стала вполне динамичной, как план, в смысле осуществления какой-либо социальной цели, человек должен одновременно владеть всеми отраслями знания, имеющими отношение к этой цели, и должен употреблять их в действие в определенном сочетании. Инженер, строящий мост, или земледелец, обрабатывающий поле, не сумеет без ошибок и изъязов осуществить свою цель, если он будет применять только свои познания в математике или механике, не приобщая к ним, в нужном случае, свои познания в химии и биологии. При планировании предприятия следует также принимать в расчет и сделать предметом такого же научного исследования и цель, которую преследуют построение моста или обработка поля. Следует иметь в виду и последствия, которые это будет иметь для социальных обычаев и социальных учреждений как непосредственно сюда относящихся, так и для всех. Составитель плана, если он хочет, чтобы работа его имела полный успех, не должен также упускать из виду влияние условий труда на самих рабочих, занятых на строительстве, также его влияния на тех, кто будет пользоваться сооружением или потреблять продукты работы. Другими словами, мы должны понять, что те отрасли знания, которые мы называем социологией и этикой,—все еще недостаточно разработанные,—также необходимы для вполне успешного общественного мероприятия и для человеческого прогресса, как и физические и биологические науки. Итак, весь опыт общественного развития как экономического, так и политического показывает, что для полного достижения любой желаемой социальной перемены необходимо использовать все отрасли знания и в наиболее тесном их сочетании.

Мы видим здесь также, почему «наука», чтобы укреплять наше господство над природой, должна превратиться в «технология». Большевики даже не понимают, почему на Западе проводят какое-то различие между этими двумя понятиями, т. е. между чистой наукой и прикладной, различие, которое кажется им и опасным, и ненаучным. Они спрашивают, как может подлинная наука (так сказать, действительное познание мира) быть «чистой» в смысле обособленности от внешнего мира или от тех изменений во внешнем мире, которые вызывает каждое изменение в нашей научной мысли. Большевики, естественно, понимают, что некоторая доля приобретаемого знания мира не может быть немедленно использована для достижения какой-либо сознательной цели, тогда как другая часть может сейчас же быть применена для удовлетворения наших желаний. Они

даже дают столь же высокую оценку, как и на Западе, таким успехам науки, которые настолько абстрактны, что в настоящее время возможность их полезности нельзя себе и представить. Но большевики не считают наиболее абстрактную или наименее целеустремленную научную истину существенно отличной от той, которую можно немедленно применить для преодоления каких-либо современных трудностей. Так же, как мы приходим ко всем научным истинам, считают они, исключительно посредством изучения наблюдаемых в мире фактов, включая сюда и последовательные изменения в складе человеческого ума, что и все научные истины неизбежно относятся к изменению этих фактов, независимо от того, могут или не могут эти истины быть немедленно применены в качестве орудия для целеустремленных изменений. Хорошо только такое научное мышление, которое основывается на возможности действовать. Не настоящее то знание природы, которое не приносит потенциальной пользы человечеству. Польза здесь измеряется не только тем, что на основе этого знания можно будет когда-нибудь действовать, но и тем фактом, что всякое новое знание неизбежно отражается на нашем способе применения старых запасов знания.

Было бы глупо утверждать, что большевики создали новую науку или что они за каких-нибудь десять лет опередили научный мир Запада. Большевики в СССР так же, как и современное поколение в любой другой стране, с полным правом считают себя наследниками всех знаний и всей культуры прошлого, независимо от того, в какой стране были впервые достигнуты отдельные успехи. Маркс и Ленин, а за ними и Сталин, неоднократно разъясняли своим последователям, что, только усвоив это наследство и сделавшись его полными хозяевами, они могут надеяться достигнуть дальнейших успехов и успешно построить социалистическое общество, которое является их целью. Запад может взять у большевиков сегодня не столько те дополнения, которые они, может быть, уже внесли в общую сумму человеческих знаний, сколько тот дух подлинного уважения к науке, в котором они стремятся воспитать в равной мере своих ученых, администраторов и граждан, и то воодушевление, с каким они это делают¹. В противоположность советской концепции «политехнического» обучения всех групп населения английское образование и английская социальная организация привели к достойному порицанию раздвоению. Ученые и технологи, чья работа состоит в изменении материального базиса цивилизации, слишком часто получают образование, оставляю-

¹ См. т. II, гл. X «Переделка человека», раздел «Подготовка к жизни».

щее их в полнейшем неведении относительно социальных результатов их деятельности и социальной ответственности, которую эта деятельность на них возлагает. А государственные деятели, историки и социологи обычно получают образование, оставляющее их в неведении относительно технических изменений, которые в такой большой мере определяют характер нашей цивилизации. Так, диалектический характер науки часто неизвестен западному математику или физику, химику или биологу. И меньше всего он известен западному исследователю социальных учреждений (социологии) или человеческих поступков и поведения (этики). Можно даже сказать, что эта сторона науки не всегда учитывается в собственных исследованиях ученого, когда он замыкается в свою узкую специальность; он даже радуется, что сохраняет ее, по его выражению, «чистой» и обособленной от мира действий.

Организация научных исследований

В предыдущей главе мы показали, как развитие науки в качестве необходимого руководства к действию господствует во всей советской системе просвещения, от детского сада, через политехнические школы и технические институты, до крупнейших университетов и других исследовательских учреждений. В дополнение к двум десяткам университетов, которые все больше освобождаются от метафизики и философских систем мыслителей прошлого и от влияния древней литературы, в которой изложены их мысли, в СССР в 1934 г. существовало 840 отдельных научных институтов с 188 подразделениями. Они по-разному группируются и управляются, но все они представляют собой то, что во всех других странах называется университетами. Каждый из них выпускает образованных мужчин и женщин (которые, начиная с восемнадцатилетнего возраста, проходят пятилетний курс обучения)—квалифицированных техников для отдельных отраслей производства или других видов обслуживания общества либо научных работников или преподавателей той или иной области науки. Сверх и помимо пары сотен тысяч школ, техникумов и рабфаков—средних учебных заведений,—в программах которых преобладает наука, мы находим в СССР то, чего нет ни в какой другой стране: это тщательно спланированная сеть из тысячи с лишним исследовательских лабораторий с собственными обширными библиотеками и коллекциями, разбросанных на всей огромной территории между Ледовитым океаном на севере, Черным морем и горами Средней Азии на юге. В каждой из них оплачиваемые государством группы отборных опытных исследователей координированно разрабатывают различные проблемы, большей частью выбран-

ные со специальным учетом местных нужд, возможностей и естественных богатств¹.

Весьма поучительно выяснить, для чего была создана и через какие этапы прошла эта тщательная организация научно-исследовательской работы. Вот описание постепенной эволюции общего плана распространения знаний, данное известным членом старинной Академии наук, профессором Рейновым. «Вначале,—говорит он,—планирование в области научной работы было недостаточно организовано. Оно шло преимущественно по линии крупных ведомств, которые в свою очередь соответствовали важнейшим отраслям народного хозяйства Советского Союза. Эта практика особенно развилась после того, как большие группы научных учреждений, прежде находившихся в ведении Народного комиссариата просвещения, были переданы

¹ «До Октябрьской революции в России научные учреждения исчислялись десятками. Теперь их более тысячи. Громадное большинство их возникло в первой и начале второй пятилетки».

	Институты	Филиалы
Академические центры	54	
Промышленность	194	84
Сельское хозяйство	140	42
Транспорт и связь	21	23
Социально-экономические науки	49	10
Медицина	271	15
Просвещение	111	12
	840	186
	Институты	Филиалы
РСФСР	581	112
УССР	139	54
БССР	34	4
ЗСФСР	41	13
УзбССР	28	4
Туркменская ССР	10	1
Таджикская ССР	7	
	840	188

(«СССР на стройке», июнь 1934).

«В 1929 г. количество работников научных учреждений составляло 4 612, в 1930 г.—11 639, в 1931—16 853 и в 1932—29 375. Число исследователей (ассистентов) с университетским образованием равнялось в 1929 г. 6 320, а в 1932—10 659. В 1930 г. капитальные вложения составляли 32 млн. руб., в 1931 г.—73 млн. Производственные расходы в 1930 г. составили 57 млн. руб., в 1931—138 млн., а в 1932—176 млн. рублей» («Москау дейли ньюз», 5 ноября 1932 г.).

«Записная книжка научного работника»,—ежегодно публикуемый на русском языке справочник дает яркую картину огромных возможностей, предоставляемых молодым людям от 18 лет и действительно доступных самым бедным, так как количество стипендий (сумма, достаточная для существования), очевидно, неограниченно.

в ведение промышленных наркоматов с целью приближения научной работы к практической. На этой стадии планирование науки еще не было полностью централизовано.

...Эта централизация началась с финансирования научных учреждений. При планировании их бюджетов, естественно, возник вопрос о систематизации научно-исследовательских институтов и о ликвидации параллелизма в их работе. Необходимость работать в тесном контакте с практическим строительством часто приводила к столкновению научных учреждений различных ведомств на одних и тех же промышленных предприятиях, и тогда, разумеется, встал вопрос о междуведомственной координации научной работы. Наконец, участие научных учреждений различных ведомств в конференциях и съездах, особенно посвященных большим комплексным проблемам, также способствовало этой децентрализации.

...Таким образом была подготовлена почва для дальнейшей концентрации и консолидации планирования науки в СССР. Необходимость разрешения проблем организации и методов планирования научно-исследовательской работы и координации деятельности научных учреждений различных ведомств обсуждалась на созванной весной 1931 г. первой Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы. Состоявшаяся в конце декабря 1932 г. вторая Всесоюзная конференция выработала план научно-исследовательских работ в области физических, химических и технических наук на вторую пятилетку и на 1933 г. Конференция уделила особое внимание одной важной проблеме—выработке мероприятий для использования результатов научной работы в производстве. Решения этой конференции, утвержденные затем Народным комиссариатом тяжелой промышленности, имеют огромное значение. С этого момента планирование науки расширяется от определения научной тематики до практического применения результатов научной работы и становится, таким образом, составной частью социалистического планирования в целом».

Организация научного центра внутри Госплана

«Одна из резолюций первой конференции намечала организацию внутри Государственной плановой комиссии центра планирования научно-исследовательских работ. Правительство приняло ряд мер к организации такого центра. Чтобы распространить унифицированное планирование на самое содержание научно-исследовательской работы, Государственная плановая комиссия должна была прежде всего опереться на Коммунистическую академию. Решением Центрального комитета ком-

мунистической партии Советского Союза на Коммунистическую академию была возложена ответственность за выработку и применение марксистско-ленинских методов в научной работе. Первая конференция по планированию науки подчеркнула эту роль коммунистической академии и предложила Академии выполнять роль методологического центра также и в области планирования научной работы. Следующий шаг был предпринят в 1934 г., когда согласно решениям правительства Академия наук СССР была передана в ведение Совета народных комиссаров СССР, а институты Академии были переведены в Москву. Академия наук стала теперь главной научной базой Государственной плановой комиссии для планирования науки¹.

Будущее направление планирования

«Теперь уже совершенно очевидно, что планирование науки примет в дальнейшем следующее направление: отдельные научные учреждения составляют свои планы в соответствии с общими задачами экономического и промышленного плана страны на определенный период. Эти планы, предложенные снизу и исправленные вышестоящими организациями, послужат материалом для Государственной плановой комиссии и руководящих центральных научных организаций, как Академия наук, Коммунистическая академия и другие учреждения, сотрудничающие с комиссией, при составлении ими единого плана»².

¹ «Недавний декрет ЦИК,—сказал академик Карпинский,—поставивший Академию наук СССР в непосредственное ведение Совета народных комиссаров, восторженно приветствуется академиками и 3 тысячами научных и технических сотрудников Академии.

Этот декрет—новый и важный шаг к увязыванию повседневной работы Академии с нуждами социалистического строительства. Академия, когда-то занимавшаяся исключительно теоретическими вопросами, стала крупным фактором в жизни нашей страны и поэтому должна находиться в постоянной связи с теми наркоматами, которые руководят развитием различных отраслей народного хозяйства.

Комитет по научным учреждениям при Центральном исполнительном комитете, в ведении которого находилась до сих пор Академия, не мог, однако, обеспечить нашему учреждению такой связи, а иногда даже тормозил нашу работу.

Устранение этого ненужного промежуточного звена открывает широкие перспективы сотрудничества Академии с социалистической промышленностью и сельским хозяйством, а также с научными институтами, не входящими в систему Академии и зачастую ведущими параллельную с нами работу» («Москвау дейли ньюз», 20 декабря 1933).

² Профессор Т. Райнов, Планирование науки и социалистическое строительство в СССР, «Москвау дейли ньюз», 5 сентябрь, 1934. Д-р Райнов указывает далее: «Намеченные первой конференцией по планированию науки задачи останутся основными элементами этого унифицированного планирования науки. Эти задачи заключаются: 1) в определении роли, которую вся система научно-исследовательской работы будет играть в бюд-

Как планируются и осуществляются исследования

Интересно посмотреть, как организуется и осуществляется руководство этой огромной исследовательской работой, проводимой таким множеством различных институтов¹. Верховный контроль принадлежит теперь Совнаркому СССР, который каждый год должен утверждать смету расходов, вносимых в бюджет для ратификации их Центральным исполнительным комитетом (ЦИК) Всесоюзного съезда советов². Этот контроль практически осуществляется несколькими связанными с различными отраслями хозяйства народными комиссариатами СССР, при каждом из которых есть по несколько исследовательских учреждений. Свыше четверти всего числа их находятся в ведении Комиссариата тяжелой промышленности, которому пришлось создать Научно-исследовательский сектор (НИС) специально для управления научными институтами. Этот сектор проводит свою работу через комитеты специалистов. Таких комитетов теперь насчитывается около десятка. «Эти комитеты,—пишет

жете страны; 2) в планировании тематики научной работы; 3) в плановом строительстве научно-исследовательских институтов; 4) в плановом размещении этих институтов; 5) в планировании роста научных кадров и создании новых научных кадров; 6) в плановом финансировании научной работы» (там же).

¹ Мы не будем приводить названия весьма значительного количества изданных на русском языке книг о науке. Следующие названия—это некоторые из наиболее доступных описаний того, что авторы видели в СССР: *Д. Д. Кроутер*, Наука в Советской России, 1932, 128 стр., и *Промышленность и образование в Советской России*, 1932, 94 стр.; *Б. Монт Джайнс*, Техническое образование в России, в «Новой России», 1931, стр. 66—79; *Юлиан Гексли*, В Стране Советов, 1932, 120 стр.

Работы русских на англ. языке включают: «Наука на распутье»—сборник докладов, сделанных делегатами СССР на Международном конгрессе по истории науки и технологии, заседавшем в Лондоне в июне 1931 г.; *Г. М. Кржижановский*, Базис технологического экономического плана реконструкции СССР, Москва 1931, 32 стр. (на англ. языке); многие ценные статьи в ежемесячном издании ВОКС, № I—V за 1933 г., особенно номер под заглавием «Научное строительство в СССР», «СССР на стройке», VI, 1934; профессор *А. Пинкевич*, Наука и образование в СССР, 1935, 176 стр.; *Н. И. Бухарин* и др., Марксизм и современное мышление, 1935.

² В капитальное строительство и оборудование научно-исследовательских учреждений СССР вкладывает в 1932—1937 гг. 4 020 млн. руб. («СССР на стройке», июнь 1934).

Некоторые исследовательские учреждения находятся в ведении различных ведомств, имеющих права комиссариатов, как Госплан, Цудортранс, Гидро-металлургический комитет, Управление гражданского воздушного флота и другие органы Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР. Другие находятся в ведении Центросоюза и Всесоюзного совета промкооперации. Ряд учреждений находится также в ведении народных комиссаров различных автономных республик или Государственного объединения издательств СССР (ОГИЗ). Мы же всюду касаемся только тех учреждений, которые непосредственно подчинены самой Академии наук СССР или Коммунистической академии.

«Манчестер гардиан»,—состоят из десяти-пятнадцати членов. В течение года они собираются дважды, а иногда и более. Они составляют годовой план исследовательской работы по своей специальности. Этот план предусматривает общее направление исследования, обязательное для каждого института. При распределении заданий разным институтам иногда встречаются значительные трудности. Так, например, много дискуссий понадобилось при распределении между Московским институтом экспериментальной электротехники, Ленинградским институтом электрификации, Физико-техническим институтом в Харькове, лабораторией завода Электросила и Электромашиностроительным заводом в Харькове заданий по изучению передачи постоянных токов высокого напряжения»¹.

Академия наук

Идейное наблюдение за всеми исследованиями, а следовательно, и ответственность за распределение и координацию работы всей тысячи институтов возложены теперь на старинную Академию наук СССР, функции которой были коренным образом изменены законом 1930 г. «Созданная,—как сообщает один из ее членов²,—больше двухсот лет назад, в 1724—1725, и поставленная под контроль назначаемых правительством чиновников, Академия наук во время своего существования при царизме представляла собою нечто вроде официального департамента науки. И хотя в ее состав входили многие известные русские ученые того времени, в числе ее членов было и много таких, чьей единственной «заслугой» было их послушное и смиренное служение царизму. Старая Академия не имела того престижа и не занимала того своего особого места в экономической жизни страны, какие получила за последние годы в СССР новая, омоложенная Академия... В настоящее время Академия насчитывает 93 действительных члена (академиков). Старейший из них и по возрасту (родился в 1846 г.) и по времени избрания (в 1886 г.)—теперешний президент академии А. П. Карпинский.

«До 1932 г. Академия не имела в своих рядах представителей технических наук. В 1932 г. состав Академии был увеличен избранием 14 известных специалистов по техническим дисциплинам, среди коих были создатели великих технических сооружений, начатых и законченных Советским Союзом в последние

¹ «Манчестер гардиан», 2 июня 1934.

² Профессор П. Корель в журнале «СССР на стройке», VI, 1934 г. (Здесь ошибка: статья проф. Корель опубликована не в «СССР на стройке», а в журнале ВОКС, 1933 г., т. V.—*Ред.*)

годы (Днепрострой и т. д.). Среди них мы находим академиков Александрова, Винтера, Графтио и др.¹.

«Проблемы, специальное исследование которых предусмотрено в пятилетнем плане Академии, могут быть сгруппированы,—читаем мы,—в следующие комплексы: 1) комплекс проблем, относящихся к изучению строения материи, основанному на последних достижениях астрономии, физики, физической химии и химии; 2) группа проблем, относящихся к изучению и использованию естественных богатств Советского Союза; 3) проблемы, связанные с систематическим исследованием энергетических ресурсов Советского Союза, с открытием новых источников энергии, с вопросами передачи энергии на большие расстояния и электрификации промышленности, транспорта и сельского хозяйства; 4) группа проблем, относящаяся к развивающемуся по всему Советскому Союзу новому строительству, к вопросам размещения производительных сил, сейсмических исследований, изучению строительных материалов, к вопросам здравоохранения и т. п.; 5) группа проблем, связанных с химизацией страны; 6) комплекс проблем, относящихся к изучению эволюции органического мира, разрешение которых должно стимулировать повышение урожайности, облегчить борьбу с засухой, создание новых культур, интенсификацию животноводства, создание сырьевой базы для легкой промышленности; 7) комплекс общественно-исторических проблем, связанных с задачей преодоления капитализма и пережитков более ранних формаций в сознании людей»².

¹ Несмотря на то, что Академия теперь полностью принимает советский режим, лишь немногие из ее членов являются членами партии. «В настоящее время имеется 93 академика; по специальностям они распределяются следующим образом: математические науки—4, физика—8, техника—18, химия—10, геология—8, биология—13, история—6, социально-экономические науки—6, европейские языки и литература—10, востоковедение—8 и философия—2. Кроме действительных членов Академия имеет 68 почетных членов и 300 членов-корреспондентов. Действительные члены образуют общее собрание Академии, которое является ее верховным органом. Сессии общего собрания созываются 5—7 раз в году, по составленному на год вперед плану, в котором предусмотрены как даты созыва сессий, так и основные вопросы, подлежащие обсуждению. Академия делится на два отделения: отделение математических и естественных наук и отделение общественных наук... Рост Академии за последние годы может быть охарактеризован ростом ее бюджета: в 1928 г. он составил 3 903 тыс. руб., в 1932—16 746 тыс. и на 1934 г. он запроектирован в 44 500 тыс. рублей.

Академия издает ряд журналов; «Известия» Академии, а также «Известия» ее отдельных научных учреждений, помимо издаваемых для самых широких кругов читателей популярных научных журналов «Вестник Академии наук» и «Природа».

² «В этих целях весной этого года созвано совещание четырех академий и Научно-исследовательского сектора комиссариата тяжелой промышленности. За этим совещанием последуют многочисленные собрания

Деятельность Академии действительно не подвергается никаким ограничениям, ни по объему, ни по содержанию. Так, например, сообщают¹, что «рассеянная по всей стране сеть научно-исследовательских учреждений под наблюдением Академии, складывающейся из двух основных отделов—прикладных наук и естественных и математических наук,—имеет своей главной целью мобилизацию всей системы научных знаний на удовлетворение потребностей страны и ускорение развития экономической реконструкции. Сфера деятельности Академии распространяется на всю территорию Советского Союза. Хотя ее основная деятельность сконцентрирована в учреждениях, лабораториях и музеях столицы, Академия тем не менее сумела распространить свое влияние на самые отдаленные уголки Советского Союза, создавая научно-исследовательские станции, организуя экспедиции во все части страны. Например, на Урале, Кавказе, Дальнем Востоке созданы филиалы и вспомогательные учреждения Академии, образующие живые звенья между столицей и обширной периферией Союза... Деятельность Академии в области общественных наук также имеет огромное научное значение и играет определенную роль в культурном преобразовании жизни народов СССР. В качестве примера возьмем Историко-археографический институт и Восточный институт. Первый из них, продолжающий работу существовавшей около ста лет Археологической комиссии (долгое время не входившей в состав Академии), занят разыскиванием, собиранием, хранением, обработкой и редактированием исторических документов и другими соответствующими историческими предметами. Вся работа института строится на основе марксистской методологии.

...Изучая развитие Российской империи, дореволюционные историки ограничивались почти исключительно историей Великороссии, представлявшей для них всю империю в целом. Другим народам, населявшим Россию, они придавали малое значение. Вот почему история Великороссии была разработана довольно подробно, тогда как изучение истории большинства других народов СССР пришлось начинать с самого начала, т. е. с собирания исторических документов и систематизации их. Поэтому Археографический институт уделяет много времени

представителей различных институтов, работающих в одной области, но находящихся в разных ведомствах... Академия,—указывает Волгин,—не имеет своих технических исследовательских институтов, но такие комиссии легко заменят их посредством координирования работы неакадемических научно-технических учреждений, лучшими руководителями которых являются члены Академии... Транспортная комиссия уже успела оказать ценную помощь железным дорогам» [Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1932 г., сделанный непременным секретарем ее (В. П. Волгин) годичному собранию] («Москвау дейли ньюз», 21 февраля 1933).

¹ «Прогресс» (Лондон) за октябрь—ноябрь 1933, стр. 235—239.

изучению тех народов, которые больше других угнетались при старом режиме. Чтобы создать возможность написать историю этих народов, институт издавал различные документы из государственных архивов.

...Относящиеся к Астрахани архивы XVII в. дают достаточное представление не только об экономической жизни местного населения, но и об экономических и политических отношениях между составлявшими его разными группами тюркско-татарских национальностей. Узбекская, Туркменская и Таджикская национальности найдут отражение своего прошлого в сохранившихся материалах, рисующих торговые отношения между Москвой и Средней Азией в XVI и XVII вв. Эти документы часто указывают на международное положение Средней Азии того времени, говорят об экономическом и общественном строе среднеазиатских ханств Бухары, Балхи и Хивы, о самостоятельной роли, которую играла среднеазиатская торговля, и о торговых связях в Восточной Европе. Эти документы дают также сведения о политических взаимоотношениях между узбекскими ханствами и туркменскими, калмыцкими и казахско-киргизскими племенами и т. д.

...Основной задачей Восточного института является изучение социальных проблем Дальнего Востока. Его деятельность осуществляется в двух направлениях—литературном и историко-экономическом. Его литературная работа тесно связана с вопросами, касающимися национальных культур восточных народностей и дальнейшего их развития. Из множества языков и разговорных диалектов народов Советского Союза лишь небольшая часть изучалась прежде».

Особенностью, которая делает Академию наук единственной в своем роде, является ее тесная связь с рабочими главных промышленных центров. Эта «связь Академии наук с широкой рабочей общественностью,—читаем мы,—постоянно крепнет. Из всех академий мира одна только Академия наук СССР отчитывается о своей работе перед пролетарской аудиторией. Сотни «наказов» от рабочих получает Академия на этих выездных сессиях. При Академии создан комитет научной консультации и пропаганды. Академики посещают заводы, делают доклады и дают консультации по важнейшим проблемам производства»¹. Вот описание одного из таких широких собраний:

«Это открытое собрание. Ни одна академия наук в мире, за исключением этой, не может даже подумать об устройстве такого собрания.

Это на Выборгской стороне, в знаменитом своим революционным прошлым рабочем квартале Ленинграда. Рабочие здесь рас-

¹ «СССР на стройке», июнь 1934.

полагают чудесным дворцом культуры, в большом зале которого они сейчас собрались. Академики сегодня гости Выборгских рабочих, завтра они будут в гостях у рабочих и работниц Краснопутиловского завода.

...Зал заполнен пролетариями, пришедшими прямо с фабрик, заводов, из технических школ, с верфей. Один за другим выходят на обширную сцену академики, и собрание встречает их громовыми аплодисментами. Здесь имена, знаменитые во всем мире, в астрономии, физиологии, биологии, геологии и других науках. Здесь седые львиные головы, широкие сутулые плечи—много традиционных фигур ученых минувшей эры. Некоторые все еще носят старинный чопорный скюртук, продолжая хранить традиционное презрение к платью.

Они пришли дать очередной отчет рабочим. Но это не поддельная «популярная» наука, не тихий вечер «просвещения взрослых», на котором благосклонные профессора легко и снисходительно, на ультраупрощенном языке сообщают трудящимся некоторые легкие и пикантные новости из геологии или астрономии. Так выглядит лишь «движение за просвещение взрослых» в капиталистических странах¹.

«Такие собрания академиков созываются пять или шесть раз в году. Эти открытые сессии превращаются в особенность нашей Академии. Академики посещают заводы, путешествуют по стране, встречая трудящихся, отчитываясь перед ними, знакомясь с опытом рабочих и с их трудностями. И обе стороны полны подлинной искренности и дружелюбия. Конечно, это не всегда было так. Были ученые, которые долгое время после революции стояли в стороне от революции и от рабочего класса, ибо они боялись за свою науку. Но время блестяще доказало их неправоту»².

В. П. Волгин, непреременный секретарь Академии, в отчете о деятельности Академии за 1932/33 г. отмечает, что «в течение последних лет учреждения Академии радикально перестроились, разрушив стену, отделявшую Академию от окружающей ее

¹ «Москау дейли ньюз», 22 декабря 1932.

² Там же. Тесная связь ученых с людьми, работающими на производствах, которых касаются их исследования, представляет собой постоянное явление в СССР. Отметим, например, что академик Вавилов, президент Ленинградской академии сельскохозяйственных наук, в мае 1933 г. «выехал из Ленинграда в Среднюю Азию, где он будет проверять ход посевной кампании. Он будет также наблюдать за работой опытной станции, организованной вблизи Ташкента институтом растениеводства с целью внедрения новых культур в Казахстане» (там же, 11 мая 1933).

В Великобритании и Соединенных штатах собрания Британской ассоциации поощрения науки и соответствующих американских ассоциаций с пользой для дела способствуют популяризации научной работы, но они отстают от институтов СССР в отношении непосредственных связей с самими отраслями промышленности.

революционной жизни нашей страны. Оставаясь всесоюзным центром теоретических исследований, Академия сумела также связать свою деятельность с основными задачами социалистического строительства. Физико-математический институт одной из ассоциаций, в задачи которого входят только теоретические исследования (проблемы технической физики изучаются физическими и техническими учреждениями Комиссариата тяжелой промышленности), продолжал свои работы по квантовой электродинамике и расчистил путь для экспериментального исследования строения материи (расщепление атомного ядра). Подобную же работу проводят, каждая в своей области, Химическая ассоциация, Платиновый институт, Почвенный институт, Биологическая ассоциация, Лаборатория биохимии и физиологии растений, Зоологический институт, Историко-археологический институт, Институты славянских культур и Востоковедения и Институт русской литературы¹.

Коммунистическая академия

Идейное руководство, распределение и координация работы тысячи или более научных учреждений СССР осуществляются не одной только Академией наук. Эту важную функцию она делит с другим органом, совершенно независимым от Академии наук и называемым Коммунистической академией².

¹ «Москау дейли ньюз», 21 февраля 1934.

² Коммунистическая академия, в начале названная Социалистической академией, начала свою историю с заседания Совета народных комиссаров от 15 марта 1918 г., на котором Ленин одобрил предложение двух революционных интеллигентов, профессоров М. Н. Покровского и М. А. Рейснера, и предложил выработать постановление. Это постановление, принятое 25 июня 1918 г., учреждало «Социалистическую академию общественных наук» в качестве «свободной ассоциации лиц, имеющей целью изучение и преподавание общественных наук на основе научного социализма и коммунизма, как равно и наук, родственных выше-названным областям знания». Она должна была состоять из «двух основных секций: а) научно-исследовательской и б) научно-педагогической». Ей были предоставлены значительные права и свобода действия, но она «состояла при Всероссийском центральном исполнительном комитете», от которого она получала необходимые средства. В 1919 г. новое постановление (15 апреля 1919 г.) определило ее как «автономную ассоциацию работников в области научного социализма, имеющей своей целью научную организацию и научное исследование и просвещение». Она должна была собрать воедино и объединить «работников научного социализма в РСФСР». Только в 1923 г. она была названа Коммунистической академией и только в 1926 г. ее цели и задачи были выразительно определены в терминах «марксизм и ленинизм».

См. статью В. Островитянова и Ф. Преmysлера, Коммунистическая академия, в журнале «Научное строительство в СССР» № V, ВОКС, 1933, стр. 28—36.

Эта организация, созданная правительством Ленина в первые месяцы советской власти, описана в следующих параграфах постановления Центрального исполнительного комитета (ЦИК) от 26 ноября 1926 г.:

«1) Коммунистическая академия является высшим всесоюзным ученым учреждением, имеющим целью изучение и разработку вопросов обществоведения и естествознания, а также вопросов социалистического строительства на основе марксизма и ленинизма.

2) В задачи Коммунистической академии входят: а) разработка вопросов марксизма и ленинизма; б) борьба с буржуазными и мелкобуржуазными извращениями марксизма и в) борьба за строгое проведение точки зрения диалектического материализма как в обществоведении, так и в естественных науках и разоблачение пережитков идеализма»¹.

Организация и специфические функции Коммунистической академии, в состав которой всегда входили только члены партии, подвергались различным изменениям. В 1934 г. она управлялась президиумом из 15 членов, один из которых исполнял обязанности президента. Президент и еще три члена, избранные президиумом, составляют бюро президиума, которое и осуществляет повседневное руководство Академией.

Из следующего авторитетного описания развития этой Академии можно извлечь представление о характере ее научно-исследовательской работы:

«В годы первой пятилетки Коммунистическая академия широко разрабатывала проблемы социалистического строительства, ведя борьбу против буржуазных, троцкистских, правых и «левых» оппортунистических теорий.

...Поворотным пунктом в работе советского теоретического фронта вообще и в работе Коммунистической академии в особенности послужила речь товарища Сталина на конференции аграрников-марксистов. Его речь, посвященная проблемам аграрной политики, дала руководящие указания для всего идеологического фронта. Эта речь дала также полный перечень требований к науке, диктуемых переходом от восстановительного периода к реконструктивному, периоду развернутого социалистического наступления. Этот поворотный пункт сопровождался научной дискуссией, которая возникла на экономическом, аграрном и литературном фронтах, на фронте теории государства и права и на других. Результатом этих дискуссий было осуществление, под руководством партии и правительства, полного разоблачения и разгрома идеалистических извращений

¹ Постановление Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Всесоюзного съезда советов, 26 ноября 1926.

марксизма в области политической экономии, философии, истории партии, литературной критики, педагогики и т. п.

...Наиболее важная стадия работы Коммунистической академии была намечена постановлением Центрального комитета коммунистической партии от 15 марта 1931 г., принятым по докладу президиума Академии. Отмечая правильную политическую линию, проводившуюся Академией в борьбе против антимарксистских и ревизионистских тенденций, Центральный комитет указал на необходимость неустанных усилий «по искоренению существующих и возникающих в разных областях теорий, отражающих буржуазное социал-демократическое влияние» (а также на)... «необходимость сосредоточить коммунистическую мысль на теоретической разработке проблем социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата.

...В соответствии с этим постановлением институты Коммунистической академии начали перестраивать свою работу, координируя ее в большей степени с задачами социалистического строительства.

...Так например, Институт советского строительства принял участие в разработке целой серии вопросов, связанных с перестройкой работы советов и органов революционной законности; Институт мирового хозяйства развернул работу по изучению экономического положения и разработал ряд вопросов, относящихся к мировому экономическому кризису; Аграрный институт начал более тесно координировать свою работу с Народным комиссариатом земледелия СССР; Институт экономики начал разрабатывать конкретные проблемы социалистического строительства и т. д.

...В течение первой пятилетки Коммунистическая академия была превращена в сложный организм, включающий в свой состав целый ряд научно-исследовательских учреждений. В 1931 г. она охватывала девять отдельных институтов и также Ассоциацию естественных наук, которая в свою очередь имела в своем составе одиннадцать отдельных научных учреждений. К этому следует еще добавить девять редакций специальных научных журналов и 16 марксистских обществ.

...Институты красной профессуры, входившие тогда в Коммунистическую академию, посещали 2 500 студентов.

...Этот количественный рост создал трудности в конкретном руководстве научной работой. В этой связи перед Коммунистической академией прямо встал вопрос о децентрализации научно-исследовательской работы, что и было осуществлено в 1932 г.

В настоящее время Коммунистическая академия имеет 7 институтов: а) Институт экономики, б) Институт мирового

хозяйства и мировой политики, в) Институт советского строительства и права, г) Аграрный институт, д) Институт философии, е) Институт истории и литературы и ж) Институт искусства. Коммунистическая академия имеет также филиал в Ленинграде»¹.

Один из наиболее важных из этих институтов—Аграрный—был создан в 1933 г. по решению XVII партийной конференции «для выработки форм и методов перестройки колхозов и для построения теории на базе местного опыта». Ревзина, руководитель этого института, заявляет, что «наш Институт был основан для помощи партии и правительству в осуществлении их задач посредством подытоживания, освещения и обобщения опыта существующих колхозов. Мы распространяем опыт лучших колхозов, чтобы все могли его использовать, и выявляем недостатки и ошибки в работе других колхозов...

В своих политических указаниях партия боролась против двух явлений, мешающих организации труда: против недостаточной индивидуальной ответственности и идеи равного распределения продукции, независимо от того, кто сколько работы выполнил. Когда начинается коллективизация в сельскохозяйственном районе, где до сих пор работа велась единолично, люди, теряющие свой личный участок земли, склонны терять также и чувство личной ответственности за местную общественную жизнь. Некоторые не чувствовали никаких индивидуальных обязательств по отношению к общественному порядку. Четвертого февраля 1933 г. Центральный комитет коммунистической партии принял постановление, направленное к изжитию безответственного отношения к коллективной собственности. На основе этого постановления была осуществлена стабилизация рабочей силы в постоянных бригадах, за которыми закрепили определенные участки земли для обработки. Эти бригады получают от коллектива средства на производственные расходы и несут полную ответственность за обработку своего участка земли». Аграрный институт предложил ввести сдельщину, премиальную оплату труда и организацию звеньев из полевых и тракторных бригад. «Институт подытоживает и изучает опыт созданных в этом году политотделов МТС», так же как и важные проблемы учета, который абсолютно необходим для политотделов².

¹ Статья В. Островитянова и О. Премыслера в выпуске ВОКС, называемся «Научное строительство в СССР», № V.

² «Москау дейли ньюз», 6 августа 1933. Постановлением Центрального комитета коммунистической партии в июле 1934 г. Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук была реорганизована. Ее отделения были ликвидированы, а на их место создаются подчиненные Академии исследовательские институты, каждому из которых будет поручен особый предмет исследования. Возглавляет эту Академию комиссия из 50 членов, из которых 30 назначаются народными комиссариатами земледелия и совхозов,

Нам неясно, в какой связи находятся Коммунистическая академия и ее семь институтов с отделением общественных наук Академии наук, которое, как мы уже отмечали, имеет свои учреждения, работающие в той же области; это особенно Историко-археографический институт, Институт славяноведения и востоковедения, Институт языка, Институт русской литературы и Совет по изучению производительных сил.

В настоящее время (1935 г.) в Москве говорят, что, поскольку марксистские методы научных исследований стали общепризнанными, Коммунистическая академия будет вскоре распущена. Ее институты будут переданы Академии наук, за чем следует, возможно, некоторое перераспределение между ними предметов их исследований.

Всёобщее участие в исследованиях

Одним из замечательных явлений истекшего десятилетия является широкий интерес к научным исследованиям и степень действительного участия в них рабочих, администраторов-практиков и даже школьников. Не только от каждой фабрики и каждого совхоза требуется, чтобы они содержали собственные научные лаборатории и производили самостоятельные опыты, но и каждого отдельного рабочего поощряют, чтобы он представлял свои предложения и даже изобретения.

В настоящее время в СССР есть буквально сотни тысяч рабочих, комсомольцев, студентов и т. д., которые полагают, что они сделали разного рода оригинальные изобретения, считают себя изобретателями и тратят значительную часть своего свободного времени на экспериментирование над новыми приспособлениями. Существуют массовые общества изобретателей, регулярно собирающие конференции и обсуждающие способы наибольшего поощрения изобретательства. Есть центральный совет изобретательства, которому выделено 2 750 тыс. рублей в фонд премирования наилучшим образом организованных заводских ячеек изобретателей. Эти деньги должны быть использованы «для улучшения материального положения изобретателей» на заводах, которые осуществляют их проекты. «Для руководства изобретательским движением Всесоюзный совет профсоюзов создал комиссию (ВОИЗ) из представителей Совета (профсоюзов), Комитета по изобретательству (БРИЗ) при Совете труда и обороны (СТО), Центрального совета общества изобретателей, Центрального комитета коммунистического союза молодежи, Народного комиссариата тяжелой промышленности

а 20 «членов-корреспондентов» набираются из числа крупнейших ученых. Управление Академией поручено президенту, двум заместителям его и «ученому секретарю» (там же, 21 июля 1934 г.).

и двух ежедневных московских газет, «Правды» и «Труда», органов коммунистической партии и профессиональных союзов¹.

Рабочие и инженеры ряда предприятий Москвы обязались внести каждый хотя бы одно рационализаторское предложение в изобретательский фонд XVII съезда партии, и на этих заводах уже прошли или идут собрания и конференции изобретателей и рационализаторов.

«В связи с приближением съезда Центральный совет ВОИЗ посылает своих уполномоченных в Горький, Ленинград, на Украину, Урал, Северный Кавказ для помощи в организации деятельности рабочих изобретателей этих городов и республик. В Горьком намечено созвать еще до открытия съезда партии конференцию молодых рабочих изобретателей Горьковского края»².

Мы наилучшим образом завершим наше описание широкого народного участия в научных исследованиях следующим рассказом о двенадцатилетнем мальчике, который получил в учреждении, существующем только в СССР, поощрение своей страсти к изобретательству, рассказом, показывающим официальное отношение к любителю-изобретателю, к которому во всех других странах относятся как к докучливому беспокойству.

«С недавних пор Павел—ему только 12 лет—пристрастился к электричеству. Он устроил дверной звонок, который упрямо отказывался звонить. Все свободное время он суетился в комнате или в коридоре у проводов и предохранителей. Я подозреваю—и не без оснований,—что отсутствие света в нашей квартире на прошлой неделе было результатом его деятельности.

...Оставив, наконец, звонок, Павел сконструировал электрический мотор. Его машина, конечно, имела лишь отдаленное сходство с обычным мотором. По размеру он был с кулак Павла и представлял собою плоскую катушку, на которой намотана покрытая белой изоляцией тонкая проволока. Этому мотору недоставало главного признака всех моторов: он не двигался сам и ничего не приводил в движение.

Павел заволновался и отправился куда-то что-то выяснять. Повидимому, его исследования были успешны: его курносое лицо радостно засияло. После школы, покончив с обедом, Павел одел теплое пальто и шапку с наушниками. «Куда ты идешь?»—спросил отец, не отрываясь от газеты. «На детскую техническую станцию», — важно ответил Павел... Ему не пришлось долго искать. Дом № 8 был третьим от угла. Павел вошел в большой двор. Перед ним был маленький деревянный дом, а дальше, в другом конце двора, стояло трехэтажное кирпичное здание.

¹ «Москау дейли ньюз», 10 мая 1932.

² «Москау дейли ньюз», 27 декабря 1933.

«Зачем ты пришел, мальчик?»

Набравшись храбрости, Павел в свою очередь задал вопрос:

«А кто вы? Один из работников технической станции?»

«Да, я ее заведующий».

Скуластое лицо Павла оживилось.

«Вас я и хотел видеть. Я ...я сделал электрический мотор. Только он не работает. И вообще...»

Заведующий станцией улыбнулся.

«Ты хорошо сделал, что пришел сюда, идем со мной».

Они вошли в дверь с надписью «Индивидуальная консультация». Они очутились в большой, хорошо освещенной комнате. Там было полно народу и, несмотря на то, что все говорили, не было шумно, это был деловой шум улья, в котором все в порядке... Павел присоединился к группе, столпившейся около консультанта. Очень скоро он узнал, в чем заключались недостатки его мотора. Его послали в электротехническую мастерскую, расположенную в том же деревянном доме. С сияющими глазами и бьющимся сердцем Павел наблюдал, как его мотор начал вращаться. Однако его энтузиазм тут же уменьшился, так как ему сказали, что его модель неэкономична, забирает слишком много тока и дает малый эффект; ему указали также и на другие недостатки его мотора и объяснили, как их устранить.

В мастерской было все необходимое для юного электротехника и изобретателя, чтобы он мог производить опыты и испытания. Там были настоящие реостаты, моторы, динамо, трансформаторы, достигающие напряжения в 40 тыс. вольт. Вместе с другими мальчиками он провел здесь первый вечер, а затем и ряд других, в серьезной и осмысленной работе... В каждом районе Москвы можно найти детскую техническую станцию и постоянно создаются все новые. Лишь в этом году на Трехгорной фабрике была устроена хорошо оборудованная станция. Очень быстро растет их число также и в провинции. Центральная станция связана с 25 из них, но их общее количество несравненно больше и возрастает почти ежедневно. Политехнизация школы дала мощный толчок их развитию. Недавно была организована станция на Горьковском автозаводе. Работники станций часто приезжают в Москву на Центральную станцию, чтобы изучить ее работу и опыт. Три комсомольца, которых Павел видел разговаривающими с руководителем Центральной станции Ольховским, оказались работниками Воронежской станции, приехавшими посмотреть и поучиться...

Из этих мальчиков выходят иногда исключительно квалифицированные техники и изобретатели. Так, например, мальчики, работавшие в авиомодельной мастерской, превратились в ценных для аэроплановых заводов и авиационных школ специалистов.

...Организирующие и развивающие детское техническое движение детские технические станции составляют одну из наиболее характерных черт социалистического воспитания, основывающегося на трудовых началах, на самостоятельном развитии, на началах предоставления способностям и талантам многих каждой возможности наибольшего развития с самого раннего возраста. И сколько крупных талантов будет тщательно воспитано с самого их зарождения. Трудно себе даже представить, какие обильные плоды принесет в будущем поколение, которому сейчас 12—13—15 лет... И поскольку «техника в период реконструкции решает все», нельзя не согласиться со словами Ольховского: «детское техническое движение не мелочь... Дайте ему время развиваться, и вы увидите огромные результаты, которые оно принесет. Перспективы захватывающие!»¹

Работа различных научно-исследовательских учреждений

Мы не располагаем ни компетенцией, ни информацией, чтобы дать оценку действительных достижений огромной массы научных учреждений всего СССР или успехов, достигнутых централизацией идейного направления и планирования их деятельности. Мы не можем претендовать на точное описание организации работ этой тысячи с лишним отдельных институтов. Мы можем дать лишь некоторые иллюстрации той огромной инициативы, безграничного разнообразия и ненасытной интеллектуальной любознательности, проявляемых в этих исследованиях. От темных глубин Ледовитого океана и Черного моря до космических лучей в стратосфере; от различных факторов

¹ Статья А. Палей в ВОКС, № 1—2 за 1933 г., стр. 151—156. См. также описание этих детских технических станций в выпуске ВОКС, названном «Школа в СССР». Там сообщается что «увлекающиеся механикой дети, которые желают испытать сконструированные ими приспособления, встречают в этих центрах радужный прием. Здесь имеется квалифицированная консультация по всем вопросам, связанным с механикой, и мастерские, в которых можно практически осуществлять различные научные опыты. Помощь оказывается также и заочно. Директор Московской станции ежедневно получает тридцать или сорок писем из провинции от настоящих изобретателей и стремящихся стать изобретателями. Станции имеют радио, электро, фото, авто и другие комнаты со специальными аппаратами, со своими консультантами и со своими группами учащихся.

В этих школах сконцентрированы дорогие аппараты и модели, которые недоступны обычным школам. Иногда дети, пользующиеся ими, вырастают в квалифицированных техников и изобретателей. Мальчики, работавшие прежде в «авиомодельных» мастерских, становятся теперь ценными специалистами на авиационных фабриках и в авиационных школах. Изобретательность молодости слишком ценное качество, чтобы его не использовать. Иногда фабрики обращаются к этим станциям для изучения некоторых проблем рационализации, и часто эти проблемы получают правильное разрешение».

погоды (включая «дождевание») до причин, обуславливающих землетрясения; от использования еще не разрабатывавшихся ископаемых богатств до выращивания новых плодов, видоизменения существующих злаков и разведения новых гибридов животных—ни один уголок материального мира не оставлен нетронутым. Пожалуй, самая своеобразная черта типичного советского научного учреждения заключается в тщательном планировании собственных исследований. Каждый отдел—составляет хорошо осведомленный английский ученый¹,—составляет свой план работы с 1 января до 31 декабря каждого года. Этот план детализируется поквартально, а иногда могут быть даны предположения о том, что будет сделано каждый день. В конце каждого месяца научный работник подсчитывает, на сколько процентов он выполнил свой план. Обычно это составляет 80—90% (мы можем смело предполагать, что это относится к отдельным экспериментам, которые должны быть произведены) и подсчеты замечательно правдивы. Работники каждого отдела организованы в бригады, которые часто собираются для обсуждения как своей работы, так и всей работы учреждения. Каждая бригада должна давать отчет в своей хозяйственной и научной деятельности. Каждая исследуемая проблема имеет свой счет, в который заносятся все заказы на аппаратуру. Таким образом расходы на работу над каждой проблемой автоматически регистрируются и могут быть сравниваемы с плановыми предположениями. К такому механическому учету лабораторной работы не следует относиться с пренебрежением. Фарадей точно так же изо дня в день подсчитывал и механически регистрировал все свои тысячи опытов, большинство которых, разумеется, были явно бесплодно. Было бы ошибкой полагать, что простое выполнение бесчисленных экспериментов смешивается в СССР с безграничной любознательностью и всевозможными случайными идеями, в которых иногда неожиданно рождаются открытия.

Оборудование многих из этих учреждений, хотя и не всех, вызвало восхищение и зависть у всех иностранных ученых, посетивших их. Новейшие и самые сложные аппараты для каждой отрасли экспериментальных работ приобретались, очевидно, не жалея затрат, в Европе и Америке, а еще большее количество их, включая многие новые механизмы, изготавливались внутри страны².

¹ «Организация исследовательской работы» в «Манчестер гардиан коммершиел», 2 июля 1934.

² «Советское правительство показывает свое отношение... представлением ученым средств для осуществления их работ и созданием специальной комиссии по улучшению материальных условий ученых. В разных углах Советского Союза открыты клубы, дома отдыха, санатории для

Невозможно было, конечно, оборудовать все институты одновременно, и преимущество в очередности предоставлялось, как сообщают, тем из них, которые были связаны с наиболее настоятельными проблемами, вытекавшими из первого пятилетнего плана. Некоторые учреждения, как например биохимические, должно было, по необходимости, ждать нужного им нового оборудования до второй пятилетки, когда возможно стало делать большие ассигнования на эти цели. Если мы вспомним о намерении советской страны сосредоточить все свои силы на том, чтобы как можно скорее сделать СССР независимой от других стран в отношении производства всевозможных машин, нас не удивит, что примерно четверть всего числа научных учреждений находится в ведении Комиссариата тяжелой промышленности. Необходимость быстрого увеличения производства пищевых продуктов стала во втором пятилетнем плане почти вопросом жизни и смерти. Поэтому были значительно увеличены ассигнования на исследования в сельском хозяйстве, на развитие пищевой промышленности и на расширение выпуска других «потребительских товаров», производство которых прежде всего было отодвинуто на второй план машиностроением. В третьем пятилетнем плане появятся, вероятно, и другие первоочередные мероприятия, и следует ожидать, что относительное распределение научных учреждений, поскольку это касается исследуемых ими предметов, будет очень значительно отличаться от сегодняшнего. Следовательно, не все теперешние исследования в СССР занимают одинаково передовые позиции. Вполне возможно наличие некоторых учреждений, разрабатывающих такие проблемы, которые британскими, французскими или американскими учеными уже в достаточной мере изучены в их собственных лабораториях. Мы опасаемся, что научная мысль Запада и научная мысль СССР еще слишком сильно изолированы друг от друга. Данные советских исследований в различных областях, например, в антропологии и геологии, как нам кажется, недостаточно известны английским и американским ученым.

Математика и физика

Одной из областей, где советские научные учреждения получили международную репутацию если не за новые открытия, то по крайней мере за хорошую работу, являются новейшие проблемы физики. Учреждения научного отдела (НИС) Народ-

ученых. Они приравнены к высшей категории по обеспечению их пищевыми продуктами, возможностью передвижений по стране. Принимаются все меры к тому, чтобы дать им возможность безраздельно отдаваться созидательной и изобретательской работе» («Москау дейли ньюз», 2 ноября 1932).

ного комиссариата тяжелой промышленности показывают, что они продвинулись далеко вперед в организации комбинированных работ. Среди них можно назвать Московский институт физической химии имени Карпова, Ленинградский институт химической физики, физико-технические институты в Ленинграде и Харькове, Ленинградский оптический институт и Электротехнический институт... Осуществлявшиеся в этих институтах работы таких исследователей, как Фрумкин, Семенов и Иоффе¹, упоминаются как заслуживающие внимания.

Сырье и процессы производства богатств

Оригинальная работа, по меньшей мере такой же важности, но имеющая большее непосредственно-практическое значение, была осуществлена объединенной атакой на научные проблемы, на которые натолкнулись ученые при сведении обусловленного первым и вторым пятилетними планами сложного технологического баланса добывающей и обрабатывающей промышленности. «Создание научно-технического отдела,—читаем мы о НИС Народного комиссариата тяжелой промышленности,—обеспечило тесную связь между теоретическими исследованиями и практической работой. За последние 4 года только одна тяжелая промышленность создала 235 научно-исследовательских учреждений для деятельности в разнообразных отраслях. Топливо (уголь, нефть, торф, брикет), металлы (черные, цветные, легкие и редкие), химия со всеми ее многочисленными специальностями, строительство и стройматериалы, авиация, автотракторная промышленность и машиностроение—каждая из этих отраслей имеет свои специальные учреждения, изучающие их специальные проблемы. Эти учреждения размещены не только в старых промышленных центрах, но и по всему Союзу даже и в таких отдаленных районах, как Урал, Сибирь и Средняя Азия².

Сельское хозяйство

В течение последних лет, под влиянием постоянно ощущаемого недостатка в пищевых продуктах (никогда не следует забывать, что царская Россия каждое десятилетие страдала от настоящего голода), особое внимание уделялось проблемам сельского хозяйства. Буквально сотни учреждений по биологии, генетике, животноводству, по применению в сельском хозяйстве электричества и даже авиации, совместными усилиями стре-

¹ «Москау дейли ньюз», 2 ноября 1932.

² «Москау дейли ньюз», 5 ноября 1932.

мятся найти возможности увеличения количества и повышения качества бесчисленных разновидностей пищевых продуктов. «Сегодня в СССР,—читаем мы в 1933 г.,—не менее 1 233 научных станции для наблюдений и опытов в сельском хозяйстве, из коих больше тысячи основаны позже 1930 г.». Это больше, чем было открыто станций во всем мире в течение первых 75 лет научного изучения сельского хозяйства, с тех пор как первая такая станция была основана во Франции в 1835 г. Шестьсот сорок шесть учреждений работают только в одной области растениеводства, 100 по фруктам, 79 по масличным растениям, 76 по овощам, 61 по хлопку, 60 по кукурузе и сорго, 60 по картофелю, 52 по зерну, 45 по новым культурам, 25 по льну. В области животноводства работают 254 научных учреждения...¹ Примерно 26 тыс. научных и технических работников заняты в этих учреждениях. Требование на новых научных работников для сельского хозяйства было так велико, что коммунистические университеты, чьей функцией было готовить руководителей для правительственных и партийных учреждений, были преобразованы в сельскохозяйственные школы, готовящие руководителей для сельского хозяйства.

Эта сеть научных станций простирается далеко по всей стране от 40 станций в Закавказье, 31 в Узбекской республике и 5 в отдаленном Таджикистане до знаменитой Хибинской станции, расположенной севернее полярного круга, ведущей борьбу за внедрение земледельческих культур на севере.

Они имеют в своем составе учреждения, уже известные всему миру, как Ленинградский институт растениеводства, Институт механизации и электрификации сельского хозяйства, Институт удобрений, Ирригационный институт, Саратовский институт,

¹ Предварительные результаты работы профессора Германа Мюллера в Академии наук над проблемами генетики, заявил Вавилов, «показывают, что мутации легче достигаются у потомства скрещенных пород скота, нежели у потомства чистых пород». Более того, ученые ленинградской лаборатории открыли, что гораздо легче привести к мутации при помощи X-лучей, если муха, над которой производятся опыты, питается солями, полученными из тяжелых химических элементов. Благодаря работам д-ра Медведева стало возможно сравнение воздействия этого питания на две породы мух. Американские работники открыли, что если группу семян разделить, одну часть посадить немедленно, а другую хранить в продолжение пяти лет, то вторая партия дает мутации, отличные от мутаций первой. Без сомнения, здесь имеется некоторая связь между этим явлением и мутациями, получаемыми профессором Мюллером при помощи X-лучей, и таким образом сотрудничество этого института с американскими учеными оказалось обоюдно выгодным. «В этих лабораториях имеется группа очень способных молодых людей,—говорит один американский наблюдатель.—Вообще, я нахожу, что средний научный работник здесь значительно моложе, чем в Америке. Во многом я предпочитаю молодых ученых, они полны энтузиазма, которого недостает старикам» («Москау дейли ньюз», 27 октября 1933).

изучающий сельское хозяйство в засушливых районах. С ними сотрудничают сотни тысяч «колхозников-изобретателей», которые создают новые методы, испытывают их и передают научным станциям, а также используют результаты опытов научных станций в своих хозяйствах¹.

«Профессор Н. И. Вавилов продолжает руководить Ленинградской академией сельскохозяйственных наук им. Ленина, одновременно наблюдая за работой Биологического института Академии наук в Москве. Первая организация имеет аппарат в 18 тыс. человек, работающих на различных станциях по всему СССР. Последние исследования профессора Н. И. Вавилова касались происхождения домашних животных. Свои демонстрации происхождения культурных растений в определенных мировых центрах он продолжил подобными же исследованиями с домашними животными. Ему мы обязаны открытием, что родиной почти всех культурных фруктовых деревьев является Персия (Иран). Персидские джунгли состоят сплошь из дикой вишни, сливы, яблони и других фруктовых деревьев. Их плоды очень малы, но того же сорта. «Рассказ о саде Эдема построен на особенностях персидских джунглей», и большевикам кажется странным, что одному из их ученых первому пришлось показать, что этот рассказ основывается на исторических фактах. Последние результаты, полученные профессором Вавиловым, показывают, что Азия сыграла важную роль не только в происхождении домашних животных, но также и в происхождении человеческой расы.

Советская наука очень активна. Всюду организуются кружки и курсы. Несмотря на широкое распространение просвещения, ощущается острый недостаток в научных руководителях для всех курсов, но уже появляется новый тип молодого

¹ «Москау дейли ньюз», 15 февраля 1933.

Анна Луиза Стронг, передавая интервью с Вавиловым, приводит не лишенный значения анекдот: «Вавилов, главный научный консультант Комиссариата земледелия, известный всему миру сельскохозяйственных ученых своими великолепными трудами по растениеводству, рассказал мне однажды о посещении им передовой опытной станции в Англии. Директор этой станции отметил, что, несмотря на то, что он имеет чудесное оборудование и высоко подготовленных научных работников, ему не хватает научных проблем, к которым он мог бы применить свои старания с надеждой на успех.

«Такой же была наша наука в прошлом,—добавил Вавилов.—Мы, ученые, узнавали больше, чем мы когда-либо могли надеяться увидеть примененным на отсталых крестьянских полях России. Но теперь, когда обобществленное сельское хозяйство делает возможным быстрое применение науки, у нас нехватает времени на то, чтобы разрешить те захватывающие проблемы, которые ежедневно ставит перед нами сама жизнь».

коммуниста-ученого. Сумеет ли он одновременно делать научные открытия и придерживаться политической линии коммунистической партии?»¹.

Генетика

«Интересных результатов достиг другой ученый, иностранец, временно работающий в институте (генетики). Болгарский генетик Костов сумел преодолеть бесплодие так называемых «отдаленных гибридов» (продукт скрещивания нормального табака с его далеким предком обычно не размножается). Когда Костов ввел в процесс скрещивания третьего участника (другую разновидность дикого табака), полученный гибрид оказался способным к размножению. Вавилов высказал мнение, что примененный Костовым способ получения третичных и четвертичных гибридов давно уже имел место в природе, так что целый ряд видов следует рассматривать как синтетический продукт...

По мнению Вавилова, практические результаты этого открытия необъятны. Если бы можно было получить размножающийся гибрид гигантской американской разновидности табака, которую обычно уничтожают, как траву, но содержащую в своих листьях очень много лимонной кислоты, в нашей стране не было бы недостатка в этой последней. Не дожидаясь этого, советские ученые нашли способ получения этой драгоценной кислоты из листьев махорки, которая, однако, содержит ее гораздо меньше, чем американский табак...

Говоря о результатах своей прошлогодней экспедиции в Центральную и Южную Америку, академик заявил, что, вопреки существующим предположениям, он установил, что огромные пространства Южной Америки играли довольно незначительную роль в генезисе культурных растений. Некоторые из важнейших как хлопок, кукуруза и многие виды овощей, впервые появились в сравнительно небольшой горной части Южной Америки, в Гватемале и Гондурасе. С другой стороны, картофель «родился» на высотах Перу, Боливии и Эквадора, на уровне 3 500—4 000 метров. При исследовании территории последнего Вавилов обнаружил 16 доселе неизвестных разновидностей картофеля, из которых некоторые не боятся ни мороза, ни болезней. Эти разновидности эквадорского картофеля уже с успехом культивируются на опытной ферме Института растениеводства вблизи Ленинграда»².

«Современное экспериментирование не дожидается медленных процессов природы, чтобы проверить свою работу.

¹ «Манчестер гардиан», 23 марта 1935.

² «Москау дейли ньюз», 22 февраля 1933.

Например, Саратовский институт располагает огромными сараями, в которых он создает свои собственные засухи, горячие ветры, зимние условия. Найдены способы быстрого размножения хлопка, посредством которых можно качество какой-либо новой его разновидности распространить по всей Средней Азии в течение четырех лет. Методы искусственного оплодотворения животных также дают возможность быстрого распространения новых пород. Сама наука переходит на скорость пятилетки. Таковы главные особенности развития сельскохозяйственных наук за истекшие три года¹.

Один из передовых английских ученых следующим образом комментирует прогресс сельскохозяйственной науки в СССР. «Всюду,—пишет сэр Дэниел Холл,—человек науки в наше время должен чувствовать себя виноватым перед земледелием. Два поколения умоляли его сделать землю более плодородной и уменьшить стоимость ее обработки. Но, как пишет мне американский профессор-агроном: «десять миллионов акров хлопка и тысячи акров табака были перепажаны. Последний шаг—это уничтожение около 5 млн. свиней весом ниже 100 фунтов и убой около 200 тыс. будущих свиноматок. Если это приведет к национальному процветанию, то я зря прожил свою жизнь». Человеку науки можно простить, когда он приходит к выводу, что он больше не нужен и может уединиться в «башню из слоновой кости», но сколько бы пищи для иронии ни давало зрелище мира, ему не удастся ею насладиться в одиночестве; когда наступит потоп, его унесет вместе со всеми...

Единственный пример для нас—русский план. Он представляет собой то, что мы могли бы назвать калькуляцией инженера, стремящегося получить максимум эффективности от обработки земли при наличии совершенно точного расчета соотношения земли, труда и капитала и без каких бы то ни было помех, не считая почвенных и климатических условий. Это способ промышленной эксплуатации, какой мы наблюдаем на некоторых крупных фермах Соединенных штатов, возведенный всемогущей государственной организацией в более высокую степень мощности, от тысяч до миллионов акров. Его цель—добиться от почвы пищи и другого потребного стране сырья с помощью минимальной затраты человеческого труда, усилив его эффективность применением науки и машин. Таким образом, этот план освобождает большую часть рабочей силы, дотоле занятой на земле, для других видов производства, которые будут увеличивать реальные богатства общества. Для своего осуществления этот план требует огромного искусства руководства и техники государственной организации, которые только на-

¹ «Москау дейли ньюз», 22 февраля 1933.

чали развиваться во время войны. Он требует социальной революции, которую ни одна другая страна не готова осуществить»¹.

Борьба за здоровье

Но исследовательские институты не ограничиваются науками, относящимися специально к процессам производства пищевых продуктов и других товаров. Около пятидесяти институтов находятся в ведении народных комиссариатов здравоохранения семи союзных республик, среди которых РСФСР и Украина играют ведущую роль. Мы здесь должны ограничиться лишь кратким описанием некоторых из этих институтов.

Центральный институт рентгенологии

Центральный институт рентгенологии, радиологии и лечения раковых опухолей был самым первым научно-исследовательским учреждением, созданным при правительстве Ленина. Основанный в 1918 г., он праздновал свой пятнадцатилетний юбилей в 1933 г. «В течение первых лет существования Института, которые совпали с гражданской войной и общей разрухой в стране, работавшие там ученые были единственными, кто вел научную работу в городе, население которого питалось 100 граммами ржаного хлеба в день на человека... Этот институт ведет не только исследовательскую, но также и педагогическую работу. За 15 лет своего существования он подготовил 170 специалистов по рентгенологии. Из них 26 теперь профессора и 76 были направлены в другие научные учреждения. Кроме того около 700 физиков специализировались в этом институте по работе с рентгеновскими лучами»².

Ленинградский институт мозга

Другое учреждение, которое было создано в 1918 г., это Ленинградский институт мозга, основанный «покойным академиком Бехтеревым, имя которого присвоено институту. Организованный на первом году революции, институт вначале занимал скромное положение, но затем постепенно вырос и развивался в крупное научное учреждение, занимающее два многоэтажных здания... В ведении института находятся школа с 3 тыс. учащихся, школа для дефективных детей и психиатрическая

¹ Лекция «Наука и сельское хозяйство», отчет о которой помещен в «Нейчур», 11 ноября 1933 г., включена в сборник, озаглавленный «Поражение науки» с предисловием профессора Соддей, 1935, стр. 13—29.

² «Москау дейли ньюз», 6 мая 1933.

больница. Работники института считают, что произведенные ими глубокие исследования, подтверждаемые подобными же работами в Западной Европе и Соединенных штатах, полностью разбивают теорию о существовании якобы высших и низших по своей природе человеческих рас»¹.

Ленинградский институт экспериментальной медицины

Открытие крупного Ленинградского института экспериментальной медицины, в связи с которым знаменитый профессор Павлов производил свои лабораторные опыты над условными и безусловными рефлексам, наметили новые перспективы развития человека и продолжительности его жизни. В 1934—1935 гг. предстоит открытие шести новых «комплексных клиник» специально для изучения обмена веществ, рака, высшей нервной деятельности, заразных болезней и влияния внешних факторов на условия жизни человека. Полагают, что открытые институтом лучи, которые испускают все живые существа и которые, как доказано институтом, возникают в результате химических процессов в организме, играют важную роль в возникновении злокачественных опухолей. «Институт включает в сферу своих исследований все биологические явления, их связь друг с другом и со специфическими условиями социальной среды... Центральный отдел института—клиника-санаторий, где производятся наблюдения над здоровыми и больными людьми. Если собрать вместе все его различные отделения, лаборатории и клиники, то институт по своим масштабам не имеет себе равных в мире». Одним из предметов, привлекающих особое внимание института, является биологический механизм процесса одряхления.

Московский институт эндокринологии

Этот институт, совместно с другим в Ленинграде, предпринимает целый ряд исследований таинственных желез внутренней секреции и гормонов. От этих работ ожидают много нового. Внимание института в настоящий момент сосредоточено на возможности применения недавних открытий в проблеме отношений между наследственностью и средой—«палке о двух концах», вокруг которой кипела борьба ряда поколений ученых. «Одни утверждали, что влияние среды на индивидуум важнее наследственности, другие доказывали, что наследственность лежит в основе всего поведения человека. Но эта пара ни разу не встретилась. А сегодня советские ученые выступают с за-

¹ «Москау дейли ньюз», 15 июня 1933.

явлением, что они заставят среду повлиять на наследственность, что они переделают расу, переделают не только это поколение, но и будущее поколение, посредством изменения жизненных условий этого поколения». Касаясь открытий проф. Мюллера, который воздействием рентгеновских лучей на существующие виды насекомых создал новые виды, С. Б. Павленко, научный руководитель Московского института эндокринологии, заявил, что нет основания считать теорию такой мутации неприменимой к человеку. Это оборотная сторона евгеники. До сих пор побороны улучшения расы всегда принимали в расчет среду, в которой человек жил, и говорили: «Имея в виду эти условия, вы должны сделать следующее»... Мы не только учитываем условия. Мы изучаем и изменяем их. А изменяя условия, мы надеемся изменить и расу... Нет сомнения, что в недалеком будущем медицинская наука установит, при каких условиях жизни органы тела остаются молодыми и здоровыми, и откроет некоторые другие омолаживающие экстракты из желез внутренней секреции, что уже было сделано, и человек будет жить в полтора раза дольше, чем он живет теперь... Наиболее важным из этих мероприятий, говорит он, «является массовая работа, которая проводится в целях определения причин и способов лечения эндемических болезней—зоба в некоторых частях СССР, обезображивающей болезни, издавна распространенной в некоторых районах Дальнего Востока... После того как в 1930 г. Московский институт стал направлять экспедиции для изучения и лечения этой болезни, ее распространение значительно сократилось... Во всесоюзном центре работ по эндокринологии, в Москве, институт осуществляет свою научно-исследовательскую работу в хорошо оборудованных лабораториях при помощи 87 компетентных врачей и техников. Кроме того там работает много молодых медиков, проходящих курс аспирантуры, чтобы стать профессорами эндокринологии, и врачей постарше, окончивших университет еще до того, как эндокринология стала частью медицины, и теперь пришедших сюда на шесть месяцев или на год для специализации и в этой области».

Кампания против ревматизма

Одной из специфических проблем, с которой столкнулись в СССР комиссариаты здравоохранения, было громадное распространение ревматизма, на счет которого относится не меньше 18% всех нетрудоспособных по болезни. По этому предмету не было, как кажется, создано специального института. Но большое число учреждений, преимущественно биологических и медицинских, было привлечено к исследованиям, организованным Всесоюзным комитетом по борьбе с ревматизмом, под

руководством профессора Максима Петровича Кончаловского из Первой московской больницы. Кампания приняла две основные формы: одна из них—массовая пропаганда среди рабочих на всех предприятиях мероприятий для устранения условий, способствующих ревматизму. «Прежде чем начать эту кампанию, надо было точно определить природу ревматизма и выяснить, почему он так распространен в некоторых отраслях промышленности. Профессор Сперанский упростил первую из этих задач, показав, что первичное действие ревматического токсина проявляется в изменении и повреждении нервной системы и что уже отсюда вытекает вторичный результат: пораженные нервы часто, но не всегда, нарушают способность больного к движению.

...Установлено, что 18% всех больных падает на ревматиков, факт, доселе неизвестный, так как в 40% всех случаев ревматизм поражает некоторые внутренние органы, как, например, сердце.

...Выяснив характер болезни, с которой предстояло бороться, комитет приступил к изучению условий ее возникновения, исследованию, в котором важную роль сыграл профессор Данишевский. Оказалось, что этой болезни подвержены больше всех крестьяне, транспортники и горняки и что в городе заболеваемость ревматизмом втрое меньше, чем в деревне.

...Дальнейшее исследование показывает, что особенно опасна работа, при которой работающий согревается, а затем быстро остывает, а также всякое другое занятие, связанное с постоянной перегрузкой отдельных органов тела работой. Отсутствие некоторых пищевых продуктов в диете также способствует болезни, а часто повторяемые удары в одно и то же место служат самостоятельной причиной ее возникновения.

...Хотя основное внимание у нас сосредоточено на предупреждении ревматизма, комитет заботится и о лечении уже больных. Чтобы достигнуть успешных для пациента результатов, профессор Кончаловский предпочитает комбинирование различных способов лечения слепой вере в какой-нибудь один способ. Например, хотя по его наблюдениям грязевые ванны мало действительны при остром ревматизме, при хроническом заболевании он считает их лучшим лекарством. К счастью, в СССР много грязевых источников, лучшие из коих в Одессе, Саках, Харькове и Астрахани». Никто не считает, что проблема ревматизма уже полностью разрешена. Борьба с ней еще требует дальнейших комбинированных усилий. «Борьба с ревматизмом будет иметь успех только при условии повышения жизненного уровня масс».

Поэтому такой же упор делается сейчас на популяризацию знаний о ревматизме среди населения. «Медицинские ра-

ботники проводят кампанию массового просвещения в этой области, и правительство, профсоюзы и хозяйственники оказывают им неоценимую поддержку. Созываются собрания, распространяется литература, по всему СССР разосланы докладчики. Профессор Кончаловский сам выступал на эту тему на многих собраниях транспортных рабочих.

«Такая всесторонняя кампания осуществима только в социалистической стране, где здоровье каждого рабочего является предметом забот правительства. В результате этой кампании на предприятиях, где особенно свирепствует ревматизм, стали уделять внимание тому, чтобы рабочие соответственно одевались. Например, грузчиков на железных дорогах предупреждают об опасности простуды по пути из-под навеса в вагоны. Шахтеры узнают, что, для того чтобы они могли дальше эффективно работать в холодной и сырой шахте, им следует носить сухое и теплое платье. Сквозняки, которые прежде очень часто бывали причиной заболевания ревматизмом, теперь ликвидируются на предприятиях. Столовые, в которых питаются горняки и железнодорожники, вводят более разнообразное меню. Такие работы, на которых рабочий получает частые удары в одно и то же место, либо вовсе уничтожаются, либо рабочее время на них сокращается».

Центральный аэро-гидродинамический институт

В другой области науки нужды авиации, гражданской и военной, привели уже в 1918 г. к созданию института, о котором говорят, что он является наиболее всеобъемлюще спроектированным и наиболее совершенно оборудованным из всех подобных научно-исследовательских учреждений в мире. И действительно, проект создания этого института был так тщательно составлен и был так быстро осуществлен, что за прошедшие шестнадцать лет из этого института было выделено не менее четырех самостоятельных институтов, посвятивших себя исследованию специальных проблем, возникших в процессе научной деятельности этого учреждения¹.

Центральный аэро-гидродинамический институт (ЦАГИ) находится в Москве и по своим размерам в настоящее время в десять раз больше, чем в начале его существования. Сейчас

¹ Из этих выделившихся институтов один занимается ветряными двигателями, другой гидравликой, третий—Центральный институт авиомоторостроения и четвертый—Всесоюзный институт авиационных материалов. Относительно ЦАГИ и его деятельности смотри статью заместителя директора его, проф. А. И. Некрасова, Центральный аэро-гидродинамический институт в «Совет калчер ревью» № 2, 1934.

в задачи его входит только проектирование, постройка и испытание всевозможных летательных машин, от самой маленькой одноместной «блочи» до гигантского полужесткого дирижабля. Основное оборудование экспериментального отдела, который, как сообщают, не имеет себе равного в мире, состоит из аэродинамической и гидродинамической труб, огромных как по длине, так и по объему. В этих трубах устроены прекрасные экспериментальные ветряные туннели и каналы, в которых каждая модель, каждая деталь и любой материал могут быть испытаны в различных условиях. Не менее прекрасны и приспособления и оборудование для испытания машин и опытов с ними в полете. Серия научных монографий «Труды ЦАГИ» дает тщательно регистрируемые данные об экспериментальной деятельности всех отделов института. Эти монографии представляют собой один из наиболее ценных вкладов в науку и изучаются, как нам сообщили, всеми научными учреждениями мира, связанными с авиацией.

Разведывательные экспедиции

Другая область научной работы—это огромное число разведывательных экспедиций, отправляемых каждое лето отдельными учреждениями или временными объединениями этих учреждений для исследований геологии и минералогии, флоры и фауны, болезней и т. д., главным же образом ресурсов и возможностей малоизвестных частей СССР. Такие же экспедиции на огромных пространствах ведут раскопки курганов древних погребений и других памятников прошлых цивилизаций, или изучают языки, обычаи и родовой строй той сотни или более расовых групп, которые населяют СССР и среди которых обнаруживаются остатки племен, стоящих на самых разнообразных ступенях цивилизации, начиная от примитивного варварства. Академия наук организует ежегодно больше двухсот отдельных экспедиций, ведущих археографические и антропологические исследования. В то же время каждый год СССР расходует на все более интенсивное и все более совершенное геологическое исследование всей территории больше средств, чем все остальные правительства Европы и Азии, вместе взятые. За последние пять лет число геологических полевых партий неизменно росло. В 1927/28 г. таких партий было 628, в 1929/30 г.—988, а в 1932 г. число их достигло 2 500. Другими словами, за этот период число полевых партий выросло в пять раз. В последние два года большинство из этих партий производили литологические, геологические и топографические съемки¹.

¹ Академик *И. Губкин*, Изучение почвы СССР, в сборнике ВОКС «Научное строительство в СССР» № 5, 1933.

Неравномерность внимания к различным областям науки

Ясно, кажется нам, что советское правительство, вдохновляемое и руководимое Центральным комитетом коммунистической партии, обнаружило за последние десять лет большую преданность науке, чем всякое другое правительство в мире. Оно не только больше расходует на распространение научных знаний и на организацию научных исследований, но и в своей политике и практической деятельности больше других полагается на выводы науки. В этом смысле оно представляет собой наиболее «позитивистское» правительство из всех, какие когда-либо видел мир!

Однако, рассматривая более детально то внимание, которое советское правительство уделяет науке, мы замечаем неравномерность, даже после больше чем десяти лет научных работ, между различными областями исследования мира человеком. В настоящее время в СССР обучение, исследования и поиски новых знаний распространяются в гораздо большей мере на те элементы мира, с которыми связаны математика и механика, физика и химия, биология и радиология, и в меньшей мере на социальные учреждения, с одной стороны, и поведение индивидуумов—с другой. Социальные учреждения и поведение человека составляют, однако, важную часть окружающего нас мира. Они включают в себе явления, отличные от тех, которые мы наблюдали в других частях мира и которые служат специальными областями исследования различных наук. Правда, на то, что мы можем узнать из наблюдений над социальными учреждениями (социология) и поведением человека (этика), не предъявляется такого широкого спроса, как на то, что можно узнать из физических или биологических наук. То, что мы узнаем из этих наблюдений, не так легко превратить в такие реальные вещи, как механические и электрические конструкции, горнорудное дело и металлургия или земледелие и животноводство. Однако именно потому, что социология и этика находятся лишь накануне того, чтобы стать такими же обоснованными позитивными науками, как химия и биология, беспристрастное и объективное исследование связанных с ними явлений должно, кажется нам, обнаружить даже больше новых знаний, чем это можно ожидать от дальнейшего исследования тех элементов мира, которым уже уделялось так много внимания.

Нас поражает тот факт, что среди всей тысячи или более научно-исследовательских институтов, работающих ныне под руководством Академии наук СССР, нет, повидимому ни одного¹,

¹ Мы не забываем о различных институтах Отделения общественных наук Академии наук, которые мы уже отметили выше. Но эти институты, повидимому, ограничиваются изучением, с одной стороны, языка и лите-

в задачи которого входило бы изучение структуры и функций самих современных органов управления, от самого маленького сельсовета до Всесоюзного съезда советов; от самой скромной промысловой артели до Комиссариата тяжелой промышленности; от магазина сельской кооперации до Центросоюза; от самого незначительного колхоза до крупнейшего совхоза или Зернотреста; от маленького общественного кружка в фабричном клубе до таких гигантских добровольных обществ, как Осоавиахим и МОПР. Если бы эти бесчисленные и бесконечно разнообразные социальные организации, каждая из которых имеет свои собственные признаки, были биологическими организмами различных видов и классов, ученые ботаники и зоологи бросились бы исследовать их и с величайшей детализацией регистрировать мельчайшие различия присущих им форм и способов деятельности, ход развития каждой разновидности и ее отношения ко всем другим разновидностям. Чтобы привести лишь один пример, можно указать, что точное и подробное описание организации и деятельности всей тысячи городских советов в СССР в сопоставлении с таким же точным описанием работ районных и областных съездов советов принесло бы, вероятно, столько же новых знаний, сколько дали точные описания ботаниками тысячи разновидностей пшеницы или сравнительные испытания инженерами авиации десятков различных типов летательных машин.

Обязанность научного исследования одинаково велика в отношении всех явлений мира. Научный метод наблюдения и опыта, гипотезы и проверки одинаковы для всех его элементов. Правда, инструменты, которыми ученый пользуется в области социологии и этики, отличаются от тех, которыми пользуются в области химии или биологии. Может быть, эти исследования встречают и большие трудности. Но ученый исследователь в области социологии и этики не лишен соответствующих его требованиям инструментов, и они так же эффективны, как и микроскоп или гальванометр.

Мы не утверждаем, что Советский Союз не сделал никаких открытий в области социологии. Ему мы обязаны двумя новыми, имеющими решающее значение, изобретениями в области социальных учреждений, которые мы описывали в предыдущих гла-

ратуры и, с другой стороны, социальной организации прошлых цивилизаций или отдаленных примитивных племен. Мы не хотим также обойти и семь институтов Коммунистической академии, которые мы уже перечислили и к которым мы еще вернемся. Но не видно, чтобы хоть один из них предпринял такой же систематический, объективный и наглядный анализ всех признаков современных социальных учреждений, как это делает биолог со всеми разнообразными видами растений и животных, или химик со всеми доступными ему веществами.

вах¹ и которым, как мы убеждены, суждено быть принятыми другими странами и приспособленными к их специфическим условиям. Одним из этих изобретений мы считаем совершенно новую социальную структуру СССР, в управлении которым участвует весь народ в качестве граждан, производителей и потребителей. Это всеобщее участие в управлении мы описали как «многообразную демократию», направляемую призыванием к водительству, которое приводит в действие аппарат управления, который выходит за пределы старых категорий законодательной и исполнительной власти или политики и экономики, заменяя их более широкой категорией общественного управления. Другое открытие заключается в такой же своеобразной концепции полного устранения капиталистического предпринимателя с его стремлением к получению прибыли от применения наемного труда и сознательного планирования всей продукции для общественного потребления. К этим новым отправным положениям в политике и экономике мы вернемся в следующих главах². Но следует помнить, что оба эти выдающиеся социологические изобретения, которыми мы обязаны советскому правительству, не явились произведением простых практических администраторов или малообразованных революционеров. Практическое их применение явилось лишь косвенным результатом исследований, которым посвятили всю жизнь три самых трудолюбивых и самых изобретательных социолога последнего столетия. Можем ли мы найти такого экономиста или ученого политика, который так долго и неустанно изучал бы и исследовал социальные учреждения прошлого и настоящего, как Карл Маркс или Ленин? Есть ли в какой-либо стране такой промышленный администратор, о котором можно было бы сказать, что он исследовал более кропотливо и обдумал более глубоко предстоящий современному капитализму путь, чем это сделал Фридрих Энгельс? Вспомните о десятилетиях, проведенных Марксом в библиотеке Британского музея за изучением мельчайших документальных данных, пока он произвел на свет свои многотомные описания и обобщения западного индустриализма. Что касается Ленина, то можно сказать, что он провел всю свою жизнь, от дней юности до 46-летнего возраста, находясь или в ссылке в Сибири или сидя изо дня в день, от открытия до закрытия, в публичных библиотеках Женевы и Цюриха, Парижа и Лондона, в постоянном изучении на основе документов и наблюдений структуры и деятельности всех современных социальных учреждений. Он изучал самодержавие в странах восточной и центральной Европы и парламентарные демократии Англии,

¹ См. т. I, гл. I—VI, и т. II, гл. VIII.

² См. т. II, гл. XII, «Хорошая жизнь» и эпилог «Новая цивилизация».

Франции и Швейцарии; общину и артель Евразии и профсоюзы; кооперацию и политические рабочие партии стран Запада; управление промышленными и торговыми предприятиями как при капитализме XIX в., так и при империализме XX в. Именно потому, что Ленин был не просто политиком или администратором, а ученым, проведшим полные труда годы в наблюдении и изучении не мнений людей, а самих фактов относительно происхождения и развития общины и артели, профсоюза и кооперативного товарищества, действия парламентского механизма и силы и слабости политических партий. Именно поэтому он оказался в состоянии, когда пришло время действовать, предложить и создать совершенно новые социальные учреждения, так успешно действующие в СССР. Без длительного научного исследования, аналогичного тому, что проделали Маркс, Энгельс и Ленин, нельзя продолжать такое же изобретательство в разрешении вновь возникающих проблем. Следовательно, научно-исследовательский институт в качестве практического метода организации и расширения подобного исследования полезен в социологии не меньше, чем в физике или биологии.

Вот почему следует сожалеть, что в СССР не было сделано больше в области точных и объективных сравнительных описаний, так же лишенных предубеждений, как и описания биолога в пределах его сферы, структуры и деятельности отдельных социальных учреждений как внутри СССР, так и вне его¹. Громадное расширение знаний относительно того, что в сознании каждого человека определенно составляет важную часть

¹ Мы считаем, что систематическое собирание данных так же необходимо в социологии, как и в биологии. Но одного собирания данных, разумеется, недостаточно. Ведь сказано: «те или иные данные не так трудно добыть, но совсем другое дело—обобщение. Ученый социолог может негодовать на преждевременные обобщения своих предшественников. Но он не продвинется далеко, если не будет сам делать попыток обобщения, если он, короче говоря, не будет иметь, кроме данных, также и идей. Можно произвести множество опытов и исследований, но они сами по себе никогда не составят науки или философии экономики, психологии или общества. Эти два процесса—составление гипотез и собирание фактических данных—должны совершаться одновременно, оказывая влияние один на другого, ибо в общественных науках, как и в других, обобщение представляет собой в одно и то же время и проверку, и стимул для дальнейшего кропотливого и реалистического исследования. Обобщения не вечны. А зачем им быть вечными? Они не были вечными ни в математике, ни в физике, ни в химии. Но и данные, на которых они основывались, не были вечными. Наука, общественная или иная, это сооружение, ряд подвергающихся непрерывному пересмотру суждений, которые создают неоспоримый прогресс науки. Мы должны верить в этот прогресс, но мы никогда не должны чрезмерно доверять тем формам, в которые он последовательно облекается» (*Е. Дюкло, Постер, История сознания* (англ. перевод, 1900), стр. 111, цитировано Абрагамом Флекснером, а также у *Арнольда Тойнби, Изучение истории*, 1934, т. I, стр. 50).

окружающей его природы, так или иначе повысило бы его «культуру». Но даже больше этого. Ни в одной стране мира пока нет ничего, кроме начатков социологической науки, но и они уже научили практического человека кое-чему ценному. Мы убеждены, что социология научила бы мир гораздо больше, если бы СССР вместе с другими цивилизованными странами уделил этой зарождающейся науке столько же внимания, сколько он уделил механике и физике, химии и биологии.

Наука о поведении человека

Труднее привести убедительный довод в пользу научного исследования поведения человека. До сего времени этика, как называли бы эту науку, была в значительной степени под влиянием несовершенной психологии (которую можно будет усовершенствовать, когда биологи будут больше знать о процессах, совершающихся в сознании человека) и ненаучных заимствований из метафизики и теологии. Но точное описательное исследование подлинного поведения людей при определенных обстоятельствах, включая сюда влияние на них разных положительных или отрицательных стимулов, вероятно бросило бы свет на некоторые проблемы, стоящие перед педагогами и государственными деятелями СССР и других стран. Какое, например, влияние на производительность труда оказывает чувство страха? Какую реакцию возбуждает страх перед уголовным преследованием: (а) у фабричного рабочего или шахтера, (б) у мастера или помощника директора и (в) у директора всего предприятия? Как отражается на инициативе и желании производить эксперименты боязнь, что неудавшееся нововведение может повлечь за собой выговор или увольнение? Какой эффект производят «террористические» мероприятия, предпринимаемые в целях устрашения контрреволюционеров, на представителей интеллигенции, которые, не будучи коммунистами по своим взглядам, тем не менее лояльно служат обществу, в котором они живут?

В чем причина того, что промежуточные категории в СССР, категории, стоящие между работниками физического труда, с одной стороны, и комиссарами и директорами, с другой, считаются, как мы уже отмечали¹, менее усердными в исполнении своих обязанностей, менее бдительными и менее преданными служению обществу, чем их сограждане других двух категорий? Какие можно было бы придумать стимулы, которые произвели бы на них эффект, подобный тому, какой произвели сдельные ставки на производстве?

¹ См. т. II, гл. IX «Вместо наживы».

Какое влияние на склад ума различных категорий людей оказывает любая неожиданная перемена политики, опрокидывающая их «установившиеся расчеты»? Не вызывает сомнений, что резкое изменение «новой экономической политики» или условий приема в колхозы было уместно, когда прежние порядки оказались нежелательными. Но какие социальные потери повлек за собой тот факт, что то поведение людей, которое до тех пор поощрялось, неожиданно стало рассматриваться как наказуемое деяние? Как можно было бы избежать охлаждения инициативы и усердия, несмотря на нарушение «установившихся расчетов»?

Приведем еще один пример необходимости более систематического и полного применения коммунистической науки в области поведения человека. Даст ли научно-оправдываемые результаты использование коммунистами чувства ненависти? Является ли оно вообще «марксистским»? Великая война 1914—1918 гг., опрокинувшая так много устоев европейской цивилизации, сопровождалась почти во всех странах взрывами ненависти как против народов, так и против правительств враждебных стран. Эти взрывы ненависти нисколько не были слабее и в Великобритании и Соединенных штатах. И наука должна была бы так же глубоко исследовать причины и последствия проявления таких явно иррациональных чувств, как она исследовала причины и последствия эпидемий чумы или холеры. Каковы причины и последствия антисемитизма, проявляющегося то в одной, то в другой стране? В чем причина того, что коммунистическая партия как в СССР, так и в других странах отличается от всех других политических противников особенно сильной ненавистью, которую она сосредоточивает на буржуазии? Эта ненависть ведет к ненависти к различным религиям, ненависти к другим партиям, создаваемым различными группировками среди работников наемного труда, ненависти даже к некоторым из ее собственных членов, которых она обвиняет в том, что они «уклоняются» либо вправо, либо влево от генеральной линии, сформулированной в решениях партии на тот или иной момент. Есть ли сколько-нибудь правды в старой пословице, которая говорит, что «гнев плохой советник», и нельзя ли эту пословицу применить также и к ненависти, так как оба они производят особенно ослепляющий эффект? Под влиянием чувства ненависти, так же как и гнева, человечество часто не видит правильного пути и попадает в яму. Более того, ненависть к своим противникам или врагам кажется несовместимой с самыми основами марксизма. Согласно рассуждениям на основе диалектического материализма противники коммунистических предложений представляют собой, так же как и сами эти предложения, результат эволюционного процесса.

Упорство врагов коммунизма в их контрреволюционной деятельности объясняется не «первородным грехом», а тем, что их «такими создали» их жизненные обстоятельства. Коммунисты могут быть совершенно правы, подавляя тех, кто не разделяет их взглядов, но дает ли это какое-нибудь оправдание ненависти к ним? Правильно ли утверждение, что ненависть ведет самих ненавидящих к непоследовательным действиям? Мы могли бы обнаружить, что ненависть также порождает «противоречия» в коммунистической политике, как и создающее конкуренцию стяжательство в капитализме. Ученый исследователь мог бы многому научиться у политики советского коммунизма в отношении обращения с преступниками. Имея дело с «обыкновенным преступлением», как воровство или растрата, оскорбление действием или нарушение общественного порядка, советская юстиция рассматривает преступника, как человека, поддавшегося преходящему заблуждению, которое, если не изменить окружающую преступника обстановку, может превратиться в преступную привычку. Цель состоит в том, чтобы «перевоспитать» подверженного подобным заблуждениям посредством приобщения его к упорядоченной трудовой жизни, чтобы он на опыте убедился, что такая общественно достойная жизнь действительно «приносит больше пользы», чем жизнь преступная! В этом мудром человеческом отношении к «обыкновенным» преступникам советский коммунизм может претендовать на первое место в мире. Можно было бы обнаружить, что под влиянием чувства ненависти обхождение советов с политическими преступниками часто в корне отличалось от обхождения с ворами или пьяницами. Правильны ли хоть в какой-нибудь мере утверждения о том, что в некоторых концентрационных лагерях ОГПУ и даже в некоторых его закрытых местах заключения для «политических» преступников (мы не принимаем в расчет преувеличения, которые дискредитируют почти все «разоблачения» по этому поводу, опубликованные за границей) имела место не только очень ненаучная антисанитария и перенаселение со слишком высокой заболеваемостью и смертностью, но также и тяжкие случаи нарочитой жестокости и пыток, возможно, что это делали только подчиненные должностные лица, но можно ли это сравнить со всем худшим, что сообщается о фашистских диктатурах. Но эти «политические преступники» в такой же мере стали ими вследствие своей прошлой обстановки, как и воры, пьяницы и грубые насильники, с которыми за исключением тех моментов, когда преступность принимала эпидемический характер, в СССР обращаются гораздо гуманнее и мудрее. Так называемые «политические преступники» также нуждаются в убеждении в том, что если бы они только испытали политику, против которой они восстают, они бы узнали, что она гораздо мудрее,

лучше и успешнее, чем их собственная ошибочная политика. На время процесса их политического переубеждения может понадобиться изоляция их, а если убеждение в конце концов не имеет успеха и они продолжают угрожать постоянными взрывами уголовщины (как например политическое убийство), к ним можно применить (как к неизлечимым сумасшедшим) постоянную, но не жестокую изоляцию от мира. Если бы было установлено, что дурное обращение с преступниками основывается на ненависти, то можно было бы обнаружить, что, ненавидя этих преступников, мы дела не поправим. Мы лишь вредим самим себе тем, что причиняем или позволяем причинять нашим противникам страдания от жестокости или дурного обращения.

Есть еще одна проблема поведения человека. Какое влияние как на «вождя», так и на народные массы оказывает та чрезвычайная лесть, которой в некоторых странах окружают избранного в данное время главу общества? Совместима ли эта лесть по отношению к одному гражданину из многих тысяч преданных работников с его и их собственными заслугами? Гармонирует ли она с духом равноправного товарищества? Легко понять практическую полезность для политически неграмотного населения того, кто охотнику известен, как вожак стада. Но с развитием политической культуры отступления к такой форме национального руководства привлекают к себе внимание. Какой ущерб наносят эти преувеличение и повторение, которые, повидимому, свойственны этому национальному обычаю, правдивости выражающих свое обожание и его сопротивляемости соблазну лицемерия? Какие еще вредные явления обнаруживает современный опыт руководства в Италии и Германии? Какие уроки можно извлечь из наблюдения менее умной, но более обычной лести по отношению к членам королевской фамилии в Великобритании? Всегда ли будет необходимо выдвигать такого «главу общества» или можно будет создать безличный авторитет высшему совету правителей?

Все эти проблемы поведения человека имеют исключительное значение как в СССР, так и в других странах. Они дают достаточно оснований для создания одного или нескольких научно-исследовательских институтов. Эти институты должны быть свободны от теологической или метафизической предвзятости. Они должны применять в своих исследованиях не только ходячее «первое приближение» к теории или вообще какую-либо одну гипотезу, но, как это и должны делать ученые, испытывать все мыслимые гипотезы для последовательных обобщений факторов; обобщений, поддающихся проверке путем дальнейшего сравнительного исследования фактов. Только таким путем, как это показывает история физических и биологических наук, мир сможет приобрести новые познания в тех сравнительно

темных областях мира, которые сегодня еще ждут, пока прогресс этих находящихся еще в зачатке наук, называемых социологией и этикой, осветит их.

Болезненная ортодоксальность

Мы проанализировали теорию и практику советского правительства, употребляя обычную фразеологию английской речи. Мы предпочитали избегать изобретенных, с одной стороны, Гегелем и, с другой стороны, Марксом и Энгельсом специальных терминов, которыми обычно разъясняется «диалектический материализм». Мы избрали этот способ как наиболее подходящий для передачи англичанам и американцам именно тех мыслей, которые мы желаем выразить. Но мы ожидаем, что подобный образ действий встретит возражения со стороны некоторых, считающих себя марксистами. Многие из этих лиц, кажется, в самом деле негодуют по поводу всякой попытки объяснять марксистские догмы иначе, как повторяя марксистскую фразеологию, которая английскому читателю не передает подлинного содержания марксизма. Человеческий опыт доказал, что самый легкий способ вызвать страстные возражения—это перефразировать теорию словами, к которым ее почитатели не привыкли.

Нам кажется, что эта настойчивость в употреблении специальной фразеологии представляет собой второстепенный симптом того, что мы осмеливаемся назвать болезненной ортодоксальностью, от которой публичные дискуссии в СССР несомненно в свое время излечатся. В настоящее время слишком часто наблюдается попытка разрешать проблемы не посредством научного исследования фактов, а путем применения фраз, заимствованных из трудов Маркса и Энгельса, а теперь также и из трудов Ленина и Сталина. Всякий вывод, изложенный в других терминах, часто не получает научного опровержения, а объявляется либо «левым уклоном», либо «правым уклоном», иначе говоря, он объявляется не ортодоксальным¹.

¹ Не является ли эта болезненная ортодоксальность в рядах коммунистической партии «влиянием» православной церкви? Британский историк восточной церкви рассказывает, что Афанасий был «основателем ортодоксии». «Это термин,—пишет д-р Стенли,—который заключает в себе в известной мере ограниченность, неподвижность, может быть, даже интеллектуальный застой и притупление чувств, а иногда и глубокую враждебность. В отношении этих свойств ортодоксии ее великий основатель не может быть совершенно избавлен от тех упреков, которые за эти же свойства бросали его последователям. Его тщательное изложение своего учения в достаточной мере характерно для того буквоедства, которое, вероятно, и послужило причиной того, что его считают адвокатом или юрисконсультлом. Его ругательства по адресу ариан показывают, насколько низко даже героическая душа может пасть благодаря партийному

Такое поклонение ортодоксии, конечно, противоречит методам науки, на которых в основном базируется практическая деятельность Советского Союза. Особые выражения, которые Маркс употреблял почти сто лет назад, имеют значение для его биографа и для изучающих историю идей и теорий. Они необходимы и современному исследователю не только как ценное «первое приближение к теории динамики общественных учреждений», но также и как замечательное собрание гипотез в области экономики и политической науки, в свете которых, как и в свете других гипотез, можно собрать и систематизировать факты современности. Но ученые каждого нового поколения всей своей подготовкой приучаются исследовать сами современные факты, используя обобщения всех прежних писателей, даже величайших из них, *не как догмы, которые должно принять в формулировке учителя*, а лишь как гипотезы, которые были созданы на основе фактов того времени и которые следует проверять повторным сопоставлением с современными фактами, ибо только из такого процесса проверки можно извлечь научно обоснованные выводы. Нам представляется, что этот взгляд выражает настоящий диалектический материализм, или, как сказал бы англичанин или американец, настоящую науку. Признание того, что все вещи находятся в состоянии непрерывного движения, изменяясь даже тогда, когда мы их исследуем, представляет собой, как мы это видели, самую сущность диалектического материализма. Это состояние непрерывного движения особенно сильно в элементах мира, входящих в сферу того научного исследования социальных учреждений, которое называется социологией, и того научного исследования человеческого поведения, которое мы все еще обозначаем древним словом этика. Эти эле-

духу и грубости эпохи. Вот некоторые из его излюбленных эпитетов для них: «дьяволы, антихристы, маниаки, жида, многобожники, атеисты, собаки, волки, львы, зайцы, хамелеоны, гидры, угри, каракатицы, комары, болваны, пиявки». Могут быть, конечно, случаи, когда подобный язык находит себе оправдание, но как общее правило и при всем уважении к тому, кто его употребляет, такой стиль полемики можно привести не в качестве образца, но лишь с целью предостеречь от него». *Артур П. Стенли*, Лекции по истории восточной церкви, 1862, стр. 246—277.

Мы слышим словно эхо эпитетов, которыми Афанасий осыпал ариан, когда коммунисты называют своих противников в своей же стране кровопийцами, вампирами, пиявками, вредителями, предателями, двурушниками, мелкими буржуа, мерзавцами, авантюристами, факирами, а социалистических и рабочих лидеров в других странах социал-фашистами, обманщиками, наймитами капиталистов, лакеями крупного капитала, подхалимами, карьеристами и раболопными выскочками. «Могут быть случаи,—как вежливо заключает д-р Стенли,—когда подобный язык находит себе оправдание», но (особенно, когда ведутся переговоры о едином фронте с этими самыми лидерами) замечание, которое он прибавляет, подходит и здесь: «такой стиль полемики можно привести не в качестве образца, но лишь с целью предостеречь от него».

менты мира обладают исключительной изменчивостью. Хотя мы и считаем, что объекты исследования в механике, физике, химии и биологии находятся в состоянии постоянного движения, но на них не влияет ни то, что мы о них думаем, ни то, какие мы производим опыты с их отдельными фрагментами. Но в области социологии и этики сами явления, которые мы исследуем, изменяются в зависимости от того, что мы о них думаем, и от того, что мы с ними делаем. Не только отношения между отдельными социальными учреждениями, но и сами эти учреждения и само поведение отдельных людей могут изменяться в зависимости от всякого оглашения добытых о них сведений. Суждения, которые мы составляем себе о них, могут их совершенно преобразовать. Ясно, что современные социальные учреждения и поведение человека сильно отличаются—экономически, социально, политически—от тех, которые описывали Маркс и Энгельс. С тех пор наши знания в каждой области науки чрезвычайно выросли количественно и значительно изменили свое содержание. Нельзя поэтому допустить, что обобщения и выводы, к которым пришли в 1845 г., полностью правильны и в 1935 г., или что какая бы то ни было употреблявшаяся прежде фразеология может выражать знания, приобретенные ста годами позже. В качестве гипотезы в процессе исследования фраза или лозунг могут оказать неоценимую пользу даже и после того, как они были отброшены, как не отражающие более современные факты. Но, применяемые как догмы, от которых нельзя отступить, они задерживают интеллектуальный прогресс.

В качестве примера мы можем привести «дарвинизм» в биологии. Английские и американские биологи почитают Чарльза Дарвина как революционного новатора в их науке. Но ни один из них сегодня не цитирует для авторитета ни одну фразу из его многотомных трудов. Еще менее современные биологи спорят о том, что он мог подразумевать в своих фразах. Ни один из них не настаивает на сохранении «дарвинистской биологии». В самом деле, всякий исследователь, употребляя в наше время выражение «дарвинистская биология», подразумевает теории, в которые уже внесены поправки или которые уже опрокинуты новыми научными данными. Все признают, что биология, как и всякая другая наука, выросла со времен Дарвина. Она изменилась даже под влиянием работ самого Дарвина, которые три четверти века спустя продолжают приводить к дальнейшим изменениям его собственных выводов¹.

В действительности, уделом подлинной науки каждого

¹ Подобным же образом и «законы Ньютона» о движении или о притяжении, не вызывавшие сомнений в течение столетий, теперь выглядят лишь «первыми приближениями», которые Эйнштейн дополнил улучшениями величайшей важности.

поколения является признание своих собственных выводов частично устаревшими вследствие вызванного ею же расширения человеческого знаний. Утверждает ли кто-либо, что «марксистская экономика» может быть в этом смысле исключением из всех других наук? Те, кто возводит труды Маркса, Энгельса и Ленина в нечто вроде «священного писания», не подлежащего сомнениям, исправлениям или расширению посредством каких-либо успехов социологии, должны понять, что тем самым они отрицают наличие самого процесса диалектического материализма и на деле возвращаются к доктринерской непреклонности ортодоксальной церкви. Нам представляется, что именно в этом смысле Маркс вынужден был заявить под конец жизни, что он «не марксист»!

Нет нужды доказывать, что коммунистическая партия отдает себе полный отчет как в пагубности действия болезненной ортодоксальности, так и в степени ее распространения в рядах партии. В 1932 г., например, А. И. Стецкий, один из секретарей партии и член ее Центрального комитета, решительно выступил против грубого проявления этой болезни в фразеологии, которую употребляют коммунистические писатели в СССР. Он возражал против «простой наклейки диалектических или марксистско-ленинских ярлыков на ту или иную область знания»¹. Он указал, что «не так давно на собрании московских хирургов храбрый т. Поповян держал доклад на тему «Марксизм и хирургия», доклад, в котором не было ни марксизма, ни хирургии». Журналист, теоретик в области техники, написал статью: «Диалектика двигателя внутреннего сгорания». Стецкий добавляет, что общество марксистов-техников слушало доклады: «Диалектика синхронной машины» и «Диалектика качественных статей». Он пишет, что журнал «Советский вестник венерологии и дерматологии» ставит своей задачей «все вопросы, им освещаемые... ставит под углом зрения диалектического материализма», — размах, что и говорить, сногшибательный! В том же духе декларирует и «Журнал эпидемиологии и микробиологии» и ряд других специальных журналов. Журнал «За марксистско-ленинское естествознание» дает лозунги: «За партийность в математике», «За чистоту марксистско-ленинской теории в хирургии». В органе научно-исследовательского института машиностроения и металлообработки т. С. И. Губкин, ничто же сумняшеся, пишет статью «О марксистско-ленинской теории в кузнечном деле» (!), где говорится следующее: «Нужно помнить, что ни один технологический процесс в наших

¹ В статье «Об упрощенчестве и упрощенцах», *«Правда»*, 4 июня 1932 (курсив авторов.—*Ред.*). На эту статью имеются ссылки, не совсем правильные, в книге В. Г. Чемберлина, *Железный век России*, 1935, стр. 296.

условиях не должен быть проведен в жизнь без достаточного марксистского обоснования, так же как ни одна машина не должна быть установлена, а тем более выписана из-за границы». Автор жалуется, что особенно слабо в этом отношении «дело обстоит в области кузнечно-штамповального производства. Здесь работают не только без марксистско-ленинского обоснования, но даже порой без мало-мальски логичного (не говоря о научном) освещения процесса». «Как жаль,—замечает Стецкий,—что автор раньше не сообщил т. Орджоникидзе (народный комиссар тяжелой промышленности.—*Авт.*) о своем потрясающем открытии! Ведь уже целую пятилетку (которая была-таки и крепко марксистски обоснована) успели проработать у доменных печей, мартенов, в кузницах, не зная «марксистско-ленинского обоснования технологического процесса». «Остается пожелать,—прибавляет Стецкий,—чтобы автор статьи... дал обоснование хотя бы кузнечного дела». Но Стецкий приводит даже еще более замечательный пример. «Вот, например, писания некоего теоретика под многообещающим заголовком: «Материалистическая диалектика и рыбное хозяйство»; вот «диалектическая» характеристика рыбного хозяйства края: «Оно сейчас еще пребывает в начальной стадии своего «становления»—рождения. Оно только появилось». Или, например, следующий «диалектический» перл: «Между тем рыба—рыбное население водоема открытых водоемов в особенности—есть до конца динамичный не столько предмет, сколько процесс, подвижный, выражаясь философским языком, во всех своих категориях. Именно в этом и состоит классическая диалектическая ясность рыбного хозяйства»¹.

«Разве не величайшим грехом...,—спрашивает Стецкий,—являются попытки, запасшись несколькими цитатами и одним-двумя положениями «о единстве противоположностей», «о переходе количества в качество», «переворужать» любую отрасль знаний? Разве не издевательством над диалектикой является стремление превратить ее в некую универсальную отмычку, наличие которой (в виде одного-двух общих положений) дает возможность открывать любые тайники и двери любых областей знания? Нет, материалистическая диалектика никак не является магической формулой, затвердив которую, без дальнейших трудов и забот получишь ключ ко всем тайнам природы, к усвоению всех специальностей от хирургии до сапожного дела!.. И ничто так не противоречит действительной, а не словесной марксистской диалектике, как такого рода попытки. Ведь одним из основных положений этой диалектики является положение

¹ «Социалистическая реконструкция рыбного хозяйства Д. В.» № 5—7, 1931.

о том, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна». Маркс, Энгельс, Ленин... постоянно подчеркивали, что диалектика есть *«правильное отображение вечного развития мира»*, что строить какую-либо науку на основе диалектики—значит *изучать пристально и упорно соответствующий круг явлений в их развитии*... «Полезно привести,—прибавляет Стецкий,—и следующую характеристику нашего учения Лениным: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются в *частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России» (Ленин, Соч., т. II, стр. 492).

Для подкрепления своих обвинений Стецкий цитирует также заявление Фридриха Энгельса: «Мы все согласны с тем, что в любой научной области—*безразлично, в естествознании или в истории—надо исходить из данных фактов*, т. е. что в естествознании надо исходить из различных объективных форм движения материи... в теоретическом естествознании нельзя конструировать связей и вносить их в факты, а *надо извлекать их из последних и, найдя, доказать их, поскольку это возможно, опытным путем*».

Историк Советского Союза найдет в период между 1917 и 1935 г. много примеров значительного влияния этой болезненной ортодоксальности на систему управления. Эта болезнь преобладала, естественно, в среде второстепенных светил партии. Сам Ленин, каким бы архиспорщиком он ни был в ссылке, в качестве правителя был глубоким реалистом, всегда опирающимся на факты, что бы ни говорили догматические теоретики, никогда не опасавшимся даже обвинений в оппортунизме. Можно привести множество примеров этому. Настаивая на принятии германских условий мира в 1918 г., изыскивая в 1918—1919 гг. при помощи Чичерина любой возможный базис для соглашения с капиталистическими правительствами, осуществляя в период военного коммунизма любые что-либо обещающие эксперименты в области реконструкции промышленности, в которой страна так настоятельно нуждалась, предлагая концессии иностранным капиталистам для развития естественных богатств советской страны, санкционируя в самый острый пе-

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, ОГИЗ, 1931, стр. 91 (на русск. языке) (Маркс и Энгельс, Соч. т. XIV, стр. 341. Курсив авторов.—Ред.).

риод гражданской войны все отчаянные планы, неизвестные марксистской теории, которые могли придумать Троцкий и другие лица из военного руководства, и, наконец, предложив партии в 1921 г. совершенно неортодоксальную «новую экономическую политику»,—во всем этом Ленин беспрестанно стремился показать своим последователям, какое роковое значение может иметь для преодоления непредвиденных трудностей слепое подчинение даже наиболее авторитетной из теорий прошлого при рассмотрении современных фактов и предложений, подсказанных политической инициативой¹.

Тому же самому учил и Сталин на примере множества государственных мероприятий. Мы можем ограничиться здесь лишь двумя примерами. Первый пример мы видим в продолжительной борьбе, которую он вел по поводу отношения к национальным меньшинствам с великорусскими шовинистами, безуспешно цитировавшими против него Маркса. Во-первых, он выдвинул и развил политику культурной автономии внутри Российской социалистической республики. Во-вторых, он в 1923 г. настоял, даже в самую последнюю минуту, как мы уже в другом месте писали², на таком изменении проекта Конституции Союза Советских Социалистических Республик, которое позволило создать подлинную федерацию союзных республик вместо государства, которое было бы немногим лучше унитарного. Вторым великим примером сталинского учения о научном реализме в противовес догме является завершение длительного

¹ «Итак,—говорит крупнейший историк цивилизации в Англии,—приобретение новых познаний должно необходимо предшествовать каждому шагу, который делает общество на пути социального прогресса; но в то же время самому приобретению этому должна предшествовать любовь к исследованию, а следовательно, и дух сомнения, ибо без сомнения не может быть исследования, а без исследования не может быть знания. Знание не есть инертное, пассивное начало, которое приходит к нам независимо от нашей воли. Чтобы приобрести знание, нужно прежде поискать его. Это результат большого труда и, следовательно, больших жертв. Нелепо было бы предположить, что люди обрекут себя на труд и решатся на жертвы ради изучения таких предметов, в которых они считают себя уже достаточно сведущими. Тот, кто не ощущает темноты, не станет искать света. То, в чем мы уже удостоверились, мы больше не подвергаем дальнейшему исследованию, потому что дальнейшее исследование было бы бесполезно и может быть опасно. Началу исследования должно предшествовать появление сомнения. Следовательно, акт сомнения является началом или по крайней мере неизбежной предпосылкой всякого прогресса. Вот откуда идет тот скептицизм, одно имя которого вызывает ужас у невежды, ибо он затрагивает лелеемые им суеверия, ибо он навязывает ему тяжелый труд исследования, ибо он заставляет даже самые ленивые умы задать себе вопрос, действительно ли все в мире обстоит так, как это обыкновенно полагают, и действительно ли верно все то, чему их с самого детства учили верить» (*Т. Т. Бокль, История цивилизации в Англии, Лондон 1862, т. I, стр. 242—243*).

² См. т. I, гл. II, «Человек как гражданин».

спора с Троцким и его сторонниками, среди которых находились многие из виднейших теоретиков партии. Мы полагаем, что лично Сталину принадлежит остроумное решение сельскохозяйственной проблемы, представлявшее собой единственный способ избежать опасности постоянно повторяющегося голода. Это решение состояло в том, чтобы в пределах одного десятилетия объединить по существу все двадцать пять миллионов крестьянских хозяйств в коллективные хозяйства артельного типа, что уже само по себе могло обеспечить быструю механизацию полевых работ. Этому колоссальному шагу по пути коллективизации сопутствовало, вопреки марксистской теории, параллельное существование тех же крестьян в качестве независимых производителей при индивидуальной собственности на средства производства, поскольку в последние входят дом, сад и приусадебный участок, последний даже значительных размеров; корова, свинья, часто по нескольку голов, множество домашней птицы и ряд пчелиных ульев. В применении всего этого для частного производства богатств счастливых собственников следовало бы поощрять и даже субсидировать. Кто бы подумал, изучая Маркса, что одним из видов деятельности диктатуры пролетариата будет создание зажиточной жизни для миллионов индивидуальных собственников-производителей.

Антирелигиозность

До сих пор мы описывали положительную и созидательную стороны культа науки в СССР. Но он имеет также отрицательную и разрушительную сторону: неистовое опорочивание и энергичное искоренение религии и особенно христианской религии во всем Советском Союзе.

Здесь следует вспомнить, что христианство царской России выказало себя в наихудшем виде. Царь был верховным самодержцем православной церкви, а его духовным советником в последние годы царствования был Распутин. Отвратительным сочетанием пьяных попок и сексуальных оргий с религиозным фанатизмом и обычным взяточничеством этот авантюрист вызывал глубокое возмущение не только у заурядных капиталистов, но также и у испорченных высших кругов русского общества. Это возмущение было так велико, что оно привело к насильственному его устранению одним из родственников самого царя¹. Деревенские священники были в общей массе

¹ Полезно вспомнить, что Распутин был не только духовным советником царской фамилии, но что его призвал и даже чествовал архиепископ русской церкви. Так, известный украинский дворянин и землевладелец, служивший в царском министерстве иностранных дел, после изложения своего интервью с митрополитом Питиримом, «высшим представи-

безграмотны и жадны. Монастыри, получавшие огромные доходы, были гнездами мнимых чудотворцев. На всем огромном континенте Евразии вера в местные языческие волшебства и колдовство сохранялась наряду с распространением христианских обрядов и того христианства, которое преподносили крестьянам. Едва ли следует удивляться тому, что после прочтения «ясной, объективной и не враждебной книги о русской религии» профессор философии морали Лондонского университета заявил в 1934 г., что он мог «притти лишь к одному выводу, выводу, к которому присоединяются все истинные друзья религии, о том, что почти все, чем религия была и что религия означала в России, должно навсегда исчезнуть с лица земли и из памяти людей».

Но каковы бы ни были пороки и недостатки греческой православной церкви, следует признать, что отношение к ней коммунистической партии вызвало огромное удивление и глубокое неодобрение среди ревностных христиан Западной Европы и Соединенных штатов, выступивших против всякой дружбы с СССР. С другой стороны, именно это решительное отрицание вмешательства какого-либо божества или какой-либо иной воли, кроме воли человека, в естественный ход развития привлекло к советскому коммунизму симпатии многих интеллигентов и особенно ученых всех цивилизованных стран¹.

телем церкви», рассказывает: «Когда я, попросившись, спускался по лестнице, я увидел подъехавшую карету и двух выходящих из нее людей. Одного из них я узнал сразу, так как это был Штюмер, премьер-министр и министр иностранных дел, помогавший другому выбраться из кареты. Одетый в русскую рубашку, с большой бородой клином, немного сутулый, появился второй—Распутин. Оба приехали навестить своего друга Пити-рима, и только тогда я понял, почему был прекращен прием. Когда я покидал монастырь, мой ум был занят вопросом: какие подлые интриги во вред России собираются сейчас придумать эти три человека?» (*Владимир Коро- товцев*, Сев и жатва, 1931, стр. 193—194—на англ. языке).

¹ Проф. Джон Мак Муррей в английском журнале «Совет кал- чер», февраль 1934, стр. 15, в обзоре, посвященном книге Д-ра Юлиуса Гек-кера, Религия и коммунизм.

² Это отношение хорошо выражено современным английским мыслителем: «Наиболее цивилизованные люди отказались принять суеверия и магию в качестве объяснения природы и места в ней человека. Они отрицали, что сила и недоказуемость веры представляют собой достаточные основания для того, чтобы верить в правильность этой веры. Они считали, что верования, которые являются плодом наших эмоций, средством для успокоения наших страхов или исполнения наших желаний, вызывают подозрения... Цивилизованный человек скоро обнаруживает, что знание, которое могут дать ему разум и опыт, весьма ограничено и что все его знание основано на верованиях, которые представляют собой результаты простой интуиции и которые у него нет оснований считать правильными. Если же он обращается к «науке» и изображает мир или даже вселенную в том виде, в каком он ее воспринимает, он остается на вполне твердой почве. Он может даже преуспеть в расщеплении невидимого атома или в определении веса невидимой звезды... Метафизические верования цивили-

Маркс и Энгельс в своих многотомных трудах заняли позицию положительного безоговорочного атеизма. Точно так же и Ленин настаивал, как на основе всего своего учения, на решительном отрицании наличия какого-либо известного проявления сверхъестественного. Он твердо настаивал на том, что вся известная человечеству природа (включая сюда наравне с материей и разум) представляет собой сферу деятельности науки и что это постоянно идущее вперед знание, результат познания человеком мира, является единственным пригодным орудием и единственным надежным руководителем человеческой деятельности. Он заявлял, что нет никаких чудес, что нет ничего похожего на «бессмертие», никакой «души», кроме бесспорно преходящего «разума» человека, и никакого продолжения или возрождения личности после смерти. Он не согласился бы ни на какое маскирование этих догматических выводов употреблением таких слов, как агностицизм или спиритуализм. Он написал целый том¹, чтобы самым решительным образом отмежеваться от тех из своих собственных сторонников, которые осмелились рассматривать религию не как одно лишь суеверие, ведущее к вере в сверхъестественное, лишенной всякого научного основания и являющейся, как сказал однажды Маркс, опиумом для народа.

Когда большевики в 1917 г. пришли к власти, они положили этот вызывающий и догматический атеизм в основу своих действий². Есть данные, что это пользовалось широкой поддержкой

лизованного человека холодны по сравнению с верованиями дикаря, ибо верования дикаря продиктованы ему его эмоциями, а цивилизованный человек подозрительно относится к тем своим верованиям, которых он придерживается, потому что они удовлетворяют его эмоциям. Правильно также, что метафизика цивилизации отрицательна и не является творческой в том смысле, что она отказывается от поисков познания тех вещей, о которых она не имеет никаких знаний. Но эта критика имеет значение лишь в том случае, если считать веру в неправильное более творческой, чем веру в то, что у вас нет знаний» (*Леонард Вольф*, *Шарлатаны*, 1935, стр. 164—165—на англ. языке).

¹ «Материализм и эмпириокритицизм».

² Для полного и систематического ознакомления с положением религии в СССР и с перечнем относящихся к ней законов и документов мы можем отослать читателя к прекрасной работе д-ра *Юлиуса Геккера*, *Религия и коммунизм*, 1933, 303 стр. Его более ранняя работа «Религия при Советах», Нью-Йорк 1927, все еще может быть прочтена с пользой. См. также главу «Религиозная свобода и контроль» в книге *Роджера Н. Болдуина*, *Свобода при Советах*, Нью-Йорк 1928 и 1930 гг., 272 стр. Законы можно также найти в «Британских парламентских документах» (1930), под заглавием «Некоторые законодательные мероприятия относительно религии, имеющие силу в СССР». «Преследование» религии в СССР в различное время и в разных местах было описано обычно под влиянием глубоко враждебных СССР чувств в таких работах, как *Френсис Мак Келлоу*, *Большевистское преследование христианства*, 1924; *Ф. А. Макензи*, *Русское распятие*, 1931. Этот вопрос изложен более сдержанно и не-

с народе. По всей стране в огромных масштабах происходило то, что можно назвать лишь стихийным массовым обращением в атеизм, в большой степени напоминающим происходившее тысячу лет назад массовое обращение в христианство.

В первые годы путаницы военного коммунизма и в период острой гражданской войны и голода во многих деревнях и городах имели место всевозможные народные выступления против церкви и священников, так же как и против помещиков и капиталистов. Земли, принадлежавшие монастырям и другим церковным учреждениям, захватывались и распределялись между местными крестьянами; кулаки, как описывают, играли первую роль в грабеже¹.

Неизвестное число священников, восстановивших против себя крестьян или оказавших сопротивление экспроприации, было убито. Во многих деревнях церкви превращались часто при всеобщем одобрении в клубы, школы или склады зерна.

Советское правительство в течение нескольких лет не сумело подчинить своему контролю эти народные чувства, и оно несомненно сочувствовало им во всем, кроме худших эксцессов. Все школы были немедленно отделены от церкви, а преподавание всех религиозных предметов было запрещено прокламацией Луначарского от 26 октября 1917 г. Решения о закрытии церквей и использовании их для гражданских нужд в течение некоторого времени беспрепятственно принимались простым большинством голосов на собраниях жителей деревень. В городах создавались антирелигиозные музеи, часто в помещениях бывших церквей и монастырей, где выставлялись образцы фальшивых чудес², при помощи которых духовенство обманывало народ. Это «священные» реликвии, которые делали объектом поклонения: картины, показывающие тесное сотрудничество

сомненно более точно у *В. Г. Чемберлина*, Железный век России, 1935, глава XVI «Поход против религии», стр. 311—326; *Пауль Б. Андерсен*, Пятнадцать лет религиозности и антирелигиозности в России, 1933, 78 стр., и у его высокопреосвященства монсеньора *Д'Эрбиньи*, Воинствующий атеизм, мировая пропаганда коммунизма, 1933, 87 стр. Можно посмотреть также и следующие работы: *П. Бердяев*, Русская революция, 1931, 95 стр.; *Томас Вуди*, Новое сознание, новые люди, 1932; *Шервуд Эдди*, Россия сегодня, чему мы можем у нее научиться, 1935, 316 стр. (все указанные книги на англ. языке).

Брошюра, занимающая противоположную позицию, вышедшая в Кооперативном изд-ве иностранных рабочих в СССР, дает более полезную информацию о современном положении: *М. Штейнман*, Религия и церковь в СССР, Москва 1933, 64 стр.

¹ «Из всех человеческих чудовищ, которых я когда-либо встречал во время моих путешествий, я не могу вспомнить более зловерного и более гнусного, чем русский кулак. В революционных ужасах 1905 и 1919 гг. он был первым вдохновителем-воплощением сатаны» (*Е. Дж. Диллон*, Закат России, 1918, стр. 67).

² Например, объявленные неразлагающимися тела «святых».

сановников церкви с царем и офицерами армии; диаграммы, наглядно показывающие статистические данные о доходах, которые церкви извлекала из крестьянства, и все прочее, рассчитанное на возбуждение общественного мнения против организованной религии, которая прежде обманывала народ.

Прямая пропаганда атеизма была предпринята вначале отдельными лицами, а вскоре и группами лиц и местными обществами, которые начиная с 1922 г. получили поддержку в лице еженедельной газеты «Безбожник». В 1925 г. на состоявшейся в Москве конференции был принят после обсуждения ряд тезисов, определяющих направления, по которым следует вести борьбу с религией, и соответствующие методы пропаганды атеизма среди различных кругов населения, включая сюда детей и подростков, студентов, красноармейцев, посетителей сельских клубов, различные национальные меньшинства и т. д. Отдельные пропагандисты и местные группы общества были объединены в один огромный «Союз безбожников», который постепенно создал широкую сеть своих отделений с ячейками в среде членов всевозможных обществ, во всех концах СССР. В 1929 г. состоявшаяся в Москве «Всесоюзная конференция антирелигиозных обществ» переименовала свою центральную организацию в «Союз воинствующих безбожников». К этому времени, он насчитывал около 9 тыс. местных ячеек или отделений с общим числом членов около полумиллиона, среди которых было представлено больше сотни различных национальных и языковых групп. Затем начались очень энергичные кампании за расширение деятельности «Союза», в которых антирелигиозная пропаганда сочеталась с усилиями помочь развитию колхозов, популяризации и укреплению обороны СССР и расширению индустриализации страны, предусмотренному в пятилетнем плане. Прошедшие шесть лет были свидетелем чрезвычайного роста этого движения¹. От 9 тыс. ячеек и отделений «Союз» разрастался год за годом до 30, 50 и 70 тыс., причем общее количество членов, платящих маленькие взносы, насчитывалось миллионами².

¹ Число членов старше 14 лет в 1932 г. составляло пять с половиной миллионов, из которых 70% было мужчин и 30% женщин; около 45% в возрасте между 14 и 22, 45% между 23 и 45, лишь 10% старше 46 лет. Членов и кандидатов партии и комсомольцев было, примерно, 40%, тогда как около 60% падало на беспартийных. Кроме того, существует другая организация для детей моложе 14 лет, насчитывающая около двух миллионов членов, которые включают почти одинаковое число мальчиков и девочек.

² «Вера нового побеждающего класса в себя, юношеская наивность и радость пионеров нового дела, восторг перед машиной и несказанными богатствами, которые она приносит, все это вдохновляет молодежь Советского Союза на дела, значение и цель которых заранее определены философской системой, ставшей их верой и ведущей их к разрыву с религией, построенной на смирении человека перед лицом непостижимого и на его

Естественно, что большинство этого огромного числа членов принимает не очень активное участие в деятельности Союза и ограничивается уплатой небольших ежегодных взносов и, может быть, подпиской на то или иное из периодических изданий атеистов. С другой стороны, число лиц, состоявших в разное время членами этой организации, значительно превышает ее теперешний состав, а количество людей, ставших совершенно безразличными к религии, еще того больше. «По крайней мере половина населения,—заявляет д-р Геккер в 1933 г.¹—уже не принадлежит к церкви и более или менее безразлична к старым религиозным запретам и традициям... Мусульмане, которые прежде были наиболее фанатичными приверженцами своей религии, теперь в большом количестве отворачиваются от нее. Причины преимущественно социальные и экономические. Для мусульманской женщины отказ от религии означает освобождение от своего многовекового унижения, для мужчин он означает освобождение от гнета их прежних феодальных господ. Вступая в колхоз, прежний батрак, полураб, становится самостоятельным человеком. Для него наступает новая жизнь, и он с готовностью отбрасывает старую религию, которая учила его покорности хозяину... Антирелигиозная пропаганда среди национальных меньшинств в то же время является агитацией за социальную революцию, и ее далеко идущие последствия все расширяются»².

Общественная атмосфера в СССР неблагоприятна к любой форме признания сверхъестественного, точно так же как общественная атмосфера в Соединенных штатах или в Великобритании недружелюбна к любой форме догматического атеизма. Но поскольку пишущие эти строки могли удостовериться в 1932 и 1934 гг., сегодня в СССР нет ничего такого, что бы можно было действительно назвать преследованием тех, кто придерживается христианского вероисповедания, или евреев, му-

признании ограниченности своих сил. Новой молодежи непонятен взгляд, отрицающий постоянство человеческого разума, как высший источник энергии для жизни человека и для человеческой истории, и она с презрением отвергает этот взгляд. С их точки зрения наука убила бога» (*Ганс Кон, Национализм в Советском Союзе, 1933, стр. 15—16—на англ. языке*).

¹ Юлиус Ф. Геккер, *Религия и коммунизм, 1933, стр. 220, 225.*

² Существует «Интернационал пролетарских свободомыслящих», который был организован в 1925 г. атеистами Германии и Чехословакии и к которому в 1926 г. присоединился и советский «Союз воинствующих безбожников». Этот интернационал направил свою деятельность на поддержку революционного подъема в разных странах, после чего только «реформистские» свободомыслящие откололись, чтобы образовать так называемый «Брюссельский интернационал свободомыслящих». Перейдя полностью под советский контроль, «Интернационал пролетарских свободомыслящих» имеет теперь свой центр в Москве, откуда он, по его утверждению, поддерживает связь с группами в более чем тридцати странах.

сульман и буддистов¹. Там нет никаких законов, которые запрещали бы признавать какую-либо систему религиозного мировоззрения или частное отправление ее обрядов. Мужчин и женщин не лишают должностей по той причине, что они верующие (это не относится к тем, кто добровольно берет на себя призвание к водительству). Дети верующих не исключаются из школ и высших учебных заведений. Церкви, мечети и синагоги до сих пор открыты для публичных богослужений, которые каждый может свободно посещать. Служение в каждом отдельном случае производится религиозными учителями (священники, муллы и пр.), которых соответствующие группы верующих желает содержать². Все церковные здания являются соб-

¹ Мы не понимаем, как может м-р Чемберлин утверждать, как он это делает в своей статье в «Форейн аферс» (Нью-Йорк), что «представители всех религиозных верований преследуются (в СССР в 1935 г.) по крайней мере так же энергично, как преследовались диссиденты и католики при Карле II (в Англии)». К счастью, м-р Чемберлин тщательно перечисляет все формы, в которые выливается «преследование»; советское правительство отказывается печатать или импортировать религиозные книги; практически все духовные семинарии ликвидированы; церквям запрещено проводить благотворительную деятельность или организовывать развлечения; дети духовенства не допускаются в высшие учебные заведения; часто имеет место произвольное закрытие отдельных церквей: священников и других активных религиозных деятелей иногда группами арестовывают и высылают по причинам, которых они не знают. М-р Чемберлин, очевидно, не знаком с историей прошлого, если он полагает, что перечисленные им шесть видов «притеснения» в какой-нибудь мере сравнимы с теми карами, которым подвергались «диссиденты и католики» в Англии или Ирландии XVII и XVIII вв. или даже в Новой Англии тех времен.

² В 1934 г. пишущим эти строки сообщили, что в Москве открыто для богослужения свыше сорока церквей, в Киеве около половины этого числа и соответствующее число их в других крупных городах, но ни одной церкви нет во вновь созданных промышленных городах. В Москве и Ленинграде совершаются и римско-католические богослужения, которым никто не препятствует и которые хорошо посещаются. Евреи имеют свои синагоги, мусульмане—свои мечети (в Казани, например, их несколько), даже буддисты имеют свои храмы. Различные евангельские секты имеют свои места для богослужений в городах в значительно уменьшившемся количестве, но (поскольку можно было заметить) вполне достаточном для теперешнего круга молящихся, который, в период пасхи, однако, значительно расширяется. Сообщают, что в деревнях все еще открыто для богослужений три четверти всех церквей, хотя число молящихся сильно сократилось. Число церквей, используемых на гражданские нужды, хотя и исчисляется тысячами, составляет лишь небольшой процент всех церквей. М-р Чемберлин определяет количество действующих церквей по всему СССР в 38 тыс., что составит около 70% всех существовавших до революции церквей («Железный век России», 1935, стр. 325). В течение уже нескольких лет советское правительство не разрешает передачу церквей гражданским организациям на основе лишь простого большинства голосов местного населения. Для этого теперь необходимо не меньше, чем подавляющее большинство голосов деревенских избирателей. В деревнях с еврейским населением синагоги продолжают свои служения, а еврейские семьи продолжают исполнять свои древние обряды.

ственностью государства и свободно сдаются в аренду (при условии уплат обычных налогов и производства необходимого ремонта) самоуправляющимся зарегистрированным обществам отдельных религиозных течений, которые берут на себя ответственность за содержание духовенства и другие издержки. Рождения, браки и похороны могут по желанию и за счет заинтересованных лиц освящаться по религиозному ритуалу как на дому, так и на кладбище или в церкви. Священников православной церкви можно видеть на улицах городов в их религиозной одежде¹, а в деревнях работающими на своих огородах, без издевательств и оскорблений. Во многих крестьянских избах, даже в колхозах, можно видеть открыто висящие иконы. Христианам, евреям и мусульманам как исповедующим их веру не отказывают в работе, а их детей не исключают из школ и высших учебных заведений, но в школах не предусмотрено преподавание каких бы то ни было религиозных предметов. Родителям не запрещается преподавать своим детям у себя дома религиозные учения, но ни одной школе (и ни в какой группе детей вне семьи) не разрешается ставить своей целью религиозное обучение детей. Религиозным обществам и духовенству запрещается проводить или способствовать проведению какой бы то ни было воспитательной или благотворительной работы или организовывать развлечения, в качестве объединенной функции их прихода или в связи с церковью. Одним словом, священникам разрешается только вести богослужения и исполнять, по требованию и за счет заинтересованных семей, религиозные обряды, связанные с рождениями, свадьбами и похоронами².

Произведенным в 1929 г. изменением в законах всякая публичная пропаганда религии (кроме ведения богослужений и чтения проповедей в церквях) объявлена преступлением, подлежащим наказанию, хотя антирелигиозная пропаганда продолжает вестись беспрепятственно и даже поощряется. Государственные издательства не издают никаких религиозных книг (по крайней мере на русском языке) и ввоз их из-за гра-

В некоторых местностях (как сообщили пишущим эти строки, в Татарской автономной республике в 1932 г.) значительная часть, если не большинство, мулл последовала примеру основных масс верующих и отказалась от ислама, занявшись гражданской работой в Советском Союзе. Большинство остальных мулл уехало.

¹ Говорят, что есть даже такой исключительный случай, когда священник православной церкви, еженедельно ведущий богослужения, служит также по совместительству в государственном учреждении. Это исключительно квалифицированный научный специалист, работа которого так высоко ценится, что ему разрешается появляться на службе в одеянии священника.

² Принятое в 1935 г. судебное решение устанавливает, что крещение ребенка без согласия родителей является наказуемым преступлением.

ницы полностью запрещен. Итак, несмотря на то, что там нет преследований отдельных людей за их религиозные верования, там все же имеются значительные ограничения всякой корпоративной или публичной религиозной деятельности. Советское правительство и коммунистическая партия не проявляют благосклонности ни к одному вероисповеданию и настойчиво направляют всю силу общественного мнения против религии.

Коммунисты заявляют, что воображать себе или верить в существование чего-то такого, что оказывает неестественное или сверхъестественное влияние на природу и человечество, вопреки установленным научным истинам, и что в то же время не поддается научному исследованию, могут лишь невежды. Ибо это есть проявление их суеверия и веры в волшебство. Но рядовой гражданин не подвергается наказаниям за свое невежество верующего, даже если он верит в то, что считается волшебством. Никого не преследуют за молчаливое стремление к одухотворенному изображению природы. Коммунистическая партия придерживается лишь твердого правила для себя. В члены и кандидаты партии не могут быть приняты лица, которые не объявляют себя решительно и открыто атеистами и которые не отрицают какое бы то ни было существование сверхъестественных явлений.

Эта решительная нетерпимость ко всякой вере в сверхъестественное берет начало из различных источников. Полагают, и не без основания, что духовенство всех религиозных направлений продолжает придерживаться определенно враждебного отношения к самому существованию советского правительства и ко всей его деятельности. Православное духовенство продолжает возлагать надежды на Париж, где несколько белоэмигран-

За первые девять месяцев 1927 и 1928 гг. процент рождений, браков и похорон, которые сопровождались религиозными обрядами, по г. Москве» был следующий:

	1927 г.	1928 г.
Рождения без соблюдения обрядов	33,0	38,1
» с соблюдением »	59,7	57,8
» неизвестно	7,3	4,1
Похороны без соблюдения обрядов	30,1	33,3
» с соблюдением »	66,8	65,7
» неизвестно	3,2	1,0
Браки без соблюдения обрядов	81,6	86,3
» с соблюдением »	15,6	11,8
» неизвестно	2,8	1,9

{Юлиус Ф. Геккер, Религия и коммунизм, 1933, стр. 229)

тов содержат православную духовную семинарию, которая должна поставлять священников на места, освобожденные умершими и отрекшимися от сана.

Религиозные общины Москвы и других городов подозреваются в сочувствии «контрреволюционным» интригам и заговорам, которым, как полагают, не видно конца. Все эти причины для нетерпимости по отношению к религии могут исчезнуть, как только советское правительство почувствует непоколебимую уверенность в отсутствии опасностей для его собственного существования. Но даже и тогда постоянное распространение духовенством религиозных верований среди большинства населения будет все еще рассматриваться как препятствие к решительному внедрению науки, посредством которой только и возможно постоянно увеличивать эффективность деятельности людей в области сельского хозяйства и других форм производства. В сельских местностях священники разрешали крестьянам устанавливать начало сева и уборки, не исходя из знаний местных условий сельского хозяйства и погоды, а из традиционных дней святых. Во время засухи их средство воздействия на природу заключалось в организации шествия крестьян по полям, с тем чтобы молиться о дожде. Духовенство все еще учит крестьян, что размеры урожая зависят не столько от качества обработки земли, сколько от молебнов на полях. Еще и теперь священники предпочитают распространять мнение, что сохранению здоровья и излечению от болезни помогают не профилактические и лечебные меры, предлагаемые врачами комиссариатов здравоохранения, а помазания и молитвы, в которые обычно только священники и верят. Но как православная церковь, так и некоторые секты имели еще более темные стороны. Деградация этой теологии до самой революции была отчасти связана с опасным эротизмом, за который на исповеди давалось отпущение. В некоторых случаях имело место даже массовое принесение себя в жертву богу, основывавшееся на какой-то таинственной вере в то, что таким путем можно найти себе спасение в бессмертии. Одним словом, коммунистическая партия и советское правительство представляют себе, что к религии, даже там, где она не является опиумом для народа, следует относиться как к суеверному волшебству варваров и дикарей, ибо она препятствует всяким попыткам социальных улучшений в этом мире. Поэтому надо ей оказывать сопротивление и, по мере возможности, ее искоренять.

Однако ответственные руководители страны признают, что излишне и даже неблагоприятно оскорблять чувства набожных людей обидными выпадами против их религии и высмеиванием ее обрядов. Советское правительство не раз вмешивалось в этот вопрос, чтобы умерить вызывающую деятельность

Союза безбожников. В настоящее время нельзя закрыть ни одной церкви в городах (кроме тех случаев, когда требуется снос ее в целях выравнивания или расширения улицы), если находится какое-либо религиозное общество, которое берет на себя ее содержание и регулярно проводит в ней богослужения. А в деревнях закрытие церкви допускается лишь по настоянию подавляющего большинства местного населения о передаче церкви на светские нужды. Мудрость этой относительной терпимости была неоспоримо доказана популярным коммунистическим пропагандистом¹. «Оскорбление религиозного чувства,—пишет Керженцев,—только усиливает ожесточенность верующих. Например, насильственное закрытие церкви, против воли населения, только вызывает яростную, страстную борьбу и закалит обманутых попами в их вере. Надо поднять культурный уровень населения, давая ему научную книгу, открывая для него вместо церкви кино и театр (ведь в церковь тоже ходят, как на зрелище,—послушать пение и музыку). Таким путем мы сможем добиться освобождения трудящихся от религиозного дурмана».

Но это еще не все. Некоторые доказывают, что полное отрицание всякой возможности чего-либо сверхъестественного, на чем настаивает теперь коммунистическая партия в СССР, наносит одинаковый ущерб и личной правдивости, и ясному мышлению, и научному прогрессу. Одно дело стоять на позициях науки, которая включает в себя все нам известное, и отказываться принимать или допускать какое-либо утверждение, которое опровергается или не подкреплено данными, поддающимися научной проверке. Что кажется недопустимым, даже с точки зрения диалектического материализма, это догматическое отрицание самой возможности существования чего-либо неизвестного науке, т. е. неизвестного современным ученым. В конце концов, наука каждого поколения не только постоянно противоречит многим высказываниям ученых предыдущего поколения, но она также обнаруживает наличие целого ряда явлений—мы можем указать хотя бы на радиологию, о которых наши деды и не подозревали. Более того, мы должны признать, что род человеческий не «единственный камешек на берегу». Мир, известный человеку, больше и отличен от того, который известен собаке, а все, известное человеку и собаке, выходит далеко за пределы известного муравью. Можем ли мы быть вполне уверены, что в пределах того, что мы называем миром, не существует в какой-либо недоступной нашему пониманию форме, подобно тому как Маркс и Дарвин не могли себе представить чудес радиологии, явления, так же далеко выходя-

¹ П. Керженцев, Памятка большевика, Гиз, изд. 3-е, 1930, стр. 88.

щего за пределы нашего кругозора, как понятие о человеке не уместается в представлениях муравья. Эта возможность не дает никакого основания для веры в существование богов или ангелов, будды или дьявола. Она также не дает основания для веры в личное бессмертие или в существование неба или Валгаллы. Но именно ограниченность наших теперешних знаний должна была бы показать, что мы достигли бы большего просветительного влияния на необразованных людей, если бы мы объяснили, что того-то и того-то мы попросту не знаем и почему мы не можем этого в настоящее время узнать. Иначе говоря, мы достигли бы больших результатов, если бы заняли позицию не догматического атеизма, а строго научного агностицизма. Наконец, если исходить из самых практических соображений, догматический атеист может, пожалуй, как показал Керженцев, вызывая ожесточение, создать неожиданно упорного верующего.

Не приведет ли когда-нибудь дальнейшее исследование природы человеческого разума и обычного стремления видеть целеустремленность, заложенную во вселенной, к признанию даже самими учеными чего-то существующего вне пределов знания, достигаемого реальным человеческим опытом,—каких-то связей с чем-либо предшествующим самой природе или возвышающимся над ней? Это продолжает оставаться предположением, может быть, догадкой, о которой ничего определенного нельзя утверждать¹.

¹ «Примитивные и древние цивилизации населяли природу целыми плеядами богов и демонов. По мере того как человек жил и учился, он находил точные объяснения явлениям, которые он прежде приписывал богам. Более прогрессивные (или, по крайней мере, агрессивные) народы в материальном смысле этого слова постепенно сократили число сверхъестественных всемогущих до одного, которого они признавали господином всего сущего. Большевикское общество, стремясь вписать еще одну главу в Книгу перемен, отрицает сверхъестественное и уничтожает последних богов, дьяволов и ангелов. Несмотря на личные верования, несмотря на результаты, к которым это может привести, все же ясно, что коммунистический эксперимент с религией это еще одно усилие человечества, направленное к освобождению мышления от боязни сверхъестественного. Подобные шаги к этому прогрессивному освобождению до сих пор предпринимались лишь образованными и состоятельными людьми, и результаты, естественно, ограничивались узким кругом лиц. Принесет ли создающаяся теперь пролетарская культура постоянное расширение свободы человека и что эта свобода будет собой представлять? Освободительный принцип демократических обществ основывался на индивидуализме, большевикское общество должно основываться на коллективизме. Какой из этих принципов будет лучше способствовать достижению свободы? Оба эти принципа можно сочетать либо с наукой, либо с религией. Повидимому, суждение о совершаемом эксперименте будет в конечном счете зависеть от доказательств большей эффективности одного из этих принципов в удовлетворении материальных, эмоциональных и интеллектуальных требований человека» (Томас Вуди, *Новое сознание, новые люди*, 1932, стр. 256).

На предыдущих страницах мы попытались описать, в его высших формах, энергичный и постоянно поддерживаемый культ науки в СССР; мы описали в X главе о переделке человека широкую попытку поднять умственный уровень и увеличить количество знаний не только избранной верхушки среди избранной части народа, не только среди масс заводских рабочих и крестьян, среди охотников и рыбаков, среди кочевников, среди бесчисленного множества религиозных и суеверных людей, населяющих всю громадную Евразию. Но все эти мероприятия по стимулированию интеллектуального развития жителей СССР, можно сказать, оставляют нетронутой моральную сферу человеческого ума. Уничтожая представления о сверхъестественном, одновременно уничтожают и кодекс поведения человека, основывавшийся на божественных откровениях различных религий—иудейской, буддийской, христианской или мусульманской,—и не менее строгие кодексы поведения примитивных народов. Не создало ли это среди всех народов СССР состояние этической анархии в отношении человека к человеку и человека к миру? Какое влияние, могут спросить, оказала эта анархия на человеческое поведение, наблюдаемое в отношении человека к обществу, на поведение его как гражданина, производителя, потребителя? Какое влияние оказала эта анархия на его личное поведение в качестве товарища или супруга, ребенка или родителя? Какое влияние она оказала на его собственную жизнь и стремление достигнуть собственного благосостояния? В следующей главе мы попытаемся обнаружить главную цель, которая закаляет волю и направляет устремления большевистских государственных людей и которая вносит столько преданности в деятельность коммунистической партии. Мы должны будем описать ряд тех ценностей, которые определяют для них «хорошую жизнь», и проследить рождение и прогресс новой морали, которая в конечном счете может даже привести к тому «отмиранию государства», о котором Маркс писал почти столетие назад.

Большое впечатление должны были произвести на тех, у кого хватило терпения прочесть предыдущие главы этой книги, та энергия и настойчивость, с которыми советские государственные деятели осуществили свои цели. Касалось ли это планирования сильно возросшего производства предметов широкого потребления и общественного обслуживания¹, или исключительно умелой организации производительного труда², или обеспечения здоровья, образования и экономического благосостояния во всех областях жизни всего общества³, или широчайшего внедрения науки, как главного орудия достижений⁴, во всем этом Ленин и Сталин и организованное призвание водительства, которое они выковали и вдохновили, руководились одной целью⁵. Этой целью, как мы указывали, является всеобщий

¹ См. т. II, гл. VIII, «Плановое производство для общественного потребления».

² См. т. II, гл. IX, «Вместо наживы».

³ См. т. II, гл. X, «Переделка человека».

⁴ См. т. II, гл. XI, «В науке—спасение человечества».

⁵ Западные ученые, как нам кажется, не дают убедительного ответа на вопрос о происхождении и причинах возникновения у человека цели. Они не могут ныне поддерживать концепцию о том, что вдохновение приходит извне видимого мира или от явлений, которые только одни известны человеку. Они чувствуют себя обязанными верить, что в течение многих веков подъема человека по биологической лестнице его цивилизованный ум со всем своим содержанием или фазами медленно формировался. Наши цели, как и наша воля и эмоции, могут, говорят нам ученые, представлять собой только смесь или осадок всего нашего прошлого. Последующие поколения формировали их под влиянием домашней и общественной среды; эти поколения вырабатывались под влиянием воспитания и обучения; на образование их влияли наши личные привычки и наш жизненный

подъем цивилизации народов СССР. Условий хорошей жизни— вот чего необходимо было добиться для всего населения.

В погоне за изобилием

Путь к росту цивилизации, т. е. к хорошей жизни, ясен. Громадное население, с которым советскому правительству пришлось иметь дело, было в 1917 г., за небольшими исключениями, не только невежественным, чрезвычайно истощенным, огрубевшим и озверевшим в результате векового гнета, но и нищенским, страдающим от периодических голодовок. Первой предпосылкой хорошей жизни в СССР было резкое увеличение ежегодного производства предметов потребления, пользование которыми только и дает возможность человеку постепенно подниматься от состояния варварства до цивилизации. Ленину и его товарищам было совершенно ясно, что добиться всеобщего повышения уровня здоровья, образования, технической грамотности, культуры и улучшения нравов можно только при условии, если бедность превратится в изобилие.

Для всего населения

Для них было совершенно ясно также и то—этим они отличались от государственных деятелей других стран,—что «обилие» необходимо было обеспечить не для какого-либо высшего класса или классов; не для какой-либо отдельной расы или рас, если бы даже эти классы или расы оказались более способными, более трудолюбивыми или более образованными, чем остальная часть населения, но для всех без исключения, для всего населения Советского Союза.

Самая мысль о доступном для всех изобилии в процветающем обществе никогда не приходила на ум государственным деятелям XIX в. Это объяснялось не тем, что они были лишены чувства гуманности или милосердия. Они просто были убеждены в том, что такая всеобщность неосуществима. Их учили, что «бедные всегда будут пребывать рядом с вами». Система частной собственности на средства производства, при которой непосредственным мотивом для организации предприятия и пользования трудом рабочих является не увеличение количества товаров для удовлетворения всего народа, а извлечение прибыли в интересах

опыт; они вставали в нашем мозгу, мы не знали, почему и как это приспало в качестве побудителя наших действий. Мы не думаем, что марксист-коммунист не согласится с таким выводом, но к этому он прибавляет свою интерпретацию и свое заключение об эволюции социальной организации после длительного периода «примитивных» обществ вплоть до установления «бесклассового» общества. В связи с изложенным можно упомянуть содержательную книгу *Николая Гартмана*, *Этика*, 1926. Книга прекрасно переведена д-ром Стенгоном Койт, в 3 томах, 1932, а также книгу *Джеймса Х. Брестед*, *На заре сознания*, Нью-Йорк 1934.

отдельных лиц, а значит, как показывает опыт, с постоянно растущей массой капитала меньшинство становится богатым, а большинство остается бедным. Ленин и его товарищи считали, что эти массы капиталов неизбежно должны перейти в общую собственность и что замена индивидуальной собственности на средства производства коллективной и предусмотренное этим плановое регулирование в условиях социального равенства должны сделать принцип всеобщности изобилия осуществимым. У них не было оснований считать неизбежной нищету бедняков вне зависимости от того, были ли люди бедными по слабости характера, способностей или же вследствие расовых либо классовых причин.

Необходимо отметить, что большевистская концепция всеобщего изобилия не была связана с верой в социальную ценность или даже в возможность отождествления или уравнивания людей с точки зрения их работы, способностей, моральных качеств, а также в смысле размера заработной платы или какой-либо другой формы дохода. Имелось в виду, что в будущем произойдет как раз обратное равенству индивидуумов, а именно, общество будет в таком состоянии, при котором каждый индивидуум будет добровольно работать по своим способностям и получать по своим потребностям. Но поскольку способности человека чрезвычайно разнообразны, в то время как материальные нужды одинаковы как у самого способного, так и у самого тупого, а разница в оплате культурных нужд не особенно велика, то нет оснований опасаться, что эта формула снова разделит общество на богатых и бедных, как это неизбежно при наличии института частной собственности.

Передовая промышленность

Желательные условия для достижения общего изобилия могут быть обеспечены, как с уверенностью утверждали, только с помощью значительной индустриализации страны. Считали, что государство, в котором преобладает сельское хозяйство, каковое притом ведется многочисленным крестьянством, будет по необходимости государством без достатка. Без широкого применения науки и техники невозможно обеспечить необъятные размеры массовой продукции. Индивидуальное производство, поскольку это касается предметов материального потребления, всегда дает небольшую продукцию, и если бы эту продукцию разделить поровну между всеми, то она едва удовлетворяла бы насущные потребности. Громадные богатства добывались даже в прошлом из сельского хозяйства относительно небольшим числом владельцев путем использования бесчисленных рабов, крепостных или крестьян, плативших неимоверную арендную плату (эта система еще существует в капиталистических

странах, причем там частный предприниматель использует рабочих по найму); эти богатства были бы гораздо большими и общедоступными, если бы массовое производство их происходило без эксплуатации рабов, крепостных или пролетариев, а с помощью силы машин, которые принадлежали бы не капиталистам, а индустриализированному коллективизированному государству. При советском коммунизме машина становится универсальным рабом человечества.

О социальном равенстве

Всеобщая зажиточность может быть обеспечена уничтожением индивидуальной собственности на средства производства, которые находятся в распоряжении частных лиц; вместе с тем необходимо решительно преследовать торговлю предметами широкого потребления в целях наживы и запретить пользование наемными людьми в целях извлечения прибыли из их труда; в результате этого, как предполагают, должно создаться социальное равенство. Может быть разрешено производство путем личного труда и личная собственность на все, что каждый индивидум может сам заработать, разрешается даже вкладывать свои сбережения в государственные банки или займы и получать по ним проценты; размер наследства строго ограничивается фискальным обложением. Социальные привилегии при этом не допускаются даже для таких лиц, как писатели и художники, которые в силу своего таланта могут производить труды, не уничтожающиеся в процессе их потребления, и которые могут получать исключительно большие доходы без спекуляции и эксплуатации. Кроме всего прочего не должно быть никакой монополии на воспитание и образование. Эти блага, равно как и необходимая поддержка средствами, могут быть обеспечены детям всех родителей без различия пола, расы, положения или богатства, как только будет достаточное количество школ. Целью является организация общества, построенного на началах равенства и притом так, чтобы здоровье, экономическая обеспеченность, образование, культура, манеры и лоск были бы (ввиду отсутствия какого-либо привилегированного класса или какой-либо привилегированной расы) присущи всем как общедоступные свойства. Целью большевиков является создание нового и не имеющего прецедентов социального порядка.

Бесклассовое общество

Эти условия социального равенства не будут полностью достигнуты, так утверждают большевики, до тех пор, пока не будет установлено так называемое «бесклассовое общество». Такое представление о социальной организации будущего обычно сбивает с толку англичанина и американца. В Англии под

словами «бесклассовое общество» понимается такое общество, в котором отдельные лица, мужчины и женщины, принадлежа к единому социальному классу, окажутся все одинаковыми или, более точно, будут проявлять большую степень единообразия, чем лица, принадлежащие к различным многочисленным подразделениям любого высокоразвитого капиталистического государства нашего времени. Бесклассовое общество в этом смысле слова будет означать потерю индивидуальности и монотонное взаимное сходство, которое было бы ужасным, даже если бы не было регрессивным.

В то же время по адресу советского коммунизма раздаются упреки в том, что, спустя почти двадцать лет, СССР не проявляет никаких признаков приближения к такому скучному единообразию среди индивидуумов! Утверждают, и без всякого основания, что в СССР все более выявляется новая дифференциация классов.

Такая критика, по нашему мнению, основывается просто на неправильном переводе или неправильном понимании того, что подразумевает советский коммунизм под понятием бесклассовое общество. Карл Маркс и целые поколения его последователей избрали, как следствие социальной эволюции в период капитализма, путь неустанной и беспощадной экономической борьбы, ведущейся между конкурирующими социальными группами. Последние, как предполагалось, должны оформиться в две противоположные силы. Одна сторона, называемая буржуазией, объединяет все различные категории людей, доходами которых является рента, проценты или прибыль, получаемая прямым или косвенным путем от эксплуатации работающих по найму, или от торговли предметами широкого потребления, или же, наконец, от различных финансовых манипуляций. Другая же сторона, называемая пролетариатом, охватывает громадные массы людей, живущих только на заработную плату и унаследовавших это положение от своих закрепощенных предков. Имеются также многочисленные категории неудачников, так называемая мелкая буржуазия, служащие и бедное крестьянство, которых экономическая борьба безжалостно толкнула в ряды пролетариата. Маркс предвидел, что пролетариат будет составлять все более увеличивающуюся часть капиталистического общества, в то время как буржуазия, хотя и объединяющая много групп или категорий, будет постоянно уменьшаться в своем составе вследствие непрерывного поглощения всех мелких предприятий крупными; ряды пролетариата будут последовательно пополняться обедневшими предпринимателями и их детьми. Наконец, с точки зрения Маркса, должен неизбежно наступить социальный взрыв, во время которого громадные массы численно возросшего проле-

тариата экспроприируют относительно немногочисленную буржуазию, установив таким образом общество, в котором не будет больше отдельных предпринимателей, покупающих рабочую силу по найму, равно как и рабочих пролетариев, продающих свою рабочую силу в обмен на вечно колеблющуюся заработную плату—единственное средство их существования. Все здоровые люди будут работать для общества по своим способностям и будут вместе со всеми категориями людей, неспособных к труду, получать от общества по потребностям. Это и будет «бесклассовое общество».

В этой книге нас не интересует правильность или точность этого чрезвычайно лапидарного толкования экономической и социальной истории мира, от первоначальной стадии дикого состояния, существовавшего, как теперь заявляет наука, много сотен тысяч лет, и до окончательного краха мирового капитализма, что казалось весьма отдаленным, пока не произошла русская катастрофа. Результатом ее явилось возникновение Советского Союза, чрезвычайно приблизившего эту перспективу. То, что составляло предмет ожиданий Маркса, в значительной степени стало политическим фактом в Советском Союзе, хотя в других странах оно еще висит в воздухе. Возможно даже, что, по завершении в 1937 г. второй пятилетки, или во всяком случае в недалеком будущем, руководители Советского Союза смогут заявить, что фаза, называемая «диктатурой пролетариата», прошла, так как государство охватывает все население и бесклассовое общество фактически уже установлено. Ведь к тому времени на всем широком пространстве СССР уже не будет отдельных капиталистов, покупающих рабочую силу у пролетариев, вынужденных продавать свою рабочую силу людям, стремящимся извлечь из нее прибыль. К этому времени не будет никаких частных торговцев, покупающих товары, не ими изготовленные, в целях продажи их по более высокой цене. В соответствии с этим больше не будет разделения общества на два класса эксплуататоров и эксплуатируемых, или как выразился в тот же период, что и Маркс, великий еврейский государственный муж Дизраэли¹, на «две нации» богатых и бедных. Но советские лидеры не думают, понятно, что среди жителей СССР существует подобного рода единообразие в отношении способностей, достижений, умственного развития, образования, личных привычек и социальных групп, к которым те или иные индивидуумы принадлежат. Наоборот, коммунисты считают, что вследствие сильно возросшей возможности саморазвития, предоставленной тем, кто до

¹ Роман *Бенджамин Дизраэли*, *Сибилла* или две нации, впервые был опубликован в 1845 г.

сих пор жил в нищете, и вследствие сильно увеличившегося разнообразия профессий, доступных для всего населения, советский коммунизм создает большую дифференциацию индивидуальных, чем капиталистические страны.

Для подобных претензий, конечно, имеются некоторые основания. Мы часто забываем, какой ограниченный выбор занятий существует, скажем, для мальчика из английского угольного района, и как ничтожны возможности для саморазвития, например, ребенка безземельного батрака на Балканах, как ограничено и примитивно преподавание в школах, как мало развито обучение технике, которое даже в настоящее время доступно не более чем половине населения Великобритании, как велико в капиталистических странах число тех, для кого всякое развитие своих талантов и подъем культурности фактически невозможны за единичными исключениями. Характерно, что около половины всего взрослого мужского населения передовых капиталистических стран состоит из батраков и чернорабочих, которые никогда не в состоянии достичь уровня заработка хорошего ремесленника. В Советском Союзе положение совершенно другое. Принцип универсализма, согласно которому, как мы уже показали, предусматривается охрана здоровья, школьное образование, обучение ремеслу и выбор профессии и который основан в СССР на уничтожении всех ограничений, связанных с полом, расой, социальным положением или недостатком денежных средств, неизбежно влечет широкое выявление человеческой энергии, значительный рост различных способностей и немалое развитие талантов, которое при других условиях не могло бы принести своих плодов. Принцип разносторонности, которому Ленин придавал такое большое значение, открывает разнообразные пути, дающие возросшей энергии, способностям и таланту более эффективные возможности для своего приложения, чем в других государствах. Дело не только в том, что в СССР, как мы уже говорили, нет ни одного предпринимателя, но вместо них имеются сотни тысяч учреждений, постоянно ищущих новых работников. Там нет единого типа промышленного предприятия, но имеется целый ряд разнообразных организаций, обслуживающих население.

Таковыми являются бесчисленные предприятия, принадлежащие правительственным органам Союза, из коих некоторые являются органами входящих в Союз автономных республик, а также десятки тысяч областных, районных и сельсоветских организаций. Сюда входят разнообразные исполнительные органы профессиональных союзов и потребительских кооперативов.

В распоряжении этих организаций в общем находится около 25 млн. рабочих и служащих. Десятки тысяч кустарных промышленных артелей и четверть миллиона коллективных хозяйств

имеют различные уставы. В коллективных хозяйствах взрослое население достигает 50 млн. членов, не говоря уже о многочисленных рыболовных колхозах и кооперативах охотников и зверобоев. Наконец, даже и на сегодняшний день имеются миллионы различного рода единоличников, к которым любой человек может примкнуть; они имеются и в виде существующего единоличного крестьянства и в образе независимых охотников, зверобоев, рыболовов или старателей.

В другом месте мы уже описывали, как десятки тысяч научных работников заполняют тысячу или более научно-исследовательских институтов в любой отрасли науки. Кажется, нигде в мире, даже в Соединенных штатах, не имеется такого разнообразия в выборе профессий, какое предоставляется каждому жителю Советского Союза. Это разнообразие и многочисленность профессий и занятий неуклонно возрастают вместе с ростом и распространением на всем протяжении Союза все более полного социального равенства и хорошей жизни.

Принудительное окружение

Главное возражение, которое делается в западных странах против советского коммунизма и особенно против его заявления об установлении хорошей жизни, состоит в том, что советский коммунизм уничтожает личную свободу. Свобода, говорят там, является не только основным условием хорошей жизни, она является сущностью такой жизни. Всякая попытка организовать хорошую жизнь людей против их воли, всякий проект предоставить средства для создания такой жизни для всего населения, всякое корпоративное мероприятие со стороны правительства, даже в экономических или культурных вопросах, хотя бы в форме генерального плана, которому все должны подчиняться, и, более того, всякие законодательные ограничения, касающиеся поведения индивида, даже если они исходят из лучших мотивов,—неизбежно приводит, по их мнению, к нетерпимому нарушению свободы личности, от чего полностью зависит хорошая жизнь. Это основное возражение против существующих условий жизни в СССР, и в нем необходимо искренно разобратся. Доколе же можно еще утверждать, что каждый гражданин пользуется меньшей свободой в Советском Союзе, чем в Великобритании или Соединенных штатах?¹.

Законодательные ограничения

Прежде всего отметим, что в Англии или во Франции, не говоря уже о довоенной Германии, закон налагал немало

¹ Одно из лучших известных исследований этого вопроса, содержащееся в искренней и со скрупулезной аккуратностью составленной книге *Роджера Н. Болдуина*, *Свобода при Советах*, Нью-Йорк 1930, 272 стр.

ограничений на частную жизнь, и в этом отношении население СССР имеет гораздо большую свободу. Достаточно хотя бы упомянуть английский закон о разводе, на который жалуются все классы населения; или еще не вполне отмененный английский статут, по которому лица, спящие под открытым небом, подлежат наказанию, если они не могут представить «видимых средств к существованию»! В Англии имеется закон, карающий за вступление на чужую землю. По этому закону широкие массы лишаются возможности пользоваться не только громадными парками отдельных богачей, живущих вне города, и богатыми садами, расположенными в западной части Лондона, но им также не разрешается бродить по морским утесам, горным ущельям, лесам, лугам, по местам, отведенным для охоты, и вдоль рек, и это в наиболее красивых районах Великобритании. Для авторов этой книги убийство птиц и рыб как спорт представляется пережитком варварства; но если такое времяпрепровождение считается приятным, то в Великобритании им пользуется только небольшая кучка населения; если же простой человек, не имеющий возможности приобрести дорогое ружье и разрешение на охоту, для которого охотничьи трофеи имели бы кое-какое значение для его воскресного обеда, занялся бы подобным спортом, он подвергся бы наказанию за браконьерство. Для советских властей гораздо важнее, чтобы не какой-нибудь один класс населения, а народ в целом мог всю свою жизнь возможно более широко пользоваться достижениями культуры с максимальной свободой для всех без различия возраста, пола, расы, цвета кожи, увеличив притом и свой досуг. Эти соображения для советских властей имеют большее значение, чем вышеупомянутые классовые ограничения личной свободы масс.

Такое универсальное расширение свободы требует от властей наблюдения за тем, чтобы все предназначенное для масс, для их развлечения, не могло причинить вред обществу. Поэтому в СССР невозможно печатать какие-либо материалы, книги, брошюры или циркуляры без предварительной цензуры Главлита, агенты которого сидят во всех типографиях. Поскольку закон никому не разрешает пользоваться чужим трудом в целях извлечения личной выгоды, вся печать, распространяемая в тысячах экземпляров газет и различной периодики, так жадно читаемая народом и обслуживающая различные группы населения в каждой местности, издается не капиталистическими предпринимателями, но тем или другим из многочисленных агентств. То же можно сказать о театрах, концертах, кино и других местах развлечений. Представители власти ведают парой сотен тысяч просветительных пунктов в городах и деревнях от Балтики и до Тихого океана. В эту сеть входит ряд учреждений от яслей и детских садов, вплоть до университетов и научных ин-

статуты. Короче говоря, мы можем сказать, что в СССР не имеется ни одного общественного учреждения, считая добровольные, которое не входило бы в общий план. Таким образом духовная и культурная среда находится под руководством, правда, не какого-нибудь одного правительственного органа, но под руководством той или иной организации из имеющихся сотен тысяч. Подобное универсальное руководство преследует определенную цель.

То, что происходит в СССР, раскрывает перед нами сущность этой цели и степень регулирования духовной жизни. Прежде всего, в СССР не разрешается ничего такого, что считается «контрреволюционным». Но это не означает запрещение критики правительства. Наоборот, нет такой страны в мире — и в этом может убедиться человек, изучающий эту страну, — где была бы так широко распространена публичная критика правительства, непрерывно вскрывающая его недочеты, как в СССР. Почти в каждом номере газеты имеются сообщения о тех или иных неудачах или недочетах, о скандальном поведении каких-нибудь официальных лиц, фамилии которых тут же публикуются, о случаях небрежности и зажима, о необходимости того или иного изменения или исправления политики правительства или администрации¹.

¹ Мы уже указывали, что в советской печати помещается столько разоблачений и критики, что в большинстве стран были напечатаны целые тома нападок на советский строй его врагами, для которых представляется легкая возможность собирать и извлекать материал из «самокритики», изображая эти исключительные случаи, как якобы типичные для всей администрации.

Подвергавшаяся таким нападкам цензура над иностранными корреспондентами в Москве проводится, мы убеждены, на подобных же началах. Хорошо описывает ее один американский журналист:

«Русская цензура в тех случаях, где сказывается ее влияние, пропускает очень много сведений. С телеграммой в кармане американский корреспондент поднимается на лифте советского министерства иностранных дел и попадает в комнату, в которой царит некоторый беспорядок. Там его встречает русский, умеющий говорить и писать по-английски, который вместе с ним просматривает написанное им. *Всякий раз* цензор пропускает любое фактическое описание вещей, которое наблюдал американец; каждый раз он пропускает статьи или речи, изобилующие отчаянной самокритикой, которую печатают советские газеты и которой занимаются советские руководители. Большинство сенсационных сообщений, фабрикуемых любителями «уток» в Риге, заимствуется непосредственно из советских газет, причем их обрабатывают и им придают привлекательно-фантастическую форму. Такие сообщения особенно успешно продаются в Англии.

...Цензор не пропустит, но он попросит корреспондента изменить какое-нибудь сжатое резюме или интерпретацию ряда событий или речи, с формой изложения которых цензор не может согласиться. Он также вычеркнет то, что будет умышленно враждебно, грубо провокационно, преднамеренно лживо или оскорбительно для государства или его руководителей. Но даже такой материал вывозится из России целыми тоннами в виде книг

Стенгазеты имеются на каждой фабрике, заводе, в учреждении, в них рабочие и служащие публично критикуют и даже высмеивают своих начальников. Подобного рода открытая критика, проводимая рабочим или служащим по адресу своего хозяина или мастера, не разрешается в капиталистических странах. Советское правительство поощряет такого рода публичность, называя это «самокритикой», если даже оно само критикуется в качестве нанимателя; и правительство не отстает, внося свою долю в дело самокритики. Почти не встречается выступлений, в которых наркомы или другие руководители не вскрывали бы недочеты своего учреждения и не осуждали бы довольно строго ошибки официальных лиц. «Контрреволюционным» считается только то, что подвергает сомнению основные принципы коммунизма, агрессивно критикует теоретический марксизм, а также содержит побуждение к организации политических фракций.

С другой стороны, в каждой форме гласности существуют различные дополнительные систематические исключения. В литературе и в различных видах искусства не разрешается порнография. В городах СССР менее, чем в городах какой-либо другой страны, можно встретить публичное проявление того, что может возбуждающие действовать на половые чувства.

Не разрешается подстрекательство к расовой враждебности, поскольку это касается, по крайней мере, евреев, татар, цыган, негров или каких-либо других рас, находящихся в СССР.

Считается недопустимой клевета на какого-либо гражданина. Чтобы устранить возможность подражания, политика советской власти запрещает также опубликование деталей и даже статистических данных о разводах, преступлениях, самоубийствах и несчастных случаях. К проявлению хорошего вкуса, которое можно было бы назвать «умственной гигиеной», нужно отнести отсутствие на страницах газет «светских новостей» и всякого рода сплетен о привычках и деяниях выдающихся людей искусства, литературы, спорта, музыки, драмы или даже сообщений, касающихся советских государственных деятелей

и статей, написанных после отъезда из СССР, а иногда и людьми, не бывшими там.

...Но невзирая на полную возможность получения информации о России, невзирая на цензуру, которая, конечно, более умна и менее беспощадна, чем цензура большинства южноамериканских и некоторых восточноевропейских стран, и невзирая на прекрасную и точную информацию, еще существует старая басня о советской таинственности. Американцы, которых однажды немного напугала пропаганда, не верят больше даже своим глазам. Они продолжают думать, что существует «русский ответ», русская «низость», что им чего-то «не рассказали». У них развилось то, что можно назвать комплексом невежества. Однако основные факты о русском государстве ясны и хорошо известны» («Форчюн», Нью-Йорк, март 1923, стр. 57).

и администраторов; в газетах никогда не упоминается ни об их семьях, ни об их передвижениях. Мы не знаем, ввиду ли этих многочисленных изъятий или несмотря на них, советские газеты широко распространяются и жадно поглощаются¹. Общий тираж каждого выпуска периодической печати в СССР равен числу семейств, обитающих на пространстве от Финского залива до Камчатки.

По плану или без плана

Стесняет ли такое систематическое планирование духовную жизнь советского гражданина, его личную свободу, в большей степени, чем свободу гражданина любой большой страны, где люди живут в тесном контакте между собой, а не так, как, скажем, фермеры Патагонии или пионеры североамериканских прерий и южноафриканских степей?

Для начала возьмем положение школ и учителей.

Что касается девяти десятых общего числа детей школьного возраста Великобритании, то родители их не имеют свободы выбора школы, преподавателя или школьной программы.

Им приходится мириться с тем, что имеется неподалеку² от их дома. В равной мере и учителя вынуждены класть в основу преподавания и даже интимных бесед с учениками основные понятия отечественной цивилизации, как, например, понятия о конституционной монархии, парламентской демократии, английском империализме, капиталистической организации промышленности и официальном христианстве. Ни один преподаватель не смог бы удержать за собой места в начальной школе, если бы стало известно о его стремлении внедрить атеизм, коммунизм, республиканство или мысли об уничтожении парламентской системы или о расчленении Британской империи. Правда, вслед за увольнением, вероятно, последовала бы открытая пропаганда таких идей даже и вне стен школы. Преподаватели так называемых «общественных школ» в этом отношении имеют несколько больше прав на свободу мнений, чем учителя начальных школ. Но даже профессора и лекторы английских университетов до упрочения своего положения находят благоразумным воздерживаться от публичного высказывания своих мнений по основ-

¹ У газетных киосков в Москве и других городах образуются очереди людей, стремящихся получить номер вечерней газеты.

² Правда, в Англии и в Уэльсе правительство поддерживает много школ, организованных католической или англиканской церковью. Это дает родителям возможность выбора школы в соответствии со своими религиозными верованиями. Если в этом же районе имеется более чем одна школа, то от этого не отменяется монополия одной (а в действительности обязательной) программы и школьной атмосферы.

ным вопросам, если только расходятся с установленными на этот счет взглядами.

Единственное место в области просвещения, где имеется большая индивидуальная свобода духовной жизни в Англии по сравнению со школами в СССР,—это школа, куда свободолюбивые родители могут по своему выбору отдать ребенка, если он оказался недостаточно способным или недостаточно удачливым, чтобы заслужить стипендию в какой-нибудь другой школе... Если его родители в состоянии оплачивать право учения и поездки в школу, а также нести всякие другие расходы, что совершенно недоступно рабочим, служащим и почти всей мелкой буржуазии, то он может послать своих детей в одну из немногих не консервативных школ-интернатов. Только в таких школах духовная жизнь детей (и учителей) менее стеснена, чем в остальных. В этих школах программа преподавания зависит главным образом от мировоззрения владельца или директора школы. Поскольку такое учебное заведение имеет исключительно характер частного предприятия с целью извлечения прибыли, оно приспособлено к пожеланиям родителей, но и здесь преподаватели должны быть достаточно осторожны в проявлении своих личных свободных взглядов¹.

Подумайте, какую громадную роль в деле направления духовной жизни передового промышленно-развитого государства играют газеты и журналы, с одной стороны, и места развлечений (от театра до собачьих бегов), с другой. В Англии и Соединенных штатах все такие предприятия находятся в руках капиталистов, которые стремятся извлекать из них прибыль. Предприниматель может ставить какие угодно пьесы по собственному выбору, если он считает, что они привлекут зрителей и принесут ему наибольшую выгоду. Он должен считаться только с общепризнанными ограничениями², не особенно строго проводимы-

¹ Обычно забывают, как велико число категорий людей, которым в Англии, так же как и в других странах, воспрещается свобода выражения взглядов, неугодных правительству или большинству граждан. Такое воспрещение проводится официальным путем, а иногда путем особых правил, или неофициально под страхом потери средств к существованию. Люди нижепоименованных профессий и занятий считают для себя разумным умалчивать о своих взглядах, если эти последние расходятся с господствующими взглядами: военные; различные полицейские чиновники: школьные работники; домашняя прислуга, находящаяся в услужении у зажиточных людей; начальники местных почтовых отделений и писемносы; рабочие и служащие промышленных предприятий; владельцы розничных магазинов в небольших городах; сельскохозяйственные рабочие в сельских районах; медицинские работники; юристы; архитекторы; художники-портретисты; скульпторы и пр., зависящие от привычек крупных владельцев, и многие другие.

² В Великобритании существует предварительная цензура только для постановки пьес. Каждая пьеса должна быть представлена чиновнику при дворе, который не является ответственным перед парламентом. Без

ми и заключающимися в том, что не допускается нарушение правил приличия, дискредитация частных лиц, ущерб частной собственности и нарушение противопожарных правил. Он может использовать принадлежащие ему газету или место развлечений для пропаганды своих собственных взглядов, взглядов своей религиозной группы или своей политической партии. Зачастую он комбинирует и те и другие мотивы, т. е. жертвует иногда часть, а иногда всю свою прибыль на дело пропаганды; иногда ему приходится убеждаться, что все его стремления служат одной цели, давая при этом максимальные результаты. Но какой бы линии он ни придерживался в своем предприятии, духовная атмосфера, которую он создает, находится вне контроля отдельного гражданина, и последнему остается только одно средство избавления, да и то не полное: отказаться от газеты или от развлечения.

А как обстоит дело со свободой миллионов слушателей радио? Наиболее интересный социологический опыт проводится именно в этой области. В различных странах радиовещание проводится по-разному. В СССР и в Англии радиообслуживание широких масс обеспечивается местными властями¹. В Соединенных штатах и в некоторых других странах радиовещание находится в руках частных предпринимателей. Слушающим радиопередачи остается только слушать или выключать радио. Но по мнению как экспертов, так и общественного мнения Англии (считая находящихся здесь американцев), система монопольного обслуживания публики как постоянно открытая влиянию общественного мнения предпочтительнее системы частновладельческой радиосети. Она более уважает также и личную свободу слушателей, защищая их как в Англии, так и в СССР от нежелательной рекламы².

В таком же положении находится так называемая пропаганда. Понятно, в СССР пропаганда проводится в разных формах—

его специального разрешения ни одна пьеса не может быть поставлена. За выдачу разрешения полагается особая плата.

¹ Необходимо отметить, что СССР предоставляет в этом отношении большую свободу, чем Англия, так как в Союзе пользование радио бесплатно, в то время как в Англии пользование радио доступно только людям, которые в состоянии уплачивать по десять шиллингов в год.

² Одним из характерных современных методов психологического влияния на население является распространение световых реклам, с помощью которых стремятся привлечь возможно большее количество миллионов глаз как в городе, так и в деревне, уродуя ландшафт. В СССР то немногое, что делается в этой области, планировано и никогда не может быть использовано в целях извлечения прибыли для отдельных лиц. В Великобритании и Соединенных штатах такое бесплатное рекламирование, выгодное для частных предпринимателей, только начинает привлекать к себе внимание, если не как неудобство для публики, то как совершенно ненужный расход с точки зрения интересов общества. Такое рекламирование вредно отражается на психике человека, который не может не поддаваться коварной и настойчивой лживости, характерной для реклам.

газеты, книги, школы, университеты, увеселительные места, реклама. Трудно решить, достигает ли эта пропаганда в общей сложности больших размеров, чем в Великобритании и Соединенных штатах. Разница та, что в Советском Союзе пропаганда ведется представителями власти в плановом порядке ради того, что считается общественно интересным и исключительно в воспитательных целях. В капиталистических же странах планирование проводится множеством капиталистических или других частных пропагандистов в индивидуальном порядке или комбинированном виде, но всегда в личных интересах; в лучшем случае пропаганда ведется в зависимости от каприза предпринимателя, но не по решению всего общества или уполномоченных им представителей. Как в одном, так и в другом случае индивидуум не может избежать пропаганды. Во всех странах его мозг атакуют со всех сторон, чтобы заставить его признать целый ряд идей. Разница систем зависит только от того, в чьих руках находится дубинка для проведения этой цели.

Заключение, к которому приходит наблюдатель, сводится к тому, что для широких масс густонаселенной страны, возможно для девяти десятых ее населения, духовная среда везде и всюду будет принудительной. Из всей массы людей, от младенцев до стариков, никто не может избежать могучего и упорного влияния этой среды. В современной жизни оно проявляется буквально всюду. До тех пор пока у нас открыты глаза и уши, мы не можем не видеть и не слышать его. Младенцы и дети, подростки и взрослые неизбежно будут учиться и готовиться к определенным профессиям, т. е. будут подвергаться искусственному окружению, которое может быть создано по плану или без плана. Не только детские ясли и школы, но книги, газеты, церкви, кино, законы и рекламы—все они заняты созданием духовной среды для народа.

Свобода богатых на Западе

Для образованного интеллигента Запада, особенно, если он к тому же является рантье или может получать гонорары от своих клиентов, не будучи этим связан, вышеприведенный аргумент покажется простой софистикой. Удивительно, до какой степени мы можем оставаться слепыми к жизненным условиям громадного большинства наших сограждан, если мы сами находимся в других условиях! Если такой интеллигент не носит короны или не является членом придворного круга, если ему не мешают дела своего поместья или предприятия, то такой состоятельный гражданин Лондона или Нью-Йорка может окружить себя книгами по своему выбору; может подписаться на наименее противные ему газеты; он

может тратить много денег на развлечения и не ходить в кино, которое он презирает; он может посещать церковь, которая ему больше по душе, или совсем не посещать ее, может путешествовать по странам, которые ему нравятся, или «следовать за солнцем», живя в наиболее подходящем для себя климате. Вполне естественно, что он перестает чувствовать ту духовную атмосферу, влиянию которой вынуждены поддаваться его менее счастливые сограждане, точно так же, как он не чувствует физического веса атмосферы, влиянию которой даже и он всегда подвержен. Но, понятно, он вовсе не так свободен, как он думает. Хотя и с исключениями и ограничениями, но всякий находится под влиянием своей национальности, домашних условий, образования, уровня цивилизации той страны, где он живет, и современной ему экономической и политической структуры. Ему остается только считать свободой духовную среду, которая складывается не в плановом порядке, а из неизвестной массы безответственных и взаимно противоречивых факторов, в то же время он считает насильственной ту духовную среду, которая создается по плану исключительно в интересах общества известными и уполномоченными на то его представителями. Но между ними может и не быть разногласий о степени принуждения или ограничения среднего индивидуума. Однако между ними возникнут большие разногласия по вопросу о том, в какой степени все население должно пользоваться условиями хорошей жизни.

В чем свобода?

Что же, в таком случае, мы подразумеваем под словом свобода? Ясно, что это нечто, чего желают все люди, и отсутствием чего большинство из них недоволено. Понятно, это важный элемент хорошей жизни. Оно совпадает по своему значению, думается нам, с выражением «поступать так, как человеку хочется». Допустим в целях аргументации, что эта свобода является высшим благом человека. Те люди, интеллект которых бессознательно опирался на гипотезу равновесия вселенной, почти неизбежно представляют себе свободу, как *отсутствие сдерживающих моментов*, те же, кто предполагает, что каждая часть мира (включая и мысль) находится в постоянном движении, склонны думать, что свобода—это *наличие подходящего случая* действовать в зависимости от своих желаний.

Разногласия среди мировых мыслителей проявляются в различных нюансах значения общепринятого термина «свобода». Более ста лет назад было положено начало изменению этого понятия неожиданным заявлением о том, что, по английской конституции, каждый человек является свободным, но только

в том смысле, что он «может свободно посещать лондонскую таверну», т. е. если ему разрешают его материальные средства! Нет свободы там, где невозможно воспользоваться ею. Профессор Тауни говорит: «Равенство возможностей не есть вопрос юридического равенства, если не подходить к этому чисто формально. Существование его зависит не только от отсутствия препятствий, но и от наличия средств. Оно обуславливается тем, насколько каждый член общества, в зависимости от его происхождения, занятия и социального положения, фактически, а не только формально, обладает равными возможностями полного использования своих физических дарований, характера и умственных способностей. В то время как способности одних гибнут или приостанавливаются в развитии в результате социальной обстановки, а способности других совершенствуются вследствие этой обстановки, равенство возможностей становится прекрасной, но расплывчатой фикцией. Она отступает из мира реальностей в область фантазии»¹.

В Москве, где за последнее время снабжение населения хлебом, мясом и жирами производилось по карточкам, на закупки было наложено больше ограничений, чем в Лондоне. Но, поскольку пайковое распределение за последние пять лет совпало с возможностью получения каждым трудоспособным человеком заработка по ставкам профсоюзов, более бедные граждане в Москве имели фактически большую свободу выбора при покупке продуктов, чем в Лондоне. В Великобритании для миллионов безработных, получающих пособие по безработице, даже для миллионов семей, едва перебивающихся на два фунта в неделю (причем из этой суммы приходится покрывать стоимость квартплаты, расходы на одежду и питание)², т. е. примерно для одной трети всего населения, конституционная свобода не имеет значения. Фактически они не чувствуют себя свободными! Жизнь им кажется сплошь суровым принудительным пайком не только на какие-либо продукты питания, но почти на все, чего они хотят.

Но предоставим философам западного мира самим дать определение современной свободы. Здесь нас интересует взгляд на свободу, принятый в Советском Союзе. Там расценивается как высочайшее благо возможность всей совокупности индивидуумов *максимально пользоваться всеми возможностями в соответствии с пожеланиями каждого в отдельности*. Распи-

¹ Р. Г. Тауни, Равенство, 1929, 139 стр.

² На семью из 5 человек при питании 3 раза в день это составит 105 приемов пищи в неделю; считая по 3 пенса за каждый прием, получается расход более 26 шиллингов в неделю только на предметы питания. Но три пенса на еду, при существующих в Англии ценах, не дают возможности особой разборчивости в пище!

рение духовной или культурной среды для всего народа, независимо от расы, цвета кожи, возраста, пола, дохода или положения, является главной целью планирования хорошей жизни в СССР. Этот перенос удара с отсутствия ограничений на наличие возможностей как условие хорошей жизни характеризует, как мы уже отмечали, изменение взглядов на вселенную в современной науке. Это совпадает также с переходом от «экономики недостатка» к «экономике обилия». Перенос удара от свободы одного человека на совокупность свобод всех людей в государстве гармонирует с характерной нотой универсализма, которую мы так часто слышали в речах советских государственных деятелей и которая исходит из мысли о высоком значении социального равенства и безусловной вредности половых, классовых или расовых привилегий.

Если, как считается вполне естественным в советских кругах, каждый человек—это единица, и никто не представляет собой больше чем единицу, то путь к увеличению совокупности индивидуальных свобод в обществе лежит в направлении постоянно увеличивающегося равенства возможностей. Равенство, конечно, не тождество. Чем ближе можно свести возможности каждого индивидуума с его способностями, тем больше будет совокупность индивидуальных возможностей общества и совокупность личных свобод. Считают, что в конечном счете организация общества на основе «от каждого по его способностям и каждому по его потребностям» приведет к самой тесной согласованности.

Теперь станет ясно, почему необходимым условием для такого увеличения совокупности индивидуальных свобод являются определенные ограничения и целый ряд таких ограничений. Для всего населения в целом всегда и всюду имеется только определенный объем возможностей. Тот, кто захватывает для себя больший объем возможностей, чем приходится на его долю, тем самым не только обкрадывает другого и лишает его некоторой доли или всех возможностей, но также, увеличивая неравенство, он неизбежно уменьшает совокупность индивидуальных свобод внутри общества. Социальная структура, при которой английский пароходовладелец может разрешить себе и своей семье длительный и дорогостоящий отпуск в Швейцарию и в Италию, в то время как сотни грузчиков, разгружающих его пароходы, и их семьи вместо отдыха получают вынужденную безработицу, не только вредит им, но и уменьшает совокупность свободы внутри общества. Ленин однажды выразился со свойственной ему иронией: Свобода, действительно, дорогая вещь, настолько дорогая, что ее нужно выдавать пайками¹. Поскольку имеющееся

¹ Когда во время империалистической войны Англия ввела пайки на сахар, это мероприятие рассматривалось всеми, как ограничение сво-

количество свободы ограничено, общая сумма свободы внутри общества при равномерном распределении увеличивается.

Остается добавить, что для человека свобода поступать так, как хочется, в конечном счете зависит от наличия средств для этого, как бы их ни делить среди индивидуумов каждой страны. Таким образом, мы сталкиваемся с вопросом о том, как увеличить обилие, т. е. каким образом увеличить совокупность того, что составляет богатство нации. Вопрос о том, удастся ли советскому правительству выполнить поставленную им перед собой цель перегнать все капиталистические страны по производству на душу предметов широкого потребления, покажет будущее. Все, что можно сказать в настоящее время, сводится к следующему: 1) если подходить с обычной коммерческой меркой (включающей массу социально бесполезных вещей), то СССР еще не достиг по производству продукции на душу населения уровня Англии или какой-либо другой европейской страны, а также Соединенных штатов в период до 1929 г.; 2) общее количество продукции как в области капитального оборудования, так и в отношении предметов широкого потребления и обслуживания за последние десять лет в СССР увеличивалось гигантскими шагами, в то время как в других странах производство пало или, в лучшем случае, осталось на прежнем уровне; 3) исходя из предположения, что увеличение производства и рост народонаселения будут идти теми же темпами, что и в настоящее время, то вероятно, через два-три десятка лет СССР станет самой богатой страной в мире и в то же время будет обладать наибольшей суммой индивидуальных свобод.

Единство действий и независимость мышления

Для продолжения вышеизложенной аргументации, по нашему мнению, имеется препятствие. Английского или американского интеллигента не интересует совокупность личных свобод, которыми пользуется все население; об этом он мало думает и это его мало интересует. Но и для него и для всего общества будет весьма чувствительным ущербом, если абсолютная свобода мышления очень небольшого меньшинства, способного самостоятельно мыслить в любой области, потерпит вмешательство извне. Интеллектуальный прогресс всего мира в конечном счете зависит от полнейшей «свободы пророчествовать», предоставляемой этому меньшинству, численность которого нельзя заранее определить. Без этой неограниченной свободы

боды. Та же продуктовая карточка рассматривалась беднейшими классами как увеличение их свободы, поскольку она гарантировала им возможность покупать сахар, который в противном случае был бы им недоступен.

невозможно было бы исправлять текущие ошибки, продумывать новые идеи и совершать новые открытия, мир был бы подвержен болезни ортодоксализма и был бы не в состоянии бороться с вечно меняющимися условиями социальной жизни. Нам не удалось бы даже избежать возврата в состояние примитивного варварства¹.

Некоторое основание для утверждения о социальной важности неограниченной свободы дискуссий, независимо от правильности или социальной ценности возникающих новых идей, безусловно имеется. С другой стороны, терпимое отношение к неограниченной свободе дискуссий, особенно при наличии неограниченного времени, имеет свою обратную сторону: оно способно помешать эффективности корпоративного действия.

Поэтому необходимо рассмотреть условия, при которых получилась бы польза как от эффективного действия, так и от свободы дискуссий. Возьмем вначале для примера большой механический завод или гигантский самолет новой конструкции и еще не проверенный. Коммунистическая точка зрения сводится к тому, что, разрабатывая план и придя к решению испытать новую конструкцию, весьма желательно обеспечить максимальную свободу дискуссии. На этой стадии рекомендуется широчайшее участие в обсуждении вопроса. Только поощряя открытую критику проекта со всех точек зрения и при глубоком знании дела, взвешивая каждое возражение, можно быть уверенным, что принятое таким образом решение будет самым мудрым и наиболее точным. Но, как только решение принято, положение меняется. Некоторые утверждают, что успеху дела можно причинить вред и дело можно легко совсем испортить, если все лица, принимающие участие в работе, от чернорабочего и квалифицированного механика, мастера, помощника управляющего и до самых ответственных инженеров и директора, не отдадутся общими силами выполнению намеченного плана с полной уверенностью и абсолютной преданностью. Пока идет

¹ Мы думаем, что именно это имел в виду г-н Г. Уэллс, когда он заявил (проявляя при этом, по нашему мнению, странное непонимание условий Советского Союза), что если коммунистическая партия немедленно не восстановит неограниченной свободы мысли и публичных дискуссий, то менее чем на протяжении жизни одного поколения СССР убедится, что Англия и Соединенные штаты обогнали его в духовном развитии. Это заключение игнорирует то обстоятельство, что, в то время как в капиталистических странах имеется налицо всеми признаваемый факт «краха науки» вследствие недостатка средств и отсутствия поощрения, в СССР развитие науки является настоящим культом. На науку в СССР тратятся миллионы. Каждый человек, который обладает или думает, что он обладает способностью изобретать или делать новые открытия, поощряется к этому. Это служит только лишним примером неизлечимой слепоты зажиточных интеллигентов, которые не способны понять, что свобода является в той же мере наличием возможности, как и отсутствием ограничения.

работа, всякое публичное выражение сомнения или даже опасения, что задуманный план не приведет к успеху, является актом нелояльности и даже предательства, так как может оказать воздействие на волю и усилия остального персонала. Какой-нибудь скептик или ворчун, как бы способен он ни был, сможет, создав пораженческую атмосферу, способствовать исполнению своих предсказаний о неудаче. Самое большее, что может такой ворчун сделать, если он уверен в том, что принятый план опасен вследствие имеющихся в нем ошибок, это сообщить в частном порядке директору мотивы, по которым он считает, что катастрофа неминуема, если не будут внесены соответствующие изменения. Если после этого у него не лежит сердце к этой работе и он не верит в успешность этого дела, он должен попросить освобождения от работы и перевода куда-нибудь в другое место, сохраняя в то же время полное молчание о возникших у него сомнениях, поскольку речь идет о публичных выступлениях, для того чтобы не оказаться по неосторожности виновником неудачи или катастрофы, которой он опасался. При всех коллективных действиях лояльное единомыслие настолько важно, что для завершения чего-нибудь необходимо отложить публичное обсуждение вопроса с момента объявления о принятии решения и до выполнения задания.

С коммунистической точки зрения, положение советского правительства, взявшегося за громадную задачу переделки в течение одного или двух десятилетий СССР с его многомиллионным народом в социалистическое государство, напоминает положение инженера, взявшего на себя громадную и трудную конструктивную работу. Для выполнения такой задачи от всех требуется полнейшая лояльность и безусловное доверие. Можно доказывать, что СССР взялся не за ту задачу, что Союз должен был бы довольствоваться обсуждением и рассмотрением вопросов о сравнительно мелких реформах, что так характерно для парламентарных демократий. Точка зрения руководства СССР такова, что в ближайшее десятилетие потребуется произвести резкое изменение образа жизни русского народа. Только при создании условий для хорошей жизни такую жизнь можно начать. Это решение советского правительства получило не только одобрение общественного мнения, но и поддержку мероприятий администрации большинством граждан. Отсюда следует, что в течение нескольких лет, нужных для выполнения этих задач, советское правительство обязано проводить меры, обеспечивающие успешное завершение его работы. Такой курс считается необходимым, когда одна страна воюет с другой, когда не разрешается организация фракций и все, что может повести к их возникновению, когда даже «пораженческие» разговоры становятся преступлением. Но когда правительство

занято отчаянной борьбой не с каким-либо государством, а с силами природы, опасность подстрекательства к фракционной борьбе и даже «пораженческие» разговоры могут быть так же велики, как и во время войны. К этому аргументу советское правительство добавляет, что оно действительно находится в состоянии обороны против некоторых или всех капиталистических государств, враждебность которых не прекратилась и после увода их войск с советской территории около двенадцати лет назад. За ее границами в различных местах, с согласия правительств, все еще существуют активные группы, подстрекающие к нападению и жадно хватающиеся за каждую возможность интервенции. На советскую территорию время от времени все еще вторгаются секретные эмиссары. Они нелегально пробираются, чтобы сеять недовольство и восстания, и не останавливаются даже перед убийством советских ответственных работников. Стремления национальных меньшинств Грузии и Украины, которые теперь свелись, главным образом, к культурным требованиям, все еще искусно направляют к целям свержения московского правительства. Угрозы вторжения со стороны Японии или гитлеровской Германии почти изо дня в день сулят этим подстрекателям новые возможности восстаний. Если мы вспомним, какими необходимыми британское правительство считало репрессии по отношению к подстрекательству и ко всяким проявлениям «пораженчества», когда оно ввело закон о защите государства, а также какие меры проводили у себя другие правительства, участвовавшие в империалистической войне, то мы вряд ли должны удивляться соответствующим мерам, применяемым в настоящее время советским правительством.

Но даже единство действий будет куплено слишком дорогой ценой, если для этого требуется приостановить мышление мыслителей нации. К сожалению, природа вещей такова, что новое и оригинальное мышление, от которого полностью зависит прогресс человечества, не может совершаться по заказу. Самое сильное правительство, как бы оно щедро ни оделяло мыслителей, терпит неудачу, как только оно пытается регламентировать или ограничивать новое мышление, которое оно хочет создать. Никто не может предвидеть, какие новые мысли еще народятся, как и когда они проявятся. Опыт показал, что, когда мыслителям запрещают думать в определенном направлении или обсуждать определенные вопросы, они становятся неспособными, не могут и не хотят мыслить совсем! Для вновь зародившегося мышления хуже всего атмосфера страха, а такая атмосфера создается при применении карательных мер против обмена мнений среди самих мыслителей. Опыт показал, что невыгодно останавливать свободу мысли.

Разрешение проблемы

Мы уже обсуждали в связи с нашим описанием «болезненной ортодоксальности»¹ вопрос о настоятельной необходимости и смелости мысли. Имеется ли выход из дилеммы, возникшей в связи с практической необходимостью единства действий и не менее важной необходимости свободы мысли?

Мы предполагаем, что эта проблема создана кабинетным философом и что разрешение ее надо искать на практике. Ответ был найден советским правительством, равно как и другими органами власти. Возьмите, например, практику свободы дискуссии по вопросам физиологии и медицины. Советская цензура, «Главлит», совершенно не разрешает печатание порнографической литературы.

Но существует полнейшая свобода дискуссии и воспроизведения в печати на чисто научном языке вопросов о половых функциях, болезнях и извращениях. Все это было бы безусловно запрещено цензурой, если бы форму изложения можно было назвать порнографической. В этой области разрешается печатать и выпускать по любой цене все, за исключением того, что может вызвать подозрение в порнографии.

В этом примере мы находим разрешение проблемы. Для свободы мыслителя и исследователя им необходимо беспрепятственное общение со своими коллегами. Для развития своих основных мыслей им не нужна связь с немслящей массой. Если физиологам и врачам разрешается, с общего согласия, свобода дискуссий и высказываний в определенных рамках, то нет оснований отказывать в том же мыслителям и исследователям основных концепций, на которых основано каждое общество. Раздаются жалобы на то, что в СССР, как и во многих других странах, это не разрешается из боязни фракционности. Но целью таких мыслителей является не фракционность и не публичное обсуждение их творений немслящей массой, точно так же как физиологи и врачи в своих произведениях не имеют в виду порнографию. Они хотят проверить свои идеи путем обсуждения их среди равных себе и среди своих коллег. Следовательно, спекулятивные мыслители, философские критики социальных теорий, метафизические авторы новых утопий не должны просить или ожидать, чтобы государственные издательства выпускали их вымученные научные труды в виде популярных брошюр, стоимостью в несколько копеек. Мыслителям ценно, если их труды издаются в форме отчетов и протоколов философского общества, причем доступны и не-членам общества, хотя и не преподносятся последним без разбора; или же в форме

¹ См. т; II, гл. XI, «В науке—спасение человечества».

солидных трактатов, которые вряд ли найдут себе покупателя вне узкого круга лиц, способных понять фразеологию, применяемую при обсуждении подобного рода вопросов. По мнению авторов этой книги, такой метод мог бы всюду быть разрешен без всяких ограничений. Будучи допущены на столбцы печати в таком порядке, без газетной шумихи, самые несдержанные смельчаки мысли не нарушат единства действий в реконструктивных мероприятиях момента. Такие высокоинтеллектуальные мысли не доходят до неподготовленной народной массы и даже не достигают практиков специальных профессий, пока не пройдут через постепенный фильтр и не станут общественными как научно обоснованные в глазах просвещенного меньшинства¹. И такой степени обсуждения и гласности достаточно, чтобы пустить в ход и поддерживать ничем не стесненную свободу мысли и ничем неограниченное продумывание того, что сейчас еще остается неизвестным науке и что для прогресса СССР необходимо не меньше, чем для прогресса других государств.

Мы не говорим, что для свободы высказывания не требуется ничего, кроме той ограниченной возможности для интеллигентов, которую мы здесь описали. Такая возможность могла бы быть предоставлена даже и во время войны. Если советское правительство чувствует себя таким же прочным, как и английское правительство, почему оно не разрешает организацию популярных лекций и выступлений на открытых собраниях, дискуссий на страницах дешевых брошюр и газет, как это делается в Англии? Чувство обыкновенного гражданина—простого человека, без претензий на интеллектуальность,—что он может безбоязненно слушать то, что ему хочется, говорить, что ему нравится, и предлагать, что ему взбредет в голову, является элементом его хорошей жизни и имеет большую ценность для общества. Мы можем надеяться, что при характерном для советов стремлении к универсализму во всех направлениях стоящие у власти в СССР в свое время примут эту точку зрения.

Эволюция коммунистической этики

До сих пор мы объясняли различные социальные мероприятия, задуманные коммунистической партией СССР с целью обеспечения для всех путем социальной реконструкции пред-

¹ Английские читатели помнят анекдот, рассказанный о Питте. К нему, как к премьер-министру, обратились за советом по вопросу об уголовном преследовании Вильяма Годуина за опубликование чрезвычайно опасной книги («Политическая юстиция»). Питт спросил, какая цена книги. Ему ответили: «Три гинеи». Питт решил, что книга, продающаяся по такой высокой цене, не должна вызывать беспокойства; он полагал, что она будет иметь обращение только среди людей, на которых она не может оказать вредного влияния.

посылок хорошей жизни. Но одним из самых важных факторов социальной обстановки, создаваемой в каждом обществе, является кодекс поведения, который образуется на основе установленного в этом обществе социального порядка; такой кодекс принимается и входит в силу путем закона или под давлением общественного мнения большинства населения. Имеется ли такой кодекс поведения в СССР, и чем он отличается от подобных кодексов западной цивилизации?

В 1932 г. авторы этой книги обратились с соответствующим вопросом к одному из большевистских лидеров, пользующемуся величайшим влиянием и глубочайшим уважением и считающемуся воплощением совести коммунистической партии. Вопрос был таков: «Что является критерием плохого или хорошего в поведении члена коммунистической партии?» Его ответ,—возможно, что он не имел времени для лучшего ответа на вопрос, поставленный докучливыми иностранцами,—в основном сводился к тому, что все, что способствует построению бесклассового общества,—хорошо, что мешает этому—плохо.

Такой устный ответ, данный нам в 1932 г., как результат интуитивного опыта целой жизни, не воздает должного коммунистической партии. На основании того, что мы видели на заседаниях народных судов и товарищеских судов на фабриках, заводах и в жактах, с одной стороны, и выступлений комсомольцев на собраниях миллионного комсомола—с другой, можно сказать, что среди граждан СССР постепенно развивается то, что можно назвать системой этики. Этот кодекс морали все еще находится в экспериментальной стадии. Среди всех перемен социального порядка, которые должны были быть проведены на всей огромной территории, не было еще времени, чтобы авторитетно провозгласить или принять повсюду даже принципы новой коммунистической этики¹.

¹ Кроме бесконечных марксистских работ мы не можем указать много других книг по этому вопросу. Известный член коммунистической партии Емельян Ярославский написал книги, очевидно еще не переведенные, под названием «Партийная этика» (1924 г.), «Мораль и образ жизни» (1926 г.). Под редакцией А. Борисова издан ряд статей с предисловием Емельяна Ярославского, озаглавленных «Мораль старая и новая», опубликованных на русском языке в 1925 г. Много сведений по вопросам этики на практике советской жизни можно получить из очень полезной книги *Эллы Винтер*, Красная добродетель, 1933, 320 стр. (с библиографией); *Джесика Смит*, Женщина в Советской России, Нью-Йорк 1927, к сожалению, все издание разошлось; *Фаннина Галле*, Женщина в Советской России, 1933, 410 стр., (с библиографией); *Джозеф Фримен*, Советский рабочий, 1932; *Томас Вуди*, Новое сознание, новые люди? 1931 (с библиографией); *Клаус Менерт*, Молодежь в Советской России, Берлин 1932, английское издание 1933, 270 стр.; *Морис Гиндус*, Потрясенные основы, 1929, 369 стр.; *Анна Луиза Стронг*, Брак и мораль в Советской России, а также такие романы на русском языке, как *Александры Коллонтай*, Любовь пчел трудовых (в переводе «Свободная любовь»); *Федор Гладков*, Цемент, 1929, 322 стр.; *Пантелей-*

Отсутствие сознания первородного греха

Непосредственным результатом революции, уничтожившей «самодержавие, православие и (поскольку это относилось к «Великой России») народность», явилось, как мы видим, общее отречение от исторического христианства. Полное отрицание всего сверхъестественного повлекло за собой отход от морального кодекса, основанного на божественном откровении. Человечу, выросшему в протестантской или католической стране, трудно представить себе, какую глубокую перемену в сознании народа вызвало это отрицание сверхъестественного. Теперь в СССР даже среди людей, все еще относящихся с уважением к своим иконам, наблюдается почти полное отсутствие сознания первородного греха.

Утрата сознания греха, в богословском значении этого слова, не означает исчезновения совести, которой, как мы знаем по Тургеневу и Толстому, русские обладают в большой мере. Но этому сопутствовало изменение понятия о личных обязанностях.

В противоположность заповедям Моисея и налагавшимся православной церковью обязательствам, имевшим большей частью форму специфических запретов всего, что считалось неправильным, кодекс поведения в Советском Союзе с самого начала касался вопросов положительных, предписывая делать то, что правильно. Человеческая мораль теперь уже больше не является отрицательной по своей форме, она в основном утвердительная¹.

Отсутствие абсолютной морали

В соответствии с утратой сознания греха против бога находится в Советском Союзе отказ от мысли, что имеется нечто абсолютное, основное, универсальное или вечное, как мерило величин¹. Всякое суждение о поведении, как утвержда-

мон Романов, Без черемухи; А. Авдеенко, Я люблю, 1934, 283 стр.; М. Шолохов, Поднятая целина, Лондонское изд., 1935 (все книги в переводе на англ. язык).

¹ Вследствие этой перемены перестали ценить личную святость в том смысле, как ее понимали верующие в сверхъестественное. Большевицкие педагоги и писатели не включают в число факторов или условий хорошей жизни личную святость или стремление к ней. Непрерывающиеся кампании за просвещение не говорят о желательности добиться такого состояния человеческого сознания. Добродетелью является не самоусовершенствование или усовершенствование души, но служба другим и общественный прогресс. Человек не считается хорошим, если он не сделал того, что в его силах, для своих братьев. Его не судят по его работе, потому что он может не успевать в ней не по своей вине; его судят по мотивам и побуждениям его поступков. Даже если его работа социально полезна и идет успешно, он считается «карьеристом» и «шкурником», если он не является добродетельным человеком.

ют, всегда и всюду является следствием жизненных условий. Современный кодекс морали, поддерживаемый общественным мнением, соответствует современным условиям существования в каждом обществе в течение жизни одного поколения. Положение всегда и постоянно меняется. Мораль зависит от условий определенного момента. Большевиcтская точка зрения была изложена в следующих выражениях: «Все, что мы описываем как образ жизни людей, как человеческие взаимоотношения и правила, независимо от того, регулируются ли они законом или просто обычаями, традициями или привычками,—все это укладывается теперь в одном русском слове «быт», этимологически происходящее от глагола «быть». Выражение, непереводаемое в своей красочности и краткости, в котором содержатся объективный и субъективный аспекты, диалектически смешивающиеся друг с другом. Это слово охватывает весь окружающий мир, в котором находится человек, и его отношение к этому миру... В стране, где новый экономический порядок находится в процессе стройки, человек еще не имеет постоянного места, где бы он мог навсегда осесть. И поэтому как он сам, так и направление его сознания не могут быть законченным продуктом его среды, *но человек вместе со всей своей средой меняется каждый день, и в то же самое время, именно поэтому, он меняет их изо дня в день.*»

Этика возникает из жизненных условий

Таким образом, весьма релятивистский кодекс поведения, который развивается в Советском Союзе, должен, невзирая ни на какие предшествующие догматы, возникнуть из новой жизни¹. Он необходимо должен быть основан на признании фак-

¹ Отрицание предположения о том, что нравственность обязательно связана со сверхъестественным или верой в бессмертие, привело к тому, что в некоторых кругах стали отвергать термин «этика». «Самое понятие коммунистической этики,—писал Н. Бухарин в 1924 г.,—неправильно. Мы не должны говорить об этике, как о чем-то, что внушается фетишизмом, но как об определенном поведении, для того чтобы добиться определенного результата. Это приводит к необходимости выработать определенные правила нашего поведения; нам нужно иметь, так сказать, наши собственные заповеди» (эта статья включена в сборник статей под редакцией А. Борисова, с предисловием Емельяна Ярославского «Мораль старая и новая». В русском издании, Москва 1925, стр. 18—22).

² *Фаннина Галле, Женщина в Советской России*, 1933, стр. 338—339.

³ Точка зрения на этику была блестяще изложена в работах знаменитого египтолога, Джемса Х. Брестеда. В предисловии к труду «На заре сознания» (1935 г., стр. XV) он замечает: «Тот факт, что мораль первобытных людей явилась результатом их личного социального опыта, имеет глубочайшее значение для современного мыслящего человека. Из глубин доисторической дикости, на основе личного опыта человек дошел до представления о характере. Это достижение, изменившее последующую жизнь человека или животного на нашей земле, явилось переходом от безличной

тов социальной жизни советского коммунизма, решительно отбросившего стыдливость, тайну и секретность, которые до сих пор еще причиняют беспокойство людям старшего поколения и которые считаются просто бесполезными пережитками церковного суеверия и поклонения дьяволу. Так, например, в СССР не существует щепетильного замалчивания или игнорирования функций тела, не исключая функций половых отношений и размножения. Детей воспитывают так, чтобы они привыкали к человеческой наготе, равно как и наготы животных; они постепенно узнают, что определенное поведение не годится в обществе, что оно должно происходить наедине, но их никогда не приучают к тому, что какая-либо функция тела может быть неприличной.

Мы на этом останавливаемся, чтобы успокоить читателя, который считает эту революцию морали чем-то ужасным. Как бы ни был шокирован англичанин эпохи Виктории некоторыми привычками и суждениями советского коммунизма о нравственности, нужно понять, что население СССР находит в такой же мере шокирующими некоторые привычки и моральные суждения жителей Великобритании и Соединенных штатов. То поведение, которое считается добродетельным или добропорядочным в одной части света, имеет совершенно противоположную оценку в других частях мира. Нравственность, как было сказано, фактически является вопросом широты и долготы. Извлечение прибыли при покупке товара, для того чтобы продать его по более высокой цене, называется в СССР «спекуляцией» и считается преступлением, но в Англии спекуляция, если она ведется в широком масштабе, часто является дорожкой к получению титула пэра. Англичанину трудно понять, что телесное наказание детей, как и наказание розгами в армии и флоте, так же омерзительно для советского гражданина, как массовый расстрел людей, которые просто наживаются на народе путем жульнических махинаций, был бы противен лондонскому банкиру. В СССР пощечина непослушному ребенку считается не только серьезным моральным проступком родителей, но и преступлением. Бесстыдные объятия сидящих на скамейках или лежащих на траве в лондонских парках были бы совершенно невероятны в московском Парке культуры и отдыха¹. С другой стороны,

вселенной, поскольку это нам известно, к миру беспредельных внутренних величин, к миру, впервые узнавшему о подобных величинах, впервые осознавшему значение характера и стремящемуся его достичь».

¹ Один из авторов этой книги в 1932 г. провел десять дней в Кисловодске, который был Экс-ле-Веном царской России и где царские дворцы, роскошные виллы и дорогие отели все превращены в дома отдыха профсоюзов для отдыхающих или выздоравливающих. В июне там отдыхало десять или пятнадцать тысяч человек, почти все рабочие физического труда, наслаждавшиеся прекрасными садами и разнообразными развлечениями. Наблюдатель отметил, что там совсем не было пьянства, криков, драки,

в Советском Союзе, так же как и в царской России, купание взрослых совершенно голыми не противоречит моральному кодексу, хотя в Москве и Ленинграде уже входит в обычай купаться в купальных костюмах. Сожительство любящих друг друга людей без религиозной церемонии или официальной регистрации считается здесь не более аморальным, чем в Англии или в Америке женитьба или выход замуж без родительского благословения или (как бывает среди протестантов) новая женитьба после законного развода.

Для человека, изучающего вопросы сравнительной этики, Советский Союз представляет особый интерес потому, что он проводит небывалый в мировой истории эксперимент. До сих пор было отмечено, что «ни одно общество не пыталось сознательно создавать свою мораль. Те факторы, которые создают общее чувство того, что следует и чего не следует делать, как было сказано, неуловимы и наполовину или полностью бессознательны. Советы все еще формируют и формулируют некоторые правила морали... Крупская, вдова Ленина, предложила на партийной конференции в 1924 г. определить, что считается допустимым в поведении коммуниста и что недопустимо. После долгого обсуждения, партийная конференция пришла к решению о том, что нельзя установить какого-то кодекса поведения для нового человека, но можно формулировать некоторые общие принципы»¹.

«Такие вещи не меняются благодаря случайности или стихийно. Вместе с созданием нового общества создается и новый человек. Целью коммунизма является не только оборудование заводов и фабрик по последнему слову техники, коллективизация сельского хозяйства или выполнение цифр пятилетнего плана. Конечная цель коммунизма—создать счастье для людей и заложить основы хорошей жизни уже для нынешнего поколения. Советский гражданин отдает всю свою жизнь делу строительства социалистического общества, потому что он уверен, что такое общество улучшит жизнь всех и каждого. «Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы создать нового человека с новой психологией»,—сказал Луначарский на заседании Коммунистической Академии в 1931 г.»².

После 11 часов никто не оставался на улице. Всюду было так чисто, нигде ни соринки, что наблюдатель почувствовал себя очень смущенным, бросив окурок на землю, вместо того чтобы бросить его в специально имеющиеся на то урны. Каждый дом отдыха имеет свой медицинский персонал и каждому больному полагается особая диета. Молодежь занималась различными играми, атлетикой и восхождением на горы. На курорте были прекрасная опера и балет, в театре каждый вечер ставили какие-нибудь пьесы, а хороший оркестр давал ежедневные концерты. Там не было ни каруселей, ни тиров, ни выставок монстров. Но там устраивались бесконечные лекции по вопросам марксизма и техники, которые охотно посещались.

¹ Элла Винтер, Красная добродетель, 1933, стр. 18, 25.

² Там же, стр. 13.

Каковы же предписываемые советскому ребенку и советскому гражданину главные принципы, на основании которых сейчас, в 1935 г., в СССР формулируется кодекс поведения?

Постоянное служение обществу

Главное моральное обязательство, возлагаемое коммунистической моралью на каждого индивидуума, мужчину или женщину, заключается в служении обществу, в котором они находятся. Это не означает, что стремление человека к «жизни, свободе и счастью» запрещается или игнорируется. Утверждают, что человек, живущий в обществе, не является полностью или даже частично продуктом индивидуального развития; что по самой природе вещей он не обладает мыслями, чувствами, стремлениями или правами, которые являются исключительно результатом его собственной индивидуальной интуиции или опыта. Весь он, вместе со всеми своими запросами и стремлениями, является продуктом общества, начиная от семьи и кончая республикой, в которой он родился и в которой он живет. Вне какой-либо формы социального общежития *homo sapiens* не существует. Таким образом, индивид—это одно из проявлений человеческого общежития. Равным образом, жизнь общежития—это только одно из направлений, взятых отдельными членами этого общежития. Служение индивида обществу, возлагаемое на него моралью, есть только особое проявление инстинкта самосохранения, без которого невозможно продолжение индивидуальной жизни; это вид услуги, которую он оказывает самому себе для того, чтобы его собственная личность могла развиваться до максимальных пределов. Благоденствие и успех общества в целом являются предварительным условием наивысшего благоденствия и успеха отдельных личностей, из которых составляется общество. С научной точки зрения, между подлинными интересами индивида, который полностью развивает свою натуру и свою жизнь, и подлинными интересами общества, состоящего из таких наиболее полно развивающихся индивидов, нет и не может быть никакого противоречия. Таким образом мораль, в самом действительном ее значении, является частью всего объективного мира, которую нужно найти, а не выдумать. Человек сам должен определить свою цель в жизни, на этот вопрос наука ему ответить не может. Но имея перед собой цель и обладая познанием мира, включая знание социальных институтов и поведения человека, наряду со знаниями в области механики и физики, человек может узнать и усвоить те процессы, с помощью которых он может выполнить поставленные перед собой цели; это приводит его к изобретению средств и методов от паровой машины до ударной бригады, от гидра-

влической машины до социалистического соревнования, для того чтобы увеличить свои достижения. Таким образом, для образованного советского коммуниста научная этика является одновременно социальной и индивидуальной моралью, потому что они, в основном, идентичны. Всякое нарушение морального кодекса, со стороны ли всего общества или отдельного индивида, является ошибкой той или другой стороны, вытекающей из неумения понимать факты. Такая ошибка происходит или вследствие простого непонимания, или вследствие слабого и неполного понимания, при котором разум подавляется эмоциональной бурей, исходящей из глубины подсознания¹.

Уплата долга

До сих пор еще на западе не признают, что каждый человек начинает свою независимую жизнь, будучи в большом долгу перед обществом, в котором он родился, воспитывался, которое его кормило, одевало и обучало. Другие работали для того, чтобы он мог всем этим пользоваться. Поэтому первой обязанностью каждого индивида является использовать все свои способности для производства тех или иных благ, включая и различного рода социальное обслуживание, по крайней мере в таком размере, чтобы возместить то, во что он обошелся обществу, а также способствовать, по мере своих сил и способностей, постепенному улучшению условий жизни общества. Таким образом, обязанность работать является всеобщей и неизбежной. Среди всех современных мыслителей только один Бернард Шоу заметил болезнь, распространенную среди детей богатых родителей, заключающуюся в том, что они привыкли жить, не оказывая услуг обществу, в котором они родились и воспитались. Он убедительно излагает перед своими

¹ Природная склонность русских к коллективизму, а не к индивидуализму, отмечается Николаем Бердяевым как характерное явление для православной церкви в противоположность протестантской и римско-католической. «Необходимо, однако, отметить, что индивидуализм присущ не только протестантству, но и всему западному христианству. Идея спасения души, так же как и идея о предопределении спасения небольшого количества людей, является разновидностью небесного, метафизического индивидуализма. Дух «соборности» — идея коллективного характера спасения — противопоставляется такому виду индивидуализма. В церкви мы спасены вместе с нашими братьями. Мы надеемся на всеобщее спасение, г. е. на преобразование всего космоса. Дух «соборности» лучше выражен в православной религии, чем в католической. Православие, безусловно, антииндивидуалистично, хотя католики этого не понимают. Но такая мировая «соборность» не нашла своего правильного выражения ни в богословии, ни в аскетической литературе. Ее можно найти только в религиозной мысли XIX в. у Хомякова, Достоевского, Бухарева, Соловьева и Федорова» (*Николай Бердяев, Свобода духа*, гл. X, стр. 355).

читательницами в Англии и Америке свою точку зрения в следующих выражениях: «Каждый, кто работает меньше, чем приходится на его долю, а берет полную долю благ, созданных работой, является вором, с которым нужно поступить так же, как и со всяким другим вором»¹. Действительно, только при условии участия каждого человека в производстве общественных благ, общество может дать каждому индивиду долю произведенных им благ. Только таким путем каждый может быть уверен в материальном обеспечении в течение всей своей жизни, т. е. в полном содержании не только в период расцвета своих сил, но и во время болезни и наступления старости.

С обязательством участвовать в производстве товаров или в обслуживании неразрывно связано понятие о том, что работа должна выполняться каждым человеком самостоятельно, будь то работа физическая или умственная. Для всех обязательно предписание воздерживаться и сопротивляться «эксплоатации», что означает использование труда других за плату в целях извлечения выгоды из их труда. Иностранному наблюдателю иногда кажется, что воздержание от эксплуатации является этической обязанностью, часто упорно и настойчиво внушаемой советской молодежи.

Одновременно с такой всеобщей ответственностью каждого индивида в отдельности существует общая коллективная ответ-

¹ *Бернард Шоу*, Путеводитель для интеллигентной женщины в мир социализма и капитализма, 1928, стр. 72. Автор, далее, добавляет: «Самая несправедливая и вредная привилегия, которую требуют для себя богатые (в Великобритании),—это привилегия быть бездельником при совершенной юридической безнаказанности; к несчастью, они так крепко установили эту привилегию, что мы принимаем ее как должную и даже уважаем ее как признак действительного благородства, никогда не задумываясь над тем, что человек, который потребляет различные предметы или принимает услуги, не производя эквивалентных предметов или не выполняя в обмен эквивалентных услуг, приносит стране такой же вред, как и вор; это и есть то, что фактически означает воровство. Нам и не снится, чтобы мы могли позволить людям убивать, вламываться в дома, топить, жечь и разрушать на море или на суше или удовлетворять требования об освобождении от военной службы только потому, что эти люди унаследовали имя или тысячу фунтов ежегодного дохода от какого-нибудь трудолюбивого предка. Однако же мы терпим безделье, которое причиняет в один год больше вреда, чем все те преступления в мире, по которым были вынесены наказания за десять лет... Жить, как трутень, пользуясь трудом и услугами других,—значит быть леди или джентльменом; обогащать страну трудами рук своих и своими услугами—значит быть низким, вульгарным, презираемым и довольствоваться такой пищей и одеждой, о которой говорят: для дровосека и водовоза и это хорошо. Такой порядок есть не что иное, как стремление перевернуть вниз головой природу и принять в качестве национального девиза «Зло да будет моим богом». Если мы будем продолжать в этом упорствовать, то мы, в конце концов, навлечем на себя один из тех крахов цивилизации, от которых в прошлом погибли великие империи» (там же, стр. 58, 59).

ственность. Каждое общественное учреждение в СССР, начиная от сельсовета, райсовета, областного совета, вплоть до Совнаркома и съезда советов каждой автономной республики, равно как и каждое потребительское общество, каждая промышленная артель и колхоз, несут коллективную ответственность за выполнение всех своих функций и даже за успешность всех своих мероприятий. Совершенно противоположное мы видим в английской или американской системе, которая детально определяет полномочия каждого коллектива, будь то какой-нибудь местный орган управления или коммерческая корпорация, после чего никто уже не беспокоится о том, чтобы заставить данную организацию выполнить порученные ей функции. Советская же система основана, как мы уже показали¹, на широкой компетенции каждого общественного учреждения, поскольку его деятельность касается его членов или жителей района, на который распространяется его власть. Эта власть не ограничивается доктриной вроде *ultra vires*, по которой ни одно учреждение в Англии не имеет права ни на волос выступить из рамок возложенных на нее функций, точно установленных в перечне. Советскому общественному учреждению предоставляется право делать то, что оно находит лучшим в интересах людей, на которых распространяются его полномочия. Поскольку его деятельность не вступает в конфликт с деятельностью вышестоящей организации и не противоречит решениям вышестоящего совета и поскольку она приносит успешные результаты, самое скромное и отдаленное общественное учреждение может работать без всякого вмешательства извне. Но если его деятельность оказывается неуспешной или вызывает какие-либо серьезные нарекания, то она будет немедленно прекращена, а учреждение, совершившее ошибку, получит выговор и в худшем случае, если имели место неподчинение или провал, оно будет распущено.

Укрепление здоровья

Кажется, самое широкое поле обязанностей, налагаемых коммунистической этикой, поле, на котором общество должно активно сотрудничать с индивидом, но где последний должен постоянно следить за собой,—это обязанность по поддержанию и укреплению здоровья тела и духа. Мы уже отмечали, какое влияние оказывает на развитие народного здравоохранения понятие о долге². Мы видим это в коммунистической этике и ее взгляде на поддержание здоровья, как на личный долг и на необходимость научить человека, как можно выполнять этот долг.

¹ См. т. I, гл. II, «Человек как гражданин».

² См. т. II, гл. X, «Переделка человека».

Никто не хочет быть больным или дряхлым, но человек не рождается с сознанием того, как избежать болезни и преждевременного ослабления. Просто удивительно, что, несмотря на громаднейшие убытки и затраты, причиняемые ненужными болезнями и преждевременной старостью, ни одно государство не взялось горячо за то, чтобы научить всех своих граждан поддерживать здоровье и следить за собой. В Советском Союзе представители просвещения и здравоохранения пытаются достигнуть, и даже достигли, в этой области больше, чем какое-либо другое правительство. И все же громадное население СССР, во всяком случае большинство людей, все еще далеко от знания того, как сохранять свое здоровье и, следовательно, не в состоянии выполнять свой общественный долг в этом отношении. Не каждый мыслящий гражданин понимает, что можно сохранять свое здоровье только в том случае, если каждый будет думать об этом, поступая соответствующим образом. Кроме того, что надо избегать заразных микробов (о борьбе с ними должны заботиться главным образом местные власти), круг обязанностей каждого индивида велик. Чистоплотность, ежедневные души или обтирания, борьба с паразитами и всякой грязью, регулярное отправление всех функций тела, необходимое количество физических упражнений, вентиляция жилища днем и ночью, определенные ограничения в еде—все это становится более чем простым уходом за собой и принимает высокий характер общественного долга. С этой же точки зрения считается необходимым разумное самоограничение во всякого рода удовольствиях. Отсюда вытекают общие суждения о питье, куренье, карточной игре и половых сношениях. Нам кажется, что кодекс поведения по этим вопросам складывается на основе вопросов представителей обоих полов постоянно поддерживать полное здоровье духа и тела. Кодекс не требует полного воздержания, но он рассматривает поступок человека, поддающегося искушению, как слабость, достойную сожаления, а так как одна ошибка влечет за собой другую и, в конце концов, они могут привести к вредным привычкам, то такая слабость порицается. Излишества являются признаком плохого поведения, потому что наука доказывает, что они вредят здоровью. Более того, многое из того, что нельзя осудить, необходимо предупреждать как проявление дурного вкуса, недостойного члена партии.

Исследователь заметит, что коммунистическая политика прямо противоположна аскетизму. Что заставило Карла Маркса посвятить всю свою жизнь политической конспирации и изучению нищеты? Что закалило волю к революции у Ленина и его товарищей? Нищета и неполноценность жизни народных масс, вытекавшая из современных экономических условий. Главной целью большевиков при свержении временного правительства

в октябре 1917 г. было изменить социальный порядок СССР для того, чтобы обеспечить всему народу условия хорошей жизни. А условия хорошей жизни не означали ничего большего, чем условия, в которых живут люди свободных профессий в Лондоне и в Париже. Наиболее влиятельные друзья и сторонники Ленина, которых он собрал вокруг себя в годы его ссылки и из которых составилась Совет народных комиссаров и другие административные органы, учрежденные в 1917—1918 гг., сами не были, за незначительным исключением, рабочими, хотя многие из них были людьми пролетарского происхождения, но все они обладали большим образованием, среди них были адвокаты, врачи, профессора, ученые и писатели; все они были лично знакомы с культурными условиями существования людей свободных профессий в городах Франции, Англии, Швейцарии и Австрии. У них не было желания одарить весь русский народ неразумной роскошью царской аристократии или американских миллионеров. Но, с другой стороны, они не сочувствовали аскетизму св. Франциска Ассизского. Коммунисты Советского Союза не питают ни малейшего уважения к уединенной и полной лишений жизни, в которой наиболее святые из монахов православной церкви, как и монахи западного христианства, искали спасения. Истории святых теперь возбуждают только отвращение, связанное с представлением о том, что эти люди шли по такому ложному пути для того, чтобы быть причисленными к лику святых.

Отношения между полами

Когда в западных странах говорят о моральном и аморальном мужчине, а тем более о моральной или аморальной женщине, то имеются в виду скорее их половые отношения, чем какие-либо другие формы нравственности и безнравственности. В СССР нет такой концентрации внимания на половом вопросе. В первое десятилетие большевистского правления существовало общее мнение о том, что половое общение является делом личным, что оно происходит по взаимному согласию между мужчиной и женщиной вне зависимости от их расы, цвета кожи или религии; при этом не требовалось ни религиозной, ни какой-либо другой церемонии; даже официальная регистрация заключенного между ними союза была совершенно не обязательной. Но половые сношения и половое сожительство могут повлечь за собой социальные последствия, связанные со специальными обязательствами (своевременное обеспечение ребенка, содержание оставленной супруги, неспособной на самостоятельное существование), к соблюдению которых должен принуждать закон. На том же принципе свободы личных отношений основывался и развод,

для которого было достаточно желания одной из сторон и регистрация которого была так же не обязательна, как и регистрация брака; но обе стороны, в зависимости от своих средств, обязаны были выполнять вышеупомянутые материальные обязательства.

Во втором десятилетии мы видим постепенное изменение этого положения. Ленин никогда не был сторонником распущенности, которой запечатлены первые годы революции. Весьма характерным было его отвращение к взгляду, распространенному в первое время после революции, сводившемуся к тому, что половое общение является таким же естественным, как прием пищи, и что к этим отношениям следует относиться не более критически, чем к тому, чтобы выпить стакан воды, когда хочется пить. Ленин по этому поводу говорил Кларе Цеткин в 1921 г.¹:

«Я считаю знаменитую теорию «стакана воды» совершенно не марксистской и сверх того противообщественной. В половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой, будь оно возвышенно или низко. Энгельс в «Происхождении семьи» указал на то, как важно, чтобы половая любовь развилась и утончилась. Отношения между полами не являются просто, выражением игры между общественной экономикой и физической потребностью. Было бы не марксизмом, а рационализмом стремиться свести непосредственно к экономическому базису общества изменение этих отношений самих по себе, выделенных из общей связи их со всей идеологией. Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питье воды—дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу.

— Как коммунист, я не питаю ни малейшей симпатии к теории «стакана воды», хотя бы на ней и красовалась этикетка «освобожденная любовь». Вдобавок, она и не нова, и не коммунистична. Вы, вероятно, помните, что эта теория проповедывалась в изящной литературе, примерно, в середине прошлого века как «эмансипация сердца». В буржуазной практике она обратилась в эмансипацию тела. Проповедь в то время была талантливее, чем сейчас; как обстоит дело с практикой—не могу судить.

¹ Кларе Цеткин, Воспоминания о Ленине, 1929, стр. 49—51, дается в другом переводе в книге *Фаннины Галле, Женщина в Советской России*, 1933, стр. 113—114 (Кларе Цеткин, Воспоминания о Ленине, Партиздат, 1933, стр. 77—79.— *Ред.*).

— Не то, чтобы я своей критикой хотел проповедывать аскетизм. Мне это и в голову не приходит. Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни. Однако, по моему мнению, часто наблюдаемый сейчас избыток половой жизни не приносит с собой жизнерадостности и бодрости, а, наоборот, уменьшает их. Во времена революции это скверно, совсем скверно.

— Молодежи особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт—гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода, разносторонность духовных интересов, учение, разбор, исследование, и все это по возможности совместно! Все это дает молодежи больше, чем вечные доклады и дискуссии по вопросам пола и так называемого «использования жизни». В здоровом теле здоровый дух! Не монах, не Дон Жуан, но и не германский филистер, как нечто среднее. Вы ведь знаете молодого товарища ХУЗ. Прекрасный, высокоодаренный юноша! Боюсь, что, несмотря на все, из него ничего путного не выйдет. Он мечется и бросается из одной любовной истории в другую. Это не годится ни для политической борьбы, ни для революции. Я не поручусь также за надежность и стойкость в борьбе тех женщин, у которых личный роман переплетается с политикой, и за мужчин, которые бегают за всякой юбкой и дают себя опутать каждой молодой бабенке. Нет, нет, это не вяжется с революцией.

Ленин вскочил, ударив рукой по столу, и сделал несколько шагов по комнате.

— Революция требует от масс, от личности сосредоточения, напряжения сил. Она не терпит оргиастических состояний, вроде тех, которые обычны для декадентских героев и героинь Д'Аннунцио. Несдержанность в половой жизни—буржуазна: она признак разложения. Пролетариат—восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянения половой несдержанности, ни опьянения алкоголем. Он не смеет и не хочет забыть о гнусности, грязи и варварстве капитализма. Он черпает сильнейшие побуждения к борьбе в положении своего класса, в коммунистическом идеале. Ему нужны ясность, ясность и еще раз—ясность. Поэтому, повторяю, не должно быть никакой слабости, никакого расточения и уничтожения сил. Самообладание, самодисциплина—но не рабство, они необходимы и в любви. Но простите, Клара. Я далеко отклонился от исходной точки нашего разговора. Отчего вы меня не призвали к порядку? Тревога меня заставила заговориться. Будущее нашей молодежи меня глубоко волнует. Она—часть революции. И если вредные явления буржуазного общества начинают распространяться

и на мир революции, как широко разветвляющиеся корни некоторых сорных растений, то лучше выступить против этого заблаговременно. Затронутые вопросы к тому же тоже составляют часть женской проблемы».

Точка зрения Ленина на обязательства общественного характера, связанные с половым общением, постепенно завоевала авторитет, поскольку это касалось коммунистической партии. «Является ли брак вопросом частных отношений между двуногими животными, который интересует только их одних, и куда общество не имеет права вмешиваться—писал Рязанов.— Мы должны учить молодых коммунистов, что брак есть не личный акт, но акт, имеющий глубокое социальное значение». «Брак имеет две стороны, интимную сторону и социальную,—сказал Сольц,—и мы никогда не должны забывать социальную сторону. Мы против разврата или беспорядочной жизни, потому что это отражается на детях. Мы не вмешивались бы в личные дела человека, меняющего жену каждые три дня, если бы от этого не страдали его дети и его работа. Говоря о любви, мы всегда должны помнить, что половые отношения предполагают не только физиологические взаимоотношения».

Общественное мнение комсомольцев, равно как и членов партии, все более подчеркивало важность устойчивости брачных отношений. До настоящего времени (1935 г.), однако, не произошло никаких изменений в законе от 1920 г., по которому развод был так же доступен, как легально зарегистрированный брак, и незарегистрированные союзы во всех отношениях приравнивались к бракам. Но в коммунистической партии, по крайней мере, и среди комсомольцев половая распущенность, как и все формы распущенности, рассматривается, как нарушение коммунистической этики, которая основана на высказанных Лениным положениях о том, что распущенность часто ведет к заболеваниям, вредит производительности труда и умственному развитию и мешает правильным суждениям и способности к научным изысканиям, не говоря уже о том, что она часто является жестокостью по отношению к тому, кто становится ее жертвой. Постоянство и взаимная преданность стали более обязательными не только под давлением общественного мнения, но, поскольку это касается членов партии и комсомольцев, также и под давлением партийных взысканий. Измена в супружеских отношениях и даже слишком большое непостоянство стали теперь нарушениями коммунистической этики, которые ведут не только к выговорам, но, в серьезных случаях, и к исключениям из партии.

Такое же давление общественного мнения начало по-

Элла Винтер, Красная добродетель, стр. 24.

являться в профсоюзах, три четверти членов которых не являются членами партии или комсомола. На конференции, созванной в 1935 г. газетой «Труд», органом Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов, среди других ораторов выступил Сольц, помощник прокурора СССР. Он заявил, что профсоюзы должны проявлять больше интереса к частной жизни своих членов и к их отношениям со своими семьями. Редактор «Труда» подчеркнул, что профсоюзы должны судить о ценности своих членов не только по их работе, но также и по их поведению дома и по их отношению к жене и к детям.

Этот возрастающий пуританизм в брачных отношениях еще больше усилился в том же 1935 г. вследствие многочисленных случаев судебных приговоров, выносившихся по поводу уклонения одного из разошедшихся родителей от возложенной на него обязанности содержать ребенка. Согласно совместному заявлению, опубликованному недавно Сольцем и народным комиссаром юстиции Н. В. Крыленко, за последние три года только перед судами РСФСР прошло 500 тыс. случаев, касавшихся уплаты алиментов. В 1933 г. число этих случаев составило 142 тыс., а в 1934 г. оно возросло до 200 тыс. Несмотря на такое количество дел существует много детей, не получающих от своих отцов поддержки, на которую они имеют законное право; даже после решения суда родители находят способы уклоняться от уплаты алиментов.

Согласно заявлению Крыленко, причиной такого положения является незначительность наказаний за неуплату алиментов, легкость, с которой родители могут уклониться от уплаты, просто переменив местожительство, и сложность методов сбора этих платежей. Вносятся предложения об увеличении размеров и наказания—от шести месяцев принудительных работ или штрафа в 300 руб. до одного года тюремного заключения.

Одновременно юридический отдел Института охраны материнства и младенчества Народного комиссариата здравоохранения недавно опубликовал отчет о супружеских отношениях, существующих среди 2 тыс. семейств московских промышленных рабочих, насчитывающих 7 тыс. человек¹. Отчет заканчивается важными предложениями о введении новых правил для получе-

¹ «Отчет юридического отдела Института охраны материнства и младенчества Народного комиссариата здравоохранения РСФСР» (на русск. языке), июль 1935. См. «Манчестер гардиан», 30 августа 1935 г. и статью Луи Фишера в «Нейшен» (Нью-Йорк) 2 августа 1935 г. Между прочим, расследование обнаружило, что русские теперь женятся и выходят замуж в более позднем возрасте, чем это было до революции. В 30,7% всех браков, заключенных до революции, женщины были моложе 17 лет, и в 78%— моложе 20 лет: после революции только 56,9% из общего числа женщин, вышедших замуж, были моложе 20 лет. Такая перемена имеет важное значение для нормы деторождения.

ния развода и рекомендует уничтожить извещение о состоявшемся разводе просто по почте. Далее, в отчете предлагается вызывать в бюро разводов загса одну из сторон, не подававшую заявления о разводе, и узнать, не нарушаются ли разводом ее права; если этой стороной оказывается жена, то не является ли она беременной и способна ли она работать. В случае разрешения развода, говорится в отчете, необходимо также обследовать положение ребенка, появившегося в результате этого брака. Предлагаемые правила предусматривают также необходимость для брачующихся сообщать об их прежних браках и о количестве имеющих у них детей. Отчет требует более строгих административных взысканий, которые предусматривали бы наказание за сокрытие различных обстоятельств, как например, наличие болезней, делающих брак незаконным, и за заключение заведомо краткосрочного брака. Отчет заканчивается предложением ввести в высших учебных заведениях курс, излагающий закон о браке и семье.

На рассмотрении находятся новое законодательство и более строгие правила, касающиеся разводов и принудительной уплаты алиментов. Профсоюзным организациям главных промышленных центров представлены проекты этих законов. Эти предложения обсуждаются теперь (1935 г.) в советских газетах¹, по радио, в клубах и на собраниях профсоюзов. Мы не можем сказать, когда пройдет новый закон.

Проституция

Характерно отношение к проституции. Проститутка,—говорится в советском законодательстве,—не подлежит наказанию, если она не виновна в распространении болезней, но лица, способствующие проституции, подлежат привлечению к суду. Как социальное явление проституция рассматривается, прежде всего, как результат экономических условий, а не как следствие врожденного извращения или развращенности женщины. В целях уменьшения проституции или уничтожения необходимости прибегать к этому занятию рекомендуется особая осторожность при увольнении женщин с работы; организация сельскохозяйственных и промышленных артелей для предоставления женщинам занятий; повышение квалификации женщин путем создания достаточного количества мест для них в профессиональных технических школах; организация ночлежных домов для безработных женщин и открытие домов для временного помещения в них женщин, бросивших заниматься проституцией; проведение докладов в школах, клубах и во всех

¹ Главным образом в «Правде», июнь—июль 1935.

организациях молодежи для ознакомления с сущностью проституции, ее опасностью и несовместимостью с условиями жизни рабочей республики.

Эти предупредительные меры дополняются мероприятиями по борьбе с проституцией, которая рассматривается как наследие буржуазного общества. Меры эти состоят из: 1) обследования всех мест, где может существовать проституция; 2) борьбы против людей, предоставляющих комнаты для разврата, и 3) бесплатное лечение в диспансерах больных венерическими болезнями. Опубликованы специальные подробные инструкции для милиции по вопросу о принятии необходимых шагов и мер предосторожности при расследовании случаев проституции¹.

Юристы, работавшие по подготовке уголовного кодекса, задумывались над тем, как рассматривать случаи, которые в других странах считаются преступлением и караются законом. Например, чем руководствоваться при составлении закона о кровосмешении? Говорят, что по этому вопросу обращались к целому ряду физиологов и врачей, которые заявили, что хотя кровосмешение отвратительно, но нет ни исторических, ни современных доказательств того, что оно является вредным для потомства или для народного здоровья. Таким образом, хотя загсы имеют инструкции отказывать в регистрации браков людей, связанных между собой близким родством, включая браки между братьями и сестрами, кровосмешение не считается преступлением. В течение долгого времени в уголовном кодексе СССР не было закона, наказывающего за гомосексуализм².

Чего «нельзя»

Отличительной чертой коммунистической этики является то, что ее запреты почти никогда не являются чем-то отвлеченным, но они всегда относятся по существу к несоблюдению ее положительных правил. Потребление спиртных напитков порицается, в еще большей степени осуждается укоренившееся пьянство и пристрастие к наркотикам, ибо это нарушает пра-

¹ Томас Вуди, *Новое сознание, новые люди?* Нью-Йорк 1932, стр. 375.

² В марте 1934 г. президиум Центрального исполнительного комитета (ЦИК) без всякого публичного обсуждения неожиданно издал декрет, предлагающий всем республикам, входящим в состав СССР, дополнить уголовные кодексы статьей, по которой гомосексуализм между взрослыми людьми наказуется тюремным заключением от трех до пяти лет; если же в этих случаях используются несовершеннолетние или иждивенцы и это сопровождается насильственными актами, то тюремное заключение увеличивается от пяти до восьми лет. Как говорят, эта мера последовала вслед за раскрытием пунктов, где происходила деморализация мальчиков под влиянием некоторых иностранцев, которые в результате этого были высланы из пределов СССР.

вило, предписывающее поддержание полного здоровья. Принято считать, что эти наклонности отрицательно влияют на здравый смысл и понижают работоспособность даже тогда, когда они не ведут непосредственно к болезни. Даже строго умеренное потребление водки считается разорительным и губительным для благосостояния общества. Настойчиво рекомендуется полное воздержание от спиртных напитков и даже от курения, и эта точка зрения становится, видимо, все более распространенной среди комсомольцев.

Как мы уже указали, в СССР «ухаживать» в обществе «нельзя». Многие другое, как например разбрасывание сора на улице, бумаги или окурков, порицается.

Коммунистическая мораль открыто признается, как нечто отличное от требования законов страны. Авторитетное определение подчеркивает это. «Этика,—пишет А. А. Сольц,—это сумма традиций и обычаев, принятых в данном обществе, соблюдение которых является обязательным, без того, чтобы это влекло за собой возбуждение обвинения за их нарушение или наложение каких-либо карательных санкций»¹.

Тем не менее, правила и запреты коммунистической этики в том случае, когда дело передается в народный суд, в значительной степени подкрепляются иногда советским законом. Фактически в СССР нет резкого и четкого разграничения между поступками, совершать которые просто «нельзя» и которых общество не поощряет, и такими поступками, которые, в случае передачи дела в суд, могут быть наказуемы судебным приговором. Товарищеские суды на заводах, в учреждениях и в жилых домах не имеют, как и группы комсомола, законом установленной юрисдикции. Тем не менее решения этих судов часто сопровождаются наложением штрафов, которые всегда уплачиваются. С другой стороны, народные суды, которые являются легальными судебными учреждениями первой инстанции, не придерживаются строго буквы закона уголовного кодекса. В своих решениях и приговорах они обычно учитывают, во всяком случае в отношении степени налагаемого взыскания, мнение общества о том, что «можно» и чего «нельзя».

С другой стороны, в отношении многих поступков, считающихся в других странах преступлениями, в СССР ограничиваются лишь моральным осуждением. Действительно, советское правительство не торопится воздействовать на мораль методом законодательного запрета поступков, считающихся неправильными. Запрет продажи водки в период военного времени был быстро отменен, как только обнаружилось его отрицательное влияние вследствие роста потребления вредных самодельных

¹ Элла Винтер, Красная добродетель, стр. 19—30.

суррогатов. «Мы не пытаемся,—сказал один видный моралист,—использовать наше законодательство для того, чтобы заставить наш народ хорошо вести себя; мы не пытаемся выработать единый моральный закон для всего нашего народа... Наша мораль должна в значительной мере вырастать из самой жизни»¹.

Многое сознательно оставляется на усмотрение общественного мнения. «Основные человеческие страсти: тщеславие, гордость, честолюбие, желание одобрения, желание быть в хороших отношениях со своими товарищами—все эти стимулы,—читаем мы там же,—так сильны в СССР, как и в нашем (капиталистическом.—*Ред.*) мире. Русская молодежь, так же как и молодежь других стран, стремится поступать так, как «должно». То, что принято и как об этом думают, оказывает влияние на поведение молодежи больше, чем у нас»².

Так, попытка совершить самоубийство не является в СССР уголовно наказуемым преступлением, тем не менее самоубийство противоречит морали. «Самоубийство, хотя оно и не является преступлением, необходимо осудить,—пишет Ярославский.—Лишь усталые и слабые люди выбирают этот исход. Правда, нельзя подходить к каждому отдельному случаю с одной общей меркой. Каждый случай следует анализировать отдельно, но мы не можем рассматривать самоубийство, как выход из положения. Мы не можем оправдывать человека, который сам отнимает у себя жизнь. Мы должны строго порицать самоубийство, меньшее число людей будет тогда прибегать к этому выходу. Конечно, мы должны быть внимательны к нуждам людей, попавших в тяжелое положение; но мы не должны ни оправдывать слабого, ни хвалить его за ложный шаг, который вреден для коммунизма»³.

Личное стяжание

Стремление к личному стяжанию, в котором протестантская буржуазия Запада видела социальную добродетель, в СССР широко и настойчиво порицается. Коммунисты склонны видеть в личном стяжании корень почти всех социальных зол. Стремиться к личному обогащению при советском коммунизме «нельзя». Частная собственность не запрещена законом, хотя многие формы благосостояния, которые при других условиях явились бы источником наживы, монополизированы правительством; подобно этому, в Великобритании частный капитал не допус-

¹ Емельян Ярославский, популярный писатель по вопросам этики и член Центральной контрольной комиссии, сказал это Элле Винтер. См. ее книгу «Красная добродетель», 1933, стр. 25.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 37.

кается к участию в таких важных предприятиях, как внутренний телеграф, телефон, радио, почтовая связь и чеканка монет. В СССР как доход, так и наследство в размерах, превышающих определенную небольшую сумму, облагаются большим прогрессивно возрастающим налогом, как это, кстати, в меньшей степени имеет теперь место почти во всех странах. Наиболее резкое различие в этом отношении между СССР и капиталистическим миром заключается в том, что рост благосостояния в частных руках рассматривается как самим правительством, так и общественным мнением не как благоприятный показатель, но всегда как источник опасности для общества, который при известных обстоятельствах может стать определенным злом.

Единственным установленным пределом частного дохода является тот предел, который добровольно устанавливается для себя членами (или кандидатами) коммунистической партии. Принцип этот был впервые введен Парижской коммуной 1871 г., которая установила, что заработок даже высшего должностного лица не может быть выше суммы, которую может заработать усердный и высококвалифицированный ремесленник. Маркс немедленно одобрил это правило, на котором неоднократно настаивал и Ленин, тем самым устраняя опасность того, чтобы правительство попало в руки класса, по своему материальному положению отличающемуся от положения управляемого им пролетариата. Этого правила неизменно придерживались в СССР в отношении всех членов партии, хотя этот партийный максимум постепенно повышался по мере роста цен и ставок заработной платы. По сей день правители СССР получают лишь эквивалент заработка наиболее высококвалифицированных и старательных заводских рабочих. Они живут в квартирах из 3—4 комнат, у них обычно не больше одной «домашней работницы», и жены даже высших служащих часто служат на одном из государственных заводов, в учреждениях или же работают в качестве журналисток в редакциях газет.

Правда, частное лицо в СССР немного может предпринять для того, чтобы безопасно и комфортабельно использовать в целях личного потребления значительный доход¹.

Всякое мотовство и роскошная жизнь вызывают неблагоприятные толки и порицание, а в настоящее время и подозрение в контрреволюционных настроениях или действиях. Для члена партии это приводит теперь к выговору или к высылке в ту или другую местность, а в случае продолжения—к исключению из партии. Правда, найти надежный способ тратить крупный доход нелегко. Пользующийся успехом писатель или актер

¹ Это послужило темой забавного романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова, переведенного на английский язык под названием «Золотой теленок», 1932, 384 стр.

не может в густо населенных городах купить за деньги жилую площадь большую, чем та, которая ему разрешена согласно существующей норме. Он не может сделать многого и по части собирания книг или тех картин, которые он любит, ибо у него нет достаточного числа комнат, где бы он мог поместить все это. До последнего времени ему было даже трудно позволить себе роскошь покупать в неограниченном количестве «дефицитные товары», даже если он соглашался платить чудовищные цены; все же этим путем ему удавалось приобрести кое-что из них. Он имеет возможность достать своей жене вышедшие из употребления драгоценности, но жена его не сочтет для себя возможным надеть сразу больше одной вещи. Кроме того ей негде будет даже безопасно хранить эти драгоценности. В СССР можно употребить большой доход только на то, чтобы путешествовать с максимально возможным комфортом по обширной территории страны, неограниченно посещать театры и концерты, давать детям лучшее образование, приглашая частных преподавателей, посвящать себя научной работе или писанию книг, предаваться в границах осторожности радостям вина и азартной игры, обеспечить членов своей семьи особой медицинской помощью и уходом, иметь собственный автомобиль и своего шофера, а если угодно, то и нескольких. Никто, однако, не сочтет возможным бросить свое призвание ради праздной жизни. Если здоровье не подорвано или еще не наступила старость, то подобное поведение в современных условиях может причинить те или иные неприятности вплоть до спешного вызова в ночное время в Комисариат внутренних дел, где строгий допрос в одном из отделов, чрезвычайно напоминающих ГПУ, выявит, что он нарушил основной принцип советского строя «кто не трудится, тот не ест», короче говоря, что он виновен в столь безнравственном поведении, что это граничит с контрреволюцией.

Отношение к частным сбережениям и вложениям в ценные бумаги несколько неясно. Любая форма расточительства влечет за собой всеобщее порицание, а роскошный образ жизни—то, что Веблен называл «явным расточительством», возбуждает общее презрение. Сбережение денег частными лицами перестало считаться признанной добродетелью. Ребенка не учат быть бережливым. Пионеры и комсомольцы редко думают о бережливости, как о личном долге. Рабочие и служащие сознают, что у них будет все необходимое и в случае болезни, инвалидности, безработицы или старости. Их дети всегда будут иметь все необходимое для поддержания здоровья. Их вдовам не дадут умереть с голоду. Их собственное погребение или погребение члена семьи не будет бременем для оставшихся в живых. Зачем же им делать сбережения? Социальная цель частного сбережения в капиталистических странах—расширение капитала нации—в СССР бес-

печена действиями правительства в значительно большей степени, чем это достигается путем частного сбережения в других странах¹.

С другой стороны, государственные сберегательные кассы платят высокий процент по вкладам как за большие, так и за мелкие суммы; а при случае они даже оказывают своим вкладчикам услугу, переводя без взимания особой платы любой суммы по приказу вкладчика на счет любого другого лица в СССР, чем по существу устанавливается система переводов денег с текущего счета посредством чека, что английскими почтовыми сберегательными кассами не разрешается. Кроме того Государственный банк продает за наличные деньги доходные облигации государственных советских займов, по которым уплачиваются проценты или которые приносят доход в форме выигрышей, или же, если эти облигации куплены за валюту, солидный доход в размере 7%, который переводится каждый квартал в любое место на земном шаре; при этом облигации по первому требованию погашаются в золотых рублях или в валюте любой страны по курсу дня. Может показаться, что этим стимулируются сбережения или даже создание побочного нетрудового дохода. Однако по размеру подобный вклад отдельного индивидуума в СССР невелик, и вкладчик считается с тем, что его доход уменьшается в силу прогрессивного подоходного налога. В свое время капитальные накопления урезаются прогрессивным налогом на наследство. Вся эта система, видимо, должна рассматриваться, как введенная для того, чтобы временно облегчить советскому правительству привлечение некоторого количества капитала из-за границы в валюту. Для этой цели в Великобритании, США и во Франции в настоящее время (1935 г.) используются газетные объявления. Это также дает правительству возможность, путем привлечения бумажных рублей от вкладчиков, снизить на соответствующую сумму

¹ В Великобритании среди лиц наемного труда и до известной степени также и среди низших слоев среднего класса стимул сбережения двоякий. Эти люди едва ли когда-либо делали сбережения с целью увеличения капитала, могущего быть использованным для расширения промышленных предприятий. Отчасти они это делают ради обеспечения себя и своих семей на случай болезни, безработицы, погребения, старости и пр. Этот стимул в СССР отсутствует, так как закон о социальном страховании распространяется на всех рабочих и служащих, а имеющиеся постановления о кооперации обеспечивают также не работающих членов семьи в коллективном сельском хозяйстве и рыболовстве. Вторым стимулом сбережения в Великобритании является стремление отложить из скудных недельных заработков сумму, достаточную для удовлетворения давней мечты о покупке одежды, обуви, мебели, велосипеда, радиоаппарата к годовым праздникам. Этот стимул делать сбережения, видимо, и в СССР так же силен, как и в Великобритании, особенно теперь, когда система продажи в рассрочку получила такое широкое распространение в этой стране.

добавочную эмиссию бумажных денег, которая иначе потребовалась бы для пополнения оборотных средств контор и трестов. Действительно, участие в подписке на очередной выпуск внутреннего займа считается патриотическим долгом каждого рабочего и служащего. Часто это решается общим голосованием каждой местной группы профсоюзной организации, которая призывает своих членов подписаться в размере месячного заработка для обеспечения выполнения текущего пятилетнего плана. Эта подписка рассматривается всеми как отказ от части своего личного потребления, как своего рода налог на заработную плату, причем уклонение от подписки может быть оправдано лишь исключительными семейными обстоятельствами. Что это именно так, следует из того, что в большинстве случаев лица, подписавшиеся в размере месячного заработка на внутренний заем, по которому обычно уплачиваются не проценты, а лишь выигрыши, по тиражам, часто оставляют свои выигрыши невостребованными!

Долг члена партии

Остается заметить, что личное поведение члена коммунистической партии (включая и так называемых кандидатов, которые считаются проходящими стаж и лишены права голоса на партийных собраниях) должно находиться на более высоком уровне, чем поведение обыкновенных граждан. Члены коммунистической партии добровольно взяли на себя два из трех характерных для религиозных орденов христианства обязательств, а именно, быть бедными, вплоть до отказа от получения более высокого оклада, чем тот предел, который установлен для всех партийным уставом, и подчиняться общим решениям и директивам партийного руководства. Всякое нарушение долга может повести к выговору или снятию с работы и, в конечном счете, к исключению из партии¹. Однако обязательства членов партии не навязываются советским судом.

¹ Следует разъяснить, что вопреки существующему за границей представлению, член партии, снятый с поста или даже исключенный из партии, не умирает с голоду. Во всяком случае с 1930 г. исключенный из партии не встречал серьезных затруднений к поступлению на службу в то или другое государственное предприятие, постоянно нуждающееся в добавочных сотрудниках, хотя, вероятно, и на менее ответственный пост. Что же касается видных членов партии, снятых с высоких постов или исключенных из партии, то обычно им даются новые назначения, часто важные и ответственные, и даже с прежним окладом содержания, хотя и с меньшим политическим влиянием, и обычно вне Москвы и Ленинграда. Так, Томский был назначен главой Государственного издательства РСФСР, после того как он был отстранен от руководства профессиональными союзами. Рязанов после снятия из Института Маркса и Энгельса стал директором Саратовского музея. Раковский, бывший сторонник Троцкого, был поставлен во главе провинциального университета, а после

Кроме этих двух обязательств к членам партии предъявляются такие же моральные требования, как и к беспартийным. В отличие от христианских или буддийских монашеских орденов, коммунистическая партия не предписывает своим членам вести исключительный образ жизни и не требует от них постоянных молитв, восхвалений и размышлений. Но от них ждут, что их поведение в частной жизни будет стоять на более высоком уровне, чем поведение беспартийной массы. Когда мужчина или женщина появляется перед народным или другим судом, первый вопрос, который задается,—это, состоит ли подсудимый членом партии. В случае нарушения закона член партии подвергается более суровому наказанию, чем беспартийный. Если поведение члена партии становится предметом общественного скандала из-за пьянства, половой распущенности или просто мотовства, ему будет сделан выговор и предупреждение и возможно, что он будет исключен из партии, которую он, как принято считать, опозорил.

Каждому по потребностям

Здесь мы напомним ответ, данный нам выдающимся коммунистическим мыслителем и приведенный в начале настоящей главы. На наш вопрос о том, что является критерием добра и зла, он сказал: все, что помогает строительству бесклассового общества, это добро, а всё, что мешает ему,—это зло. Действительно основной принцип коммунистической этики состоит в том, что каждый человек должен активно стремиться к осуществлению социального равенства. Он должен требовать полной отмены привилегий, кто бы ими ни пользовался, будь то определенный пол, класс, сословие, слой общества или даже какая-нибудь

раскаiania и подчинения был назначен заместителем народного комиссара здравоохранения РСФСР и послан во главе правительственных делегаций на международные конференции (Красного креста и др.), Зиновьев и Каменев, после многократных исключений из рядов партии, принимались обратно в партию и получали новые высокооплачиваемые назначения. В 1935 г. Енукидзе, бывший в течение более 10 лет секретарем Центрального исполнительного комитета, был снят с этого поста за халатность и был немедленно назначен главой Закавказской федерации. Когда же дальнейшее расследование неожиданно обнаружило грубейшую небрежность, он был исключен из партии и снят с своего нового поста с преданием общественному позору. Вскоре он был назначен заместителем правительственного управляющего в Кисловодске,—недурное положение.

Н. Бухарин писал в 1924 г.: «Таковы наставления: не курить, не пить, придерживаться определенных правил в половых отношениях, развивать в каждом чувство классовой сознательности и классовой гордости, поощрять коммунистическое воспитание, создавать коммунистических специалистов, спортсменов, общественных работников и т. д.» в книге «Старая и новая мораль», под редакцией Борисова, с предисловием Е. Ярославского (изд. 2-е, Москва 1925, стр. 18—25).

отдельная раса. Несомненным долгом каждого человека является стремление к счастливой жизни для всех без исключения.

Нет никаких колебаний и сомнений в вопросе о средствах, при помощи которых может быть достигнуто социальное равенство при счастливой жизни. Первая предпосылка—это значительное увеличение производства материальных благ в целях максимального распределения их среди всего народа. Коммунизм, которому учили Маркс и Энгельс, убедил большевиков и (как мы полагаем) убедил теперь и большинство населения СССР, что лишь путем полной ликвидации помещиков и капиталистов, с присущей им эксплуатацией рабочих, и путем замены—в производстве жизненных благ—принципа наживы принципом социального обслуживания может быть достигнуто необходимое перерождение неграмотного, суеверного, угнетенного, больного и нищего населения СССР. В соответствии с планом обобществления производства жизненных благ, планом, который все более и более приближается к своему завершению, коммунистическая партия приняла, расширила и развила до неузнаваемости все виды социального обслуживания, которые западный мир ввел у себя лишь в очень несовершенной форме и лишь в виде опыта. Как мы уже писали, из всех этих видов социального обслуживания особо следует отметить здравоохранение, охрану материнства и младенчества, постановления, касающиеся болезни, безработицы и старости, образование—от детского сада до университета,—планирование и реконструкцию города и деревни, словом, все то, что является составной частью процесса трансформации материального окружения каждой семьи.

В процессе переделки характера и привычек народа оказалось возможным перейти, почти одним скачком, к лозунгу «от каждого по способностям, каждому по потребностям» в области организации социального обслуживания гораздо скорее, чем в области производства благ, как это уже было описано в одной из предыдущих глав¹. Было найдено, что условия, необходимые для поддержания здоровья тела и духа, или для того, чтобы дать образование и сделать доступными все формы культуры, могут быть успешно предоставлены всему населению страны без денег. На этом важном участке оказалось целесообразным иметь дело с индивидуумом независимо от той суммы благ, которую он производит или которой обладает, а сообразуясь исключительно с потребностями его самого и его семьи. В части, касающейся здравоохранения, образования и экономической обеспеченности, полное равенство возможностей соответствует самой природе советской власти. Каковы бы ни были раса, цвет

¹ См. т. II, гл. IX, «Вместо наживы».

кожи, достаток или политическое влияние главы семьи, жена его и мать, младенец, школьник, студент и взрослый, стремящийся расширить свои познания, найдет для себя в СССР, обычно бесплатно и фактически неограниченно, решительно все для удовлетворения своих особых потребностей.

Страны Запада, после больших колебаний и мук сомнения, несколько продвинулись по этому пути за последнее время, хотя бы лишь тем, что ввели в употребление новый термин «социальное обслуживание». Однако, по существу капиталистическое общество не захотело отказаться от принципа «плата за место», который протестантская церковь XIX в. применяла к молящимся. Подобно тому как на протестантских богослужениях в Англии и в США обычно любезно предоставлялись места в церкви в соответствии с размером годового взноса, а, следовательно, и в соответствии с социальным классом, всякие привилегии, как образование, выходящее за пределы начального, лечение сверх «пузырька слабительного» и жилище, лучшее, чем самое жалкое, а также все возможности отдыха, туризма и культуры, даже по сегодняшний день предоставляются главным образом тем, кто может за это платить и, кроме того, в соответствии с размером вносимой каждой платой. Такая организация общества диаметрально противоположна той, которой требует коммунистическая этика. Каждый советский гражданин обязан противодействовать и бороться против такой организации.

Этический прогресс в СССР

В этом бурном движении, которое мы описали, трудно сформулировать какое-либо суждение о коммунистической этике вообще. Мы видим возникновение и непрерывную эволюцию систематического кодекса поведения. Что «можно» и чего «нельзя» служит предметом нескончаемых дискуссий, особенно среди молодежи обоего пола в десятках тысяч местных комсомольских ячеек. В течение второго десятилетия революции наметилась определенная реакция против взрыва некоторой распушенности, который последовал за переворотом 1917 г. Общественное мнение все более и более настойчиво стало высказываться за борьбу с дурным поведением, которое делало жизнь неприятной для масс. Всеобщее обучение, добровольное посещение вечерних классов, рост сети клубов и спортивных обществ, значительно расширенные возможности разумных развлечений— все это вместе взятое способствовало укреплению дисциплины как на заводах, так и вне их стен и привело к общему улучшению индивидуального поведения. Летом 1935 г. мы наблюдали, и не только среди комсомольцев, определенную тенденцию к тому, что мы можем назвать разумным пуританством, основан-

ным не на религии, но на гигиене и экономике. Он проявляется не в молитвах и посте, но в современных запросах хорошей жизни, а именно, в совершенствовании квалификации и характера, в выполнении семейного долга, в полезном для общества поведении, которое считается с удобствами других.

Отмирание государства

А как же насчет будущего? Было ли у Маркса и Ленина представление о более блестящем расцвете личности в усовершенствованном социалистическом государстве, чем то, каким можно любоваться в настоящее время в СССР? Советское правительство никогда не упускало случая разъяснить как своему народу, так и обращавшимся с вопросами иностранцам, что элемент прямого и несомненного принуждения, заложенный в планировании как экономической, так и культурной среды, является, в силу самой природы коммунистической организации общества, преходящим и временным. Государство—так утверждают они—обречено и предопределено на постепенное отмирание, и возможно что «управление людьми» будет полностью заменено «администрированием вещей». Что же означает это кажущееся невероятным, но несомненно искреннее предсказание социальной эволюции в условиях советского коммунизма?

Прежде всего мы должны привести определение, даваемое слову «государство». Для среднего англичанина или американца, не искушенного в учении Гегеля, слово «государство» не означает ничего иного, как нацию или общество граждан, организованных в форме группы правящей и группы управляемой. Для марксистов и гегельянцев понятие государства означает нечто совсем другое: именно—стоящий вне массы населения, которая является объектом управления, по своему существу *принудительный аппарат правительства*, установленный, как это утверждают коммунисты, господствующим общественным классом или классами для сохранения частной собственности на средства производства и для увеличения образующегося в результате этого нетрудового дохода¹. Такое общество иногда

¹ Проф. Ласки в своей исключительно интересной книге «Государство в теории и на практике» (1935 г.) дает следующее определение государства: «Мы говорим, что Российское государство сделалось коммунистическим в ноябрьскую революцию 1917 г.; мы этим хотим сказать, что его правительством стала группа людей, которые были в состоянии использовать верховную власть Российского государства для целей, которые мы называем коммунистическими. Если государство действует в определенном направлении, то оно действует так неизменно потому, что те, кто являются его правительством, решили—правильно или неправильно—использовать свое суверенное право именно в этом направлении. С точки зрения трезвого реализма, государство само по себе никогда не действует;

определяется термином «полицейское государство» в противоположность разившемуся впоследствии «коммунальному государству», образованному гражданами, действовавшими в качестве либо избирателей, либо представителей в общественных организациях, либо в качестве индивидуальных членов добровольных ассоциаций для администрирования своих коммунальных дел¹.

за него действуют те, кто получил полномочия на определение его политики... Всякая резкая критика закона влечет за собой угрозу существующему порядку: если порядок в стране находится под угрозой, всякое правительство неизбежно использует вооруженную силу государства для его защиты...

С этой точки зрения государство можно вполне законно рассматривать как форму организации общественной власти принуждения, при которой в нормальных условиях воля правительства будет преобладать. Власть эта стоит вне и над всем народом в целом. Этой властью не пользуются, пока воле правительства не бросается вызов. Она немедленно приходит в действие, как только появляется сопротивление воле правительства. Именно обладание этим законным правом прибегать к принуждению и отличает власть государства от власти всех других ассоциаций. Власть профессионального союза или церкви над своими членами никогда не является сама по себе властью принудительной. Она может стать таковой лишь в том случае, когда государство примет решение поддерживать профессиональный союз или церковь. Сила этой поддержки, в конечном счете, всегда одна и та же: это знание того, что за решением государства стоит принудительная мощь тех вооруженных сил, на которые правители государства имеют законное право опираться» (стр. 25—28). К этому определению он добавляет: «Никогда не лишне повторить, особенно по отношению того материального базиса, который является решающим в определении социальных взаимоотношений, что люди, которые живут по-разному, также по-разному и думают, и что единство, которое обеспечивает обществу продолжительность и устойчивость, недостижимо там, где люди живут настолько по-разному, что они не могут надеяться увидеть жизнь в одинаковом образе для всех. Этот яд неравенства привел к крушению все великие империи в прошлом. Ибо его действие состоит в том, что он подтачивает преданность масс обычной жизни и тем самым убеждает их, нередко правильно, что лишь разрушение этой жизни может проложить дорогу более справедливым принципам государственности. В длительном аспекте осуществление власти для поддержания неравенства всегда воспитывает в обществе зависть, ненависть и крамолу, и ни один фабрикант не может устоять, когда начинает разлагаться сама его ткань. Правильно будет сказать, что до Маркса большинство политических концепций были неадекватны, ибо они не понимали доминирующего влияния собственных отношений на определение задач государства. И лишь при надлежащем осознании этого влияния может быть найдена адекватная теория политических обязательств» (стр. 102—103).

¹ В Англии «коммунальное государство» впервые появилось в форме добровольных ассоциаций, созданных для целей мощения улиц, очистки и освещения улиц в растущих городах. Эти ассоциации скоро получили от парламента законные полномочия (в форме так называемых «местных актов») на то, чтобы принудительно вовлечь всех домохозяев в число своих членов, поскольку это касалось уплаты взносов и гарантии выполнения других улучшений, в том числе производства газа. Из этих-то ассоциаций, называемых комиссионерами, и произошли английские муниципальные.

Но не эта гегельянская концепция государства лежит в основе практики СССР, который, правда, избегает пользоваться термином «государство» для Советского Союза, подобно тому как он упразднил слово «Россия» при определении правительства своей страны. В представлении правителей Советского Союза и философов, которые объясняют его политику, то, что строится в СССР, не является правительством, отделенным от массы народа, осуществляющим свою власть над ними. То, что по собственному убеждению они строят, является новым типом социальной организации, в которой народ сам, в своем триедином качестве: граждан, производителей и потребителей, объединился для осуществления хорошей жизни. Это действительно не есть государство в старом смысле этого слова, но организованный план жизни, принятый всем народом в целом, он включает в себя: а) защиту против нападающих; б) производство средств для наиболее полной жизни; в) распределение этих средств вне зависимости от классовых или других привилегий. То, к чему они стремятся,—это новая форма общества, непохожая на все другие, составленная из глубоко разработанного и чрезвычайно разнообразного сплетения различных видов коллективных организаций, которые, благодаря тому, что они охватывают все население, будут в состоянии удовлетворять *интересы и стремления всех различных частей населения в такой форме и в такой степени, которая никогда еще не была достигнута в каком-либо другом обществе.* Отсюда, как уже было описано нами, развитие многообразных форм демократии: человека-гражданина, человека-производителя и человека-потребителя. Поскольку всякое многочисленное общество нуждается в руководстве, наряду с этим появляется новая, единственная в своем роде, профессиональная ассоциация людей, которую мы назвали термином призвание руководства. Следуя образцу развития различных профессий в других обществах, в эту ассоциацию новые члены кооптируются в соответствии с установленными требованиями к уровню знаний и к свойствам характера. Эта ассоциация пользуется корпоративной автономией и самоопределением в своей профессиональной политике. Она не имеет законом утвержденных полномочий, но она постоянно фактически стремится получить одобрение своих корпоративных решений не только путем согласования их с общественным мнением, но также и путем активного сотрудничества в управлении большинства самих граждан.

Однако этот новый тип социальной организации, имеющей меньше двадцати лет от роду, еще не свободен от коллизий учреждения (С. и В. Вебб, Законом подтвержденные полномочия для специфических целей, 1922, особенно последняя глава «Старые и новые принципы»).

с остатками старого общества, из которого он возник. В своем стремлении к хорошей жизни он подвергается нападению врагов как изнутри, так и извне. Поэтому он считает необходимым для защиты иметь у себя большую и прекрасно снаряженную военную силу, могущую оказать сопротивление враждебному вооруженному миру. Равным образом необходимым является сохранение судов и жестких мер наказания, дабы эффективно бороться с врагами внутри Союза, которые все еще отказываются признать установленный строй, будучи, все или некоторые из них, с ним искренне несогласны. Короче говоря, там объявлено, что еще продолжается состояние войны, проявляющееся либо в индивидуальном саботаже, либо в злонамеренном невыполнении общественных обязательств, либо в спорадических нарушениях порядка и в постоянной угрозе иностранного вторжения.

В связи с этим современное положение считается переходной стадией. Новый социальный строй еще не полностью установлен. Когда эта стадия будет пройдена, полагают, что окажется возможным постепенно отказаться во внутренних взаимоотношениях от орудий принуждения даже до того, как международное положение позволит уничтожить все армии. Предполагается, что этот новый тип общества, с его разработанной и разнообразной социальной тканью, будь то пирамида советов—от сельских советов до Всесоюзного съезда советов, с ее бесчисленными исполнительными органами, или федерация профессиональных союзов, обнимающая всю страну, или промышленные артели собственников-производителей, а в данное время и колхозы, или еще более широкая сеть обществ потребительской кооперации, или бесчисленное множество добровольных обществ для неисчислимых целей,—все это, окружая и пронизывая все общественные организации, будет в состоянии добиться достаточной всеобщей лояльности и согласия на новую жизнь, которую эти «коллективы» делают возможной и воплощают в себе без всякого иного понуждения, кроме воспитания и общественного мнения. Это-то в нашем понимании и есть то, говоря словами Маркса, «отмирание государства», которое предвидится и готовится теперь в СССР.

Даже это кажется англичанам и американцам чересчур утопичным. Им трудно поверить, что не вечно будут существовать люди, которые по тем или иным мотивам будут отказываться или же пренебрегать сотрудничеством со своими соседями вплоть до того, что они станут помехой на пути ко всему тому, что способствует общему благу, и которых необходимо будет поэтому сдерживать при помощи полицейской власти.

Рассмотрим, однако, почему иностранцу трудно разделить оптимизм советских философов. Иностранец может поверить

тому, что активные противники СССР в Париже или Праге, Варшаве или Риге, Белграде или Харбине, готовые воспользоваться любой возможностью, чтобы уничтожить большевистское государство, все вымрут или же будут обескуражены прекращением молчаливого потворства со стороны иностранных правительств и формальным признанием советского правительства всеми государствами. Но всякий гражданин капиталистической страны сознает, что под кажущимся порядком таится подполье, откуда идет непрекращающийся поток уголовных преступников. Иностранец не может поверить, чтобы подобных преступников не было в СССР. Однако такой гражданин обычно не знает, насколько в его собственной стране высок процент преступлений, совершаемых мужчинами и женщинами лишь из-за нужды. Почти все мелкие кражи и взятки случаются или даже вызываются тем, что в момент совершения этих преступлений виновные не имели постоянной работы, обеспечивающей им заработок, достаточный для поддержания жизни, или вовсе не имели никаких средств к существованию. За нищетой на втором месте в качестве причины преступлений стоит стремление к личному обогащению, ставшее социальной болезнью. Англичанину или американцу трудно понять, какую огромную роль, не только в отношении совершения преступления, но и в искушении уклониться от выполнения своих социальных обязанностей, играет укоренившаяся страсть к личному обогащению, подкрепленная страхом перед бедностью. Эту страсть в течение столетий воспитали институт частной собственности на средства производства и использование средств производства для целей личной наживы, особенно в условиях «эпохи скудости», из которой в части, касающейся широких масс населения, капиталистический мир еще не вышел. Мы не знаем, какой процент более серьезных преступлений против собственности—подлоги, хищения, поощрение мошеннических предприятий и темная практика биржевых махинаций, совершается маклерами, дельцами, спекулирующими товарами и ценными бумагами, или всякого рода финансистами вместе с их клерками и другими подчиненными, или доверенными и поверенными, которые обманули оказанное им доверие. Но, вероятно, в обществе, где эти слои перестали существовать, преступления, особенно характерные для такого рода занятий, исчезнут. Вряд ли кто-нибудь из родившихся в прошлом веке может полностью представить себе предел, до которого будет уменьшено число преступлений против собственности в поколениях, воспитанном, как это имеет место в СССР, в условиях, исключающих, при любых обстоятельствах, всякую угрозу материальной нужды, и поэтому не знающем тревоги о завтрашнем дне. Поколение, не видевшее огромных частных богатств, которые в настоящее время толкают на

преступление многих, через чьи руки они проходят, не может мечтать составить себе состояние путем спекулятивных операций и использования других людей для целей извлечения прибыли, точно так же как сельский почтмейстер не может мечтать о том, чтобы стать владельцем доходного почтового ведомства своей и любой другой страны. Это поколение вырастет с полным сознанием того, что оно живет в эпоху такого изобилия, которое во всех случаях страхует полностью от действительной нужды.

То, что в человеческом поведении всегда сохраняются погрешности, вызванные искушениями и эмоциями, не связанными с богатством или отсутствием богатства, допускается и самими коммунистами. Коммунизм—это не анархизм, а скорее его полная противоположность. Не следует думать, что во вполне развитом коммунистическом обществе поведение каждого человека будет всегда образцом совершенства. Можно, однако, ожидать, что со случайными погрешностями человеческого поведения будут бороться в нем иными способами, нежели уголовным законодательством или жестокими наказаниями.

Те социальные влияния и средства, при помощи которых в СССР может быть, не прибегая к наказанию—тюремному заключению, розгам и казням,—достигнуто необходимое согласие всего населения на установление единой формы жизненного уклада, будут, как этого ожидают, многообразны. Помимо исключительной по своей разработанности системы представительства, ясно, что там будет также значительно расширено все то, что мы называем учетом и гласностью. Опыт СССР показал, насколько успешно можно системой великолепно разработанных средств оказывать воздействие через добровольное и по существу своему стихийное общественное мнение на тех, кто в том или другом отношении не выполняет своего гражданского долга или берет от общества больше, чем сам дает ему.

Учет и гласность

Как будет видно из дальнейшего, мы сочетаем учет и гласность. Советское правительство полностью сознает важность гласности в общественных делах. И вероятно, в СССР, как мы это уже показали, объем публичных обсуждений и участие в них населения больше, чем в какой-либо другой стране. Бесконечные обсуждения всех общественных дел на заводах и в городах быстро переносятся и в сельские местности, где сельское собрание, а за последнее время и сельский клуб являются их постоянным форумом. Государственные учреждения постоянно снабжают прессу, широко читаемую всем населением, фактами и цифрами, касающимися каждой отрасли управления.

Газеты наполнены «самокритикой»—разоблачением каждого случая ошибок или несовершенства администрации. Частые выступления советских вождей не только более пространны, чем речи государственных деятелей других стран, но имеют и большее воспитательное значение благодаря содержащейся в них постоянной критике ведомственных недочетов и жестокому разоблачению административных ошибок. Этой гласности помогает широко практикуемый способ объективного учета цифровых результатов каждой отрасли управления. Советская статистика, во всех ее отраслях, является, вероятно, самой обширной в мире. В СССР правильно считают, что без цифрового учета не может быть точного знания. Это требует не только постоянного и подробного учета того, что может быть точно измерено, как например, тонны зерна, квадратные ярды тканей, но и—на чем особенно настаивают—стандартизации по качеству для того, чтобы статистика имела возможность давать точные сведения о разных сортах и видах, достоинствах и недостатках производства или в отношении других показателей.

В главе IX «Вместо наживы» нами были описаны многие средства, уже принятые коммунистической партией и советским правительством, для обеспечения точного учета работы каждого человека и результатов деятельности каждой фабрики или завода в отношении производительности труда, использования сырья, ухода за механизмами и полного использования орудий производства. Раньше это было одной из обязанностей Рабоче-крестьянской инспекции. Группы рабочих и крестьян, в сопровождении специалистов, разъезжали по всей стране, обследуя заводы и фабрики и докладывая результаты обследования заводскому руководству, профессиональному союзу и Госплану. Это хотя и обеспечивало гласность, но не всегда обеспечивало точность учета. Неформальные обследования производятся и в настоящее время профессиональными союзами. Но самое важное учреждение (Рабоче-крестьянская инспекция) было в 1934 г. заменено двумя Контрольными комиссиями—советского правительства и коммунистической партии, в состав которых входят штатные контролеры, направляемые для расследования каждого случая неуспешного выполнения принятых решений или данных директив.

Еще более важной с точки зрения обнаружения скрытых потерь была введенная в течение последних лет в виде опыта примитивная система хозяйственного расчета. Так называемые хозрасчетные бригады, которые находятся под наблюдением профессионального союза и фабричного комитета, пытались вскрыть путем анализа полной себестоимости производства каждого продукта те участки, в которых имели место потеря рабочего времени или непроизводительная трата материалов.

К этому было прибавлено влияние социалистического соревнования между отдельными бригадами, фабриками, заводами, пароходами, колхозами, городскими советами и даже республиками. Результаты этих соревнований широко оглашались, победители получали награды, а побежденным победители помогали поднять производительность. Это давало огромные результаты в смысле учета и гласности, по характеру своему по большей части неизвестных ни в какой другой стране.

Однако все эти обследования и анализы большей частью оставляли неустановленными и незафиксированными большинство случаев несоответствия качества продукции установленным стандартам или ее весьма низкого уровня. В связи с этим советские статистики заняты вопросом о том, каким образом можно установить точное определение качества в дополнение к простому измерению тонн зерна и квадратных ярдов ткани.

В настоящее время единственным всеобщим мерилom качества, приложимым ко всем товарам и услугам, является их общая стоимость, выраженная в деньгах. Статистики других стран обычно и пользуются этой денежной оценкой для измерения валовой продукции и потребления. Однако для измерения качества такой способ имеет два основных порока. Деньги—разменная монета или бумажные деньги, золото или серебро, рубль или доллар, сами непрерывно изменяются в своей меновой ценности, а поэтому на них и нельзя опираться для сравнения на протяжении разных годов или в разном месте. Некоторое мерило качества может быть применено в отношении товаров путем прибавления цифровых показателей веса к показателям поверхности. Так, предполагается, что для всех видов тканей, будь то хлопчатобумажные, шерстяные, волосяные, шелковые, вискозные или смешанные, каждый тюк, приготовленный для транспортировки, измеряется одновременно и в квадратных метрах и в фунтах (по весу). Говорят, что такого рода двойное измерение будет иметь большую ценность для обнаружения качественной разницы. В СССР обсуждаются также различные системы качественной оценки при помощи независимых экспертов, находящихся на государственной службе. Такая система была уже принята некоторыми странами, заинтересованными в сохранении своей репутации как экспортеров масла и пр. Удачный опыт добровольной Британской ассоциации стандартов в деле установления обширной стандартизации, особенно в отношении деталей машин и строительных материалов, внимательно изучается в СССР, как могущий оказать пользу при выработке системы измерения качества.

Всеобщая проверка

Для извлечения максимальной пользы из любой сводки статистических данных—качественных или количественных—требуется применение еще одного социального инструмента. Это влечет за собой систематическую проверку каждой отрасли управления, не только с точки зрения ее денежных операций, почтовых и гербовых расходов или системы бухгалтерской отчетности, но и ее достижений в области производства товаров, предусмотренных или непредусмотренных результатов, ее влияния на рабочих, на потребителей, которых она обслуживает, на другие отрасли управления или на местность, где она функционирует. Хозяйственный расчет в смысле точного определения себестоимости не только каждого товара, но и *каждой детали товара* по сравнению со стоимостью соответствующего элемента на других предприятиях или в других странах или при иных методах производства, явился бы важной частью подобной проверки. Не меньший интерес представляют и общие хозяйственные и социальные итоги деятельности предприятия в целом. Такая всеобщая проверка, не существующая пока ни в одной стране¹, станет, мы это предсказываем, неоценимым орудием учета и гласности и, возможно, будет играть в течение оставшейся части двадцатого века важнейшую роль в «бесконечных исканиях» искусства управления.

Психологические условия такой проверки редко оцениваются в полном их значении. Такая проверка должна производиться высококвалифицированными экспертами (квалифицированными в специальном искусстве проверки), абсолютно не связанными не только с руководством проверяемого предприятия, но также с руководством любого другого предприятия. Они должны целиком посвятить себя профессии проверки, которой они

¹ Попытку возможно ближе подойти к такой системе всеобщей проверки можно видеть, хотя, вероятно, лишь в зародыше: а) в организации профессии экспертов общественной отчетности в Соединенном королевстве и в Соединенных штатах, а также в британских доминионах; б) в официальных аудиторах министерства здравоохранения в Англии и Уэльсе, область работы которых ограничена операциями местных властей; в) в аппарате контролера и генерального аудитора в Соединенном королевстве; юрисдикция его распространяется, однако, лишь на расходование денежных сумм, ассигнованных парламентом. Все эти аудиторы отличаются высоким качеством своей экспертизы; они независимы от тех, чью работу они проверяют, не несут ответственности за успех проверяемого предприятия. Все они не имеют права выносить выговоры или увольнять. Но их проверка сводится главным образом к проверке кассовой наличности, наличия почтовых и гербовых марок, товарных запасов, прибылей и убытков. Проверка эта никогда не затрагивает социальных результатов и даже редко охватывает сравнительный подсчет себестоимости процесса производства. Кроме того она носит далеко не всеобщий характер.

будут уделять все свое время, производя последовательно проверку всех предприятий данного общества, а в новом «интернационале», вероятно, и предприятий других обществ. Они не будут нести ответственности ни за одно из этих предприятий, и, равным образом, не будут иметь и никакой власти над ними. Они не будут иметь права увольнять кого-либо. Они даже не будут иметь права делать выговоры кому-либо. Они будут только представлять отчет о том, что они видели, сопровождая его комментариями и предложениями, которые, по их мнению, могут быть полезными. Руководству и сотрудникам соответствующего предприятия будет предоставлена возможность ознакомиться с отчетом, и, если это будет найдено нужным, ответить на него. Но сами отчеты (вместе с ответами, если таковые имеются) будут оказывать влияние на высшую власть; а в том случае, если они будут опубликованы, они окажут влияние на общественное мнение как внутри самих предприятий, так и вне их¹.

¹ В связи с необходимостью публикации отчетов аудиторов, мы вносим еще одно предложение. В том вихре гласности, который наблюдается в СССР—в прессе, на общественных собраниях и в осведомленных и критических речах государственных деятелей,—человек, изучающий управление, замечает одно упущение. Отсутствуют подробные годовые отчеты, которые в Великобритании и в Соединенных штатах обычно публикуются каждой акционерной компанией или корпорацией для информации своих акционеров, а также почти каждым департаментом и исполнительным органом, независимо от того, является ли он центральным или местным, для осведомления публики. В практике СССР суррогатом этих подробных статистических отчетов, видимо, являются излагаемые в привлекательной журналистской форме газетные заметки и статьи; в них даются все факты, могущие интересовать случайного читателя. Но этого недостаточно. Случайный читатель газеты, или занятой журналист едва ли могут уловить, что является наиболее важным с социальной и экономической точки зрения из всех выбранных фактов и цифр, которые ему преподнесены. Кроме того, знакомясь всего лишь с одной организацией, читатель не может сравнить ее деятельность с работой в прошлые годы или с работой других организаций такого же рода в СССР или за границей, или же с работой всех других организаций, расположенных в той же местности. В тщательном изучении и сравнительном анализе подробных отчетов, в особенности, когда они освещаются обширными докладами всеохватывающей проверки, и состоит работа квалифицированного ученого, занимающегося экономикой и другими отраслями социологии. Лишь подобного рода анализ специальных экспертов (более предпочтительно в виде работы научно-исследовательского института) может эффективно стимулировать воспитание и мудро направлять общественное мнение—через прессу и на общественных собраниях. Требование, чтобы руководство каждого предприятия или учреждения СССР, центрального или местного, индустриального или культурного, представляло обширный, подробный статистический годовой отчет о всех операциях предприятия за истекший год, отчет, который был бы напечатан и опубликован, систематизирован и подвергнут критическому анализу со стороны специальных научных институтов,—вот что явилось бы ценным добавлением к уже имеющейся гласности.

Посмотрим, каким образом это постоянное воздействие организованного знания на каждой стадии и критерий точной статистики может решить извечную социальную проблему — как сочетать власть директора или старшего мастера на заводе с чувством личной свободы рабочего и его страстным отвращением к «управлению сверху». Дискуссия среди комсомольцев показывает, что даже в СССР до сих пор имеется еще некоторое беспокойство по поводу того, в каком объеме предоставлено директору решать, что следует и чего не следует делать в течение дня. Некоторые думают, что рабочие сами должны контролировать свою работу или, по меньшей мере, что с ними следует постоянно советоваться об этом. Жизненно-важные вопросы о том, кто будет давать распоряжения и кто будет им подчиняться, должно ли руководство заводом идти «сверху» или «снизу», волнуют рабочее движение во всем мире. Но с принятием принципа учета и гласности эти разногласия станут в значительной мере беспредметными. Как бы парадоксальным это ни казалось сегодня, мы все же рискуем сделать предсказание, что тогда, с точки зрения личного авторитета, гораздо меньшее значение будет иметь вопрос о том, в чьих руках будет находиться исполнительная власть. В промышленности, не в меньшей степени, чем в политическом управлении, учет и гласность уже и сейчас подрывают власть одной личности. Сознательное усиление этого светоча гласности является, по нашему мнению, краеугольным камнем преуспевающей демократии. Необходимость принятия ответственных решений сохранится не только для чрезвычайных случаев, но также и в текущей политике. Однако решения, продиктованные подтвержденными и зафиксированными фактами, не возбуждают того отвращения, которое вызывает утверждение личной воли. Матросы могут бунтовать против своевольного капитана, но не против компаса. Значительная доля старой автократии, которая когда-то считалась необходимой как в правительственных органах, так и в капиталистической промышленности, перестает быть необходимой предпосылкой для высокой производительности; по мере распространения демократических принципов можно будет обходиться без нее. Опыт СССР в течение последнего десятилетия показал, что многое на этом пути может быть сделано. Ясно, что будет найден все более и более расширяющийся круг вопросов для совместного обсуждения — за исключением чрезвычайных случаев — со всеми слоями и частями населения. Из этих совместных обсуждений будут рождаться мнения, которые будут в значительной степени при всеобщем согласии положены в основу принимаемых решений. Это фактически будет означать всеобщее подчинение точно установленным авторитетно сообщенным фактам, внедренным в сознание молчаливой убежденностью общественного мнения

тех, кого это касается. Фабричные комитеты, фабричные группы, директора фабрик и заводов, Всесоюзный совет профессиональных союзов и Госплан будут в своей работе опираться не на случайные мнения своих членов и даже не на информацию, собранную их собственным аппаратом, но на нечто значительно большее. Само собой разумеется, что в такого рода комитеты и советы будет стремиться поток отчетов от независимых и незаинтересованных профессиональных экспертов. Эти отчеты не будут обладать никакой принудительной силой. Они будут лишь графически изображать материальные и моральные результаты работы каждого предприятия или каждой отрасли промышленности, сопоставленные как с работой этого же предприятия или отрасли промышленности за прошлое время, так и с результатами работы других аналогичных предприятий или отраслей или с возможностями, которые открываются в результате новых больших или малых изобретений. «Товарищи,—скажет председатель, открывая объединенное собрание фабричного комитета и администрации,—вы читали отчет эксперта по здравоохранению, который показывает, что в нашем коллективе уровень здоровья рабочих значительно понизился по сравнению с прошлым десятилетием и что он также ниже среднего уровня по району. Не менее тревожным является и разосланный вам отчет эксперта по образованию, из него видно, что наши юноши и девушки приходят в технический институт слишком утомленными, чтобы в полной мере воспринимать те ценные знания, которые институт предоставляет им. С другой стороны, в производственном отношении мы стоим на первом месте во всей промышленности и благодаря вашему решению немедленно провести на практике новый метод работы, который был вам предложен в меморандуме комиссии советского контроля, процент несчастных случаев у нас является рекордно низким. Однако совершенно ясно, что мы не можем терпеть, чтобы о нас публично писали, как о самом отсталом в области здравоохранения промышленном предприятии и как о предприятии, лишаящем свою молодежь возможности образования. Нам надо обсудить, которое из предложений, сделанных нам, или какое изменение этих предложений можем мы принять для улучшения положения в этом отношении, одновременно сохранив наше благоприятное положение в других отношениях». Мы можем также представить себе директора треста, контролирующего большую отрасль промышленности, перед которым лежат отчеты, дающие графическое изображение результатов расследования жалоб определенных потребительских организаций на то, что поставки со стороны треста были нерегулярными или недостаточными вследствие неудачного распределения отпусков, смен, или часов начала и конца работы; по этим причинам были перебои в производстве.

Не может быть и мысли об удлинении рабочего дня или о сокращении отпусков. Но проблему, каким же образом лучше всего поддержать непрерывность производства, пришлось бы решить и решить в свете отчетов, обсуждающих все возможные решения, которые были предложены. На выпад недобросовестной критики всегда можно было бы ответить вопросом: «Каковы же ваши предложения? Давайте, обсудим их».

Организация общественного мнения

Мы видели из описаний выборов в пирамиду советов, в профессиональные союзы и в потребительскую кооперацию, а также из описания бесконечных собраний объединенных промысленных артелей и колхозов, насколько велика роль, которую в СССР играют прения на общественных собраниях. В главе IX, озаглавленной «Вместо наживы», мы описали, как разнообразны и обширны средства, при помощи которых оказывается воздействие через общественное мнение рабочих завода, шахты или колхоза на тех членов, поведение которых не соответствует понятию долга, принятому их товарищами и соседями. В качестве другого примера оригинальности и изобретательности, которые иногда проявляются в деле создания осведомленного общественного мнения, мы приводим здесь сценку из жизни колхоза деревни Шемялино Московской области. «Производственный план колхоза был сорван в результате бездеятельности,—читаем мы.—На клубном собрании учитель предложил организовать кукольный театр для борьбы с плохой работой и плохим руководством колхоза. И вскоре Петрушка расклялся перед публикой.

Все колхозники, старые и молодые, пришли посмотреть представление. В первом ряду, с высокомерным и скептическим видом, сидел председатель колхоза.

Подпрыгивая и кланяясь, Петрушка, главное действующее лицо спектакля, появился из-за кулис и умно отчитал руководство колхоза за его бездеятельность.

Никто из колхозников никогда не говорил так резко, прямо и так остроумно. Публика разразилась хохотом. Послышались одобрительные голоса, подтверждающие обвинения Петрушки.

«Правильно!—кричали они.—Молодец, Петрушка!»

Но это было не только смешно. Едкая насмешка Петрушки попала в цель. Когда занавес упал, председатель колхоза с лицом, перекошенным от гнева, бросился за кулисы. «Показывайте все что угодно—трагедию или комедию,—закричал он,—но уберите Петрушку».

Но Петрушку не убрали. Он продолжает свою деятельность

и до сих пор, работая на благо колхоза. Благодаря его разоблачениям председатель, который хотел убрать Петрушку, был убран сам. И теперь новое руководство работает рука об руку с Петрушкой, критикуя недостатки и награждая хорошую работу членов колхоза»¹.

Имеются, конечно, и другие способы возбуждения организации коллективного суждения помимо общественной карикатуры и критики. В 1931 г. мы видим пример стихийного участия механиков и шоферов в попытке спасти урожай льна, которому угрожала гибель из-за поломки тракторов, присланных в колхоз одного района.

«Тракторы,—пишет Анна Луиза Стронг, принимавшая участие в этом деле,—из-за целого ряда причин, которые еще надо было исследовать, стояли по всей области на полях без движения. Кто же приходит в движение в подобном случае? Московский комитет коммунистической партии, просматривая сообщения обо всех московских событиях за день, решает, что срыв посева льна является самым серьезным из всех. Он объявляет „мобилизацию" механиков. Ни один механик во всей Москве не обязан откликнуться, и не это означает мобилизация. Мобилизация означает, что заводские комитеты в сотне центров объявляют о ней и проводят эту идею; механиков, которые согласны отдать некоторое время посеву, временно заменяют мастера и товарищи по работе, и механики уезжают на эту общественную работу, не теряя своей зарплаты, а другие выполняют за них работу на заводе. Что побуждает их к этому? Им радостно принять участие в спасении сева, они хотят проехать по полям, пожить живой, полезной, разнообразной жизнью.

Мобилизуются автомобили для перевозки механиков в колхоз. Так как у меня есть свободное время, я решаю откликнуться на призыв. После полудня наши пять автомобилей, нагруженные шестнадцатью механиками, выезжают туда, куда нас назначили, т. е. на Волоколамскую тракторную станцию, находящуюся примерно в 150 милях к северу от Москвы. На совещании с главным механиком мы быстро и детально знакомимся с состоянием тракторов. «Первоапрельский подарок от путников,—ругается он.—Тридцать три штуки мы получили, все новенькие, и все... испорчены. Одиннадцать не могут сами двинуться со станции железной дороги».

Распределив колхозы между нашими пятью машинами, мы разъехались в разные стороны, каждый на свой участок. На рассвете я подвезла свой груз, состоящий из трех механиков, к маленькому колхозу в 50 дворов, совместно обрабатывающих землю тремя тракторами. Здесь мы узнали вторую причину

¹ «Москау дейли ньюз», 2 июля 1935.

срыва сева. Трактористов шесть, работают они в две смены; это крестьянские парни и девушки, впервые севшие за тракторный руль месяц назад. Когда они услышали какой-то странный звук в своем тракторе, они остановили работу, боясь сломать машину, и стали ждать приезда механиков. Сотни тракторов по всей Московской области ждут механиков! А механиков всего несколько десятков. Это-то и было причиной нашей мобилизации.

Всю ночь напролет, пока я спала в комнате учителя, добровольцы-механики ремонтировали тракторы. И всю ночь напролет шесть местных трактористов были на ногах, чтобы наблюдать за их работой,—такова была жажда учиться. Когда в 4 часа утра меня позвали, чтобы ехать в следующий колхоз, местные трактористы—парни и девушки—уже были на работе и выезжали в поле.

Наш второй колхоз был совсем другого рода. Отсталый участок. Ни хлеба, ни чаю не предложили там нашим усталым механикам, приехавшим спустя два часа после захода солнца. Вместо этого нас просто обругали. Мы были городскими рабочими, теми самыми городскими рабочими, которые обманывают колхоз, присылая негодные тракторы. «Возьмите себе свои тракторы, любуйтесь ими, нам они не нужны!».

Наши городские механики взяли тракторы, полюбовались ими, отремонтировали их и пустили в поле на работу. Отношение крестьян поневоле изменилось. Более молодые пришли поблагодарить нас.

В четыре часа пополудни все наши пять автомобилей снова собрались на тракторной станции для составления официального отчета, который русские называют «актом». В этом акте указывались в технических терминах точные недостатки каждого из тракторов и делались соответствующие обобщения. С полей Волоколамска, отвоеванных нами тяжелым трудом, мы запустили руку на далекий Путиловский завод в Ленинграде и указали, какие цеха являются виновниками. Некоторые отливки регулярно стирались. Какая-то шестеренка, которой какой-то умник-инженер заменил шарикоподшипники, совсем не работала. Этот акт был ясным приговором не всему путиловскому трактору, но определенным его частям. Все механики подписали акт. В надвигающихся сумерках я вела машину к Москве,—пять часов. На скамьях спали механики... Акт, который они составили, был послан на другой день в «За индустриализацию»—орган Комиссариата тяжелой промышленности, руководящего Путиловским заводом... Результатом этого был вызов в Москву директора Путиловского завода и совещание в Комиссариате тяжелой промышленности, на котором присутствовал десяток заинтересованных в тракторах организаций. Акт

наших усталых механиков и впрямь оказался «актом», имевшим непосредственные результаты для всей тракторной промышленности. И когда на смену весне пришло лето, то оказалось, что урожай льна Московской области, в отношении которого в начале сезона была угроза невыполнения плана на 50%, был перевыполнен, достигнув 108% плана, что было лучшим рекордом по Союзу. «Лен спасла работа общественных организаций»,— сказал московский трактороцентр¹.

Один профессор—сухой ум—замечает: «Все эти авантюры находятся вне сферы экономики». «Так оно и есть,—отвечают большевики.—Они являются существенной частью хорошей жизни, орудием более мощным в деле переделки людей и производства необходимого для всех изобилия, чем тот стимул эгоистической наживы, на котором зиждется строй капиталистических стран». Кто прав—профессор политической экономии или коммунисты,—показывает этот случай.

Товарищеские суды

На единственном в своем роде учреждении—товарищеском суде который мы описали² как орган общественного мнения, следует остановиться подробнее. Это учреждение является ценным вкладом в новый социальный порядок, который в СССР, в сфере его внутренних отношений, фактически начинает делать излишней принудительную власть «полицейского государства». «Россия,—пишет один из обозревателей последнего времени³,—это медовые соты, состоящие из фабрик, колхозов и жилых домов, при которых имеются учреждения, известные под названием товарищеских судов... Товарищеские суды не являются государственным судебным институтом в обычном смысле этого слова. Это полусудебный орган, представляющий общественное мнение той единицы, в пределах которой он осуществляет правосудие. Судье товарищеского суда предоставляются права лишь на то заседание, на котором он председательствует, и судья выбирается *ad hoc* (только на данный случай.—*Ред.*) рабочими завода, жильцами дома или членами колхоза в зависимости от обстоятельств. Специального порядка для ведения судебного заседания не установлено. Те заседания, на которых мне пришлось присутствовать, были очень похожи на собрание английского профессионального союза, где выступает любой из присутствующих, который имеет что сказать по данному делу. Ма-

¹ Анна Луиза Стронг, Диктатура и демократия в Советском Союзе, Нью-Йорк 1935, стр. 20—22.

² См. т. II, гл. IX, «Вместо наживы».

³ Гарольд Д. Ш. Ласки, Законы и правосудие в Советской России, 1935, стр. 36—38.

ксимальное наказание, которое может наложить товарищеский суд,—штраф в размере 10 рублей, что составляет около 10% месячного заработка наиболее низкооплачиваемых русских рабочих. Суд может делать представления администрации завода относительно поведения рабочего, результатом чего может явиться увольнение этого рабочего; суд также может предложить выселить из квартиры нежелательного жильца. В промышленности и колхозах имеется тенденция к тому, чтобы выбирать судьями товарищеских судов лучших ударников. И это имеет место в 90 случаях из 100. В других местах есть тенденция выбирать судьями тех мужчин и женщин, которые, по мнению соответствующего избирательного коллектива, являются лучшими общественниками.

Функции товарищеских судов двояки. С одной стороны, они оказывают давление общественного мнения на тех граждан, которые, по мнению своих товарищей, проявили отсутствие чувства социальной ответственности в том или другом мелком вопросе: постоянные опаздывания на работу, нечистоплотность в квартире, прогулы без уважительных причин, чрезмерная грубость в отношении других жильцов дома, сплетни, небрежность в выполнении порученного дела. Каковы бы ни были эти обвинения, неоценимое влияние суда заключается в том, что обвиняемый получает представление о том уровне общественного сознания, к которому он должен приспособить свое поведение. Он приучается уважать власть суда не в силу тех взысканий, которые суд может на него наложить — в 50% случаев, очевидно, которых я был, никакого взыскания вообще не было наложено—не через публичный разбор якобы совершенного им преступления, и не потому, что он подвергается критике своих товарищей по работе или соседей. Конечно, имея в виду, что со времени революции десятки тысяч граждан хлынули в города, такая самодисциплина является исключительно ценной для дела общественного воспитания. «Он (суд) не только учит дисциплине всех тех, кого это непосредственно касается. Товарищеский суд повсеместно учит искусству примирения. Неуживчивые соседи, нерадивые рабочие учатся тому, что они живут не только для самих себя. Для самих судей товарищеского суда эта работа имеет реальную ценность отчасти как урок управления и урок искусства самовыявления, которое обычно так близко сердцу всякой преуспевающей власти, отчасти же как полезная подготовка к выполнению более ответственных административных задач. Для многих членов товарищеских судов их работа в этих судах была преддверием выбора их в местные советы. Этот институт, кроме того, является шагом на пути реализации принципа, на котором настаивал Ленин, принципа участия возможно большей части населения в делах управления. С первых

дней революции Ленин понял творческую роль, которую может играть гражданская ответственность, как бы ни была мала власть, ей предоставленная. Не может быть никакого сомнения в том, что буквально десятки тысяч мужчин и женщин, участвуя в работе этих судов, осознали свои общественные функции.

«Что существенно в этом институте—так это тот факт, что устав его не предписывается сверху законом, но создается изнутри, в силу того одобрения, которое суды получают от обслуживаемого ими избирательного коллектива. Неформальный характер судебного заседания является корнем этого одобрения. Когда слушаешь ход заседания суда, то видишь как вырастает—прямо на глазах—общественное мнение. Присутствующие на суде не являются молчаливыми зрителями, но гражданами, чьи замечания или даже чье настроение всегда связаны с принятым решением. Далее, важно то, что возможность для судьи сохранить свое место стоит в прямой связи со степенью удовлетворения, которое вызывают вынесенные им решения у избирательного коллектива. Эти решения бесконечно обсуждаются избирателями. Мне даже как-то пришлось слышать, как один подсудимый после вынесения решения по его делу подробно доказывал заинтересованной аудитории, почему это решение было в свете представленных доказательств явно неудовлетворительным. На меня всегда производил большое впечатление разбор на суде супружеских отношений и разбор случаев оскорбительного поведения мужчины-рабочего по отношению к женщине-работнице того же цеха. Для этих дел суды являются школой примирения и добрососедских отношений. Они вводят во все отношения общественной жизни то, что можно назвать «справедливостью без принуждения». Они делают это таким путем, который несомненно улучшает бытовые условия. Эти суды важны еще и потому, что они выносят на поверхность огромный запас здравого смысла, присущего рабочим, и дают ему возможность выражения, что имеет несравненно гораздо большее значение, чем непосредственные цели, которые поставлены перед судами».

Мы добавим к этому еще одну отличительную черту этого единственного в своем роде института. Как мы уже мельком указали, одной из наиболее горячо обсуждаемых проблем в СССР, а также и среди прочих реформаторов рабочего класса в других странах, является вопрос о том, как примирить необходимость огромной организации «приказов сверху» с горячо ощущаемым отвращением к «обязанности подчиняться». Эта проблема не разрешена ни одной из чисто формальных демократий. Независимо от того, осуществляется ли власть частным нанимателем или самодержавным диктатором, или общим собранием лиц наемного труда, или искусным социальным механизмом, объединяющим руководителей разного рода,—всегда най-

дутся обидчивые и глупые рабочие, которые не могут не чувствовать некоторого отвращения к тому, что они должны подчиняться чему-то, что пришло к ним в качестве непонятного, но авторитетного приказа. Постановление, выносимое товарищеским судом, после того, как вопрос обсуждался их же товарищами, представляется рабочим в совершенно ином виде. Недовольный получил слово. Он не может не понять, что вынесенный ему приговор является выражением чувств не власти, над ним стоящей, но его собственных товарищей. И он, вероятно, гораздо скорее отвыкнет от своих привычек, против которых возражали его товарищи, чем если бы был осужден настоящим судом согласно определенной статье закона. Постепенное распространение этого типа организаций общественного мнения, которые будут постепенно улучшаться в результате систематической экспертной проверке, будет, как мы надеемся, во все возрастающей степени устранять и не допускающий никаких возражений приказ нанимателя и приговор суда.

Мы не знаем, покажется ли привлекательной состоятельному рантье, который обычно не знает, что его бездеятельное существование обусловлено подчинением рабочих, или страстному анархисту западной цивилизации мечта об «отмирании государства» с его судами, полицией и тюрьмами и о замене его вездесущей системой учета и гласности, подкрепленной приговором общественного порицания и требованиями общественной чести в строгом соответствии с заслугами. Но мы можем заверить его, что в любом обществе, управляемом на основе коммунистических принципов, он был бы настолько подчинен этим двум мощным социальным влияниям с первого же дня рождения и в продолжение всей своей жизни, что почувствовал бы, что личное обязательство возложено на него в равной степени и в общих интересах. Это является меньшим злом, чем тот суровый подоходный налог, которому подчинены теперь как английские, так и американские миллионеры. Фактически оно не более обременительно, чем давление атмосферы!

Противоречивые тенденции в международной политике

Наконец, мы подошли к проблеме, которая многим—коммунистам и антикоммунистам равным образом—кажется проблемой большей важности, чем какое бы то ни было развитие хорошей жизни в определенном обществе. В самом деле, некоторым кажется, что эта проблема определяет в обширном мире судьбы самой цивилизации, если не всего рода человеческого. Как сложатся взаимоотношения советского правительства, господствующего на одной шестой части земли с населением, которое

в течение ближайшего десятилетия, повидимому, превысит 200 млн. человек, с другими нациями Европы, Азии и всего мира? Объединятся ли все капиталистические правительства, чего до сих пор очень боятся в СССР, для совместного нападения на единственное коммунистическое государство, видя в этом нападении наиболее практический метод сопротивления коварному распространению коммунистических идей в их собственных странах? Или же советское правительство, обезопасив себя от нападения, сочтет себя вынужденным послать свою могущественную Красную армию на помощь коммунистическим рабочим Германии и Австрии, Италии и Венгрии, чтобы спасти их от преследований и угнетения, от которых они сейчас страдают, и которые могут усилиться, если СССР станет явно более процветающей страной, чем любое капиталистическое государство? Если различные европейские державы начнут между собой войну, то можно ли будет предотвратить превращение этого пожара в мировой Армагеддон, в котором может погибнуть западная цивилизация? Если к этому времени советскому правительству удастся сделать счастливой жизнь широких масс населения своей страны, то какую линию поведения будет диктовать советская этика в отношении менее счастливых народов, которые все еще будут пребывать в муках и под гнетом беззакония вырождающегося капитализма?

Политика советского правительства в отношении других наций проходила в продолжение восемнадцати лет его существования через различные фазы, которые нам необходимо проанализировать¹. Короче говоря, изменение отношений с правительствами других стран было переходом от войны к миру.

¹ Естественно, что мы не в состоянии в этом труде, посвященном описанию и анализу современной конституции и современной деятельности СССР, передать всю историю его внешней политики, для чего потребовался бы самостоятельный трактат. Лиц, интересующихся этим вопросом, мы можем отослать к отчетам всесоюзных съездов коммунистической партии СССР, которые обычно можно получить на английском и французском языках. Кроме того имеются: подробная работа *Луи Фишера*, Советы в мировой политике (2 тома, 1930), *Михаила Т. Флоринского*, Мировая революция и СССР (1933, 264 стр.) и того же автора «Конец Российской империи» (Нью-Йорк 1931) и его статья в журнале «Политикал сайнс куортерли» (Нью-Йорк, июнь 1932); книги *Льва Троцкого*, Большевики и всеобщий мир, Нью-Йорк 1918, 238 стр. и «Перманентная революция», Нью-Йорк 1931 и «Коммунистический Интернационал после Ленина» с приложением к т. III его «Истории русской революции», его брошюра «Третий период ошибок коммунистического интернационала» (Париж 1930 г.). См. также книги: *Артура Розенберга*, История большевизма от Маркса до первого пятилетнего плана (1934, 250 стр.), *Е. Ярославский*, История коммунистической партии Советского Союза (Париж 1911), *П. Попов*, Очерк истории Всесоюзной коммунистической партии (перевод с 16-го русского издания, 1935 г., 2 тома) и *Арнольда Тойнби*, Ежегодный обзор международной политики за 1934 г. (1935 г.).

Мировая революция

Когда в октябре 1917 г. Ленин и его соратники захватили власть в свои руки, а также в продолжение нескольких последующих лет они были уверены в том, что мировая революция неизбежна. Они были убеждены, что пролетариат главнейших капиталистических стран, под давлением экономических бедствий, явившихся результатами мировой войны, окажется в силах поднять восстание против своих правительств и что, если им будут правильно руководить, то он будет в состоянии захватить в свои руки власть. В 1919 г., когда стали известны навязанные странами-победительницами мирные договоры, широкие массы трудящихся находились под благоприятным впечатлением известий, идущих из Москвы и Петрограда, о широко идущих мероприятиях национализации и об установлении контроля пролетариата над промышленностью. Говоря словами одного немецкого писателя, похоже было на то, что «в 1919—1920 гг. большинство рабочих-социалистов во Франции, Италии, Германии и в странах бывшей Австро-Венгрии стояли за союз с большевизмом. Сильные симпатии к большевикам имелись также и в балканских странах, в Скандинавии, Польше и в прибалтийских государствах»¹.

Третий Интернационал

Большевики в Москве не могли понять, почему германское правительство 1918 г., в котором доминировали социал-демократы и во главе которого стоял социал-демократический президент (Эберт), не превратило сразу же новую империю в социалистическое государство; еще более непонятным было для них и то, почему мятежное восстание спартаковцев 1919 г. было жестоко подавлено правительством, бывшим, по своему собственному признанию, социалистическим. Как раз в течение этих месяцев в Мюнхене и в Будапеште были образованы так называемые советские республики. И если эти республики не смогли удержаться, то их неудача может быть, вероятно, приписана недостаточной подготовке. Враждебное отношение иностранных правительств не прекратилось и после отзыва в 1920 г. с советской территории армий, которым эти правительства помогали и которых они субсидировали. Всеми мерами, кроме военных, правительства эти продолжали войну против коммунистической власти. Ленин и его соратники в свою очередь ташке продолжали оставаться в состоянии войны с капиталистическими

¹ Артур Розенберг, История большевизма от Маркса до первого пятилетнего плана, 1934, стр. 130.

странами. В течение всего периода времени, когда советское правительство отчаянно боролось со следовавшими одна за другой волнами интервенции иностранных государств, оно искало помощи у симпатизировавшего ему пролетариата Западной Европы. С этой-то целью в марте 1919 г. на конгрессе, созванном в Москве по радио, и был официально образован Третий, или Коммунистический, интернационал. Паспортные и прочие затруднения привели к тому, что на конгрессе присутствовала лишь маленькая горсточка иностранных делегатов с часто сомнительными полномочиями. Однако на II мировом конгрессе, состоявшемся в Москве в июле—августе 1920 г., присутствовало большое число должным образом аккредитованных делегатов почти из всех европейских стран, а также из Азии, Северной и Южной Америки. На этом конгрессе Ленин добился принятия тщательно разработанной схемы организации вновь зарождающихся коммунистических партий разных стран и их обязательного федерирования в Коммунистическом интернационале (Коминтерне), руководить которым должен был периодически собирающийся мировой конгресс делегатов, с постоянным исполнительным комитетом в самой Москве¹. Выработанные самим Лениным «Двадцать одно условие» для приема в Коммунистический интернационал каждой коммунистической партии тре-

¹ Полный текст «Двадцати одного условия» можно найти в книге В. Р. Батсел, Советская власть в России, 1926, стр. 762—767. Мы приводим здесь некоторые наиболее замечательные: «Каждая организация, желающая принадлежать к Коммунистическому интернационалу, обязана планомерно и систематически *удалять* со сколько-нибудь ответственных постов в рабочем движении (партийная организация, редакция, профессиональный союз, парламентская фракция, кооператив, муниципалитет и т. п.) реформистов и сторонников «центра» и ставить вместо них надежных коммунистов, не смущаясь тем, что иногда придется вначале заменять «опытных» деятелей рядовыми рабочими».

«Каждая партия, принадлежащая к Коммунистическому интернационалу, обязана вести упорную борьбу против Амстердамского «интернационала» желтых профессиональных союзов. Она должна настойчиво пропагандировать среди профессионально-организованных рабочих необходимость разрыва с желтым Амстердамским интернационалом. Она должна всеми средствами поддерживать зарождающееся международное объединение красных профессиональных союзов, примыкающих к Коммунистическому интернационалу».

«Они (коммунисты.—*Ред.*) обязаны *повсюду* создавать параллельный нелегальный аппарат, который в решающую минуту мог бы помочь партии исполнить свой долг перед революцией».

«По правилу, программы каждой партии, принадлежащей к Коммунистическому интернационалу, должны утверждаться очередным конгрессом Коммунистического интернационала или его Исполнительным комитетом».

«Долг распространения коммунистических идей включает в себя особенную необходимость настойчивой систематической пропаганды в войсках. Там, где эта агитация запрещается исключительными законами

бовали полного и гласного разрыва со всякими организациями зараженными реформизмом или симпатизирующими парламентской демократии, и одновременно решительного исключения отдельных членов, которые колебались, сомневались, уклонялись от решения организовать «нелегальную деятельность», и тех, которые говорили или голосовали против предложения принять программу или просить о присоединении (к Коминтерну.—*Ред.*). То, что Ленин внезапно и без предварительной подготовительной пропаганды стремился создать в каждой из стран мира, близко напоминало строго дисциплинированную партию профессиональных революционеров, которую он терпеливо и кропотливо строил из подпольщиков и русских эмигрантов, находившихся под его влиянием в течение 12 лет—с 1903 до 1914 г. Созданные таким образом во всех странах мира коммунистические партии должны были под руководством Коминтерна в Москве быстро осуществлять последовательные революции в одной стране за другой.

«Попытка Ленина организовать в 1919—1920 гг. революцию в Европе,—читаем мы¹,—была великолепным экспериментом. Однако, прежде чем он мог удался, предстояло преодолеть гигантские трудности. Традиции рабочего класса в (Западной) Европе были, без исключения, демократическими в том смысле, что рабочая политика могла решаться лишь в полном соответствии с правом свободного самоопределения масс. Поворот пролетариата от политики реформ к политике революции казался возможным только при условии, если массы сначала изменят свое мнение, а затем найдут подходящее средство для его выражения. На деле же надо было проводить—со всей возможной быстротой—как раз диаметрально противоположную политику. В каждой стране должен был быть организован революционный партийный комитет, облеченный диктаторскими правами над членами партии и пользующийся бесспорным авторитетом среди масс; этот партийный комитет и должен был совершать революцию».

она должна производиться нелегально. Отказ от такой работы был бы равносителен измене революционному долгу и несовместимости с принадлежностью к III Интернационалу».

«Партии, желающие принадлежать к Коммунистическому интернационалу, обязаны признать необходимость полного и абсолютного разрыва с реформизмом и с политикой «центра» и пропагандировать этот разрыв в самых широких кругах членов партии. Без этого невозможна последовательная коммунистическая политика».

«Все постановления съездов Коммунистического интернационала, как и постановления Исполнительного комитета, обязательны для всех партий, входящих в Коммунистический интернационал» («Коминтерн в документах», Партиздат, 1933, стр. 101—103.—*Ред.*).

¹ А. Розенберг, История большевизма, 1934, стр. 143.

Первоначальный успех Коминтерна

Несмотря на все трудности, Коминтерн на первых порах имел известный успех. Зиновьев, который был избран председателем Коминтерна, присутствовал на германском социал-демократическом конгрессе в Галле, в октябре 1920 г. Его четырехчасовая блестящая остроумная речь быстро привлекла сочувствие большинства делегатов, которые после этого образовали «великую, новую, единую коммунистическую партию». Во Франции большинство делегатов на конгрессе социалистической партии приняли «Двадцать одно условие» и образовали французскую коммунистическую партию. Напротив, в Италии обе секции итальянской социалистической партии, возглавляемые соответственно Турати и Серрати, отвергли эти условия, итальянская коммунистическая партия была образована лишь группами меньшинства. В Англии лишь незначительные кучки сочувствующих тому, что им стало известно из протоколов II мирового конгресса Коммунистического интернационала, собрались для учреждения британской коммунистической партии¹.

Ни одна из этих коммунистических партий даже близко не подошла к тому, чтобы обеспечить вступление в партию большинства трудящихся своей страны или хотя бы дружественное сотрудничество различных существующих массовых организаций, как например, профессиональных союзов, кооперативных обществ или социалистических групп. Естественно поэтому, что ни одна из них не предприняла даже попытки совершить революцию. Однако усилия Ленина заручиться международной поддержкой в его отчаянной борьбе за сохранение большевистской революции в России не были совершенно бесплодными. Хотя в 1920 г. Московский Коминтерн и призванные им к жизни коммунистические партии и не осуществили мировой революции, но рабочие и их вожди стали более живо понимать надежды и перспективы революции в самой России и скандальность незаконных военных интервенций, проводимых в России полудюжиной капиталистических стран, стремившихся раздавить большевиков. В Англии попытка правительства послать в 1920 г. военное снаряжение и амунизию армиям, выступавшим против большевистского правительства, была решительно приостановлена народной демонстрацией и угрозой забастовок. Как во Франции, так и в Англии настроение общественного мнения укрепило растущее раздражение правительства против патронируемых им белых армий, которые ни разу не добились сколько-нибудь существенного успеха.

¹ В Китае коммунистическая партия была образована в мае 1920 г.; к этому мы ниже вернемся.

Вплоть до голодного года (1921) руководители большевиков ждали от стран Запада помощи в виде народных восстаний против своих правительств, которые продолжали оставаться враждебными по отношению к коммунистическому государству. Еще в конце 1920 г., когда вторгшиеся без всякой причины поляки были отброшены Красной армией и прогнаны назад к предместьям Варшавы, советское правительство надеялось, что ему будет оказана помощь в виде пролетарских восстаний не только в польских городах, но также и в германских промышленных центрах. Максимум, что выиграли советские вожди,—это то, что британское правительство сочло на этот раз возможным оказать полякам лишь дипломатическую поддержку, а французское правительство не рискнуло на большее, чем ссудить полякам в качестве советника одного компетентного генерала. Когда стало совершенно ясно, что никаких народных восстаний ни у немцев, ни у поляков не будет, Ленин в 1921 г. настоял на заключении мира даже ценой отдачи Польше клочка советской земли.

Действительно, в 1921 г. Ленин понял, что на неизбежность мировой революции рассчитывать нельзя и что она, видимо, откладывается на неопределенное время. Он разъяснил тогда, что из «закона неравномерного развития» капиталистических стран почти неизбежно следует, что ожидаемая пролетарская революция не может произойти одновременно во всех передовых индустриальных странах и что максимум, на что можно надеяться,—это на ряд следующих одна за другой революций в течение определенного периода. Коммунистическое «всемирное государство», которого бесплодно ждали некоторые энтузиасты, просто растаяло, как мираж.

Советский Китай

Несколько больший успех был, повидимому, достигнут в Китае. Приводим следующую выдержку из беспристрастного отчета 1932 г. комиссии Литтона по манчжурской проблеме: «Манифест советского правительства от 25 июля 1919 г., объявлявший о его готовности отказаться от всех привилегий, которые прежнее царское правительство вырвало у Китая, произвел благоприятное впечатление во всем Китае, особенно в среде интеллигенции. В мае 1920 г. была официально основана китайская коммунистическая партия. Особенно сильная пропаганда велась в рабочих кругах Шанхая, где были организованы «красные синдикаты». В июне 1922 г. на своем втором конгрессе (китайская) коммунистическая партия, насчитывавшая тогда не более 300 членов, вынесла решение о присоединении к гоминдану. Доктор Сун Ят-сен, хотя и противник коммунистической док-

трины, согласился все же принять отдельных китайских коммунистов в партию. Осенью 1922 г. советское правительство послало в Китай миссию во главе с доктором Иоффе. Важные совещания, которые имели место между ним и доктором Сеном, привели к совместной декларации от 26 января 1923 г., в которой давалось заверение в советской дружбе и обещание оказать поддержку в деле национального объединения и независимости Китая. С другой стороны, в декларации было ясно указано, что в данное время и при существующих обстоятельствах ни коммунистическая организация, ни советская система правления в Китае не могут быть установлены. После этого соглашения в конце 1923 г. из Москвы был послан в Китай ряд военных и гражданских советников, которые произвели под наблюдением доктора Сена изменение внутренней организации гоминдана и кантонской армии. На первом национальном конгрессе гоминдана, созванном в марте 1925 г., был официально согласован вопрос о принятии в партию китайских коммунистов при условии, что эти последние не будут в дальнейшем принимать никакого участия в подготовке пролетарской революции. Так начался период терпимости по отношению к коммунизму...

Этот период длился с 1924 по 1927 г. В начале 1924 г. коммунисты насчитывали примерно 2 тыс. приверженцев, число членов в красных синдикатах достигало, примерно, 60 тыс. Но скоро влияние коммунистов внутри гоминдана стало настолько значительным, что ортодоксальные члены партии встревожились. В конце 1926 г. коммунисты представили Центральному комитету проект, который шел настолько далеко, что предлагал национализацию всей земельной собственности, исключая собственность рабочих, крестьян и солдат, реорганизацию гоминдана; устранение всех враждебно настроенных по отношению к коммунизму военных руководителей и вооружение 20 тыс. коммунистов и 50 тыс. рабочих и крестьян. Этот проект был, однако, отвергнут, и коммунисты перестали поддерживать кампанию гоминдана против северных милитаристов, хотя до этого они были крайне активными в деле организации национальных сил. Позже коммунисты вновь приняли участие в этой кампании, и когда северная экспедиция достигла Центрального Китая и образовала Национальное правительство в Ухани в 1927 г., коммунистам удалось занять в нем решающую позицию, поскольку лидеры националистов не были склонны объединиться с ними, пока их собственные силы не заняли Нанкина и Шанхая. Уханьское правительство провело в провинциях Хунани и Хубэй ряд чисто коммунистических мероприятий. Национальная революция достигла, таким образом, стадии, когда она почти была превращена в революцию коммунистическую.

Лидеры «националистов», наконец, решили, что коммунизм

стал слишком серьезной опасностью, чтобы его можно было более терпеть. Как только они прочно обосновались в Нанкине, где 10 апреля 1927 г. было образовано новое правительство, была выпущена прокламация, в которой нанкинское правительство приказывало немедленно очистить армию и гражданский аппарат от коммунистов. 5 июля большинство центрального комитета гоминдана в Ухани, которое до этих пор отказывалось присоединиться к националистическим лидерам в Нанкине, приняло резолюцию об исключении коммунистов из гоминдана и дало распоряжение советским советникам покинуть Китай. В результате этого решения гоминдан вновь обрел единство и правительство в Нанкине получило всеобщее признание партии»¹.

...В течение периода терпимости некоторые военные части перешли на сторону коммунизма. Когда националистическая армия маршировала на север, эти части были оставлены в тылу, главным образом в провинции Цзяньси. Чтобы координировать действия этих частей и убедить их начать действие против национального правительства, были посланы коммунистические агенты. 30 июля 1927 г. гарнизон Наньчжана—столицы провинции Цзяньси, вместе с некоторыми другими военными частями восстал и подверг население бесчисленным насилием. Однако 5 августа восставшие были побеждены правительственными войсками и отошли на юг. 11 декабря коммунистическое восстание в Кантоне на два дня передало власть над городом в руки коммунистов. Нанкинское правительство считало, что в этих восстаниях принимали активное участие официальные советские агенты, и приказом от 12 декабря 1927 г. все консулы СССР в Китае были лишены экзекватуры². Дипломатические отношения ме-

¹ Этот благопристойный отчет не упоминает об ужасном характере репрессий, которым подверг коммунистов гоминдан. Судя по другим отчетам, не подлежит сомнению, что тысячи коммунистов были казнены без суда, часто с применением возмутительных пыток и насилий.

² Что осталось от коммунизма в Китае, точно неизвестно. В продолжение последних пяти лет там шли почти непрерывные бои между войсками нанкинского правительства и «красными» армиями. Первые неизменно одерживают победы, и территория, на которой господствует «советский Китай», неуклонно уменьшается. Но в течение всего этого периода десятки миллионов населения все же продолжают находиться под эгидой советского Китая. Приводим следующую выдержку из книг Питера Флеминга, которого «Таймс» послал в Китай для выяснения положения: «В 1931 г. коммунизм в Китае стал национальной проблемой. Попытки нанкинского правительства разрешить эту проблему делались с каждым годом все более решительными, хотя и не более удачными. Была объявлена Китайская советская республика, которая контролировала и продолжает контролировать и поныне территорию, постоянным ядром которой является центральная и южная часть Цзяньси и западный Фуцзянь, но которая в некоторые периоды расширялась и обнимала часть Хунани, Гуандуня и Хубэя... Несчастье Китая—в его неэффективности;

жду обоими правительствами были восстановлены лишь в 1932 г. Следует, однако, отметить, что с 1927 г. никакого вмешательства в пользу советского Китая ни со стороны советского правительства, ни даже со стороны Коминтерна не имело места.

китайские коммунисты, однако, неэффективностью не страдают. Красная территория контролируется—и строго контролируется—центральный правительством, местопребыванием которого является «столица» Сюйкин... Форма правления похожа на русскую: наверху стоит партия, руководимая небольшим Центральным исполнительным комитетом. Территория, находящаяся под контролем этого правительства, разделена на области, управляемые местными советами, во главе которых стоят члены (коммунистической) партии. Вся земля обобществлена. Когда коммунисты приходят в деревню, первое, что они делают,—это выдергивают все межевые знаки... Затем земля (включая церковные земли и кладбища) перераспределяется. Вся торговля продуктами ведется через посредство центрального государственного аппарата. Крестьяне, живущие в красной области, платят за свой рис и свинину дешевле, чем крестьяне, живущие за пределами этой области. Организован один центральный и два местных банка; выпущены банкноты и разменные монеты. На банкнотах изображена голова Ленина, на монетах—серп и молот. Прогрессивный налог взимается в зависимости от размера доходов... Во главе красной армии Чжу-Дэ, опытный и способный генерал, прошедший, как говорят, немецкую выучку. Его политический советник Мао Цзе-дун—одаренный и фанатичный 35-летний молодой человек, страдающий неизлечимой болезнью. Эти двое стали почти легендарными, и когда говорят о высшем коммунистическом командовании, то обычно говорят Чжу-Мао. Помимо красной армии в Цзяньси, в южном Хубэе под ружьем имеется еще около 5 тыс. коммунистов и большая кочующая армия, которая проложила себе дорогу до границ Сычуани, после того, как осенью 1932 г. она была вытеснена из Хубэя... Все части красной армии снабжены радиоаппаратами. Новизна коммунистического движения в Китае состоит в том, что в стране, где последнее слово всегда оставалось за человеком с большой палкой, армия не правит и не может править, как это имело бы место, если бы это движение представляло собой, как это изображают оптимисты, случайное сборище недовольных и разбойников. Власть центрального правительства (другими словами, партии) абсолютна, ибо партия просачивается, по русскому образцу, во все отрасли военной и гражданской жизни. На спице каждого колеса стоял и стоит партиец. Бунт военной части, восстание в районе невозможны, пока имеются офицеры и чиновники, которые видят нарастание недовольства, доводят о нем до сведения партии и должны его задуть в зачатке.

Более того, опять-таки по русскому образцу, каждый человек является членом взаимно перекрывающихся организаций, каждая из которых находится под контролем и наблюдением партии. Будь он член (скажем) лиги молодежи, союза фермеров, революционного крестьянского общества или энского отряда красной армии, каждый оказывается пойманным кошачьими когтями обязательств и ему угрожают тучи наказаний. Даже сами члены партии находятся под наблюдением контрольных комиссий, работающих инкогнито и докладывающих Центральному исполнительному комитету... Как видно из дальнейшего, много зависит от личных качеств руководителей. Последние в большинстве своем, видимо, молодые китайские студенты (во всем движении огромный упор делается на молодежь). Многие из них учились в Ленинском университете в Москве или в аналогичном учебном заведении меньшего масштаба в Хабаровске... Не подлежит никакому сомнению, что уровень способностей руководи-

Реконструкция Советской России

Между тем практичный Ленин решительно обратился к задаче внутренней перестройки социальной организации и, в особенности, к реорганизации обрабатывающей промышленности. Чтобы получить временную передышку, он не побоялся новой экономической политики, которую он провел на X съезде коммунистической партии в 1921 г., хотя этим он уступил русским капиталистам некоторые позиции в торговле и даже—в небольшом размере—в обрабатывающей промышленности, откуда они были решительно изгнаны в период военного коммунизма. Состоявшийся в ноябре 1922 г. IV конгресс Коминтерна, которому Ленин представил тщательно разработанный доклад, озаглавленный «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции», посвященный в основном защите нэпа, не возражал ни против новой политики Ленина, ни против шагов, сделанных им в направлении реконструкции промышленности. Реконструкция крупной обрабатывающей промышленности вызвала необходимость значительного ввоза машин и даже некоторых видов сырья. Уже в марте 1921 г. советское правительство подписало торговое соглашение с Великобританией, за которым в течение того же года последовало заключение аналогичных соглашений и с другими европейскими странами.

Международные конференции

В апреле и мае 1922 г. представители советского правительства впервые появились на важной международной конференции в Генуе, на которой Чичерин, народный комиссар по иностранным делам, изумил делегатов других стран, секретно заключив с Германией далеко идущий Раппальский договор. Чичерин также присутствовал и на Лозаннской конференции 1923 г., созванной для достижения общего соглашения с Турцией, и условно присоединился к соглашению, которым Дарданеллы были формально демилитаризованы. В феврале 1924 г., непосредственно после смерти Ленина, правительство Великобритании признало советское правительство де-юре, и в течение этого же года то же было сделано и правительствами Италии

.....
телей высок, и несомненно, что большинство из них искренно. Вероятно, в красных областях меньше коррупции, чем в любой другой области Китая такого же размера».

Для ознакомления с более полным, хотя и менее достоверным, отчетом об этих событиях, мы отсылаем к книге *Виктора А. Яхонтова*, Китайские советы, Нью-Йорк 1934, 296 стр. Живое описание личных впечатлений в Ханькоу в 1927 г., сопровождаемое отзывом М. М. Бородина, приведено в интересной книге, озаглавленной *Дж. Винсента Шин*, В поисках истории, 1935.

и Франции. Между тем реконструкция советской добывающей и обрабатывающей промышленности подвигалась вперед быстрыми шагами. При этом покупка за границей оборудования и машин оплачивалась за счет вывоза леса и мехов.

Социализм в одной стране

Конечная цель и определение этой политики внутренней реконструкции не были популярно разъяснены вплоть до осени 1924 г., когда Сталин бросил лозунг «Социализм в одной стране». Лозунг этот означал, что, ввиду того что мировая революция не разразилась, СССР обязан превратить себя в преуспевающее и процветающее социалистическое государство, которое будет служить примером и образцом для пролетариата всего мира.

После того как были опубликованы новые принципы большевистской политики, последовали—и это должно удивить тех, кто думал, что СССР задыхается под игом непреклонной диктатуры,—три года непрекращающихся публичных дискуссий. Вылились они в различные формы. Неоднократно велись дебаты в главнейших законодательных органах, как в Центральном исполнительном комитете (ЦИК) Всесоюзного съезда советов, так и в Центральном комитете коммунистической партии. Горячие дискуссии шли во многих местных советах и в местных партийных организациях. Появилась богатейшая литература—книги и брошюры,—которых цензура не задерживала и которые, фактически, выпускались государственными издательствами, охватывая, по словам одного лица, близко стоявшего к этому делу, буквально тысячи печатных страниц.

Среди всех участников дискуссии, которые группировались и перегруппировывались в различных комбинациях, двумя

¹ Михаил Т. Флоринский, *Мировая революция и СССР*, 1933, стр. 130.

Мы не имеем возможности в этом очерке конституционного строя и тенденций современного развития Советского Союза (1935 г.) отдать должное революционной карьере Льва Троцкого и его значительным заслугам, которые в течение последних семи лет были затемнены немилостью тех, кто был его противниками и кем он был побежден. Может создаться представление, что в основных разногласиях 1925—1929 гг. он имел преимущества перед своими противниками в цитировании текстов, даже если, судя по последующим событиям, он и был неправ в своих прогнозах и не был похож на государственного деятеля в своих определенных предложениях.

Исследователю, который стремится разобраться в различных фазах этих продолжительных споров, следует начать с чтения всех печатных изданий и отчетов о речах Сталина и Троцкого, которые он может достать. Затем он может ознакомиться с такими хрониками, к сожалению не беспристрастными, как *Е. Ярославский*, *История Всесоюзной коммунистической партии, Париж 1931* (на франц. языке), *Н. Попов*, *Очерк истории Коммунистической партии Советского Союза*, перевод с 16 русского изд., 2 тома.

центральными фигурами были Сталин и Троцкий. В связи с этим в настоящее время пытаются приписать всю эту борьбу темпераментной непримиримости этих двух соперничавших между собою претендентов на наследие Ленина. Однако эти дебаты имели существенное значение, во всяком случае до тех пор пока они не были окончательно и авторитетно разрешены пленумом Центрального комитета партии в апреле 1925 г. Это решение в свою очередь было подтверждено после новой дискуссии—четырнадцатым и пятнадцатым партийными съездами в октябре 1926 г. и декабре 1927 г.¹.

В чем состояли разногласия

Трудность разобраться в том, «в чем же было дело», усугубляется характерным методом спора, который был принят обеими сторонами. Вопрос не ставился о том, «какая политика представляет больше преимуществ или имеет больше шансов на успех», а о том, «какова была точка зрения Маркса, Энгельса и самого Ленина; и что именно хотели сказать эти авторитеты той или другой цитатой, открытой в их многотомных трудах». В настоящее время совершенно очевидно, что никто из них не охватил полностью и непосредственно всей этой проблемы даже в свете всех экономических, социальных и политических факторов, какими они представлялись в 1845 или 1905 г. Конечно, ни один из этих великих авторитетов не мог иметь представления о пополнении вещей, каким оно было в 1925 г., что единственно и могло иметь отношение к обсуждаемому вопросу. Не взывая тщетно к сошедшим в могилу авторам, за что цеплялись участники дискуссии, мы попытаемся проанализировать проблему, как она представляется нам сама по себе.

Четыре аргумента троцкистов

Троцкий, а вместе с ним и много талантливейших и наиболее ответственных большевиков держались взгляда, почерпнутого ими у Маркса и Энгельса, что невозможно надежно в на длительное время установить социализм в какой-либо

¹ После этих решений Троцкий продолжал упорствовать в своей агитации, пытаясь побудить своих сторонников к сопротивлению, и поведение его стало явно мятежным. Это упорство, после того как партия приняла по отношению к нему окончательное решение, и привело к его изгнанию в Алма-Ату в начале 1928 г., а затем в начале 1929 г. в Константинополь. Его собственную версию хода событий можно проследить в следующих изданиях 1929—1930 гг.: «Защита СССР и оппозиция», Париж 1929, 84 стр. (на русск. языке); «Третий период ошибок Коммунистического интернационала», Париж 1930, 84 стр.: «Перманентная революция», Берлин 1930, 186 стр., то же на англ. языке, Нью-Йорк 1931.

одной стране. Одной из основ этого взгляда был экономический аргумент, который Маркс и Энгельс выдвинули в 1847 г. Это яснее всего сказано у Энгельса в документе от 1847 г., который был опубликован в Москве лишь в 1923 г. «Крупная промышленность,—писал Энгельс,—уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собою все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого... Крупная промышленность так уравнивала общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними—главной борьбой нашего времени. Поэтому коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии... Она окажет также значительное влияние на остальные страны мира и совершенно изменит и чрезвычайно ускорит их прежний ход развития. Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену»¹.

На это можно теперь ответить, что губительное влияние иностранной капиталистической конкуренции на зарождающуюся промышленность СССР, которая не могла бы продавать свою продукцию по таким низким ценам, как другие страны, а также возможное катастрофическое обесценение валюты и изменение цен, которые могли быть вызваны валютными манипуляциями заграницы,—обе эти опасности были устранены планом, который уже был принят большевиками (но о котором ни Маркс ни Энгельс никогда и не мечтали), жесткой государственной монополии всей внешней торговли и абсолютным запретом всякого ввоза и вывоза советской валюты. Этот план экономических отношений с внешним миром и в дальнейшем продолжал оставаться вполне успешной мерой защиты.

Другой аргумент, который выдвигался для того, чтобы доказать, что социализм в одной стране невозможен, заключался в том, что в том случае, если бы социализм и был на время установлен, то его нельзя было бы защитить от совместного наступления, которое капиталистические страны неизбежно повели бы для его разрушения. Ответ на это, как теперь кажется, ясен. Опасение, вероятность и даже несомненность такого нападения на первое социалистическое общество не имели и не имеют никакого отношения к вопросу. Возражавшие настаивали на отказе от всех попыток промышленной реконструкции СССР

¹ Из рукописи Энгельса «Принципы коммунизма», черновой набросок, которым пользовался он сам и Маркс, подготовляя «Коммунистический манифест» 1848 г. Он не был опубликован до появления нового издания русского перевода «Коммунистического манифеста» в 1923 г. (Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 476.—Ред.).

и на продолжении состояния нищеты и периодических голодовок, ожидая, пока в капиталистических странах произойдет социалистическая революция; между тем ясно, что чем больше были бы успехи СССР в области промышленной реконструкции, тем больше становилась бы его способность противостоять нападению. Отказ от реконструкции крупной промышленности означал бы невозможность всякой эффективной защиты от повторных интервенций иностранных армий.

Выдвигались еще два возражения против политики Сталина, которые заслуживают быть отмеченными. Отрицалось, что обобществление всех важнейших средств производства наряду с общественным распределением товаров и быстро развивающейся системой социального обслуживания представляет собой шаг на пути к установлению социалистического государства. Утверждалось, что все это вместе взятое равносильно государственному капитализму и соответствует формам, уже частично принятым парламентскими демократиями. В этом возражении звучит отголосок старой утопической концепции социализма, близкой к философскому анархизму Кропоткина,—мечта об обществе без тягостных международных осложнений, без обдуманной организации образования и народного здравоохранения, без централизации, необходимой в многолюдном обществе при современных путях сообщения, без внешней торговли, без электричества, без сложной механизации сельского хозяйства, что единственно и обеспечивает экономическую устойчивость,—коротко говоря, без тех средств, которые необходимы теперь любому обширному обществу для того, чтобы вести цивилизованную жизнь. Тем, кто говорит «это не социализм, а только государственный капитализм»,—а такие люди еще имеются в СССР, как и в других странах,—можно сказать, что каждый волен называть вещи так, как ему нравится. То, что пролетариат во всех странах понимает под социализмом,—это уничтожение помещиков и капиталистов вместе со стимулом наживы, коллективное владение в условиях социального равенства и организация всеобщей обеспеченности путем надлежащей постановки дела социального обслуживания.

Наконец, последнее возражение, которое мы можем выделить в дискуссиях 1924—1927 гг., сводится к тому, что стремление к построению социализма в одной стране означает измену мировому пролетариату, которому была подана надежда на мировую революцию.

Это политика, заявлял Троцкий, узкого национального эгоизма, недостойная последователей Ленина, Энгельса и Маркса. Говорили, что будет гораздо лучше посвятить всю энергию СССР задачам Коминтерна. Утверждали, что правильная коммунистическая политика состоит в активном поощрении пролетарских

восстаний во всех странах, в возбуждении забастовок и колониальных мятежей, в революционизировании войск и в возможном захвате власти путем насильственной революции в одной стране за другой. Ответ был ясен. Опыт пяти лет показал к 1924 г., что как в Западной Европе, так и в Соединенных штатах имеется мало надежды на быстрый успех в этом направлении. В конце концов, революция в какой-нибудь стране может быть совершена лишь населением этой страны. Разве не большее впечатление на умы трудящихся любой передовой индустриальной страны и на угнетенные народы каждой капиталистической колонии произвело бы, если бы социализм был успешно установлен в одной великой стране, если бы было ясно показано, что можно обойтись без помещиков и капиталистов, и если бы все увидели, что всякая семья, независимо от цвета кожи и расы, класса и положения, пользуется социальным равенством и экономической обеспеченностью в этой стране? Построение социализма в одной стране было в действительности само по себе наиболее многообещающим средством вызывать пролетарские революции где бы то ни было и пропагандировать коммунистические теории так, что самим капиталистическим странам оказалось бы трудно отнекиваться от них.

От войны к миру

Мы считаем, что в 1928 г. произошло успешное изменение политики советского правительства в его внешних сношениях—переход от мер враждебности (главным образом через Коминтерн) к мерам мирным, проводимым самим правительством СССР. Начиная с этого времени, внимание советских руководителей было во все возрастающей степени поглощено гигантской задачей построения в своей стране добывающей и обрабатывающей промышленности. В этом деле они шли от успеха к успеху. Их задача оказалась на деле более трудной, чем это предполагалось вначале. Коллективизация и механизация сельского хозяйства, за которые серьезно взялись в 1928—1929 гг. в надежде постепенно ликвидировать угрозу голода, привели к ожесточенной борьбе с упорствовавшими крестьянами, борьбе, которая в течение нескольких лет требовала максимального напряжения всех сил правительства и партии и не позволяла разбрасывать силы за границы. В то же время становилось все более и более ясным, что именно успехи, достигнутые в деле повышения жизненного уровня в СССР, а не махинации Коминтерна и местных коммунистических партий оказали влияние на поворот к коммунизму рабочих Англии и Франции. Более того, с наступлением великого кризиса 1929 г. в общественном мнении Западной Европы и Соединенных штатов, особенно среди дельцов и даже среди экономистов, наметился перелом. Многие влиятельные люди

начали серьезно терять веру в капиталистическую систему, которая раньше казалась такой незыблемой. Большевики начали понимать, что они находятся в выгодном положении по отношению к внешнему миру, и что их аргументы, видимо, начинают одерживать верх как среди мыслителей, так и среди трудящихся, и что требуется лишь неопровержимо демонстрировать продолжающиеся экономические успехи СССР для того, чтобы обратить в советский коммунизм значительную часть населения любой капиталистической страны.

В течение последних семи лет (1928—1935) советское правительство неуклонно стремилось через посредство своего министерства иностранных дел (Наркоминдел) и через своих дипломатических представителей к установлению подлинно мирных отношений со всеми иностранными государствами. По отношению к Японии, которая повинна в ряде провокаций, в агрессивных пограничных инцидентах, в спорах о рыболовстве и в неоднократном дурном обращении с советскими должностными лицами, служащими на находящейся в совместном владении железной дороге в Манчжурии, советское правительство показало благородную выдержку, необычную для правительства. Оно в конце концов продало железную дорогу японскому правительству, которое этого домогалось, на самых легких для последнего условиях. В то же время в качестве лучшего средства предотвращения нападения оно огласило размеры своих оборонительных приготовлений, сосредоточило большое количество бомбовозов и стянуло войска и все необходимые военные припасы вдоль линии Сибирского пути. Сверх того, весь Дальневосточный край в целом, со всем его гарнизоном, стал способным полностью удовлетворять все свои потребности в военном снаряжении и прочих необходимых запасах, даже в том случае, если бы оказался на целый год отрезанным от остальной части СССР. Эти меры защиты, видимо, достигли своей цели. Японский генеральный штаб, кажется, признал, что эти меры лишили предполагавшееся вторжение всяких шансов на успех. В отношении всех других стран советское правительство проводило политику примирения. Литвинов, бывший с 1930 г. бесценно на посту народного комиссара по иностранным делам, неоднократно информировал дипломатический мир, что советское правительство полностью приняло точку зрения, согласно которой вопрос о внутренней организации всякой страны—это вопрос, который решается населением этой страны, и что нет никаких оснований для того, чтобы нации с различными экономическими и политическими системами не могли жить в дружбе между собой. Советское правительство со спокойной настойчивостью заключало пакты о ненападении с теми из своих соседей, которые соглашались присоединиться к этим пактам. Сделали

это все, кроме Японии и Германии. Оно вступило в Лигу наций и стало играть руководящую роль в ее работе. Оно использовало весь свой вес, пытаясь обеспечить всеобщее ограничение вооружений. Оно даже получило признание Соединенных штатов. С приходом к власти в Германии Гитлера, с его никогда им не отрицавшимся проектом территориальной экспансии на восток, советское правительство приветствовало заключение фактического союза для обоюдной защиты первоначально с Францией, а затем также и с Чехословакией с согласия и других членов Малой Антанты. Длинная речь Литвинова на заседании Центрального исполнительного комитета 29 декабря 1933 г.¹ была мастерским изложением состояния международных отношений между всеми странами мира, в котором подчеркивалась необходимость поддержания самых дружественных отношений между странами. «Мир неделим»—этот лозунг Литвинова облетел весь земной шар. Сам Сталин стал принимать с почетом и сердечностью иностранных министров, приезжавших один за другим в Москву в течение 1935 г. для укрепления дружественных отношений со страной, военная мощь и хозяйственное процветание которой наглядно сделали ее одной из великих держав мира. В уме искреннего исследователя не может остаться никакого сомнения в том, что политика советского правительства в области международных отношений, единодушно одобряемая всем населением страны, стала в настоящее время политикой мира и невмешательства².

¹ Английский перевод речи напечатан полностью в брошюре «Наша внешняя политика» (Кооперативное изд-во иностранных рабочих в СССР, Москва 1934).

² Один из враждебно настроенных критиков (*А. Роллен*, История русской революции, стр. 153—279) заметил, что на Ленина оказала сильное влияние мысль, почерпнутая им у Клаузевица, что война—это лишь продолжение при помощи других средств политики, проводимой в мирное время. Возможно, что не будет уж чересчур фантастичным усмотреть в произведенном советским правительством глубоком изменении характера своих международных отношений и в мирных мероприятиях, которое советское правительство стало проводить с 1929 г. и в течение последующих лет во все возрастающей степени, лишь продолжение, хотя и при помощи других средств, его прежней политики. Оно никогда не стремилось к враждебным действиям как таковым, но оно желало поворота других наций к коммунизму. Однако это, как было признано, могло быть скорее достигнуто в результате экономического прогресса СССР, которому серьезно повредила бы любая война и который мог бы служить образцом для других стран, а не распространять там восстания. То, что окончательно изменило позицию советского правительства,—это появление в течение последних трех лет трех мощных агрессоров (Япония с ее милитаристами, гитлеровская Германия и Италия Муссолини), одинаково стремящихся к приобретению новых территорий за счет «насыщенных держав», среди которых Советский Союз находится в одной группе с западными парламентскими демократиями и Соединенными штатами. Нависшая угроза войны, в которую может быть вовлечена вся Европа и в которой СССР может первым

В той мере, в какой советское правительство может устанавливать условия добрососедской жизни в своих международных отношениях, оно сделало это, осознав важность превращения себя в образцовую цивилизацию, которой весь мир будет стремиться подражать. При этом оно полагается исключительно на силу примера, как на самое многообещающее средство для распространения советских идей.

Эта новая точка зрения советского правительства на свои внешние отношения хорошо резюмирована в заявлении Литвинова, сделанном для французской прессы в июле 1933 г. Он изложил три основных принципа советской политики. «Во-первых, советское правительство не нуждается в землях и собственности, принадлежащих другим странам, а следовательно, оно и не имеет намерения вести с кем бы то ни было войну. Во-вторых, в условиях современного империализма всякая война неизбежно должна превратиться во всемирную кровавую схватку и бойню, ибо в современных условиях ни одна война не может быть локализована и ни одна страна не в состоянии сохранить нейтралитет, как бы она сильно ни пыталась это сделать. В-третьих, всякая война влечет за собой лишения и страдания в первую голову для широких масс, и правительство Советского Союза, которое является правительством трудящихся, является противником войны и ненавидит ее»¹.

Разрушительная тактика Коминтерна

Какова же в это время была политика Коминтерна и находящаяся под ее влиянием политика различных местных коммунистических партий в других странах? Мы полагали, что изучающий отчеты их заседаний сделает вывод, что вплоть до

подвергнуться нападению, заставляет Советский Союз стать на сторону тех капиталистических держав, которые в данное время стремятся противодействовать фашизму и сохранить мир на земном шаре.

¹ Следует напомнить, что в ответ на запрос правительства Соединенных штатов советское правительство в договоре от 1934 г. взяло на себя вполне определенные обязательства в отношении воинствующей пропаганды. «Литвинов,—говорит Чемберлин,—дал президенту Рузвельту точные заверения, не имеющие себе примера в советских переговорах на эту щекотливую тему с другими правительствами. В силу этих обязательств советское правительство обязалось: «не разрешать образования или нахождения на своей территории какой бы то ни было организации или группы—и не допускать на своей территории деятельности любой организации или группы, или представителей, или официальных лиц любой организации и группы, которые имеют целью свержение, или подготовку к свержению, или проведение насильственным путем изменения политического или социального порядка Соединенных штатов в целом или в какой-нибудь их части, или же на их территориях, или в подмандатных странах». В. Г. Чемберлин, Железный век России, 1935, стр. 235. Цитата передана в вольном изложении авторов. См. М. Литвинов, Внешняя политика СССР, стр. 256.—Ред.

конца 1934 г., во всяком случае, эта политика продолжала оставаться неизменной по духу и лишь в очень незначительной степени изменилась по существу. Эта политика была даже усилена Москвой. Шестой мировой конгресс Третьего Интернационала, который происходил в Москве в 1928 г. и который, видимо, был самым многолюдным из всех прежних конгрессов, был оживленным собранием людей, которые занимались на своих 46 продолжительных заседаниях нескончаемыми спорами по вопросу о том или другом источнике недовольства в связи с погрешностями и неудачами различных местных организаций¹. Доминирующую роль в этих дискуссиях играл Бухарин, который, очевидно, был рупором Сталина, о полном согласии с которым он открыто заявлял. Этот конгресс, читаем мы², выполнил важную задачу, дав международному коммунистическому движению законченную программу и «общие линии политики, которым должен следовать Коминтерн и коммунистические партии». Решения конгресса были занесены в необычайно обширную программу, насчитывающую почти 30 тыс. слов и по существу повторяющую «Коммунистический манифест» 1848 г., оживленный личными выпадами и оскорблениями по адресу большинства социалистических и рабочих лидеров Европы, которые остались вне коммунистической партии. Устав, обязательный для каждой коммунистической партии мира, был полностью пересмотрен. Этот устав со всей ясностью подчеркивал продолжение контроля над каждой присоединившейся к Коминтерну партией со стороны постоянного комитета в Москве и обязательство каждой партии подчиняться всем директивам, исходящим от этого комитета. «Программа», принятая конгрессом, официально предписывала в качестве последней стадии агитации коммунистической партии каждой страны «всеобщую забастовку совместно с вооруженным восстанием против государственной власти буржуазии». «Обязательной предпосылкой,—указывается в программе,—является усиленная революционная работа среди армии и флота». Во всей этой работе «легальные» методы должны сочетаться с методами нелегальными.

Таким образом мы не видим пока никакого значительного изменения политики по сравнению с политикой, принятой пре-

¹ «Программа Коммунистического интернационала» (Нью-Йорк 1929, 96 стр.) является лишь одним из многочисленных изданий на разных языках, дающим полный текст длиннейших резолюций и устава. Стенографический отчет всех 46 заседаний был напечатан в очередных номерах «Интернейшенел пресс корреспонденс» от июля по сентябрь 1928 г. (Полный комплект этих номеров на франц. языке можно получить в «Бюро дез-эдисион», Париж). Выступления и решения критически анализированы под особым углом зрения в книге *Михаила Т. Флоринского*, *Мировая революция и СССР*, 1934, стр. 264.

² *Михаил Т. Флоринский*, *Мировая революция и СССР*, 1934, стр. 176,

жными мировыми конгрессами. Новой чертой является ударение, которое делается на значении построения социализма в одной стране, в которой он был установлен, и на необходимости укрепить все остальные коммунистические партии настолько, чтобы они были в состоянии предотвратить любое нападение со стороны капиталистических правительств на Советский Союз и смогли бы их свергнуть путем вооруженного восстания, разложив войска. Имея в виду эту двоякую цель, коммунистические партии должны были продолжать вести борьбу с прочими рабочими организациями своих стран. Путем изобличения и охаивания социал-демократических и рабочих партий, упорствующих в тщетной парламентской борьбе, профессиональных союзов, занятых чисто экономическими вопросами, таких буржуазных интеллигентов, как философствующих анархистов, гильдейских социалистов и фабианцев, коммунистические партии должны были лишить всех этих лжепророков остатков поддержки со стороны рабочего класса, для того чтобы полностью объединить весь пролетариат в Коммунистическом интернационале. Таким путем рабочие всего мира должны были объединиться с целью свержения всех правительств, кроме правительства СССР, и посредством этого разрушения установить во всем мире коммунизм.

В период между 1928 и 1934 г. каждая из коммунистических партий имела свою пеструю историю судорожной агитации и непрерывных поражений. В течение семи лет ни разу не собирался мировой конгресс; созыв его часто объявлялся на следующий год, но каждый раз откладывался. В то же время президиум и секретариат Коминтерна продолжали вести оживленную переписку с каждой входящей в Коминтерн партией, ставя им по очереди на вид их неудачи в деле накопления сил и давая частые политические и тактические «директивы». Пленум Исполнительного комитета собирался регулярно два раза в год, когда удавалось обеспечить присутствие нескольких членов—представителей других стран. Достаточно сказать, что изучение отчетов этих заседаний показывает, что Москва продолжала предписывать ведение не только легальной, но и определенно нелегальной агитационной деятельности, которая, чем открыто хвалились, велась вопреки законам многих стран, с которыми правительство СССР состояло в дружественных отношениях, а также и не в меньшей степени в тех странах, с которыми у СССР еще не были установлены дипломатические отношения. Продолжали делаться попытки склонить на свою сторону солдат и матросов, разжигались политические забастовки, производились массовые демонстрации, настойчиво требовали (снизу) создания «единого фронта» со всеми организациями рабочего класса, а в то же время лидеров профессиональ-

ных союзов и социалистических партий попрежнему поносили и оскорбляли кличкой «социал-фашистов», не упускалась ни одна возможность попытки свергнуть правительства стран, с которыми Наркоминдел (советское министерство иностранных дел) в это время стремился развивать взаимные связи и выгодный для обеих сторон товарооборот. Таким образом, открыто признаваемая и упорная враждебность, принимающая все формы, кроме разве военных операций или вооруженных восстаний, стояла во все возрастающей степени в разительном противоречии с попытками Наркоминдела укрепить дружественные отношения СССР со всеми капиталистическими державами¹.

Ставим вопрос прямо: было ли целесообразным объединять лозунг «Правительства всех стран, соединяйтесь для защиты мира в Европе» с лозунгом Третьего Интернационала 1928 г. «Рабочие всего мира, соединяйтесь для свержения капиталистических правительств»?

Весьма возможно, что какой-то отзвук этих противоречивых тенденций в международной политике Советского Союза имел депрессивный эффект на агитационную деятельность коммунистических партий в их стремлении к мировой революции. Во всяком случае, после 1930 г. можно отметить, что хотя открытых заявлений о перемене политики не было и не выявлялось изменения настроений, но постепенно общая сумма деятельности как московского комитета, так и всех коммунистических партий Европы и Америки уменьшалась, число членов партий значительно падало. Наблюдается общее нежелание, против которого Москва не протестует, собраться на новый мировой конгресс; созыв этот с года на год откладывается. В течение всех семи лет с 1928 по 1934 не было никаких больших изменений ни в тоне высказываний Д. З. Мануильского, который после отстранения Зиновьева действовал как председатель Коминтерна, ни в печатных трудах других членов Коминтерна.

¹ Это тем более замечательно, что сам Сталин непрерывно был членом президиума Коминтерна, который является постоянным исполнительным органом, одновременно он состоит членом Политбюро коммунистической партии, с которым обязательно согласовывается внешняя политика Наркоминдела. Больше того, Д. З. Мануильский, который принимал деятельное участие в конгрессе 1928 г. и который заменил Зиновьева в качестве председателя Коминтерна, публично заявил, что «ни один важный документ международного значения не выпускался Коммунистическим интернационалом без самого живого участия в его составлении товарища Сталина» (Цитировано в книге В. Г. Чемберлина, Железный век России, 1935, стр. 178).

² См. О. Пятницкий и В. Кнорин, Мировой пролетариат на пути к новым решительным победам (Кооперативное изд-во иностранных рабочих в СССР, Москва 1934, 64 стр.); О. Пятницкий, Мировые коммунисты в действии, Лондон 1931, 64 стр.; Тезисы и резолюции XI Пленума,

Новая ориентация 1935 г.

Седьмой мировой конгресс Коммунистического интернационала, который, наконец, собрался в Москве в июле и августе 1935 г., во многом отличался от предыдущего конгресса 1928 г.¹ Число присутствующих было, повидимому, вдвое меньше, хотя официально представлены были коммунистические партии более чем 60 стран. Хотя Сталин появился на трибуне при открытии конгресса и был должным образом переизбран в президиум Коминтерна, он сам не выступал на конгрессе. Показательно, что отчет о работе всего Коминтерна и его Исполнительного комитета был сделан не Д. З. Мануильским, который исполнял обязанности председателя, а двумя другими членами (итальянцем Эрколи и немцем Пиком)². Все ведение конгресса было поручено не советскому государственному деятелю, а болгарину Димитрову, герою процесса о поджоге германского рейхстага; его пламенная речь, хотя и длилась в течение долгих часов, была выслушана с энтузиазмом. Именно Димитров предложил длинную резолюцию, в которой конгресс формулировал новую программу, и именно Димитров был избран секретарем Исполнительного комитета для проведения этой программы в жизнь. Одновременно было объявлено, что резолюция вместе с существующим уставом, куда конгресс не внес никаких изменений, переданы новому Исполнительному комитету для внесения тех изменений, которые могут оказаться необходимыми³.

За отсутствием окончательного текста программы и устава не представляется возможным точно определить те измене-

Париж 1931, 44 стр.; Тезисы и резолюции XII Пленума Исполнительного комитета коммунистического интернационала, Москва 1933, 36 стр.; О. Куусинен, Позиция Коммунистического интернационала перед лицом кризиса, войны и фашизма, Париж 1934, 88 стр.; Д. З. Мануильский, Назревает революционный кризис, речь на XVII съезде Всесоюзной коммунистической партии, Москва 1934, 70 стр.

¹ До опубликования официального отчета, за выступлениями на конгрессе можно проследить по очередным выпускам «Интернейшенел пресс корреспонденс» в течение июля и августа 1935 г., а также по неисправленным отчетам, напечатанным в «Москау дейли ньюз» за эти месяцы.

² Последний произнес длинную речь на пленуме Исполнительного комитета Коминтерна в декабре 1933 г., описывая приход к власти Гитлера. Вильгельм Пик, Борьба за советскую Германию, «Бюро-дез-едаш» сийон», Париж 1934, 96 стр.

³ Ироническим комментарием к двусмысленности широко распространенных речей мирового конгресса 1935 г. явилось то, что речи эти привели к возобновлению серьезных дипломатических протестов со стороны Соединенных штатов и некоторых других правительств против воинствующей пропаганды местных коммунистических партий. То, чего не сделала деятельность этих партий в течение нескольких последних лет, внезапно сделало преувеличенное самохвальство их делегатов на московском конгрессе, и притом как раз в тот момент, когда советские политические деятели стремились перейти от тактики войны к тактике мира! Эти-то публичные признания в мятежной деятельности, в силу их влияния на обще-

ния,—если вообще такие изменения были сделаны,—которые были внесены конгрессом в 1935 г. Мы приходим к выводу, что со стороны советских руководителей была сделана определенная попытка привести политику и тактику Коммунистического интернационала в целом и подчиненных ему местных коммунистических партий в большее соответствие с той линией политики, которую Советский Союз проводил через своего комиссара по иностранным делам. Отметим, что Димитров подчеркивал необходимость отказаться от привычки чернить всех социал-демократических профсоюзных лидеров, не входящих в местные коммунистические партии, и что он особенно порицал оскорбительный прием называть их «социал-фашистами». Он твердо настаивал на том, чтобы во всех странах парламентской демократии коммунистические партии искренне сделали попытку действовать сообща с этими лидерами и их организациями для совместной борьбы против фашизма, который, в различных формах в разных странах, является непосредственным врагом всего рабочего движения. Этот «единый фронт» должен создаваться не «снизу», путем возбуждения масс против своих лидеров, но «сверху», путем убеждения этих лидеров в срочной необходимости этих мер для того, чтобы рабочее движение уцелело¹. В то же время, однако, Димитров как будто настаивал,—возможно, что это было лишь уступкой предрассудкам его слушателей,—чтобы местные коммунистические партии, протягивая руку дружбы профессиональным союзам, рабочим и социалистическим партиям для отпора фашизму, а возможно, также и для стимулирования более тесных отношений между правительствами этих стран и правительством СССР, должны, тем не менее, продолжать в своих странах активную пропаганду за полную коммунистическую революцию, которая почти неизбежно влечет за собой вооруженное восстание. Будут ли те или

ственное мнение, и заставляют иностранные правительства отказываться от дружественного сотрудничества с советским правительством и могут довести до разрыва дипломатических отношений.

¹ Эта новая политика «единого фронта сверху» для отпора фашизму может означать важное достижение. Фашистские демонстрации на улицах Парижа в феврале 1934 г., приведшие к отставке правительства Даладе и замене его «национальным правительством» Думерга, серьезно встревожили все организации рабочего класса. После длительных совещаний лидерами коммунистической и социалистической партий был подписан 27 июля 1934 г. «Пакт единого действия» для ведения общей кампании в защиту демократических свобод, для предотвращения подготовки новой войны, для отмены министерских декретов (изданных без одобрения парламентом) и для борьбы с фашистским террором в Германии и в Австрии. В течение этой объединенной кампании обе партии отказываются от взаимных нападок и от критики друг друга, но в то же время каждая партия сохраняет свободу пропаганды и вербовки членов, «воздерживаясь при этом от взаимных оскорблений». *Александр Верт*, Франция в брожении, 1934, стр. 285 (на англ. языке).

другие предложения Димитрова включены в программу и в устав, пересмотренные Исполнительным комитетом, к моменту написания этой книги неизвестно.

Если верен наш вывод о том, что советские государственные деятели сделали попытку произвести радикальное изменение в политике или тактике Коминтерна (за одно с Профинтерном) и местных коммунистических партий в странах парламентской демократии, то мы считаем подобное решение разумным. События последних десяти лет свидетельствуют о том, что близкая коммунистическая революция в одной из стран парламентской демократии или в одной из колоний маловероятна. Ближе опасность жестоких репрессий в некоторых странах против какой бы то ни было деятельности рабочего класса и новые конституционные ограничения демократических свобод. Даже война между европейскими державами, которая подвергла бы опасности прогресс Советского Союза и могла бы разрушить цивилизацию Великобритании и Франции, даже она при существующем уровне развития масс не открыла бы перспективу установления коммунистического социального строя на послевоенных развалинах. Если бы оказалось возможным предотвратить эту опасность, создав действительное единство между всеми организациями рабочего класса внутри каждой страны, хотя бы только ради оборонительных мер, то и тогда польза была бы огромная. Подобного рода оборонительное единство привело бы не только коммунистические партии, но и другие организации рабочего класса западных стран в соответствие с той линией международной политики, которую Сталин и Литвинов проводили в течение последних пяти лет.

Единый фронт сверху

Нельзя сказать, чтобы перспективы достижения такого единства в любой стране, кроме Франции (а в длительном аспекте даже и не во всей Франции), были особенно блестящи. Начать с того, что еще неизвестно, будет ли новая политика Коминтерна сформулирована Исполнительным комитетом ясно и недвусмысленно, без уклончивых оговорок, что единственно обеспечило бы ее искреннее принятие коммунистическими партиями различных стран. За сравнительно небольшими исключениями, эти партии состоят из не совсем подходящего человеческого материала. Во всяком случае люди эти в большинстве своем прямо противоположны тем глубоко образованным, строго дисциплинированным и охотно повинующимся мужчинам и женщинам, которых Ленин завербовал в большевистскую партию как профессиональных революционеров в период 1903—1914 гг. Несмотря на то, что многие из этих людей в различных странах

проявляют огромное мужество и преданность, вплоть до того, что идут на пытки ради того дела, которому служат, все же в их крови бунт, а не социалистическая реконструкция. Они стремятся сразить своих врагов, а не обратить своих противников в коммунизм. Даже не находясь в настоящее время в активной оппозиции и не выступая с резкой критикой прочих организаций рабочего класса, с которыми они вступили в оборонительный союз, они продолжают, как неизменно поступали и до сих пор, язвительно критиковать отдельные действия профессиональных союзов и парламентскую деятельность рабочих и социалистических партий; подобный оборонительный союз не будет ни прочным ни устойчивым. Хватит ли у Исполнительного комитета в Москве решимости и умения ясно дать понять этим партиям, без двусмысленностей и оговорок, повелительную необходимость перемены тактики?

Что касается нас, то мы сомневаемся, осуществим ли в условиях западных демократий какой бы то ни было действенный оборонительный союз против фашизма между столь различными по своему характеру и непосредственным целям организациями, как профессиональные союзы, социалистические и рабочие политические партии и коммунистические партии, объединенные в Третьем Интернационале. Еще больше сомневаемся мы в том, смогут ли коммунистические партии, объединенные в Третьем Интернационале, достичь в странах западной демократии при помощи такого «единого фронта» значительного увеличения своих сил для осуществления открыто признаваемой ими цели установления коммунистического социального строя. Для подобных сомнений, по нашему мнению, имеется двойное основание. Во-первых, такой оборонительный союз между несходными и взаимно соперничающими организациями, вызывающими к народным массам о поддержке, будет скорее подчеркивать эти различия и даже может повести к продолжению соперничества в деле преследования некоторых своих целей. Сохранение этих соперничающих друг с другом организаций может помешать или даже не допустить возникновения такой национальной организации, которая всецело отдавалась бы делу создания коммунистического социального строя, соответствующего стремлениям данной страны, настолько привлекла бы к себе народные массы, что более слабые противники должны были бы исчезнуть. Есть основания полагать, что лишь после слияния в единую монолитную партию любая западная демократия сможет быть решением парламента преобразована в коммунистическое государство.

«Приказы из Москвы»

Имеется самое серьезное основание сомневаться в том, смогут ли коммунистические партии, объединенные в Третьем Интер-

национале, сами достигнуть, в любой из стран западной демократии, положения единой монолитной массовой партии. Мы не думаем, чтобы у какой-нибудь из этих коммунистических партий были шансы на то, чтобы обеспечить себе объединение с другими организациями, претендующими на поддержку рабочего класса, или на то, чтобы привлечь в свои ряды членские массы этих последних. Народы западных демократий, равно как и народы скандинавских стран и Швейцарии, не потерпят управления или даже повелительных указаний из столицы иностранного государства, даже в том случае, если эта столица находится под властью правительства, чьей политике они в общем сочувствуют. Опыт показывает, что никакое народное движение не может стать мощным ни в одной стране, по крайней мере ни в одной, где господствует протестантская религия, если думают, что оно направляется или контролируется правящей группой какого-либо иностранного государства. Не против учения римско-католической церкви так часто восставали в Англии правители Плантагенетов и Тюдоров, но специально против «управления из Рима». Можно было бы *даже* сказать, что миссионерская деятельность римско-католической церкви стала более успешной в протестантских странах с тех пор, как она отделилась от Римского государства. Есть основание полагать, что коммунизм во многих странах распространялся бы быстрее, если бы не предполагали, что в нем замешано московское правительство. «Мы не намерены получать приказы из Москвы», — такова обычно высказанная или не высказанная реакция, любого рабочего собрания в Англии на резолюцию, предлагаемую членом британской коммунистической партии с целью осудить политику или заклеймить личности избранных лидеров социалистов, профессиональных союзов или кооперативного движения Великобритании. Наш вывод сводится к тому, что коммунистической пропаганде необходимо тем или иным путем устранить видимость или фактическое наличие «приказов из Москвы»¹. Не ошибочная ли приверженность к «ортодоксальному» прошлому не позволяет Коминтерну ясно сказать, что он теперь ограничивает свои взаимоотношения с различными коммунистическими партиями предоставлением им такой «информации, симпатии

¹ Едва ли Ленин настаивал на «управлении из Москвы». Мы читаем у него: «Имеется один, и только один вид действительного интернационализма: упорная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в своей собственной стране, и поддержка (пропагандой, сочувствием и материальной помощью) такой и только такой борьбы и политики во всех без исключения странах». Таким образом, он не всегда настаивал на том, чтобы деятельность мест *направлялась* и в еще меньшей степени *управлялась* Москвой (Ленин, Собр. соч., т. XX, кн. I, 1929, американское издание; см. Томас Вуди, Новое сознание, новые люди, Нью-Йорк 1932, стр. 257).

и материальной помощи», которой они время от времени могут пожелать, отказываясь вместе с тем от всяких намерений или желаний направлять и контролировать их деятельность на местах? Население каждой страны будет настаивать на том, чтобы самому направлять свою собственную политику и политику своего правительства. Коммунизм получит распространение лишь путем принятия каждой нацией той формы коммунизма, которую она сама изберет. Слишком ли парадоксальным будет предположить, что советские государственные деятели начинают понимать, что именно Третий Интернационал и его настойчивое стремление навязывать всем народам или хотя бы коммунистическим партиям всех стран определенный социальный порядок вызывает сопротивление¹. Многое, пожалуй, можно было бы сказать в пользу того взгляда, что обращение к коммунизму народов других стран—а следовательно, и мировая революция, которую Ленин и его соратники тщетно ожидали в 1918 г., вероятно, произойдет скорее в результате успешного построения социалистического государства в СССР и в результате осознания этого успеха как мыслителями, так и трудящимися массами других стран, чем в результате диктаторского понукания Коминтерна. Хладнокровно следя за мировым общественным мнением, легко сделать вывод, что в данное время наиболее успешными московскими агитаторами за обращение Европы и Америки в коммунизм являются не Коммунистический интернационал и входящие в него коммунистические партии, но ВОКС и Интурист², а также периодические театральные и музыкальные фестивали, привлекающие множество гостей-ценителей, и особенно различные международные конференции, которые заставляют химиков, физиологов, врачей, педагогов, инженеров и других специалистов всех стран мира сравнивать достигнутый в СССР относительный прогресс той отрасли, в которой они работают, с положением в их собственных странах³.

Новый мировой строй

Мы отмечаем, что имеются критики, которые утверждают, что переход советского правительства в области международ-

¹ Было ли это причиной того, что VII мировой конгресс, который должен был состояться в 1930 г., неоднократно откладывался и был созван лишь в 1935 г.?

² ВОКС—Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Интурист—государственное туристское агентство.

³ К этому перечню можно было бы с успехом добавить еще один вид международной организации. Социализм и коммунизм уже прошли стадию простого бунтарства, которое легко смешать с анархизмом. Советское правительство достигло командного влияния в делах мира. В некоторых других странах у кормила правления стоят социалистические правительства. В других странах имеются социалистические оппозиции, которые

ных отношений от политики войны к политике мира во имя достижения быстрого успеха в своей собственной стране был «изменой мировому пролетариату». По мнению этих критиков, это изменение означает, что вожди коммунистической партии Советского Союза сознательно отказались от цели «мирового коммунизма», которую преследовал Ленин, и от возможного создания во всех капиталистических странах «бесклассового общества», основанного на социальном равенстве и всеобщей экономической обеспеченности среди изобилия, доступного всем людям, независимо от расы и цвета кожи; тем самым не только распространялись бы повсеместно условия хорошей жизни, но и устранена была бы война между народами. Это обвинение является необоснованным. Руководители современной советской политики не менее пылко желают мирового коммунизма, чем Ленин, и не менее пылко верят в то, что это совершится. Наоборот, их вера и их желания были подтверждены и укреплены. Ленин, вслед за Марксом, смотрел на будущее лишь гла-

лишь ждут победы на выборах, чтобы получить министерские портфели. Сотни городов во Франции, Великобритании и в других странах управляются социалистическими муниципальными советами. Опыт доказал нецелесообразность объединения для политических целей представителей правительств с представителями агитационных, часто «нелегальных» групп. Напрашивается новая организация, в которой социалистические и коммунистические политические и муниципальные деятели (при общем соглашении об устранении помещиков и капиталистов и при отказе от стимула частной прибыли) могли бы периодически собираться, чтобы поделиться опытом и обсудить отношение профессиональных союзов и кооперативного движения к правительству, поговорить о многочисленных проблемах общественного управления в таких отраслях, как образование, здравоохранение, положение труда в добывающей и обрабатывающей промышленности и в сельском хозяйстве, обложение, денежное обращение и кредит, международные отношения и перспективы единого мирового правительства. Такого рода периодически созываемая по очереди в столицах различных государств, которые дадут на это свое согласие, конференция, проводя особые сессии по отдельным вопросам и рассматривая себя исключительно как научную организацию, увенчала бы деятельность различных учреждений, работающих в области социальных наук, учреждений или получающих помощь от нескольких правительств. Если бы на собраниях этой организации присутствовали министры, бывшие министры и вероятные будущие министры различных ведомств разных стран, и если бы социалистические или коммунистические эксперты по какому-либо данному вопросу приглашались для устных или письменных докладов, то можно было бы обойтись без определенного соглашения по каждому вопросу и, следуя практике научных конференций, не пришлось бы даже принимать никаких резолюций. Задачей этой организации была бы не победа большинства над меньшинством путем голосований, а лишь открытие истины. Ценность выводов, сделанных по некоторым данным вопросам, не должна была бы определяться числом делегатских голосов. Доклады и дискуссии сами по себе содействовали бы расширению знаний у тех, на ком, в каждой стране, лежит ответственность за политику. Все это способствовало бы в гораздо более значительной степени построению различных социалистических государств в мире, чем любая агитация.

зами верующего. Сталин же и его сотрудники чувствуют, что на их долю выпало дать этой мечте солидный базис достижений и достижений немалых—в виде действительного построения социалистического государства на одной шестой части земного шара для народа, который скоро будет насчитывать 200 млн. населения, народа самых разнообразных рас, находящихся на всевозможных ступенях цивилизации, начиная от состояния примитивной дикости и вплоть до культуры, которая по своему уровню не имеет себе равной. С такими колоссальными достижениями в течение немногим больше десяти лет советский коммунизм может продолжать идти вперед огромными шагами со все возрастающей уверенностью в дальнейшем распространении своей доктрины.

То, что произошло в международной политике Советского Союза в течение последних семи лет, является переменной не цели, а тактики. Цель остается той же. Но в отношении того, каким путем она может быть скорее всего достигнута, произошло изменение образа мыслей, а быть может, и изменение чувств. Советские государственные деятели были вынуждены признать, что никакого прогресса в деле начала коммунистических революций в западных демократических странах не было, еще меньше надежд имеется на то, что подобного рода восстания могут достичь немедленного успеха. Некоторые из этих государственных деятелей признают, по меньшей мере, тщетность попытки толкать рабочих других стран, с совершенно другими традициями, более высоким жизненным уровнем и пользующихся большей свободой и экономической обеспеченностью, чем рабочие царской России, на попытку насильственной революции в своих странах, революции, которая, вероятно, повлечет за собой опустошительную гражданскую войну. С другой стороны, имеется другой способ пропаганды—построение в одной стране блестящего образца социализма, которому смогут подражать другие страны и на который даже предубежденный и сопротивляющийся мир уже сейчас смотрит со все возрастающим любопытством, интересом и восхищением. Мы полагаем, что именно эти весьма успешные достижения тактики мира и убеждают советских государственных деятелей, непоколебимо стремящихся к своей первоначальной цели—достижению мирового коммунизма,—отказаться еще более решительно от тактики войны. Короче говоря, посвящая себя полностью задаче построения хорошей жизни не только в своей стране, но и в своих взаимоотношениях с другими странами, они надеются и ожидают, что коммунизм будет принят и в других местах. В эпилоге мы попытаемся ответить на вопрос, не является ли мир свидетелем возникновения здесь новой цивилизации.

Эпилог

Н О В А Я Ц И В И Л И З А Ц И Я ?

Как мы видели, большевики считают, что они не только знакомят 170 млн. населения СССР с газетами и книгами, театрами и оперой, улучшают здоровье населения и увеличивают производство ценностей, а совершают нечто, гораздо большее. Сами они верят в то, что творят в мире новую цивилизацию.

Не существует общепринятого мнения насчет того, какое количество изменений или какого рода изменения в образе жизни целого народа образуют новую, отличную от прежней цивилизацию. Тем не менее, общепризнано, что некоторые современные общества в целом настолько непохожи друг на друга, что дают нам право говорить о них, как о различных цивилизациях. Так, в основном все согласны с тем, что китайцы, индусы, мусульмане и белые европейцы-христиане (включая их потомков, живущих на других континентах) принадлежат к различным цивилизациям. Кроме того на протяжении истории существовали и исчезли еще другие цивилизации. Упомянем хотя бы о египтянах и сумерийцах; к ним некоторые добавили бы в качестве также особых цивилизаций цивилизацию Трои, Тира, Этрурии и Карфагена и, несомненно, еще некоторые из других вымерших обществ, которые могут быть раскрыты дальнейшими археологическими изысканиями.

Ясно, что в создании особой цивилизации могут принимать участие множество различных факторов¹. Некоторым исследова-

¹ Слово «цивилизация» иногда употребляется в единственном числе, для того чтобы отметить прогресс человеческого общества от примитивного к цивилизованному состоянию; а иной раз во множественном числе для того, чтобы отличить одну цивилизацию от другой. Таким образом, профессор Арнольд Тойнби, в своем блестящем и полном эрудиции

дователям самым важным из факторов кажется характер религии, свойственной данной цивилизации. Те общества, в которых

«Очерке истории», тт. I—III, перечисляет (откинув около 600 примитивных обществ) 27 особых цивилизаций на протяжении истории, из коих 5 еще существуют. Эти пять суть: западная цивилизация, которой, по его замечанию, удалось включить в свою систему не только Европу и Северную Америку, но и все судоходные моря и все порты мира; и 4 другие сохранившиеся цивилизации: мусульманская, индийская, дальневосточная и «православное» христианство. Что представляет собой этот последний пример сохранившейся цивилизации, сейчас трудно установить, ведь греческая православная церковь как церковь отличная от римско-католической и протестантской церковей, которые характеризуют собой то, что он называет западной цивилизацией, вряд ли существует сейчас, когда огромный континент Евразии отказался от ее веры и кодекса поведения. Быть может, профессор Тойнби усматривает пережиток христианства в коммунистической цели «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям».

С другой стороны, Г. Т. Бокль в его знаменитой «Истории цивилизации в Англии» (1857), видимо, считает, что «цивилизация» принимает различные формы, в прошлом в значительной степени обусловленные различными климатическими условиями среды, но в своей последней и наиболее развитой форме она характеризуется развитием науки, как способа управления природой.

Сеньобос, французский историк, подразделяет «цивилизацию» на древнюю и новую. Он заканчивает древнюю цивилизацию смертью Карла Великого; но он также отличает средневековую цивилизацию от современной цивилизации. Он даже упоминает о том, что в XI столетии мир был поделен на две цивилизации: Запад, с его жалкими маленькими городишками, хижинами крестьян, грубыми укреплениями и т. д.; и Восток, с Константинополем, Каиром, Багдадом, Дамаском, причем мусульманский и византийский миры были гораздо лучше построены, лучше охранялись и были более просвещены, чем западный мир. «Сталкиваясь с восточными народами, народы Запада стали цивилизованными» (см. его «История средневековой цивилизации», стр. 110—117; см. также его «Историю цивилизации; современная цивилизация»).

В своей «Социально-экономической истории Римской империи» А. Ростовцев описывает гибель древней цивилизации, которую он приписывает 1) проникновению низших классов и низших рас в администрацию Римской империи и 2) распространению христианской религии, которая отвлекла людские умы от задачи улучшения человеческого существования в этом мире к задаче добиться личного спасения в будущем мире (см. главу I). Знаменателен его вывод: «Эволюция древнего мира представляет урок и предостережение для нас. Наша цивилизация будет прочной, лишь если она будет цивилизацией масс, а не одного класса. Восточные цивилизации были более устойчивы и прочны, чем греко-римская, потому что, будучи основаны, главным образом, на религии, они были ближе к массам. Другой урок учит нас тому, что насильственные попытки уравнивания никогда не помогали подъему масс. Они губили высшие классы и приводили к ускорению процесса варваризации. Но конечная проблема всегда остается, как призрак, присутствующей и неразрешенной. Есть ли возможность распространить высокую цивилизацию на низшие классы, не снижая ее уровня и не разжижая до нуля ее качества? Не обречена ли каждая цивилизация на упадок, как только она начинает проникать в массы?» (там же, стр. 486). Это напоминает нам об одном из парадоксов Бернарда Шоу о том, что обращение дикарей в христианство обратило христианство в дикость.

господствует христианство, выделяются из числа прочих. В некоторых других случаях, как например, в отношении Китая, наиболее заметным отличием являются расовые моменты. Так называемая политическая организация общества также иногда, как например, при феодализме, служит признаком особой цивилизации. Еще более показательной для характеристики различного образа жизни может быть экономическая организация, контраст между обществами, живущими, главным образом, охотой и рыболовством или разведением скота, или обработкой почвы, и теми обществами, которые ведут широкую торговлю или, систематически увеличивая использование механических двигателей, занимаются промышленностью. Можно также обратить внимание на то, работают ли отдельные семьи общества обычно для себя или же большая часть населения в качестве рабов, крепостных или наемных рабочих служит владельцам средств производства.

Для нашей настоящей цели нет необходимости заниматься дискуссией по поводу всех известных или возможных цивилизаций. Достаточно будет начать с обычного подразделения трехтысячелетней истории Европы со времен Гомера на три последовательные цивилизации, которые охватывают период Греции и Рима, период распространения христианства и феодализма и новую эпоху с 1492 г. до наших дней. Каждому известны характерные особенности современной специфически европейской цивилизации, которая несомненно привела к великому прогрессу и была распространена белыми поселенцами, торговцами и путешественниками по всему свету. Нам достаточно подчеркнуть четыре главные ее черты. Первой из них хронологически является христианская религия с вытекающим из нее кодексом поведения. Затем, постепенно усиливаясь, с XV в. наступает так называемая капиталистическая система частной собственности, в особенности на средства производства, которые используются под руководством собственников для извлечения прибылей либо посредством труда наемных рабочих, либо путем торговли, либо—в последнее время—путем производимых финансовыми манипуляциями капиталом и кредитом. Мы, далее, наблюдаем в течение последних двух веков, не считая отдельных временных задержек, широко распространенную тенденцию к управлению по системе парламентской демократии. И, наконец, надо указать, как на характерную черту настоящей цивилизации, на неслыханно усилившееся путем знания в течение последних ста лет владычество человека над природой и наряду с этим усиливающееся применение—под влиянием гуманных чувств—науки об улучшении положения некоторых слоев бедноты. Исходя из этого, ставится вопрос, отличается ли то, что развивается в СССР, начиная с 1917 г., от образа жизни Англии,

Франции или Соединенных штатов за последние три и четыре столетия настолько, чтобы это можно было назвать новой цивилизацией? Попытаемся указать на те черты, которыми советский коммунизм по существу отличается от современной цивилизации Запада.

Уничтожение наживы

Наиболее важным мы считаем то обстоятельство, что соображения наживы перестали быть стимулом к увеличению производства, в то время как они являются главной пружиной общественного строя Запада. Вместо того чтобы преклоняться перед теми, кто удачно покупает товары с целью их перепродажи по более высоким ценам (оптом или в розницу), советский коммунизм преследует таких лиц как преступников, виновных в «спекуляции»¹. Вместо того чтобы награждать и почитать капиталистических предпринимателей, которые нанимают других людей с целью получения прибыли от их труда, советский коммунизм наказывает их как преступников, виновных в «эксплуатации», независимо от того, какое жалование они выплачивают. Трудно преувеличить значение перемены, которую это изменение идеологии (в морали и в уголовных законах) внесло в жизнь СССР. Без широкого изучения советской жизни нельзя себе представить, какую глубокую трансформацию экономических отношений это означает—как для громадного большинства бедняков, так и для относительно незначительного меньшинства тех, кто раньше «жил собственностью» или нанимал других для извлечения прибыли.

Эта перемена не имела тех практических результатов, которые предполагались нашим капиталистическим мышлением. Она не означала принуждения служить правительству как единственному хозяину². Она не помешала миллионам индивидуумов работать самостоятельно или на началах добровольного сотрудничества, дабы обеспечить жизнь себе и своим семьям. Она не запрещает отдельным или сгруппированным производителям продавать продукт своего собственного труда на рынке или согласно контракту по той цене, которую они могут получить. Она не повлекла за собой отмены частной собственности и принуждения владеть всем сообща. Она не помешала неравенству имуществ и доходов и даже не устранила разницы в зарплатке. Выплата процентов по государственным займам или по вкладам в сберкассы не прекратилась. Но обычай, согласно которому трудоспособные лица могут жить не работая, стал позор-

¹ Сравни средневековое преступление и грех ростовщичества, см. по этому поводу проф. Тауни, *Приобретающее общество*, 1921.

² См. т. I, гл. III «Человек как производитель» и II т., гл. IX, «Вместо наживы».

ним, независимо от того, сколь велики сбережения или другое имущество; класс же богатых семейств, будь то землевладельцы, предприниматели, рантье или финансисты, перестал существовать. Еще важнее то, что контроль над орудиями производства, которым отдельные лица пользовались в целях своего обогащения, и власть землевладельца и капиталиста над теми, кого они могли нанимать или с кого они могли брать ренту, исчезли.

Планирование производства для общественного потребления

Ликвидация наживы, как стимула к капиталистическому предпринимательству, наряду с вытекающим отсюда переходом в коллективную собственность главных средств производства, сделала неизбежным обдуманное планирование товарного производства и услуг. Вместо индивидуальных капиталистов, производящих то, что каждый из них в отдельности считает для себя прибыльным, и от случая к случаю соперничающих друг с другом в удовлетворении пожеланий тех потребителей, которые, имея возможность платить требуемую цену, в состоянии сделать свой спрос «эффективным»; вместо этого какое-то национальное государственное учреждение должно статистически вычислить и сообщить каждому заводу и каждой шахте падающую на их долю того, в чем нуждается и чего желает все совокупное общество потребителей, независимо от средств. С этой целью теперь каждый завод или шахта, каждое сельскохозяйственное предприятие или нефтяной промысел, каждый институт или учреждение и фактически каждое предприятие, как промышленное, так и культурное, составляют отчеты, показывающие, какими машинами и какими материалами оно пользуется и какие товары и услуги оно производило и рассчитывает производить, а эти данные сопоставляются с общей суммой потребностей и пожеланий всего общества на предстоящий год. Эти громадные исчисления, которые во всякой другой стране считались бы выходящими за пределы человеческих возможностей, фактически, как мы уже описали,¹ осуществляются в СССР Государственной плановой комиссией (Госплан) при постоянной консультации мощного Всесоюзного центрального совета профсоюзов, высокоорганизованного движения потребкооперации и отдельных народных комиссариатов, направляющих работу десятков тысяч самостоятельно управляемых заводов, рудников, нефтеразработок, совхозов, складов, судов, железных дорог и пр. Мы не можем снова возвращаться к вопросу о том, достигает ли

¹ См. т. II, гл. VIII «Плановое производство для общественного потребления».

и в какой степени это гигантское планирование своей цели в обеспечении каждому индивидууму в СССР получения всех тех товаров и услуг, которые ему нужны или желательны¹. Но если мы обратим внимание на то, что работа Госплана на деле освобождает СССР от характерной для капиталистического мира смены подъемов и застоев; более того, если мы обратим внимание на то, что это рассчитанное планирование всего производства для общественного потребления обеспечивает полное исчезновение вынужденной массовой безработицы—как «технологической», так и «циклической»,—то никоим образом нельзя будет отрицать, что эта новая система поразительно трансформирует экономические отношения всего общества, изменяя самое мышление производителя, будь то администратор, техник или работник физического труда. Высокоорганизованные профсоюзы СССР, с числом членов свыше 18 млн. человек, не только целиком стоят за увеличение производительности труда такими методами, как сдельщина, хозрасчет и соревнование по выпуску с наименьшими затратами возможно большего количества продукции, но постоянно добиваются применения все большего числа изобретений, сберегающих труд, для того чтобы машина все в большей степени становилась рабом человечества. Это происходит оттого, что нет больше конфликта между интересами на производстве и между предприятиями, ни между различными группами или слоями рабочих и хозяйственников, нет, как обычно говорят в СССР, враждебных сторон. Выигрыш одного лица не основан на потерях другого. Каждый индивидуум, занятый в производстве товаров или услуг, материально выигрывает от увеличения или улучшения производства или от более прилежной и рациональной работы другого производителя. Когда все сознают, что доля каждого в общем объеме произведенного фактически возрастает от увеличения или улучшения производства, то каждому становится ясным, что в его материальных интересах, чтобы все работали продуктивно, чтобы никто не лодырничал, не манкировал работой, не болел. Имеется всеобщий и постоянный стимул для каждого производителя, как для рабочего физического труда, так и для техника, повышать свою квалификацию и давать максимум того, что он может, с целью увеличить общий фонд заработной платы, который полностью распределяется, без выплаты какой-либо дани помещикам и капиталистам, между всеми производителями на условиях, которые вырабатывает производственный коллектив. Отсюда преданность «ударников», их ревностное стремление давать больше обычного и те публичные почести, которые им воздаются. Отсюда безвозмездная работа на «субботниках», когда рабочие жертвуют

¹ См. т. II, гл. VIII.

своим свободным временем для ликвидации отставания какого-либо предприятия, которое не выполняет плана. Отсюда «социалистическое соревнование», при котором смены или бригады, заводы или нефтепромыслы, суда и совхозы и даже муниципалитеты и республики заключают друг с другом формальные соглашения о соревновании с целью достигнуть максимальной выработки или уменьшить отходы до минимума, построить максимальное количество новых школ или организовать наибольшее количество техникумов или выстроить максимальное число квартир в течение данного периода. Самое замечательное, с точки зрения западноевропейского духа спортивного соревнования, то, что из того же единства интересов вытекает обычай, что бригады, победившие в этих соревнованиях, считают делом чести немедленно оказать помощь проигравшей бригаде, с целью научить побежденных тому, как можно улучшить свою продукцию, чтобы больше не отставать от победителей. Единство материальных интересов фактически распространяется на все разнообразные предприятия в СССР. Каждый стремится помочь любому другому предприятию, как аналогичному, так и любого другого рода, добиться максимально возможной продукции, потому что именно общая нетто-продукция всех предприятий СССР составляет не только источник покрытия всех социальных расходов (обобщественная заработная плата), но и фонд заработной платы, распределяемой между производителями (личная заработная плата). Поэтому не только распределяемый доход каждого предприятия, но и распределяемый доход других предприятий и, следовательно, доля всех производителей всякого рода и всех категорий на всех предприятиях, в конечном счете, зависят от общей нетто-продукции, вырабатываемой ими всеми.

Социальное равенство и универсализм

Утверждают, что вся социальная организация советского коммунизма базируется на социальном равенстве, более подлинном и более всеобщем, чем равенство, которое существовало в каком-либо другом обществе. Заниматься в зависимости от способностей общественно-полезным трудом—всеобщая обязанность. Совершенно новое явление в социальной жизни—отсутствие изъятий из этой обязанности в пользу богатей, землевладельцев, высокопоставленных лиц или для лиц, обладающих исключительными интеллектуальными или артистическими дарованиями, для гениев или народных любимцев. Труд, так же как и отдых, должен распределяться между всеми способными участвовать в общественном деле. В СССР существует лишь единственная общественная категория—это категория производителей физических или умственных; она включает, однако, и лиц,

настолько еще молодых, что они могут только готовиться стать производителями, или же лиц, настолько старых или слабых, что они способны лишь вспоминать о работе, которую они выполняли, когда были здоровы и сильны. Это и понимается под «бесклассовым обществом», в котором каждый работает по своим способностям и обеспечивается по своим потребностям.

Глубину расхождения между этим образом жизни в капиталистических государствах трудно измерить. Однако этот образ жизни влечет за собой нечто, совершенно противоположное однообразию или тождественности всех людей. Этот образ жизни не только допускает, но и активно поощряет и стимулирует максимальное развитие индивидуальности на службе обществу. Он не приводит также к абсолютному равенству заработков и прочих доходов; но запрещение извлечения прибыли путем «спекуляции» и «эксплоатации» и коллективная собственность на главнейшие средства производства, вместе с жестким прогрессивным подоходным налогом и налогом на наследство, на исключительные индивидуальные состояния—успешно препятствуют созданию грубого неравенства, которое потрясает устойчивость тех государств, в которых миллионеров не только терпят, но и позволяют им превратиться в плутократов.

Но принцип социального равенства идет гораздо дальше общности труда и отдыха, общих школ и игр, постоянно приближаясь к реальному равенству уровней доходов и расходов. Он распространяется, в неслыханной до сих пор степени, и на отношения между полами и на внутрисемейные отношения. Мужья и жены, родители и дети, учителя и ученики, как друзья, принадлежащие к различным полам, или люди, доходы которых не слишком отличаются друг от друга (например, директора и фабричные рабочие, администраторы и машинистки и даже командиры и рядовые в армии), живут в такой атмосфере социального равенства и свободы от «комплекса приниженности», или раболепства, какой не знают нигде. Еще более необычайным в своем роде является отсутствие предрассудков по отношению к расе или цвету кожи. Сотня или больше различных рас и языковых групп в СССР, почти всех цветов кожи, включая диких кочевников и самых закоренелых горожан, столичных дипломатов и примитивных варваров, пользуются не только совершенно одинаковыми юридическими и политическими правами, но и совершенно одинаковой свободой в экономических и социальных отношениях. Там, где существуют школы, лица, живущие в пределах досягаемости этих школ, обучаются совместно, они работают вместе за заработную плату, дифференцированную только в зависимости от различного характера работы; они пользуются одними и теми же общественными перевозочными сред-

ствами, одними и теми же гостиницами и домами отдыха, одними и теми же предприятиями общественного пользования; они входят в одни и те же профессиональные союзы и прочие добровольные общества; они сидят друг с другом рядом в лекционных залах, библиотеках, театрах и кино. Они дружат друг с другом, независимо от расы или цвета кожи и свободно вступают в смешанные браки. Далее, никому не навязывают центрального образца. Напротив, главнейшая обязанность Советского Союза—гарантировать каждому «национальному меньшинству» свою «культурную автономию». Каждое национальное меньшинство сохраняет свой родной язык, свои школы, свои газеты, издательства, театры; и всем им оказывается в этом отношении специальная поддержка из союзных средств. Более того, каждая из десятков союзных и автономных республик, образующих СССР, свободно избирает или назначает, по желанию, своих соплеменников в местные представительные органы или на местные должности, и в этом их энергично поддерживает и поощряет Москва. Было бы трудно переоценить чувство свободы и равенства, далеко превышающее соответствующие условия для «туземцев» в колониях других государств и вытекающее из этой настоящей культурной автономии и наличия на постах местной администрации чиновников своей расы.

Имеется еще одна черта в социальном равенстве цивилизации Советского Союза, которую мы называем «универсализмом». Другие общества охотно примирились с тем фактом, что преимущества и удобства, которые доставляет их цивилизация, охватывая большую часть жизненных благ, не приходится на долю более бедных или более слабых, менее развитых, менее бережливых и менее организованных членов общества. Теперешнее экономическое и общественное устройство не дает возможности этим неудачникам, достичь в отношении здоровья, образования, умственного развития, продолжительности жизни, пищи, одежды, жилища того стандарта, который считается необходимым и нормальным среди более счастливых классов. Только немногие слои начинают теперь, в XX в., осознавать эти черты неравенства, на котором основана их общественная жизнь. Отличительной чертой общественного устройства Советского Союза является то, что здесь каждому индивидууму, независимо от его состояния или ранга, от пола и национальности, как беднейшему и слабейшему, так и более зажиточному, как нигде, обеспечиваются во всех отношениях одинаковые условия для детей и подростков и все повышающийся жизненный стандарт для всего населения. Это очень хорошо видно в сфере народного образования. Другие общества, особенно в последние одно-два столетия, стремились создать образованные, даже культурные классы внутри страны. Советский Союз первый старается создать, без дискрими-

нации из-за пола, расы, связей и рангов, не просто интеллигенцию, а культурный народ.

Новая система представительства

Во всяком, любого размера, обществе общественные организации должны выработать систему, через посредство которой могут найти свое выражение пожелания и общая воля населения. В отличие от любого другого общества СССР разработал сложную и многообразную, совершенно оригинальную систему представительства, основанную на принципе всеобщего участия в общественных делах под руководством отлично организованного, единственного в своем роде руководства. Как мы описывали¹, человек представлен в трех отдельных категориях: как гражданин, как производитель и как потребитель. В каждом из этих случаев избирательное право является самым широким в мире, несмотря на оригинальные и систематически исчезающие исключения, степень же фактического участия всего населения в выборах не имеет себе равной. Система представительства до сего времени, помимо советов в селах или городах с населением в 70 тыс. жителей, была системой косвенных выборов; но в 1935 г. было принято решение заменить ее прямыми выборами на основе избирательного права, равного для обоих полов, для всех рас и для всякого рода занятий по всему СССР.

Невозможно перечислить все каналы и было бы трудно преувеличить степень участия в общественных делах советских избирателей, в количестве свыше 90 млн. мужчин и женщин. Характерное многообразие всякого рода советских организаций, экономических и политических, наряду с их тройкой системой представительства и универсальной компетенцией, в отношении функций и прав каждого яруса советов и вездесущего местного правительства представляет живой контраст с господством парламентарной системы в западном мире. Начать хотя бы с того, что универсальный избиратель в СССР не только избирает, но и делает гораздо больше. На своих беспрепятственных собраниях он обсуждает и выносит от имени сотен тысяч людей резолюции, в которых высказывает свои пожелания по крупным и мелким вопросам при помощи инструкций и предложений «депутатам», которых он избирает и может в любое время переизбрать путем «отзыва» и которые обычно учитывают эти популярные пожелания даже в том случае, если не считают практически возможным немедленно их осуществить. Кроме того участие в общественных делах не ограничивается вечными

¹ См. т. I, гл. II «Человек как гражданин», гл. III «Человек как производитель», гл. IV «Человек как потребитель»; II т., гл. IX «Вместо наживы».

дискуссиями, которыми с наслаждением занимаются русские. В каждом селении, так же как и в каждом городе, значительная часть мелкой текущей работы общественной администрации фактически выполняется не так, как во Франции, Великобритании или США,—платными чиновниками, и даже не так, как в мелких или примитивных обществах,—выборными депутатами или советниками, а гораздо большим числом самих взрослых жителей, в порядке участия во всеобщей добровольной общественной работе.

Такое же характерное многообразие и массовое участие господствует и в обширном, отлично организованном профдвижении, которым на добровольных основах охвачено пять шестых всех лиц наемного труда, работающих за жалованье или заработную плату, независимо от их занятий, категорий или вознаграждения. Профсоюзы ни в коем случае не ограничиваются тем, что ведут коллективные переговоры из-за заработной платы, рабочего времени и прочих условий труда, причем объем этой работы далеко превышает аналогичную работу профсоюзов в других странах; они активно участвуют в управлении заводом или шахтой¹. Например, сейчас профсоюзной организации передан не только контроль, но и фактическое управление колоссальной работой по социальному страхованию, которая шире и требует больше средств, чем аналогичная работа в любой другой стране и в которой рабочие индивидуально своими взносами не участвуют. Эта огромная работа осуществляется не полностью и даже не главным образом платными чиновниками, которых назначают профсоюзы или избираемые ими комитеты, а 100 тыс. активистов из числа самих членов профсоюза, работающих без какого-либо вознаграждения, в порядке общественной работы.

Потребительское кооперативное движение, насчитывающее свыше 70 млн. членов, характеризуется таким же разнообразием организационных форм и таким же личным участием огромной массы членов кооперации в сложном деле распределения по огромной территории СССР большей части продовольственных и других товаров.

Еще одну разновидность представляют бесчисленные и в высшей степени разнообразные добровольные общества, иногда насчитывающие миллионы членов. Эти разнообразные самоуправляющиеся ассоциации, которые часто пользуются финансовой поддержкой, проводят ту или иную общественную работу, отчасти воспитательную, отчасти пропагандистскую, включая спорт и игры всех видов, наряду с музыкой, живописью, танцами, театрами; они активно участвуют в работе различных

¹ См. т. I, гл. III «Человек как производитель».

отраслей государственного аппарата, от содействия наукам и искусствам до помощи обороне страны.

«Призвание водительства»

Все отличительное для СССР разнообразие форм участия населения в универсальном многообразии организаций делает более чем обычно необходимым то руководство, без которого демократия, в любой из своих форм, становится просто толпой. Именно в этом пункте фактическая Конституция Советского Союза, которая полностью не записана ни в каком уставе, самым существенным образом отличается от любой другой конституции, известной политической науке. В СССР функция осуществления необходимого руководства общественными делами населения принята на себя добровольным, но отлично организованным и строго дисциплинированным «призванием водительства», именуемым коммунистической партией. Это, как мы разъяснили¹, не похоже на все то, что западный мир понимает под термином «партия» в политическом смысле. Вовсе не стремясь включить в свои ряды любого человека, заявляющего о согласии с ее политикой, «голосующего за ее программу» или участвующего в сборе средств для нее, коммунистическая партия СССР имеет строго ограниченное число членов, составляющее менее 3% общего числа избирателей, или менее 2% всего населения по данным переписи, рекрутируемых исключительно путем кооптирования, после длительной проверки характера, способностей и усердия, сочетающихся с охотным приятием существующего режима. Нам незачем повторно описывать организацию этого оригинального содружества, основанную на общем базисе не прямых выборов, или еще раз напоминать о том уровне личного поведения, которое требуется от члена этого содружества, уровне, повышенном по сравнению с обычным гражданином. Быть может, наиболее значительным отличием этого содружества от западных политических партий является тот способ, которым оно поддерживает этот уровень при помощи непрерывного наблюдения, дополняемого через каждые несколько лет систематической публичной проверкой всей организации и жесткой «вычиткой» всех отступников и всех совершивших проступки, иногда в количестве до одной пятой всего числа членов. Своими, добровольно принятыми на себя особыми обязательствами «бедности» (ограничение жалованья общим максимумом) и «послушания» (готовность выполнять любую работу, указанную корпоративной властью партии), а также своим методом поддержания дисциплины при помощи только

¹ См. т. I, гл. V «Призвание водительства».

таких наказаний, как выговор и исключение, коммунистическая партия СССР может показаться похожей по структуре на типичные религиозные ордена римско-католической и греко-православной церквей. В отличие от монастырских орденов, коммунистическая партия использует своих членов исключительно для светских гражданских занятий, и свыше половины их продолжает свою работу за станком или в шахте и около 40 % заполняют административные и прочие посты, на которые они избраны или назначены. Имеется, однако, и духовное различие. Абсолютным условием пребывания в партии является требование, чтобы кандидаты были свободны от малейшего признака веры в сверхъестественное и чтобы они придерживались «марксизма»; это требование время от времени властно подтверждается¹. Поскольку осуществление руководства общественными делами со стороны политических вождей является неизбежной чертой цивилизованного общества, мы можем классифицировать коммунистическую партию СССР, как профессиональную ассоциацию, добровольно готовящую себя специально для осуществления этой функции, аналогично любой другой организованной научной профессии². Ибо в Советском Союзе утверждают, что политическая наука заняла место избирательной болтовни, которая именуется политикой в наших западных государствах.

Подобное принятие на себя функций руководства в общественных делах тщательно подобранной, обдуманно организованной и строго дисциплинированной организацией несомненно составляет коренное различие между СССР и другим любым государством. Всюду в других местах эта функция руководства и водительства принимается на себя, часто без согласия общества, монархами, аристократиями, церквями, военными кастами или, в новейшее время, сменяющими друг друга партиями или группами, которые называются кабинетами или парламентами, состоящими большей частью из землевладельцев, капиталистических предпринимателей, финансистов, торговцев, бюрократов, адвокатов или просто людей, скопивших состоя-

¹ Больше того, коммунистическая партия в СССР не похожа на религиозный орден в том отношении, что не подчинена какому-либо вождю, навязанному ей извне, и демократически самоуправляется; члены партии, рассеянные по 130 тыс. первичных партийных организаций, избирают многоярусную пирамиду комитетов, восходящих до всесоюзной конференции с ее центральным комитетом и подкомиссиями; Сталин, о котором иностранцы склонны думать, как о диктаторе, является только главным секретарем организации—пост, с которого в любой момент может быть снят Высшим комитетом.

² Интересно припомнить, что, по существу, такое призвание водительства, под названием «ордена самураев», было предложено Г. Дж. Уэллсом в 1905 г. в его книге «Новая утопия».

ние, которые в большей или меньшей степени претендуют на знание и понимание желаний народа в целом, но обычно включают в свой состав только небольшую горстку крестьян и рабочих физического труда, составляющих две трети населения.

Нам незачем здесь пытаться измерить успешность или определить ценность этой исключительной в своем роде организации руководства, которую вполне можно считать доминирующей политической чертой советского коммунизма. Человек, изучающий историю последних двух десятилетий СССР, не особенно ошибется, если припишет выдающимся членам коммунистической партии инициативу и решительность почти во всех достижениях, так же как и в некоторых неудачах правительства с момента революции 1917 г. Мы отнюдь не хотим недооценить страстного усердия и преданности широкой массы членов партии, когда утверждаем, что именно эта оригинальная форма организации руководства, которая, видимо, была задумана и в основном разработана Лениным и Сталиным, отвечает за значительную часть поразительных успехов в борьбе против неслыханных трудностей, которые нам пришлось описать в предшествующих главах. Тем не менее, как мы указывали в одной из предыдущих глав, эта концентрация власти в высокодисциплинированном призвании имеет свои недочеты: наблюдалась атмосфера страха среди интеллигенции, смена в рядах партии обвинений контробвинениями, непредоставление лидерам оппозиции права объединяться для проведения своих взглядов, а среди менее интеллигентной части рядовых членов партии в немалой степени наблюдается хроническая болезнь ортодоксии.

Культ науки

Одно из различий между советской цивилизацией и цивилизацией других стран заключается в отношении к науке. В отличие от групп землевладельцев, адвокатов, торговцев, бюрократов, солдат и журналистов, распоряжающихся в большинстве других государств, правители московского Кремля искренно преданы исповедуемой ими вере. А их вера—наука. Никакие капиталистические интересы не препятствуют им основывать свои решения и свою политику на наилучших достижениях науки, какие они могут получить. Более того, под руководством коммунистической партии общественное мнение в Советском Союзе в неслыханной в других местах степени в подавляющем большинстве высказывается за максимальное использование науки, находящей свое выражение в машинах и изобретениях, служащих для экономии труда и производства ценностей. Все общество жадно стремится к новому знанию. Нет, мы считаем, другой такой страны, где проводилась бы за общест-

венный счет такая большая и такая разнообразная научно-исследовательская работа, как в области абстрактной теории, так и в области технологии. Несомненно, нет ни одной другой страны, в которой инстинкты наживы имели бы так мало возможностей повредить науке, на что в настоящее время жалуются английские и американские ученые¹.

Эти усиленные занятия и даже одержимость наукой в СССР систематически и последовательно увеличивались за последние шесть лет. Довольно знаменательно, как раз, что это происходило в тот период, когда США свернули значительную часть своей научной работы. Этот контраст не удивителен. В СССР господствующая задача каждого, кто принимает участие в общественных делах,—увеличение общего производства ценностей как первого условия к повышению культурного уровня всего 170-миллионного народа. Орудием, при помощи которого можно добиться этого всеобщего подъема, как широко верят, является сама наука. Мы писали в одной из предшествующих глав², что наука все больше и больше устанавливает свое господство в школе и в университете и все в большей и большей степени втягивает в свою работу наиболее энергичную и способную молодежь. Постоянное применение науки к сельскому хозяйству, так же как к промышленности, к открытию и использованию новых материалов, растений и животных, равно как к улучшению прежде известных видов, к беспредельному развитию электроэнергии и ее использованию не только в различных видах связи и транспорта, но и для совершенно новой переработки процессов металлургии и горного дела,—все это открывает широкую перспективу новой «промышленной революции», в которой, если только параллельное развитие социологии и этики позволит избежать ошибок прошлых столетий, население СССР может дать практический пример того, что подразумевалось старой поговоркой «если только вы не родитесь снова».

Антирелигиозность

Та черта советского коммунизма, которая, несомненно, больше всего возмущала западный мир,—это широко распространенная антирелигиозность, которая присуща советскому правительству и большой, видимо, систематически растущей части населения. Агрессивный догматический атеизм отрицает существование и возможность существования чего-либо сверхъестественного за пределами того, что наука может понять и показать. Это категорическое отрицание, как утверждают,

¹ См. например, книгу сэра А. Даниэля Холла и др., *Крах науки*, под редакцией проф. Ф. Содди, 1933.

² См. т. II, гл. XI «В науке—спасение человечества».

имеет за собой заслугу последовательного публичного отказа от двусмысленного лицемерия, которое в настоящее время присуще правительствам и церквям других стран, вместе с толпами христиан в условном смысле. Для переделки человека это дело не малое. Не может пройти безнаказанным то обстоятельство, что нации или отдельные люди, утратившие какую-либо настоящую веру в личное божество, которое слышит их моления и правит равно океанами и землетрясениями, урожаями и сердцами, могут продолжать придерживаться обрядов и участвовать в религиозных организациях, как будто бы они все еще были верующими. Никакой кодекс поведения, официально основанный на предполагаемых заповедях всемогущего правителя, не переживает открытия того факта, что этой основы на самом деле не существует. Один из результатов этой широко распространенной двусмысленности виден в практическом отказе в настоящее время миллионов молодых людей в Европе и Америке не только от христианства, но и наряду с этим от всех почти заповедей, которыми руководились их отцы, без замены их чем-либо другим. Другим результатом является фактическое движение вспять в принципах и поступках той или другой номинально христианской страны, а может быть, и многих стран, к чертам, характерным не для цивилизации, а для варварства,—кровожадность и садизм, связанные с почитанием племенного бога,—от которых они, казалось, освободились сотни лет назад. Все это заметно увеличивает ряды тех, кто думает, что кое-что может быть сказано в пользу парадоксального утверждения советского коммунизма, что он в моральном отношении, так же как и в экономике и в политической науке, занимает ведущее место в мире.

Ораторы советского коммунизма защищают свое отношение к религии и по другим причинам. Они заняты колоссальной задачей поднятия на более высокий уровень цивилизации не только городских рабочих, но и огромной массы варварских и даже диких народов отсталых районов СССР—совершенно лишенных письменности рас Арктики или Среднеазиатских гор, кочевых племен, охотников и рыболовов, разбросанных по северной и восточной Сибири, а также медлительных и упрямых крестьян отдаленных глухих деревень великой равнины. Примитивный человек так прочно держится за свои суеверия и веру в сверхъестественное, унаследованную от своих варварских предков, что в СССР все еще остается проделать большую работу, чтобы вырвать из умов этих отсталых народов их традиционные и вошедшие в поговорку верования и обычаи, которые препятствуют усвоению научных методов производства и мешают распространению гигиенических мероприятий по предупреждению и лечению заболеваний. Руководство СССР

поэтому чувствует себя вправе советовать, а народные комиссары—отдавать распоряжения об исключении из школ и газет всяких моментов одобрения веры в сверхъестественное и о замене этого полным внедрением науки во все жизненные отношения, наряду с поощрением и поддержкой тех изысканий, от которых можно ожидать научного прогресса. И все это, как мы показали в другом месте, применяется не только к изучению физических и биологических фактов, но и к научному изучению социальных учреждений и человеческому поведению.

Возникновение коммунистической совести

Но одной науки как в области раскрытия истины о вселенной, так и в области уничтожения неправильных представлений самой по себе недостаточно для спасения человечества. Если научные знания должны быть поставлены на службу человечества, то, кроме них, должна иметься определенная целеустремленность человеческих усилий, включающая в себя понимание добра и зла, воплощенное в лозунге хорошей жизни. Нам незначительно повторю описывать эту целеустремленность и повторять наш анализ кодекса поведения, вытекающего в качестве новой совести¹ из повседневного опыта жизни при советском коммунизме.

Наиболее отличительной чертой этой новой морали, находящейся в резком контрасте с моралью капиталистических обществ, является признание всеобщего долга отдельного индивидуума перед обществом. Ни один человек не достигает зрелости без того, чтобы не накопить за собою значительного личного долга перед обществом, в котором он родился и воспитывался. Этот долг составляется из расходов на его воспитание и образование. Этот долг должен быть выплачен конкретной личной работой руками или мозгом. Более того, в течение всей жизни, пока человек трудоспособен, он считается обязанным использовать на служение обществу те способности, которые он от него получил. Каждое лицо, которое пренебрегает этим или отказывается выплачивать свой долг путем участия, соответственно своим способностям, в удовлетворении потребностей настоящего или будущего поколений, считается

¹ Не оправдано современное представление о том, что слово «совесть» относится к какому-то сверхъестественному откровению, или предположение о том, что оно подразумевает заповедь божества. «Новый английский словарь» в почти четырех колонках цитат и извлечений не находит этого обычая. Епископ Свифт проповедывал, что «слово совесть правильно означает то знание своих собственных мыслей и желаний, которые человек носит в самом себе» («Сочинения», 1745, т. 8, стр. 233). Условия и характер появления этого слова см. в книге *Дж. Г. Бристеда*, *Зарождение совести*, Нью-Йорк 1932.

вором, и с ним будут поступать, как с таковым. Начать с того, что всюду и всегда он будет встречать открытое неодобрение своих товарищей. Если он не перестанет лениться и быть халатным, если его пример окажется заразительным или же если он при этом проявит небрежное отношение к делу, вызывающее порчу машин или материала, его, быть может, придется изолировать для соответствующего исправления. Но в душевных заболеваниях, не в меньшей степени, чем в физических, профилактика лучше лечения. Считают, что поощрение хороших привычек даже больше влияет на выработку добродетельного поведения, чем порицание дурных. Отсюда вытекает, что правящие классы Запада считают почти сумасбродным исключительное развитие воспитательной работы в Советском Союзе, от яслей до научно-исследовательских институтов. Отсюда принятие схемы оплаты труда в зависимости от его общественной полезности и постоянное продвижение от низших категорий к более высоким. Отсюда также побуждение к добавочным усилиям в ударной бригаде, постоянно усиливаемое социалистическим соревнованием и публичным чествованием, публичным осмеянием и публичным опозориванием, наряду с помощью и покровительством слабым или неумелым со стороны сильных и умелых. Вся эта обдуманная работа по созданию добродетельного поведения сочетается с постоянным применением принципов их оценки и огласки, которые таким образом используются для стимулирования навыков хорошей жизни.

Это требование покрытия индивидуального долга, как основа добродетели, уравнивается настоятельным требованием выполнения своих корпоративных обязательств каждой группой или организацией в качестве общественного учреждения. Будь это сельский совет или Всесоюзный съезд, заводской комитет или промышленный трест, сельский кооператив или большой Центросоюз, самый мелкий колхоз или ведомство, руководящее всей внешней торговлей СССР, соответствующей группе граждан всегда разъясняют необходимость выполнения перед обществом своих обязательств, для выполнения каковых, а не для осуществления своих собственных прав, и была призвана к жизни эта корпоративная единица. Интересно констатировать в числе этих корпоративных обязательств каждого социального учреждения в СССР не только максимальное выполнение своих частных технических задач, но и признание и поддержание общих принципов советского коммунизма. Упомянем еще о широчайшем осуществимом участии всех граждан в общественной работе и в выполнении всех корпоративных функций; о развитии многообразия структуры в зависимости от обстоятельств, вместо того чтобы придерживаться жестко предписанного однообразия; и об искреннем принятии правила

универсализма, независимо от пола или расы, влияния или официального положения.

Именно эти выдающиеся черты возникающей морали советского коммунизма, кажется нам, отличают его от всех других цивилизаций. В частности, именно эти черты позволяют коммунистической морали требовать большего, чем аккуратное и точное выполнение долга. В сферу этой морали включено также требование не только возможности для всех наслаждаться жизнью, но и равных возможностей отдыха для индивидуального его использования. Важной составной частью лозунга хорошей жизни в СССР является требование, чтобы каждое лицо фактически имело возможность заниматься тем трудом, который оно считает соответствующим его способностям и который оно для себя выбирает, потому что это ему больше нравится. Труд, заявляют большевики, перестал быть постоянным мучением низшего класса или расы и должен стать делом чести и радости для каждого члена общества. С этой целью, даже в большей степени, чем с целью добиться аккуратного выполнения долга, Ленин основывал хорошую жизнь на социальном равенстве среди изобилия. Если эта идея кажется фантастической и утопичной, то сам по себе этот мелкий факт отмечает пропасть между двумя цивилизациями.

Синтетическое единство

Предшествующая сводка главных отличительных черт советского коммунизма демонстрирует, по меньшей мере, его контраст с западной цивилизацией. Но образуют ли эти отдельные характерные черты такой синтез, который было бы правильно считать новым образом жизни, отличным от того, которому следуют другие цивилизованные общества? Мы считаем, что образуют.

Характерные черты советского коммунизма, которые мы перечислили друг за другом, обнаруживают, если мы возьмем их в совокупности, отчетливое единство, само по себе находящееся в резком контрасте с распадом западной цивилизации. Кодекс поведения, основывающийся на службе обществу на началах социального равенства и на максимальном развитии здоровья и способностей каждого индивидуума, гармонизирует с уничтожением эксплуатации и стимула наживы и с сознательным планированием производства для общественного потребления; оба же эти момента полностью согласуются с тем универсальным участием в многообразной администрации, которое характеризует советскую систему. Экономическая и политическая организация, и с ними этический кодекс, в равной мере основаны на искренней уверенности в благодетельных по-

следствиях от ознакомления каждого гражданина со всем тем, что известно о вселенной, включая и человеческую природу, иными словами, они основаны на науке, истолковываемой диалектически, при отказе от всяких сверхъестественных чудес или мистической веры в продолжение личной жизни после смерти. Почитание бога заменено службой человеку.

Мы можем мимоходом отметить, что синтетическое единство новой цивилизации СССР, независимо от того, можно ли сказать, что оно в какой-либо степени вызвано географическими или расовыми факторами, по меньшей мере, гармонирует с ними. Огромная, монотонная и на вид безграничная степь, скудно заселенная и лишь клочками обрабатываемая, с ее продолжительными зимними холодами и тьмой, несомненно оказывает влияние на различных ее обитателей в сторону тяготения к общему единству и той или иной форме коллективизма, ко взаимной помощи, к добровольному сотрудничеству к беспрестанному обсуждению на сельских собраниях и к принятию централизованного руководства от призвания водительства.

Распадающийся капитализм

Это синтетическое единство различных характерных черт советского коммунизма явно и сильно отличается от борющихся между собою «противоречий», которые влекут за собой систематическое разочарование в современной западной цивилизации. Почему поразительный рост производительности труда, вытекающий из приложения современной науки к промышленности и к сельскому хозяйству, должен был привести во всех капиталистических странах к парадоксальному росту нищеты среди изобилия; почему изобретения нужно в одно и то же время поощрять и не применять; почему науку нужно в одно и то же время поощрять и тормозить; почему капиталистические производственные организации должны закрывать заводы, шахты, прекращать строительство и, как правило, уничтожать ненужное изобилие своих урожаев, в то время как миллионы людей недоедают, не имеют достаточно одежды и жилищ и все же не могут получить оплачиваемой работы и, таким образом, не могут сделать «эффективным» свой спрос на товары; все эти противоречия, имманентные развитию капитализма в последний период, оскорбляют разум и все же, повидимому, препятствуют реформам. Эти противоречия замечены и теми, кто не затронут коммунистической пропагандой. Такое лицо, как главный врач британского правительства, недавно сказала нации, что «безработица, недоедание, болезни и несчастные случаи, которые можно было бы предупредить, кажутся неизбежными спутниками современной цивилизации в Западной Европе в настоя-

щее время»¹. Ведь это американский технолог заявляет, что «новая машина, которая может облегчить человеческую участь, это не зло, а благословение для человечества. Идея, которая увеличивает производительность на заводе или в учреждении, которая позволяет одному человеку без добавочных усилий делать работу двоих, сама по себе не вредна для общества. Использование этих машин без учета человеческих потребностей—вот что привело нас к нынешнему ужасному и опасному положению»².

Это—не единственная форма, которую принимают противоречия. Капиталистический предприниматель, торговец или финансист обычно поддерживает церковь и даже присутствует на богослужении; но его здравый смысл и деловой опыт останавливают всякую попытку с его стороны приноровить свою погоню за прибылью (которую конкуренция делает безжалостной и даже разрушительной для нации) к проклятиям пророков и к заповедям милости, снисхождения и братской любви ко всем людям, к тем заповедям, которые он благочестиво слушает по воскресеньям и которым государственные деятели, которых он поддерживает, продолжают оказывать уважение, для многих из них, быть может для большинства, неискреннее. «Невозможен компромисс,—цитируем слова профессора Тауни,—между церковью Христа и идолопоклонством перед богатством, которое фактически является религией капиталистических обществ, как был невозможен компромисс между церковью и государственным идолопоклонством Римской империи... Вся эта система appetitов и ценностей, со своим обожествлением жизни, смысл которой—урвать про запас и запастись, чтобы урвать, система, которая теперь, в час ее торжества, в то время как аплодисменты толпы еще звучат в ушах гладиаторов и лавры еще не увяли на их головах, временами, кажется, оставляет вкус пепла на устах цивилизации, которая привела к захвату материальных ресурсов, неслыханному для прежних веков, но которая еще не научилась овладеть сама собой»³. Более того, самодержавное положение владельцев средств производства как нанимателей, так и помещиков и финансистов, наряду с растущим неравенством в богатстве и наслаждениях, день ото дня становится все менее совместимым с требованиями парламентарной демократии, точно так же как и парламентарная демократия и христианство, каждое из них в отдельности, оказались несов-

¹ Годовой отчет за 1933 г. главного врача министерства здравоохранения и управления просвещения, под названием «О состоянии общественного здоровья», изданный сэром Джорджем Ньюмэн, стр. 254; см. также *Мак-Нэлли*, Общественное нездоровье, 1935.

² *Ирвинг Флам*, Проблема технологической безработицы в Соединенных штатах, в «Международном обозрении труда», март 1935, стр. 347.

³ *Р. Х. Тауни*, Религия и развитие капитализма, 1926, стр. 286—287.

местимыми с тем империализмом, выражающимся в эксплуатации подчиненных рас, к которому теперь усиленно стремится капитализм; государственные же деятели, капиталисты и духовенство в равной мере сознают, что их страны беспомощно несутся к новой мировой войне, очевидно, вследствие того самого распада, который характеризует их общую цивилизацию. «Рост цивилизации, известный до сих пор истории,—сказал один проникательный ученый, изучающий как нынешние, так и прошлые периоды истории¹,—всегда... шел по кривой. Энергия и созидательность вызывают то, что кажется нам движением вверх в человеческом обществе до тех пор, пока достигается пункт, при котором дальнейшее движение в этом направлении становится невозможным, если только небольшое цивилизованное меньшинство не обнаруживает готовности разделить как материальные блага, так и психологию цивилизации с расположенными ниже их массами. Ни одно цивилизованное меньшинство до сих пор не обнаруживало готовности принести необходимые жертвы, и результатом всегда являлась борьба в сердце цивилизации и общества; движение вверх немедленно останавливается; ворота снова открываются для варваров; кривая падает, а цивилизация блекнет и умирает... Мы переживаем один из этих периодов борьбы и цивилизации».

Закончим эту краткую сводку противоречий, присущих цивилизации Западной Европы, менее пессимистическим предсказанием одного американского мыслителя по поводу грядущей революции в его собственной стране². «Было бы приятно иметь возможность предсказать, что те, кто находится у власти, сразу станут мудрыми, умелыми и решительными, что старые правящие классы грациозно склонятся перед неизбежным, что не последует ни насилия, ни гражданской война, что начнет плавно функционировать система общественного планирования, которая почти сразу же реализует все благодетельные возможности технической цивилизации. Если все это произойдет так безболезненно, то это будет первый случай в истории, чтобы социальная революция была завершена изящно и быстро. Гораздо более вероятно, что наступит продолжительный период смуты и неуверенности, умеренные беславно падут и последует борьба, размах налево и реакция. Это будет период страшных неудобств, героизма, смешанного с низостью, неуклюжих попыток человеческих существ медленно приспособиться к новым условиям жизни. Исходом, вероятно, будет окончательная ликвидация власти частных лиц на средства производства, используемой для извлечения прибыли, и возможность для обществен-

¹ *Леонард Вульф*, Шарлатанство, 1935, стр. 165—166.

² *Джордж Саул*, Грядущая американская революция, 1934, стр. 303..

ного руководства на опыте выучиться своему делу. Это не будет утопия. Совершенное общество никогда еще не выходило из революции. Это будет просто процесс приспособления человечества к новой фазе, необходимость которой обусловлена его же эволюцией. Новое общество будет состоять из мужчин и женщин, связанных новыми узами товарищества и продолжающих свой путь в неизвестное».

Удержится ли советский коммунизм

За первые четыре или пять лет советской революции, во время гражданской войны и голода, все правительства мира считали, что большевистское правление исчезнет и его заменит либо возвратившийся царизм, либо одна или несколько парламентарных республик. Даже семь лет назад, после формального признания Советского Союза многими правительствами мира, господствовало мнение тех, кто был уверен в предстоящей вскоре ликвидации советского коммунизма. Считали, что пятилетний план окончится чудовищным провалом, что огромные плотины и электростанции, так же как и гигантские новые предприятия, обречены на бездействие в степи, подобно пирамидам в пустынях Египта; что займы, заключенные за границей, никогда не будут оплачены и что иностранные специалисты покинут страну, когда им перестанут платить жалованье. Ныне даже самый злой враг не станет отрицать того, что советская промышленность является действующим и даже постоянно увеличивающимся концерном, или того, что все больше фабрик и электростанций, школ и технических институтов, новых городов и возделанных земель появляется по обе стороны Урала на всем протяжении от Балтийского моря и до Тихого океана. Признают, что дороги, каналы и новые железнодорожные линии распространяются во всех направлениях от Полярного круга до гор Центральной Азии и Черного моря, а гражданская авиация уже получила в Сибири такое же значение, как в Западной Европе. По поводу полного успеха коллективизации и механизации сельского хозяйства в известных кругах все еще могут существовать некоторые сомнения. Но опыт последних трех урожаев, видимо, оправдывает заявление советского правительства о том, что первоначальные трудности этой гигантской переделки преодолены. Действительно, мало причин сомневаться в том, что общий сбор продовольственных продуктов и таких специальных культур как хлопок, чай, лен и сахарная свекла, быстро увеличивается. Каждый советский гражданин может уже иметь столько пищи, за сколько он может заплатить—великое дело для русского,—а что он в состоянии платить не только за пищу, но и за многое другое, доказывается полным отсутствием выну-

жденной безработицы и быстрым увеличением сбыта популярных предметов роскоши. Даже на банкиров Лондона и Нью-Йорка производит впечатление тот факт, что оплата советских долгов впервые производится отечественным золотом, закупки же все в большей степени совершаются предпочтительнее за наличный расчет по получении товара, чем на обременительных кредитных условиях.

Кроме этой мирной деятельности, даже враги советского коммунизма предупреждают нас об этом, несмотря на его мнимую неэффективность, он создал хорошо вооруженную, высокодисциплинированную и широкомеханизированную миллионную армию и, больше того, самую крупную в мире бомбардировочную авиацию. Перемена во мнениях правительств относительно СССР знаменуется рядом посещений Москвы министрами иностранных дел одного государства за другим, склонявшихся к заключению пактов взаимопомощи с Советским Союзом; эта перемена выразилась также в принятии Советского Союза в Лигу наций на основе фактически единодушного приглашения. Никто не может предвидеть, что ждет любое правительство Европы или Азии в случае большой войны. Большевицское правительство выказывает настойчивое стремление сохранить мир на земном шаре; и это может быть необдуманно истолковано как признак слабости. С другой стороны, становится очевидным, что правители огромных территорий, располагающих большими воздушными флотами,—таких территорий как СССР и США,—имеют преимущества в конфликте с меньшими и более плотно населенными странами, как Япония и Великобритания, Германия и Польша и другие европейские государства. Коротко говоря, жизнеспособность Союза Советских Социалистических Республик, будь то во время мира или во время войны, оценивается ныне по меньшей мере так же высоко, как жизнеспособность любой из великих держав.

И здесь мы слышим, как заинтересованный читатель спрашивает нас: «Распространится ли советский коммунизм?» Распространится ли эта новая цивилизация, отбросившая стимул наживы, покончившая с безработицей, планирующая производство для общественного потребления и ликвидировавшая, следовательно, помещика и капиталиста, распространится ли она и на другие страны? Наш ответ гласит: «Да, распространится». Но как, когда, где, с какими изменениями, посредством насильственной революции, мирного проникновения или даже сознательного подражания,—это вопросы, на которые мы ответить не можем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА VII

	<i>Стр.</i>
<i>Ликвидация помещиков и капиталистов.</i>	<i>7</i>
Крестьянство ликвидирует помещиков. Экспроприация капиталистов. Гражданская война и иностранное вторжение. Военный коммунизм. Голод 1921 г. Новая экономическая политика. Преследование интеллигенции. Процесс «промышленной партии». Процесс меньшевистской профессуры. Декларация Сталина. Процесс инженеров «Метро-Виккерс». Убийство Кирова. Ликвидация кулачества. Деятельность ЧК и ОГПУ. Организация ОГПУ. Конструктивная работа ОГПУ. Прокуратура СССР. Трехдневная революция.	

ГЛАВА VIII

<i>Плановое производство для общественного потребления.</i>	<i>75</i>
Как выросло планирование? Эпизод с рабочим контролем. Результаты рабочего контроля. Высший совет народного хозяйства. Возникновение генерального плана. Красинское обоснование планирования в 1920 г. Развитие планирования на опыте. Госплан как плановый орган. Как вырабатывается план. Предварительный план. Главная цель советского планирования. Коллективизация и механизация земледелия. Коэффициент роста. Распределение государственных доходов между текущим потреблением и капитальными вложениями. Государственная оборона. Развитие технического обучения. Здравоохранение и обеспечение жильем. Предусматривание достаточных резервов. Финансы. Окончательный план. Эффективность планового хозяйства. Результаты планирования. Мировое мнение о плане. Мнимая невыполнимость	

плана. Необходимость плана. План исключает как подъемы, так и кризисы. Уничтожение вынужденной безработицы. Отвлеченная критика планового хозяйства со стороны экономистов. Ответ коммуниста на критику экономиста-дедуктивиста. Как может быть опрокинут генеральный план. Закон убывающего плодородия. «Но планирование означает рабство». Контроль со стороны потребителей вместо контроля со стороны производителей. Контроль граждан там, где не действует контроль потребителей. Предполагаемое «принуждение потребителя». Большая свобода выбора.

ГЛАВА IX

Вместо наживы. 165

Грандиозность задачи. Обновление старых побудительных стимулов. Неравенство ставок зарплаты. Расценка на сдельные работы. Нормировщики. Разряды заработной платы. Оплата по общественной полезности. Арбитражный аппарат. Угроза иностранной конкуренции. Самостоятельный труд против наемного труда. Индивидуальные формы самостоятельного труда. Обработка земельных участков. Самостоятельный труд в производственных артелях (промкооперативах). Самостоятельный труд на коллективных фермах (в колхозах). Сложная система поставок продовольствия по договорам. Базар. Социалистическое соревнование. Шефство или попечительство. Ударники. Хозяйственно-расчетные бригады. Субботники или добровольцы труда. Обязанность перед обществом. Общественная работа в СССР и за границей. Общественные почести и порицание. Советские ордена. Общественное порицание. Поощрение рабочих предложений и изобретений. Разнообразие в выборе работы. Самокритика. Всеобщий учет. Улучшение отчетности. Коммунистические недостатки и достижения. Дорогая стоимость опытов. Излишество контроля. Где «капитаны промышленности»? Что заменяет наживу. Инициатива и риск. Кто участвует в производстве?

ГЛАВА X

Переделка человека. 264

Женщина. Материнство. Охрана младенчества. Предохранение от беременности. Аборты. Созидание здоровья. Аппарат здравоохранения. Финансирование здравоохранения в СССР. Медицинский персонал. Больница. Амбулатории и диспансеры. Медицинские пункты на предприятиях. Медицинская помощь на селе. Работа «летучих отрядов». Борьба против туберку-

леза. Ночные санатории. Скорая помощь. Научная работа. Городок медицинской науки. Экономическая обеспеченность. Развитие системы экономического обеспечения. Отличительные черты советского страхования. Пособия на погребение. Пособия по болезни. Инвалидность и пособия по престарелости. Пособия по охране материнства. Пособие по безработице. Другие преимущества, предоставляемые социальным страхованием. Дома отдыха и санатории. Касса взаимопомощи. Недостатки системы соцстраха. Подготовка к жизни. Всеобщее обучение. Политехнизация. Организация отдыха. Физкультура. Политическое просвещение. Художественная культура. Музеи и картинные галереи. Театр и балет. Музыка. Литература. Отдых и развлечения. Понятие культуры. Цивилизация народа в целом. Недостатки образования. Переделка окружающего. Жилищное дело. Планирование городов. Коммунальные услуги.

ГЛАВА XI

Спасение человечества — в науке. 395

Борьба с природой. Организация научных исследований. Организация научного центра внутри Госплана. Будущее направление планирования. Как планируются и осуществляются исследования. Академия наук. Коммунистическая академия. Всеобщее участие в исследованиях. Работа различных научно-исследовательских учреждений. Математика и физика. Сырье и процессы производства богатства. Сельское хозяйство. Генетика. Борьба за здоровье. Центральный институт рентгенологии. Ленинградский институт мозга. Ленинградский институт экспериментальной медицины. Московский институт эндокринологии. Кампания против ревматизма. Центральный аэро-гидродинамический институт. Разведывательные экспедиции. Неравномерность внимания к различным областям науки. Наука о поведении человека. Болезненная ортодоксальность. Антирелигиозность.

ГЛАВА XII

Хорошая жизнь. 465

В погоне за изобилием. Для всего населения. Передовая промышленность. О социальном равенстве. Бесклассовое общество. Принудительное окружение. Законодательные ограничения. По плану или без плана. Свобода богатых на Западе. В чем свобода? Единство действий и независимость мышления. Разрешение проблемы. Эволюция коммунистической этики.

Отсутствие сознания первородного греха. Отсутствие абсолютной морали. Постоянное служение обществу. Уплата долга. Укрепление здоровья. Отношения между полами. Проституция. Чего «нельзя». Личное стяжание. Долг члена партии. Каждому по потребностям. Этический прогресс в СССР. Отмирание государства. Учет и гласность. Всеобщая проверка. Организация общественного мнения. Товарищеские суды. Противоречивые тенденции в международной политике. Мировая революция. Третий Интернационал. Первоначальный успех Коминтерна. Советский Китай. Реконструкция Советской России. Международные конференции. Социализм в одной стране. В чем состояли разногласия. Четыре аргумента троцкистов. От войны к миру. Разрушительная тактика Коминтерна. Новая ориентация 1935 г. Единый фронт сверху. «Приказы из Москвы». Новый мировой строй.

ЭПИЛОГ

<i>Новая</i>	<i>цивилизация?</i>	<i>563</i>
Уничтожение наживы. Планирование производства для общественного потребления. Социальное равенство и универсализм. Новая система представительства. «Призвание водительства». Культ науки. Антирелигиозность. Возникновение коммунистической совести. Синтетическое единство. Распадающийся капитализм. Удержится ли советский коммунизм?		

Редактор *А. Львов.*
Техред *О. Прохорова.*
Корректора *С. Шихманова* и *З. Пупол.*

Сдано в набор 16/III 37 г. Подписано в печать 28/VIII 37 г.
Тираж 10 000 экз. ОГИЗ № 1912. Заказ № 536. Формат бумаги 62х94^{1/16}.
37 п. л. 33 500 зн. в п. л. Уполн. Главлита Б-28 303.
Цена книги 7 р. 50 к. Переплет 1 р. 50 к.

16-я тип. треста «Полиграфкнига», Москва, Трехпрудный, 9.